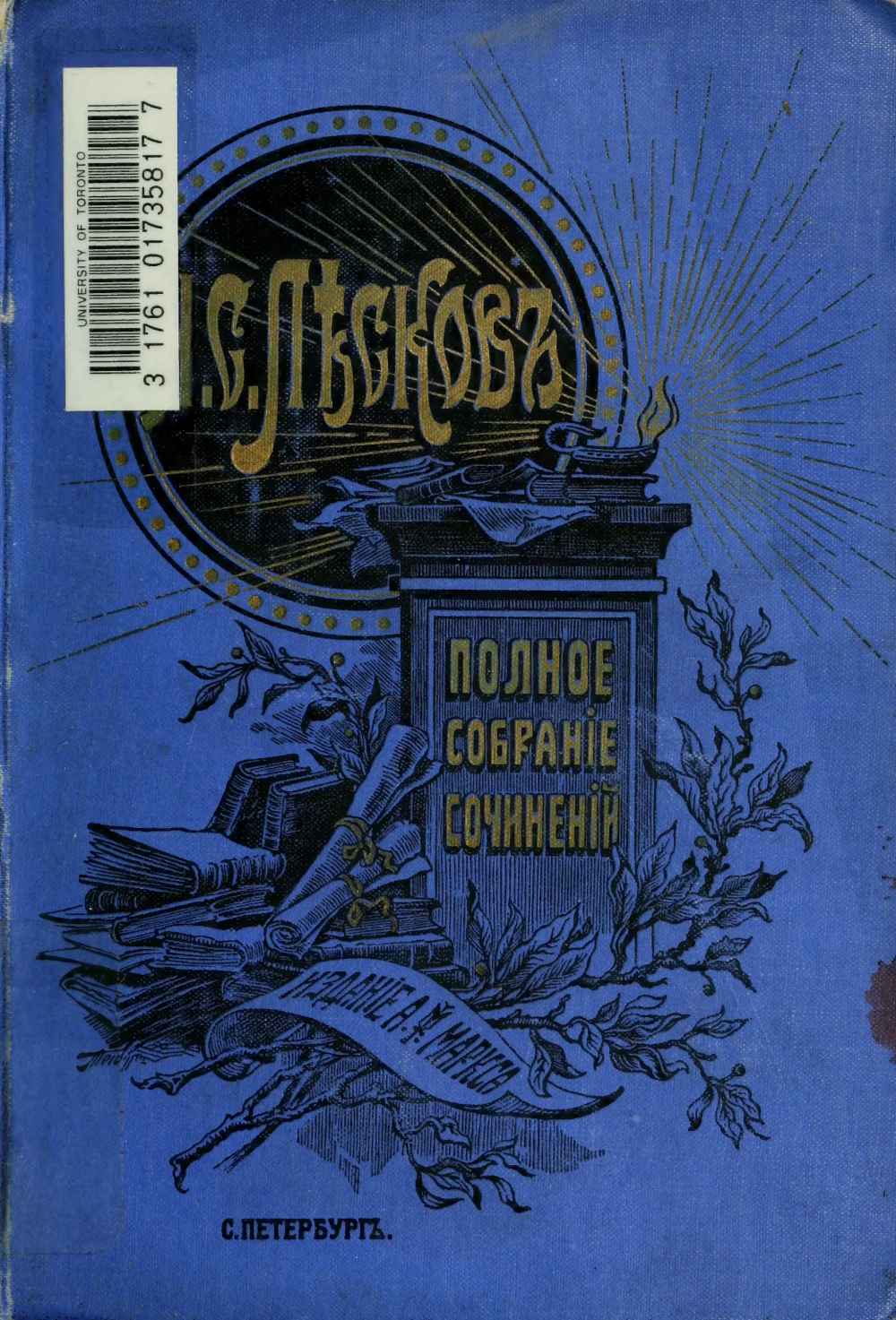
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01735817 7



С.ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/polnoesobranieso34v36lesk

Leskov, Nikolai Semenovich

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Н. С. ЛѢСКОВА.

Polnoe sobranie sochineny

izd. 3

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Семенгковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

t. 34-36

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

551841
27.10.52

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

SEEN BY PRESERVATION SERVICES

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

ПОЛУНОЩНИКИ.

(ПЕЙЗАЖЪ И ЖАНРЪ.)

«Парки бабье лепетанье,
Спящей ночи трепетанье,
Жизни мышья бѣготня».
Пушкинъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

...Я былъ грустно настроенъ и очень скучалъ. Уѣхать изъ города на лѣто было еще рано, и мнѣ посовѣтовали сдѣлать непродолжительную прогулку съ цѣлью увидѣть новыя, непримелькавшіяся лица. Я сдался на убѣжденія моихъ друзей и поѣхалъ. Я не зналъ никакихъ порядковъ города, куда держалъ путь, ни нравовъ людей, съ которыми мнѣ тамъ придется встрѣтиться, но фортуна начала благопріятствовать мнѣ съ перваго шага. На первыхъ же порахъ во время путешествія я нашелъ услужливыхъ и опытныхъ людей, которые дѣлали это путешествіе уже не первый разъ, и они научили меня, гдѣ надо пристать и какъ себя пристойнѣе держать. Я все принялъ къ свѣдѣнію и остановился тамъ, гдѣ останавливаются всѣ, кого влечетъ сюда призваніе. Учрежденіе это не отель и не гостиница, а оно совершенно частный домъ, приспособленный сообразно вкусу и надобностямъ здѣшнихъ посѣтителей, и называется онъ — «Ажидація».

Мнѣ досталась маленькая комната. Выбирать помѣщеній здѣсь не принято, а равно не принято и претендовать на ихъ относительныя неудобства. Это все человѣкъ узнаетъ

еще во время короткаго переѣзда. Всякій помѣщается здѣсь на томъ мѣстѣ, какое ему отведутъ; а что кому надо отвести—это сразу опредѣляетъ проницательное око очень бойкой женщины, которую называютъ «риндательша»; если же нѣтъ на мѣстѣ самой «риндательши», тогда сортировкою посѣтителей занимается состоящая при ней подручная ключница. Обѣ онѣ, повидимому, благороднаго происхожденія, или, по крайней мѣрѣ, это дамы, которыя достаточно видѣли свѣтъ и имѣютъ о немъ надлежащее понятіе. Нынѣшній солидный возрастъ обѣихъ дамъ, кажется, долженъ бы хранить ихъ отъ всякаго злоязычія, а здравый смыслъ и благочестіе начертаны на ихъ лицахъ, хотя, впрочемъ, довольно различными пошибами. Ликъ «риндательши» ударяетъ въ сухой, византійскій стиль, а ключница съ дугообразными бровями принадлежитъ итальянской школѣ. Обѣ эти женщины несомнѣнно умны и относятся къ разряду тѣхъ, о которыхъ сказано: «ихъ же не оплетеши». Другъ другу онѣ улыбались какъ друзья, но въ глазахъ ихъ, казалось, свѣтились какія-то иныя чувства, совсѣмъ несхожія съ искренней дружбой. Наблюдательный человѣкъ могъ подумать, что этихъ женщинъ связываетъ какъ будто какое-то взаимное опасеніе.

Въ ихъ необыкновенномъ домѣ господствуетъ система какъ къ нимъ «привалитъ» публика, или, какъ ее называютъ—«толпучка», дамы встрѣчаютъ гостей и тотчасъ же ихъ сортируютъ; знакомыхъ лицъ онѣ прямо размѣщаютъ по извѣстнымъ комнатамъ, а незнакомыхъ подвергаютъ предусмотрительному разбору, послѣ чего каждый ожидатель получитъ въ «Ажидаціи» такое помѣщеніе, какого онъ заслуживаетъ *).

Для этого прежде всего всѣхъ ожидателей сначала «собьютъ въ уголъ къ Владычицѣ». Здѣсь «въ ажидаціи» немножко помолятся передъ большимъ образомъ, а ихъ въ это время расцѣнятъ и разсортируютъ.

Довольно большой домъ въ два этажа составляетъ одно помѣщеніе — «для ожидающихъ». Дѣло, очевидно, ведется очень просто, но основательно: въ особѣ ключницы сосредо-

*) Слово «Ажидація» здѣсь употребляется въ двухъ смыслахъ: а) какъ названіе учрежденія, гдѣ «ожидаютъ», и б) какъ самое дѣйствіе ожиданія. Въ одномъ случаѣ оно пишется съ прописной буквы, а въ другомъ—со строчной.

точена большая экономическая сила и исполнительная полицейская власть.

Сила нравственная и политическая находится въ рукахъ самой «принадельши». Остальной домашній штатъ «Ажидаціи» состоитъ изъ услуживающихъ лицъ женскаго пола, которыя находятся почти въ постоянныхъ побѣгушкахъ. Кромѣ того есть «куфарка». Весь этотъ подборъ принадлежитъ къ служебнымъ типамъ самаго низшаго сорта. Впрочемъ, у «куфарки» есть драповая тальма, въ которой она, должно-быть, служила еще «генералу», — теперь она ее соблюдаетъ больше для важности, и показывается въ ней публикѣ, или «толпучкѣ».

Мужчинъ усматривается двое: одинъ стоитъ при дверяхъ въ нижнемъ этажѣ, а другой сидитъ у окна въ концѣ коридора за шкафикомъ.

Первый производитъ впечатлѣніе придурковатаго простачка; второй—бойкій жохъ изъ отставныхъ военныхъ.

Размѣщеніе въ «Ажидаціи» отлично приноровлено къ ожидательской цѣли. Въ обоихъ этажахъ вдоль всего зданія идетъ посреди̇нѣ коридоръ, а по сторонамъ — стойлицы.

Это «номера для ожидателей». Здѣсь не называютъ: «пріѣзжающіе» или «прибывающіе», а «*ожидающіе*». Это солиднѣе и соотвѣтственнѣе.

Коридоры наверху и внизу просторны и свѣтлы. Въ концѣ каждаго изъ нихъ по окну. Коридоръ нижняго этажа содержится въ посредственной чистотѣ. Особенной чистоты нѣтъ,—ее здѣсь и не убережешь, потому что сюда входятъ прямо съ надворья и тутъ же раздѣваются и обтираютъ обувь. Тутъ же и печурка, гдѣ ставятъ самовары, и ходъ въ кухню, откуда пахнетъ грибнымъ и рыбнымъ. На одной изъ стѣнъ большой образъ Владычицы и рядомъ поменьше образъ, передъ нимъ лампада, аналой и на полу вытертый коврикъ, а напротивъ деревянная скамья со спинкой, изъ такъ-называемыхъ твердыхъ диванов̇ъ.

Въ разныхъ мѣстахъ фотографическіе и печатные портреты одного и того же духовнаго лица.

Съ прихода всѣ ожидатели идутъ къ Владычицѣ и молятся, или, какъ говорятъ, «припадаютъ». Затѣмъ всѣхъ разводятъ въ ихъ номера.

Знакомые имѣютъ номера излюбленные, которые какъ

бы всегда состоять за ними. Изъ нихъ нѣкоторые даже и не «припадаютъ» въ коридорѣ, а поздоровавшись съ хозяйками, прямо проходятъ въ «свои номера». Имъ только говорятъ:

— Пожалуйте.

Другихъ, «которые первенькіе, но почище», водворяютъ по усмотрѣнію въ свободныхъ номерахъ перваго и второго этажа.

Это—аристократія необыкновеннаго дома.

Они получаютъ распредѣленіе скоро. Имъ нѣтъ нужды ждать, пока размѣстятъ всѣхъ остальныхъ. Прочихъ ключница беретъ и ведетъ въ общую.

У одного изъ оконъ нижняго коридора за маленькимъ желтымъ шкафикомъ помѣщается отставной военный съ очень серьезнымъ выраженіемъ. Возлѣ него на табуретикѣ сидитъ ребенокъ, мальчикъ лѣтъ девяти, имѣющій въ чертахъ большое сходство съ военнымъ. Передъ мальчикомъ куча вскрытыхъ конвертовъ, съ которыхъ онъ смачиваетъ слюнами марки и переклеиваетъ ихъ въ тетрадь. Дѣлаетъ онъ это скоро и ловко и съ замѣчательною, не дѣтскою серьезностью, которою, повидимому, очень заинтересована стоящая возлѣ него кухарка въ драповой тальмѣ. Она долго на него смотритъ и наконецъ вздыхаетъ и говоритъ:

— Прелесть какъ ловко,—лапочки будто у мышеночка—такъ и виляютъ!

Отецъ этого прилежнаго отрока, очевидно, имѣетъ здѣсь довольно серьезное значеніе и сидитъ прочно на дебеломъ стулѣ, подъ которымъ постланъ мягкій ковликъ. Военный просматриваетъ какія-то записки и что-то выкладываетъ на маленькихъ счетахъ; но это его не вполнѣ поглощаетъ: онъ все видитъ и слышитъ; мимо него никто не пройдетъ, чтобы онъ не увидѣлъ и не повелъ на него глазомъ и усами.

Шкафикъ у него покрытъ черною, запачканною клеенкою, на которой стоитъ чернильница съ гусинымъ перомъ и лежатъ нарѣзанные листки бумаги.

Въ серединѣ въ шкафѣ есть чистыя поминальныя книжки, лампадное масло, восковыя свѣчи и ладанъ, а также какія-то брошюрки и фотографическіе портреты меньшаго и большаго размѣра.

Воинъ этотъ человѣкъ солиднаго вѣка и, несомнѣнно, очень твердаго характера.

Прислуга дала ему прозваніе «балыкъ».

Номера нижняго этажа «Ажидаціи» всѣ немножечко съ грязцой и съ кисловатымъ запахомъ, который какъ-будто привезенъ сюда изъ разныхъ мѣстъ крѣпко запеченнымъ въ пирогахъ съ горохомъ. Всѣ «комнатки», кромѣ двухъ, имѣютъ по одному окну, съ худенькими занавѣсками, расщипанными дырками по серединѣ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ удобно можно сколоть булавками. Меблировка скудная, но, однако, въ каждомъ стойлицѣ есть кровать, вѣшалка для платья, столикъ и стулья. Въ двухъ большихъ комнатахъ, имѣющихъ по два окна, стоитъ по скверному клеенчатому дивану. Одна изъ этихъ комнатъ называется «общею», потому что въ ней пристаютъ такіе изъ ожидателей, которые не желаютъ или не могутъ брать для себя отдѣльнаго номера. Во всѣхъ комнатахъ есть образа и портретики; въ общей комнатѣ образъ значительно бо́льшаго размѣра, чѣмъ въ отдѣльныхъ номерахъ, и передъ нимъ теплится «неугасимая». Другая неугасимая горитъ передъ Владычицей въ коридорѣ.

Передъ образами въ номерахъ тоже есть лампады, которыя, впрочемъ, зажигаются при входѣ сюда ожидателей и притомъ, безъ сомнѣнія, на ихъ счетъ, такъ какъ здѣсь же есть кружка «на масло». Лампады возжигаетъ воинъ, имѣющій свой торговый постъ у шкафика.

Нѣкоторые изъ ожидателей не довольствуются огнемъ лампадъ и еще прилѣпливаютъ передъ номерными образами восковыя свѣчки. Это имъ дозволяется и даже поощряется, но не иначе, какъ тогда, когда сами ожидатели находятся въ комнатѣ и не спятъ. При выходѣ же изъ комнаты или при отходѣ ко сну, они обязаны гасить свѣчи, но лампады у нихъ могутъ горѣть во всю ночь.

Бываютъ случаи, что нѣкоторые, помолившись и легши въ постель, оставляютъ прилѣпленныя свѣчи «догорать», но «рындательша» или ея помощница непремѣнно это замѣчаютъ и сейчасъ же постучатъ рукой въ двери и попросятъ погасить.

Наблюдаютъ онѣ за этимъ тщательно и укрыться отъ нихъ никому невозможно.

Въ верхнемъ этажѣ «Ажидаціи» все чище и лучше. Коридоръ такъ же широкъ, какъ и внизу, но несравненно свѣтлѣе. Онъ имѣетъ пріятный и даже веселый видъ и служитъ мѣстомъ бесѣдъ и прогулокъ. Въ окнахъ, которыми заканчивается коридоръ по одну и по другую сторону, стоятъ китайскіе цвѣты: герань, бальзамины, волкамерія, красный лопушокъ и мыльное дерево, доказывающее здѣсь свое безсиліе противъ огромнаго изобилія моли. На одномъ окнѣ цвѣты стоятъ прямо на подоконникѣ, а у другого окна — на деревянной черной камышевой жардиньеркѣ. Вверху подъ занавѣсками—клѣтки съ птичками, изъ которыхъ одна канарейка, а другая — чижикъ. Птички порхаютъ, стучатъ о жердочки носиками и перекликаются, а чижикъ даже поетъ. Торговыхъ приспособленій здѣсь никакихъ не видно. Напротивъ, тутъ все имѣетъ претензію казаться чинно и благородно. На стѣнѣ, приблизительно въ такомъ же разстояніи, какъ и въ нижнемъ коридорѣ, помѣщается другой Владычный образъ, тоже большого размѣра и въ бѣленомъ окладѣ съ золоченымъ вѣнцомъ. Онъ въ рамѣ за стекломъ съ отвѣтинами, освѣщенъ лампадою въ три огня и передъ нимъ разостланъ на полу совершенно свѣжій ковликъ съ розовыми букетами и стоитъ аналой, а на немъ крестъ и книга. Книга и крестъ завернуты въ эпитрахиль на зеленой подкладкѣ.

Полъ коридора крашеный и блеститъ. Онъ, очевидно, вымытъ съ мыломъ и натирается воскомъ. Вдоль всего коридора довольно широкая ѣзутовая «дорожка» съ цвѣтною каемкою.

Вдоль стѣнъ противъ образа поставлено одно кресло и нѣсколько легкихъ вѣнскихъ стульевъ съ тростниковыми плетенками. Въ углахъ плевательницы.

Комнаты верхнихъ номеровъ всѣ гораздо лучше омеблированы, чѣмъ внизу. Здѣсь, кромѣ кроватей и стульевъ, есть комодики и умывальники. Нѣкоторыя комнаты передѣлены ситцевыми драпировками на-двое: одна половина образуетъ спальню, другая что-то въ родѣ гостиной. Тутъ на комодѣ туалетное зеркальце и въ углу образъ, передъ которымъ тоже можно зажигать лампаду, или, по желанію, свѣчку.

Свѣчки, однако, больные зажигаютъ сѣрые ожидальщики, которые собственно составляютъ «толпучку» и имѣютъ

остановку въ нижнихъ номерахъ, а «верхняя публика» почти всегда ограничивается однѣми лампадами.

Кислаго запаха гороховой начинки здѣсь не слышно, и только внутри комодныхъ ящиковъ пахнетъ прогорклою конторскою икрою и семгой, отъ которыхъ и остались въ изобиліи жирныя пятна.

Наверху, также какъ и внизу, есть тоже общая комната, помѣщающаяся рядомъ съ собственнымъ покоемъ «риндательши». Эта комната имѣетъ, впрочемъ, видъ гостиной. Она уставлена мягкою мебелью и имѣетъ большую образницу, въ которой много образовъ, а передъ ними опять коверъ и аналой съ крестомъ и съ книгою въ эпитрахили. Лампада горитъ «общая», и огонь ея красиво дробится въ широкомъ стаканѣ изъ мелко ограненнаго алмазной гранью хрусталя. Возлѣ образника укрѣплена и припечатана зеленая кружка для доброхотныхъ вкладовъ.

Въ комнатѣ этой ночуютъ только въ такихъ случаяхъ, если число ожидателей бываетъ больше, чѣмъ сколько есть номеровъ. Тогда здѣсь помѣщаютъ «залишнихъ ожидателей» одного пола или какое-нибудь цѣлое семейство; въ остальное же время комната эта считается «бесѣдною» и открыта для всѣхъ прибывающихъ въ домъ ожидателей.

Послѣ ранней обѣдни здѣсь ежедневно служатъ молебенъ, за которымъ всѣ могутъ молиться и подавать свои поминанья и записки. Тѣ же, которые, кромѣ общаго моленія, желаютъ такъ устроить, чтобы еще отдѣльно за себя молиться въ своемъ номерѣ, должны заявлять о своемъ желаніи особо. Ходатайство объ этомъ надо вести черезъ «риндательшу». Ключница за это не берется. Непосредственныя же просьбы объ этомъ часто не доходятъ.

Свѣчи, масло и все прочее, что нужно къ служенію, требуется наверхъ снизу, и завѣдующій этимъ хозяйствомъ воинъ подаетъ все это въ молчаніи и съ торжественной серьезностью.

Главный надзоръ за учрежденіемъ принадлежитъ самой «риндательшѣ», которая, какъ сказано, живетъ тутъ же на верхнемъ коридорѣ, въ маленькой комнатѣ, рядомъ съ «бесѣднымъ» покоемъ, а внизу правитъ дѣломъ помогающая ей ключница, которая присматриваетъ тоже за кухонной частью и за свѣчнымъ унтеръ-офицеромъ.

Обязанности у обѣихъ дамъ раздѣлены. «Рындательша» какъ собственница учрежденія, избрала себѣ часть болѣе умственную: она держитъ кормило корабля. Ей одной извѣстна ея касса и тѣ средства, которыя приходятъ въ нее ей одной открытыми путями. Она даетъ надлежащій тонъ всему своему заведенію и владѣетъ возможностью доставлять особыя душевныя утѣшенія тѣмъ, кто ихъ разумно ищетъ при ея посредствѣ.

Ея часть, такъ-сказать, генеральная, а часть ключницы, помѣщающейся внизу, болѣе обозная, узко-хозяйственная, полная мелочныхъ хлопотъ и отчасти даже непріятностей, потому что она имѣетъ дѣло съ прислугою, избранною изъ людей самаго низшаго качества, и съ ожидателями изъ того слоя общества, который называется «сѣростью». «Сѣрость», выражаемая не однимъ званіемъ и относительною бѣдностью, имѣетъ также очень грубые навыки и не всегда отличается честностью въ расчетѣ. «Рындательша» удаляется отъ всякихъ непріятныхъ столкновеній въ денежномъ родѣ и слыветъ «доброю»; но, по словамъ прислуги, она «большая скрытница» и «ужасно» требуетъ отъ ключницы охраненія всѣхъ своихъ выгодъ и интересовъ. Ключница должна прибѣгать къ разнымъ пріемамъ, чтобы все было заплачено.

«Сила вся въ ихъ рукахъ», говоритъ общій голосъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я прибылъ къ нимъ безъ всякой протекціи. Я могъ бы получить рекомендаціи, но это не входило въ мои скромные и безпритязательные планы. Я искалъ облегченія отъ тоски и томленья духа и явился просто въ чинѣ ожидателя. Какъ человѣкъ средній, я былъ помѣщенъ по непосредственному усмотрѣнію дамъ въ маленькой комнатѣ верхняго этажа.

Не зная, какъ здѣсь лучше вести себя, я присматривался во всемъ къ другимъ и старался дѣлать то, что дѣлаютъ опытные люди. Только такимъ образомъ я и могъ попасть въ господствующій тонъ пріютившаго меня учрежденія, что было необходимо. Я не хотѣлъ обнаруживать никакого диссонанса въ чувствахъ и настроеніи группы необыкновенныхъ людей, по лицамъ которыхъ было видно, что всѣ они прибыли сюда съ очень большими и смѣлыми

надеждами, и хотятъ, во что бы ни стало, получить что кому нужно. Я «припадалъ» съ ними вездѣ, гдѣ они припадали, и держался сколь можно ближе всѣхъ ихъ обычаевъ, и скоро ощутилъ, что это невыразимо тяжело и неописуемо скучно. Притомъ мнѣ казалось, что здѣсь всѣ особенно другъ друга остерегаются и боятся, и что я пріѣхалъ очевидно напрасно, потому что пребываніе здѣсь не можетъ мнѣ представить ничего интереснаго.

Я ошибался.

Вечеромъ я погулялъ немножко въ одиночествѣ по городу, и это произвело на меня еще болѣе удручающее впечатлѣніе: изобиліе портерныхъ и кабаковъ, группы солдатъ, испитыя тѣни какой-то бродяжной рвани и множество снующихъ по тротуарамъ женщинъ извѣстной жалкой профессіи.

Я долженъ бы помнить, что благодать преобладаетъ тамъ, гдѣ презбыточествуетъ грѣхъ, но я это забылъ и возвратился домой подавленный и съ окончательно разстроенными нервами: я наскоро напился чаю въ «бесѣдной» и потомъ вышелъ постоять на крыльцо, но, кажется, потревожилъ кухарку въ тальмѣ. Она разговаривала съ какою-то военною особою и все повторяла: «Ну, такъ что!.. А мнѣ хоть бы что-шеньки». Чтобы не сердить ее, я ушелъ въ свой номеръ, съ рѣшительнымъ намѣреніемъ уснуть какъ можно крѣпче до утра, а завтра встать пораньше и уѣхать восвояси утромъ же, ничего не дожидаясь.

Усталость и скука сильно клонили меня къ изголовью довольно сносной постели, которую я, впрочемъ, на всякій случай посыпалъ порядкомъ порошкомъ персидской ромашки.

Намѣреніе хорошо спать, однако, не удалось. Сначала мнѣ все страшно казалось: нѣтъ ли въ кровати клоповъ, съ которыми я въ моей кочевой жизни имѣлъ много непріятныхъ столкновеній на русскихъ ночлегахъ, а потомъ стало лѣзть въ голову желаніе опредѣлить себѣ: въ какую это я попалъ компанію, что это за люди — больше дурные или больше хорошіе, больше умные или больше глупые, простаки или надувалы? И никакъ я этого не могъ разобрать и не зналъ, какъ ихъ назвать и къ какой отнести категоріи. А межъ тѣмъ сонъ развѣялся, и мнѣ, вмѣсто отдыха, угрожала раздражающая тоска безсонной ночи. Но,

по счастію, едва все стихло въ коридорахъ, какъ по обѣ стороны моей комнаты пошли ночные звуки. У меня оказалось разговорчивое сосѣдство, на которое я сначала сердился, а потомъ увлекся и началъ слушать.

Справа пришлись у меня сосѣди только досадительные и даже, кажется, не совсѣмъ съ чистою совѣстью. По говору слышно было, что тутъ, должно-быть, помѣщены какой-то старичокъ со своею старушкою. Они все что-то перекладывали и брячали, при чемъ старикъ употреблялъ букву *ш* вмѣсто *с* и *ж* вмѣсто *з*, а также онъ употреблялъ что-то и изъ «штакана» и называлъ это «анкоръ». У нихъ, очевидно, было какое-то безпокойное домашнее обстоятельство, которое они пріѣхали уладить и кому-то угрожать, но при этомъ они и сами ощущали какой-то большой страхъ за себя. Впрочемъ, больше безпокоилась одна старуха, которая была, очевидно, довольно трусливаго десятка, а старикъ былъ отваженъ.

— Ничего, мама, говорилъ онъ старушкѣ:— ничего, не робѣй воробей. Это штарая наша кавкажская поговорка. Ты увидишь, что онъ намъ дашть — непремѣнно дашть... плохо-плохо, что четвертную дашть. Меньше ѣхать не штоило.

— Хорошо, если дастъ!

— Дашть. Нельжя чтобы не далъ. Я ужъ шамую жадобрилъ и ключницу тоже. Шама-то вше поняла, какъ я могу ей и вредъ, и пользу шдѣлать, — могу штаратьша вше ужнавать, и она будетъ жа нашъ штаратьша.

— Очень ты ей нуженъ!

— Нѣтъ, мамка, нуженъ. Ей надо жнать, кто шъ какими мышлями пріѣжжаетъ, а я жнаешь... я вше што-нибудь о человѣкѣ — вше это могу ужнать и шкажать. Я буду чашто туда публику препровождать и шо вшѣми разговаривать и отъ каждаго его прошлую жизнь ужнавать, а они потомъ будутъ ихъ этимъ удивлять, что вше жнаютъ. Я имъ хорошо придумалъ. Я надобный! Ну, давай же анкоръ!

— А ты теперь какъ ей сказался?

— Какъ? Какъ мы шъ тобой рѣшили, такъ я и шказался: изъ благородныхъ, кавкажской арміи, брошены — вошпитательный шынъ — шкажокъ начштальника... Ну, давай анкоръ!

— Что онъ Богу не молится, ты это сказалъ?

— Да, шкажалъ: шкажалъ, что и Богу не молитша, и что шлужить не жахотѣлъ, а шапоги шьетъ... и у жидовъ швѣчки пошлѣ шабаша убираетъ. Я вше шкажалъ, вше шкажалъ, и дай мнѣ жа это шомужки и анкоръ!

А старушка отвѣчала:

— Сёмужки на, а анкоръ не надо.

— Отчего же не надо? Я именно хочу анкоръ.

— Такъ, нельзя анкоръ.

— Что жа такъ! что жа нельжа!.. Налей, налей мнѣ, мама, штаканчикъ! Я умно, хорошо вждумалъ, мы теперь уштроимша.

Она налила, а онъ выпилъ и крякнулъ.

— Тише!— остерегла его старушка.

— Чего ты вше такъ бойшьша?

— Всего боюсь.

— Не бойша, вше пуштаки... ничего не бойша.

— Скандалъ можетъ выйти.

— Какой шкандалъ? отчего?

— Еще спрашиваетъ: отчего? будто не знаетъ.

— Да; не жнаю.

— Вѣдь мы съ чужою рекомендаціею пріѣхали.

— Да: ну, такъ што-жъ такое?

— Тѣ, сосѣдніе жильцы, ее теперь, небось, вѣдь хватились, — своей рекомендаціи-то.

— Можетъ быть, и хватилишь...

— Ну, они сюда и придерутъ.

— Анъ не придерутъ.

— Почему?

— Дай анкоръ, тогда шкажу—почему.

— Пьяница!

— Шовшѣмъ нѣтъ, а я умный человѣкъ. Дай анкоръ.

— Отчего же жильцы не могутъ пріѣхать?

— Налей анкоръ, такъ шкажу.

Она налила, а онъ выпилъ, и сказалъ, что подалъ вчера подозрѣніе на какихъ-то своихъ сосѣднихъ жильцовъ, у которыхъ этими супругами, надо думать, была похищена какая-то блистательная рекомендація.

Старушка промолчала: очевидно, средство это показалось ей годнымъ и находчивымъ.

Черезъ минуту она спросила его: совѣтовался ли онъ съ

кѣмъ-то насчетъ какого-то придуманнаго сновидѣнія, и что ему сказали?

Старичокъ отвѣчалъ, что совѣтовался, и тотчасъ же понизилъ голосъ и добавилъ:

— Она меня отлично научила, какъ про шонъ говорить.

— А какъ?

— Шмотрѣть на него, какъ онъ илушаетъ, и ешли онъ вожметъ шебѣ руку въ бокъ, то тогда шейчашъ перешташь и больше не шкажешь. Ешли вжалъ руки въ бокъ по-офицершки жначитъ шердишша. А что-жъ ты мнѣ ашкоръ? Вѣдь я бежъ того не ушну.

Я закрылъ голову подушкой и пролежалъ такъ минутъ двадцать. Стало душно. Я опять раскрылъ голову и прислушался. Разговоръ не то продолжается, не то конченъ, и старички даже, кажется, спятъ. Такъ и есть: слышны два сонныя дыханія: одно какъ будто задорится вырабатывать «ашкоръ», а другое пускаетъ въ отвѣтъ тоненькое: «пли-пли».

— Encore!

— Пли-пли.

Травятъ кого-то, или даже, можетъ-быть, казнятъ—разстрѣливаютъ, что ли, кого-то во снѣ.

Будь наше мѣсто свято!

Я тихо всталъ съ постели и поскорѣе завѣсилъ своимъ пледомъ дверь, изъ-за которой до слуха моего доползала эта затѣя.

Жадный тарантулъ и его ехидна, обнявшіеся на супружескомъ ложѣ, для меня исчезли.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Зато, чуть стихла эта сцена справа, совсѣмъ другая начала обнаруживаться за стѣною слѣва.

Говорили двѣ дамы: одна, младшая, называла старшую: Марья Мартыновна; а другая, старшая, звала эту: Анчка. (По купечеству въ Москвѣ «Анчка» дѣлаютъ въ ласкательной формѣ изъ имени *Раиса*). Онѣ говорили тихо и такъ мирно и обстоятельно, что я сразу могъ понять даже, какъ онѣ теперь размѣщены въ своей комнатѣ и какъ другъ къ другу относятся.

Старшая, то-есть Марья Мартыновна, вкрадчивымъ, меловымъ голосомъ говорила младшей, Анчкѣ:

— Вотъ, мой ангелъ, я и рада, что вы у меня улеглись на покой въ постельку. Эта комнатка своей чистотой здѣсь изъ всѣхъ выдающаяся и постелька миленькая. И вы понѣжьтесь, моя милочка. Вы должны хорошенько отдохнуть, иначе вамъ немыслимо. Вставать вамъ ни зачѣмъ не нужно. Я ваши глазурныя очи при лампадочкѣ прекрасно вижу, и что только вы подумаете—я сейчасъ замѣчу и все вамъ подамъ на постельку.

— Нѣтъ, я сама встану и лампадъ закрою. — отвѣчала Анчка молодымъ голосомъ съ московской оттяжкой.

— Анъ вотъ же и не встанете.—вотъ я лампадъ ужъ книжкой и загородила.

— Да ужъ вы извѣстная—пожилая, да скорая.

— Да, я и не могу иначе: у меня вѣдь игла ходитъ въ тѣлѣ.

— Какая игла въ тѣлѣ?

— Самая тонкая, одиннадцатый нумеръ.

— Зачѣмъ же она вамъ въ тѣло попала?

— По моей скорости шила и въ ладонь ее воткнула—она и ушла въ тѣло. Лѣкаря ловили, да не поймали. Сказали: «сама выйдетъ», а она ужъ тридцать лѣтъ во мнѣ по всѣмъ мѣстамъ ходитъ, а вонъ не выходитъ... Вотъ теперь вашимъ глазурнымъ очамъ не больно, и я покойна, и буду здѣсь же у вашихъ ножекъ сидѣть и потихоньку васъ гладить, а сама буду что-нибудь вамъ разсказывать.

— Нѣтъ, не надо меня гладить, я это не люблю! Садитесь въ кресло и изъ кресла мнѣ что-нибудь разсказывайте,— отвѣчала Анчка.

— А я непремѣнно здѣсь хочу! Это мое самое любимое услужить милой дамѣ, въ чемъ пріятно, и у ея ножекъ посидѣть, и помечтать съ ней о какихъ-нибудь разностяхъ! Вспоминается, какъ еще, бывало, сами мы молоденькими дѣвушками, до невѣстинья, все такъ-то по ночамъ другъ съ другомъ шу-шу про всѣ свои тайности по секрету шушукались, и такъ, бывало, расшалимся, что и заснемъ вмѣстѣ, обнявшись.

— А по-моему женщинѣ съ женщиной обнявшись ласкаться никакой и особенной радости нѣтъ, даже и мечтать не о чемъ.

— Ласки, мой ангелъ, сами и мечты привлекутъ, и которыя дружныя, тѣ для того уединясь и мечтаютъ. Разумѣется, не

со всякой такая дружба возможна, но если у которой есть настоящій другъ, выдающійся, то «сколько счастья, сколько муки»!... Это испытать и не позабыть!

— Ничего не понимаю.

Удивляюсь! Но я понимаю: у меня въ дѣвушкахъ былъ такой заковычный другъ. Шура. Ахъ, какая была прелесть пріятненькая, и зато ужъ мы любили другъ друга! Маманя, бывало, серчится и говоритъ: «не расточайте вы, дурочки, попусту свои невинныя нѣжности—мужьямъ ласки оставьте». А мы и замужъ не хотѣли, да и что еще ждетъ замужемъ-то! Я только и свѣту видѣла, что до замужества, а ужъ какъ двумъ Пентефріямъ въ жертву досталась, такъ и не обрадовалась.

— Какъ же вы это двумъ достались? Это интересно.

— Одного закопала, а за другого вышла.

— Ахъ... такъ!.. вы за одного послѣ другого вышли!

Да, а то какъ же?

— Вы сказали, что двумъ досталась».

А ужъ ты подумала, что я вмѣстѣ была за двумя разомъ.

Марья Мартыновна разсмѣялась дробнымъ горошкомъ и весело проговорила:

— Ахъ, ты, шалуна, шалуна! Ты думала, что у меня одинъ мужъ былъ праздничный, а другой для будни?

Да вѣдь это-жъ тоже бываетъ.

Бываетъ, мой другъ, бываетъ. Въ нынѣшнемъ свѣтѣ чего не бываетъ, но со мной не было.

— Иные вѣдь обманываютъ: женатый, да скроетъ про первую жену, и еще разъ женится. Ему за это достанется, а второй женщинѣ ничего.

Да, если она отведетъ отъ себя, что не знала, то тогда ей особенно выдающагося наказанія нѣтъ, но только все-таки въ судѣ ее защитники-то пропыганятъ и прокуроръ о постыдныхъ вещахъ разспрашивать будетъ.

— А какая бѣда, что спрашиваютъ? черезъ это женщина-то, когда о себѣ разсказываетъ, такъ послѣ еще всѣмъ интереснѣе дѣлается: да и съ тѣмъ же, съ кѣмъ разведутъ, послѣ опять жить можно.

— Да, но только ужъ придется жить все равно какъ невѣнчанные.

— Извините съ, настоящій разводъ предъ престоломъ

нынче не дѣлаютъ, въ церкви вѣнцовъ не снимаютъ, а только и всего, что въ судѣ прочитаютъ.

— А все ужъ по отдѣльному виду надо прописываться.

— Это не важность!

— Да; по полицейскимъ правиламъ это все равно, но прислуга меньше уважаетъ.

— Платите больше, и отлично уважать будетъ.

— Все —какъ при законѣ—такъ жить нельзя.

— А при капиталѣ какъ хочешь жить можно, такъ это еще и лучше.

— Разумѣется, при твоемъ капиталѣ, какъ выдающемся. и ты молодая вдова, въ двадцать четыре года, такъ тебѣ всѣ пути не заказаны, дѣлай что хочешь. И я тебѣ совѣтъ дамъ: не губи время и дѣлай.

— Совѣтуете?

— Отъ всей моей души совѣтую. Вѣкъ молодой надо чѣмъ помянуть: тоже вѣдь за старикомъ-то ты пять лѣтъ промучилась—это не шутка.

— Не вспоминайте мнѣ про него!

— Прости, милуша, прости! Я не знала, что ты про покойниковъ вспоминать боишься.

— Я его не боюсь, а... мнѣ противно вспомнить, какъ онъ храпѣлъ ночью.

— Да, ужъ мужчина, который если храпитъ - это немыслимая гадость.

— Я, бывало, цѣлыя ночи не сплю, заверну голову одѣяломъ и сижу въ постели, да и плачу. А теперь, если приснится, какъ онъ храпѣлъ, сразу весь сонъ и пропадетъ.

— Да, кто храпитъ, имъ и не стоитъ жениться, тѣмъ больше, что это при твоей молодости, и при капиталѣ, да еще и при выдающейся красотѣ...

Ну, вы мнѣ про мою красоту много не льстите.—я вѣдь сама себя въ зеркало видывала... Разумѣется, я такъ себѣ,—не уродъ, но аляповата.

— А чѣмъ же вы нехороши?

Не о томъ, что нехороша. а я не люблю, если ко мнѣ съ лестью подъѣзжаютъ. Это вѣдь не ко мнѣ, а все къ капиталу.

— Ну. мой другъ, я вѣдь у васъ сколько живу, а вы

мнѣ про свой капиталъ до сихъ поръ никогда ничего не объяснялъ.

И не обязанъ. Я и никому никогда о капиталѣ ничего не скажу. Капиталъ дѣло скрытное.

Я и знать не стараюсь. Я взялась быть при васъ компаньонкою и по хозяйству — въ томъ и состою, и что вы хотите, я то и дѣлаю: въ садъ — такъ провожаю въ садъ, въ театръ — такъ въ театръ, а сюда захотѣли ѣхать — я и здѣсь пригодна, потому что я и здѣшніе порядки знаю; а о чемъ ваше сердечное прошеніе и желаніе совершенія завтрашней успѣшной молитвы — этого я не знаю.

— И тоже и это вы никогда не узнаете. О чемъ я хочу молить — это мое одно дѣло.

— Да я и не любопытствую.

— Конечно! И если не будете любопытничать, то вамъ со спокойнѣй у меня жить будетъ. А вы мои мечты оставьте. — Лучше что-нибудь про себя мнѣ разсказывайте.

— Что же, мой ангель?

— Что-нибудь «выдающееся».

— Ишь, шалуша, какъ мое слово охватила!

— Да, я люблю, какъ вы разсказываете.

— Нравится?

— Не то что нравится, а какъ-то... такъ, бывало, у насъ въ домѣ одна монахиня про Гришку Отрепьева разсказывала... сейчасъ смѣшно, и сейчасъ жалостно.

— Да, я говорю грамматически. Это многіе находили. Николай Ивановичъ Степеневъ, деверь вдовы, который всѣми ихъ дѣлами управляетъ, когда, бывало, болѣнъ послѣ гуляньевъ, всегда, бывало, проситъ меня, чтобы съ нимъ быть и разговаривать.

— А у него не было ли чего другого на умѣ-то?

— Ничего, мой другъ, кромѣ того, что шутитъ надъ собою и надо мною: «Я, говоритъ, мужъ выпѣвающій, а ты жена-переносица, — играй мнѣ на чей-нибудь счетъ увертюру».

— Ишь какъ разсказываетъ!

— Хорошо?

— Да что вамъ допрашиваться, говорите грамматически о своей жизни,—вотъ и все.

— А у меня въ жизни, мой другъ, кромѣ горя ничего и нѣтъ выдающагося.

— Ну, вотъ, и разскажите всю эту увертюру: какого вы роду и племени и что вы занапрасно терпѣли. Я люблю слушать, какъ занапрасно страдаютъ.

— А я все такъ страдала. Я вѣдь, не забудь, откупной породы и Бернадакина крестница, потому что папаша у него въ откупахъ служилъ. Большое жалованье онъ получалъ, но говорилъ, что страсть какъ много за то на себя и грѣха принялъ. Впослѣдствіи сталъ страннаго суда бояться и все пилъ, и умеръ, ничего намъ не оставилъ. А у Бернадакина повсемѣстно много было крестниковъ и не всѣмъ даже давалось на воспитаніе, а только чли выдающіяся родительскія заслуги. Меня опредѣлили учиться: но у меня объявилась престранная способность: ко всѣмъ рѣшительно понятіямъ развитіе очень большое, а къ наукамъ совсѣмъ никакой памяти не было. Ко всему память и соображенія хорошія, а къ ученью нѣтъ - долбицу умноженія сколько ни долбила, а какъ, бывало, зададутъ задачу на четыре правила сложенія — плюсить или минусить, или въ умѣ составить, напримѣръ, пять изъ семи—сколько въ оставкѣ? — то я и никакихъ пустяковъ не могу отвѣчать. Тоже и по словесности — выговоръ у меня для всего былъ очень хорошій, окатистый, но постоянно отчего-то особливыя слова дѣлались, и какъ на публичномъ экзаменѣ тріперъ задалъ мнѣ вопросъ: кто написалъ Апокалипсъ Іоанна Богослова—я и не знала.

— Еще бы! — протянула Анчка. — Да на что это и нужно.

— Рѣшительно ни на что — только сбиваютъ. А тутъ я на шестнадцатомъ году, милушка моя, вдругъ очень выровнялась и похорошѣла, стала рослая, а личико миніатюрное и маленькая родинка у подбородка. Точно я будто француженка. И тутъ со мною самый подлый поступокъ и сдѣлали.

— Кто же въ этомъ виноватъ былъ?

— Все черезъ родныхъ.

— Это ужъ какъ разумѣется.

— А потомъ и поняли меня, бѣдную, мыкать: француженку, да скорѣй меня съ рукъ спихивать, кому попало, за русскихъ. Сейчасъ же вскорѣ мамаша стала просить о помощи и торопиться, чтобы скорѣе пять тысячъ мнѣ въ приданое назначили. Сейчасъ и жениха какого-то нашли мнѣ этакого хвата, въ три обхвата, и животъ этакій имѣлъ.

ахъ, какой вы ѣющійся! Представь себѣ, такъ весь огурцомъ «а-ля-пузо».

— Чортъ знаетъ, что такое!—сказала въ возбужденіи Анчка.

— Да, мой другъ, ужъ лучше бы и не вспоминать его, — отвѣчала Марья Мартыновна и продолжала: — а я-то тогда еще всего боялась: но меня вѣдь и не спрашивали. Онъ какъ пріѣхалъ, такъ тотчасъ съ маманей поладилъ и три тысячи приданаго до вѣнца сорвалъ. Что же,—вѣдь не ротительскіе, а конторскіе, — Бернадакины. Двѣ тысячи маменька еще себѣ отщипала: «мы, говоритъ, тебя воспитывали и кормили. Надо теперь и о младшей сестрѣ подумать». Я ничего и не спорила, своей пользы не понимала. Съ женихомъ обо всемъ маменька разсуждала и съ тѣмъ уговаривалась, чтобы онъ уважалъ мою сердечную невинность и никогда никакого попрека мнѣ отъ него не было, а между тѣмъ, какъ ему двѣ тысячи не додали, то онъ послѣ только и зналъ, что сталъ попрекать, и ужасно все мотивировалъ и посылалъ, чтобы я ходила просить, и дома со мной ни за что не хотѣлъ сидѣть. Даже часто ни обѣдать, ни ночевать не приходилъ, и моя эта французская миніатюрность, и стройность, и родинка, ничего его не только не утѣшали, а даже онъ сталъ меня терпѣть не мочь, и именно за то, чѣмъ могла я понравиться, дѣлалъ мнѣ самыя обидныя колкости.

— «Что мнѣ, говоритъ, съ тобой за удовольствіе? въ кости, что ли, я буду играть? я обожаю въ дамѣ полноту въ обхожденіи».

— Значитъ, вы его въ воображеніе не умѣли привести, — вставила Анчка.

— И нельзя.

— Это пустяки!

Нѣтъ, нельзя.

— Отчего же?

Хладнокровіе такое имѣлъ, какъ настоящій змѣй, и его, сто-то испугавшись, я и иглу въ себя впустила. Онъ на меня тонулъ, а я иглу-то вмѣсто подушки въ себя воткнула. А потомъ, когда я больная была, и если, бывало, почувствую гдѣ игла колетъ, и прошу, чтобы скорѣе доктора пригласить, чтобы изъ меня иглу вонъ вытащить, потому что я ее чувствую, такъ онъ и тутъ преспокойно отвѣчаетъ:

— «Для чего такая нетерпѣливость? подожди, можетъ-быть, игла изъ тебя теперь и сама гдѣ-нибудь скоро выскочитъ».

Анчка разсмѣялась и спросила:

— И что же, наконецъ, вышло?

— Наконецъ, то вышло, что у меня игла нигдѣ не вышла, а зато онъ самъ у своей полной дамы закутился и попалъ ему такой номеръ, что онъ померъ, а я тогда ему на зло взяла да сейчасъ и вышла за подлѣкаря.

— Этотъ лучше былъ?

— Еще хуже.

— Неужели опять въ три обхвата?

Нѣтъ!.. Чего тамъ! — этотъ, напротивъ, весь былъ съ пѣтушій гребешокъ, но зато самый выдающійся язвитель. А маменька пристала: «иди, да иди». «Ты, говоритъ, на французинку подобна, и онъ къ этой породѣ близокъ». А его всей близости только и было, что его фамилія была Померанцевъ, а лѣкаря его называли «Флёръ-д'оранжъ». А его просто лучше бы звать Антихристъ. Мнѣ даже пророчество было за него не идти.

— Ахъ, это люблю—пророчества! Что же было?

— Я только изъ воротъ къ вѣнцу съ нимъ стала выѣзжать и на передней лавочкѣ въ каретѣ завитый отрокъ съ образомъ сидѣлъ, — видно, что свадьба, — а какой-то прохожій въ воротахъ заглянулъ и говоритъ: «Вотъ кого-то везутъ наказывать».

— Вотъ удивительно! Ну, и какъ же онъ васъ наказывалъ?

— Всего, мой другъ, натерпѣлась. Прежде всего онъ былъ большой хитрецъ и притворялся, будто ему нравится моя миніатюрность, а мои деньги ему не нужны. И пришелъ свататься въ распарадѣ, какъ самый свѣтскій щитомецъ: на рукѣ перстень съ брилліантомъ, и комплиментъ такой отпустилъ, что какъ онъ человѣкъ со вкусомъ, то въ женщинѣ обожаетъ гибкую худобу и легкость, а потомъ оказалось, что онъ это вралъ, а кольцо было докторово, и я ему совсѣмъ и не нравилась. Я говорю: въ такомъ случаѣ зачѣмъ же вы врали и притворялись влюбленнымъ? А онъ безъ всякаго стыда отвѣчаетъ: «Золото красиво — съ нимъ намъ милой быть не диво», и объяснилось, что онъ самъ обидѣлся въ томъ, что ожидалъ получить за мною

больной капиталъ, а какъ не нашелъ этого, то тоже желаетъ моею худобою пренебрегать, и дѣйствительно такъ началъ жить, что какъ будто онъ мнѣ и не мужъ.

— А за это вы могли на него его начальству жаловаться.

— Я и жаловалась. Главный докторъ его призвалъ и при мнѣ же ему сталъ говорить: «Флёръ-Доранжъ! что же это? а онъ началъ въ свое оправданіе объяснять: «Помилуйте, ваше превосходительство, это немыслимо: въ ней игла ходитъ», и опять и этотъ тоже пошелъ мотивировать. Главный докторъ даже удивился: велѣлъ мужу выйти, а мнѣ говоритъ: Что же вы послѣ этого хотите, чтобы я какое распоряженіе сдѣлалъ? Я не могу. Если вы съ иглою, то я только и могу вамъ посовѣтовать: молитесь, чтобы изъ васъ скорѣе игла вышла».

— Ишь, какая вы, Мартыновна, на мужское расположеніе къ себѣ несчастная!

— Да, Анчка, да! За что молоденькую ласкали, за эту миніатюрность и легкость, за то самое потомъ отъ мужей ничего не видала, кромѣ холодности и оскорбленія. Особенно этотъ подлѣкарь: онъ даже не хотѣлъ меня иначе называть, какъ «индюшка горбатая», и всякую ложь на меня сочинялъ.—«Я, говоритъ, по анатоміи могу доказать, что у тебя желудокъ и потомъ спина, и больше ничего нѣтъ». Но Господь же Богъ истинно милосердный. Онъ меня скоро отъ обоихъ отъ нихъ освобождалъ: сталъ и этотъ Флёръ-Доранжъ гоже пить и пропадать, и одинъ разъ дошелся до того, что повѣсилъ часы занимать и въ саду повѣсился, а я ни съ чѣмъ осталась и въ люди жить пошла.

— Въ людяхъ жить трудно.

— Ничего, у меня характеръ хорошій: меня всѣ любятъ.

— Ну, это вы только хвалитесь.

— Нѣтъ! правда.

А вѣдь вотъ вы долго у Степеневыхъ жили, а они васъ за что-то выгнали.

Извините, Анчка, меня никто и ни откуда не выгонялъ.

— Ну, отпустили. Вѣдь это только такъ, для вѣжливости говорится, а все равно—выгонъ.

— И не отпускали, а я сама ушла.

— Черезъ что же вы ушли? Вѣдь ихъ домъ хорошій, какъ вы говорите—«выдающійся».

— Домъ былъ самый очень выдающійся, да черезъ одну

причину началъ портиться, и къ тому же вотъ съ этимъ мѣстомъ вышло замѣшательство.

— Съ которымъ мѣстомъ?

— Вотъ, гдѣ мы съ вами теперь находимся въ нашей сегодняшней «ажидаціи».

— Ну, такъ вотъ вы про это-то теперь и разсказывайте. Да только отсядьте вы отъ меня, пожалуйста, подальше на кресло, а то и я боюсь, что въ васъ иголка.

— Вотъ какая ты мнительная! Но я, мой другъ, теперь вѣдь ужъ тѣльца на себя собрала, и тѣльце у меня — попробуй-ка—крѣпкое, просвирковатое!

— Не буду я къ вамъ касаться: я очень мнительная. Подайте мнѣ тоже сюда и мою сумочку съ деньгами.

— Я ее хорошенько въ комодъ прибрала.

— Нѣтъ, дайте—я люблю деньги подъ подушкой имѣть... А теперь сказывайте: отчего вы ушли изъ степеневскаго дома?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

— Тутъ много сдѣлалъ надёжъ бумагъ.

— Вы развѣ на биржѣ обращались?

— Не я, а деверь у Степеневыхъ, у Маргариты Михайловны. У нихъ въ семьѣ вѣдь немного: всего сама она, эта Маргарита съ дочерью, съ Клавдинькой, да сестра ея, Ефросинья Михайловна обѣ вдовы. Ефросинья-то бѣдная, а у Маргариты мужъ былъ, Родіонъ Ивановичъ, отличный фабрикантъ, но къ рабочимъ былъ строгъ до чрезвычайности, «Продомъ» его звали — все на штрафахъ заправлялъ; а другой его братъ, Николай Ивановичъ, къ народу былъ проще, но зато страсть какой предпріимчивый: постоянно онъ въ трехъ волненіяхъ, и все спѣшитъ вездѣ постановъ вопросу дѣлать. Сначала онъ болѣе всего мимоноски строилъ, и въ это время страсть какъ распустился кутить съ морскими голованерами. Гдѣ онъ ѣдетъ, тамъ ужъ шумъ и громъ на весь свѣтъ, а домой пріѣдетъ — чтобы сейчасъ ему была такая тишина, какой невозможно. Жена у него была писаная красавица и смиренница, такъ онъ ее до того запугалъ, что она, бывало, если и одна сидитъ да ложечкой о блюдце стукнетъ, то сейчасъ сама на себя цыкнетъ и сама себѣ пальцемъ пригрозитъ и «дуру» скажетъ. Но онъ съ нею все-таки ужасно обращался и въ гробъ ее сбилъ,

а какъ овдовѣлъ, такъ и жениться въ другой разъ не захотѣлъ: сына Петю въ нѣмецкій пансіонъ отдалъ, а самъ сталъ жить съ француженками, и всѣ мимоноски туда спавилъ. Думали: конченъ нашъ Николай Ивановичъ выпѣвающій»: но онъ опять выплылъ: присталъ къ какимъ-то въ компанію дѣлать постановъ вопроса, и завели они подземельный банкъ, и опять сталъ таскать при себѣ денегъ видимо и невидимо и пошелъ большія количества тратить на польскую даму, Крутильду Сильверстовну. Ея имя было Клотильда, но мы Крутильдой ее называли, потому что она все, бывало, не прямо, а крутитъ, пока какое-то особенное удареніе ко всѣмъ его чувствамъ сдѣлаетъ, и тогда стоитъ ей, бывало, что-нибудь захотѣть и только на ключъ въ спальнѣ запереться, а его къ себѣ не пустить, такъ онъ тогда на что хочешь сдѣлается согласенъ, лишь бы вслѣдъ за нею достигнуть.

Вотъ это такъ и слѣдуетъ! замѣтила Анѣка.

Да, да: это правда. Онъ для нея и по-французски сталъ учиться, а когда сынъ свое ученье кончилъ, онъ его изъ дома прогналъ. Придрался къ тому, что Петя познакомился съ Крутильдиной племянницей, и отправилъ его съ морскими голованерами навкругъ свѣта плыть, а Крутильда свою племянницу тоже прогнала, а та была молоденькая и миніатюрная, а оказалась въ тягости, и Богъ одинъ знаетъ, какія бы ее ожидали послѣдствія. А самъ ужъ не зналъ, чѣмъ тогда своей Крутильдѣ заслужить: ходилъ постоянно завитъ, обритъ и причесанъ, раздушенъ и одѣтъ а-ля-морда, и все учился по-французски. Стоитъ, бывало, передъ зеркаломъ и по ляжкамъ хлопаетъ и поетъ:

Ножолія, поподія . А тутъ вдругъ кто-то въ ихнихъ бумагахъ въ подземельномъ банкѣ портежъ и сдѣлалъ. Страшная кучма народу толпучкой бросилась, чтобы у нихъ свои деньги вынимать, и онъ до того не въ себѣ домой пріѣхалъ, что кричитъ:

«Запри скорѣй ножницы и принеси мнѣ калитку!»

И еще сердится, что этихъ его словъ не понимаютъ!

Мы думали, что онъ съ ума сошелъ, а онъ это испугался надежа бумагъ и привезъ къ намъ какіе-то купоны стричь, да такъ все и потерялъ, и за эту стрижку подъ судъ попался, но на счастье свое несчастнымъ банкрутомъ стѣлавъ. Ну, тутъ Крутильда его, разумѣется, было бро-

сила, а сестра Маргарита Михайловна, взяла его къ себѣ въ службу и всѣ дѣла ему поручила. Онъ же годъ и два простоялъ хорошо, а потомъ опять гдѣ-то съ голованерами встрѣтился и такъ разъ напосудился и такъ застотертилъ, что никакъ его нельзя было успокоить. Маленькій удержъ недѣли на цѣ сдѣлаетъ, а потомъ опять ударитъ и возвращается домой съ страшными фантазіями. — называетъ одну сестру Бланжей, а другую Мимишкой... не понимаетъ, гдѣ себя воображаетъ. А станешь просить его, чтобы онъ велъ себя степеннѣе, онъ сейчасъ: «Что такое? Какъ ты смѣешь? Давно ли ты на юманиняго адвоката курсъ кончила? А я на этихъ увертюрахъ съ дѣтства воспитанъ!» И всегда въ это время у него со мной ссора, а потомъ послѣ ужасно поладитъ и шутитъ: «Мармартынъ, мой Мармартынъ, получай съ меня алтынъ», и опять до новой ссоры.

— А вы зачѣмъ встрѣвали?

— Для золовокъ,—золовки просили.

— Мало ли что! Развѣ можно мужчинѣ пріятствовать!

— Ахъ, мой другъ, да какъ же ему не пріятствовать, когда онъ въ этихъ своихъ трехъ волненіяхъ невѣдомо чего хочетъ, и ему вдругъ вздумается куда-то ѣхать, и онъ самъ не знаетъ, куда ѣхать.

— Знаетъ, небось.

— Нѣтъ, не знаетъ. «Мнѣ, — говоритъ, — три волненія надоѣли, и я хочу отъ нихъ къ самому чорту въ адъ уѣхать». Золовки пугаются и просятъ меня: «Разговори его!» Я и говорю: «Туда дороги никто не знаетъ.— сиди дома».—Нѣтъ,—говоритъ.—Мармартынъ, нѣтъ; нужно только на антихристова извозчика попасть, у котораго шестьсотъ-шестьдесятъ-шестой нумеръ. — тотъ знаетъ дорогу къ чорту».

И пристаетъ вдругъ ко мнѣ: «Уйдемъ, Переносица, со мною потихоньку изъ дома и найдемъ шестьсотъ-шестьдесятъ-шестой нумеръ и поѣдемъ къ дьяволу! Что намъ еще здѣсь съ людьми оставаться! Повѣрь, всѣ люди подлецы! Надоѣли они! И такъ упроситъ, что даже со слезами, и жаль его станетъ.

— И неужели вы съ нимъ ѣздили? — спросила Линка.

— Да что, мой другъ, дѣлать. По просьбѣ золовокъ, случалось, — отвѣчала Марья Мартыновна. — Какъ свеза

въ домѣ у нихъ привыкла, и когда, бывало, сестры просятъ: «видишь, какой случай выдающійся, прокатись съ нимъ за городъ, досмотри его»,—я и ѣздила, и всѣ его глупыя шутки и надсмѣшки терпѣла. Но только въ послѣдній разъ, когда докончательный скандалъ вышелъ, онъ меня взялъ насильно.

— Какъ же онъ могъ васъ насильно взять?

— Я въ лавкѣ себѣ сапоги купила и очень занялась, а приказчикъ обмануть хочетъ и шабаршитъ: «Помилуйте... первый сортъ... фасонъ бамбе, а товаръ до того... даже Миллера». А онъ входитъ — и вдругъ ему увертюра московскаго воспоминанія въ лобъ вступила:

— «Я, — говоритъ, — мать-Переносица, ѣхалъ, и тебя увидалъ, и очень нужное дѣло вспомнилъ: отбери мнѣ сейчасъ шесть паръ самыхъ дорогихъ сапожковъ бамбе и поѣдемъ ихъ одной дамѣ мѣрить». Я говорю: «Ну васъ къ Богу!» а онъ говоритъ: «Я иначе на тебя сейчасъ подозрѣніе заявлю».

— Ишь какой, однако, прилипчивый!

— Ахъ, ужасный! совершенно вотъ какъ піявокъ или банная листва, — такъ и не отстанетъ. И чего ты хочешь: какъ его образумить? Во-первыхъ, кутила, а во-вторыхъ, бабеляръ, и еще какой бабеляръ! Какъ только напосудится, такъ и Крутильду забылъ, и сейчасъ новое удареніе къ дамской компаніи, и опять непремѣнно не какія попало дамы, а все чтобы выдающіяся, напримѣръ, ѣздовщицы съ аренды изъ цирка или другія прочія выдающіяся сужекты своего времени. А угощать благородно не умѣлъ: въ какомъ хочешь помѣщеніи дезгардьяжъ надѣлаетъ, всего, чего попало, натребуетъ и закричитъ: «Лопайте шакецъ-а-гу!» Многія, бывало, обидятся и ничего не хотятъ, или еще его свиньей назовутъ, но ему все ничего, шумитъ:

— «Глядите, инпузоріи, въ пространство, что я могу: я не плотецъ Скопицынъ, который съ деньгами запирался, а я со всѣми увертюрами живу! И сейчасъ и начнетъ свою первую обыкновенную увертюру: всю скатерть съ приборами на полъ, а платить—«убирайся къ чорту».

Того и гляди, что его когда-нибудь отколотятъ.

Я это и говорю его сестрамъ: «какъ хотите, а по-моему его надо молитвою избавить отъ его безстыдства», и Афро-

синья сейчасъ этому и обрадовалась; но онъ самъ ни за что и слышать не хотѣлъ о молитвахъ.

— «Постановъ вопроса, говоритъ, такой: что я — порченный, что ли, чтобы меня отмаливать? Я въ духовныхъ дѣлахъ самъ все знаю: я пилъ чай у преосвященнаго Макарія и у патріарха въ Константинополѣ рахатъ-лукумъ ѣлъ, и послѣ нихъ мнѣ теперь въ молитвахъ даже самъ Мономахъ не можетъ потрафить».

Разумѣется, надо было сразу не вощадить на самое выдающееся; но вдова Маргарита Михайловна Степенева хоть и богачка, а замялась въ неопредѣленномъ наклоненіи. Я вашего капитала, разумѣется, вполнѣ не знаю...

— Это вамъ и не надо знать, — оторвала Аичка: — вы ведите свои исторіи, а меня врасплохъ не испытывайте.

— Конечно. Я только такъ къ слову сказала, я и не любопытна, но все равно на то же выпло... У Маргариты Степеневой, какъ я вамъ сказала, есть дочь Клавдія, молодая и прекрасивая этакая дѣвица, собой видная, — красоты видъ въ родѣ англичанскаго фасона, но съ буланцемъ... Воспитывалась она въ иностранномъ училищѣ для дѣвицъ женскаго пола, вмѣстѣ съ одною нѣмочкою, и сдѣлалась ея заковычнымъ другомъ, а у той былъ двоюродный ея братъ, докторъ Ферштетъ: онъ, этотъ Ферштетъ, ее и испортилъ.

— Спуталъ?—спросила живо Аичка.

— Нѣтъ,— отвѣчала Марья Мартыновна: — спутать онъ ее не могъ потому что она безчувственная, но разныя пустыя мысли ей вперилъ.

— Про что же?

— Да вотъ, напримѣръ, насчетъ повсемѣстнаго бѣдствія людей. Самъ онъ такой неслыханный оригиналецъ былъ, что ничего ему не нужно; такъ и назывался: «безсчетный лѣкарь». Ко всѣмъ онъ шелъ, а что ему кто заплатитъ, или даже ничего не заплатитъ, это ему все равно, всѣхъ одинаково лѣчилъ и къ бѣднымъ даже еще охотнѣе ходилъ и никогда не отказывался, а если дадутъ, такъ онъ сунетъ въ карманъ и не считаетъ, чтобы не знать, кто сколько далъ. Вотъ онъ ее этимъ безразличіемъ плѣнилъ и къ такой простотѣ ее свелъ, что она обо всемъ образѣ жизни людей стала иначе думать и все она начала желать чего-то особеннаго, чего невозможно и что всѣхъ огорчаетъ.

— Непочтительная, что ли, стала?

— Нельзя даже понять — какъ она, почтительная или непочтительная, но только стало ей нравиться все удивительное. Вотъ этотъ ея подругинъ братъ въ университетъ учился, и весь свой курсъ выпилъ, а служить нигдѣ не захотѣлъ. Всѣ этимъ огорчились, а ей это хорошо.

— Отчего же онъ служить не пошелъ?

Такъ разсудилъ, что «на службѣ, говоритъ, могутъ получать различныя порученія, какихъ я дѣлать не хочу, надо въ пустякахъ для угожденія много время тратить, и уважать кого не стоитъ, и бояться, какъ бы съ дурной стороны не представили. — а я-де ни съ кѣмъ ни въ какую общественную исторію попадать не хочу, а хочу лучше самъ по своимъ понятіямъ людямъ услуживать». И такъ безъ всякихъ чиновъ и остался, и всю зиму и лѣто въ одной прохладной шинелишкѣ ко всѣмъ бѣднымъ ходилъ, пока въ прошломъ году простудился и умеръ, и семью какъ есть ни съ чѣмъ оставилъ. Спасибо, нѣмцы при похоронахъ сговорились между собою и все семейство устроили. По Клавдинькиному это все и превосходно, и Клавдинька какъ только съ нимъ познакомилась, такъ сдѣлалась отъ всѣхъ своихъ семейныхъ большая скрытница и все начала евангеліе читать, и все читала, читала, а потомъ всѣ наряды прочь и начала о бѣдныхъ убиваться. Сидитъ и думаетъ. Спросишь: «что ты все думаешь? чего тебѣ недостаетъ?» А она отвѣчаетъ: «у меня все есть и даже слишкомъ больше, чѣмъ надобно, но отчего у другихъ ничего нѣтъ необходимаго?» Ей скажешь: «Что же тебѣ до этого? это отъ Бога такъ, чтобы было кому богатымъ людямъ служить и чтобы богатые имѣли кому отъ щедротъ своихъ помогать»,— а она головою замахаетъ, и опять все думаетъ и доведетъ себя до того, что начнетъ даже плакать.

— О бѣдныхъ?—воскликнула Анчка.

— Да!

— Что же они ей лучше богатыхъ, что ли?

И я это самое ей говорила: чего? Если тебѣ жаль, поди въ церковь и подай на крыльцѣ. Отъ состраданія нечего плакать. А она отвѣчаетъ: «Я не отъ состраданія плачу, а отъ досады, что глупа и зла, и ничего придумать не могу». Ну, и стала все думать, и придумала.

Анчка сказала:

— Это интересно.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Стала она такъ жить, что начала не надѣвать на себя ни золота, ни дорогихъ нарядовъ. «Для чего мнѣ это? - говоритъ:—это совсѣмъ ненужное, и нисколько не пріятно и не весело; да это даже и имѣть стыдно».

— Отчего же ей это стыдно?— спросила Анчка.

— Для чего на ней дорогія вещи будутъ, когда на другихъ и самыхъ простыхъ одеждъ нѣтъ.

— Такъ это же вѣдь нарочно такъ и дѣлаютъ, для отлички другъ отъ друга.

— Ну да! какъ же иначе и разобрать, кто котъ — кто поваръ? А для нея мать сдѣлала тальму изъ фонъ-горской козы и морской травы цвѣта плющъ покрыла, а она ее и не надѣла.

— Это почему?

— «Стыдно, говоритъ,—такую роскошь носить»—простое пальто ей больше нравится. Сшила себѣ сама черное кашемировое платье и бѣлые рукавчики и воротнички и сама ихъ моетъ и гладитъ, и такъ англичанкою и ходитъ, а лѣтомъ въ свѣтленькомъ ситцѣ, а что ей мать подаритъ деньгами или шелковье, она сейчасъ пойдетъ шелковье все продастъ и всѣ деньги неизвѣстно кому отдастъ. Мать сначала, бывало, шутя спрашиваетъ:

— «Что же ты это, Клавдичка, на молитвы, что ли, все раздаешь?»

— «Нѣтъ, говоритъ,—маменька, зачѣмъ же мнѣ покупныя молитвы? Это долженъ всякъ для себя, а я просто такъ отдаю тѣмъ, которымъ трудно заработать сколько нужно, или нечѣмъ за ученье платить, когда ихъ дѣтей исключаютъ».

Мать ей и не перечила:—«Что же, говоритъ,—отдавай, если хочешь: пусть за тебя бѣдные Бога молятъ». Но ей никакъ не потрафишь сказать.

— «Я, говоритъ, - маменька, это совсѣмъ не для того, а просто мое сердце не терпитъ, когда я вижу, какъ я счастлива, а люди живутъ бѣдственно».

— «Вотъ потому-то и нехорошо, что ты все ходишь эту бѣдственность смотришь: ты на нихъ насмотришься и себя этимъ и разстраиваешь».

— «Все равно, говоритъ, — мама, если я на нихъ хоть

и смотрѣть не буду, такъ я знаю, что они есть и страдаютъ, и что я должна дѣлать облегченіе въ ихъ жизни».

— «Ну, поступи членомъ въ общество и ѣзди съ хорошими дамами: я тебѣ столько денегъ дамъ, что можешь больше всѣхъ графинь и княгинь сыпать».

Не захотѣла.

— «Я знаю, говоритъ,—что нужно дѣлать».

— «Такъ скажи, что такое?»

Она молчитъ.

— «Отчего же ты такая грустная и такая печальная? На тебя смотрѣть больно! Отчего это?»

— «Это, мама, оттого, что я еще очень зла: я себя еще не переломила и борюсь».

— «Съ кѣмъ, мой ангелъ?»

— «Съ собою, мама. Не обращайте на меня вниманія, мнѣ скоро легче будетъ. Я какъ-нибудь перейду на свою сторону, а теперь я не на своей сторонѣ,—я себѣ противна».

Дядя Николай Ивановичъ хоть и барина, но онъ любилъ ее и говоритъ:

— «Не приставайте къ ней: она ничего не можетъ: это въ ней все отъ рояльнаго воспитанія. Я знаю, что съ ней надо сдѣлать: надо дать ей развязку на веселыхъ увертюрахъ».

Взвился и привезъ ей театральный билетъ въ ложу на «Африканскаго Мавра».

Хоть и великій постъ былъ, но для нея поѣхали. И она у нихъ въ театрѣ и разрыдалась.

Это еще чего?

— «Я, говоритъ, — вамъ говорила, что я не могу видѣть дикія грубости!— Въ чемъ вамъ представляется занимательность, я въ томъ же самомъ вижу ужасъ и горе».

— Какой же ужасъ? Въ чемъ тутъ горе?»

— «Какъ же не ужасъ: такой огромный, черный мужчина душитъ слабую женщину и по какой причинѣ?»

Николай Ивановичъ говоритъ:

— «Ты этого еще не понимаешь: за любовь отъ ревности самый образованный человѣкъ долженъ изъ вашей сестры всю кровь пролить».

— «Не правда это, говоритъ, — какой это образованный человѣкъ: это глупость, это звѣрство! Не должно это такъ быть и не будетъ,—я не хочу это видѣть!»

И уѣхали изъ театра, и такъ и пошло съ ней съ этихъ поръ во всѣхъ междометіяхъ. Благородныя удовольствія, театръ или концерты, или оперы, все это ей не нравится, а назоветъ къ себѣ безпортошныхъ ребятишекъ, дастъ имъ мармеладу и орѣховъ и на фортепіанахъ имъ заиграетъ и поетъ, какъ лягушки по дорожкѣ скачутъ, вытянувши ножки, и сама съ ними утѣшена и плачетъ, и пляшетъ. Этакая красавица, а лягушкой прыгаетъ!..

Видѣвши это, мать своего священника приходскаго на духу упросила поговорить съ ней, и онъ на Пасхѣ, когда пріѣхалъ съ крестомъ и какъ сталъ послѣ закусывать, то началъ Клавдинькѣ выговаривать:

— «Нехорошо, барышня, нехорошо, вы въ заблужденіи».— А она ему брякъ кастрѣзъ:

— «Да, говоритъ, — благодарю васъ, благодарю, вы правы и мнѣ тоже кажется, что мы живемъ въ большомъ заблужденіи, но теперь я уже немножко счастливѣе».

— «Чѣмъ же-съ?»

— «Тѣмъ, что я уже собой недовольна: я теперь уже не на своей сторонѣ; я себя осуждаю и вижу, гдѣ свѣтъ».

Онъ говоритъ:—«Не много ли вы на себя берете?»

Она замялась и отвѣчаетъ:—«Я не знаю».

А батюшка говоритъ: — «То-то и есть! А мы знаемъ, что на свѣтѣ должны быть и богатые, и бѣдные, и это такъ повсемѣстно».

Она отвѣчаетъ:—«Это, къ несчастію, правда».

— «Такъ и нечего бредить о томъ, чтобы у насъ всѣ были равны».

А она вся стынетъ и виски себѣ третъ, и шепотомъ говоритъ:—«Бредятъ невольно».

А батюшка говоритъ:—«Да, бредятъ невольно, а однако и за невольный бредъ иногда далеко очутиться можно. Не идите противъ религіи».

— «Я не иду, я люблю религію».

— «А зачѣмъ противнаго желаете?»

«Развѣ желать въ жизни простоты и чтобъ не было терзающей бѣдности противно религіи?»

— «А вы какъ думаете? Да Христосъ-то признавалъ нищихъ или нѣтъ?»

— «Признавалъ».

— «Такъ что же, вы Ему хотите возражать?»

— «Я вамъ отвѣчаю, а не Христу. Христосъ самъ жилъ какъ нищій, а мы всѣ живемъ не такъ, какъ Онъ жилъ».

Священникъ всталъ и говоритъ:

— «Такъ вотъ вы какая!» — и оборотился къ матери ея и сказалъ:

«Маргарита Михайловна! Откровенно вамъ скажу, уважая васъ какъ добрую прихожанку, я съ вашей воспитанной дочерью поговорилъ; но, уважая себя, я нахожу, что съ нею, сударыня, не стоитъ разговаривать. Вамъ одно остается: молиться, чтобы она не погибла окончательно».

Маргарита Михайловна, вся красная и въ слезахъ, извиняется и проситъ у него прощенья, что это вышло какъ на смѣхъ.

Священникъ смягчился и отвѣчаетъ:

«Мнѣ, разумѣется, Богъ съ нею, пусть что хочетъ болтаетъ, теперь этихъ глупыхъ мечтаній въ обществѣ много, и мы къ нимъ наслышавшись; но попомните мое слово, это новое, но стоитъ стараго зла—нигилизма, и дочь ваша идетъ дурнымъ путемъ! дурнымъ! дурнымъ!»

Маргарита Михайловна ему скорѣе красненькую, но онъ не подкупился, деньги подъ большой палецъ зажалъ, а указательнымъ все грозится и свое повторяетъ:

— «Дурнымъ путемъ, дурнымъ!»

Маргарита Михайловна сама разсердилась и, какъ онъ вышелъ, говоритъ ему вслѣдъ:

— «Какой злюка сталъ!»

А Клавдинька безъ гнѣва замѣчаетъ:

— «Вы, другъ мой, мама, сами виноваты, зачѣмъ вы ихъ безпокоите. Онъ такъ и долженъ былъ говорить, какъ говорилъ».

«А кого же мнѣ на тебя, какую власть просить?»

«Ну, полноте, мамочка, зачѣмъ на меня власть просить, чѣмъ я вамъ непокорна?»

— «Въ очень во многомъ, въ самомъ важномъ ты непокорна: грубить ты мнѣ не грубишь, но ты не одѣваешься сообразно нашему капиталу, чтобы всѣ видѣли: не живешь, а все съ бѣдностью возишься, а богатства стыдишься, которое твой дѣдъ наживалъ и за которое отецъ столько грѣха и несправедливости сдѣлалъ».

А Клавдинька тутъ одною рукою мать за руку схватила,

а другою закрыла свои вѣщія звѣницы и, какъ актриса театральная, вдругъ дрожащимъ голосомъ закричала:

— «Мамочка! мама!.. Милая! не говорите, не говорите! Ничего не будемъ объ отцѣ,—такъ страшно вспомнить!»

— «Разумѣется, — царство ему небесное, — онъ былъ аспидъ, а я тебя сама избаловала, и за то, думала, пусть хоть духовный отецъ тебя наставитъ».

— «Мама! да вы сами меня лучше всѣхъ можете наставить».

— «Нѣтъ, я не могу и не берусь!»

— «Почему?»

— «Мнѣ тебя жаль!»

— «Ну, вотъ я и наставлена. Вы меня пожалѣли и этимъ меня и наставили! Я вѣдь люблю васъ, мама, и ничего не сдѣлаю такого, что̀ можетъ огорчить мать-христіанку. А вѣдь вы, мама, христіанка?»

И глядитъ ей въ глаза, и ластитъ ее, и такъ и поладятъ, и все такъ, потихоньку, что̀ только сама она съ собой вздумаетъ, то̀ съ матерью и сдѣлаетъ. Ужъ не только на представленіе «Мавра» отклонила смотрѣть, а даже въ оперу «Губинотовъ» слушать — и то говоритъ: «не надо, мама: пѣсни хороши, когда ихъ поютъ отъ чувства для скорби или для веселости, а этакъ, за деньги—это пустяки, и за такія трилюзіи стыдно деньги платить, лучше отдадимъ ихъ босымъ дѣтямъ». И мать сейчасъ съ нею въ этомъ согласна и улыбается: «На, отдавай, ты какая-то Божія». А та ей съ большимъ восхищеніемъ: «О, если бы такъ! если бы я въ самомъ дѣлѣ была Божія!» и вдругъ опять со смѣхомъ шутя запоетъ и запляшетъ: «Вотъ, говоритъ,— вамъ даровой театръ отъ моей радости». А мать ужъ не знаетъ, какъ и навеселиться. И стало ужъ Клавдинькѣ такое житье, что дѣлай все, что̀ ей угодно, у матери и позволенія не спрашивай.

— «Я, говоритъ,—вѣрю, что она меня любитъ и ничего такого, что̀ меня огорчитъ, она не сдѣлаетъ».

Стала Клавдинька ходить въ искусственные классы, гдѣ разныя учебныя моды на оба пола допущены, и пристряла къ тому, чтобы изъ глины рожи лѣпить, и научилась. Всѣ, всѣ, какія только есть принадлежности, она возьметъ и вылѣпитъ, а потомъ на фарфорѣ научилась красить, и весь домъ намусорила, а въ собственную въ ея комнату хоть и

не входи, да и не позволяетъ, и прислуги даже не допускаетъ. Намѣшаетъ въ тазу зеленой глины, вывалитъ все на доскѣ, какъ тѣсто, и пойдетъ пальцами вылѣпливать.

— Это, однако, вѣдь трудно,—замѣтила Аничка.

— Ничего не трудно,—отвѣчала нетерпѣливо Марья Мартыновна.—Обозначитъ сначала носъ и ротъ, а потомъ и всѣ остальныя принадлежности—вотъ и готово. А фарфоръ нарисуетъ, но безъ мужика обойтись не можетъ,—выжигать русскому мужику отдаетъ. А потомъ всѣ эти предметы въ магазины продавать несетъ. Мать и тетка, разумѣется, сокрушаются: ей ли такая крайность, чтобы рукодѣлье свое продавать! При такомъ капиталѣ и такія послѣдствія! А выручитъ деньги—и неизвѣстно куда ихъ отнесетъ и неизвѣстнымъ людямъ отдастъ. А тогда, знаешь, какъ разъ такое время было, что разомъ дѣйствовали и поверхностная комиссія, и политическій компотъ. Кому же она носитъ? Если бѣднымъ, то я, бѣдная женщина, сколько лѣтъ у нихъ живу, и отъ матери и отъ тетки подарки видѣла, а отъ нея ни на грошъ. Одинъ разъ сама прямо у нея попросила: «что же, говорю, ты, Клавдичка, мнѣ отъ своихъ праведныхъ трудовъ ничего не подаришь? хоть бы купила на смѣхъ ситчику по нѣтовой землѣ пустыми травками». Такъ она и шутки даже не приняла, а твердо отрѣзала: «вамъ ничего не надобно, вы себѣ у всѣхъ выпросите». Господи помилуй! Господи помилуй! Этакое безчувствіе! Правда, что я не горжусь, если у меня нѣтъ, я выпрошу, но какое же ей до этого дѣло! Такъ же и противъ матери: въ самыя материны именины, вообрази себѣ, розовый цвѣтокъ ей сорвала и поднесла: «Другъ мой, мама!—говоритъ:—вамъ вѣдь ничего не нужно». И вообрази себѣ, та соглашается: «У меня, говоритъ, все есть, мнѣ только твое счастье нужно».— и цѣлуетъ ее за эту розу. А Клавдинька еще разговариваетъ:

— «Мамочка! что есть счастіе? Я съ вами живу и счастлива, но въ свѣтѣ есть очень много несчастныхъ».

Опять, значитъ, за свое,—даже въ именинный день! Тутъ я уже не вытерпѣла и говорю:

— «Вы, Клавдинька, хоть для дня ангела маменькинаго нынче эту заунывность можно бы оставить вспоминать, потому что въ этомъ вѣдь никакой выдающейся пріятности нѣтъ».

Но мать, представь себѣ, сама за нее заступилась и говоритъ мнѣ:

— «Оставь, Марья Мартыновна, и скажи людямъ, чтобы самоваръ отсюда убирали.—А въ это время, когда я вышла, она даритъ Клавдинькѣ пятьсотъ рублей: «отдай, говоритъ, своей гольтепѣ-то! Кто они тамъ у тебя такіе, Господи! можетъ, страшно подумать».

— А вы какъ же это видѣли?—спросила Анчка.

— Да просто въ щелочку подсмотрѣла.—Но Клавдинька вѣдь опять и изъ этихъ денегъ никому изъ домашнихъ ничего не удѣлила.

— Отчего же?

— Вотъ оттого, дескать, что «здѣсь всѣ сыты».

— Что же, она это и правильно.

— Полно, мой другъ, какъ тебѣ не стыдно!

— Ни крошечки.

— Нѣтъ, это ты меня дразнишь. Я знаю... Будто человѣку только и надо, если онъ сытъ? И потомъ сколько разъ я ни говорила: «ну, прекрасно, ну, если ты только къ чужимъ добра, зачѣмъ же такъ скрытна, что никто не долженъ знать, кому ты помогаешь?

— «Добръ,—отвѣчаетъ,—тотъ, кто не покоится, когда другіе безпокойны, а я не добра. Вы о добротѣ какъ должно не понимаете».

— «Ну, прекрасно, я о добротѣ не понимаю, но я понимаю о скрытности: для чего же ты такъ скрываешься, что никакими слѣдами тебя услѣдить нельзя, куда ты все тащишь и кому отдаешь? Развѣ это мыслимо или честными правилами требуется?»

А она, вообрази, съ улыбкою отвѣчаетъ:

— «Да, это мыслимо и честными правилами требуется!»

— «Такъ просвѣти же,—говорю,—матушка: покажи, гдѣ эти правила, въ какой святой книжкѣ написаны?»

Она пошла въ свою комнату—выноситъ маленькое евангеліе.

— Все съ евангеліемъ!—перебила Анчка.

— Да, да, да! Это постоянно! У нея все сейчасъ за евангеліе и оттуда про текстъ, какого никогда и не слыхивала; а только понимать какъ должно не можетъ, а выведетъ изъ него что-нибудь совсѣмъ простое и обыкновен-

ное, что даже и не интересно. Такъ и тутъ подастъ мнѣ евангеліе и говоритъ:

— «Вотъ сдѣлайте себѣ пользу, почитайте тутъ»,—и показываетъ мнѣ строчки—какъ надо, чтобы правая моя не знала, что дѣлаетъ лѣвая моя, и что угощать надо не своего круга людей, которые могутъ за угощенье отплатить... И прочее.

Я знаю, что съ ней не переспоришь, и отвѣчаю: «Евангеліе—это книга церковная и премудрость ея запечатана: ее всякому нельзя понимать».

Она сейчасъ возражать:—«Нѣтъ, то-то и дѣло, что евангеліе для всѣхъ понятно».

— «Ну, а я все-таки,—говорю,—я евангеліе лучше оставлю, а у батюшки спрошу, и въ какомъ смыслѣ мнѣ священникъ про это скажетъ, такъ я только съ ними, съ духовными, и согласна».

И точно, дѣйствительно, я захотѣла ее оспорить и пошла къ ихъ священнику. Я ему въ прошломъ году пахучую ерань услужила—у его матушки сѣра очень кипитъ, такъ листокъ въ ухо класть,—а теперь зашла на рынокъ и купила синицу; перевязала ее изъ клѣтки въ платочекъ и понесла ему, такъ какъ онъ приходящихъ безъ презента не любитъ и жаловался мнѣ разъ, что у нихъ во всемъ домѣ очень много клоповъ и никакъ вывести не могутъ.

— «Вотъ,—говорю,—вамъ, батюшка, синичка: она и поетъ, и клопа истребляетъ. Только, пожалуйста, не надо ее ничѣмъ кормить,—она тогда съ голоду у васъ вездѣ по всѣмъ щелямъ клоповъ выберетъ».

— Неужли это правда?—спросила Анчка.

— Что это?

— Насчетъ синицы, что она клоповъ выберетъ?

— Какъ же! всѣхъ выберетъ.

— Удивительно!

— Что ты, что ты! Это самое обыкновенное: бывало, наши откупные и духовные всегда для этого синицъ держатъ. И священникъ меня поблагодарилъ.

— «Знаю, говоритъ. Старинный способъ! Перепусти синичку въ клѣточку, а когда она оглядится, я ее по комнатѣ летать выпущу,—пусть ловитъ; а то нынче персидскій порошокъ стали продавать такой гадостный, что онъ ничего и не дѣйствуетъ. Во всемъ подмѣси».

Я сейчасъ же къ этому слову и пристала, что теперь, молъ, ужъ ничего не разберешь, что какое есть. И разсказываю ему про Клавдюшины выходки съ евангеліемъ и говорю:

— «Неужто же,—говорю я,—въ евангеліи, дѣйствительно, такое правило есть, что знакомства съ значительными людьми надо оставить, а все возись только съ одной бѣдностью?»

Онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— «А ты слушай, дубрава, что лѣсъ говоритъ; они берутся не за свое дѣло: выбираютъ сужекты, а не знаютъ, какъ ихъ понять, и выводятъ суетная и ложная».

— «А вы отчего же,—спрашиваю,—о такихъ ихнихъ ложныхъ сужектахъ никому не доводите?»

— «Доводили,—говоритъ,—матушка, и не разъ доводили».

— «Такъ какъ же они смѣютъ все-таки отъ себя разсуждать и утверждать все свое на евангеліи?»

— «Такое ужъ стало положеніе; ошибка сдѣлана: намножены книжки и всякому ни по чемъ въ руки дадены».

— «И зачѣмъ это?»

— «Ну, это долго разсказывать. Раньше негодовали, что слабо учатъ писанію, а я и тогда говорилъ: «учатъ хорошо и сколько надо для всякаго, не мечите бисеръ—попрутъ»; вотъ они его теперь и попираютъ. И вотъ, говоритъ, и пошло—и неурожай на поляхъ, и на людяхъ эта непонятная боль—виоліемція».

Словомъ, очень хорошо говорилъ, но помощи не подалъ. Даже и побывалъ у нихъ послѣ этого, но, прощаясь съ нею, сказалъ только:

— «Пересаливаете, барышня, пересаливаете!»

А она вскорячъ и еще лучше сдѣлала: взяла, да и пропала.

— Такъ совсѣмъ и пропала?—удивилась Анчка.

— Нѣтъ, прислала матери денешъ, что у нея одна бѣдная подруга заболѣла въ черной оспѣ и у нея престарѣлая мать и за ней никто ходить не хочетъ, такъ вотъ докторъ Ферштетъ и взялся лѣчить, а наша Клавдичка ее навѣстила и осталась при ней сестрой милосердной ухаживать, а домой денешъ прислала, у матери прощенія проситъ, что боится заразу занести.

Анчка вздохнула и сказала:

— Повѣрьте, она испорчена.

— Да, все можетъ-быть; а поговори съ ней, такъ у нея

опять и это тоже будто по евангелію. А сколько мать перемучилась—рябая или безъ глазъ дочь вернется,—это ей ничего. И когда она благополучно вернулась, то опять просили священника съ нею поговорить, и онъ ей опять сказалъ: «Пересаливаете! жестоко пересаливаете». А она ему шутитъ:

— «Это лучше; а если соль разсолится—это хуже. Тогда чѣмъ ее сдѣлать соленою?»

Но священникъ ей на этомъ хорошо осадилъ:

— «Тексты, говоритъ,—барышня, мало знать,—надо знать больше. Разсаливается соль не наша, которую всѣ нынѣ употребляютъ, а слабая соль палестинская; а наша соль елтонка крѣпкая,—она не разсаливается. А вотъ у насъ есть о соли своя пословица: что «недосолъ на столѣ, а пересолъ на спинѣ». Это бы вамъ знать надобно. Недосоленное присолить можно, а за пересолъ наказываютъ».

Но она хоть бы что, весь страхъ потеряла.

Тогда я говорю ея матери:

— «Ее простой священникъ ничего и не можетъ пристрастить, это очевидно; на нее теперь надо ужъ что-нибудь выдающееся». И упоминаю про «здѣшняго».

А сестра ея Ефросинья и себя не слышитъ отъ радости, и много стала разсказывать, что въ здѣшнемъ мѣстѣ бываетъ.

— «Попробуемъ, — говорю, — обратимся, пригласимъ, кстати и для Николая Ивановича тоже вѣдь это очень хорошо, для его воздержанія».

Но Маргарита Михайловна какъ-то замялась и что-то, вижу, утаиваетъ и неправильно отвѣчаетъ:

— «Въ моемъ горѣ,—говоритъ,—съ нею никто не можетъ».

— «Отчего это не можетъ?»

— «Оттого, что она вѣдь и сама все руководитъ себя по евангелію».

— «Полноте, пожалуйста,—говорю,—у васъ это въ душѣ отчаяніе, а отчаяніе—смертный грѣхъ. Другое дѣло, если вамъ жаль денегъ; такъ вѣдь ему нѣтъ положенія, сколько денегъ давать, а сколько дадите, да и то онъ себѣ вѣдь совершенно ничего не беретъ, даже ни малости, а все для добрыхъ дѣлъ, — такъ вѣдь Клавдія Родіоновна и сама добрыя дѣла обожаетъ».

— «Не о деньгахъ,—говоритъ,— а...»

— «Хлопоты, что ли?»

— «И не хлопоты, а какую же вѣру онъ у насъ встрѣтитъ?.. вотъ съ чѣмъ совѣстно: вѣдь не только Клавдинька, а и деверь Николай Ивановичъ — онъ въ церковь ктиторомъ только для ордена пошелъ, а о своемъ воздержаніи онъ молить и не захочетъ»

— «Да, голубчикъ мой, вѣдь на это же средство есть: мы ему вѣдь и не скажемъ, что о немъ молятся: мы дадимъ видъ, будто это для Клавдиньки».

— «А Клавдинька еще хуже обидится».

— «А мы и отъ нея скроемъ; ей мы скажемъ, что это для дяди».

— «Вотъ все, значитъ, такъ и начнется у насъ обманомъ, и будетъ ли это угодно?»

— «Что же такое? да, сначала будетъ будто немножко обманъ, а кончится все въ ихъ пользу».

Маргарита стала соглашаться, а я кую желѣзо пока горячо и предлагаю, что сама готова съѣздить и все въ здѣшнемъ мѣстѣ уладить.

— «Я, молъ, найду выдающихся лицъ, которыя все знаютъ, и съѣзжу, и приглашу, и въ каретѣ навстрѣчу ему выѣду. Вамъ только и хлопотъ, что мнѣ на расходъ выдать».

А она отвѣчаетъ:

— «Не о томъ рѣчь, а что если онъ дѣйствительно всѣ принадлежности-то въ человѣкѣ насквозь видитъ, такъ я боюсь, и удивляюсь, какъ это вамъ не страшно. Или вы обѣ безгрѣшныя?»

И я, и сестра ея Ефросинья Михайловна стали ее успокаивать, что и мы не безгрѣшныя, но что этого не надо бояться, потому что онъ хоть на что ни прозритъ — все видитъ, но онъ все въ себѣ и задержитъ, а на весь свѣтъ не скажетъ. Да, наконецъ, и какіе же у васъ особенные грѣхи?

А она говоритъ:

— «Есть».

— «Что же это за грѣхъ?»

— «А я,—говоритъ,—и сама не знаю, а только всегда, когда что-нибудь противъ Клавди завожу, то это выходитъ дурно».

— «Ну, это искушеніе. А еще что жь?»

— «А еще вонъ деверь Николай Ивановичъ въ безбракѣ съ Крутильдой живетъ и для угожденія ей законнаго сына Петю отъ себя выгналъ. Я его жалѣю конфузить».

— «Матушка,—говорю.—да вѣдь это же онъ для женскаго угожденія! Вѣдь это же влюбленные мужчины и всѣ надъ дѣтьми своими подлости дѣлаютъ,—это такіе невыдающіеся пустяки!»

— «Нѣтъ, это,—говоритъ,—не пустяки, чтобъ свое дитя прогнать. Я постоянно того и гляжу, что у Клавдиньки съ дядею за его несправедливость съ Петей можетъ самый горячій скандалъ выйти».

Я поняла, что она умомъ всюду вертится и боится того, чтобы не обнаружилось, что въ ея дорогой Клавдинькѣ заключается; но въ этотъ разъ я на своемъ не настояла: не поспѣлъ еще тогда часъ воли Божіей.

Заботилась она опять, чтобы Клавдію развлекать: пробовала опять брать ложи на «Губинотовъ» и Бурбо слушать, но изъ силъ съ нею выбилась и говоритъ мнѣ:

— «Милый другъ нашъ, Марья Мартыновна, мы тебя за свою семьянку считаемъ и къ тебѣ прибѣгаючи: ты бы пустилась разъ подсмотрѣть, куда она ходитъ и кому свои деньги отдаетъ, и отчего удовольствій никакихъ не желаетъ».

Я говорю: «извольте, я для васъ готова».

И послѣ этого сразу же, какъ только Клавдинька со двора, и я сейчасъ за нею, какъ полицейскій аргентъ, и все издали. Она пѣшкомъ—и я пѣшкомъ, она на гонку—и я въ слѣдующемъ агонѣ, она на извозчика—и я тоже, но изъ глазъ ее не выпускаю. Разъ, два, три такимъ манеромъ за ней погонялась, и наконецъ выслѣдила, что чаще всего она проникаетъ въ бѣдный домикъ, и въ одну квартирку юркнула съ свертками. Я сейчасъ къ дворнику, дала ему на чай и стала разспрашивать: кто въ этой квартиркѣ живетъ?—Говоритъ: «одна бѣдственная старушка обитаетъ». Кто же къ ней ходитъ?—«Приходятъ, говоритъ, одна барышня, да племянникъ ейный». Молодой, спрашиваю, племянникъ?—«Молодой!»—И вмѣстѣ сходятся?—«Бываютъ и порознь, бываютъ и вмѣстѣ».

Поймала голубку!..

— Ее вы поймали, а меня не жмите: я вамъ сказала,

что хоть вы и просвирковатая, а я вашей иголки боюсь,— отозвалась съ усиленной полусонной оттяжкой Аичка.

— Ахъ, ты, пріятненькая! дай мнѣ только хоть твое мармеладное плечико-то поцѣловать...

— Ни за что на свѣтѣ! мои плечи не для такихъ поцѣлуевъ созданы. Продолжайте разсказывать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Взворотилась я домой къ Степеневымъ и, какъ умѣла, все имъ передала.

— Ну, да ужъ я думаю, вы сумѣете!

— Конечно, сумѣла. Парень съ дѣвкою такой выдающейся у старухи сходятся,—что тутъ еще угадывать, чѣмъ они занимаются? Я, впрочемъ,— не думай,— я не матери, а только теткѣ Ефросиньѣ Михайловнѣ сказала, а она вспомнила, что у нихъ мать была раскольница и хоть по поведенію своему была препочтенная, но во всѣхъ книгахъ у своего же дворника «дѣвкой» писалась, то ей и стало Клавдію жалко, и она дала мнѣ тридцать рублей и просила:

— «Молчи, другъ мой Мартыновна, никому объ этомъ грандеву не разсказывай: тайно бо содѣянное — тайно и судится. Ежели это уже сдѣлалось, то пусть погуляетъ, ея фигура миніатюрная, ничего незамѣтно будетъ, а мы тѣмъ часомъ ей жениха найдемъ. Тогда ужъ она не станетъ капризничать.

Стала тетка Ефросинья Михайловна ходить по свахамъ, Клавдинькѣ женіховъ выспрашивать, и успѣхъ былъ очень порядочный, даже, можно сказать, выдающійся; но она, вообрази себѣ, кто ни посватаетъ, обо всѣхъ одинъ отвѣтъ:

— «Я не знаю его образъ мыслей: нужно, чтобы мы были другъ другу по мыслямъ».

Вотъ вѣдь у нихъ — не то, чтобы какъ слѣдуетъ человѣкъ по своему роду или капиталу подходилъ, или по наружности личности нравился, а у нихъ чтобы себѣ по мыслямъ добирать!

А потомъ вдругъ сама объявляетъ, что ей по мыслямъ пришелъ Ферштетовъ родственникъ, докторъ.

Мать-то Маргарита—полная,—какъ услышала это, такъ и брякъ съ ногъ, сѣла на полъ.

Клавдинька ее поднимать, а она приказываетъ:

— «Оставь!.. Убивай меня здѣсь! Онъ изъ нѣмцевъ?»

— «Да, мама».

— «А какой онъ вѣры?»

— «Реформаторъ».

— «Что такое еще за реформаторъ, съ кѣмъ родниться приходится?»

Дядя же Николай Ивановичъ былъ подвыпивши и говоритъ:

— «Реформаторы, это я знаю: это тѣ самые, которыхъ вѣшаютъ».

— «Господи!»

А Клавдинька обернулась на него въ полъ-оборота и говоритъ:

— «Перестаньте, дяденька, мою мать тревожить и себя стыдить. Реформатская церковь есть».

Николай Ивановичъ говоритъ:

— «А это другое дѣло, но постановъ вопроса такой: я, какъ выдающійся членъ въ домѣ и петріотъ, желаю, чтобы ты выходила за правильнаго человѣка настоящей православной вѣры».

А она отвѣчаетъ:

— «Ну, полно вамъ, дядя, что вы за богословъ! вы такъ говорите, а сами и никакого православія отличить не можете».

— «Нѣтъ, это ты лжешь! Я старостой былъ и своему батюшкѣ даже набрюшникъ выхлопоталъ».

Тогда Клавдюшенька ласково его потрепала и говоритъ:

— «Вотъ только-то всего вы и знаете, какъ набрюшники выхлопатывать. Встаньте-ка лучше съ этого табурета да подите велите себя обчистить, а то вы всѣ глиною замарались».

Николай Ивановичъ ушелъ и все покончилось, но на другой день опять приходитъ къ ней въ высшемъ градусѣ и видитъ кругомъ рожи съ рожками да съ козлиными ножками, и опять ей началъ говорить:

— Когда это можно было ждать, чтобы дѣвушка, наслѣдница купеческаго рода, и этакое уродство лѣпила! На что они кому-нибудь, эти болвашки?»

А она нимало не злобится и говоритъ:

— «Вы мнѣ что-нибудь другое закажите, я вамъ по вашему заказу другое сработаю».

Дядя говоритъ:

— «Я согласенъ и могу тебѣ бюстру заказать, но только божественное».

— «Закажите».

— «Сдѣлай моего ангела Николу, какъ онъ Арія въ щеку бьетъ. Я пріиму и заплачу».

— «Лучше сдѣлайте, какъ онъ о бѣдныхъ хлопоталъ или осужденныхъ юношей отъ казни избавилъ».

— «Нѣтъ, этого я не могу. Я самъ бѣднымъ подаю и видѣлъ, какъ казнятъ... Это тоже необходимо надобно... ихъ священникъ провожаетъ... А ты представь мнѣ, какъ святитель посреди собора Арія по щекѣ хлопнулъ».

Сейчасъ и пошелъ у нихъ новый споръ, пошелъ и о казни, и о пощечинѣ, и Клавдинька въ концѣ говоритъ:— «Я этого не могу».

— «Почему? Развѣ тебѣ не все равно?»

— «Во-первыхъ, мнѣ это не равно, потому что хорошо то работать, что нравится, а мнѣ это не нравится; а во-вторыхъ, слава Богу, теперь извѣстно, что этой драки совсѣмъ и не было».

Николай Ивановичъ сначала удивился, а потомъ и сталъ кричать:

— «Не смѣй этого и говорить!.. Потому что это было, да, было! Онъ его при всѣхъ запалилъ».

А Клавдія говоритъ:—«Нѣтъ!»

Дядя говоритъ: — «Ты это только для того со мной споришь, чтобы мнѣ досадить, потому что я его уважаю».

А Клавдія отвѣчаетъ:

— «А мнѣ кажется, что я его уважаю больше, чѣмъ вы, и хочу, чтобы и вы то знали, за что его уважать должно».

И чтобы споръ порѣшить, Николай Ивановичъ вздумалъ ѣхать ко всенощной, а оттуда къ какому-то профессору спрашивать у него: было ли дѣйствіе съ Аріемъ? И поѣхалъ, а на другой день говоритъ:

— «Представьте, я вчера съ профессоромъ на блеярдѣ игралъ и сдѣлалъ ему постановъ вопроса объ Аріи, а онъ дѣйствительно подтверждаетъ, что наша ученая правду говоритъ — угодника на этомъ соборѣ дѣйствительно совсѣмъ не было. Мнѣ это большая непріятность, со мной черезъ это страшный переломъ религіи долженъ выйти, потому что я этотъ фактъ больше всего обожалъ, и вчера какъ

заспорилъ, то этому профессору даже бильярдный шаръ въ лобъ пустилъ; теперь или онъ на меня жалобу подастъ и я долженъ за свою вѣру въ тюрьмѣ сидѣть, или надо ѣхать къ нему прощады просить. Вотъ какая мнѣ катастрофа отъ Клавдіи сдѣлана!»

Сѣлъ и зарыдалъ.

Тутъ Ефросинья Михайловна за него вступилась и говоритъ сестрѣ:

— «Какъ ты себѣ хочешь, Маргаритенька, а что же это такое въ самомъ дѣлѣ, что отъ Клавдюши уже всѣ плачутъ; теперь и мнѣ въ твоемъ домѣ жутко, хоть со двора бѣги».

Тогда и Маргарита согласилась и ко мнѣ обращается:

— «Съѣзди, — говоритъ, — пожалуйста, Мартыновна, и пригласи».

Я отвѣчаю:

— «И давно бы такъ: благо теперь такой выдающійся случай, что окончательно всѣ принадлежности можно спутать, такъ что изъ нихъ никто и не разберетъ, для кого это дѣлается: Николай Ивановичъ будетъ думать, что это для Клавдиньки, а Клавдинька пусть думаетъ, что для Николая Ивановича».

И Маргарита, и Ефросинья меня расцѣловали.

— «Ты,—говорятъ,—у насъ умница, прокатись, милая, и все какъ должно обдѣлай, чтобы мнѣ безъ хлопотъ, только деньги выдать».

— «Извольте, но только напишите привѣтственное письмо отъ себя и отъ Николая Ивановича, какъ отъ выдающагося члена фамиліи, чтобы мнѣ было съ чѣмъ пріѣхать приглашать. Безъ этого немыслимо».

Онѣ согласились; но только вышло затрудненіе, кто это письмо напишетъ, потому что старухи пишутъ курицынкою и своего руки подчерка совѣстятся, а у меня *те*, *ша* и *ша*, *те* всегда въ одинъ видъ сливаются, и въ другой разъ смысла не выходитъ. Да и не знаемъ, какъ ему надо подписывать: просто его высокопреподобію, или высоко-оберъ-преподобію.

Вздумали: позовемъ Клавдиньку,—она больше всѣхъ катехизисъ учила и должна всѣ формы духовнаго обращенія знать.

Но только попросили Клавдиньку, чтобы пришла изъ

своей комнаты письмо написать, съ нею сейчасъ опять сразу же непріятность готова: пришла, сѣла и перо въ руки взяла, а какъ только узнала, къ кому,—опять перо положила и руку вытерла, и встала.

Мать спрашиваетъ, что это значитъ, а она извиняется:

— «Я,—говоритъ,—мама, не знаю, какъ къ этимъ господамъ писать принято, а потомъ, мнѣ кажется, что если позволите сказать вамъ мое мнѣніе, то мнѣ кажется, зачѣмъ призывать лицо изъ такой отдаленности, а своихъ ближнихъ лицъ этого званія устранять. Вѣдь они всѣ одно и то же могутъ исполнить, зачѣмъ же обижать ближнихъ?»

Старуха и задумалась.

Ну, я вижу, что это пойдетъ опять множественный разговоръ въ неопредѣленномъ наклоненіи, и скорѣй перебила.

— «Оставьте,—говорю,—я слетаю въ мѣховой магазинъ на линію, тамъ всегда ажиданію сбиваютъ, и должны знать, какъ къ нему письма писать!»—и полетѣла.

Тамъ сразу написали, и я къ Николаю Ивановичу понеслась, чтобы онъ подписалъ.

— Вотъ хлопотунья вы!—протянула Анчка.

— Да, внутри себя съ иголкой... я ужъ всегда этакая развязная и живая. Но представь ты себѣ... я не знаю, ты вѣришь или не вѣришь въ искушенія?

— Какъ же, вѣрю, а въ другой разъ не вѣрю.

— Завсегда вѣрь; я всегда вѣрю, и они какъ нарочно бываютъ, когда человѣкъ къ вѣрѣ близится. Такъ и тутъ, вообрази, что случилось!..

Николая Ивановича я въ ихъ магазинѣ не застала. Приказчики говорятъ, что онъ опять въ угарѣ и пошелъ съ галантерейными голанцами въ «Паганистанъ» завтракать и шары катать. Я въ «Паганистанъ» и посылаю съ швейцаромъ письмо, чтобы Николай Ивановичъ подписалъ, а онъ уже всѣхъ голанцевъ разогналъ и одинъ сидитъ, черный кофе съ коньякомъ пьетъ и къ себѣ меня въ кабинетъ требуетъ. Я вхожу и вижу, что у него рожа бургонская, потому что онъ не только отъ вчерашняго еще не прохладился, а на старыя дрожди еще много и новаго усердія подбавилъ. Сталъ читать и ничего уже не разбираетъ. Держитъ листокъ и самъ спрашиваетъ меня:

— «Про что это здѣсь настрочено это къ Коринфеямъ посланіе,—я ничего не понимаю».

Я говорю:—«Это въ вашемъ же желаніи, о выдающемся благочестіи, чтобы Клавдинькѣ дать полезную назидацію».

А онъ отвѣчаетъ:—«По мнѣ теперь все равно; если Аріи плюхи не дано, такъ не надо никому и назиданія».

А я и ухватилась за это.

«Вотъ,- говорю,- мы въ этомъ же и сдѣлали политическій комплотъ, чтобы ее, нашу ученую, и упровергнемъ и покажемъ ей плюху во всю щеку румянца. Такъ и такъ: я вотъ кого на нее привезть хочу и только за вами дѣло стало, чтобы вы письмо подписали и встрѣтить поѣхали. Вамъ это не трудно будетъ надѣть на себя на одинъ часъ свои принадлежности».

— «Нѣтъ,—говоритъ,—теперь такой постановъ вопроса, что я въ выдающемся родѣ разстроенъ, у меня въ подземельномъ банкѣ самыя вредныя послѣдственныя дѣла вскрываются, и если еще узнаютъ ко всему этому, что я особенное благочестіе призываю, то непремѣнно подумаютъ, что я совсѣмъ прогорѣлъ, и это мнѣ всего хуже. А вашъ женскій политическій комплотъ я и знать не хочу, а поѣду, все остальное промотаю и на сестру векселей напишу».

Я вижу, что онъ въ такомъ безразсудкѣ, и домой его зову, но онъ и слышать не хочетъ.

— «Да ты,—говоритъ,—что это... давно, что ли, на домашняго адвоката экзаменъ сдалъ? такъ я тебя сейчасъ же или по-домашнему побью, или такой постановъ вопроса сдѣлаю, что позову изъ общей залы политическаго аргента и тебя за комплотъ подъ надзоръ отдамъ. А если хочешь всего этого избавиться, то отправимся со мною вмѣстѣ, заѣдемъ въ родительный домъ».

- «Зачѣмъ,—говорю,—батюшка, зачѣмъ въ родительный домъ?»

- «Мы тамъ захватимъ съ собою одну знакомую дежурную акушерку, Марью Амуровну».

- «Да что ты, осатанѣлъ, что ли! мнѣ не нужно дежурную акушерку».

Но онъ вѣдь такой неостойчивый, что какъ прицѣпится, то точно піявокъ или банная листа. Къ чему онъ затѣялъ эту акушерку, и пошелъ ее выхвалять такъ, что я даже понять не могу, на какомъ она иждивеніи.

— «Марья Амуровна,—говоритъ,—въ акушеркахъ состоитъ только для принадлежности званія, а она живетъ

въ свое удовольствіе: поѣдемъ съ ней въ отель Лангетеръ и будемъ безъ всего дурного антруи клюко пить, и она будетъ одна танцовать».

— «Такъ зачѣмъ же,—говорю,—антруи ѣхать? Я не хочу, вдвоемъ поѣзжайте».

— «Нѣтъ, — говоритъ, — теперь къ женскому полу кто вдвоемъ ѣздитъ—гоненіе; Марьѣ Амуровнѣ могутъ быть непріятности, а ты будешь при насъ въ родѣ родственной дамы за ширмой торчать. Я тебѣ за это на караганчатомъ мѣху тальму дамъ».

И какъ присталь, какъ ущемилъ меня: ѣдемъ и ѣдемъ антруи, такъ и не отпалъ какъ піявокъ, и я должна была ѣхать, и все его безобразіе видѣла: до самаго утра они короводились, а я за ширмой спала, пока акушерка дальше и больше начала съ нимъ спорить, и онъ съ нею поссорился, и она одна уѣхала. Тогда я насилу могла уговорить его выйти и въ карету сѣсть. Но и то дорогой все назадъ рвется,—говоритъ:

— «Мнѣ еще рано, вѣдь я полунощникъ».

Я говорю: — «Какая же теперь полнощь! Посмотри на часы-то на каланчѣ: вѣдь ужъ утро!»

А онъ отвѣчаетъ:—«Эти часы невѣрно стрѣлку показываютъ, а я по тому сужу, что фиміазмы слышу; это значитъ ночные фортепьянщики съ ящиками ѣдутъ, — стало-быть, до утра еще далеко».

И вдругъ ему показалось, будто ему въ «Лангетерѣ» чужую шляпу надѣли. Никакъ его не могу переспорить, что на немъ его собственная шляпа, которая и была.

— «Нѣтъ, — говоритъ, — я отлично помню, что у меня былъ надѣтъ круглый цилиндръ, а зачѣмъ теперь на мнѣ плоскій цилиндръ? Это, можетъ-быть, какой-нибудь вашъ политическій компотъ дѣйствуетъ, а съ меня такъ монументальную фотографію снимутъ, и я потомъ долженъ буду за тебя или еще за какую-нибудь другую фибзу отвѣчать и послѣдую въ отдаленныя мѣста, даже и самимъ ангеламъ невѣдомыя... Нѣтъ, ты меня въ компотъ не запутаешь. Я тебѣ самъ политическій процессъ сдѣлаю и буду кричать: — Спаси, Господи...»

И началъ городового звать.

Чтобы его утихомирить, я уже и говорю ему: — «Чортъ

съ тобою совсѣмъ, возвращайся въ «Лангетеръ», я на всѣ ваши виды согласна.

Онъ и успокоился.

— «Хорошо,—говоритъ,—вотъ это я люблю. Мы теперь и не будемъ возвращаться, а поѣдемъ съ тобою на танцовальный вечеръ. Этихъ хозяевъ осуждаютъ, для чего къ нимъ честныя дамы не ѣздятъ,—ну, вотъ я къ нимъ тебя и привезу вмѣсто честной дамы. Тамъ до поздняго утра безобразить можно... Но только смотри — дома объ этомъ типунъ... ни слова!»

— «Да ужъ, разумѣется, говорю, типунъ. Что мнѣ за радость про свой срамъ-то разсказывать, куда ты меня, несчастную, возишь».

А онъ ласковый сдѣлался и говоритъ:

— «А ты, если хочешь покойна быть,—не думай ничего дурного: это мѣсто общественное, тутъ пальтошниковъ нѣтъ, а разная публика и при ней популярные совѣтники и интригантусы; мы здѣсь въ своей компаніи всю анкогниту видимъ и называемъ себя: «дружки». Три мускатера: Тушасъ, Тушасъ и Тулясъ, а я у нихъ командиръ. Тушасъ—это веселый голанецъ; а Тушасъ химикомъ съ завода считается, но онъ не химикъ, а вотъ именно самый популярный совѣтникъ, онъ присовѣтуетъ; а Тулясъ—интригантусъ, онъ всѣхъ и спутаетъ. Ему стоитъ чью-нибудь карточку показать—и все сдѣлаетъ, познакомится, спутаетъ и въ руки доставитъ».

— «Господи! да это насчетъ чего же?»

А онъ отвѣчаетъ:—«Насчетъ чего хочешь и не хочешь».

— «Жалованье большое вамъ идетъ?»

— «Аргенту,—говоритъ,—и интригантусу идетъ, а я по своему благородному желанію изъ чести поступилъ, а теперь назадъ вонъ выйти уже невозможно».

Публика же въ этомъ ихъ обществѣ все оказались больше одни кукоты да кукотки, и кукоты всѣ неглиже какъ попало, а кукотки одѣ разодѣты въ шелковье, а нѣкоторыя скромно, будто въ траурѣ, и всѣ подходятъ къ Николаю Ивановичу, какъ знакомыя, и кричатъ: «Командиръ», «Командиръ», и меня нисколько не конфузятся, а руки подаютъ и зовутъ вѣжливо: «метеву-плясъ», то-есть значитъ: садитесь на мѣсто. А ему — вообрази, какъ только онъ увидалъ аргента и интригантуса,—опять постановъ

вопроса о компотѣ въ голову лѣзетъ, и онъ мнѣ шепчетъ на ухо:

— «Ты, пожалуйста, пей и не отказывайся, а то у меня этотъ интригантусъ теперь передъ глазами вертится, и если я на тебя разсержусь, то я ему могу про компотъ разсказать, а онъ послѣ, пожалуй, и меня самого запутаетъ».

Я ни жива, ни мертва. Думаю: пьяный все сказать можетъ,—но ньо поневолѣ и не знаю, чѣмъ дѣло кончится. А компанія у нихъ ужаснѣйшая: голанецъ этотъ, какъ арбузъ комышенскій, а аргентъ и интригантусъ сами небольшіе, но съ страшными усами, а Николаю Ивановичу и всѣхъ еще мало и онъ набираетъ еще въ компанію кого попадя и мнѣ рекомендуетъ: «этотъ актеръ—я его, говоритъ, люблю: онъ въ томъ состарѣлся, что при столахъ всѣхъ смѣшитъ». И цѣлуетъ его: «Пей, мамочка!»—«Этотъ сочинитель: онъ мнѣ къ именинамъ нѣжную эпитафію напишетъ». «Этотъ—художникъ: онъ мнѣ планъ садовой керамиды Крутильдѣ на дачу сдѣлаетъ, а этотъ въ оперѣ генералъ-басъ, лучше Петрова пѣть можетъ»... А потомъ на минуту мужчинъ броситъ и къ траурнымъ кукоткамъ по-французски... да все плохо у него выходитъ,—все вставляетъ: «команъ-диръ», да «команъ-диръ», а тѣ ему—«трешепете», да «тре-журавле»,—и вѣерами его хлопаютъ, а онъ тыръ-тыръ-тыръ, и пермете муа сортиръ, и запкнется, и снятится. И опять скорѣй по-русски чего-нибудь требуетъ: все ему подавайте, что нужно и что никому не нужно, а французинки только «пасе», да «перепасе», не столько ѣдятъ, сколько ковыряютъ, а фиціанты все еще танцуютъ и расковыренное назадъ уносятъ, а за буфетомъ втройнѣ счетъ приписываютъ, а онъ знай командуетъ: «клюко, корнишонъ, брадолѣсъ, цыгаръ такихъ, да цыгаръ этакихъ!» И все «пасе» да «перепасе», и отъ ѣды отвали, а только пьютъ, чокаются и заспорили про театральныхъ.

Актеръ сталъ генералъ-баса упровергать и говоритъ, что противъ Петрова ему никогда не спѣть, и такую Ругнѣду развели, что всѣ кукотки ушли, а маскатеры ужъ одинъ другого крошатъ какъ попало и все ни во что не считаютъ. Кто-то кричитъ уже, что про Петрова совсѣмъ и вспоминать не стоитъ. А другой перекрикиваетъ: «я Тумберлика всѣмъ предпочитаю». А третій: «я Кальцонари и Бозю слушалъ»... «А я помню еще какъ Бурбо выходила въ

«Трубедурѣ». а Лавровская въ «Волшебномъ Стрѣльцѣ». Тутъ кто-то про Лавровскую сказалъ: «А зачѣмъ она когда поетъ, то глазами моргаетъ?» А Николай Ивановичъ за нее заступился и закричалъ, что онъ всѣхъ выше одну Лавровскую обожаетъ, и сталъ ее представлять: заморгалъ вѣками и запѣлъ женскимъ голосомъ:

«Мѣдный конь въ полѣ палъ!
Я пѣшкомъ прибѣжалъ!»

А одному военному это не понравилось, и онъ говоритъ: — «Лучше нашу кавказскую полковую»,—и завелъ:

«Въ долинѣ Дрягестанна
Съ винцомъ въ груди
Заснулъ отрадно я».

А другіе раздѣлились и хватили подтягивать кто кому попало, и завели такую кутиню, что стало невозможности, и вдобавокъ вдругъ у Николая Ивановича съ офиціантами возъярился споръ изъ-за цыгаръ и дѣло до страшнаго рубкопашнаго боя угрожается. Онъ спрашивалъ какое-то «Буэно-Густо», и палили, а когда ящикъ потребовалъ, то оказалась надпись «Гуэно-Бусто», или будь оно пусто, а Николай Ивановичъ взялъ всѣ цыгары разломалъ и расшвырялъ и ногами притопалъ. Это ужъ такой обыкновенный конецъ его поведенія, чтобы сдѣлать рубкопашную.

Тогда сейчасъ, чтобы этого не допустить, явился нѣмецъ или еврей изъ-за буфета и начинаетъ его стыдить по-французски, а онъ, когда до денегъ дошло, уже не хочетъ затруднять себя по-французски, а высунулъ впередъ кукишъ и по-нѣмецки спрашиваетъ:

— «Это хабензи гевидѣлъ?»

— «То-есть, значитъ, вы не хотите платить?»

— «Нѣтъ,—говоритъ:—подавай мнѣ счетъ!»

А когда подали счетъ, такъ онъ не принимаетъ: «Тутъ, говоритъ, все присчитано».

Провѣряетъ.—«Что это писано: «салатъ съ агмарами»— я это не требовалъ.... «Огурцы капишоны»—не было ихъ».

Еврей ему ужъ по-русски говоритъ:

— «Помилуйте, какъ же не было!—Вѣдь этакъ можно сказать, что и ничего не было подано».

— «Нѣтъ,—говоритъ,—этакъ со мной не разговаривать! Я что видѣлъ на столѣ, за то плачу. Вотъ я вижу, что на столѣ лежитъ рыба-фишъ и изволь бери за нее шишъ, я

за нее плачу, а супъ братаньеръ здѣсь не былъ и ты его приписалъ, и я не плачу».

— «Да какой супъ братаньеръ?.. про него и не писано».

— «Ну, все равно, ты другое приписалъ».—И такъ заспорилъ—что хочешь съ нимъ дѣлай, онъ ни гроша не платитъ.

Я говорю этому хозяину:

— «Сдѣлайте милость, теперь его оставьте... вѣдь это онъ только теперь этакъ... а завтра пришлите ему въ кладовую счетъ... онъ вообще господинъ очень хорошій».

А еврей отвѣчаетъ:

— «Мы знаемъ, что онъ вообще господинъ очень хорошій, но только зачѣмъ онъ такой дурной платитъ!»

Однако выпустили. Думаю, наконецъ, съ миромъ изыдемъ, анъ нѣтъ: въ швейцарской захотѣлъ-было что-то дать швейцару изъ мелочи и заспорилъ:

— «Не мои калоши,—говоритъ,—мнѣ подали: мои были на пятакахъ съ набалдашниками!»

Шумѣлъ, шумѣлъ и всю мелочь опять назадъ въ карманъ сунулъ и ничего не далъ, и уѣхалъ.

На воздухѣ дремать сталъ и въ просоньяхъ все крестится и твердитъ: «сан-петь, сан-петь».

Я его все потрогиваю—какъ бы онъ не умеръ—онъ и очнулся.

— «Я, говорю,—испугалась, чтобы ты не умеръ».

— «И я,—говоритъ,—испугался: мнѣ показалось, что у меня тузъ и дама самъ-пикъ и король самъ-бубенъ»...

«Эге! думаю, батюшка: вонъ ты ужъ какъ залепеталъ!»

— «Высуньтесь,—говорю, вы, Николай Ивановичъ, въ окошко—вамъ свѣжесть воздуха пойдетъ».

Онъ высунулся и подышалъ, и говоритъ:

— «Да, теперь хорошо... теперь уже нѣтъ фиміазмы. Значитъ, всѣ фортепьянщики проѣхали... и вонъ мелочныя лавочки ужъ открываютъ. Утро, благословн, Господи! Теперь постановъ вопроса такой, что ты вылѣзай вонъ и ступай домой, а я одинъ за заставу въ простой трактиръ чай пить поѣду».

Я говорю:—«Отчего же не дома пить чай?»

— «Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчаетъ:—что ты за домашній адвокатъ, я за заставу хочу и буду тамъ ждать профес-

сора: я съ нимъ теперь объ Аріи совсѣмъ другой постановъ вопроса сдѣлаю».

— «А какъ же,—говорю,—письмо подписать?»

А онъ меня—къ чорту.

Я даже заплакала, потому что какъ же быть? Все, что̀ я претерпѣла, значитъ, хинью пошло. Начинаю его упрашивать, даже руку поцѣловала, а онъ хоть бы что!

— «Не задерживай, — говоритъ,—вотъ тебѣ рубль, иди въ мелочную лавку, пускай за меня лавочникъ подпишетъ: они это дѣйствуютъ».—А самъ меня вонъ изъ кареты пихаетъ.

Я и высѣла, и вошла въ лавочку. Лавочникъ крестится,—говоритъ: «первая покупательница. Господи благослови», а подписать за Николая Ивановича не согласился,—говоритъ: «Конечно, это дѣло пустое, но мы нынче полиціи опасаемся, и даже чернилъ въ лавкѣ не держимъ». На мое счастье тутъ читальщикъ вбѣжалъ, покислѣе квасу захотѣлъ напиться, и онъ мнѣ совѣтъ далъ вскочить въ церковь къ вынимальщику, который просвиры подписываетъ. Тотъ, говоритъ, подпишетъ. Онъ и подписалъ, да на что-то, глупецъ, ненужныя слова прибавилъ: «Николай Степеневъ *и всѣхъ сродниковъ ихъ*».

Я этого тогда, спасибо, и не досмотрѣла.

Довольно съ меня, намучилась, сунула письмо за лифъ и домой пришла и все поведенье его степенства сестрамъ разсказала, начиная съ Марьи Амуровны, но подъ клятвою, и говорю:

— «Теперь сами думайте, что̀ съ нимъ дѣлать».

Маргарита Михайловна, однако, еще и тутъ не рѣшалась,—все держалась наклоненія неопредѣленнаго, думала, что для нея довольно того будетъ, если она у него довѣренность назадъ отберетъ. «Но впрочемъ,—прибавила,—если Клавдинька не откажется отъ своей жизни и простоты и чтобы за реформатора замужъ идти, то я согласна: поѣзжайте и просите».

Позвали Клавдиньку.

— «Клавдія! можетъ-быть, ты ночью обдумалась и не будешь стоять на томъ, что тебѣ Ферштетовъ братъ по мыслямъ, тогда скажи, мы Марью Мартыновну и не пошлемъ».

А та со всегдашнею своею ласковостью отвѣчаетъ:

— «Нѣтъ, мамочка, я не могу это отдумать: онъ честный и добрый человѣкъ, и я его потому люблю, что могу съ нимъ согласно къ одной цѣли жизни идти».

— «Какая же это цѣль жизни вашей: чтобы не столько о себѣ, какъ о другихъ заботиться?»

— «Да, мама, чтобы заботиться не только о самихъ себѣ, но и о другихъ».

— «Это, значитъ, чужія крыши крыть».

Тогда Маргарита Михайловна обратилась ко мнѣ и говоритъ:

— «Въ такомъ разѣ, Марья Мартыновна, поѣзжайте».

Тутъ я въ первый разъ видѣла, какъ Клавдинька себѣ измѣнила.

Скрытница, скрытница, однако покраснѣла и твердо заговорила:

— «Мама! Если вы эту непонятную посылку дѣлаете для меня, то увѣряю васъ... это ни къ чему не поведетъ».

— «Ничего, ничего! Пусть это будетъ».

— «Да вѣдь, родная, изъ этого ровно ничего не выйдетъ!»

— «Ну, это мы еще увидимъ. У людей польза была, и намъ поможетъ. Поѣзжайте, Марья Мартыновна».

Клавдинька еще просить стала, чтобы оставить, но мать отвѣтила:

— «Наконецъ, что тебѣ за дѣло: я просто для себя желаю въ выдающемся родѣ молиться! Надѣюсь, я имѣю на это право?»

— «Ну, какъ вамъ угодно, мама!»—отвѣтила Клавдинька и ушла къ себѣ своихъ лѣсныхъ чертей лѣпить, а я отправилась творить волю пославшаго и думала все здѣсь просто обхлопотать, вотъ какъ и ты теперь смѣло надѣешься.

— Да вы про меня не безпокойтесь!—отозвалась Анчка.— Я смѣла и знаю, почему я могу быть смѣла: я капиталу не пожалѣю, такъ кого захочу, того къ себѣ, куда вздумаю, туда въ первомъ классѣ въ купэ и выпишу.

— Ну, я не знаю, сколько ты намѣрена не пожалѣть, но, однако, и съ капиталомъ иногда шишъ съѣшь.

— Полноте, съ капиталомъ-то... всякому можно сказать: «хабензи гевидѣлъ».

— Нѣтъ, какъ ототрутъ, такъ и не «гевидишь».

— Какъ же это меня отъ собственнаго моего капитала ототрутъ?

— Да, да, да! Такъ и я тогда поѣхала, такъ и мнѣ тогда все казалось очень легко.

— А отчего же тяжело-то сдѣлалось?

— Оттого, что ни одинъ человѣкъ на свѣтѣ не можетъ себѣ всего представить, что̀ можетъ быть при большой ажидаціи.

— Да вы это не закидывайте, чтобы услугу свою выставлять, а разсказывайте: что̀ же такое было съ вами самое выдающееся?

— «Хабензи» увидишь.

— Ну... послушайте... вы этакъ со мною не смѣйте... я это не люблю.

— А отчего же?

— А оттого же, что вы моихъ шутокъ не повторяйте, а разсказывайте мнѣ: какъ вы сюда пріѣхали и что̀ за этимъ начинается.

— Ну, начинаются басомпьеры.

— Вотъ и постойте: начинаются «басомпьеры»—что̀ же это такое за басомпьеры?.. Вы, кажется, на меня дуетесь? такъ вы не дуйтесь и тоже и не говорите сердитымъ голосомъ: я вѣдь при своемъ капиталѣ ничего не боюсь, и я васъ не обидѣла, а баловать, кто у меня служитъ, я не люблю. Говорите же, что же это такое басомпьеры?

— Люди такъ называемые.

— Вотъ и разсказывайте.

Бѣдная Марья Мартыновна вздохнула и, затанвъ въ себѣ вздохъ на половину, продолжала повѣствованіе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

— Начались мои муки здѣсь,—заговорила снова Марья Мартыновна:—съ перваго же шага. Какъ я только высѣла и пошла,—сейчасъ мнѣ попался очень хорошій человѣкъ извозчикъ—такой смирный, но рѣчистый—очень хорошо говорилъ. И вотъ онъ видитъ, что мнѣ здѣсь мѣсто не знакомое, кланяется и говоритъ:

— «Пожелавъ вамъ всего хорошаго, осмѣлюсь спросить: вѣрно вамъ нужно къ пѣвцу или въ Ажидацію?»

Я даже не поняла и говорю:

— «Что̀ такое за пѣвецъ, зачѣмъ мнѣ къ нему?»

— «Онъ,—говоритъ,—все аккордомъ дѣлаетъ».

И это мнѣ извозчикъ говорилъ очень полезное и хорошо, но я не поняла, что значитъ: «аккордъ», и отвѣчала:

— «Мнѣ нужно просто—гдѣ собирается ажидація».

Извозчикъ тихо говоритъ:

— «Просто ничего не выйдетъ, а пѣвецъ лучше вамъ устроитъ аккордъ, такъ какъ онъ его сопровождающій и всегда у него при локтѣ».

— «Ну,—я говорю,—вѣрно это какой-нибудь аферистъ, а я съ такими не желаю, и тебя слушать не намѣрена».

— «Ну, садитесь,—говоритъ,—я васъ за двугривенный свезу въ Ажидацію».

И привезъ меня сюда честно, но мнѣ и здѣсь какъ-то дико показалось. Внизу я тогда никого не застала, кромѣ мальчика, который съ конвертовъ марки склеиваетъ. Спросила его:

— «Здѣсь ли ожидаютъ?»

Онъ шопотомъ говоритъ:—«Здѣсь».

— «А гдѣ же старшіе?»

Не знаетъ. И все, о чемъ его ни спрошу, все онъ не знаетъ: видать—школеный, ни въ чемъ не проговорится.

— «А зачѣмъ,—говорю,—столько марокъ собираешь? Это знаешь ли?»

Это знаетъ.

— «За это,—отвѣчаетъ,—въ Ерусалимѣ бутыль масла и цыбикъ чаю даютъ».

Умный, думаю, мальчишка,—какой хозяйственный, но все-таки, чѣмъ его дѣтскія рѣчи здѣсь слушать, пойду-ка я лучше въ храмъ, посмотрю, не тамъ ли сбиваютъ ажидацію, а кстати и боготворной иконѣ поклонюсь.

Около храма—внизу—кучка людей, должно быть тоже съ ажидаціей, а какіе-то люди еще все подходятъ къ нимъ и отходятъ, и шушукаются.—ни дать, ни взять, какъ пальтошники на панеляхъ. Я сразу ихъ такъ и приняла за пальтошниковъ и подумала, что, можетъ-быть, и здѣсь съ прохожихъ монументальныя фотографіи снимаютъ, а послѣ узнала, что это они-то и есть здѣшней породы басомньеры. И между ними одинъ ходитъ этакой аплетическаго сложенія, и у него страшно выдающійся бугровый носъ. Онъ подходитъ ко мнѣ и съ фономъ спрашиваетъ:

— «По чьей рекомендаціи и гдѣ пристали?»

Я говорю:—«Это что за спросъ! Тебѣ что за дѣло?»

А онъ отвѣчаетъ:—«Конечно, это наше дѣло: мы всѣ при немъ отъ Моисея Картоныча».

— «Брысь! Это еще кто такой Моисей Картонычъ и что онъ значитъ?»

— «Ага!—говоритъ.—а вамъ еще невѣстно, что онъ значитъ! Такъ узнайте: онъ въ болотѣ на цаплиныхъ яйцахъ сидитъ—живыхъ журавлей выводитъ».

Я ему сказала, что мнѣ это не интересно, и спросила: не знаетъ ли онъ, гдѣ риндательша?

Онъ качнулъ головой на церковь.

— «А скоро ли, спрашиваю, кончатъ вечерню?»

— «У насъ нонъче не вечерня, а всенощная».

— «Не можетъ быть,—говорю,—завтра нѣтъ никакого выдающагося праздника».

— «Да, это у васъ нѣтъ, а у насъ есть».

— «Какой же у васъ праздникъ?»

— «А право,—говоритъ,—въ точности не знаю: или семь святыхъ дѣвъ, или теченіе головы Потоковы».

— «Ну,—говорю,—я вижу, что хотя вы и возлѣ святыни чего-то ожидаете, а сами мерзавцы».

— Да, да,—отвѣчаетъ,—а вамъ, пожелавъ всего хорошаго, отходи, пока не выколочена».

Я больше и говорить не стала, вошла въ храмъ и отстояла службу, но и тутъ все замѣчаю, будто шепчутъ аргенты.—и напало на меня безпокойство, что непремѣнно какъ сунутся къ боготворной иконѣ, такъ у меня вытащатъ деньги. Вышла я и возвратилась сюда и помѣстилась вотъ точно такъ же здѣсь, только въ маленькой-премаленькой комнаткѣ, за два рубля, и увидала тутъ въ коридорѣ самыхъ разныхъ людей и стала слушать. Одинъ офицеръ изъ Ташкента пріѣхалъ и оттуда жену привезъ: такъ съ нею вѣдь какое невообразимое несчастіе сдѣлалось: они по страшной жарѣ въ тарантасѣ на верблюдѣ ѣхали, а верблюдъ идетъ неплавно, все дергаетъ, а она грудного ребенка кормила, и у нея отъ колтыханья въ грудяхъ изъ молока кумысъ свертѣлся!.. Ребенокъ отъ этого кумыса умеръ, а она не хотѣла его въ песокъ закопать и получила черезъ это родъ помѣшательства. И они вотъ эти-то желали, чтобы имъ завтра получить самое первое благословеніе и побольше денегъ. То-есть, разумѣется, не сама

сумасшедшая этого добивалась, а ея мужъ. Этакой, правду сказать, съ виду непріятный, и съ красными глазами, такъ около всѣхъ здѣшнихъ и юлитъ, чтобы ему устроили полученіе, и всѣхъ подговариваетъ: «Старайтесь, — что Богъ дастъ—все пополамъ». А его и слушать не хотятъ. Зачѣмъ дѣлить пополамъ, когда всякъ самъ себѣ все радъ получить! Ну, а я какъ денежнаго благословенія у него себѣ просить не намѣрена, то по самолюбію своему и загордячилась — думаю: что мнѣ такое? — мнѣ никто не нуженъ! Такъ все и надѣялась своимъ бабскимъ умомъ сама обхватить и достигнуть выдающейся цѣли своей ажидаціи: но въ комъ сила содержится и что есть самое выдающееся, того и не поняла.

— А что же здѣсь самое выдающееся? —полюбопытствовала Аничка.

— Вотъ отгадай.

— Я не люблю отгадывать: впрочемъ, вѣрно—благословеніе?

— То-то и есть: благословеніе, но какое? Всякій говоритъ «благословеніе», а что именно такое заключаетъ въ себѣ благословеніе, это не всякій понимаетъ. Ты вѣдь священную исторію, небось, учила?

— Учила, да ужъ все позабыла.

— Какъ это можно! Все позабыть это немыслимо.

— Ну, вотъ, а я забыла.

— Ну, вспомни про Исава и Якова. Ихъ Богъ еще въ утробѣ не сравнилъ: одного возлюбилъ, а другого возненавидѣлъ.

Аничка разсмѣялась.

— Чего же ты, милушка, смѣешься?

— Да что вы какіе пустяки врете!

— Нѣтъ, извини, это не пустяки.

— Да какъ же, развѣ я не понимаю... въ утробѣ ребенокъ ничего не пьетъ и не ѣстъ, а только потѣетъ. Въ чемъ же тутъ причина, за что можно ихъ одного возлюбить, а одного возненавидѣть? Это только мать можетъ ненавидѣть, которая стыдится тяжелой быть, а Богъ за что это?

— Ну, ужъ за что возненавидѣлъ Богъ—объ этомъ ты не у меня, а у духовныхъ спроси; но первое благословеніе всегда бываетъ самое выдающееся. Яковъ надѣлъ себѣ

на руки овечьи шалунки и первое выдающееся благословеніе себѣ и сцапалъ, а Исаву осталось второе. Второе благословеніе—это уже не первое. Въ здѣшнемъ мѣстѣ ужъ замѣчено, что самое выдающееся—это то, гдѣ его раньше получатъ. Тамъ и исполненіе будетъ и въ деньгахъ, и отъ вполіемціи, а что позже пойдетъ, то все будетъ слабѣе. «Сила его исходяще и совѣщающе».

— Вотъ это я помню, что объ этомъ я гдѣ-то учила,— вставила Анчка.

— Нѣтъ, а я хотя объ этомъ и не учила, а взяла да свою записку сверху другихъ и положила, но риндательша меня оттолкнула и говоритъ: «Пожалуйста здѣсь не распоряжайтесь». Однако, онъ мое письмо прочиталъ и говоритъ:

— «Вы сами, или нѣтъ, Степенева?»

— «Никакъ нѣтъ,—говорю,—я простая женщина».

Онъ перебилъ:

— «Всѣ простые, но вѣдь есть еще Ступины—или Стукины».

— «Нѣтъ,—отвѣчаю,—я не отъ тѣхъ,- я отъ Степеневыхъ. Домъ выдающійся».

— «Кто у нихъ боленъ?»

— «Никто, — отвѣчаю, — не боленъ: всѣ, слава Богу, здоровы».

— «Такъ о чемъ же вы просите?»

Отвѣчаю:—«Я по ихъ порученію: просятъ васъ къ себѣ и желаютъ на добрыя дѣла пожертвовать».

— Хорошо,—говоритъ,—я послѣзавтра буду и ожидайте».

Я благословилась и съ первымъ отходомъ ѣду назадъ съ ажидаціей. И на душѣ у меня такая побѣдная радость, что никому я не кланялась и ничего не дала ни пѣвцу, ни сѣвцу, ни риндательшѣ, а все такъ хорошо и легко обдѣлала. Всѣмъ, кто вмѣстѣ со мною возвращается, я какъ сорока болтаю: вотъ послѣзавтра онъ у насъ первыхъ будетъ, мнѣ велѣлъ себя ждать съ каретою. Разспрашиваютъ: какъ моя счастливая фамилія? А я по своей простотѣ ничего дурного не подозрѣваю и всѣмъ, какъ дура, откровенно говорю, что моя фамилія ничтожная, а счастливая фамилія—это выдающіеся купцы Степеневы. Тутъ еще споръ вышелъ изъ-за того, что это фамилія выдающаяся или не выдающаяся. Только одинъ поваръ вступился:

— «Я,—говоритъ,—знаю фруктовщиковъ Степеневыхъ, такъ тѣ выдающіеся: я черезъ нихъ у генерала мѣста лишился за то, что они мнѣ фальшивый сыръ подвернули».

А другіе пассажиры совсѣмъ будто никакихъ Степеневыхъ не знаютъ, а я имъ сдуру и пошла все расписывать,—совсѣмъ и въ понятіи не имѣю, что изъ этого при человѣческой подлости можетъ выйти.

— А что же выйдетъ?—протянула Анчка.

— Ахъ, какой фортъ ангейль вышелъ! Вдругъ на меня напалъ ташкентскій офицеръ и началъ кричать: «Замолчите вы, пустозвонка! мнѣ васъ скверно слушать, вы меня раздражаете! Я этому человѣку въ его святость совсѣмъ не вѣрю: я вотъ къ нему со своею больною двѣнадцать рублей проѣздилъ, а онъ мнѣ всего десять рублей подалъ! Это подлость! Пьетъ изъ ушата, а цѣдитъ горсточкой; а его подлокотники въ трубы трубятъ и печатаютъ. Это базаръ!»

Всѣ отъ его крика даже присмирѣли, потому что видъ у него сдѣлался очень жадный: женѣ онъ швырнулъ два баранка, какъ собаченочкѣ, а самъ ходитъ и во всѣ стороны глаза мечетъ.

Люди тихо говорятъ:—«Не отвѣчайте ему,—это петріотъ механику строитъ».

Но одинъ лавочникъ его призналъ и пояснилъ:

— «Никакой онъ, — говоритъ, — не петріотъ, а просто мошенникъ, и которую онъ несчастную женщину при себѣ за жену возитъ—она ему вовсе не жена, а съ постоялаго двора дурочка».

И точно, только-что мы пріѣхали и стали вылѣзать, къ нему сейчасъ два городовыхъ подошли и повели его въ участокъ, потому что эту женщину родные разыскиваютъ.

Повздыхали всѣ: ахъ, ахъ, ахъ! Какая низость! Какой обманъ! И подивились, какъ онъ ничего этого не прозрѣлъ! А потомъ испугались. Да и гдѣ можно все это проникать въ такой сутолокѣ! И разсыпались всѣ по своимъ домамъ.

Пріѣзжаю и я прямо къ Маргаритѣ Михайловнѣ и говорю ей: «Креститесь и радуйтесь, Богъ милость послалъ. Послѣзавтра на нашей улицѣ праздникъ будетъ и васъ счастье осѣнитъ: я согласіе получила и утромъ мнѣ надо ѣхать встрѣчать его на ажидаціи».

Всѣ тутъ обрадовались, и Маргарита Михайловна, и Ефросинья Михайловна, и начали меня разспрашивать: «узнала ли я, чѣмъ его принимать и просить». Я говорю: я все узнала, но не надо ничего особенно выдающагося, кромѣ чаю съ простой булкой и винограду; а если откушать согласится, то надо супъ съ потрохами.

— «А можетъ-быть, какого-нибудь вина превосходнаго?»

— «Вина,—говорю,—можно подать только превосходной мадеры, но самое главное вы сейчасъ разрѣшите, кто поѣдетъ его встрѣчать на ажидацію: вы ли сами, или я, или Николай Иванычъ, если онъ въ своей памяти. По-моему, всѣхъ лучше Николай Иванычъ, такъ какъ онъ мужчина и членъ въ домѣ выдающійся. Только если онъ теперь опять не съ буланцемъ».

Рѣшили, что Николай Иванычъ и я вдвоемъ поѣдемъ. Какъ-нибудь ужъ его на этотъ часъ уберечь можно. Оттуда Николай Иванычъ пусть съ нимъ вмѣстѣ въ карету усядется, а я назадъ на пролеткахъ пріѣду.

На счастіе наше, Николай Иванычъ ввечеру явился въ раскаяніи и въ забытьи: идетъ и самъ впереди себя руками водитъ и бармутитъ:

— «Дорогу, дорогу... идетъ гласъ вопіющій... уготовьте путь ему въ пустынѣ... о, Господи!»

Да и застрялъ въ углу, и началъ искать чего-то у себя по карманамъ.

Я подошла и говорю: — «Чего, опять вчерашняго дня, небось, ищете? Удаляйтесь скорѣй на покой».

А онъ отвѣчаетъ:

— «Подожди... тутъ у меня въ карманѣ очень важный сужектъ былъ, и теперь нѣтъ его».

— «Какой же сужектъ?»

— «Да вотъ Твердамасковъ мнѣ съ Крутильды пробный портретъ безбилье сдѣлалъ, и я его хотѣлъ сберечь, чтобъ никому не показать, да вотъ и потерялъ. Это мнѣ непріятно, что его могутъ разсматривать. Я поѣду его разыскивать».

— «Ну ужъ, — говорю, — это нѣтъ. Попалъ домой — теперь типунъ, больше не уѣдешь», — и мы его на всѣ два дня заперли, чтобъ опомнился.

И спала я послѣ этого у себя ночь какъ въ раю, и все

вокругъ меня летали безплотные ангелы,—ликовъ не видно, а этакъ все машутъ, все машутъ!

— Какіе же они сами?—полюбопытствовала Аничка.

— А вотъ похожи какъ пѣвчіе въ формѣ и въ такихъ же халатикахъ. А какъ сонъ прошелъ и начался другой день, то начались опять и новыя мученія. Съ самаго ранняго утра стали мы хлопотать, чтобы все къ завтрему приготовить. И все уже они безъ меня и ступить боятся: мы съ Ефросиньюшкой вдвоемъ и въ курятную потроха выбирать ходили, чтобы самые выдающіеся, и Николая Иваныча наблюдали, а на послѣзавтра, когда встрѣчѣ быть, я сама до свѣта встала и побѣжала къ Мирону-кучеру, чтобы онъ закладывалъ карету какъ можно лучше.

А онъ у нихъ престрашный грубіянъ и искусный отвѣтчикъ, и ни за что не любитъ женщинъ слушаться. Что ему ни скажи, на все у него колкій отвѣтъ готовъ:

— «Я самъ все формально знаю».

Я ему говорю:

— «Теперь же, нынче ты не груби, а хорошенько закладывай, нынче случай выдающійся».

А онъ отвѣчаетъ:

— «Ничего не выдающее. Мнѣ все равно: заложу какъ слѣдно по формѣ, и кончено!»

Но еще больше я безпокоилась, чтобы безъ меня Клавдинька изъ дома не ушла или какую-нибудь другую свою трилюзію не исполнила, потому что всѣ мы знали, что она безвѣрная. Твержу Маргаритѣ Михайловнѣ:

— «Смотри, мать, чтобы она не выкинула чего-нибудь выдающагося».

Маргарита Михайловна сказала ей:

— «Ты же, Клавдюша, пожалуйста нынче куда-нибудь не уйди».

Она отвѣчаетъ:—«Полноте, мама, зачѣмъ же я буду уходить, если это вамъ непріятно».

— «Да вѣдь ты ни во что не вѣришь?»

— «Кто это вамъ, мамочка, такія нелѣпости наговорилъ, и зачѣмъ вы имъ вѣрите!»

А та обрадовалась.

— «Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ты во что-нибудь вѣруешь?»

— «Конечно, мама, вѣрую».

— «Во что же ты вѣруешь?

— «Что есть Богъ и что на землѣ жилъ Іисусъ Христосъ, и что должно жить такъ, какъ учитъ Его Евангеліе».

— «Ты это истинно вѣришь—не лжешь?»

— «Я никогда не лгу, мама».

— «А побожись!»

— «Я, мама, не божусь: Евангеліе вѣдь не позволяетъ божиться».

Я вмѣшалась и говорю:

— «Отчего же не побожиться для спокойствія матери?»

Она мнѣ ни слова; а та ее уже цѣлуетъ съ радости и твердитъ:

— «Она никогда не лжетъ, я ей и такъ вѣрю, а это вотъ вы всѣ хотите, чтобы я ей не вѣрила».

— «Что вы, что вы!—говорю я:—во что вы хотите, я во все вѣрю!»

А сама думаю: вотъ при немъ вся ея вѣра на повѣркѣ окажется. А теперь съ ней разводовъ разводить нечего, и я бросилась опять къ Мирону посмотрѣть, какъ онъ запрягаетъ, а онъ уже запрягъ и подаетъ, не самъ въ простомъ армякѣ.

Я зашумѣла:

— «Что же ты не надѣлъ армякъ съ выпухолью?»

А онъ отвѣчаетъ:

— «Садись, садись, не твое дѣло: выпухоль только зимой полагается».

Вижу его, что онъ злой-презлой.

Николай Иванычъ сѣлъ смирно со мною въ карету, а двѣ дамы дома остались, чтобы насъ встрѣтить, а между тѣмъ съ нами начались такія выдающіяся приключенія, что превзошли все, что было у Исава съ Яковомъ.

— Что же это случилось?—воскликнула Анчка.

— Отхватили у насъ самое выдающееся первое благословеніе.

— Какимъ же это манеромъ?

— А вотъ это и есть Моисей Картонычъ!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Пріѣхали мы съ Николаемъ Иванычемъ въ каретѣ.—онъ со всѣми принадлежностями, съ ктиторской медалью на шеѣ и съ иностраннымъ орденомъ за шахово подношеніе,

а я одѣта по обыкновенію, какъ слѣдуетъ, скромно, ничего выдающагося, но чисто и пристойно. А народу совокупилась непроходимая куча, и стоитъ нѣсколько каретъ съ ажидаціей, и на простыхъ лошадяхъ, и на стриженыхъ,— на козлахъ брумы съ хлопальными арапниками и полицейскіе со всѣми въ рубкопашную бросаются—хотятъ всѣхъ по ранжиру ставить, но не могутъ.

Помощникъ пристава тутъ же, какъ встрепаный воробей, подпрыгиваетъ и уговариваетъ публику:

— «Господа! не безобразьте!.. всѣ увидите. Для чего невоспитанность!»

Я думаю, вотъ этотъ образованный! и подхожу къ нему и прошу, чтобы велѣлъ нашу карету впереди другихъ поставить, потому что намъ назначена первая ажидація: но онъ хоть бы что!.. на всѣ мои убѣдительныя слова и вниманія не обратилъ, а только все тоторитится воробьемъ и твердитъ: «что за изверги христіанства! что за свинская невоспитанность!» А я вдругъ замѣчаю, что здѣсь же въ толпучкѣ собрались всѣ мои третьёводнишніе знакомые, съ которыми я назадъ ѣхала, и особенно та благочестивая старушка, у которой весь домъ отъ виоліемціи боленъ, и я ей все разсказывала.

— «Вотъ и вы,—говоритъ,—здѣсь?»

— «Какъ же,—отвѣчаю я,—здѣсь: къ намъ вѣдь къ первымъ обѣщано».

— «Вы вѣдь отъ Степеневыхъ, кажется?»

— «Да,—отвѣчаю,—я отъ Степеневыхъ, въ ихъ каретѣ,—Миронъ кучеръ».

— «Ахъ!—говоритъ,—Миронъ кучеръ...»

А тутъ весь народъ вдругъ вздрогнулъ и стали креститься, и ужъ какъ попрутъ, то ужъ никто другъ друга и жалѣть не сталъ, но всѣ какъ дикій табунъ толпучкою одинъ другого задавить хотятъ... Раздался такой стонъ и пискъ, что просто сказать, какъ будто бы всѣ люди озвѣрѣли и другъ друга задушить хотятъ!

Помощникъ ужъ не можетъ и кричать больше, а только стонетъ: «что за изверги христіанства! что за скоты безъ разума и безъ жалости!» А городовые пустились-было въ рубкопашную, но вдругъ протиснулись откуда-то эти тамошнія бургонскія рожи,—эти басомньеры,—тѣ, которые про спящихъ дѣвъ говорили,—и вразъ смяли всѣхъ, и городо-

выхъ, и ожидателей! Такъ и смяли! Обхватили его и прутъ прямо къ какимъ знаютъ каретамъ, и кричатъ: «сюда, сюда!» — и даже, я слышу, Степеневыхъ называютъ, а межъ тѣмъ въ чью-то не въ нашу карету его усадили и повезли.

Я стала кричать:

— «Позвольте! вѣдь это немыслимо,—это... не отъ Степеневыхъ карета... у насъ Миронъ кучеръ называется!»

А межъ тѣмъ его обманомъ усадили въ другую карету, съ той самой старушкой, съ моей-то съ благочестивой попутчицей, у которой всѣ въ виѳлеемцы, и увезли къ ней!

Анчка вмѣшалась и сказала:

— Что же—это такъ и слѣдовало.

— Почему?

— У нея больные, а у васъ нѣтъ.

Мартыновна не стала спорить и продолжала:

— Я къ помощнику, говорю:

— «Помилуйте, господинъ полковникъ, что же это за безпорядокъ!»

А онъ еще на меня:

— «Васъ,— говоритъ,— еще что такое сдѣлали? Язычница! вы больше всѣхъ лѣзли. Что вамъ на любимую мозоль, что ли, кто наступилъ? Вотъ аптека, купите себѣ пластырю».

— Не въ аптекѣ,—говорю,—дѣло, а въ томъ, что мнѣ была назначена первая ажидація, а ея нѣтъ».

— «Чего же вы ее не ухватили—ажидацію-то?»

— «Я бы ухватила, а отъ полиціи порядка не было — вы видѣли, что мнѣ и подойти было немыслимо, у меня выхватили...»

— «Что у васъ выхватили?»

— «Отсунули меня...»

— «А у васъ ничего не украдено?»

— «Нѣтъ, не украдено, а сдѣланъ обманъ ажидаціи».

А онъ на это рукою махнулъ.—«Экая важность!—говоритъ,—это и часто бываетъ».

И больше никакого вниманія.

— «Ну, васъ,—говоритъ.—совсѣмъ, отстаньте».

Я къ Николаю Иванычу, который въ каретѣ усѣлся, и говорю ему:—«Что же здѣсь будемъ стоять, надо за ними рѣзво гнаться, и взять хоть ее второй ажидаціи».

Онъ отвѣчаетъ, что ему «все равно», а Мирошка сейчасъ же спорить:

— «Гнаться,—говоритъ,—нельзя».

— «Да вѣдь вотъ еще ихъ видно на мосту. Поѣзжай за ними, и ты ихъ сейчасъ догонишь».

— «Мнѣ нельзя гнаться».

— «Отчего это нельзя? Ты вѣдь всегдашній грубецъ и искусный отвѣтчикъ».

— «То-то и есть, — говоритъ: — что я отвѣтчикъ: я и буду въ отвѣтѣ; ты будешь въ каретѣ сидѣть, а меня за это формально съ козелъ снимутъ да въ полиціи за клинъ посадятъ. Во всю мочь гнать не позволено».

— «Отчего же за ними вонъ въ чьей-то каретѣ какъ рѣзво ѣдутъ?»

— «Оттого, что тамъ лошади не такія».

— «Ну, а наши какія? Чѣмъ хуже?»

— «Не хуже, а тѣ — англицкіе тарабахи, а наши — тамбовскіе өетюки: это разница!»

— «Да ужъ ты извѣстный отвѣтчикъ, на все отвѣтишь, а просто ихъ кучеръ лучше умѣетъ править».

— «Отчего же ему не умѣть править, когда ему ихъ экономка при всѣхъ здѣсь цѣлый флаконъ вишневой пунцовки дала выпить, а мнѣ дома даже поклеванникъ съ чаемъ не дали допить».

— «Ступай и ты такъ поспѣшно, какъ онъ, тогда и я тебѣ дома цѣльную бутылку пунцовки дамъ».

— «Ну, — говоритъ, — въ такомъ разѣ формально садись скорѣй».

Сѣла я опять въ карету и погнали. Миронъ поспѣваетъ: куда они на тарабахахъ, туда и мы на своихъ өетюкахъ, не отстаемъ; но чуть я въ окно выгляну—все мнѣ кажется, будто всѣ кареты, которыя ѣдутъ — это все съ ажидаціей. Семь каретъ я насчитала, а въ восьмой увидала—двѣ дамы сидятъ, и закричала имъ:

— «Отстаньте, пожалуйста,—это моя ажидація!»

А Николай Ивановичъ вдругъ рванулъ меня сзади изо всей силы, чтобы я сѣла, и давленнымъ, злымъ голосомъ шипитъ:

— «Не смѣйте такъ орать! мнѣ стыдно!»

Я говорю: — «Помилуйте! какой съ безстыжей толпучкой стыдъ!»

А онъ отвѣчаетъ:

— «Это не толпучка, а моя знакомая блондинка; она мнѣ можетъ черезъ одно лицо самый непріятный постановъ вопроса сдѣлать».

И опять такъ меня рванулъ, что̀ платье затрещало, и я его съ сердцовъ по рукѣ, а по дверцамъ локтемъ, да и вышибла стекло такъ, что оно зазвонило въ дребезги.

Къ намъ сейчасъ подскочилъ городовой и говоритъ:

— «Позвольте узнать, что̀ за насиліе? О чемъ эта дама шумятъ?»

Николай Иванычъ, спасибо, ловко нашелся:

— «Оставь, — говоритъ,—насъ,—эта дама не въ своемъ умѣ, я ее везу въ сумасшедшій домъ на свидѣтельство».

Городовой говоритъ:—«Въ такомъ разѣ прослѣдуйте!»

Опять погнались, но тутъ какъ разъ впоперекъ погребальный процессъ: какъ на зло какого-то полкового мертвеца съ парадомъ хоронить везутъ, — духовенство много выступаетъ — всѣ по парамъ другъ за другомъ въ линію, архирей позади, а потомъ гробъ везутъ; солдаты протяжно тащатся и двѣ пушки всѣмъ вслѣдъ волокутъ, точно всей публикѣ хотятъ разстрѣлъ сдѣлать, а потомъ ужъ каретъ и конца нѣтъ, и по большей части всѣ пустыя. Ну, пока все это передъ своими глазами пропустили, онъ, конечно, уѣхалъ и тарабахи скрылись.

Поѣхали опять, да не знаемъ, куда ѣхать; но тутъ, спасибо, откуда-то взялся человѣкъ и говоритъ:

— «Прикажите мнѣ съ кучеромъ на козлы сѣсть—я сопослѣдователь и знаю, гдѣ первая ажидація».

Дали ему рубль, онъ сѣлъ и поѣхалъ, но куда ѣдемъ — опять не понимаю. Степеневыхъ домъ въ Ямской слободѣ, а мы пріѣхали на хлѣбную пристань, и тутъ, дѣйствительно, оказалась толпучка народу, собралась и стоитъ на ажидаціи... Смотрѣть даже ужасти, сколько людей! А самого-то его уже и не видать, какъ высѣлъ, — и говорятъ, что насилу въ домъ проводили отъ ожидателей. Теперь за нимъ и двери заключили, и два городовыхъ не пущаютъ, а которые загрубятъ, тѣхъ пожмутъ и отводятъ.

Но однако, впрочемъ, всѣ ожидатели ведутъ себя хорошо, ждутъ и о разныхъ его чудесахъ разговариваютъ,—гдѣ что̀ имъ сдѣлано, а все больше о выигрышахъ и о виѳліемціи, а у меня мой сударь Николай Иванычъ вдругъ взбеленился.

— «Что мнѣ, говоритъ, тутъ съ вами, ханжами, стоять! У меня виѳіемціи нѣтъ, а еще, пожалуй, опять за банкрута сочтутъ!.. Я не хочу больше здѣсь съ вами тереться и ждать. Оставайся здѣсь и жди съ каретою, а я лучше хоть на простой конкѣ на волю уѣду».

Я уговариваю:—«У Бога, говорю,—всѣ равны. Вѣдь эта ажидація для Бога. Если хотите что-либо выдающееся сподобиться, то надо терпѣливо ждать».

Кое-какъ онъ насилу согласился одинъ часъ подождать и на часы отмѣтилъ.

Часъ этотъ, который мы тутъ проманежились, я весь языкъ свой отбила, чтобы Николая Иваныча уговаривать, и за этими разговорами не замѣтила, что уже сдѣлался выходъ изъ подъѣзда, и его опять въ ту же самую секунду въ другую карету запихнули и помчали на другую ажидацію. Боже мой! второе такое коварство! Какъ это снесть! Мы опять за ними слѣдомъ, и опять намъ въ третій разъ та же самая удача, потому что Николай Иванычъ съ орденами и со всѣми своими принадлежностями нейдетъ на видъ, а прячется, а меня въ моемъ простомъ видѣ всѣ прочь отпираютъ.

А въ концѣ концовъ Николай Иванычъ говоритъ:

— «Ну, ужъ теперь типунъ! я не намѣренъ больше позади всѣхъ въ свитѣ слѣдовать. Ты сиди здѣсь и ѣзди, а я не хочу».

И съ этимъ всѣ свои принадлежности снимаетъ и въ карманъ прячетъ.

Я говорю:—«Помилуйте, какъ же я одна останусь?!. это немыслимо...»

А онъ вдругъ дерзкій сталъ и отвѣчаетъ:—«А вотъ ты и размышляй о томъ, что мыслимо, а что немыслимо, а я въ трактирѣ хоть водки выпью и закушу миногой».

— «Такъ вотъ,—говорю,—и подождите же, Богу помолитесь натощакъ, а тогда кушайте; тамъ все уже приготовлено, не только миноги, а и всякая рыба, и потроха выдающіеся, и прочія принадлежности».

Онъ меня даже къ чорту послалъ.

— «Очень мнѣ нужно!—говоритъ.—Не видалъ я, подлетвои потроха выдающіеся!»—и вмѣсто того, чтобы забѣжать въ трактиръ, сѣлъ на извозчика да и совсѣмъ уѣхалъ.

Тутъ я даже заплакала. Много я въ моей жизни низо-

стей отъ людей видѣла, но такой выдающейся подлости, чтобы такъ и силомъ отпирать, и обманно чужимъ именемъ къ себѣ завлекать и, запихнувши въ карету, увозить—этого я еще и не воображала.

Въ отчаяніи разсказала это другимъ, какъ это сдѣлано, а другіе и не удивляются, говорятъ: «вы не огорчайтесь, это съ нимъ такъ часто дѣлаютъ».

А какъ только онъ вышелъ, такъ смотрю—эти же самые, которые такъ хорошо говорили, сами же въ моихъ глазахъ, какъ тигры, рванулись и въ четвертый разъ подхватили его, запихнули въ карету и повезли.

Я просто залилась слезами и кричу Мирошкѣ:

— «Миронъ, батюшка, да имѣй же хоть ты Бога въ сердцѣ своемъ, бей ты своихъ остюковъ безъ жалости, чтобы мнѣ хоть на пятую ажиданію шибче всѣхъ подскочить, и не давай другимъ ходу! Я тебѣ двѣ пунцовки дамъ».

Миронъ отвѣчаетъ: — «Хорошо! формально дамъ ходу!» И такъ нахлесталъ остюковъ во всю силу, что они понеслись шибче тарабаховъ, и въ одномъ мѣстѣ старушонку съ ногъ спихнули, да скорѣй въ сторону, да боковымъ переломъ—опять догнали, и какъ передняя карета стала подворачивать, Миронъ ей наперерѣзъ и что-то вразъ имъ и сломалъ... Такъ защѣмилъ, что чужая карета на бокъ, а наша только завизжала.

Кучера стали ругаться.

Городовые нашихъ лошадей сгребли подъ уздцы и Мироновъ адресъ стали записывать.

А онъ ужъ опять выходитъ, но тутъ я скорѣй дверцы настежь и прямо къ нему:

— «Такъ и такъ, — говорю, — что же вы изволили намъ обѣщать къ купцамъ Степеневымъ... Они люди выдающіеся и съ самаго утра у нихъ всеобщая ажиданія».

А онъ на меня смотритъ, какъ голубокъ въ усталости или въ большомъ изумленіи, и говоритъ:

— «Ну, такъ что жъ такое? Вѣдь я уже сегодня у Степеневыхъ былъ».

— «Когда же?—говорю.—Помилуйте! Нѣтъ, вы еще не были».

Онъ вынулъ книжку, поглядѣлъ и удостовѣряется:

— «Степеневы?»

— «Да-съ».

— «Купцы?»

— «Выдающіеся купцы».

— «Да, вотъ они... выдающіеся... Они у меня и зачеркнуты... Въ книжечкѣ ихъ имя зачеркнуто. Значитъ, я у Степеневыхъ былъ».

— «Нѣтъ,—говорю,—помилуйте. Это немыслимо. Я отъ васъ ни на минуту не отстаю съ самаго утра».

— «Да я у самыхъ первыхъ у Степеневыхъ былъ. И семейство помню: старушка такая въ темномъ платочкѣ меня къ нимъ возила».

Я догадалась, кто эта старушка! Это та, передъ которой я о выдающейся фамиліи Степеневыхъ говорила.

— «Это,—говорю,—обманъ подведенъ; она не отъ Степеневыхъ, Степеневы совсѣмъ не тамъ и живутъ, гдѣ вы были».

Онъ только плечомъ воздвигнулъ и говоритъ:

— «Ну, что жъ теперь дѣлать! Теперь еще подождите; я здѣсь справлюсь и съ вами поѣду».

Я опять осталась ждать на шестую ажидацію, и тутъ я только поняла, какіе бываютъ на свѣтѣ народы, какъ эти басомпьеры! Ихъ совокупившись цѣлая артель и со старостой, который надо мною про семь спящихъ дѣвъ-то ухмылялся—это онъ и есть, аплетическаго сложенія, съ выдающимся носомъ. Бродяжки они, гольтепа, работать не охотники, и нашли такое занятіе, что подсматриваютъ... и вдругъ скучатся толпучкой и никому сквозь ихъ не пролѣзть... Если имъ дашь, они къ той каретѣ такъ его и насунутъ, а не дашь—станутъ отодвигать... и...

— Типунъ!—пошутила Анчка.

— Типунъ. Мнѣ уже послѣ старушка одна разсказала: «Полно тебѣ, — говоритъ, — дурочкой-то вослѣдъ ѣздить. Неужели не видишь — въ комъ сила! Подзови мужчину въ зеленой чуйкѣ да дай ему за труды—онъ его къ тебѣ вразъ натиснетъ. Они вѣдь съ этого только кормятся».

Я подманила этого промыслителя и дала ему гривенникъ, но онъ малый смирный—недоволенъ моей гривной, а проситъ рубль. Дала рубль—онъ къ нашей каретѣ ходъ и открылъ, понагнулъ, понапёръ и впихнулъ его въ самыя дверцы и крикнулъ:

— «Съ Богомъ!»

Получила и везу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Я было-хотѣла отдѣльно отъ него ѣхать, какъ недостойная, но онъ, препростой такой, самъ пригласилъ:

— «Садитесь, говоритъ, вмѣстѣ, ничего».

Простой-препростой, а лицо выдающееся.

Слушательница Марьи Мартыновны перебила ее и спросила:

— Чѣмъ же его лицо выдающееся?

И мнѣ, признаться, очень любопытно было это услышать, но разсказчица уклонилась отъ отвѣта и сказала:

— Вотъ завтра сама увидишь,—и затѣмъ продолжала:— Я сѣла на переднемъ сидѣньѣ и смотрю на него. Вижу, усталъ совершенно. Зѣваетъ голубчикъ и все изъ кармана письма достаетъ. Много-премного у него въ карманѣ писемъ, и онъ ихъ все вынимаетъ и раскладываетъ себѣ на колѣни, а деньги сомнетъ этакъ, какъ видно, что онѣ ему ничего не стоющія, и равнодушно въ карманъ спущаетъ и не считаетъ, потому что онъ вѣдь изъ нихъ ничего себѣ не беретъ.

— Почемъ вы это знаете?—протянула Анчка.

— Ахъ, мой другъ, да въ этомъ даже и сомнѣваться грѣшно, за это и Богъ накажетъ.

— Я и не сомнѣваюсь, а только любопытствую—у него, говорятъ, крали—кто жъ это знаетъ?

— Не думаю... не слышала

— А я слышала.

— Что же—онъ, вѣрно, свои доложилъ.

— То-то.

— Да вѣдь это видно. Его и занимаетъ... Распечатаетъ, прочитаетъ, а деньги въ карманъ опуститъ и крандашомъ отмѣтитъ, и опять новое письмо распечатаетъ, а между тѣмъ и шутитъ препросто.

— О чемъ же, напримѣръ, шутитъ?

— Да вотъ, напримѣръ, спрашиваетъ меня: — «Что же это значитъ? я у Степеневыхъ, значитъ, еще не былъ?»

— «Навѣрно,—говорю,—не были».

Онъ головой покачалъ, улыбнулся и смѣется:

— «А можетъ-быть, вы меня туда во второй разъ везете?»

— «Помилуйте,—говорю,—это немыслимо».

— «Съ вами,—отвѣчаетъ,—все мыслимо».

Потомъ опять читалъ, читалъ и опять говоритъ:

— «А у кого же это, однако, я былъ вмѣсто Степеневыхъ? Вотъ я теперь черезъ это замѣшательство не знаю, кого мнѣ теперь въ своей книжкѣ и вычеркнуть».

Я понимаю, что ему досадно, но не знаю, что̀ и сказать.

Аичка перебила:

— Какъ же онъ такой святой, а ничего не видитъ, что̀ съ нимъ дѣлаютъ!

— Ну, видишь, онъ полагалъ такъ, что Степеневы—это тѣ первые, у которыхъ онъ былъ по обману, и они его о сынѣ просили, что сынъ у нихъ ужасный грубіянъ — познакомился съ легкомысленною женщиной и жениться хочетъ, а о другихъ невѣстахъ хорошаго рода и слышать не хочетъ.

— Отчего же такъ?—спросила Аичка.

— Долгъ, видишь, обязанность чувствуетъ воздержать ее въ степенной жизни.

— Просто, небось, въ красоту влюбился.

— Разумѣется... Что-нибудь выдающееся... Но я опять къ своему обороту; говорю, что у настоящихъ Степеневыхъ сына выдающагося нѣтъ...

— «А невыдающійся что же такое дѣлаетъ?»

Я отвѣчаю, что у нихъ и невыдающагося тоже нѣтъ.

— «Значитъ, совсѣмъ нѣтъ сына?»

— «Совсѣмъ нѣтъ».

— «Такъ зачѣмъ же вы путаете: «выдающагося», «невыдающагося»?»

— «Это, извините, у меня такая поговорка. А у Степеневыхъ не сынъ, а дочь, и вотъ съ ней горе».

Онъ головой, уставши, покачалъ и спросилъ:

— «А какое горе?»

— «А такое горе, что она всему капиталу наслѣдница, и молодая, и очень красивая, но ни за что какъ слѣдуетъ жить не хочетъ».

Онъ вдругъ вслушался и что-то вспомнилъ:

— «Степеневы, говоритъ... Позвольте, вѣдь это именно ихъ братъ Ступинъ?»

Я не поняла, и онъ затруднился.

— «Вѣдь мы же теперь къ Ступинымъ?»

— «Нѣтъ, къ Степеневымъ: Ступины — это особливые, а Степеневы—особливые; вотъ ихъ и домъ и на воротахъ сигналъ: «купцовъ Степеневыхъ».

Онъ остро посмотрѣлъ, какъ будто отъ забытья проки-нулся, и спрашиваетъ:

— «Для чего сигналъ?»

— «Надпись, чей домъ обозначено».

— «Ахъ, да, вижу, надпись».

И вдругъ всѣ остальные не распечатанные конверты со-бралъ и въ нутреной карманъ сунулъ и сталъ выходить у подъѣзда.

А народу на ажидацію у нашего подъѣзда собралось ви-димо и невидимо. Всю улицу запрудили толпучкой и еще за нами слѣдомъ четыре кареты подъѣхали съ ажидаціей.

Мы за нимъ двери въ подъѣздѣ сильно захлопнули, и тутъ случилась большая досада: одной офицершѣ, которая въ домъ насильно пролѣзть хотѣла, молодецъ два пальца на рукѣ такъ прищемилъ, что съ ней даже сдѣлалось въ родѣ обморока.

А только-что это уладили, полицейскій звонится, чтобы Мирона за задавленіе старухи и за поломъ чужого экипажа въ участокъ брать протоколъ писать. Мы скорѣй спрятали Мирона въ буфетную комнату, и я ему свое обѣщанье — пунцовку — дала, а внутри въ домѣ ожидало еще больше выдающееся.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Онъ вошелъ, разумѣется, чудесно, какъ честь-честью, и сказалъ: «миръ всѣмъ», и всѣхъ благословилъ, и хозяйку Маргариту Михайловну, и сестру ея Ефросинью Михай-ловну, и слугъ старшихъ, а какъ коснулось до Николая Ивановича, то оказывается, что его, милостивѣйшаго государя, и дома нѣтъ. Тогда маменька съ тетенькой бросились къ Клавдичкѣ, а Клавдичка хоть и дома, но, изволите видѣть, къ службѣ выходить не намѣрена.

Онъ спрашиваетъ:—«Дочка ваша гдѣ?»

А бѣдная Маргарита Михайловна, вся въ стыдѣ, отвѣ-чаетъ:

— «Она дома, она сейчасъ!»

А чего «сейчасъ», когда та и не думаетъ выходить!

Раньше этого была съ матерью ласкова и обнимала ее и ни слова не сказала, что не выйдетъ, а тутъ, когда мы уже пріѣхали и мать къ ней внѣ себя вскочила и стала говорить:

— «Ѣдетъ, ѣдетъ!»

Клавдичка ей преспокойно отвѣчаетъ:

— «Ну, вотъ, мама, и прекрасно; я за васъ теперь рада, что вамъ удовольствіе».

— «Такъ выйди же его встрѣчать и подойди къ нему!»

Но она тихую улыбку сдѣлала, а этого исполнить не захотѣла.

Мать говоритъ:—«Значитъ, ты хочешь сдѣлать мнѣ непріятность?»

— «Вовсе нѣтъ. мама, я очень рада за васъ, что вы хотѣли его видѣть, и это ваше удовольствіе исполняется».

— «А тебѣ, стало-быть, это не удовольствіе?»

— «Мнѣ, мамочка, все равно».

— «А какъ же ты говорила, что и ты въ Бога вѣришь?»

— «Конечно, мама, вѣрю, и мнѣ кромѣ Его никого и не надобно».

— «А исполнять по вѣрѣ, стало-быть, тебѣ ничего и не надобно?»

— «Я, мамочка, исполняю».

— «Что же ты исполняешь?»

— «Всѣмъ повелѣнное: ѣсть хлѣбъ свой въ потѣ лица и никому зла не дѣлать».

— «Ахъ, вотъ въ чемъ теперь твоя вѣра? Такъ знай же, что ты мнѣ большое зло дѣлаешь».

— «Какое?.. Что вы, мама!.. Ну, простите меня».

— «Нѣтъ, нѣтъ! Ты меня срамишь на весь нашъ родъ и на весь городъ. Въ малярихи или въ прачки ты, что ли, себя готовишь? Что ты это на себя напустила?»

А та стоитъ да глинку мнетъ.

— «Брось сейчасъ твое лѣпленье!»

— «Да зачѣмъ это вамъ, мама?»

— «Брось! сейчасъ брось! и сними свой фартукъ и выйди со мною, а то я съ тебя насильно фартукъ сорву и всю твою эту глиномятную антиллерію на полъ сброшу и ногами растопчу!»

— «Мамочка,—отвѣчаетъ,—все, что вамъ угодно, но выходить я не могу».

— «Отчего?»

— «Оттого, что я почитаю, что все это не слѣдуетъ».

Тутъ мать уже не выдержала и—чего у нихъ никогда не было—бранным словомъ ее назвала:

— «Сволочь!.. гадина!»

А дочь ей съ ласковымъ укоромъ отвѣчаетъ:

— «Мамочка! мама!.. вы послѣ жалѣть будете».

— «Выходи сейчасъ!»

— «Не могу».

— «Не можешь?»

— «Не могу, мама».

А та—хлопъ ея фигуру на полъ и начала ее каблуками топтать. А какъ дочь ее захотѣла-было обнять и успокоить, то Маргарита-то Михайловна до того вспылила, что прямо ее въ лицо и ударила.

— Эту статую?—спросила Аичка.

— Нѣтъ, другъ мой, саму Клавдиньку. «Не превозносись!» Клавдинька-то такъ и ахнула и обѣими руками за свое лицо схватилась и зашаталась.

— За руки бы ее!—замѣтила Аичка.

— Нѣтъ, она этого не сдѣлала, а стала просить только:

— «Мамочка! пожалѣйте себя! Это ужасно, вѣдь вы женщина! Вы никогда еще такой не были».

А Маргарита Михайловна задыхается и говоритъ:

— «Да, я никогда такой не была, а теперь вышла. Это ты меня довела... до этого. И съ этой поры... ты мнѣ не дочь: я тебя проклинаю и въ комиссію прошеніе пошлю, чтобы тебя въ неисправимое заведеніе отдать».

И вотъ въ этакомъ-то положеніи, въ такомъ-то разстройствѣ, сейчасъ послѣ такого представленія — къ нему на встрѣчу!.. и можешь ли ты себѣ это вообразить, какое выдающееся стенаніе!

Онъ, кажется, ничего не замѣтилъ, что къ нему не всѣ вышли, и сталъ передъ образами молебенъ читать, — онъ вѣдь не поетъ, а все отъ себя прочитываетъ, — но мы никто и не молимся, а только переглядываемся. Мать взглянетъ на сестру и видъ дастъ, чтобы та еще пошла и Клавдиньку вывела, а Ефросинья сходитъ да обратный видъ подаетъ, что «не идетъ».

И во второй разъ Ефросинья Михайловна пошла, а мать опять все за ней на дверь смотритъ. И во второй разъ дверь отворяется, и опять Ефросинья Михайловна входитъ одна и опять подаетъ мину, что «не идетъ».

А мать мину дѣлаетъ: отчего?

Маргарита Михайловна мнѣ мину даетъ: иди, дескать, ты уговори.

Я—мину, что это немыслимо!

А она глазами: «пожалуйста», и на свое платье показываетъ: «дескать, платье подарю».

Я пошла.

Вхожу, а Клавдинька собираетъ глиняные оскребки своего статуя, котораго мать сшибла.

Я говорю: — «Клавдія Родіоновна, бросьте свои трелюзіи—утѣшьте маманшу-то, выйдите пожалуйста».

А она мнѣ это же мое послѣднее слово и отвѣчаетъ:

— «Выйдите пожалуйста!»

Я говорю: — «Жестокое въ васъ сердце какое! Чужихъ вамъ жаль, а мать ничего не стоитъ утѣшить, и вы не можете. Вѣдь это же можно сдѣлать и безъ всякой безъ вѣры».

— Разумѣется,—поддержала Анчка.

— Ну, кончено! Господи, вѣдь не во все же вѣришь, о чемъ утверждаютъ духовные, но не препятствуешь имъ, чтобы другіе имъ вѣрили.

Но только-что я ей эту назидацію провела, она мнѣ повелѣваетъ: «Выйдите!»—А за что?—«За то, говоритъ, что вы—воплощенная ложь и учите меня лгать и притворяться. Я не могу васъ выносить: вы мнѣ гадкое говорите».

Я вернулась и какъ только начала объяснять миною все, что было, то и не замѣтила, что онъ уже читать пересталъ и подошелъ къ жардиньеркѣ, сломалъ съ одного цвѣтка вѣточку и этой вѣточкой сталъ водой брызгать. И самъ всѣхъ благодаритъ и поздравляетъ, а ничего не поетъ. Все у него какъ-то особенно выдающееся.

— «Благодарю васъ, — говоритъ,—что вы со мной помолились. Но гдѣ же ваши прочіе семейные?»

Вотъ и опять лгать надо: о Николаѣ Ивановичѣ и солгали, сказали, что его къ графу въ комиссію потребовали.

— «А дочь ваша, гдѣ она?»

Ну, тутъ уже Маргарита Михайловна не выдержала и молча заплакала.

Онъ понялъ, и ее какъ ангелъ обласкалъ, и говоритъ:

— «Не огорчайтесь, не огорчайтесь! въ молодости много необдуманнаго случается, но потомъ увидятъ свою пользу и оставятъ».

Старуха говоритъ:

— «Дай Богъ! дай Богъ!»

А онъ успокаиваетъ ее:

— «Молитесь, вѣрьте и надѣйтесь, и она будетъ такая-жъ, какъ всѣ».

А та опять:

— «Дай Богъ».

— «И дастъ Богъ! По вѣрѣ вашей и будетъ вамъ. А теперь если она не хочетъ къ намъ выйти, то не могу ли я къ ней взойти?»

Маргарита Михайловна, услыхавъ это, отъ благодарности ему даже въ ноги упала, а онъ ее поднимаетъ и говоритъ:

— «Что вы, что вы!.. Поклоняться одному Богу прилично, а я человѣкъ».

А я и Ефросинья Михайловна тою минутою бросились обѣ въ Клавдинькину комнату и говоримъ:

— «Скорѣе, скорѣе!.. ты не хотѣла къ нему выйти, такъ онъ теперь самъ къ тебѣ желаетъ придти».

— «Ну, такъ что же такое?»—отвѣчаетъ спокойно.

— «Онъ тебя спрашиваетъ, согласна ли ты его принять?»

Клавдинька отвѣчаетъ:

— «Это домъ мамашинъ; въ ея домѣ всякій можетъ идти куда ей угодно».

Я бѣгу и говорю:—«Пожалуйте».

А онъ мнѣ ласково на отвѣтъ улыбнулся, а Маргаритѣ Михайловнѣ говоритъ:

— «Я вамъ говорю, не сокрушайтесь; я чудесъ не творю, но если чудо нужно, то всегда чудеса были, и есть, и будутъ. Проводите меня къ ней и на минуту насъ оставьте, мы съ ней должны говорить въ одномъ вездѣприсутствіи Божіемъ».

— «Конечно, Боже мой! развѣ мы этого не понимаемъ! Только помоги, Господи!»

— Ну, я бы не вытерпѣла,—сказала Анчка:—я бы подслушала.

— А ты погоди, не забѣгай.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Мы его въ Клавдинькину дверь впустили, а сами скорѣе обѣжали вокругъ черезъ столовую, откуда къ ней въ комнату окно есть надъ дверью, и вдвоемъ съ Ефросиньей Михайловной на столъ влѣзли, а Маргарита Михайловна,

какъ грузная, на столъ лѣзть побоялась, а только къ дверному створу ухо присунула слушать.

Онъ, какъ вошелъ, сейчасъ же положилъ ей свою руку на темя и сказалъ по-духовному:

— «Здравствуй, дочь моя!»

А она его руку своею рукою взяла да тихонько съ головы и свела и просто пожала, и отвѣчаетъ ему:

— «Здравствуйте».

Онъ не обидѣлся и началъ съ ней дальше хладнокровно на «вы» говорить.

— «Могу ли я у васъ сѣсть и побесѣдовать?»

Она отвѣчаетъ:

— «Если вамъ это угодно, садитесь, только не запачкайтесь: на васъ одежда шелковая, а здѣсь есть глина».

Онъ посмотрѣлъ на стулъ и сѣлъ, и не замѣтилъ, какъ рукавомъ это ея маленькое евангельице нечаянно столкнулъ, а безъ всякаго множественнаго разговора, прямо спросилъ ее:

— «Вы лѣпленіемъ занимаетесь?»

Она отвѣчаетъ:—«Да, лѣплю».

— «Конечно, вы это дѣлаете не по нуждѣ, а по желанію?»

— «Да, и по желанію, и по нуждѣ».

Онъ на нее посмотрѣлъ выразительно.

— «По какой же нуждѣ?»

— «Всякій человѣкъ имѣетъ нужду трудиться; это его назначеніе и въ этомъ для него польза».

— «Да, если это не для моды, то хорошо».

А она отвѣчаетъ:

— «Если кто и для моды сталъ заниматься трудомъ вмѣсто того, что прежде ничего не дѣлалъ, то и это тоже не плохо».

Понимаешь, вдругъ сдѣлала такой оборотъ, какъ будто не онъ, а она ему будетъ давать назидацію. Но онъ ее сталъ строже спрашивать:

— «Мнѣ кажется, вы слабы и нездоровы?»

— «Нѣтъ,—говоритъ она:—я совершенно здорова».

— «Вы, говорятъ, мяса не ѣдите?»

— «Да, не ѣмъ».

— «А отчего?»

— «Мнѣ не нравится».

— «Вамъ вкусъ не нравится?»

— «И вкусъ, и просто я не люблю видѣть передъ собою трупы».

Онъ и удивился.

— «Какіе,—спрашиваетъ,—трупы?»

Она отвѣчаетъ:—«Трупы птицъ и животныхъ. Кушанья, которыя ставятъ на столъ, вѣдь это все изъ нихъ труповъ».

— «Какъ! это жаркое или соусъ—это трупы! Какое пустомысліе! И вы дали обѣтъ соблюдать это во всю жизнь?»

— «Я не даю никакихъ обѣтовъ».

— «Животныхъ, — говоритъ, — показано употреблять въ пищу».

А она отвѣчаетъ:—«Это до меня не касается».

Онъ говоритъ:

— «Стало-быть, вы и больному не дадите мяса?»

— «Отчего же, если ему это нужно, я ему дамъ».

— «Такъ что же?»

— «Ничего».

— «А кто васъ этому научилъ?»

— «Никто».

— «Однако, какъ же вамъ это пришло въ голову?»

— «Васъ это развѣ интересуетъ?»

— «Очень! потому что эта глупость теперь у многихъ распространяется, и мы ее должны знать».

— «Въ такомъ разѣ я вамъ скажу, какъ ко мнѣ пришла эта глупость».

— «Пожалуйста!»

— «Мы жили въ деревнѣ съ няней и некому было зарѣзать цыплятъ, и мы ихъ не зарѣзали, и жили, и цыплята жили, и я ихъ кормила, и я увидала, что можно жить, никого не рѣзавши, и мнѣ это понравилось».

— «А если-бъ въ это время къ вамъ пріѣхалъ больной человѣкъ, для котораго надо зарѣзать цыпленка?»

— «Я думаю, что для больного человѣка я бы цыпленка зарѣзала».

— «Даже сама!»

— «Да,—даже сама».

— «Своими, вотъ этими, нѣжными руками!»

«Да,—этими руками».

Онъ воздвигъ плечами и говоритъ:

— «Это ужасъ, какая у васъ непослѣдовательность!»

А она отвѣчаетъ, что для спасенія человѣка можно сдѣлать и непослѣдовательность.

— «Просто мракобѣсіе! Вы, можетъ-быть, и собственности не хотите имѣть?»

— «При какихъ обстоятельствахъ?»

— «Это все равно».

— «Нѣтъ, не равно; если у меня два платья, когда у другой нѣтъ ни одного, то я тогда не хочу имѣть два платья въ моей собственности».

— «Вотъ какъ!»

— «Да вѣдь это такъ же и слѣдуетъ, это такъ и указано!»

И съ этимъ ручку изволитъ протягивать къ тому мѣсту, гдѣ у нея всегда ея маленькое евангельице лежитъ, а его тутъ и нѣтъ, потому что онъ его нечаянно смахнулъ, и теперь онъ ее самъ остановилъ,—говоритъ:

— «Напрасно будемъ объ этомъ говорить».

— «Отчего же?»

— «Оттого, что вы только къ тому все и клоните, чтобы доказывать, что прямое криво».

— «А мнѣ кажется, какъ будто вы все только хотите показать, что кривое прямо!»

— «Это,—говоритъ,—все мракобѣсіе въ васъ, оттого что вы не несете въ семействѣ своихъ обязанностей. Отчего вы до сихъ поръ еще дѣвушка?»

— «Оттого, что я не замужемъ».

— «А почему?»

Она на него воззрилась.

— «Какъ это почему? Потому что у меня нѣтъ мужа».

— «Но вы, можетъ-быть, и бракъ отвергаете?»

— «Нѣтъ, не отвергаю».

— «Вы признаете, что самое главное призваніе женщины жить для своей семьи?»

Она отвѣчаетъ:—«Нѣтъ, я иного мнѣнія».

— «Какое же ваше мнѣніе?»

— «Я думаю, что выйти замужъ за достойнаго человѣка очень хорошо, а остаться дѣвушкою и жить для блага другихъ—еще лучше, чѣмъ выйти замужъ».

— «Почему же это?»

— «Для чего же вы меня объ этомъ спрашиваете? Вы навѣрно сами это знаете: кто женится, тотъ будетъ нести

заботы, чтобы угодить семьѣ, а кто одинъ, тотъ можетъ имѣть заботы шире и выше, чѣмъ о своей семьѣ».

— «Вѣдь это фраза».

— «Какъ,—говоритъ,—фраза!» — И опять руку къ столику, а онъ ее опять остановилъ и говоритъ:

— «Не трудитесь доказывать: я знаю, гдѣ что сказано, но все же надо умѣть понимать: родъ человѣческій долженъ умножаться для исполненія своего назначенія».

— «Ну, такъ что же такое?»

— «И должны рождаться дѣти».

— «И рождаются дѣти».

— «И надо, чтобы ихъ кто-нибудь любилъ и воспитывалъ».

— «Вотъ, вотъ!—это необходимо!»

— «А любить дитя и пещись о его благѣ дано одному только сердцу матери».

— «Совсѣмъ нѣтъ».

— «А кому же?»

— «Всякому сердцу, въ которомъ есть любовь Божія».

— «Вы заблуждаетесь: никакое стороннее сердце не можетъ замѣнить ребенку сердце матери».

— «Совсѣмъ нѣтъ; это очень трудно, но это возможно».

— «Но вѣдь заботиться объ общемъ благѣ можно и въ бракѣ».

— «Да, но это еще труднѣе, чѣмъ не вступать въ бракъ».

— «Итакъ, у васъ нѣтъ ничего жизнерадостнаго».

— «Нѣтъ, есть».

— «Что же такое?»

— «Пріучаться жить не для себя».

— «Въ такомъ случаѣ, вамъ всего лучше идти въ монастырь».

— «Для чего же это?»

— «Тамъ ужъ это все приноровлено къ тому, чтобы жить не для себя».

— «Я совсѣмъ не нахожу, чтобы тамъ это такъ было приноровлено».

— «А вы развѣ знаете, какъ живутъ въ монастыряхъ?»

— «Знаю».

— «Гдѣ же вы наблюдали монастырскую жизнь?»

А она уже его перебиваетъ и говоритъ:

— «Извините меня... развѣ не довольно, что я вамъ отвѣчаю на все, о чемъ вы меня допрашиваете обо мнѣ

самой, но я не имѣю обыкновенія ничего разсказывать ни о комъ другомъ», — и сама берется при немъ мять свою глину, какъ бы его тутъ и не было.

— Ишь какая, однакоже, она шустрая!—замѣтила Аничка.

— Да чѣмъ, мой другъ?

— Ну все, однако, какъ хотите—этакъ отвѣчать можетъ, и онъ ее не срѣжетъ.

— Ну, нѣтъ... онъ ее срѣзалъ, и очень срѣзалъ!

— Какъ же именно?

— Онъ ей сказалъ:—«Неужто вы такъ обольщены, что вамъ кажется, будто вы лучше всѣхъ понимаете о Богѣ?» А она на это отвѣчать не могла и созналась, что: «я, говоритъ, о Богѣ очень слабо понимаю и вѣрую только въ то, что̀ мнѣ нужно».—«А что вамъ нужно?»—«То, что есть Богъ, что воля Его въ томъ, чтобы мы дѣлали добро и не думали, что здѣсь наша настоящая жизнь, а готовились къ вѣчности. И вотъ, пока я объ этомъ одномъ помню, то я тогда знаю, чего во всякую минуту Богъ отъ меня требуетъ, и что̀ я должна сдѣлать; а когда я начну припоминать: какъ кому положено вѣрить? гдѣ Богъ и какой Онъ?—тогда у меня все путается и позвольте мнѣ не продолжать этого разговора: мы съ вами не сойдемся».

Онъ говоритъ:—«Да, мы не сойдемся, и я вамъ скажу—счастье ваше, что вы живете въ наше слабое время, а то вамъ бы пришлось покоптиться въ кострѣ».

А она отвѣчаетъ: — «И вы бы меня, можетъ-быть, проводили?»

И сама улыбнулась, и онъ улыбнулся и ласково ей говоритъ:

— «Послушайте, дитя мое: вашу мать такъ сокрушаетъ, что вы не устроены, а долгъ дѣтей свою мать жалѣть».

Ее все будто вдругъ погнуло и на глазахъ слезы выступили.

— «Умилосердитесь,—говоритъ,— неужто вы думаете, что я, прожившій двадцать лѣтъ съ моею матерью, понимаю ее и жалѣю меньше, чѣмъ вы, пріѣхавши къ намъ сейчасъ по ея приглашенію!»

А онъ говоритъ:—«Ну, и хорошо, и если вы такая добрая дочь, такъ изберите же себѣ достойнаго жениха».

— «Я его уже избрала».

— «Но этотъ выборъ не одобряетъ ваша мать».

— «Мама его не хочетъ узнать».

— «Да что-жъ ей его и узнавать, когда онъ иновѣрецъ!»

— «Онъ христіанинъ!»

— «Полноте! отчего вамъ не уступить матери и не выбрать себѣ мужа изъ своихъ людей, обстоятельныхъ и извѣстныхъ ей и вашему дядѣ?»

— «Чѣмъ же не обстоятеленъ тотъ, кого я выбрала?»

— «Иновѣрецъ».

— «Онъ христіанинъ, онъ любитъ всѣхъ людей и не различаетъ ихъ породы и вѣры».

— «А вотъ и прекрасно: если ему все равно, то пусть и приметъ нашу вѣру».

— «Для чего же это?»

— «Чтобы еще тѣснѣе соединиться во всемъ съ вами».

— «Мы и такъ соединены тѣсно».

— «Но отчего же не сдѣлать еще тѣснѣе?»

— «Оттого, что тѣснѣе того, чѣмъ мы соединены, насъ ничто больше соединить не можетъ».

Онъ посмотрѣлъ на нее внимательно и говоритъ:

— «А если вы ошибаетесь?»

А она вдругъ порывисто отвѣчаетъ:

— «Извините, я совершеннолѣтняя, и я себя чувствую и понимаю: я знаю: что я была до извѣстной поры и чѣмъ я стала теперь, когда во мнѣ зародилась новая жизнь, и я не промѣняю моего теперешняго состоянія на прежнее. Я люблю и почитаю мою мать, но... вы вѣрно знаете, что «тотъ, кто *въ насъ*, тотъ больше всѣхъ», и я принадлежу ему, и не отдамъ этого никому, ни даже матери».

Сказала это и даже задохнулась и покраснѣла.

— «Извините, — добавила: — я вамъ, кажется, отвѣтила рѣзко, но зато я больше уже ничего не могу дополнить»,— и двинула стулъ, чтобы встать.

И онъ тоже двинулся и отвѣтилъ:

— «Нѣтъ, отчего же, если вы ужъ такъ соединены... чувствуете новую жизнь...»

А она встала и строго на него посмотрѣла и говоритъ:

— «Да, мы такъ соединены, что насъ нельзя разъединить. Кажется, больше говорить не о чемъ!»

Онъ отъ нея даже откачнулся и тихо сказалъ:

— «Мнѣ кажется, вы на себя... наговариваете!»

А она ему преспокойно:

— «Нѣтъ! все, что я говорю, все то и есть!»

А Маргарита Михайловна въ это же самое мгновеніе— «ахъ!» да и съ ногъ долой въ обморокъ, а я, какъ самая глупая овца, забыла, что стою на концѣ гладильной доски, и спрыгнула, чтобъ помочь Маргаритѣ, а гладильная доска перетянулась, да Ефросинью Михайловну сронила и меня другимъ концомъ пониже поясницы, и всѣ трое ниспроверглись и лежимъ. Грохотъ этакой на весь домъ сдѣлался. И онъ это услыхалъ, и всталъ, и весь въ волненіи сказалъ Клавдинькѣ:

— «Какія ужасныя волненія!.. И все это черезъ васъ!..»

Она ему ни словечка.

Тогда онъ вздохнулъ и говоритъ:

— «Ну, я не могу терять больше времени и ухожу».

А Клавдинька ему тихо въ отвѣтъ:

— «Прощайте».

— «Прощайте,—и ничего болѣе? Прощаясь со мною, вы не имѣете сказать мнѣ отъ души ни одного слова?»

И она,—вообрази,—вдругъ сдобрилась и подала ему обѣ руки,—и онъ радъ и взялъ ее за руки, и говоритъ ей:

— «Говорите! говорите!»

А она съ ласкою ему отвѣчаетъ:

— «Пренебрегите нами, у насъ всего есть больше, чѣмъ нужно; спѣшите скорѣе къ людямъ бѣдственнымъ».

Даже изъ себя его вывела, и онъ, какъ будто задыхаясь, ей отвѣтилъ:

— «Благодарю васъ-съ, благодарю!»—и попросилъ, чтобы она и провожать его не смѣла.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

А когда онъ изъ дому на видъ показался, Клавдинька вернулась и прямо пришла въ темную, гдѣ мы лежали повержены, двери распахнула и кинулась къ матери, а что мы съ Ефросиньей никакъ подняться не можемъ — это ей хоть бы что! Ефросиньѣ Михайловнѣ девятое ребро за ребро заскочило, а мнѣ какъ-будто самый сидѣльный хвостикъ переломился, а кромѣ того и досадно, и смѣхъ разрываетъ.

«Хороша, думаю, дѣвушка! объяснилась... и ужъ сама не скрываетъ»...

Такъ въ этакомъ-то неслыханномъ постыдномъ безпорядкѣ все и кончилось. Мы и не видали, какъ онъ сѣлъ

и вся ажидація разсѣялась, и опять обманъ былъ, опять онъ въ чужую карету сѣлъ и не замѣтилъ — сталъ письма доставать. Такъ его и увезли, а наши служащіе въ домѣ всѣ ужасно были обижены, потому что все это вышло не такъ, какъ ждали, и потомъ всѣ, оказалось, слышали, какъ Клавдія сама, хозяйская дочь и наслѣдница, при всѣхъ просила: «пренебрегите нами»... Чего еще надо! Онъ и вправду, я думаю, этого никогда еще ни отъ кого не слыхивалъ. Всѣ его только просятъ и молятъ со слезами, чтобы онъ осчастливилъ, чтобы пожаловалъ, а она какъ-будто гонитъ: «нами пренебрегите и ступайте къ бѣдственнымъ». Молва поднялась самая всенародная. Кучеръ Миронъ, какъ всегдашній грубіянъ, да еще двѣ пунцовки вышивши, вывелъ на дворъ своихъ ѳетюковъ, чтобы ихъ нѣтой водой попрыскать, а ѳетюки его сытые — храпятъ, кидаются и грызутся, а Миронъ старается ихъ словами унять, а въ конюшню назадъ ни за что вести не хочетъ.

— «Я, говоритъ,—слава-те, Господи! Я формально знаю, какъ и что велитъ законъ и религія: всегда перво-наперво хозяевъ прыскаютъ, а потомъ на тотъ же манеръ и скотовъ».

Наслу у него лошадей отняли и спать его уложили, какъ вдругъ Николай Иванычъ пріѣзжаетъ и въ самомъ выдающемся градусѣ.

— Скверный мужчина!—отозвалась Анчка.

— Прелодѣецъ!– поддержала Марья Мартыновна и продолжала:—съ этимъ опять до тѣхъ поръ безпокоились, что безъ всѣхъ силъ сдѣлались, и какъ пали въ сумерки, гдѣ кто достигъ по диванамъ, такъ тамъ и уснули. Но мнѣ и во снѣ все это снилося, какъ Клавдинька отличилась съ своимъ безстыдствомъ... Николай Иванычъ на весь домъ храпитъ и Ефросинья тоже ничкомъ дышитъ, а мнѣ даже не спится, будто какъ что меня поднимаетъ,—и не даромъ. Прислушиваюсь и слышу, что Маргарита Михайловна тоже не спитъ... ходитъ...

И такъ это она меня, моя Маргарита, заинтересовала, что я лежу и присапливаю, будто сплю, а о снѣ и не думаю, а все на нее одинмъ глазкомъ гляжу и слушаю, куда она пойдетъ.

А она неслышной стопою тихонечко по всѣмъ комнатамъ, у жердиверки остановилась, съ цвѣтковъ будто

сухіе листики обираетъ въ руку, потомъ канарейкѣ сахарокъ въ клѣткѣ поправила, лоскуточекъ какой-то маленькій съ полу подняла, а сама, вижу, все слушаетъ, всѣ ли мы спимъ крѣпко, и потомъ воровски, потихонечку—топъ-топъ и вышла.

Я сейчасъ же вскочила на диванъ и уши навострила... Слышу, она кружнымъ путемъ черезъ залъ къ Клавдинькиной комнатѣ пошлепала.

Такъ во мнѣ сердце и заколотилось... Что у нихъ будетъ?

Горошкомъ я съ дивана спрыгнула, туфли сбросила да подъ мышку ихъ, и въ однихъ чулкахъ черезъ другой кругъ обѣжала и въ гардеробную,—оттуда тоже въ Клавдинькину комнату надъ дверью воловье око есть. Опять тамъ тихонечко все взмостила, поставила на столъ стулъ и стала на него и гляжу.

Въ комнатѣ полтемно. Лампа горитъ, но колпакъ такъ споровленъ, что только въ одно мѣсто свѣтъ отбиваетъ, гдѣ она руками лѣпитъ... Все это она сама себѣ всегда и зажигаетъ, и гаситъ, и на конфоркѣ воду грѣетъ—все безъ прислуги.

И теперь такъ — весь домъ въ покоѣ отдыхаетъ, а она, завистная работница, какъ ни въ чемъ не бывало, опять уже всѣ свои принадлежности расправила.

Мнетъ да приставляетъ, да чортъ знаетъ что выдѣливаетъ, и я даже на фигуру ея посмотрѣла, что она сама на себя высказала, но нѣтъ еще, — ничего не замѣтно, — вся высокая и стройная.

Мать вошла, а она не видитъ, а у меня сердце токъ-токъ-токъ! — такъ и толчется... Что будетъ? — прибьетъ ее старуха, что ли, и какъ та—съ покорностью ли это выдержитъ, или, помилуй Богъ, забудется, да и сама на мать руку подниметъ? Тогда я тутъ и нужна окажусь, потому что по крайней мѣрѣ я вскочу да схвачу ее за руки и подержу -пусть мать ее хорошенько поучитъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Все дыханіе я въ себѣ затаила.

Маргарита Михайловна постояла въ полутемнотѣ и ближе къ ней подходитъ...

Тогда госпожа Клавдинька вздрогнула и глину свою уронила.

— «Мамочка! — говоритъ,—вы не спите! какъ вы меня испугали!»

Маргарита удерживаетъ себя и отвѣчаетъ:

— «Отчего же это тебѣ мать страшна сдѣлалась?»

— «Зачѣмъ вы, мама, такъ говорите: вы мнѣ вовсе не страшны! Я вамъ рада, но я занялась и ничего не слыхала... Садитесь у меня, милая мама!»

А та вдругъ обѣими руками, ладонями ея голову обхватила и всхлипнула:

— «Ахъ, Клавдичка моя! дитя ты мое, дочка моя, сокровище!»

— «Что вы, что вы, мама!.. Успокойтесь».

А старуха ея голову крѣпко зацѣловала, зацѣловала и вдругъ сама ей въ ноги сползла на колѣни и завопила:

— «Прости меня, ангелъ мой, прости, моя кроткая! я тебя обидѣла!»

Вотъ, думаю, такъ оборотъ! Она же къ ней пришла и не строгостью ее пристрастить, а еще сама же у нея прощенія проситъ.

Клавдинька ее сейчасъ подняла, въ кресло посадила, а сама передъ нею на колѣни стала и руки цѣлуетъ.

— «Я, — говоритъ, — милая мама, ничего и не помню, что̀ вы мнѣ осердясь сказали. Вы меня всегда любили, я весь вѣкъ мой была у васъ счастливая, вы мнѣ учиться позволили...»

— «Да, да, другъ мой, дура я была, я тебѣ учиться позволила, и вотъ что̀ изъ этого ученья вышло-то!»

— «Ничего, мамочка, дурного не вышло».

— «Какъ же «ничего»?.. Что̀ теперь о насъ люди скажутъ?»

— «Что, мама?.. Впрочемъ, пусть что̀ хотятъ говорятъ... Люди, мама, вѣдь рѣдко умное говорятъ, а гораздо чаще глупое».

— «То-то «все глупое». Нѣтъ, ужъ если это случилось, то я согласна, чтобы скорѣе твой грѣхъ скрыть: выходи за него замужъ, я согласна».

Клавдія изумилась.

— «Мама! милая! вы ли это говорите?..»

— «Разумѣется, я говорю; мнѣ твое счастье дорого, только не уходи отъ меня изъ дома,—тоска мнѣ безъ тебя будетъ».

— «Да никогда мы не уйдемъ отъ васъ...»
— «Не уйдешь? Онъ тебя отъ меня не уведетъ?»
— «Да ни за что, мама!»
Старуха такъ и заклохотала:
— «Вотъ, вотъ! вотъ,—говоритъ,—опять ты всегда такая добрая... А онъ добрый ли?»
— «Онъ гораздо меня добрѣе, мама!»
— «Почему же такъ?»
— «Онъ смерти не боится».
— «Ну... для чего же такъ... Пусть живетъ».
— «Вамъ жаль его?»
А та заморгала и сквозь слезы говоритъ:—«Да!»
И опять обнялись и обѣ заплакали.
Вѣришь, что даже мнѣ и то стало трогательно!
Аичка поддержала:
— Да и очень просто—растрогаютъ!
— А Клавдинька-то и пошла тутъ матери не спѣша и спокойно разсказывать: какой у него братъ былъ добрѣйшей души, и этотъ тоже,—ко всѣмъ идетъ, ни съ кѣмъ не ссорится, ничего для себя не ищетъ и всѣмъ все прощаетъ, и никого не боится, и ничего ему и не надобно.
— «Кромѣ тебя?»
А она законфузилась и отвѣчаетъ:
— «Мама!.. я его такъ уважаю... онъ меня научилъ жить... научилъ чувствовать все, что людямъ больно... научилъ любить людей и ихъ Отца... и... и вотъ я... вотъ я... счастлива навѣки!»
— «Ну, и пусть ужъ такъ... пусть. А только все-таки... зачѣмъ... ты такъ себя допустила?»
— «До чего, мама?»
— «Да ужъ не будемъ лучше говорить. Пусть только будетъ ваша свадьба скорѣй — я тогда опять успокоюсь... Я вѣдь тебѣ все простить готова... Это меня съ тобою только... люди разстраиваютъ, сестра... да эта мать-переносица Мартыниха».
— «Богъ съ ней, мама: не сердитесь на нее. — она несчастная».
— «Нѣтъ, она мерзкая выдумщица... по всѣмъ домамъ бѣгаетъ и новости затѣваетъ... я ее выгоню...»
— «Что вы, что вы, мама! Какъ можно кого-нибудь выгонять! Она безпріютная. Вы лучше дайте ей дѣло какое-

нибудь, чтобы она занятіе имѣла, и не слушайте, что она о комъ-нибудь пересуживаетъ. Она вѣдь не понимаетъ, какое она зло дѣлаетъ».

— «Нѣтъ, понимаетъ: онѣ приступили ко мнѣ съ сестрой, что ты странная, и такъ мнѣ надоѣли, что и мнѣ ты стала казаться странною. Что же дѣлать, если я такая слабая... Я повѣрила и послала ее приглашать, и отъ этой общей ажидаціи сама еще хуже разстроилась».

— «Все пройдетъ, мама».

— «Ахъ, нѣтъ, мой другъ... ужъ это, что съ тобою сдѣлалось, такъ это... не пройдетъ».

Клавдинька на нее недоумѣнно смотритъ:

— «Я васъ,—говоритъ,—не понимаю».

— «Да я и не стану говорить, если тебѣ это непріятно, но я и о томъ думаю: какъ же это онъ провидецъ, а его обманомъ въ чужую карету—обмануть можно?»

— «Ахъ, не станемъ, мама, спорить объ этомъ!»

— «Я ему хотѣла пятьсотъ рублей послать, — а теперь пошлю завтра за непріятность тысячу».

— «Посылайте больше, мама,—мнѣ жаль его».

— «Чего же его-то жаль?»

— «Какъ же, мама... какое значеніе на себя взять: какая роль!.. Люди видятъ его и теряютъ смыслъ... бѣгутъ и давятъ другъ друга какъ звѣри, и просятъ: *денегъ... денегъ!!* Не ужасно ли это?»

— «Ну, это мнѣ все равно... только не хорошо, что теперь сплетни пойдутъ; а я не люблю, кто о тебѣ дурно говоритъ. И зато вотъ я деверя Николая Иваныча, какой онъ ни есть, и кутила, и бабеляръ, а я его уважаю, потому что онъ самъ съ тобою въ глаза спорится, а за глаза о тебѣ никому ничего позволить не хочетъ. — Сейчасъ, говоритъ, прибью за нее!»

— «Дядя добрякъ, мнѣ жаль его,—онъ во тьмѣ».

— «И для чего это все необыкновенное затѣяли! У насъ все было весь вѣкъ по-обыкновенному: свой, бывало, придетъ и попоетъ, и закуситъ, и въ карты поиграетъ, и на все скажетъ:—Господь проститъ».

— «Простое, мама, во всѣхъ случаяхъ всегда самое лучшее».

— «Да, онъ тебя крестилъ, онъ пусть и перевѣнчаетъ.

А Мартыниха пусть къ намъ и не приходитъ, чтобы никакихъ выдающихся затѣй отъ нея больше не было».

Вотъ что было-выходило мнѣ за мои хлопоты, но дѣло рѣшилось иначе, и совсѣмъ неожиданно.

— Кто же его рѣшилъ?—спросила Анчка.

— Кошка, да я немножко, — продолжала Марья Мартыновна.

Но Клавдинька, къ чести ея приписать, и въ концѣ опять за меня заступилась, стала просить, чтобы меня какою-нибудь выдающеюся прислугою въ домѣ оставили.

Старуха ей отвѣчаетъ:

— «Изволь, и хотя мнѣ это непріятно, но для тебя я ее оставлю».

Но во мнѣ ужъ сердце закипѣло.

«Нѣтъ ужъ, думаю я, голубушки, я и безъ васъ проживу: я птичка-невеличка, но горда, какъ самый горделивый звѣрь, и у меня кромѣ васъ по городу много знакомства есть,—я въ услуженіе лакейкой никуда не пойду»... И честное тебѣ слово даю, что я въ ту же минуту хотѣла потихоньку отъ нихъ, не прощаясь, со двора сойти, потому что я, ей-Богу, какъ звѣрь горда; но вообрази же ты себѣ, что это не вышло. Ко всему этому случаю подпалъ еще другой, который и задержалъ. Пока я стояла на стулѣ и, на столъ взгромоздившись, слушала ихъ совѣты, жирный котъ разыгрался, подхватилъ мои войлочныя туфли, которыя я на полу оставила, и началъ, мерзавецъ, швырять ихъ лапой по всему полу.

Отъ этакаго пустяка — а меня просто ужасъ обхватилъ: задѣнетъ, думаю, мерзавецъ, туфлею за какое-нибудь легкое стуло или табуретку и загремитъ, и онѣ тогда сейчасъ сюда взойдутъ, и какова я имъ покажусь на своей каланчѣ? куда мнѣ тогда и глаза дѣвать и что выдумать и сказать: зачѣмъ я это въ здѣшнемъ мѣстѣ, вскочивши на столъ, случилась?

Снялась я съ великимъ страхомъ, чтобъ не упасть, и стала кругомъ на полу ползать туфли свои искать. Ползала-ползла, весь полъ выползла, а туфлей не нашла. А между тѣмъ страхъ боюсь, что теперь мать съ дочерью совсѣмъ поладили и сейчасъ выйдутъ и увидятъ, что меня нѣтъ на томъ диванѣ, гдѣ я спала. И какъ тогда мнѣ при нихъ да черезъ Николая Иваныча комнаты идти? Что подумать могутъ? Бросилась я безъ туфлей бѣжать и воротилась на

свое мѣсто благополучно. Николай Иванычъ безъ воротничковъ спитъ и не храпитъ, и не ворочается; а я въ однихъ чулкахъ легла на диванъ и только-что притворилась, что будто сплю, какъ Маргарита съ дочерью и взаправду входятъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Маргарита Михайловна спокойнымъ голосомъ съ прохладою велитъ, чтобы всѣ лампы зажечь и чай подавать, и стала всѣхъ будить къ чаю, а какъ ко мнѣ подошла, я говорю:—«я сейчасъ сама встану», и начинаю туфли искать.

А она, какъ на грѣхъ, спрашиваетъ:—«Что ты ищешь?»

— «Туфли ищу».

— «Гдѣ же ты ихъ приставила?»

— «На мнѣ онѣ были, на ногахъ».

— «Куда же онѣ съ ногъ могли дѣться?»

— «И сама не знаю».

— «Женихъ, что ли, приходилъ тебя разувать, — такъ вѣдь это только на святкахъ бываетъ».

— «Нѣтъ, — я говорю, — женихи ко мнѣ не ходятъ, а это, быть-можетъ, надсмѣшка».

— «Ну, вотъ еще! Кто будетъ надсмѣхаться? Ищите, пожалуйста, всѣ Мартыновнины туфли!»

И что это ей за неотступная забота припала искать — ужъ и не понимаю. А въ это самое время, какъ на грѣхъ, вдругъ Николай Иванычъ выбѣгаетъ въ трехъ волненіяхъ изъ своихъ комнатъ и, должно-быть, еще не проснавшись или въ испугѣ, кричитъ:

— «У-е-ли хамъ? У-е-ля хамъ?»

Золовки ему отвѣчаютъ:

— «Что ты, батюшка! что ты!.. Какой Хамъ?»

А онъ даже трясется отъ злости и отвѣчаетъ:

— «Хамъ значитъ женщина!»

Маргарита Михайловна его перекрестила и говоритъ:

— «Какая женщина?»

— «Которая мнѣ гадость сдѣлала».

— «Что сдѣлала? какую гадость? Небось сказать нельзя?»

А онъ, какъ козелъ, головой замоталъ и въ самомъ повелительномъ наклоненіи:

«Я, говоритъ, всѣмъ такой постановъ вопроса даю:

какая это фибза меня разбудила и на постели у меня вотъ эту свою туфлю оставила?»

И показываетъ въ рукѣ мою туфель...

Ну, разумѣется, всѣмъ смѣшно стало.

А я отвѣчаю:

— «Это туфля моя, но надо знать, какъ она туда попала».

А онъ и не слушаетъ.

— «Это всякому,—говоритъ,—извѣстно, какъ попадаетъ».

А тутъ мальчишка Егорка, истопникъ, весь блѣдный, бѣжитъ и кричитъ:

— «У насъ въ ванной кто-то чѣмъ-то съ печки швыряется».

Пошли туда, а тамъ въ ванной въ водѣ другая моя туфля плаваетъ, а на печкѣ на краю проклятый котъ сидитъ.

— «Господи! — воскликнула я: — что же это! если всѣ меня выживаютъ, то мнѣ лучше самой уйти».

А Николай Иванычъ поспѣшаетъ:

— «И сдѣлай свою милость, уйди! У насъ безъ тебя согласнѣй будетъ»,—и съ тѣмъ повернулъ меня лицомъ къ зеркалу и говоритъ:

— «Вѣдь ты только посмотрись на себя и сдѣлай постановъ вопроса: пристойно ли тебѣ своими туфлями загрывать!»

То-есть, чортъ его знаетъ, что онъ такое въ своей пьяной безпамятности понималъ, а тѣ дуры такое ко мнѣ приложеніе приложили, что будто я и у него въ комнатѣ, и въ ванной вездѣ его преслѣдую.

— А можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ?—протянула Анчка.

— Полно, пожалуйста! Будто же я этакъ могла сдѣлать, что вдругъ одна моя нога въ комнатѣ, а другая въ ванной!.. Вѣдь это же и немыслимо такъ растерзать себя! Но представь себѣ, что вѣдь старая дура обидѣлась и начала шептать:

— «Я,—говоритъ,—никого не осуждаю, но для чего же это... непремѣнно въ моемъ домѣ... и послѣ посѣщенія»...

Я и не вытерпѣла, и съ своей стороны фехтовальное жало ей въ грудь вонзила:

— «Полно,—говорю,—пожалуйста, что такое вашъ домъ, да еще послѣ посѣщенія!.. Проводили этакаго посѣтители такъ, что чуть его не выгнали»,—и разсказала, какъ Клавдія его просила ихъ домомъ пренебречь, а спѣшить къ людямъ бѣдственнымъ.

А Николаю Ивановичу это и за-любо стало.

— «Такъ,—говоритъ,—и слѣдовало: чего онъ, взаправду, все здѣсь? Ему надо къ неурожайнымъ полямъ ѣхать и большой урожай вымолить, для умноженія хлѣбовъ. Съ нашей сытостью ему, взаправду, и возиться бы стыдно».

Я отвѣчаю:

— «Что же вы все мнѣ говорите про стыдное! Не я дѣлаю что-то стыдное въ вашемъ домѣ... а поищите стыднаго при себѣ ближе...»

А Николай Иванычъ, какъ всегда, любитъ срывать свое зло на комъ попало, и вдругъ кинулся на меня, какъ ястребъ на цыпленка, и началъ душить меня...

— Ахъ, Боже мой!—пожалѣла Аичка.

— Да, да, да,—продолжала Марья Мартыновна.—Золовки у него меня даже отнять не могли. Задушилъ бы, — но Клавдія вошла и сказала: «дядя, прочь!» Совершенно какъ на пуделя крикнула. Онъ и оставилъ. Тогда Маргарита выноситъ изъ спальни пятьсотъ рублей и говоритъ мнѣ:

— «Вотъ тутъ, Марья Мартыновна, пятьсотъ рублей отъ меня вамъ награжденія, и какъ вамъ угодно — хоть эти деньги за свою обиду примите, хоть на Николая Иваныча жалуйтесь, но я. Богъ съ вами, на васъ не сержусь, и если хотите проститься съ нами по-хорошему, я вамъ и еще дамъ, но уходите».

— «Я, — говорю, — жаловаться не пойду, потому что я православная».

А Николай Иванычъ зарычалъ:

— «Не потому, а ты знаешь, что, пожаловавшись, ты меньше получишь».

— «Можете,—говорю,— располагать какъ хотите, а я не желаю, чтобы на судѣ произносили священный типъ личности наравнѣ съ госпожи Клавдіи дѣвичьими секретами».

Но тутъ онъ опять какъ сорвется... а Клавдія его схватила и вывела и сама вышла, а Маргарита подаетъ мнѣ еще триста рублей и говоритъ:

— «Другъ сердечный, на, возьми это скорѣй себѣ и уходи. Хорошаго ждать теперь нечего».

— «Я,—говорю,—и не жду».

— А деньги взяли?—спросила Аичка.

— Неужли же имъ ихъ оставила!

— То-то! А то Клавдинька ихъ своимъ «бѣдственнымъ» сволокла бы!

— Разумѣется!

Помолчали.

— Такъ-то вы и называете, что простились, «по-хорошему»?— спросила Аичка.

— Да, уложила свои вещи, все забрала, а имъ сказала, ошибкою, вмѣсто «покойной ночи»—«упокой васъ Господи», да и уѣхала.

— И не жалѣете, что такъ вышло?

— И не жалѣю, да и жалѣть-то грѣхъ: они сами себя на все осудили. Каковъ отъ нихъ былъ пріемъ святой ажидаціи, таково же и имъ отъ Бога наклоненіе. Былъ домъ выдающійся въ великолѣпіи, а теперь одна катастрофія за другою слѣдуетъ, и жительство ихъ спускается до самаго обыкновеннаго положенія. И все черезъ Клавдіи Родіоновны рояльное воспитаніе; и никто этого не останавливаетъ— такъ всѣхъ она въ свои прелюзіи и привлекаетъ.

— Неужли всѣ стали лѣпить принадлежности? — спросила Аичка.

— Нѣтъ, это она одна лѣпитъ, и ей теперь даже заказы бюстровъ заказываютъ, а она своихъ семьянъ привела гораздо въ худшія послѣдствія.

— Что же такое, напримѣръ, съ ними сдѣлалось?

— А, напримѣръ, вотъ что сдѣлалось: начать съ того, что Николай Иванычъ, возвратившись разъ изъ своего маскатерства, забылъ, про что онъ позабылъ.

— Ну!

— А это оказалось впослѣдствіи, что онъ позабылъ у себя въ карманѣ депешъ о томъ, что къ нему завтрашній день сынъ его Петруша изъ кругосвѣта возвращается. Онъ и возвратился, и пріѣхалъ утромъ на извозчикѣ, когда его никто не ждалъ, и отецъ тогда только вспомнилъ про депешъ и принялъ сына какъ нельзя хуже, и даже совсѣмъ не желалъ-было его видѣть.

— «Мнѣ,— говоритъ,— никакой заатлантическій дуракъ не нуженъ».

Но Клавдія этого Петрушу обласкала, а дядѣ только лѣвою рукою однимъ пальцемъ погрозила, а потомъ и начала Петинькой руководствовать и привела его къ тому, что онъ вдругъ, самъ безпріютный, да сталъ еще просить у отца

позволенія жениться на той самой Крутильдиной племянницѣ, за которую его отецъ выслалъ. Отецъ объ этомъ, разумѣется, и слышать не хотѣлъ, да и немыслимо было это допустить, потому что у той въ это время еще одинъ проступокъ былъ, — и вотъ чего мы всѣ объ этомъ не знали, а Клавдія Родіоновна знала, потому что она, какъ оказалось, за этою особой слѣдила и отыскала ее въ напасти и содерживала у той старушки, куда я ее прослѣдовала, и тамъ ее отъ всѣхъ бѣдъ укрывала и навѣщала, и навелатаки своего двоюроднаго брата на то, что «вотъ ты предъ ней виноватъ, потому что черезъ то, что ты ее покинулъ, она еще разъ пала, и ты долженъ это загладить, и ее взять и никогда ни въ чемъ ее не укорять, потому что ты самъ всѣмъ ея бѣдамъ виновникъ». И все опять ему изъ евангелія, и что онъ будто ни на комъ другой, кромѣ этой, жениться не смѣетъ, и тѣмъ кончила, что сбила его на свое— Петька согласился. И тогда она явилась просить за нихъ дядю и стала ему доказывать, что та очень хорошаго сердца, а проступокъ ея былъ именно чрезъ то, что она была брошена.

Старикъ говоритъ:

— «Стало-быть, постановъ вопроса такой, что это потвоему хорошо?»

— «Не хорошо,—отвѣчаетъ Клавдія:—но это такое, что вы должны простить, потому что все это произошло черезъ васъ; оттого, что кто безпомощную бросаетъ—тотъ и виноватъ за нее».

— «Гдѣ же это писано?»

А она сейчасъ-было за евангеліе, но онъ ее за руку.

— «Оставь»,—говоритъ.

— «Нѣтъ, не оставлю, и если вы будете жестоки и потребуете, чтобы еще разъ также ее оставить, то съ нею можетъ быть худшее».

— «Что же,—спрашиваетъ,—худшее?»

Она говоритъ:

— «Вы это лучше знаете, что ожидаетъ тѣхъ, кого вы сбиваете съ честнаго пути, а потомъ бросаете. Но вы знайте, что вашъ сынъ теперь не въ вашихъ рукахъ».

— «А въ чьихъ же?»

— «Въ тѣхъ рукахъ, съ Кѣмъ вы не смѣете спорить: Петя послушаетъ не васъ, а Того, Кто не дозволилъ пускать соблазнъ въ міръ».

— «Такъ ты его бунтуешь?»

— «Я не бунтую,—говоритъ Клавдія:—а я говорю, что другъ друга бросать нельзя! Отъ этого—страданье и грѣхъ. Послѣ этого Петрушѣ нельзя будетъ жить съ чистой совѣстью, и я его убѣдила и еще буду убѣждать, чтобы онъ почиталъ волю Небеснаго Отца выше воли отца земного. А вы если не хотите слушать, что я вамъ говорю о вѣчной жизни, то вы умрете вѣчной смертью».

И заговорила, заговорила, и такъ его пристрастила и умаяла, что онъ, какъ рыба на удочкѣ, ротъ раскрылъ и отвѣчать не умѣетъ.

А тутъ и Петруша сталъ за ней то же самое повторять, что его совѣсть три года во всѣхъ мѣстахъ мучила и теперь покою не даетъ, и что онъ эту преступной дѣвушки вину на своей совѣсти почитаетъ и желаетъ ея и свою жизнь исправить.

Тутъ Николай Иванычъ сталъ губы кусать и вдругъ говоритъ:

— «А это вѣдь точно, — пожалуй, можно и умереть, мы дѣйствительно всѣ грѣшные: зришь на молодую мамзель и сейчасъ свое исполняешь, какъ бы ее такъ обратить, чтобы она завтра была уже не мамзель, а гутъ-моргенъ. Это подлость всей нашей увертюры; а Клавдя прямо идетъ!» — и благословилъ сыну подзакониться, и вдругъ даже мальчика ихъ, своего внучка, очень любить сталъ и безъ стѣсненія всѣмъ рекомендовать началъ: «вотъ это сынъ мой — европей, а это мой внукъ подъевропникъ». Но Крутильда свою гордость выдержала и этого не перенесла, взяла и за своего Альконса замужъ вышла, а на Николая Ивановича векселя подала, чтобы его въ тюремное содержаніе.

— Вотъ эта хорошій типунъ сдѣлала, — отозвалась, засмѣясь, Аичка.

— Да. Но Клавдинька дядю въ тюрьму не допустила, — у матери уйму денегъ выпросила: «это, сказала, будетъ мнѣ за приданое», и та за него заплатила, и домъ продали, а сами стали жить круглый годъ на фабрикѣ. Такъ и теперь всѣ круглый годъ живутъ въ этой щели, и Клавдинькѣ это очень нравится.

— И красота ея, стало-быть, такъ тамъ и вянетъ?— спросила Аичка.

— Разумѣется, такъ у дуры все и завянетъ, но, однако, до сихъ поръ еще очень хороша, злодѣйка.

— А какъ же ея Ферштетъ?

— Ахъ, съ нимъ оборотъ такъ еще всего чище!

— Вышла она за него или не вышла?

— Ничего не вышла!..

— Спятился?..

— Нѣтъ, онъ не спятился, а они оба себя одинъ въ другомъ превзошли, и потомъ она его на тотъ свѣтъ и отправила.

— Какимъ же это манеромъ?

— Да никакимъ!

— Что же, однако, было?

— Да ничего, и не было. «Мы,—говоритъ,—нашли, что намъ не нужно на себя никакихъ обязательствъ и имѣть семью тоже не надобно». Рѣшили остаться друзьями по своей вѣрѣ и довольно съ нихъ.

— Что за уроды!

— Оглашенные!

— А какъ же она его уморила?

— Ничего никто не зналъ. Вдругъ она приходитъ домой блѣдная и ничего не разсказываетъ, а потомъ оказалось, что онъ умеръ.

— Вотъ и разъ!

— Да. Дитя какое-то бѣдное такую заразность въ горлѣ получило, что никто его въ домѣ лѣчить не хотѣлъ, а онъ по примѣру брата пошелъ и для другихъ все о болѣзни списалъ, а самъ заразился и умеръ.

— Очень она убивалась?

— Не знаю, какъ сказать,—точно каменная. Мать говорила: «Что же, всѣ твой грѣхъ знаютъ: если ты Бога не стыдилась, такъ ужъ людей и стыдиться не стоитъ,—иди, простись съ нимъ, поцѣлуй его во гробѣ. Тебѣ легче будетъ». А она тутъ только зарыдала и на плечи матери вскинулась и говоритъ: «Мамочка! я съ нимъ уже простилась»...

— Призналась?

— Да;—«когда,—говоритъ,—онъ уходилъ туда, я его живого поцѣловала; прости мнѣ это».

— Значитъ, всего-на-все и было, что разъ одинъ поцѣловала?

— Такъ она сказала.

— Ну, а это-то... про что она раньше-то еще сознавалась?

— Что такое?

— Ну, вотъ, что вы разсказывали...

— Ахъ, это про родительный въ неопредѣленномъ наклоненіи?

— Да.

— А это такъ и осталось въ неопредѣленномъ наклоненіи.

— Какъ же это такъ вышло?

— Такъ, совсѣмъ ничего не вышло

— Значитъ, вы тогда на нее все наврали?

— И вовсе не то значитъ, а значитъ только то, что я ожидала правильно, чего слѣдуетъ по сложенію всѣхъ вѣроятностей, а у нихъ все верченное, и «новую жизнь» она въ себѣ оказывается нашла по божеству, какъ будто Христосъ ихъ соединяетъ въ однѣхъ вѣчныхъ мыслях. Подумай только, какъ смѣть этакое выдумать и такую святость себѣ приписывать!

Аничка не скоро процѣдила въ отвѣтъ:

— Нѣтъ, это пустяки, — а откудова только у нихъ берется терпѣніе, чтобы этакъ жить!

— Ужасть! ужасть!.. Ничѣмъ, ничѣмъ ихъ изъ себя не выведешь... Какое хочешь огорченіе и обиду — они все снесутъ, какъ будто горе земное до нихъ совершенно и не касающее!..

— Донимать ихъ, я думаю, какъ слѣдуетъ не умѣютъ.

— Это можетъ быть.

— Нѣтъ, навѣрно!

— А ты что бы имъ хотѣла.

— На сковородку бы ихъ босыми ножками, да пожаривать.

— Вотъ, вотъ, вотъ! Ну, такъ, говорятъ, будто это жестокости.

Аничка ничѣмъ не отозвалась. Или она засыпала, или, можетъ-быть, стала думать о чемъ-то «въ сторону».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Мартыновна встала, куда-то прошлась и опять сѣла на мѣсто.

Въ это время Аничка вздохнула и, повидимому, какъ будто ни къ тому, ни къ сему промолвила:

— Словесницы безплодныя!

Марья Мартыновна поняла, къ чему это, и подхватила:

— Да, ужъ именно! Другая какая-нибудь... этакая простой души — живетъ и втихомолочку чего только она ни дѣлаетъ и потихоньку во всемъ на духу покается, и никто ничего не знаетъ, а эти,— что стуpятъ, то стукнутъ, а потомъ вдругъ лишатся всякаго счастья и впослѣдствіи коротаютъ вѣкъ не для себя, а сами остаются въ неопредѣленномъ наклоненіи... Нѣтъ, ты мнѣ этотъ постановъ вопроса рѣши: что съ ними дѣлать, чтобы ихъ вывести?

Но Анчка снова молчала, и Марья Мартыновна опять сама заговорила:

— Ну, пускай такъ, какъ ты говоришь, что не знаютъ, что съ ними дѣлать, я съ этимъ съ тобою согласна; но отчего же они такіе особенные, что ни слезъ у нихъ нѣтъ, ни моленья и жалобы, а принимаютъ все, что надъ ними учинится, какъ будто это такъ и надобно?

— Притворяются.

— И я то же думаю! Гдѣ же, скажи на милость, только-что вышла такая катастрофа — женихъ умеръ, а она въ тотъ же день, какъ его схоронили, сѣла работать и завела еще школу, чтобы даромъ бѣдныхъ дѣтей учить. Но только одно хорошо, что хоть ты и говоришь, что съ ними не знаютъ, что дѣлать, но и имъ тоже повадки заводить что хотятъ не даютъ: ей школу скоро прикончили. И замѣть, она и тутъ тоже опять ничего не томилась и не жаловалась.

— Они закоренѣлые.

— То-то и есть! Что же съ ними подѣлаешь, когда они такіе безпечальные? Ей школу прикрыли, а она теперь всѣмъ людямъ, чѣмъ только можетъ, услуживаетъ, и книжки дѣтямъ раздаетъ, и сама съ ними садится гдѣ попало читать.

— И этого не надо позволять.

— И было непозволеніе, становой и изъ-за книжекъ пріѣзжалъ, чтобы всѣмъ ея книжкамъ повальный обыскъ сдѣлать, но посмотрѣлъ книжечки и всѣ ей оставилъ, да еще началъ и извиняться.

— «Я,— говоритъ,— приказаніе исполнилъ, а мнѣ самому совѣстно».

— Вонъ тебѣ какъ!

— Да еще что! — Какъ она ему отвѣтила, что не обижается, и руку свою подала, такъ онъ у нея и руку поцѣловалъ, и говоритъ:

— «Простите меня, вы праведница».

— А замужъ она, стало-быть, такъ ужъ и не пойдетъ?

— Мать ее спрашивала: не дала ли она обѣтъ, чтобы послѣ смерти перваго жениха ни за какого другого не выходить? Она отвѣчала, что «обѣта не давала». По-ихнему вѣдь тоже и обѣтъ давать будто не слѣдуетъ. Старуха добивалась, что, можетъ-быть, она въ разговорахъ покойнику обѣщалась ни за кого не выходить? И этого, говоритъ, нѣтъ.

— «Ну, такъ, можетъ-быть, еще обрадуешь меня, выйдешь замужъ?»

И на это тотъ же отвѣтъ:

— «Не знаю, мама, но только не думаю».

— «Отчего же?»

— «Со мной, мама, жить очень трудно».

Сама такъ и созналась, что съ нею жить — адъ. А потомъ въ день именинъ матери такой даръ поднесла, что говоритъ:

— «Мамочка! я ваша! я сегодня, въ вашъ день, рѣшилась и подарила себя служить вамъ и бѣднымъ людямъ. Я замужъ не пойду».

Такъ и остается, и такъ и живетъ теперь вѣковушею. Вмѣсто того, чтобы народить своихъ дѣтей, да ихъ въ ласкѣ нѣжить и имъ свой остатокъ капитала передать, она собрала опять безпортошную дѣтвору, да одѣваетъ ихъ, да поетъ имъ про лягушку на дорожкѣ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Собесѣдницы умолкли: Марья Мартыновна, вѣроятно, наслаждалась удовольствіемъ, что довела до конца сказаніе, въ которомъ ея главный врагъ, Клавдинька, была опозорена; а Анчка не отзывалась, — можетъ-быть, потому, что опять куда-то перенеслась и о чемъ-то думала.

Это и подтвердилось.

Послѣ довольно продолжительной паузы она вздохнула и сказала:

— Какъ мнѣ это все-таки, однако, удивительно!

— Что такое?

— Представьте, что я у себя точно такого же дурака знаю.

— Мужчину?

— Да, и очень интересный, а вотъ и въ немъ сидитъ точно такая же глупость.

— Что же, какъ онъ въ своемъ полѣ уродуетъ?

— То же самое, какъ и эта: ничего ему не нужно — ни вкусно ѣсть, ни носить красивое платье и ничто на свѣтѣ.

— И любовь женская не нужна?

— Представьте—тоже не нужна!

— Этого никогда быть не можетъ! Это при какомъ хочешь положеніи изъ моды не выходитъ!

— Нѣтъ, то-то и есть, что выходитъ!

— Ни за что не повѣрю!

— Да какъ же вы не вѣрите, когда я васъ увѣряю!

— А я, моя дорогая, не вѣрю. Мужчину женской фигурой всегда соблазнить можно.

— А я вамъ, моя дешевая, говорю, что и не соблазните.

Марья Мартыновна какъ будто поперхнулась, но оправилась и договорила:

— Разумѣется, мое время прошло.

— Хоть бы ваше и время не прошло, и хоть бы въ васъ иголки не было, а ничего не убѣдите.

— Отчего же это?

— Оттого, что у нихъ все нечеловѣческое—они красоту совсѣмъ не обожаютъ, а ищутъ все себѣ чего-то по мысли, и потому, если изъ нихъ кого полюбить, то съ ними выйдетъ только одно неудовольствіе.

— А онъ тебѣ очень нравится?

— Почему вы знаете?

— Неужли же не видно!—Ты тѣмъ все и портишь, что свои чувства ему оказала.

— Ничего я не порчу, а я ему просто противна.

Какъ нищему гривна?

— Нѣтъ, совсѣмъ противна.

— Какъ же этакая молодая, богатая — и противна? Что же это за дуракъ выдающійся!

— Не дуракъ, а вотъ въ этомъ же самомъ родѣ, какъ ваша Клавдинька: все тоже смотритъ въ евангеліе, и все чтобъ ему жить просто, да чтобъ работать и о гольтепѣ думать,—и въ этомъ все его пустое удовольствіе.

— И будто ужъ нельзя его всѣмъ твоимъ капиталомъ привлечь?

— Ахъ, да на что ему капиталъ, когда ему больше того, что есть, ничего не надобно! Ему вкусный кусокъ положите, а онъ отвѣчаетъ: «не надо, я уже насытился»: за здоровье

попросите выпить, а онъ отвѣчаетъ: «зачѣмъ же пить?—я не жажду».

— Ну, что̀ это взаправду за уродство!

— Да; я такъ жить ни за что не хочу.

— Разумѣется; пусть онъ себѣ беретъ такую и жену, къ ихъ фасону подходящую.

По Ранчка, услыхавъ это, вскрикнула:

— Что-о-о!—И сейчасъ же рѣзко добавила, что она этого никогда не позволитъ.

— Лучше на столѣ подъ полотномъ его увижу, чѣмъ съ другою!

— Что же,—и это можно,—успокоила ее мирнымъ тономъ Мартыниха.

Ранчка понизила голосъ.

— То-есть, что я-о... развѣ вы это можете?

— Подъ полотно положить?

— Да... но вѣдь за это отвѣчать можно.

— Стòитъ только ему рубашку выстирать да на ночь дать одѣть... вотъ и все.

— Ишь, какая вы вредная!

— Да вѣдь я это для тебя же!—скопфуженно остановила ее Мартыниха.

— Нѣтъ, а какъ вы смѣли для меня это подумать! Рубашку вымыть!

— Ну, оставь, пожалуйста: видишь, чай, что я пошутила!

— Пошутила!.. Нѣтъ, вы думали, что ужъ влюбленную дуру нашли, и я вамъ дамъ такое порученіе, что въ вашихъ рукахъ буду! Я не дура!

— Да кто жъ тебѣ говоритъ, моя дорогая, что ты дура!

— То-то и есть, моя дешевая!

— Фу ты, Господи!

— Да, да, да.

— Такъ какъ же ты жить хочешь?

— Чтобы онъ былъ мой мужъ и жилъ какъ я хочу, и больше ничего.

— Такъ ты бы ему лучше прямо такъ и изъяснила, что: «люблю и женись!»

— И вотъ, представьте же себѣ, что я уже до этой низости дошла, что и изъяснилась.

— И что же онъ—возвеличился?

— Нимало, а только пожалъ мнѣ руку и говоритъ:

«Раиса Игнатьевна, вы на этотъ счетъ ошибаетесь!» Меня даже въ истерику и въ слезы бросило, и я говорю: «Нѣтъ, я васъ люблю, и весь капиталъ вамъ отдамъ». А онъ...

Анчка вдругъ всхлипнула и заплакала.

— Полно, полно, пріятненькая, убиваться! — попросила ее Марья Мартыновна.

— Не гладьте меня, я не люблю! — скапризничала Анчка.

— Ну, хорошо, хорошо, я не буду. Что же онъ тебѣ сказалъ?

— Не вѣритъ, дуракъ.

Послышались опять слезы.

— Ну, значитъ, онъ или безчувственный, или безпонятный,—рѣшила Марья Мартыновна.

— Нѣтъ, онъ не безчувственный и даже очень понятный; а онъ говоритъ: «вы въ вашихъ чувствахъ ошибаетесь — это вы мою презрѣнную плоть любите и хотите со мною своихъ свиней пасти, а самого меня вы не любите и не можете меня полюбить, потому что мы съ вами несогласныхъ мыслей и на разныхъ хозяевъ работаемъ; а я хочу работать своему хозяину, а свиней съ вами пасти не желаю».

— Что же это такое?.. И къ чему это?.. Какихъ свиней пасти, и на какихъ разныхъ хозяевъ работать?—протянула недоумѣнно Марья Мартыновна.

— А вотъ въ томъ и дѣло, что если не понимаете, то я не спорьте! —дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ откликнулась Анчка и черезъ минуту еще сердитѣе добавила:—Поихнему, любовью утѣшаться это значитъ «свиней пасти».

— Тьфу!

Мартыновна громко плюнула и вскрикнула:

— Свиньи! Ей-Богу, они сами свиньи!

— Да,—отвѣчала Анчка:—и онъ еще хуже говорилъ... Онъ отвѣтитъ...

— За что, пріятная, за что? Что онъ еще... чѣмъ тебя оскорбилъ?

— Онъ меня ужасно оскорбилъ... онъ сказалъ, что я не христіанка, что со мною христіанину жить нельзя и нельзя дѣтей въ христіанствѣ воспитывать...

— Ахъ, за это отвѣтитъ!

— Да; я ему это и сказала: «Я говѣю и сообщаюсь, а вы никогда... Кто изъ насъ—христіанинъ?»

— Онъ отвѣтитъ.

— А я своего характера не переломлю!

— И не ломай! Что ихъ еще баловать!

— Я ему сказала, что я ожесточусь, и лучше кому захочу, тому все богатство и отдамъ, но только я по-своему отдамъ, а не по-ихнему.

— Вотъ я теперь тебя и поняла... зачѣмъ ты сюда пріѣхала! Конечно, тебя тутъ на рукахъ носить будутъ!

— Очень мнѣ нужно ихъ ношенье! Но только вы ничего и не поняли!

— Нѣтъ, ты теперь проговорилась.

— Ни капли я не проговорилась. Я, просто, буду пробовать: вѣрно ли это, что здѣсь можно умолить, чтобъ въ немъ сердце затомилось и все стало—какъ я хочу.

Но Марья Мартыновна на этомъ Аничку перебила.

— Ангелъ мой!—воскликнула она живо:—здѣсь умолить можно все; здѣшнее мѣсто—все равно, что гора Ѳаворъ; но только должно тебѣ знать, что Богъ вѣдь на зло молящему не помогаетъ!

Аничка совсѣмъ разсердилась.

— Что вы за глупости говорите!— вскричала она:—какое же здѣсь «на зло молящее», когда я хочу его отъ безсемейнаго одиночества въ законъ брака привесть и потомъ такъ сдѣлать, чтобы онъ любилъ непремѣнно все то, что всѣ люди любятъ.

— Да; то-есть, чтобы онъ не косоротился бы къ простотѣ, а искалъ бы себѣ прямо не одно душеполезное, но и тѣлополезное?

— Вотъ и только!

— Да, если только въ этомъ, то это, конечно, благословенный законъ супружества, и въ такомъ случаѣ Богъ тебѣ навѣрно поможетъ!

— Да,—а вы, пожалуйста, теперь ужъ дальше замолчите, потому что скоро будетъ разсвѣтъ, и я очень разстроилась, и буду блѣдная.

Шехерезада умолкла. Сосѣдки больше ничего не говорили и, можетъ-быть, уснули; послѣдовавъ имъ благоразумному примѣру, заснулъ передъ утромъ немножко и я, но потомъ

вскорѣ снова проснулся, оставилъ на столѣ деньги за свою «ажидацію» и уѣхалъ изъ Рима, не видавъ самого папы...

А поѣздка эта все-таки принесла мнѣ пользу: мнѣ стало веселѣе. Я какъ будто побогатѣлъ впечатлѣніями, — и теперь, когда мнѣ случается возвращаться ночью по купеческимъ улицамъ и видѣть теплящіяся въ ихъ домахъ разноцвѣтныя лампады, я уже не воображаю себѣ тамъ однѣхъ безстыжихъ притворницъ или робкихъ и безнадежныхъ плакесъ «темнаго царства», а мнѣ сдается, будто тамъ уже дышитъ бодрый духъ Клавдиньки, дающій рессурсъ къ жизни во всякомъ положеніи, въ которомъ Высшей волѣ угодно усовершать въ борьбѣ со тьмою все рожденное отъ свѣта.

Павлинъ.

(разсказъ).

Я былъ участникомъ въ небольшомъ нарушеніи строгаго монастырскаго обычая на Валаамѣ. На этой суровой скалѣ не любятъ праздныхъ прогулокъ: откуда бы ни приплылъ сюда далекій посѣтитель и какъ бы ни велико было въ немъ желаніе познакомиться съ островомъ, онъ не можетъ доставить себѣ этого огромнаго удовольствія,—говорю *огромнаго*, потому что островъ поистинѣ прекрасенъ, и грандіозныя картины его восхитительны. На Валаамѣ за обычай всякій паломникъ подчиняется *послушанію;* онъ долженъ ходить въ церковь, молиться, трапезовать, потомъ трудиться и, наконецъ, отдыхать. На прогулки и обозрѣванія здѣсь не разсчитано; но, однако, мнѣ, въ сообществѣ трехъ мужчинъ и двухъ дамъ, удалось обойти въ одну ночь весь островъ и запечатлѣть навсегда въ памяти дивную картину, которую представляютъ при блѣдномъ полусвѣтѣ лѣтней сѣверной ночи дикія скалы, темныя урочища и тихіе скиты русскаго Аѳона. Особенно хороши эти скиты, съ ихъ непробудною тишью, и изъ нихъ особенно поражаетъ скитъ Предтечи на островкѣ Сирничанѣ. Здѣсь живутъ пустынники, для которыхъ суровость общей валаамской жизни кажется недостаточною: они удаляются въ Предтеченскій скитъ, гдѣ начальство обители бережетъ ихъ покой отъ всякаго нашествія мірского человѣка. Здѣсь теплятъ свои лампады люди умершіе міру, но неустанно молящіеся за міръ: здѣсь вѣчный постъ, молчанье и молитва.

Не зная направленія валаамскихъ тропинокъ, мы подошли къ проливу, отдѣляющему островокъ Сирничанъ отъ

главнаго острова, неожиданно—и, плѣнясь густыми папоротниками, которыми заросла здѣшняя котловина, сѣли отдохнуть и заговорили о людяхъ, избравшихъ это глухое уединеніе мѣстомъ для своей молитвенной и созерцательной жизни.

— Какіе это люди, съ какими силами и съ какимъ прошлымъ приходятъ они сюда, чтобъ погребсти себя здѣсь заживо?—воскликнулъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ.—Я никакъ не могу иначе думать, что это должны быть какіе-то титаны и богатыри духа.

— Да, и вы правы,—отвѣчалъ другой:—это богатыри, но только богатыри мощные нищетою. Это зерна, которыя уже *прозябли* и пошли въ ростъ.

— А пока они прозябли?

Собесѣдникъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Пока они прозябли... они лежали при дорогахъ, глохли подъ терніемъ и погибали, какъ вы и я, и цѣлый свѣтъ, пока вѣтеръ схватилъ ихъ и бросилъ на добрую почву.

— Вы говорите такъ, какъ будто вы знали кого-нибудь изъ людей, имѣвшихъ силу погребсти себя заживо въ этихъ дебряхъ.

— Да, мнѣ кажется, что я, дѣйствительно, зналъ такого человѣка.

— Онъ былъ уменъ?

— Да.

— И разсудителенъ?

— Гм!.. да. А впрочемъ, я о немъ судить не берусь, но я его любилъ и очень уважаю его память.

— А онъ уже умеръ?

— Да.

— Здѣсь?

— Неподалеку,—отвѣтилъ, снова тихо улыбнувшись, собесѣдникъ.

— Жизнь такого человѣка всегда способна возбуждать во мнѣ большой интересъ.

— И во мнѣ, и во мнѣ тоже,—подхватили другіе.

Дамы интересовалися еще болѣе мужчинъ — и одна изъ нихъ, красивая блондинка съ черными глазами, обратясь къ этому нашему попутчику, сказала:

— Знаете ли, что вы сдѣлали бы намъ чрезвычайно большое одолженіе, если бы здѣсь же, въ тиши этой

дебри, гдѣ мы такъ неожиданно очутились, разсказали намъ исторію извѣстнаго вамъ отшельника.

Другая дама и всѣ мы присоединились къ этой просьбѣ— и тотъ, къ кому она относилась, согласился ее исполнить и началъ:

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Назадъ тому лѣтъ двадцать, когда я былъ школяромъ и ходилъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій, мы съ покойницей моей матушкой и ея сестрою, а моею теткой Ольгой Петровной, жили въ домѣ моей другой богатой тетки по отцу. Хотя этой послѣдней теперь уже нѣтъ въ живыхъ, но я все-таки не выдамъ ея настоящаго имени и назову ее Анной Львовной. Домъ ея стоитъ и теперь на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоялъ; но только тогда онъ былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ большихъ на всей улицѣ, а нынче онъ тамъ одинъ изъ маленькихъ. Громадныя новѣйшія постройки его задавили—и на него никто болѣе не указываетъ какъ было въ то время, съ котораго начинается моя исторія.

Начавъ свой разсказъ не съ людей, а съ дома, я уже долженъ быть послѣдователенъ и разсказать вамъ, что̀ это былъ за домъ; а онъ былъ домъ страшный—и страшный во многихъ отношеніяхъ. Онъ былъ каменный, трехъ этажный и съ тремя дворами, уходившими одинъ за другой внутрь и обстроенными со всѣхъ сторонъ ровными трехъэтажными корпусами. Видъ его былъ мрачный, сѣрый, почти тюремный. Впечатлѣніе, производимое имъ, было самое тягостное. Домъ этотъ составлялъ часть приданаго моей тетки, когда она выходила замужъ за своего не совсѣмъ далекаго родственника, очень много обѣщавшаго, въ свое время блестящаго, свѣтскаго молодого человѣка, который, впрочемъ, кончилъ тѣмъ, что необыкновенно проворно спустилъ все незначительное свое и значительное женино состояніе и протянулъ руки къ остаткамъ ея приданаго, т. е. къ этому дому. Такое поползновеніе мужъ моей тетки обнаружилъ въ Парижѣ, гдѣ супруги въ то время жили и гдѣ Анна Львовна думала, что она блистаетъ красотою и можетъ удивить ею весь свѣтъ—если бы только на глазахъ у этого свѣта не мелькала какая-то дама полусвѣта, съ которою борьба была неудобна, да и невозможна, потому что роскошь

сей послѣдней была до того баснословна, что самыя солидныя дамы интересовались: откуда все это берется у этой куртизанки? Интересовалась, вѣроятно, этимъ и моя тетушка Анна Львовна и получила отъ своего мужа въ отвѣтъ, что завидное положеніе проходимки зависитъ отъ щедрости какого-то разбогатѣвшаго въ индійской кампаніи англичанина; но вскорѣ оказалось, что все это вздоръ и что богачъ-англичанинъ былъ не кто иной, какъ самъ супругъ моей тетушки, самымъ неосмотрительнымъ образомъ распорядившійся ея состояніемъ въ пользу этой темной звѣзды. Увлеченіе его зашло такъ далеко, что у нихъ не осталось ничего, кромѣ петербургскаго дома, о которомъ я говорю. Узнавъ объ этомъ, тетка Анна Львовна побѣсновалась, порыдала, а потомъ взялась за умъ и проявила не только большую силу характера, но даже и порядочную долю жестокосердія: она уничтожила формальнымъ порядкомъ свои довѣренности на имя мужа—и, бросивъ его въ Парижѣ на жертву кредиторамъ, укатила назадъ въ Россію и поселилась въ своемъ домѣ. Домъ этотъ давалъ изрядный доходъ, такъ что тетка могла безнуждно жить этими средствами и воспитывать сына Вольдемара, или по-домашнему Додю. Мужу она ничего не посылала и никогда о немъ не говорила: такъ онъ гдѣ-то пропадалъ и, наконецъ, совсѣмъ пропалъ за границею въ полной безвѣстности. Одни говорили, что онъ умеръ гдѣ-то въ долговой тюрьмѣ; другіе увѣряли, что онъ служилъ въ должности крупье въ какомъ-то игорномъ домѣ. Но это для насъ все равно. Тетка Анна Львовна къ тому времени, когда я ее узналъ, была женщина лѣтъ сорока пяти; она еще сохраняла слѣды довольно замѣчательной, хотя самой непріятной, сухой и жесткой красоты, составляющей принадлежность женщины русскаго бомонда. Анна Львовна жила въ своемъ домѣ, занимая половину прекраснаго бельэтажа. Это было большое помѣщеніе, которое давало тетушкѣ возможность жить какъ должно большой дамѣ, притомъ дамѣ строгой и солидной, какою она слыла у огромнаго числа посѣщавшихъ ее высокопоставленныхъ людей. Она любила немножко рисоваться своимъ положеніемъ, жаловалась при случаѣ на свою беззащитность и ограниченность вдовьихъ средствъ —и превосходно обдѣлывала свои дѣла. Благодаря ея связямъ и ловкости, воспитаніе сына ей ничего не стоило, она кромѣ того какимъ-то

образомъ исходатайствовала себѣ очень порядочную субсидію за «безпримѣрное несчастіе», а доходы съ дома копила. Анна Львовна была женщина очень разсчетливая и, по правдѣ сказать, весьма безсердечная, что вы, я думаю, можете отчасти заключить изъ ея поступка съ мужемъ, которому она никогда не простила его вины и не помогла ему въ его бѣдственномъ положеніи ни однимъ грошемъ. Въ домѣ тетки всѣ ея боялись и трепетали: я это зналъ отлично, потому что, живучи въ одномъ изъ флигелей ея дома, я могъ наблюдать какъ на нее смотрѣли люди. У тетки не было управляющаго: она сама завѣдывала домомъ, и была госпожею строжайшею и немилосерднѣйшею. У нея былъ порядокъ, что всѣ жильцы должны были платить ей за квартиры за мѣсяцъ впередъ—и если кто не платилъ одинъ день, тому сейчасъ же выставляли окна и черезъ два дня вышвыривали жильца вонъ. Льготы и снисхожденія не оказывалось никому — и ихъ никто изъ жильцовъ не пытался добиться, потому что всѣ знали, что это было бы напрасно. Тетка правила мудро: она сама была для жильцовъ никогда невидима и къ ней никого изъ нихъ не допускали, ни подъ какимъ предлогомъ,—она только отдавала приказанія, и немилостивыя приказанія эти приводились въ исполненіе. Говорили, что въ исполненіи этихъ приказаній никогда не допускалось ни малѣйшей поблажки, — но тетка все-таки находила, что исполнители ея воли дѣйствовали еще довольно слабо, и перемѣнила многихъ изъ нихъ, пока не нашла, наконецъ, одного, который вполнѣ удовлетворялъ ея немилосердой строгости. Этотъ замѣчательный человѣкъ былъ швейцаръ Павлинъ Петровъ, по фамиліи Пѣвуновъ, или попросту, какъ его звали, *Павлинъ*.—Рекомендую этого человѣка особенному вашему вниманію, потому что, несмотря на его скромное положеніе, онъ будетъ героемъ начатаго вамъ разсказа. Поэтому же самому я и опишу его вамъ нѣсколько подробнѣе и разскажу: какъ мы лично имѣли удовольствіе познакомиться съ этимъ антикомъ въ пестрой ливреѣ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Когда мы съ матушкою поселились въ маленькой квартирѣ одного изъ флигелей второго двора теткинаго дома, Павлинъ Пѣвуновъ уже лѣтъ шесть состоялъ у нея въ

должности швейцара и считался преданнѣйшимъ ей человѣкомъ и, что называется, ея правою рукою. Насчетъ безграничнаго довѣрія Анны Львовны къ Павлину и еще болѣе насчетъ того, что онъ жилъ у нея безсмѣнно много лѣтъ, тогда какъ до него никто изъ людей у нея не уживался, по дому ходили даже разные нелѣпые толки, основанные на самыхъ глупыхъ выводахъ и болѣе всего на томъ, что Павлинъ, по мнѣнію многихъ, былъ красавецъ. Опишу вамъ наружность Павлина въ ту пору его жизни, какъ я его зналъ. Ему въ то время было лѣтъ съ небольшимъ за сорокъ, онъ былъ мужчина высокій, плотный и очень стройный; свѣтлый блондинъ, съ большими, очень пріятными сѣрыми глазами, прекраснымъ умнымъ лбомъ, замѣчательною строгостію въ лицѣ и достоинствомъ въ движеніяхъ и во всей его въ глаза бросавшейся многозначительной позитурѣ. Можно держать какое угодно пари, что ни въ одной изъ столицъ Европы не было и нѣтъ швейцара импозантнѣе Павлина. Я думаю, что онъ былъ бы еще важнѣе въ какой-нибудь другой, болѣе важной, не швейцарской ливреѣ; но, однако, и этотъ пестрый уборъ шелъ къ нему чрезвычайно. Въ расшитомъ галунами, длинномъ ярко-синемъ сюртукѣ съ капюшономъ, въ широкой убранной галуномъ перевязи, въ трехугольной шляпѣ и съ блестящею вызолоченною булавою въ рукахъ, Павлинъ былъ настоящій *павлинъ*, и притомъ самый нарядный павлинъ, способный поспорить съ наилучшимъ экземпляромъ щеголеватой птицы, передѣланной Юноною изъ Аргуса. По этой представительности Павлинъ могъ бы получить мѣсто швейцара въ любомъ изъ клубовъ, или при какомъ-нибудь изъ самыхъ блестящихъ посольствъ, но Павлинъ за этимъ не гнался и служилъ въ довольно скромномъ и буржуазномъ домѣ моей тетки. Сюда онъ поступилъ на первое мѣсто въ Петербургѣ, а мѣнять мѣста было не въ его правилахъ. Павлинъ у тетушки содержался не въ особой холѣ и по обычаю буржуазныхъ домовъ несъ на себѣ нѣсколько обязанностей. Павлинъ былъ тетушкинъ Аргусъ: при его содѣйствіи она могла знать все, что только желала. Онъ, кажется, видѣлъ весь домъ сквозь его каменныя стѣны и зналъ, что дѣлается въ самыхъ сокровенныхъ его закоулкахъ,—и это для всѣхъ было тѣмъ удивительнѣе, что Павлинъ не имѣлъ во всемъ домѣ ни съ кѣмъ изъ прислуги никакихъ сношеній. Онъ былъ очень гордъ и

важенъ не только съ вида, но и по характеру — самоуважающему, твердому и даже надменному. Павлинъ жилъ въ небольшой, но очень чисто содержимой имъ комнатѣ, скрытой за колоннадою просторнаго параднаго антрэ, гдѣ на небольшомъ возвышеніи между двухъ колоннъ стоялъ его тронъ, старинное черное кресло съ мѣднымъ дракономъ на высокой спинкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Павлинъ поселился въ своей комнатѣ, у него не былъ никто изъ постороннихъ людей и никому не было извѣстно, что̀ тамъ у него за убранство. Два выходившія на улицу окна клѣтки Павлина были всегда задернуты чистою кисеею, на нихъ стояли горшки съ цвѣтами—и если кому доводилось заглянуть въ эти окна вечеромъ, когда комната освѣщалась изнутри горѣвшею передъ образникомъ лампадою, то тотъ могъ только видѣть верхъ очень чистыхъ, густою голубою краскою выкрашенныхъ стѣнъ и ширмы; а болѣе ничего невозможно было разсмотрѣть. Комната постоянно была заперта и ключъ отъ ея маленькой двери всегда былъ у Павлина въ карманѣ. Досужихъ людей, которые подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ пытались проникнуть въ покой Павлина, онъ не допускалъ до этого самымъ рѣшительнымъ и безцеремоннымъ образомъ, такъ что его, наконецъ, всѣ оставили и никто въ гости къ нему не порывался. Что такъ тщательно хранилъ Павлинъ въ своей вѣчно-запертой комнатѣ,—этого никто не могъ отгадать, а такъ какъ нельзя же было оставить этого безъ объясненія, то учредившійся въ домѣ наблюдательный комитетъ за Павлиномъ открылъ, что онъ тоже чрезвычайно бережливъ, умѣренъ въ пищѣ и не пьетъ ничего кромѣ воды и молока, — поэтому комитетъ объявилъ, что Павлинъ «молоканъ». Это всѣмъ очень понравилось и удовлетворило общественную пытливость насчетъ личности Павлина настолько, что всѣ почили въ спокойной увѣренности, что Павлинъ *гордецъ по религіи*. Какъ во всякомъ вздорѣ есть своя доля истины, такъ было и здѣсь: Павлинъ, дѣйствительно, былъ заносчивъ и гордъ и не хотѣлъ допускать ни малѣйшаго сближенія съ собою никого изъ служащихъ людей. Оно и было понятно: онъ былъ поставленъ съ ними въ одну среду, но не имѣлъ съ ними ничего общаго ни по уму, ни по характеру. Прошлое его было мало извѣстно: были слухи, что онъ изъ крѣпостныхъ людей, служилъ камердинеромъ у какого-то важнаго лица

и лѣтъ пять тому назадъ откупился на волю, взнеся своему господину чуть ли не тысячу рублей серебромъ за одну свою гордую и суровую душу; но этимъ слухамъ не совсѣмъ довѣряли. Гораздо охотнѣе вѣрили чьей-то выдумкѣ, что Павлинъ ограбилъ почту, убилъ шесть почтальоновъ и потомъ добылъ себѣ фальшивую бумагу, съ которою и живетъ въ швейцарахъ, храня въ своей запертой каморкѣ несмѣтныя сокровища ограбленной почты. Впрочемъ, и это, разумѣется, разсказывали только стороною; самъ же Павлинъ никогда ничего не говорилъ о своемъ прошломъ. Жизнь свою онъ провождалъ однообразно и разсчитанно какъ часы: рано утромъ онъ появлялся въ антрэ, мелъ его и потомъ скрывался въ свою комнату, гдѣ пилъ чай или кофе изъ какого-то особаго самоварчика, котораго устройство и способъ кипяченія оставался для всѣхъ секретомъ и предметомъ неразъяснимаго любопытства. Затѣмъ Павлинъ выходилъ въ одной ливреѣ на лѣстницу и отправлялся къ тетушкѣ: тутъ у нихъ шелъ докладъ или бесѣда, по поводу которой никто ничего достовѣрнаго не зналъ и всѣ сплетничали невѣроятный и невозможный вздоръ. Бесѣда длилась около часа, и послѣ нея Павлинъ снова появлялся на лѣстницѣ, но уже не съ пустыми руками, а съ домовою книгою, которую клалъ на столъ подъ клеенку, надѣвалъ перевязь, бралъ въ руки булаву и отпиралъ двери подъѣзда. — Совершивъ эту церемонію, онъ садился въ широкое, обитое краснымъ сафьяномъ кресло и начиналъ просматривать домовую квартирную книгу, дѣлая изъ нея карандашомъ отмѣтки въ особую тетрадку. Этимъ дѣломъ Павлинъ занимался до десяти. Съ послѣднимъ ударомъ десятаго часа онъ ставилъ къ колоннѣ булаву, смѣнялъ треугольную шляпу обшитою галуномъ фуражкою и въ этой полуформѣ выходилъ черезъ ворота на дворъ: мимоходомъ онъ молча ударялъ рукою въ дворницкую дверь, и когда оттуда на этотъ знакъ тотчасъ же выскакивали два рослые парня, одинъ съ топоромъ, другой съ молоткомъ и клещами, и оба ему низко кланялись, онъ отвѣчалъ имъ на ихъ привѣтствіе молчаливымъ поклономъ и шелъ далѣе. Дворники, вооруженные топоромъ и клещами, слѣдовали за нимъ молча и въ почтительномъ отдаленіи. Павлинъ направлялъ свои стопы туда, куда указывала ему раскрытая передъ нимъ на рукѣ квартирная книга.

Я вамъ едва ли сумѣю передать хотя слабую тѣнь того, что̀ такое производило на всѣхъ въ домѣ это утреннее шествіе Павлина по дому, въ сопровожденіи двухъ слѣдовавшихъ за нимъ ликторовъ. Изъ всѣхъ оконъ длинныхъ флигелей внутренняго двора, занимаемыхъ бѣдными жильцами, на Павлина устремлялись то злые, то презрительные, а чаще всего тревожные взоры; нерѣдко вслѣдъ ему слышались бранныя слова и ядовитыя насмѣшки, еще чаще проклятія и слезные вопли; Павлинъ не обращалъ ни на что на это никакого вниманія. Онъ совершалъ свое теченіе, какъ планета въ ряду расчисленныхъ свѣтилъ по закону своего вращенія, и не удостоивалъ никакія заявленія ни гнѣва, ни сожалѣнія. Шествіе это выражаетъ, что Павлинъ идетъ собирать ежемѣсячную плату съ бѣдныхъ жильцовъ дробныхъ квартиръ, на которыя тетушка передѣлала всѣ внутренніе флигеля — въ томъ основательномъ расчетѣ, что дробныя квартиры всегда приносятъ болѣе, чѣмъ крупныя, потому что онѣ занимаются людьми бѣдными, которыхъ всегда болѣе, чѣмъ богатыхъ, и которые не претендуютъ ни на вкусъ, ни даже на чистоту. А почему это шествіе Павлина представлялось столь внушительнымъ и возбуждало столько ужаса, мы сейчасъ увидимъ, если послѣдуемъ за нимъ на одну изъ узкихъ темныхъ лѣстницъ, по которымъ онъ взбирается въ сопровожденіи своихъ ассистентовъ. Вотъ онъ останавливается у извѣстнаго ему нумера и звонитъ у двери; ему не скоро отворяютъ, но онъ терпѣливъ и не докучаетъ; онъ слышитъ какъ тамъ шушукаются, бѣгаютъ, что-то прячутъ и плачутъ—и все стоитъ, а потомъ звонитъ во второй разъ, не особенно сильно, но такъ внушительно, что болѣе не отпираться нельзя, и двери нехотя отпираются. Павлинъ снимаетъ фуражку и спокойно входитъ въ нихъ со своею книгою, а сопровождающіе его люди между тѣмъ ждутъ на террасѣ. Если онъ минуты черезъ три выходитъ назадъ, то вы непремѣнно видите, что онъ кладетъ что-то за широкій обшлагъ своей пестрой ливреи. Это онъ прячетъ хозяйскія деньги и идетъ далѣе, въ другую квартиру, для которой сегодняшній день есть тоже день очередной расплаты за мѣсяцъ впередъ. Дворники опять слѣдуютъ за нимъ по пятамъ съ топоромъ и клещами и ждутъ его *распоряженій*. Всѣ ждутъ этихъ распоряженій и всѣ молятъ Бога, чтобы ихъ не послѣдовало.

Но что же это за распоряженія?.. А вотъ что: хотъ Павлинъ, выйдя изъ одной квартиры, ничего за свой обиллагъ не спряталъ, а только кивнулъ головою, и сейчасъ же въ одномъ изъ оконъ этой квартиры появляются двѣ головы павлиновыхъ сопутниковъ; топоръ и клещи работаютъ съ неописанною быстротою и ловкостью, рама исчезаетъ—и въ обезрамленное окно несется женскій крикъ и дѣтскій плачъ, а Павлинъ течетъ далѣе, и теченіе его опять гдѣ-нибудь выражается исчезающею изъ окна рамою.. И опять крикъ и плачъ, и въ пустыя окна вырывается клубомъ незащищенная комнатная теплота, которую вымораживаемая бѣдность напрасно силится удержать и сберечь вывѣшиваемыми на рычагахъ и щеткахъ лохмотьями...

Чѣмъ далѣе вглубь дворовъ и чѣмъ выше этажи по лѣстницамъ, тѣмъ эти въ содроганіе приводящія распоряженія Павлина повторяются чаще. Я хотѣлъ-было сказать «и тѣмъ рѣшительнѣе», но у Павлина ничего никогда не было малорѣшительно.

Обойдя всѣ двери, въ которыя ему надлежало въ этотъ день постучаться, онъ текъ обратнымъ теченіемъ, а дворники за нимъ несли выставленныя рамы, которыя Павлинъ собственною рукою запиралъ въ особый чуланъ у себя подъ лѣстницею и затѣмъ спокойно садился въ свое высокое кресло съ бронзовымъ дракономъ на спинкѣ и начиналъ читать *Пчелку* и другія газеты, которыя получались въ домѣ, проходя непремѣнно предварительно черезъ павлиновы руки. Это чтеніе, повидимому, очень его интересовало, и онъ занимался имъ во всѣ свои свободныя минуты. Просмотрѣвъ газеты и потомъ уже раздавъ ихъ подписчикамъ, Павлинъ бралъ за чтеніе книгъ, преимущественно или даже исключительно переводныхъ французскихъ романовъ, которыхъ, впрочемъ, онъ по гордости своей ни у кого не выпрашивалъ, а абонировался на нихъ въ библіотекѣ.

За этимъ занятіемъ, кромѣ посѣтителей, которымъ Павлинъ долженъ былъ оказать то или другое содѣйствіе по должности швейцара, за этимъ же занятіемъ его заставали другіе посѣтители,—это тѣ жильцы, квартиры которыхъ онъ подвергнулъ утромъ усиленной вентиляціи черезъ вынутыя рамы.

Если неисправный жилецъ приносилъ деньги, Павлинъ молча бралъ ихъ, отмѣчалъ въ книгѣ — и дергалъ

звонокъ, на который являлись дворники и, вынося изъ чулана молча указанную имъ раму, отправлялись ее вставить. Если же жилецъ или жилица являлись съ жалобою, пенями или просьбою льготы, то опять молчаніе, звонокъ, дворники—и проситель выводится, не услыхавъ въ отвѣтъ на свои жалобы ни одного слова.

Такъ исполнялъ свою службу моей теткѣ ея знаменитый Павлинъ, съ которымъ потомъ съ самимъ судьба сыграла не менѣе знаменитую штуку, чѣмъ всѣ разыгранныя имъ съ жильцами теткина дома.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Мы съ матушкою и ея сестрою Ольгой Петровной, занимавшеюся при нездоровіи maman моимъ воспитаніемъ, имѣли въ домѣ Анны Львовны небольшую квартирку по одной изъ лѣстницъ второго двора. Я не вспомню теперь, сколько мы платили за нашу квартиру и не могу сказать, какъ бы съ нами было поступлено, если бы мы хотя одинъ разъ не сдѣлали за нее своего взноса въ срочное время. Вѣроятно, что, не щадя своего запропавшаго мужа, Анна Львовна не обличила бы слабости и къ его сестрѣ, а моей матери, которая, Богъ вѣсть почему, заблагоразсудила жить въ домѣ своей золовки, гдѣ насъ на первомъ же шагу встрѣтила памятная непріятность, при которой мы въ первый разъ познакомились съ Павлиномъ. Мы перебирались въ тетушкинъ домъ въ самый рождественскій сочельникъ. День былъ морозный и по обыкновенію въ это время года въ Петербургѣ очень короткій, такъ что когда возы съ нашею небогатою мебелью въѣхали на дворъ, настали уже сумерки. Матушка до этого времени сидѣла у тетки Анны Львовны, а мы съ тетей Ольгой, которая терпѣть не могла Анны Львовны, расхаживали по пустой квартирѣ; но чуть прибыла наша мебель, матушка тоже пришла въ свою квартиру, чтобы распорядиться, гдѣ ставить вещи. По ея словамъ, Анна Львовна сама посовѣтовала ей придти для этого, и она пришла и сказала людямъ: «вносите»; но люди только переглянулись, а изъ-за плечъ ихъ выросъ Павлинъ и за нимъ два его адъютанта съ извѣстными инструментами.

— Что тебѣ, батюшка, угодно?—спросила maman.

— Деньги пожалуйте за мѣсяцъ, — отвѣчалъ Павлинъ, разворачивая передъ maman свою книгу.

— Хорошо, батюшка мой, хорошо; я завтра утромъ пришлю,—отвѣчала maman съ родственною короткостію, отстраняя отъ себя рукою и книгу, и Павлина, и подзывая своихъ слугъ; но слуги не трогались, а Павлинъ едва замѣтно улыбнулся и отвѣчалъ, что онъ до завтра не можетъ ничего отсрочивать, что деньги должны быть заплачены ему непремѣнно сію же минуту.

Maman сочла это за невѣжливость и обидѣлась, и поблѣднѣла.

Павлинъ это замѣтилъ, и это ему, очевидно, было непріятно: онъ насупилъ брови и съ нѣкоторою первною нетерпѣливостью въ голосѣ проговорилъ:

— Сударыня! здѣсь такой порядокъ.

— Прекрасно, что у тебя такой порядокъ, но вѣдь ты же, я полагаю, можешь разсудить...

Матушка, горячась, теряла слова и запнулась.

Павлинъ отвѣтилъ ей на ея послѣднее замѣчаніе:

— Могу-съ.

— Ты знаешь, что Анна Львовна мнѣ не чужая, а своя?..

— Знаю-съ.

— А знаешь, такъ что... такъ чего же тебѣ?..

— Деньги-съ... я безъ того не могу позволить вносить вашихъ вещей.

— Какъ не можешь позволить? Но неужто же вещамъ стоять ночь на дворѣ, а намъ на полу спать?

— И вамъ не спать на полу, а вы потрудитесь отсюда уйти, или я сейчасъ велю выставить окна,—отвѣчалъ Павлинъ и, опять сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе бровями, прибавилъ:—у насъ такой порядокъ.

Между прислугою и извозчиками, доставившими наши вещи, начались говоръ и смятеніе. Павлинъ стоялъ съ книгою въ передней и не обращалъ ни на что это никакого вниманія.

— Но это смѣшно, — воскликнула maman: — я сейчасъ видѣлась съ Анной Львовной, и она мнѣ ни слова не сказала, что не вѣритъ мнѣ до завтра... Засидѣвшись у нея, я опоздала взять въ банкѣ деньги... Но... но что за глупость! Я вовсе не хочу съ тобой разсуждать, -добавила разсерженная матушка и сказала, что она сейчасъ сама идетъ къ Аннѣ Львовнѣ.

— Это будетъ напрасно-съ,—сухо отвѣтилъ Павлинъ.

— Ну, ужъ это не твое, батюшка, дѣло.

И она, взволнованная, накинула на себя платокъ и пошла къ хозяйкѣ, межъ тѣмъ какъ Павлинъ, не покидая своего поста, сдѣлалъ незамѣтный для насъ знакъ своимъ ассистентамъ—и черезъ минуту, къ немалому нашему удивленію, изъ комнаты, назначавшейся для маменькиной спальни, потянулъ проницающій холодъ. Я, занимавшійся до сихъ поръ разсматриваніемъ пестраго убранства Павлина, оглянулся и увидалъ, что дворники несли въ рукахъ по одной внутренней рамѣ, а въ то же время съ другой стороны появилась maman и, вся дрожа отъ холода и негодованія, сказала по-французски:

— Представь, Ольга: какова эта Анна Львовна? Вообрази: она меня не приняла!

Добрая тетя Ольга отвѣчала, что она этого и ожидала.

— Это ужасно!—отвѣчала maman.—Я увѣрена, что она дома, потому что нѣтъ четверти часа, какъ мы разстались: по мнѣ сказали, что она уѣхала ко всенощной. Какъ она можетъ быть у всенощной, когда здѣсь въ ея домѣ такъ оскорбляютъ родню ея мужа! Уѣдемъ отсюда: пусть все бросаютъ на дворѣ, но я не хочу здѣсь жить, и моя нога болѣе не будетъ въ этомъ домѣ! Одѣвайся и уѣдемъ куда-нибудь въ гостиницу. Я не могу одной минуты видѣть этого негодяя!

Отпустивъ этотъ послѣдній комплиментъ по адресу Павлина, моя нервная maman начала порывисто надѣвать на меня мое теплое платье. Между прислугою смятеніе еще болѣе усиливалось: дворники съ вынутыми рамами въ рукахъ тихонько переминались; извозчики внизу кричали и шумѣли, что ихъ долго не отпускаютъ; по квартирѣ расползался черезъ выставленныя рамы холодъ. Павлинъ стоялъ въ своей строгой позитурѣ и на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшаго безпокойства. Какъ ни странно можетъ показаться вамъ мое сравненіе, но онъ мнѣ сразу напомнилъ тогда собою Гёте, величавую и до холодности спокойную фигуру котораго я зналъ по гравюркѣ, вклеенной въ моей дѣтской книжкѣ. Павлина какъ будто вовсе не трогали мелкія страданія людей: онъ имѣлъ въ виду одну какую-то общую гармонію того, что̀ совершалъ и видѣлъ.

Но, помимо этихъ моихъ наблюденій, я не знаю чѣмъ бы все это смѣшное и досадное замѣшательство съ нами кон-

чилось; вѣроятно насъ бы прогнали, если бы въ дѣло не вмѣшалась тетка Ольга. Она отвела maman немножко въ сторону и, говоря съ нею по-французски, успѣла ее убѣдить, что дѣло отъ каприза ничего не выиграетъ и что мы почтенной Аннѣ Львовнѣ ничего не докажемъ, потому что она уже, вѣроятно, видѣла всякія доказательства въ этомъ родѣ и ни однимъ изъ нихъ не переубѣдилась.

— Но я увѣрена, что это не она, а этотъ грубіянъ,— молвила, смягчаясь, maman.

— А я увѣрена напротивъ, что это именно *она,* а не «этотъ», какъ ты его называешь, «грубіянъ». Онъ мнѣ кажется очень хорошимъ и честнымъ человѣкомъ, потому что онъ точно исполняетъ то, что обязанъ исполнить; я это уважаю и цѣню,—отвѣчала Ольга.

— Но что же намъ дѣлать? Это смѣшно: у меня недостаетъ денегъ, я забыла ихъ взять...

— Мы ихъ достанемъ и заплатимъ.

— Гдѣ? теперь банкъ закрытъ, на дворѣ вечеръ, а у насъ нѣтъ никого изъ знакомыхъ (мы тогда только переселились въ Петербургъ изъ провинціи). Не у Анны же Львовны занимать, чтобы ей же заплатить.

— Нѣтъ, не у нея, — молвила тетя Ольга, и съ этимъ, подойдя къ Павлину, сняла со своей руки два брильянтовыя кольца и спросила:—Не можете ли вы взять отъ насъ это до послѣзавтра въ залогъ? Послѣзавтра мы возьмемъ деньги и выкупимъ.

— Сударыня, я долженъ сейчасъ представить госпожѣ деньги,—отвѣчалъ Павлинъ съ глубокимъ уваженіемъ къ Ольгѣ.

Отвѣчая ей на вопросъ, онъ точно благодарилъ ее интонаціею своего голоса за то, что она о немъ сказала maman.

— Ну, пошлите заложить эти вещи въ какую-нибудь лавку.

Павлинъ подумалъ—и, моргнувъ одному изъ своихъ дворниковъ, велѣлъ ему исполнить требованіе Ольги, заложивъ ея кольца у какого-то извѣстнаго ему лавочника, имя котораго имъ названо было и потомъ для обстоятельности еще разъ повторено.

Пока посланный дворникъ возвратился съ деньгами, которыхъ принесъ болѣе, чѣмъ намъ на этотъ случай было нужно, Павлинъ молча помогалъ другому вставить выпутыя у насъ рамы—и, получивъ, что ему слѣдовало, за квартиру, вѣжливо поклонился и вышелъ.

Тетка Ольга, обладавшая не только большимъ смысломъ и добротою, но и превосходнымъ веселымъ характеромъ и остроуміемъ, тотчасъ же по уходѣ Павлина начала очень забавно трунить надъ нашимъ минувшимъ затрудненіемъ и привела въ самое веселое расположеніе не только maman и меня, но даже всю нашу прислугу и извозчиковъ, которые, внося каждую вещь снизу въ комнаты, не упускали случая отпускать разныя остроты насчетъ Анны Львовны, величая ее чертовкой и вѣдьмой, и другими лестными названіями.

Черезъ часъ у насъ вся мебель была поставлена на мѣсто, мелкія вещи, болѣе или менѣе, были убраны, и квартира приведена въ возможный порядокъ; а еще черезъ другой часъ, который мы съ матушкою и теткою провели у всенощной, мы застали нашу квартиру уже теплою и встрѣтили праздникъ на своихъ чистыхъ постеляхъ. Черезъ день кольца тетки Ольги, разумѣется, были выкуплены, и мы зажили, но безъ рѣшимости оставаться здѣсь долго, послѣ встрѣтившихъ насъ на первыхъ же шагахъ непріятностей. Maman говорила, что мы здѣсь не останемся долѣе мѣсяца, а если она ранѣе найдетъ удобную квартиру, то мы переѣдемъ отсюда и ранѣе. Ей никто не противорѣчилъ, но другой удобной квартиры, къ крайней досадѣ maman, не находилось, а та, въ которой мы теперь жили, была тепла, суха и какъ нельзя болѣе для насъ удобна. Къ тому же, суровый домъ тетки Анны Львовны, благодаря царившему въ немъ строгому духу Павлина, отличался тишиною и опрятностью, на что тетка Ольга указывала maman и мало-по-малу убѣдила ее не горячиться и не переѣзжать отсюда до лѣта.

— Мы ее этимъ не накажемъ,—говорила тетка Ольга, намекая на почтенную Анну Львовну: — а только себѣ надѣлаемъ хлопотъ и убытковъ. Стóитъ ли она этого?

Матушка мало-по-малу согласилась, что Анна Львовна этого не стóитъ, и рѣшилась остаться еще на мѣсяцъ, но только съ тѣмъ, чтобы «грубіянъ», то-есть Павлинъ, не возмущалъ ея спокойствія и никогда не показывался къ намъ въ квартиру.

Тетка Ольга взялась это устроить — и подъ тотъ день, когда намъ предстоялъ второй мѣсячный платежъ, она сама занесла деньги въ швейцарскую и вручила ихъ Павлину.

Съ Анной Львовной не видались ни maman, ни тетка

Ольга, въ отношеніяхъ которой къ Аннѣ Львовнѣ я, при всей моей тогдашней неопытности, замѣчалъ неодолимое отвращеніе. Мы жили совершенно какъ чужіе и вовсе незнакомые хозяйкѣ люди и это насъ нимало не тяготило,—ее это тоже, вѣроятно, не очень смущало. — Мы видали изъ своихъ оконъ, какъ Павлинъ отъ времени до времени совершалъ свои роковые обходы по дому за сборомъ денегъ; послѣ чего то въ одной, то въ другой квартирѣ открывались въ окнахъ прорѣхи; но это насъ непосредственно не касалось, и мы къ этому скоро привыкли, и даже стали понемножку подсмѣиваться. Что дѣлать?—такова сила «чудовища привычки». Мы смѣялись не надъ горемъ вымораживаемыхъ жильцовъ, а надъ тѣмъ способомъ, какъ это дѣлалось среди многолюднаго города, словно на постояломъ степномъ дворѣ. Этотъ важный пестрый Павлинъ съ физіономіею и позитурою Гёте, эти дворники съ инструментами, напоминающіе распинателей Іисуса Христа на картинѣ Штейбена, и это быстрое выставленіе и вставленіе оконъ и полное равнодушіе всѣхъ къ этому самоуправству,—все это въ самомъ дѣлѣ имѣло въ себѣ что-то траги-комическое. Къ намъ Павлинъ не появлялся, потому что въ концѣ второго мѣсяца тетка Ольга опять отвратила его появленіе, лично занеся ему деньги въ его швейцарскую наканунѣ срока; точно такъ же опять наканунѣ заплатила она и на четвертый мѣсяцъ, и такой порядокъ у насъ установился—и, благодаря ему, мы продолжали жить въ своей хорошей и удобной квартирѣ, вовсе позабывъ, что домъ этотъ принадлежитъ Аннѣ Львовнѣ, по милости которой мы такъ оригинально встрѣтили канунъ Рождества. Мы вспоминали о ней, впрочемъ, когда видѣли изъ своихъ оконъ огни въ ея парадныхъ комнатахъ, но вспоминали такъ, мимоходомъ, равнодушно: «вотъ-де у нея гости» или что-нибудь подобное. Что же касается до Павлина, то я и самъ не знаю, какъ это сталось, что имя его, бывши у насъ долгое время подъ запретомъ, вдругъ начало произноситься не только безъ раздраженія и злобы, но даже съ чѣмъ-то похожимъ на уваженіе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Если установившееся у насъ доброе мнѣніе о Павлинѣ могло ему на что-нибудь пригодиться, то онъ обязанъ былъ

за это теткѣ Ольгѣ, къ которой онъ при всякой встрѣчѣ относился съ безконечной аттенціей и самъ обрѣлъ у нея себѣ благоволеніе. Матушка шутя смѣялась надъ тетей Ольгой, что она совершила Даніилово чудо надъ звѣремъ, поработивъ себѣ Павлина; но въ этой шуткѣ была своя доля истины: Павлинъ благоговѣлъ передъ теткой, хотя къ чести его надо сказать, что онъ, однако, и это благоговѣніе выражалъ съ полнымъ сохраненіемъ своего неприступнаго достоинства. Онъ только кланялся ей гораздо ниже, чѣмъ прочимъ, и уступалъ ей дорогу почтительнѣе, чѣмъ самой Аннѣ Львовнѣ, которую онъ, по наблюденіямъ тетки Ольги, терпѣть не могъ и презиралъ. На чемъ она основывала эти свои выводы и заключенія, никогда не говоря съ Павлиномъ, я не знаю, но въ выводахъ этихъ чувствовалась правда. Изъ этого вы видите, что у насъ почему-то постоянно занимались Павлиномъ: онъ заинтересовалъ насъ собою, не исключая даже и меня, засматривавшагося на его пеструю ливрею, и maman, начавшую симпатизировать ему за подмѣченное въ немъ теткой Ольгой презрѣніе къ Аннѣ Львовнѣ. .

Такъ шло довольно долго: мы все продолжали жить въ домѣ Анны Львовны и наблюдали Павлина издали, какъ вдругъ совершенно неожиданно представился поводъ къ ближайшему съ нимъ знакомству. Это случилось такимъ образомъ, что maman, будучи недовольна кѣмъ-то изъ прислуги, нанимала другого человѣка. Вмѣсто отходящаго былъ отысканъ и ангажированъ другой, и на слѣдующій день этотъ новый слуга долженъ былъ прибыть и вступить въ отправленіе своей должности, но, въ предшествовавшій этому дню вечеръ, тетя Ольга получила съ дворникомъ конвертъ, надписанный на ея имя. Почеркъ былъ незнакомый и изъ нѣмецкольскихъ, - какимъ пишутъ на Руси грамотные самоучки; въ конвертѣ оказалось письмо, писанное опрятно, на чистой бумажкѣ, но съ тѣмъ же самоучковымъ почеркомъ, и содержало оно въ себѣ, сколько я помню, отъ слова до слова слѣдующее: «Ваше Высокоблагородіе Ольга Петровна! Госпожа ваша сестрица договорили себѣ прислугу (имя рекъ), но сей договоренный есть человѣкъ легкомысленный, а потому къ довѣренности ему ненадежный, о чемъ пріемлю смѣлость вамъ для предосторожности доложить». Подпись: «швейцаръ Павлинъ Пѣвуновъ». Тетка показала

это письмо матушкѣ, и та рѣшила послушаться предостереженія, которое дѣлалъ Павлинъ; договоренному легкомысленному слугѣ былъ посланъ отказъ, и maman, идучи на свою обычную прогулку и встрѣтивъ на дворѣ Павлина, поблагодарила его за доброжелательство. Антикъ снялъ свою шляпу съ галуномъ и отвѣтилъ maman молчаливымъ, но вѣжливымъ поклономъ.—Вечеромъ maman, сидя за чаемъ, сказала теткѣ Ольгѣ:

— Но, однакоже, намъ все-таки нуженъ слуга. Господинъ Павлинъ намъ одного опорочилъ, а гдѣ искать лучшаго—не показалъ.

— Это и не его дѣло,—отвѣчала тетка.

— Знаю; но... онъ бы, я думаю, могъ намъ порекомендовать, если бы захотѣлъ.

— А ты его развѣ просила?

— Нѣтъ; да онъ, кажется, со мною и не желаетъ говорить—взглянулъ окомъ по меньшей мѣрѣ министерскаго величія и откланялся. Другое дѣло,—пошутила она:—если бы ты его объ этомъ попросила: для тебя онъ вѣрно за высокую для себя честь почтетъ оказать намъ эту услугу.

Тетка приняла эту шутку съ обыкновенно-свойственною ей веселостью и такъ же шутя отвѣчала:

— Хорошо: я его попрошу.

На другой же день тетушка, идучи куда-то передъ вечеромъ, вмѣстѣ со мною зашла въ швейцарскую, гдѣ Павлинъ по обыкновенію сидѣлъ одинъ въ своемъ креслѣ и читалъ передъ зеленою лампою книгу.

Увидѣвъ тетку, онъ тотчасъ же положилъ на столъ книгу, вѣжливо поклонился и, выпрямившись во весь свой длинный ростъ, принялъ позитуру Гёте.

Тетушка высказала ему просьбу. Павлинъ сдвинулъ брови, подумалъ и отвѣчалъ:

— Нынче обстоятельныхъ слугъ къ своей должности нѣтъ.

— Такъ вы и не можете намъ никого рекомендовать?

— Не смѣю-съ, потому что никого такого не предвижу.

Мы отошли ни съ чѣмъ, и когда вернулись домой, то maman не мало потрунила надъ тетушкой, что власть сей послѣдней надъ Павлиномъ Нѣвуновымъ не плодотворна и онъ все-таки грубый бирюкъ; но тетя и тутъ защищала его, говоря, что она и въ этомъ его отказѣ видитъ только новое доказательство его обстоятельности и благоразумія:

онъ остороженъ, говорила она, потому что «обстоятельный человѣкъ». А знай онъ кого-нибудь, за кого бы могъ поручиться, онъ бы, конечно, непремѣнно порекомендовалъ.

И тетка не ошиблась: къ ея вставанью на слѣдующее утро опять появилось краткое письмо, которымъ Павлинъ, въ лапидарномъ стилѣ, просилъ ее повременить дня два наймомъ слуги, ибо онъ получилъ какія-то свѣдѣнія объ извѣстномъ «обстоятельномъ господскомъ служителѣ, бывшемъ однихъ съ нимъ господъ».

Тутъ сказались настоящія чувства maman къ Павлину: она перестала говорить о немъ, какъ о грубіянѣ, и очень обрадовалась, что можетъ имѣть слугу одной съ нимъ школы, и изъявила согласіе ждать рекомендованнаго Павлиномъ человѣка хоть цѣлый мѣсяцъ. Но это было вовсе не нужно, потому что ожидаемое лицо явилось на другой же день и тотчасъ же было нанято и вступило въ должность скромнаго лакея нашего скромнаго жилища.

Поставленный Павлиномъ человѣкъ былъ нѣсколько старше его и гораздо его простодушнѣе и добрѣе. Онъ даже совсѣмъ былъ добрякъ, имѣлъ веселый, открытый характеръ и необычайную кротость и исполнительность, чѣмъ и заслужилъ у насъ сразу всеобщее довѣріе и расположеніе, хотя, разумѣется, ему въ этомъ не мало содѣйствовала рекомендація Павлина, оказавшаго намъ такимъ образомъ первую услугу.

Вскорѣ онъ сдѣлалъ и другую: мы собрались на лѣто въ деревню и грустили, что должны были оставить нашего любимаго человѣка дома при квартирѣ, и что же? Не успѣли мы объ этомъ поговорить дома за нашимъ вечернимъ чаемъ, какъ утромъ опять къ тетушкѣ посланіе: Павлинъ опять въ томъ же лапидарномъ стилѣ извѣщаетъ, что намъ отнюдь не нужно никого оставлять на лѣто въ своей квартирѣ, такъ какъ онъ, Павлинъ, «самъ достаточно можетъ ее досмотрѣть безъ всякаго затрудненія». Принять это одолженіе было очень соблазнительно; это отлично улаживало всѣ наши дѣла и вопросъ могъ быть только въ томъ: какъ вознаградить Павлина за его досмотръ? Къ обсужденію этого вопроса былъ допущенъ нашъ слуга, но отъ него получился по этому поводу рѣшительный протестъ.

— Павлинъ Петровичъ человѣкъ амбиціонный,—сказалъ онъ:—онъ это предоставляетъ изъ чести и платою его можно неспосно обидѣть.

Такъ это и осталось: ни maman, ни тетка Ольга рѣшительно не могли придумать: чѣмъ бы поблагодарить *добраго* Павлина.

Павлинъ у насъ началъ именоваться «*добрымъ*». Такъ измѣнялъ онъ въ нашихъ глазахъ свою репутацію въ преддверіи наступающей эпохи, когда ему предстояло явить себя на искусѣ въ борьбѣ чувствъ, ему, повидимому, вовсе не свойственныхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мы уѣхали и, возвратившись, застали свою нежилую во все время нашего отсутствія квартиру въ чрезвычайномъ порядкѣ, а изъ дверей въ двери противъ насъ въ другой квартирѣ появились новые жильцы. Это была молодая дама съ престарѣлою матерью и шестилѣтнею дочерью, очень красивою дѣвочкою. Намъ, разумѣется, до этихъ новыхъ сосѣдей не было никакого дѣла, но maman и тетка невольно обратили вниманіе на одну замѣчательную странность фамильной черты всѣхъ трехъ лицъ нашихъ новыхъ сосѣдокъ: всѣ три онѣ были въ разныхъ порахъ жизни, но у всѣхъ у нихъ на лицахъ—въ красотѣ меркнущей, цвѣтущей и еще только распускающейся—была какъ бы растворена какая-то родовая печаль и роковое предназначеніе къ несчастію.

Тетка Ольга первымъ дѣломъ позаботилась узнать: не бѣдны ли онѣ,—и отрадно успокоилась, что у этой семьи есть кормилецъ; оказалось, что у молодой дамы есть мужъ, который служитъ полковымъ врачомъ, и онѣ живутъ не нуждаясь. Тетка перекрестилась и сказала: «слава Богу». Это «слава Богу» касалось и нашихъ сосѣдокъ, и самой тетки, которая въ первую же ночь по нашемъ возвращеніи въ городъ видѣла во снѣ, будто къ нашимъ сосѣдкамъ пришелъ Павлинъ и его распинатели, и будто изъ ихъ оконъ выкидывали все на дворъ и въ ту же пору со двора поѣхалъ гробъ, на этомъ гробу сидѣла та прекрасная дѣвочка съ растворенною печалью въ лицѣ и чертами роковаго несчастія, и за этимъ поѣздомъ очутился Павлинъ въ своей пестрой ливреѣ съ расписною перевязью и въ шляпѣ. Въ одной рукѣ у него, будто, была его блестящая булава и факелъ, а въ другой—его собственная отрѣзанная голова, а вокругъ него изъ-подъ земли выныривали какія-то блѣдноро-

зовыя птицы: онѣ быстро поднимались вверхъ, производя нестерпимый свистъ своими крыльями, а оттуда съ высоты съ этихъ крыльевъ сыпались бѣлыя перышки и по мѣрѣ приближенія къ землѣ обращались въ перетлѣвшій пепелъ. Минута—и отъ всей пестроты павлинова убора уже не осталось и знака, а онъ стоялъ весь черный, какъ обгорѣлый пень, и былъ опять съ головою, но съ какою то такою страшною, что тетушка пришла въ ужасъ, закричала и проснулась,— но проснулась съ убѣжденіемъ, что она видѣла сонъ вѣщій, который не можетъ пройти безъ послѣдствій.

Тетка не ошиблась: ея сонъ былъ въ руку и непрекаемаго Павлина ждало тяжкое и роковое испытаніе.

Дѣло началось съ того, что, проснувшись однажды въ жестоко холодное крещенское утро, мы увидали въ квартирѣ нашихъ новыхъ сосѣдей три выставленныя окна. Матушка и тетка тотчасъ же поняли, что это работа нашего «*добраю*» Павлина, и такъ и ахнули. На дворѣ, какъ я вамъ сказалъ, стояла жестокая стыдь и не трудно было себѣ представить, что теперь должны были переносить злополучныя женщины, жилище которыхъ добрый Павлинъ привелъ среди зимы на лѣтнее положеніе. Очевидно, онѣ должны были коченѣть въ своихъ комнатахъ безъ оконъ. Maman съ свойственною ей нервностью страшно разгнѣвалась; назвала нѣсколько разъ «добраго» Павлина палачомъ, жидомъ и разбойникомъ и послала дѣвушку просить сосѣдокъ сдѣлать ей одолженіе занять на время одну изъ нашихъ комнатъ, которая сію же минуту и была приготовлена къ ихъ принятію. Но дѣвушка возвратилась съ отвѣтомъ, что самой сосѣдней барыни нѣтъ дома, — что она куда-то ушла, а старушка-мать ея благодаритъ за участіе, но рѣшительно отказывается принять матушкино предложеніе. Отказъ старушки былъ мотивированъ тѣмъ, что она ждетъ дочь и увѣрена, что та скоро возвратится съ деньгами, тогда-де заплатимъ и все опять будетъ въ порядкѣ. Maman опять послала второго посланца просить, чтобы къ намъ отпустили хоть маленькую дѣвочку, которой выпутыя изъ оконъ рамы угрожали простудою. Это посольство было задачливѣе: я точно сейчасъ вижу, какъ къ намъ привели шестилѣтнюю дѣвочку съ прехорошенькимъ, но будто отмѣченнымъ какою-то печатью несчастія лицомъ. Есть такія лица, есть: но крайней мѣрѣ я не разъ встрѣчалъ ихъ. Наша маленькая

гостья, очевидно, не ясно понимала тогда затруднительное положеніе своего семейства—и, освободясь изъ шелковаго ватошника, въ которомъ ее привели въ нашу переднюю, обратила свое вниманіе на то, чтобы взойти съ извѣстною граціею и сдѣлать реверансъ, что ей вполнѣ и удалось. Видно было, что о ея внѣшней благовоспитанности и манерахъ заботились,—впрочемъ, тогда дѣти, неумѣющія войти и поклониться, еще не входили въ моду, — фребелевскихъ матерей у насъ еще не было.

Пока мы обогрѣвали дѣвочку, которую звали Любою,— ея мать, имени которой я теперь не помню, возвратилась домой. Наши видѣли, какъ эта молодая дама прошла къ себѣ въ квартиру, но, къ величайшему нашему удивленію, она не спѣшила изъ квартиры прибѣжать или прислать за дочерью—и за нею, какъ бывало въ подобныхъ случаяхъ, если недоимка была вымогнута, не несли выставленныхъ рамъ... Все это были плохіе знаки: не трудно было отгадать, что бѣдная сосѣдка наша вернулась безъ денегъ: мать и тетя Ольга поняли это сію же минуту, и послѣдняя, нимало не медля, бросилась въ разоренную квартиру, а еще черезъ минуту вернулась назадъ, щелкнула ключикомъ своей шкатулки и снова убѣжала къ сосѣдямъ. Десять минутъ спустя по двору подвигалась извѣстная процессія: дворники, рамы, молотки, клещи, гвозди и жестяной жбанъ съ замазкой, а за всѣмъ этимъ пестрый Павлинъ съ его до сихъ поръ въ трепетъ меня приводящею платежною книгою. Было понятно, что добрая тетка Ольга нашла у себя нужныя деньги и что сосѣдки наши приняли ихъ и заплатили за свою квартиру, которая немедленно же была приведена въ порядокъ и топилась. Но какъ комнаты, оставаясь въ теченіе нѣсколькихъ часовъ безъ оконъ, значительно настыли, то maman и тетя не только не отпустили домой маленькой Любы, но залучили къ себѣ на весь день и ея мать. Просили и бабушку Любы, но старушка вѣжливо благодарила, но ни за что не пошла и оставалась дома. Мать же Любы просидѣла у насъ до полуночи и, горько плача, разсказала, что мужъ ея служитъ врачомъ въ одномъ изъ находившихся тогда въ Венгріи русскихъ полковъ, — что состоянія у нихъ никакого не было и нѣтъ; но что они жили безъ нужды до тѣхъ поръ, пока мужъ ея выступилъ съ полкомъ въ походъ. Сначала онъ присылалъ имъ на содер-

жаніе, но вдругъ два мѣсяца замолкъ, и онѣ не имѣютъ о немъ ни слуха, ни духа.

— Богъ вѣсть,—говорила, рыдая, дама:—можетъ-быть... его уже нѣтъ въ живыхъ, или онъ въ плѣну, или съ нимъ случилось еще что-нибудь худшее — и тогда... мое бѣдное дитя... мое бѣдное дитя, что съ нимъ будетъ?

Она взглянула на Любочку, которую я развлекалъ, усадивъ ее на кресло и стоя передъ нею на колѣняхъ, и вдругъ быстро отвернулась и закрыла рукою глаза, молвивъ въ какомъ-то вдохновеніи:

— Темно, темно: я не могу глядѣть въ эту темь!

И она вдругъ затрепетала, рванулась къ ребенку и, прижавъ къ груди своей ребенка, замерла.

Тетка Ольга знала болѣе: она знала, что кормильца этихъ сиротъ уже не было на свѣтѣ: его не то поразила венгерская пуля, не то прикончила лихорадка. И бабушка знала объ этомъ и сказала это теткѣ Ольгѣ съ тѣмъ, чтобы она помогла ей открыть роковую вѣсть бѣдной вдовѣ и пособила бы ей принять весь ужасъ ея безпомощнаго положенія.

Тетка, вѣроятно, исполнила какъ-нибудь это печальное порученіе, хотя я не знаю, какъ и когда она это сдѣлала, потому что моя впечатлительная и нервная maman послѣ этого дня ни за что не хотѣла оставаться въ нашей квартирѣ, и мы вскорѣ же дѣйствительно выбрались въ другой домъ, гдѣ не было ни Павлина, ни жестокихъ порядковъ, которые онъ съ такою суровостью приводилъ въ исполненіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Maman, какъ очень многія впечатлительныя женщины, болѣе всего избѣгала сценъ возмущавшаго ее жестокосердія и заботилась о томъ, чтобы *не видѣть ихъ*; но нервы тетки Ольги были крѣпче, и она не боялась становиться съ горемъ лицомъ къ лицу, а потому она и здѣсь не оставила нашихъ сосѣдокъ и навѣщала ихъ съ своей новой квартиры. Тонкая деликатность тетки, вѣроятно, не позволяла ей спросить у нихъ: есть ли чѣмъ у нихъ заплатить за слѣдующій, наступающій мѣсяцъ, но она стерегла и подкарауливала, какъ имъ обойдется урочный день наступающаго срока платежа. Я помню, какъ она тревожно и съ какимъ сердобольнымъ безпокойствомъ она берегла въ своей на-

мяти этотъ день, страшась какъ бы не просчитать его,—и, дождавшись, когда онъ наступилъ, рано утромъ побѣжала въ домъ, гдѣ наши бѣдныя сосѣдки оставались во власти Павлина. Взбѣжавъ на дворъ, она прежде глянула на ихъ окна... рамы были на мѣстѣ... Тетка успокоилась. Прошелъ и еще мѣсяцъ—и тетка Ольга опять точно такъ же стерегла срочное число и опять съ деньгами въ карманѣ побѣжала къ старымъ сосѣдкамъ, и опять все застала въ полномъ порядкѣ и спокойствіи, какое было возможно въ ихъ стѣсненномъ положеніи. По крайней мѣрѣ квартира была тепла, хотя, видимо, все мало-по-малу пустѣла. На третьемъ мѣсяцѣ у этихъ бѣдныхъ жильцовъ умерла старушка бабушка... Ходили странные слухи: говорили, будто она отравилась фосфорными спичками и сдѣлала это въ полной памяти и съ знаніемъ дѣла: она распустила фосфоръ не въ водѣ и не въ спиртѣ, какъ это дѣлаетъ большинство отравляющихся этимъ способомъ, а въ маслѣ, въ которомъ фосфоръ растворяется совершенно. Говорили, что она отравилась съ единственной цѣлію не обременять собою бѣдную дочь, которая не хотѣла ее оставить и бѣдствовала, давая дешевые уроки, тогда какъ она съ одною дѣвочкою могла бы поступить куда-нибудь классною дамою или гувернанткою. Бабушка хотѣла развязать своей дочери руки и развязала ихъ съ удивительнымъ спокойствіемъ. Справедливы или нѣтъ были всѣ эти толки объ отравѣ—я навѣрно не знаю; но только старушку, однако, схоронили безъ всякихъ полицейскихъ исторій, а расчетъ ея оказался невѣрнымъ: хотя она и развязала руки дочери, но дочь ея не получила желаемаго мѣста,—а напротивъ, бѣгая по своимъ дешевымъ урокамъ, совсѣмъ надломила свой потрясенный организмъ, послѣ чего ей довольно было самой маленькой простуды, чтобы у нея развилась жестокая болѣзнь, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ низведшая эту бѣдную женщину въ могилу.

Она умерла, не оставляя дочери ничего: ни имѣнія, ни добрыхъ людей; даже моей доброй тетки Ольги не было тогда въ городѣ, потому что она объ эту пору ѣздила въ другой городъ къ роднымъ и возвратилась въ очень скверный день, когда по грязному снѣгу раннимъ февральскимъ утромъ на Волково кладбище тащились бѣдныя дроги съ гробомъ, у изголовья котораго тутъ же на дрогахъ сидѣла заплаканная Люба, а сзади дрогъ шелъ—Павлинъ... Сло-

вомъ: все точь-въ-точь, какъ тетка Ольга видѣла когда-то во снѣ. Павлинъ былъ съ непокрытою головою, облаченный для сего печальнаго случая въ сѣрую шинель на старомъ волчьемъ мѣху. Тетка Ольга ужасно встревожилась этимъ событіемъ и, переговоривъ съ maman, рѣшила взять сиротку Любу къ намъ пока удастся ее куда-нибудь устроить; но все это оказалось излишнимъ: Люба уже была устроена и, вѣроятно, не хуже, чѣмъ бы могли устроить ее мы съ нашими весьма ограниченными средствами и безъ всякихъ сколько-нибудь вѣскихъ и значительныхъ связей. Виновникомъ попечительныхъ заботъ объ осиротѣвшей дѣвочкѣ явился тотъ же самый Павлинъ, который два мѣсяца тому назадъ вымораживалъ ее вмѣстѣ съ ея матерью и бабушкой.

Когда тетка Ольга, окончивъ свои переговоры съ maman, пришла въ швейцарскую Павлина, чтобы узнать отъ него, гдѣ Люба,—она не нашла его на его обычномъ креслѣ. Это было едва ли не первое нарушеніе Павлиномъ своихъ обязанностей съ тѣхъ поръ, какъ онъ надѣлъ въ этомъ домѣ пеструю ливрею и взялъ въ руки блестящую булаву.

Освѣдомясь у кого попало о швейцарѣ, тетка узнала, что онъ уже возвратился съ кладбища къ себѣ и принесъ туда на рукахъ въ свою комнату дѣвочку.

Тетка, долго не раздумывая, направилась къ неприкосновенному апартаменту Павлина и растворила дверь. Передъ нею открылась очень маленькая комнатка, съ диванчикомъ, на которомъ помѣщалась плачущая Люба, а передъ нею стоялъ на колѣняхъ Павлинъ и перемѣнялъ на ребенкѣ промокшую обувь.

При входѣ тетки онъ всталъ и, вѣжливо поклонясь ей, сказалъ:

— Сударыня, вѣрно изволили пожаловать насчетъ барышни?

— Да,—отвѣчала тетка.

— Изволите желать взять ихъ?

— Да.

— Какъ вамъ угодно.

Дѣвочка тянулась къ теткѣ, и мы ее взяли, по вечеру того же дня къ намъ появился Павлинъ и просилъ доложить теткѣ, что онъ пришелъ переговорить о сиротѣ.

Павлина позвали въ залъ, куда къ нему вышла и тетка.

Они говорили около получаса, но истеченіи котораго Павлинъ ушелъ, а тетка возвратилась къ maman въ восторгѣ отъ ума и твердости характера Павлина.

Павлинъ, явясь къ теткѣ, объяснилъ ей, что желаетъ взять Любу на свое попеченіе, но не настаиваетъ на этомъ, если дѣвочка можетъ быть устроена лучше. А для того, чтобы дать теткѣ возможность судить о его средствахъ и благонадежности, онъ нашелъ нужнымъ разсказать ей свое прошлое и представить нынѣшнее свое положеніе и планы насчетъ Любы. По его словамъ, онъ былъ крѣпостной человѣкъ, обученъ музыкѣ, но не любилъ ее, и изъ музыкантовъ попалъ въ камердинеры, потомъ откупился дорогою цѣною на волю самъ, своею единственною душою; но послѣ, собравъ трудами и бережливостью довольно большую для его положенія сумму, онъ выкупилъ на волю свою старухумать, сестру и зятя и снялъ имъ на большой тульской дорогѣ хорошій постоялый дворъ. Затѣмъ, считая себя обязаннымъ помогать хозяйству этихъ родственниковъ, онъ самъ не женился и жилъ для родныхъ; но, назадъ тому съ мѣсяцъ, онъ получилъ извѣстіе, что всѣ его родные вслѣдъ другъ за другомъ поумирали холерою. Оставаясь теперь совершенно одинокимъ и находя, что ему время для женитьбы уже прошло, Павлинъ выразилъ желаніе остатокъ дней своихъ посвятить сиротѣ Любѣ, которая, по своему положенію, сдѣлалась ему чрезвычайно жалка.

Тетку мою такъ тронуло это доброе движеніе, что она подала Павлину руку и посадила его, чтобы онъ обстоятельно изложилъ ей свой планъ, которому думаетъ слѣдовать насчетъ Любы. Тетка была увѣрена, что степенный Павлинъ, рѣшаясь взять дитя на свои руки, непремѣнно имѣетъ ясныя намѣренія, которыя и разсчитываетъ привести въ выполненіе, и она не ошиблась. Павлинъ, дѣйствительно, имѣлъ планъ, и притомъ весьма обстоятельный, удобоисполнимый и вполнѣ отвѣчающій его солидному и твердому характеру. Онъ приготовился не только взять дѣвочку и воскормить ее, но расчелъ весь путь, какимъ она должна была войти въ жизнь и стать въ ней твердою ногою. При этомъ онъ обнаружилъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя до сихъ поръ еще незамѣченныя въ немъ черты, а именно: прямоту, скромность и презрѣніе къ тщеславнымъ посягательствамъ человѣка на высшій полетъ. Павлинъ избиралъ

сиротѣ, можетъ-быть, очень скромную долю: онъ сказалъ теткѣ, что намѣренъ отдать Любу въ школу къ одной извѣстной ему очень хорошей дамѣ, гдѣ дѣвочка года въ четыре обучится необходимымъ, по его соображенію, наукамъ, то-есть чтенію, письму, закону Божію и ариѳметикѣ, а также «историческимъ свѣдѣніямъ», а потомъ онъ отдастъ ее учиться рукодѣліямъ, а самъ въ это время къ выходу ея изъ этой послѣдней науки соберетъ ей денегъ, откроетъ магазинъ и потомъ выдастъ ее замужъ за честнаго человѣка, «который ее могъ бы стоить. Этакъ,—говорилъ онъ,—я располагаю, будетъ гораздо вѣрнѣе, потому что къ благородству, если удастся судьба, можно всегда очень легко привыкнуть, но самое первое дѣло человѣку имѣть средства на себя надѣяться».

Теткѣ, которая всегда была сама очень умна и проста, этотъ простой и удобный планъ воспитанія необыкновенно какъ нравился, но maman планъ Павлина не совсѣмъ былъ по мысли: она находила, что никто не имѣлъ права такимъ образомъ «исковеркать будущность бѣдной сиротки противъ того, на что она имѣла право по своему происхожденію». На этомъ maman и тетка никакъ не могли согласиться, и онѣ, вѣроятно, долго бы спорили, если бы въ дѣло не вмѣшался случай и не порѣшилъ все это по-своему: здоровье maman потребовало перемѣны климата, и она должна была уѣхать на годъ далеко изъ Петербурга къ своему брату; меня отдали въ Петербургѣ въ пансіонъ, а моя добрая тетка отъѣхала въ иную сторону и устроилась особеннымъ образомъ: она поступила въ одинъ уединенный женскій монастырь на берегу Днѣпра за Кіевомъ. Сиротку Любу такимъ образомъ волею-неволею пришлось ввѣрить исключительнымъ попеченіямъ Павлина, котораго рвеніе устроить это дитя и средства все это сдѣлать были притомъ едва ли не далеко превосходнѣе нашихъ. Притомъ же и нравственныя ручательства, которыя Павлинъ далъ теткѣ при прощаньи съ нею, значительно успокоивали ее за судьбу Любы. Павлинъ объяснился теткѣ въ такомъ родѣ:

— Я знаю, сударыня,—сказалъ онъ:—что меня считаютъ злымъ человѣкомъ, а это все отъ того, что я почитаю, что всякій человѣкъ долженъ прежде всего свой долгъ исполнять. Я не жестокое сердце имѣю, а съ практики взялъ, что всякій въ своей бѣдѣ много самъ виноватъ, а потвор-

ство къ тому людей еще болѣе располагаетъ. Надо помогать человѣку не послабленіемъ, такъ какъ отъ этого человѣкъ еще болѣе слабнетъ, а надо помогать ему на ноги становиться и о себѣ вдаль основательно думать, чтобы могъ отъ немилостивыхъ людей самъ себя оберегать.

Итакъ, maman и тетка, оплакавъ Любу, оставили ее Павлину на его произволъ дѣлать изъ нея женщину безъ слабостей и способную сама себя оберегать; а вышло, что она—эта маленькая дѣвочка—сдѣлала изъ самого Павлина то, чѣмъ этотъ крѣпкій человѣкъ врядъ ли думалъ сдѣлаться.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Время шло; Павлинъ воспитывалъ Любу точно такъ, какъ обѣщалъ моей тётѣ въ первомъ ихъ разговорѣ объ этой сироткѣ. Пока я проводилъ послѣдніе годы въ гимназическомъ пансіонѣ, Люба училась въ домашней школѣ у одной дамы, которой Павлинъ платилъ за ученіе и содержаніе своей питомки съ свойственной ему аккуратностью. Здѣсь Люба, разумѣется, не набралась большихъ знаній, но, однакоже, все-таки узнала гораздо болѣе, чѣмъ считалъ для нея нужнымъ и полезнымъ Павлинъ. Занятый своимъ дѣломъ, я-было совсѣмъ позабылъ о Любѣ, но, увидавъ ее случайно на улицѣ вскорѣ послѣ своего поступленія въ университетъ, я тотчасъ же ее вспомнилъ и очень ей обрадовался. Мнѣ тогда было лѣтъ восемнадцать, а Любѣ шелъ четырнадцатый годъ. Она расцвѣла и обѣщала быть очень красивою дѣвушкой, у нея выполнялась очень стройная и пропорціозная, миньонная фигурка; головка ея была повита густыми волнующимися золотистыми волосами самаго пріятнаго цвѣта, и при этомъ черныя брови и длинныя темныя рѣсницы, изъ-подъ которыхъ глядѣли два большіе темно-синіе глаза. Я такъ былъ пораженъ ея красотою, что противу воли моей не умѣлъ этого скрыть, и мы оба другъ друга сконфузились и разстались, не успѣвши наговориться. Потомъ еще черезъ годъ мы съ нею снова встрѣтились въ церкви за ранней обѣдней, гдѣ она, еще болѣе расцвѣтшая, стояла впереди Павлина, глядѣвшаго на нее, какъ мнѣ тогда казалось, съ глубочайшею нѣжностью. Восемь лѣтъ имѣли на Павлина небольшое вліяніе, но вліяніе не особенно разрушительное: онъ только началъ сѣдѣть и потуч-

нѣлъ, но все-таки былъ молодцомъ для своихъ пятидесяти лѣтъ. Въ его выходномъ костюмѣ не было никакой разницы; Люба же у него была одѣта скромно, но очень опрятно, и держалась барышней,—Павлинъ, въ поношенной коричневой бекешѣ, казался ея дядькой. Онъ, какъ я вамъ сказалъ, стоялъ сзади Любы и держалъ на рукѣ ея плащъ и вязаную гарусную косыночку, которую та сняла, потому что въ церкви было довольно жарко. Жарко было всѣмъ, но казалось, что Любѣ было особенно знойно и томно: она краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и взглядъ ея представлялся мнѣ безпокойнымъ и растеряннымъ. И еще что было замѣчательнѣе, что эта видимая напряженность ея состоянія усиливалась по мѣрѣ приближенія службы къ концу. Мнѣ сдавалось, что въ этой напряженности кое-что принадлежитъ моему неожиданному появленію передъ Любой, такъ какъ она, увидавъ и очевидно узнавъ меня, не переставала наблюдать меня своими большими зрачками изъ-подъ густыхъ и длинныхъ темныхъ рѣсницъ. Послѣдствія убѣдили меня, что я не ошибался: когда я по окончаніи обѣдни подошелъ къ Любѣ, которой Павлинъ подавалъ въ это время ея верхнее платье, напряженность ея достигла крайней степени: она мнѣ едва кивнула головкой и, спѣшно одѣваясь, все совала руку мимо рукава, межъ тѣмъ какъ на опущенныхъ книзу рѣсницахъ ея потупленныхъ глазъ сверкала большая полная слеза,—слеза не умиленная и добрая, а раздражительная и досадная. Люба, несомнѣнно, страдала отъ того, что я видѣлъ ее *съ лакеемъ*, но не въ томъ положеніи, въ какомъ лакей могъ бы быть пріятенъ для человѣческой суетности. Павлинъ не показывалъ ни малѣйшаго вида, что онъ это замѣчаетъ, но я былъ увѣренъ, что онъ все это видѣлъ и понималъ; однакоже, онъ, повидимому, не смущался, но дѣлалъ свое дѣло, какъ всегда, точно и аккуратно, то-есть въ данномъ случаѣ онъ одѣлъ Любу и оправилъ все на ней надѣтое не болѣе какъ со вниманіемъ служителя; а Любѣ, казалось, и это не нравилось: она, что называется, *шарахнулась*, — сторонилась отъ него какъ голубенокъ отъ сосѣдящагося къ нему грача.

Во мнѣ шевельнулись старыя воспоминанія: припомнилось уваженіе, которое моя добрая тетка выражала къ этому суровому блюстителю всякаго принятаго на себя долга.—и мнѣ стало досадно на Любу: я одновременно по-

далъ правую руку сѣ, а лѣвую Павлину и, какъ умѣлъ, ласково сказалъ ему:

— Я очень радъ, что вижу васъ, Павлинъ Петровичъ,— простите, что подаю вамъ лѣвую руку, но она ближе правой къ сердцу.

Онъ сжалъ мою руку крѣпко-крѣпко, и мнѣ показалось, что на глазахъ у него тоже блеснула слеза, но не такая, какъ у Любы. Это не скрылось отъ Любиной наблюдательности, и потупленные глаза ея поднялись: она точно обрадовалась, что между всѣми нами тремя какъ-будто возстановилось равенство, и просіяла. Павлинъ опять былъ тотъ же по внѣшности, но было что-то такое, что и въ немъ сказалось тихо-сдержаннымъ удовольствіемъ.

— Любовь Андревна-то-съ,—заговорилъ онъ ко мнѣ, выходя изъ церкви:—какъ перемѣнились... выросли совсѣмъ.

— Да, выросла и... я хотѣлъ сказать, что она похорошѣла, но нашелъ, что не слѣдуетъ ей этого говорить, и добавилъ, что я едва узналъ ее.

— Какъ же,—отвѣчалъ Павлинъ:—помните... вѣдь онѣ тогда остались... совсѣмъ ребенокъ... А теперь имъ нынче пятнадцать лѣтъ.

Я очень некстати удивился, что будто уже со дня сиротства Любы идетъ десятый годъ. Тѣмъ это и кончилось: но въ слѣдующее воскресенье я опять свидѣлся съ Любой и Павлиномъ въ той же церкви, и встрѣчи эти пошли все чаще и чаще, пока, наконецъ, я однажды увидалъ Павлина въ церкви безъ Любы и освѣдомился: что это значитъ?

— Онѣ... Любочка... нездоровы-съ,—отвѣчалъ швейцаръ, называвшій Любу въ ея присутствіи не иначе, какъ Любовь Андревна.

Я спросилъ: что съ нею такое случилось?

Павлинъ задумался и развелъ руками, а потомъ неохотно промолвилъ:

— Должно-быть что-нибудь отъ воображенія.

— Развѣ, говорю,—Любочка очень мнительна?

— Нѣтъ-съ,—если вы полагаете мнительность насчетъ болѣзни, то нѣтъ-съ: на этотъ счетъ онѣ не мнительны, а даже напротивъ... не занимаются собой; а... такъ... въ характерѣ у нея сохраняется что-то... этакое...

Мы на этомъ разстались, и послѣ долго не видѣлись, но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, въ одинъ осенній вечеръ ко

мнѣ приходитъ Павлинъ и съ тревожнымъ выраженіемъ сообщаетъ, что Люба заболѣла.

— Пришла,—говоритъ,—въ прошлую субботу ко мнѣ вечеркомъ на одну минуту и вдругъ разнемоглась и всѣхъ перепугала. Анна Львовна своего доктора прислали, и даже сами приходили и молодой баринъ... но теперь ей лучше: спала немножко и, проснувшись, говоритъ: «какъ бы мнѣ хотѣлось что-нибудь о моей маманѣ слышать!» Сдѣлайте милость, пожалуйте къ ней посидѣть. Она про васъ вспомнила—и я замѣчаю, что ей хотѣлось бы про дѣтство свое поговорить, такъ какъ вы ея мать видѣли. Вы этимъ ей, больной, большое удовольствіе можете принести.

Я всталъ и пошелъ.

— Только, знаете, если она будетъ много спрашивать, вы ей не все говорите,—шепнулъ Павлинъ, вводя меня въ заповѣдную дверь своей швейцарской комнатки.

Эта комната, которую я теперь видѣлъ въ первый разъ, была очень маленькая, но преопрятная и пріютная; она мнѣ съ перваго же взгляда напомнила хорошенькую коробочку, въ которой лежитъ хорошенькая саксонская куколка: куколка эта и была пятнадцатилѣтняя Люба.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Павлинъ оставилъ насъ здѣсь съ Любою вдвоемъ, а самъ пошелъ хлопотать о чаѣ. Люба сидѣла въ креслѣ, съ ногами, положенными на скамеечку и укутанными старенькимъ, но очень чистымъ пледомъ. Я привѣтствовалъ ее выраженіемъ удовольствія, что она поправляется, и сѣлъ напротивъ ея черезъ столикъ.

Она мнѣ ничего не отвѣтила, но вздохнула и сдѣлала гримаску, которую я принялъ за выраженіе какого-нибудь болѣзненнаго ощущенія, но это была ошибка: Люба хотѣла показать своею гримасою, что она недовольна и безутѣшна.

— Я вовсе не рада, что я выздоравливаю,—проговорила она мнѣ, наконецъ, надувъ свою губку.

— Не рады! что же, вамъ нравится болѣть? отвѣчалъ я, стараясь настроить разговоръ на шутливый тонъ; но Люба еще больше насупилась и молвила:

— Нѣтъ, не болѣть, а у...

— «У?..»—отвѣчалъ я съ попыткою обратить дѣло въ шутку.—Вамъ еще рано «у...»

— Я очень несчастна, — прошептала большая, и слезы ручьями полились по обѣимъ ея щекамъ.

Я старался ее успокоить общими утѣшеніями въ родѣ того, что вся ея жизнь еще впереди и пройдетъ тяжелая полоса, наступитъ и лучшая, но она махнула мнѣ ручкою и нетерпѣливо сказала:

— Никогда мнѣ ничего лучшаго не будетъ.

— Почему?

— Такъ... мнѣ это на роду написано.

Я посмотрѣлъ на нее и не нашелся, что ей отвѣчать: въ ея словахъ звучало не минутное болѣзненное настроеніе, а въ самомъ дѣлѣ что-то роковое, и во всемъ существѣ ея лежало что-то неотразимое, феральное. Молодое ея личико напоминало мнѣ лица ея бабушки и матери. Разговоръ нашъ перервался и не шелъ далѣе. Люба не выспрашивала меня о своемъ проломѣ, какъ ожидалъ Павлинъ, а молчала и сердилась. На что?—очевидно, на свое положеніе. Кого же она въ немъ винила? устроившее такъ Провидѣніе?.. нѣтъ; у нея, кажется, былъ на умѣ другой виноватый—и этотъ виноватый, какъ мнѣ показалось, едва ли не Павлинъ. Подозрительность подсказывала мнѣ, что, вѣроятно, между ними незадолго передъ этимъ произошла какая-нибудь сценка, отъ которой Павлинъ растерялся—и, не желая безпокоить Любу своимъ присутствіемъ, а въ то же время жалѣя оставить ее одну, позвалъ меня къ ней самъ, безъ всякаго ея желанія. Та же, можетъ-быть, не совсѣмъ основательная подозрительность подсказывала мнѣ, что Павлинъ нажилъ себѣ въ Любѣ напасть. Люба казалась мнѣ дѣвочкою не въ мѣру чувствительною, претензіозною и суетною,—а я уже тогда зналъ, что съ такими существами серьезному человѣку не легко ладить. Мнѣ сдавалось, что все страданіе Любы, главнымъ образомъ, происходитъ отъ того, что она живетъ въ швейцарской, а не въ бельэтажѣ, и что она обязана благодарностью *лакею*, а не его госпожѣ... И вотъ, придя съ тѣмъ, чтобы сожалѣть Любу, я невольно началъ жалѣть Павлина. Онъ, казалось, уже пассовалъ передъ нею, и теперь чувствовалъ, что онъ прирожденный лакей,—а она, всѣмъ ему обязанная, все-таки прирожденная барышня, въ которой сила привычки заставляетъ его признавать существо чѣмъ-то его превышающее. Люба тоже несомнѣнно замѣчала это преобладаніе надъ своимъ воспи-

тателемъ, но у нея не было великодушія, чтобы быть скромною и благодарною. Разговорившись со мною, она всего охотнѣе разсказывала лишь о томъ, что у нея сегодня и вчера была сама Анна Львовна и ея старшій сынъ Вольдемаръ, тогда только-что произведенный въ корнеты одного изъ щегольскихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Надутая и молчаливая, Люба чрезвычайно охотно распространялась объ ихъ посѣщеніи и о томъ, что они «говорили съ нею по-французски, потому что не хотѣли, чтобы Павлинъ понималъ ихъ разговоръ», и при этомъ Люба со вниманіемъ разсматривала и нюхала оставленный ей старою генеральшею флаконъ съ ароматическимъ уксусомъ. Послѣ этого разговора я былъ окончательно убѣжденъ, что для того, чтобы вылѣчить Любу—надо бы ее только какъ кошечку перекинуть съ мѣста на мѣсто, то-есть перенести изъ швейцарской въ бельэтажъ,—и послѣдствія невдалекѣ же показали мнѣ, что я не ошибся.

Выздоровѣвъ и побывавъ въ бельэтажѣ у генеральши, молоденькая Люба нашла отраду въ томъ, чтобы хотя нѣсколько часовъ въ день не удаляться оттуда. Въ мастерскую, куда она была отдана Павлиномъ, теперь ей было такъ тяжело идти, что при одной мысли объ этомъ она снова разнемогалась. Павлинъ не зналъ, что ему съ нею дѣлать: онъ все только жаловался, говоря:

— Вотъ, вотъ люди!.. Гм!.. подруги... наговорили ей, знаете, про то, что она... благородная! Теперь не хочетъ! А что такое это благородство?—пустяки.

Принудить же Любу, заставить, поневолить ее идти въ мастерскую... на это непреклонная воля Павлина была безсильна. Взять же ее къ себѣ и держать въ своей каморочкѣ онъ тоже находилъ неудобнымъ и непристойнымъ, такъ какъ каморка была тѣсна, а Люба была уже почти совсѣмъ взрослая дѣвушка. Однимъ словомъ, дѣло гнуло совсѣмъ не туда, куда направлялъ его Павлинъ,—и что же вы думаете: какъ онъ нашелся уладить всю эту неладицу? Ручаюсь, что вы не отгадаете!.. Павлинъ черезъ годъ женился на этой шестнадцатилѣтней Любѣ, на этой пустой и напыщенной дѣвчонкѣ, которая его презирала со всею жестокостью безпатурности,—и вы были бы несправедливы, если бы хоть на одну минуту подумали, что Павлинъ Любу къ этому прямо или косвенно чѣмъ-нибудь приневоливалъ.

Нимало нѣтъ; молодая дѣвушка сама этого захотѣла. А какъ ей это пришло въ голову—про это я вамъ сейчасъ разскажу

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Какъ иногда люди женятся и выходятъ замужъ? Хорошіе наблюдатели утверждаютъ, что едва ли въ чемъ-нибудь другомъ человѣческое легкомысліе чаще проглядываетъ въ такой ужасающей мѣрѣ, какъ въ устройствѣ супружескихъ союзовъ. Говорятъ, что самые умные люди покупаютъ себѣ сапоги съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ выбираютъ подругу жизни. И вправду: не въ рѣдкость, что этимъ выборомъ какъ-будто не руководствуетъ ничто, кромѣ слѣпого и насмѣшливаго случая. Такъ было и у Павлина съ Любою.

Люба хотѣла только не идти въ магазинъ, гдѣ какая-то дѣвочка сказала ей грубость,—и въ этихъ цѣляхъ «нижонилась» и, ластясь подъ крылышко Анны Львовны, жаловалась и горевала, что ей опять надо идти туда, гдѣ люди такъ необразованны и грубы, что не умѣютъ цѣнить преимуществъ ея происхожденія, а напротивъ, какъ бы мстятъ ей за него.

— Да и навѣрное они мстятъ тебѣ,—отвѣчала, глядя на Любу, Анна Львовна.

Онѣ обѣ въ это время сидѣли и работали у матоваго карселя въ уютномъ кабинетѣ.

— И чему этотъ Павлинъ хочетъ тебя еще учить? Не понимаю я этого!—продолжала Анна Львовна, взглянувъ на Любину работу:—по-моему, ты и теперь уже превосходная мастерица.

— *Онъ* хочетъ мнѣ открыть магазинъ...

— *Онъ*... Позволь мнѣ тебѣ сказать, что этотъ твой *онъ*—ужасный, пестрый, гороховый шутъ. Зачѣмъ онъ будетъ тебѣ открывать магазинъ?

— А что же ему со мной дѣлать?

— Что дѣлать?.. Очень просто; я не понимаю: зачѣмъ онъ на тебѣ не женится?

Дѣвушка потупилась и промолчала. Она тогда еще едва ли думала о замужествѣ, но во всякомъ случаѣ оно представлялось ей желаннымъ вовсе не съ Павлиномъ. Генеральша видѣла, что высказанная ею мысль не приходила въ голову Любы, но видѣла и то, что она ее, однако, не

пугаетъ и, повидимому, довольно хорошо укладывается въ ея головѣ.

— Конечно такъ,—продолжала генеральша.—Ты думаешь, это легко быть модисткой: лгать всякой рожѣ: «это хорошо! это вамъ идетъ», да потрафлять на всякій капризъ и становиться передъ каждою на колѣни да мѣрку снимать?.. А между тѣмъ, выйди ты замужъ... это гораздо лучше. Особенно если за него, за Павлина; тогда бы мы съ тобой никогда не разставались: ты бы у насъ при гостяхъ разливала чай и кофе, я бы тебѣ что-нибудь платила, на гардеробъ; а по вечерамъ мы бы съ тобою сидѣли и вмѣстѣ работали, ожидали бы, пока Володя пріѣдетъ и разскажетъ намъ гдѣ что дѣлается. Володя очень любитъ съ тобою говорить, и ты всегда будешь какъ своя въ нашемъ домѣ.

Люба, краснѣя, молчала, и на рѣсницахъ у нея стали поблескивать слезки, а генеральша продолжала:

— А то ты подумай, что же, если ты, открывши магазинъ, когда-нибудь и выйдешь хоть и за молодого человѣка, да за необразованнаго какого-нибудь, положимъ, хоть ремесленника, или даже художника—ничего вѣдь изъ этого лучше не будетъ. Такъ въ томъ кружкѣ и погрязнешь. А за кого-нибудь другого, повыше, тебѣ выйти мудрено, потому что ты не такъ поставлена.

— Я это знаю,—произнесла, глотая слезы, Люба.

— Вотъ и прекрасно, что ты такая умница! А Павлинъ, какъ ты хочешь, онъ хоть не молодъ, но человѣкъ рѣдкихъ правилъ, онъ тебя ни въ чемъ не стѣснитъ: я его болѣе двадцати лѣтъ знаю и всегда онъ честенъ, всегда уменъ, всегда въ порядкѣ и при томъ всемъ, хотя я не вѣрю, что люди болтаютъ, будто бы онъ нажилъ себѣ у меня порядочныя деньги, но онъ человѣкъ очень бережливый и какія-нибудь деньжонки у него непремѣнно есть въ запасѣ. Вотъ пусть онъ на тебя этотъ запасецъ-то и порастрясетъ. Да, мой другъ, да! И ты этого стоишь. И оно, конечно, такъ все и будетъ, потому что что же ему можетъ быть пріятнѣе, какъ не наряжать молоденькую и такую хорошенькую жену? Повѣрь-ка мнѣ, что люди его лѣтъ гораздо надежнѣе, чѣмъ всякіе вертопрахи въ родѣ этого художника, который ходитъ снимать съ меня портретъ и все на тебя заглядывается.

Люба спламепѣла: она еще въ первый разъ слышала,

что на нее заглядываются мужчины — и притомъ слышала это отъ такой солидной женщины, какъ генеральша, къ которой молодая дѣвочка стремилась какъ травка къ солнцу. Ей было пріятно, что Анна Львовна ее такъ бережетъ—и Люба разнервничалась и, сбросивъ съ колѣнъ работу, кинулась къ ней на грудь и заплакала, лепеча:

— Заступитесь за меня, я васъ во всемъ буду слушаться.

Анна Львовна отвѣчала ласками на ея ласки и продолжала ее наставлять и уговаривать и, наконецъ, заключила:

— Я только одного боюсь, можетъ-быть Павлинъ въ самомъ дѣлѣ тебѣ кажется немножко старъ?

Люба молчала.

— Можетъ-быть тебѣ непремѣнно хочется молоденькаго мужа?

— Ахъ, я ничего объ этомъ не говорю,—перебила Люба.

— Ну, и прекрасно, если ты этого не говоришь, такъ и дай Богъ добрый часъ.

Дѣвушка испугалась, что все было такъ скоро кончено, и, краснѣя, поспѣшила сказать, что она ни за кого не пойдетъ замужъ; но Анна Львовна пропѣла ей стишокъ изъ «Краснаго сарафана», что «не вѣкъ-де пташечкой въ полѣ распѣвать и златокрылой бабочкой порхать» и, разсмѣявшись, приподняла рукою ея личико и спросила:

— Не хочешь ли ты въ монастырь?

— Мнѣ все равно,—отвѣчала шопотомъ Люба.

— О-о-о, лжешь; не тѣ у тебя глазенки, чтобы идти въ монастырь. Нѣтъ, ты тамъ всѣхъ будешь смущать: мужчины, вмѣсто того, чтобы Богу молиться, будутъ на тебя смотрѣть.

Дѣвушка разсмѣялась.

— А вотъ что... шутки въ сторону, ты подумай, на что тебѣ рѣшиться: я тебѣ объ этомъ давно хотѣла сказать и теперь такъ серьезно говорю, потому что вижу, что ты насъ очень полюбила...

— Я васъ очень, очень люблю!—подтвердила Люба, покрывая поцѣлуями генеральшины руки.

— Да, и я понимаю, что, побывъ съ нами, ты въ мастерскую къ этимъ своимъ швеямъ рѣшительно не можешь идти...

— Рѣшительно не могу! Я скорѣе утоплюсь.

— Я все это понимаю; рѣшительно все понимаю, но не

знаю, зачѣмъ топиться: это грѣхъ. Павлину не дѣлать чести, что онъ такой умный человѣкъ, а посылать тебя, гдѣ ты наслушиваешься всѣхъ этихъ нехристіанскихъ мыслей: я уже ему про это говорила...

— Вы ему говорили *про это*?

— Да; я ему говорила, и онъ тоже это понимаетъ и согласенъ со мною, но ты посуди: куда же ему тебя дѣть? Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь съ тобою очень трудно что-нибудь придумать: ты такъ воспитана, что гувернанткою ты не можешь быть, потому что мало знаешь; бонною при дѣтяхъ ты тоже еще не годишься, потому что очень молода; а вѣдь въ швеи или въ горничныя тебя опредѣлить—это ему будетъ очень тяжело... Онъ о тебѣ все-таки заботился... Неправда ли?

Дѣвушка уронила тихое «да»

— Ну, вотъ видишь, — продолжала генеральша: — я бы, положимъ, сама взяла тебя къ себѣ жить...

Люба кинулась передъ нею на колѣни и воскликнула:

— Ахъ, возьмите! возьмите! Бога ради, возьмите!

— Но какая же будетъ у меня твоя роль?

— Это все равно; только бы у васъ...

— Да и Павлинъ этого не захочетъ, онъ непремѣнно найдетъ, что это не хорошо, и не захочетъ; къ тому же у меня взрослый сынъ мужчина. Положимъ, что онъ у меня добрый молодой человѣкъ, и очень тебя любитъ, но все-таки ты теперь уже совершеннолѣтняя дѣвушка и это не идетъ. А разъ, что ты выйдешь за Павлина замужъ... тогда все это прекрасно улаживается.

Дѣвушка молчала, а Анна Львовна продолжала:

— Мой совѣтъ вотъ: послушайся меня и выходи за Павлина замужъ, и ты будешь жить преспокойно; а время свое ты будешь проводить у насъ: я стара и мнѣ всѣ простятъ, что я тебя къ себѣ приблизила...

Люба опять молчала.

— Ну, что же, надо говорить, а не молчать: быть такъ или нѣтъ?

Дѣвушка опять прильнула къ мягкой пухлой рукѣ своей покровительницы и прошептала:

— Вы лучше знаете, что мнѣ нужно: я на все согласна.

Такъ экспромтомъ подготовилось это несчастье для Павлина съ Любою, въ которую Павлинъ дѣйствительно былъ

жестоко влюбленъ, но только не смѣлъ о ней думать. Когда же генеральша все это за него обдумала и прямо открыла передъ нимъ двери рая—у него закружилась голова, онъ позабылъ всѣ доводы разсудка, заставлявшаго его не мечтать о Любѣ.

Я какъ сейчасъ помню визитъ, которымъ онъ почтилъ меня, приглашая къ Любѣ шаферомъ; Павлинъ былъ неузнаваемъ: онъ просидѣлъ у меня съ часъ и все дѣлалъ въ это время себѣ разные комплименты, чего съ нимъ прежде никогда не бывало. Мысль, что его любитъ молодая дѣвушка, очевидно, до того вскружила ему голову и развязала языкъ, что онъ сдѣлался несносно болтливъ и даже хвастливъ, но, конечно, совершенно по-своему. Онъ и въ этомъ порывѣ говорливости все стоялъ на почвѣ долга.

— Я человѣкъ простой,—говорилъ онъ:—но я человѣкъ довольно начитанный, и я, извольте видѣть, раньше времени себя не погубилъ. Я давно развѣ не могъ бы жениться-съ? Очень бы могъ-съ и многія женщины мнѣ къ этому виды подавали, но я имѣлъ такой долгъ, чтобы этого не сдѣлать. Проще сказать: я для родныхъ этого не сдѣлалъ. Глупые люди говорили, что родные мои будутъ мнѣ неблагодарными родственниками, а я останусь на старости лѣтъ одинъ. Что же, я никогда на это не уважалъ. Я вѣдь роднымъ помогалъ не изъ благодарности, а долгъ свой исполнялъ: я и Любовь Андревну воспиталъ совсѣмъ не изъ благодарности и не изъ какихъ-нибудь видовъ, а вышло вотъ, что счастье себѣ и подругу въ нихъ получилъ. Надо всегда дѣлать все какъ должно, а уже оно само непремѣнно все выйдетъ какъ слѣдуетъ на настоящую пользу.

Этотъ обобщающій выводъ меня чрезвычайно заинтересовалъ, и я съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ, какъ Павлинъ все подводилъ подъ это правило: выходило, что онъ и окна у жильцовъ выставлялъ для блага человѣчества, въ тѣхъ видахъ, что *она*, т. е. Анна Львовна, жалости не знаетъ и надо, чтобы на свѣтѣ никто на жалостливыхъ не разсчитывалъ, потому что ихъ немного, да и въ тѣхъ можно ошибиться и «тогда хуже выйдетъ». А строгость лучше: при ней всякъ о себѣ больше заботится и, злыхъ людей опасаясь, лучшее себѣ во всемъ получаетъ.

И за симъ, менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ этого разговора, Павлинъ сдѣлался мужемъ своей питомки, Любы,—

а вскорѣ и очень большимъ страдальцемъ по ея милости и по милости другихъ, не пощадившихъ ни его заслугъ, ни его сѣдинъ и достоинствъ его замѣчательнаго, твердаго и честнаго характера.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Я не знаю, достаточно ли я обрисовалъ въ началѣ своего разсказа генеральшу Анну Львовну?—вѣроятно, нѣтъ,—и потому теперь еще разъ обращусь къ этому и вкратцѣ скажу, что это была женщина не только сухая, своекорыстная и жесткая, но и едва ли не жесточайшая и разсчетливѣйшая эгоистка въ мірѣ, способная не остановиться ни передъ чѣмъ, ради самыхъ ничтожныхъ своихъ выгодъ. Она всегда была готова съ невозмутимѣйшимъ спокойствіемъ приносить въ жертву для самомельчайшихъ своихъ расчетовъ и счастіе, и самую жизнь своего ближняго.

То самое сдѣлала она и теперь, соединивъ пожилого Павлина узами брака съ юною Любой. Анна Львовна знала, что Люба не можетъ любить Павлина, и не ошибалась: ни лежавшая между супругами огромная разница лѣтъ, ни строгость Павлинова характера, ни его внѣшняя суровость,—ничто не позволяло надѣяться, что Люба рано или поздно привыкнетъ къ своему мужу и станетъ питать къ нему что-нибудь, кромѣ страха и отвращенія—не столько какъ къ старику, сколько какъ къ лакею...

Генеральша Анна Львовна сама хотя давно умерла для всякихъ увлеченій, но все-таки она была женщина—и знала, что въ такомъ супружествѣ, какое она устроила для Павлина и Любы, у послѣдней непремѣнно будетъ много горькихъ минутъ если не бѣшеной, то тихой, но ядовитой тоски; а отъ тоски разовьется мечтательность, мечтательность воспитываетъ безпокойное воображеніе, а безпокойное воображеніе чего не нарисуетъ и чего не подстроитъ? Анна Львовна знала, что въ молодой головѣ съ безпокойнымъ воображеніемъ непремѣнно скоро пойдутъ сравненія—и, какъ вообще никакая жизнь не можетъ выдержать сравненій съ пылкою мечтою, мечта ее одолѣетъ, и... Люба увлечется и очутится въ рукахъ Анны Львовны.

Вы не подумайте, пожалуйста, что я обмолвился, сказавъ вамъ, будто генеральшѣ понадобилось, чтобы Люба попала *въ ея руки*. Нѣтъ, ей дѣйствительно такъ было нужно.

Чтобы скорѣе вести мою исторію къ концу, скажу вамъ прямо, что Анна Львовна, соединивъ Павлина съ Любою, затѣяла на ихъ счетъ прежестокую игру, мысль и планъ которой внушили ей самыя возвышенныя чувства, именно *материнскія*.

Володичка, служа въ щегольскомъ полку, стоилъ Аннѣ Львовнѣ дорого и велъ себя рискованно. Аннѣ Львовнѣ хотѣлось его немножечко присадить дома, а какъ его присадишь, когда его тянетъ на десно и налѣво. Женить его было рано; вниманіемъ свѣтскихъ женщинъ онъ хотя и хвастался, но на самомъ дѣлѣ ни въ чемъ подобномъ никогда никакого успѣха не имѣлъ; иностранныя дамы изъ «морскихъ» и въ тѣ времена обходились такъ дорого ихъ адораторамъ, что генеральша трепетала всякаго слуха о сближеніи Володички съ этими кровопійцами,—а, между тѣмъ, Володичка доказывалъ, что онъ, какъ русскій барчукъ извѣстнаго тона, непремѣнно долженъ жить, какъ всѣ «порядочные люди»; а для того, чтобы жить такъ,—онъ, конечно, хотѣлъ обнаруживать покровительственныя права на какую-нибудь женщину, которая бы была не хуже другихъ за веселымъ столомъ у любого изъ «морскихъ» ресторатороръ.

Генеральша и сама понимала, что это настоящему свѣтскому кавалеристу необходимо и противъ этого не спорила; но это и тогда, какъ и теперь, стоило чертовски дорого, и вотъ... Но добрая мать, послѣ долгоночныхъ думъ и соображеній, набрела на мысль, что у нея противъ всего этого есть подъ рукою универсальнѣйшее средство, и это средство есть Люба. Люба молода, хороша и пикантна,—и если ее немножечко *поразвить*, то она очень и очень можетъ отслужить Додѣ службу за выѣздную даму; а что Додя влюбитъ ее въ себя—въ томъ можетъ ли быть сомнѣніе?

Онъ на взглядъ матери былъ хорошъ собою—и хотя она считала его «дуракомъ на службѣ», но у него такой красивый мундиръ, онъ умѣетъ подбирать себѣ аккомпанементъ и поетъ романсы въ родѣ кружившаго тогда женскія головы пѣснопѣнія объ «удаломъ постояльцѣ».

«Какъ хорошъ, не правда-ль, мама
Постояльецъ нашъ удалый?..
Мундиръ золотомъ весь шитый,
И какъ жаръ горятъ лампасы..
Боже мой, Боже мой, ахъ, когда бы онъ былъ мой!»

Анна Львовна знала, что того скуднаго обаянія, какимъ владѣлъ ея «дуракъ на службѣ», было много, слишкомъ много для легкомысленной женщины, имѣющей семнадцать лѣтъ отъ роду и мужа-старика, котораго она стыдится... Игра казалась безпроигрышною и началась подтасовка и сдача на руки картъ.

Прежде всего, чтобы повысить соціальное положеніе Любы, обратились къ шуткѣ: ее всѣ въ домѣ звали «швейцаркой Любой». Это очень хорошо звучало и удачно маскировало ея лакейскій марьяжъ. Всѣ молодые люди, вертѣвшіеся въ домѣ Анны Львовны, видѣли въ Любѣ не молоденькую жену надутаго швейцара Павлина, а что-то совсѣмъ особенное, стоящее совсѣмъ ни отъ кого независимо и... и привлекательно.

За Любою началось волокитство, умѣренное и сначала благоприличное, но постоянное, упорное и неотвязчивое. Ухаживали за нею безъ исключенія всѣ товарищи Доди. Любѣ не нравился изъ нихъ никто: она довольна была всѣми, кого видѣла въ домѣ Анны Львовны, но, какъ говорили встарь поэты, сердце ея еще никого не избрало, и Павлинъ былъ счастливъ. Счастливъ чѣмъ? Развѣ Люба такъ любила и счастливила? Нѣтъ; Люба была все та же: она отъ него только тщательно сторонилась и проводила все свое время у Анны Львовны за работою или разливаніемъ кофе и чая, но Павлинъ безмѣрно любилъ ее и не желалъ ничего, кромѣ ея счастья. Для ея счастья нужно было не быть съ нимъ—онъ и это принималъ съ удовольствіемъ.

Уязвленный страстію, Павлинъ совсѣмъ, что называется, ослѣпъ и осуетился: его прирожденный демократизмъ сталъ какъ снѣгъ, и онъ самъ хотя и не стыдился своей пестрой ливреи, но, видимо, желалъ, чтобы Люба забирала крыломъ повыше. Люба, знакомая съ французскимъ языкомъ съ дѣтства и подучившаяся ему еще болѣе въ школѣ, а потомъ окончательно напрактиковавшаяся у Анны Львовны, радовала своего мужа тѣмъ, что она могла держать себя совсѣмъ какъ барышня, совсѣмъ какъ иностранка,—словомъ, швейцарка во всѣмъ статьямъ.

Въ Павлинѣ, который всего этого какъ бы самъ желалъ, въ то же время развивалась особенная, весьма странная робость, которую онъ чувствовалъ передъ капризами Любы.

Бѣдный старикъ, кажется, безпрестанно стѣснялся тѣмъ, что она родовая барышня, а онъ лакей. Ему, вѣроятно, никогда и въ голову не приходило, что онъ будетъ ее такъ любить и такъ ея стѣсняться, какъ это вышло. Онъ противъ этого нимало не возставалъ и не возмущался: напротивъ, ему даже нравилось служить Любѣ и во всемъ поблажать ей. Онъ рядилъ ее какъ куколку, рядилъ именно, чтобы она походила не на швейцаршу, а на настоящую швейцарку.

Это порядкомъ опустошало мѣшокъ его завѣтныхъ, но относительно, конечно, весьма незначительныхъ сбереженій; но онъ все это терпѣлъ безропотно и усугублялъ экономію на себя и на всѣ тѣ статьи, гдѣ могъ замѣнить расходы личнымъ трудомъ. Такъ, съ женитьбою своею онъ хотя не ослабѣлъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, но у него уже не оставалось такъ много времени для чтенія романовъ, потому что чуть Люба, вставши и разодѣвшись, утромъ отправлялась наверхъ къ Аннѣ Львовнѣ, Павлинъ убиралъ свою комнату, пересматривалъ женинъ гардеробъ и, наконецъ, брался приводить его въ порядокъ.

Люба наверху шила для Анны Львовны разные broderie anglaise, а Павлинъ, запершись на ключъ въ своей чистенькой каморочкѣ, чистилъ женины сапожки, закрѣплялъ подпоровшуюся прюнель, закрѣплялъ пуговки и крючочки и грѣлъ въ маленькой круглой печкѣ плюшевые щипцы и утюги, а когда они раскалялись—вытаскивалъ изъ-за шкапа гладильную доску, покрывалъ ее чистымъ закатникомъ и начиналъ гладить и плоить ея рукавчики, юбки и манишки.

Взявшись за эти занятія въ видахъ экономіи, Павлинъ скоро достигъ въ глаженьѣ и плойкѣ надлежащаго совершенства, но сбереженія отъ всего этого были ничтожны въ сравненіи съ огромными расходами, какихъ требовало франтовство Любы и страсть Павлина утѣшать ее хорошими нарядами, о которыхъ Люба его никогда не просила, но которыми влюбленный старикъ самъ хотѣлъ ее забавлять и тѣшить.

При такомъ баловствѣ и холѣ, Любѣ не трудно было для всѣхъ посѣтителей дома Анны Львовны оставаться на счету интересной «швейцарки»,—иностранки, которою заниматься въ качествѣ хорошенькой, пикантной женщинки, отнюдь не предосудительно: съ нею говорили, смѣялись, шутили и вообще обращались какъ съ ровнею.

Нѣкто изъ пріятелей сына генеральши, имѣвшій небольшой талантъ граціозно рисовать карандашомъ женскія головки, безпрестанно набрасывалъ во всѣхъ альбомахъ легкую, бѣлокурую головку швейцарки Любы. Головка эта ему особенно удавалась, и молодежь наперебой выпрашивала себѣ у автора эти пріятные абрисы.

Эскизы эти, расходясь по рукамъ jeunesse dorée, сообщали Любѣ довольно широкую популярность. Люба, сама того не зная и вовсе о томъ не заботясь, сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ магнитомъ для очень многихъ молодыхъ людей, желавшихъ видѣть оригиналъ художественнаго списка. Такимъ образомъ, у Любы являлось все больше и больше поклонниковъ: за нею волочились, насколько это было удобно, и генеральша это видѣла и допускала.

Что же касается до Павлина, то онъ обнаруживалъ въ отношеніяхъ къ своей молоденькой женѣ такую толерантность, какой не встрѣтите у очень многихъ крикуновъ о независимости чувствъ и о равноправіи половъ въ разсужденіи свободы. Павлинъ, впрочемъ, предавался въ это время нѣкоторой суетности: онъ *молодился* и съ этою цѣлію досталъ гдѣ-то рѣдкую, по его словамъ, книгу, изъ которой вычитывалъ замѣчательныя вещи. Такъ, напримѣръ, онъ однажды разсказывалъ мнѣ, что «совсѣмъ утвердился въ своихъ правилахъ насчетъ обязанности человѣка, который, если будетъ жить по нравоученію долга, то проживетъ на свѣтѣ по меньшей мѣрѣ сто лѣтъ».

Свой вѣкъ въ пятьдесятъ лѣтъ Павлинъ разсматривалъ на основаніи той книги только какъ *совершеннолѣтіе* и по той же книгѣ увѣрялъ, что «умираютъ ранѣе ста лѣтъ одни глупцы.—а болѣютъ негодяи, которые практики жизни не понимаютъ». Что же касается до него, то онъ всеконечно былъ глубоко убѣжденъ, что имъ эта «практика» вполнѣ усвоена.

— Я,—говорилъ онъ: —никогда боленъ не былъ и не знаю зачѣмъ болѣть: живи какъ слѣдуетъ; не пей вина, ни кофею; не копти грудь табакомъ и не заболишь; спи безъ подушки въ правильную линію и не будешь гнуться; а ѣшь солонѣе и пей кислѣе, такъ и умрешь не сгніешь.

Изъ этихъ сказовъ Павлина я познавалъ тайны его обыденной гигіены и подумывалъ: врядъ ли все это можетъ нравиться молоденькой и свѣженькой Любѣ?

Онъ нимало не претендовалъ, что Люба почти не жила въ его швейцарскомъ затворѣ, въ которомъ съ женитьбою Павлина появились новые занавѣсы, цвѣты и канарейки. Онъ даже не ревновалъ, когда выходящіе отъ Анны Львовны молодые люди, принимая изъ его рукъ свои шинели, расточали неосторожно не совсѣмъ скромныя похвалы красотѣ «швейцарки». Павлинъ при этихъ хваленьяхъ только молчалъ и улыбался въ свои густые, свѣтлорусые усы.

Благоразумный и разсудительный, но всегда строгій къ себѣ и честный Павлинъ, не будучи способенъ ни къ какому коварству и предательству, не подозрѣвалъ его и въ другихъ—и потому, имѣя умъ свой чистымъ и свѣтлымъ, являлся совершенно слѣпымъ. Глядя на него, можно было провѣрить всю истинность словъ Бакона Веруламскаго о людяхъ, которые, вслѣдствіе преобладанія философскаго настроенія, дѣлаются совами, видящими только во мракѣ своихъ умозаключеній и слѣпотствующими при свѣтѣ дѣйствія, а особенно, лишенными способности видѣть то, что̀ всего яснѣе и очевиднѣе. Такъ какъ «сынове міра сего мудрѣе сыновъ свѣта въ родѣ своемъ» и какъ Павлинъ въ своемъ родѣ былъ сынъ свѣта и слуга долга, то сынове міра перемудрили его и обокрали...

Люба была окончательно отвращена отъ мужа и затѣмъ, конечно, сбита съ толку и обманута сама. Какъ это произошло—я не стану вамъ разсказывать, потому что самъ при томъ не былъ и ни отъ кого этихъ подробностей не слыхалъ,—да и наконецъ, не все ли это равно намъ, какъ это сдѣлалось. Довольно того, что имѣющій стадо овецъ таки взялъ и отнялъ послѣднюю у имѣвшаго одну овцу.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Вамъ, я думаю, едва ли нужно говорить, кто былъ виновникомъ увлеченія Любы? Не трудно отгадать, что она, при всеобщемъ за нею волокитствѣ, должна была сдѣлаться львиною долею Доди, которому особенно благопріятствовали на этотъ счетъ всѣ домашнія обстоятельства. Люба проводила съ нимъ дни и ночи подъ однимъ кровомъ—и, такъ-сказать, противъ воли поддалась увлеченію. Она видѣла, что онъ готовъ мстить ей, нарушая дорогое ей расположеніе Анны Львовны; видѣла, что когда онъ сунится и дуется на нее, это огорчаетъ ея благодѣ-

тельницу—и та плачетъ и страдаетъ... Люба не нашлась какъ поступить иначе и отерла ея слезы... Додя былъ малый пустой, онъ моталъ деньги, когда онѣ были, а когда ихъ не было, добывалъ ихъ подъ тройные векселя и при всемъ томъ не имѣлъ дамы, которая бы слыла его фавориткою. Люба ему представилась удобною для этой роли, и онъ ее къ тому предназначилъ и довелъ. На этотъ выходъ ее снарядилъ и одѣлъ самъ Павлинъ своими собственными руками (онъ мнѣ впослѣдствіи разсказывалъ объ этомъ въ одну прискорбнѣйшую минуту своей жизни).

Это былъ такой случай: на дворѣ стояла зима; въ городѣ шли балы и маскарады—и Анна Львовна, желая доставить бѣдной Любѣ маленькое удовольствіе, снарядила ее на одинъ изъ костюмированныхъ баловъ въ какомъ-то клубѣ. Объ этомъ выѣздѣ Павлину было сказано чуть ли не за мѣсяцъ, а въ теченіе этого мѣсяца въ домѣ шли хлопоты о любимомъ костюмѣ. Въ этихъ хлопотахъ принимали участіе всѣ, начиная отъ самой Анны Львовны до Павлина, который, сверхъ обыкновенія, былъ постоянно отрываемъ отъ должности и бѣгалъ съ записками то въ одинъ, то въ другой магазинъ за мелочами, требовавшимися къ волшебному костюму Любы. Самымъ же выполненіемъ костюма, требовавшимъ особыхъ художественныхъ соображеній, завѣдывалъ художникъ—другъ Доди, рисовавшій такіе удачные карандашовые портреты Любы. Все это, разумѣется, сближало молодыхъ людей до самой дружественной короткости и совсѣмъ затушевывало въ головкѣ Любы стараго мужа-лакея. Наконецъ, костюмъ былъ готовъ и вышелъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Павлинъ увидалъ жену, сходившую по лѣстницѣ сверху въ сопровожденіи родственницы Анны Львовны, оберегавшихъ Любу кавалеровъ, въ числѣ коихъ были художникъ и Додя.

Люба была одѣта *Зарею*: на ней былъ легкій эфирный хитонъ изъ расцвѣченной красками въ тѣнь дымки. Низъ этого широкаго, густыми складками падающаго платья былъ теменъ какъ ночь, но чѣмъ выше, тѣмъ болѣе темнота рѣдѣла, облегчалась, переходила мягкими полутонами въ другіе болѣе легкіе и яркіе цвѣта—и съ пояса вверхъ становилась уже воздушной и легкой, такъ что фигура Любы словно уносилась и таяла какъ облака. И посреди-то этого таянія, свѣтлая головка Любы сіяла вѣнчанная лиліей и

красною розой; а за плечами у нея сквозили переливами свѣта испещренныя тысячью цвѣтовъ восковыя крылышки, въ рукахъ же у нея былъ золотой свѣточъ, обвитый голубыми незабудками и махровымъ макомъ. Сонъ и пробужденіе, томная дрема страстей и яркій разгаръ ихъ—все знаменовалось въ Любѣ приличными приспособленіями, — и Павлинъ такою усадилъ ее въ карету, а черезъ четыре часа вынулъ ее изъ этой же кареты совсѣмъ другою... Люба, встрѣтивъ мужа, не сказала ему ни слова; не хотѣла прикоснуться къ приготовленной имъ для нея жареной куринѣ и пастилѣ, а сорвавъ съ себя платье, бросилась въ постель, обернулась къ стѣнѣ и, не двигаясь, пролежала въ такомъ положеніи остатокъ ночи и весь слѣдующій день. Павлинъ берегъ ея долгій сонъ, но берегъ его напрасно; Люба не спала,—она сначала долго плакала и потомъ лежала съ краснымъ воспаленнымъ лицомъ и сухими, открытыми глазами, устремленными въ одну точку.

Всякій мало-мальски наблюдательный человѣкъ, взглянувъ на эту женщину, не усомнился бы сказать, что у нея черезъ руки прошла большая игра, и это было вѣрно. Люба сама хотѣла открыть что-то на этотъ счетъ Павлину, но передумала и, дождавшись вечера, одѣлась и пошла жаловаться на Додю Аннѣ Львовнѣ. Однако, жалоба такъ дурно сочинялась въ ея головѣ, что она и это отмѣнила—и ограничилась тѣмъ, что пожаловалась на Додю ему самому и... заключила миръ поцѣлуемъ. Разъ начатые выѣзды и веселости подъ маскою—стали повторяться. Когда Павлинъ, дремля поздно вечеромъ въ своихъ креслахъ, поджидалъ запаздывающихъ жильцовъ парадной лѣстницы, или укладывался безъ подушки на жесткій коникъ за колоннами—онъ и не подозрѣвалъ, что въ это время его жена отнюдь не скучаетъ съ Анной Львовной, а носится въ черномъ домино по ярко-освѣщеннымъ маскарднымъ заламъ, въ вихрѣ танцевъ, а въ тѣ часы, когда онъ пробуждается и посылаетъ женѣ вверхъ на генеральшину половину мысленный привѣтъ, нѣжная Люба, съ головкою отуманенною парами шампанскаго, мчится на погромыхивающей бубенчиками тройкѣ, жадно глотая распаленными устами свѣжій воздухъ...

Долгонько все это шло шито да крыто. Обстоятельства такъ хорошо сложились, что, казалось, обманщицѣ никогда нечего было опасаться. Старая генеральша такъ рано ухо-

дила въ свою комнату и такъ плотно запирала за собою двери изъ маленькой моленной, гдѣ спала на обитомъ мягкимъ ковромъ отоманѣ Люба, что послѣдней не стоило никакого труда встать и одѣться въ свои лучшія платья, которыя по милости той же генеральши хранились въ шкафахъ ея гардеробной. Анна Львовна или крѣпко спала, или была такъ занята своими счетами, что никогда не слыхала этихъ сборовъ. Болѣе: она была такъ простодушна, что даже никогда невзначай имъ не помѣшала ни уходить, ни приходить. Возвращаясь въ образную, Люба могла, если хотѣла, поплакать передъ слабо освѣщенными строгими темными ликами фамильныхъ иконъ. Но плакала ли передъ ними Люба о своемъ паденіи? Вѣрно немножко поплакалось вначалѣ, но зато очень много поплакала она въ концѣ своего яркаго блистанія въ томъ крѣпко затягивающемъ кругѣ, который былъ затрогиваемъ очень многими писателями въ литературахъ всѣхъ образованныхъ странъ свѣта, но едва ли онъ имѣетъ гдѣ-нибудь полное, комплектное описаніе, которое могло бы знакомить съ физіологіею его роковой и чудовищно-затягивающей жизни. У насъ онъ вовсе никѣмъ не изображенъ, ни въ одной мало-мальски живой и яркой картинѣ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ томъ кругѣ страсти кипятъ и пылаютъ часто гораздо сильнѣе, чѣмъ въ свѣтѣ, и наша швейцарка увлеклась своей новой жизнью и играла видную роль въ своей средѣ. Сначала она такъ дичилась и конфузилась, что едва рѣшилась на это. А потомъ тутъ вскорѣ замѣшалось самолюбіе. Люба увидала, что Додя труситъ и сомнѣвается: можетъ ли онъ предстать съ нею, не опасаясь, что она будетъ хуже другихъ; отнюдь не лишенная ума и проницательности, Люба замѣтила эту обидную неувѣренность, въ ней заговорила гордость суетной красавицы—и она во что бы то ни стало положила себѣ быть первою между тѣми, куда спускалась, и все, что она себѣ тогда въ уязвленіи своей гордости положила, то все такъ въ совершенствѣ и исполнила. Додичкѣ не приходилось краснѣть за Любу: она сразу же вошла въ свою роль и исполняла ее съ такимъ апломбомъ, что всѣ должны были признать полный успѣхъ madame Paulin. Это сладостное имя, можетъ-быть, даже не разъ долетало до ушей

самого Павлина; но что ему было за дѣло до этого? онъ не зналъ, что оно значитъ.

Успѣхъ Любы усиливался, темная слава ея росла, но Люба была кладъ не купленный: она любила Додю и тѣмъ окончательно сбила его съ толку. Онъ возмечталъ о себѣ такъ высоко, что возмнилъ, будто для любой женщины нѣтъ человѣка его драгоцѣннѣе. Этимъ воспользовались дышавшая на Любу зависть и злоба соперницъ: зазнавшагося Додичку коварно приласкали и потомъ все это вывели наружу. Люба была уязвлена въ самое сердце и стала мстить равнодушіемъ. А между тѣмъ, пока она вела эту игру, Додичку трясли за карманъ и трясли такъ немилосердно и ловко, что онъ не успѣлъ оглянуться, какъ погрязъ въ самыхъ запутанныхъ долгахъ. Тутъ началась исторія обыкновенная, кончившаяся, однакоже, не совсѣмъ обыкновенно. По мѣрѣ того, какъ средства Додички истощались, соперницы Любы охладѣвали къ ея измѣннику и, наконецъ, насытясь местью и не видя въ Додѣ болѣе ничего лестнаго, покинули его на жертву скорби и униженія. Между тѣмъ, въ это время съ глазъ Павлина начала опускаться завѣса: Люба, обнаруживавшая такъ много способностей скрывать свою любовь, рѣшительно оказалась безсильною такъ же скрытно переносить свое страданіе: она, во-первыхъ, сбѣжала изъ апартаментовъ своей благодѣтельницы и плотно поселилась у мужа. Этимъ шагомъ Люба, разумѣется, не хотѣла начинать шаговъ безповоротныхъ, къ доброму житью, а желала только не видать нѣкоторое время своего измѣнника; бѣдняжка надѣялась дать ему этою порою почувствовать, что она къ нему равнодушна и легко можетъ обойтись безъ него... Павлинъ напрягъ умъ и зрѣніе, чтобы проникнуть: что за сокровенная, но злая скорбь мучитъ его жену? Доискиваясь этой разгадки, онъ сначала-было подумалъ: не обидѣла ли Любу Анна Львовна, но Люба успѣла увѣрить мужа, что Анна Львовна ничего ей не сдѣлала обиднаго. Тогда подозрѣнія Павлина пошли по другому пути и все прямѣе и ближе къ цѣли—онъ мекнулъ: не обидѣлъ ли его жену баринъ—и сердце его упало въ груди и заныло. А тутъ вдругъ—нежданно-негаданно подоспѣло и полное раскрытіе тайны. Додичка, подобно большей части пускающихся на этотъ путь безъ громадныхъ средствъ, окончательно запутался и принужденъ былъ оставить свой

полкъ и удалиться въ одинъ изъ очень отдаленныхъ городковъ на сѣверо-востокѣ Россіи. Понятно, что все это не обошлось безъ семейныхъ сценъ, во время которыхъ и Павлина, какъ ударъ грома, поразила вѣсть о невѣрности его жены.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Павлинъ, пріѣдя въ себя, ни съ того, ни съ сего явился поздно вечеромъ ко мнѣ съ просьбою дозволить ему переночевать у меня, такъ какъ онъ *боялся* ночевать въ домѣ Анны Львовны, ибо «понявъ все дѣло какъ слѣдуетъ, опасается какъ бы не могъ во гнѣвѣ сдѣлать чего не должно». Я, разумѣется, ему въ этомъ не отказалъ—и вотъ тутъ-то наступила довольно странная въ моей жизни ночь, когда я въ теченіе нѣсколькихъ часовъ жилъ въ нѣдрахъ чужой души и самъ ощущалъ то палящій жаръ ея любви и страданія, то смертный леденящій холодъ ея ужаснаго отчаянія. Павлинъ находился въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія—но какого возбужденія? Какого-то страннаго и непонятнаго. Хотѣлъ бы для болѣе точнаго опредѣленія наблюдаемаго мною тогда состоянія этого человѣка воспользоваться библейскимъ выраженіемъ и сказать, что онъ былъ *восхищенъ* изъ самого себя и поставленъ на какую-то особую ступень созерцанія, открывающаго ему взглядъ во что-то сокровенное. Если помните, въ Эрмитажѣ, недалеко отъ рубенсовской залы, есть небольшая картинка Страшнаго суда, писанная чрезвычайно отчетливо и мелко какимъ-то средневѣковымъ художникомъ. Тамъ есть эмблематическая фигура, которая помѣщена въ серединѣ картины, такъ что ей одновременно виденъ вверхъ Богъ въ Его небесной славѣ, а внизъ—глубина преисподней съ ея мрачнымъ господиномъ и отвратительнѣйшими чудищами, которыя терзаютъ тамъ грѣшниковъ. Всякій разъ, когда я становлюсь передъ этой картиной и гляжу на описанную мною фигуру, мнѣ непремѣнно невольно припоминается Павлинъ: такъ, мнѣ казалось, схоже было его душевное состояніе съ положеніемъ этого эмблематическаго лица. Павлинъ, если такъ можно выразиться, страдалъ мучительно, но торжественно и благоговѣйно: онъ не палъ духомъ, не плакался и не рыдалъ, но и не замкнулся въ суровомъ и гордомъ молчаніи, въ чемъ многіе полагаютъ силу характера. Напротивъ, онъ

созерцалъ, откуда вышелъ и куда еще глубже того долженъ погрузиться и низвести съ собою другое существо,—и онъ принялъ все надъ нимъ разразившееся, какъ вполнѣ заслуженный имъ ударъ учительской лозы, и заговорилъ въ самомъ неожиданномъ для меня тонѣ самоосужденія. Взойдя ко мнѣ, онъ сѣлъ въ моей залѣ безъ всякаго моего приглашенія и нѣсколько минутъ провелъ въ глубокомъ и тихомъ молчаніи, переводя глаза съ предмета на предметъ и потирая на колѣняхъ одну руку другою, а потомъ вдругъ окинулъ меня тяжелымъ, какъ бы усталымъ взглядомъ и спросилъ:

— Слышали-съ?

Я отвѣчалъ ему утвердительно.

Онъ покачалъ въ раздумьѣ головою и тихо произнесъ: «Это ужасно!», а вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы спохватясь, добавилъ живѣе: «Вы извините меня, что я такъ... сѣлъ...»

Сдѣлайте милость, Павлинъ Петровичъ!

— Колѣни гнутся-съ... Не могу успокоиться-съ... пока не услышу отъ *нея* самой... Все хотѣлъ утвердиться во всемъ.

— И что же: разспросили вы *ее*?

Онъ ничего не отвѣтилъ, но склонилъ въ знакъ согласія молча голову и черезъ минуту началъ таинственнымъ шопотомъ:

— Благородная-съ!.. Всю душу свою мнѣ открыла... на груди моей плакала-съ и прощенія просила...

— Вы простили?

— То-есть... въ чемъ же-съ? Она мнѣ, открывъ душу свою, вглубь меня зрѣнье открыла, и я-съ ужаснулся-съ. Ея вина про себя какъ легкій жаворонокъ пропѣла и подъ небомъ скрылась: а мой грѣхъ, какъ грачъ разботѣлый, понизу крячетъ и отъ земли не поднимется... Я сейчасъ ходилъ къ духовному отцу; онъ меня утѣшалъ, говоритъ: «ты законъ сохранилъ, а она жена невѣрная». Позвольте!.. это все смоковничье листье: ими я себя не закрою. Богъ видитъ, гдѣ былъ я, когда къ годамъ моимъ сопрягалъ ея юность? Я насильникъ: я вижу, что я палъ какъ гора и разсыпался... Вы полагаете, что я тотъ, какой былъ вчера и третьяго дня? Нѣтъ-съ; нынѣ въ день скорби Господь мнѣ явилъ свою милость: я внялъ, что я прахъ, что я весь образованъ изъ бренія и что всѣ вожди страстей могутъ орать и сѣять на хребтѣ моемъ: страсть, гордость, печи-

стота и сластолюбіе, и ревность, и... и... склонность къ убійству... Ахъ! ахъ! ахъ!..

Онъ вскочилъ и, заметавшись по комнатѣ, продолжалъ:

— Простите меня... Я... самъ я теперь ничьего прощенья не стою, а ради Христа... во имя Христово... простите!.. Я все говорю и... молчать не могу... Духъ внутри... меня тѣснитъ какъ вино не открытое и... бьетъ въ совѣсть и языкъ подвигаетъ въ гортани... Прошу... если со мной что случится... чтобъ знали, что я *ее* погубилъ... Правъ Господь... меня наказуя: благословляю огорчившаго душу мою и исполню все къ счастію ихъ.

— Что вы такое думаете?

— Я... я хочу сдѣлать... чтобы я не мѣшалъ.

— То-есть какъ же это?.. Умереть, что ли?

Онъ посмотрѣлъ на меня и вдругъ неожиданно улыбнулся, чрезвычайно странной улыбкой, давшей его гордому лицу такое доброе и прелестное выраженіе, какого я никогда на немъ не видалъ, и проговорилъ:

— Умру-съ и живъ буду. Надо спасаться. Она теперь дома. Позвольте мнѣ у васъ немножко уснуть!

«Вино вѣрно открылось и духъ его болѣе не тѣснилъ». Онъ казался глубоко спокойнымъ и, оставшись одинъ въ комнатѣ, тотчасъ же легъ на диванъ и заснулъ. Утромъ я еще спалъ, когда Павлинъ всталъ и, умывшись на кухнѣ, ушелъ. Мой человѣкъ, по любопытству своему прослѣдивъ Павлина, видѣлъ, что онъ пошелъ въ церковь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Когда я, въ то время еще довольно нетерпѣливый, утромъ появился къ огорченной ma tante Аннѣ Львовнѣ, она уже была вставши и довольно граціозно сидѣла въ глубокихъ креслахъ—и, изображая изъ себя невинную страдалицу, понемножечку плакала, обтирая платкомъ глаза. Она была говорлива и даже краснорѣчиво распространялась на тему о злоправномъ товариществѣ, которое будто бы подвело ея неосторожнаго Додю подъ незаслуженныя имъ подозрѣнія и погубило его при содѣйствіи отвратительнѣйшей женщины.

Тутъ Анна Львовна несла всякій вздоръ, рисуя такія фантастическія картины, что всякій поневолѣ убѣждался, что все это вздоръ и клевета.

Во весь этотъ день, приходя и уходя отъ Анны Львовны,

я не видѣлъ ни Любы, ни Павлина, должность котораго въ этотъ суматошный день оставалась безъ отправленія, и мнѣ не у кого было о немъ даже освѣдомиться. Не получивъ о немъ никакихъ слуховъ и во весь другой день, я къ вечеру пошелъ безъ церемоніи о немъ справиться. Я узналъ слѣдующее. Комната Павлина еще со вчерашняго дня оказалась пустою: имущество его найдено все брошеннымъ зря и какъ попало, точно послѣ воровского визита; ни Павлина, ни жены его нигдѣ не было, и никто о нихъ не могъ дать никакого ни слуху, ни духу. Одинъ я могъ свидѣтельствовать, что Павлинъ говорилъ мнѣ, будто жена его теперь дома и онъ желаетъ освободить ее отъ грѣха и соблюсти свою душу; но что могли значить всѣ эти его слова? Теперь имъ приписывались разныя иносказательныя значенія, въ истолкованіи которыхъ казалось по временамъ что-то не совсѣмъ невѣроятное. «Жена дома теперь»—это, говорили, будто бы значитъ, что онъ ее прикончилъ и такимъ образомъ проводилъ въ вѣчный домъ; а пошелъ соблюдать свою душу, это—онъ ушелъ куда-нибудь въ пустыню. Какъ вы хотите, въ этомъ было нѣчто столь вѣроподобное, что всѣ такъ на этотъ разсказъ и положились. Вдобавокъ же ко всему, недѣли черезъ двѣ, или нѣсколько позже, гдѣ-то у Екатерингофа или въ Чекушахъ, волною прибило къ берегу подвергшееся гнилости тѣло молодой женщины, лица которой узнать было невозможно, но на ней оказалось тонкое бѣлье и черное шелковое платье... какъ разъ такое, въ которомъ видѣли въ послѣдній разъ швейцарку Любу. Правда, что большинство черныхъ шелковыхъ платьевъ всѣ похожи одно на другое, но подозрѣніе не разсуждаетъ: къ молодой утопленницѣ никто не признавался ни изъ родныхъ, ни изъ знакомыхъ,—а потому домашними Анны Львовны и ею самою было рѣшено и утверждено, что эта утопленница не кто иная, какъ несчастная Люба, жена свирѣпаго и мстительнаго Рауля, швейцара Павлина Пѣвунова, пропавшаго безъ вѣсти.

Это обстоятельство не прошло безъ послѣдствій: погибшую женщину схоронили, и Анна Львовна была такъ добра, что отпустила для нея десять рублей на гробъ и на поминъ души Любы. Такимъ образомъ, благодаря христіанской заботливости Анны Львовны, были устроены заупокойныя молитвы о душѣ безвременно-погибшей Любы, а про Пав-

лина забыли. И позабыли про него такъ хорошо, что не вспомнили о немъ и до сихъ поръ, кромѣ одного раза, когда въ аукціонной камерѣ продавали неразворованные остатки имущества «безвѣстно-пропавшаго Пѣвунова».

Но гдѣ же дѣлись Павлинъ и Люба?

Для этого мы должны вернуться назадъ къ тому времени, когда потеряли ихъ изъ виду.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Павлинъ, простясь со мною, прошелъ къ женѣ никѣмъ не замѣченный. Люба, увидя мужа, затрепетала: она никогда не видала его такимъ добрымъ, и оттого онъ ей и показался такимъ страшнымъ.

Онъ наскоро переодѣлся, одѣлъ жену, взялъ все, что находилъ нужнымъ, и вывелъ Любу изъ дома Анны Львовны. Люба не сопротивлялась и понимала только одно, что ее куда-то везутъ. Павлинъ и Люба встрѣтили Додичку на одной изъ станцій за Петербургомъ. Люба не показывалась, но Павлинъ предсталъ моему кузену и — предсталъ не въ злобѣ оскорбленнаго мужа, а въ великой кротости смирявшаго себя христіанина и сказалъ ему:

— Будьте милостивы и великодушны, скажите: любили ли вы мою жену?

— Да; что же тебѣ нужно?—отвѣчалъ Додичка, еще не отвыкшій тогда чувствовать свое превосходство передъ стоявшимъ противъ него лакеемъ.

— Я вамъ сейчасъ скажу, что мнѣ нужно, — отвѣчалъ смиренный Павлинъ:—но вы извольте прежде отвѣтить: любите ли вы ее и теперь?

— Да, люблю, ну, и что же такое?

— Только-съ, только-съ всего, и она васъ тоже любитъ, ужасно любитъ... и... и сама мнѣ объ этомъ сказала.

— Ты ее объ этомъ спрашивалъ?

— Да-съ, я ее объ этомъ спрашивалъ, и она мнѣ прямо во всемъ призналась и плакала... Что дѣлать: я виноватъ за нее Богу!

Додичка умамъ своимъ не вѣрилъ и не понималъ: что это значитъ? А Павлинъ вышелъ въ это время въ сосѣднюю комнату и вывелъ оттуда за руку свою смущенную жену и сказалъ:

— Вотъ она-съ; она мнѣ больше не жена!

— Ну?! — воскликнулъ, не понимая, чѣмъ это кончится, Доличка.

— По всему этому я ее по божественному закону отъ себя отпускаю... И какъ она васъ столь преданною любовью любитъ, то берите ее и женитесь на ней!

— Ты съ ума сошелъ!—оправился Доличка.—Какъ я могу на ней жениться?

— Почему же нѣтъ? Развѣ вамъ унизительно?.. Напрасно-съ. Я бы ей даже не совѣтовалъ выходить за васъ, потому что я знаю, какой вы человѣкъ, и ей счастья съ вами не будетъ, но и она сама это знаетъ и все-таки васъ въ сердцѣ имѣетъ, такъ тутъ дѣлать нечего... Ей бы надо въ монастырь идти, а ее еще въ пропасть тянетъ, такъ пусть же это будетъ хоть безъ грѣха и срама; а потому... женитесь...

— Но ты постой, Павлинъ.—залепеталъ, оправдываясь, Доличка:—я вѣдь... не потому... а что ты живъ еще...

— Да-съ, я живъ; я живъ еще и Богъ знаетъ сколько еще промаячу, но я рукъ на себя и для нея даже не наложу. Вчера я объ этомъ думалъ, но...

При этихъ словахъ Люба взвизгнула и бросилась въ темный уголъ съ сжатыми у лица руками.

— Г-мъ, видите! — молвилъ, болѣзненно улыбнувшись, Павлинъ: —она меня не любитъ и ей за меня тяжко, а вамъ за нее словно бы нѣтъ, а между тѣмъ она васъ все-таки любитъ... Люби она меня сотую долю такъ, какъ она васъ любитъ, я бы даже ссылку съ нею за рай почиталъ... Ну, да что толковать!.. все равно: извольте ее теперь взять и поѣзжайте... и... женитесь на ней... я за этимъ буду наблюдать и... если вы не сдѣлаете, какъ я говорю, то... Онъ пригнулся къ уху Доли и добавилъ:—не понуждайте меня ко грѣху: я теперь говорю вамъ смиренно, какъ христіанинъ, а то я васъ убью; гдѣ бы вы ни были —я васъ найду и убью, за нее... за жену... за беззащитную...

Павлинъ, должно-быть, говорилъ это очень рѣшительно, или кузенъ мой былъ уже слишкомъ большой трусъ, но только у него вдругъ отпала всякая охота отказываться отъ женитьбы на Любѣ, и онъ изъявилъ на это свое полное согласіе. Впрочемъ, возможно, что онъ далъ это согласіе, имѣя въ умѣ твердое намѣреніе никогда его не исполнить, тѣмъ болѣе что имѣлъ основаніе разсчитывать на

возможность скрыться отъ Павлина. Въ этихъ соображеніяхъ онъ только указалъ старику на то обстоятельство, что немедленное бракосочетаніе его съ Любою невозможно, потому что жену живого мужа съ другимъ не перевѣнчаютъ, но Павлинъ отвѣчалъ:

— Ну, ужъ объ этомъ вы не безпокойтесь, это мое дѣло: я къ тому времени умру, а васъ съ ней перевѣнчаютъ.

— Ты умрешь?

— Да; я умру.

«Умретъ, а между тѣмъ хочетъ убивать меня, — думалъ Додя.—Бѣдный старикъ, какъ они, эти простые люди, иногда любятъ!.. Мнѣ его даже жалко: онъ помѣшался».

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Съ этимъ они разъѣхались — и Додя, конечно, считалъ себя совершенно освобожденнымъ и отъ наскучившей ему жены Павлина, которую онъ не прочь былъ показывать какъ свою любовницу, но никакъ не хотѣлъ имѣть своею женою. Додя ѣхалъ хорошо. Онъ путешествовалъ не спѣша, не по срочному маршруту; останавливался въ подорожныхъ городахъ, принималъ посѣщенія и самъ посѣщалъ лицъ, вниманію которыхъ былъ рекомендованъ доброжелателями Анны Львовны изъ Петербурга, и даже заживался кое-гдѣ подъ предлогомъ усталости и болѣзни. Словомъ: все шло для нашего странника какъ нельзя лучше, и онъ такимъ образомъ отбылъ почти весь свой путь, какъ вдругъ на самомъ перевалѣ черезъ Уралъ на него — какъ будто изъ вѣковѣчныхъ снѣговъ и тумановъ — грянулъ Павлинъ!.. Да вѣдь какой Павлинъ: грозный и неотразимый, видимый и незримый, дѣйствующій и несуществующій.

Знаете: когда читаешь въ повѣсти или романѣ какое-нибудь чрезвычайное событіе, всегда невольно думаешь: «эхъ, любезный авторъ, не слишкомъ ли вы широко открыли клапанъ для вашей фантазіи?» А въ жизни, особенно у насъ на Руси, происходятъ иногда вещи гораздо мудренѣе всякаго вымысла—и между тѣмъ такія странности часто и остаются совсѣмъ незамѣченными.

Додичка пріѣхалъ въ какой-то городокъ, котораго я вамъ не назову, да тутъ и не въ названіи дѣло. Здѣсь мой милый кузенъ надѣялся найти лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ письма. Разсчитывая тутъ пріотдохнуть и понѣжиться, онъ,

приставъ за болѣзнію въ единственной тамошней гостинницѣ рядомъ со станціей, уже успѣлъ à la Хлестаковъ перемигнуться съ какою-то сосѣдкою изъ противуположнаго дома, — сосѣдкою, лица которой онъ, къ слову сказать, надлежащимъ образомъ не разсмотрѣлъ, потому что чуть она появилась у окна въ комнатѣ, снаружи передъ этимъ окномъ вдругъ всталъ и началъ протирать рукавомъ стекла высокій, лохматый, сѣдой старикъ съ огромною бородою и въ несстественной, по понятіямъ Доди, оленьей шубѣ. И чортъ его знаетъ, откуда онъ взялся? Додичка его, правда, слегка замѣтилъ сидящимъ у окна на заметенной снѣгомъ завалинѣ, но онъ ему съ перваго взгляда показался болѣе похожимъ на стараго козла, чѣмъ на человѣка — и вдругъ это чучело вскакиваетъ и ѣздитъ по стекламъ своими лапами, точно нарочно для того, чтобы лишить добраго юношу возможности наслаждаться красотою сосѣдки... И онъ таки своего достигъ, этотъ старикъ. Додя не разсмотрѣлъ заинтересовавшей его сосѣдки, но это, впрочемъ, ему было совершенно все равно: она ему понравилась по одному чутью — и съ его стороны не было болѣе никакихъ препятствій разыграть съ ней мимолетную интрижку, тѣмъ болѣе что сосѣдка (сколько онъ могъ судить) тоже имъ вѣроятно заинтересовалась. По крайней мѣрѣ Додя имѣлъ основаніе такъ думать, потому что занимательная незнакомка, замѣтивъ его, очевидно не безъ умысла нѣсколько разъ мелькнула въ окнѣ. Досадно было только то, что она все мелькала немножко слишкомъ быстро, такъ что Додя никакъ не могъ ее хорошо разсмотрѣть. Но зато это, конечно, еще болѣе раздражало любопытство, и онъ присѣлъ къ окну съ твердою рѣшимостію не вставать съ мѣста прежде, чѣмъ ее хорошенько увидитъ. Дѣло было подъ вечеръ: Додя все сидѣлъ у окна и все дожидался, не покажется ли еще разъ поясняѣе въ окнѣ его интересное vis-à-vis... Судьбѣ заблагоразсудилось его побаловать: вотъ въ окнѣ блеснулъ слабый свѣтъ, на столѣ появилась зажженная свѣча, а между нею и окномъ выдвинулся и сталъ силуэтъ женской фигуры. Опять весьма эффектное, но самое неудобное положеніе. Какая же женщина, желая показать себя, станетъ или сидеть между темнымъ окномъ и свѣчою, освѣщающею ее сзади? Очевидно, это или совершенная невинность, или ужъ очень опытная кокетка, желающая производить свои ковар-

ныя упражненія надъ неопытнымъ человѣкомъ. Но Додя не провинціальная простофиля: онъ прошелъ хорошую петербургскую школу у женщинъ и, конечно, хотѣлъ считать себя человѣкомъ опытнымъ: онъ не зажжетъ у себя огня и сосѣдкѣ его нельзя будетъ видѣть: занимается онъ ею или нѣтъ? Такимъ образомъ, если она не кокетка, а податливая романическая простушка, то она непремѣнно попадется на эту удочку. Это ей покажется досадно: она не поостережется и, разсердясь, подойдетъ сама принять свою свѣчку—и тогда онъ ее увидитъ; а если она ловка и хитра, какъ... какъ, напримѣръ, была въ Петербургѣ эта Люба, отъ которой онъ, слава Богу, такъ далеко теперь откатился, то тѣмъ лучше: она будетъ хорошо наказана за свою хитрость и можетъ просидѣть хоть до завтра, или пока этотъ ея сѣдой козелъ закроетъ ставни... А кстати, гдѣ дѣлся этотъ сѣдой козелъ? его что-то нѣтъ... Впрочемъ, легокъ оказался и онъ на поминѣ: не успѣлъ сидящій во тьмѣ Додя о немъ подумать, какъ ему послышалось, будто скрипнула дверь его номера, — и когда онъ обернулся, передъ нимъ стоялъ упомянутый козловатый старикъ. Онъ взошелъ тихо и, имѣя на ногахъ мягкіе валеные сапоги, тихо же подошелъ къ самому креслу Додички и остановился у него за плечами такъ близко, что когда мой кузенъ обернулся, то они стали носъ къ носу съ таинственнымъ пришельцемъ. Додя, какъ всѣ наглые люди, былъ большой трусъ, и, при подобной встрѣчѣ невыразимо потерявшись, едва произнесъ упавшимъ голосомъ:

— Что вамъ нужно?..

— Не безпокойтесь-съ, — отвѣчалъ таинственный посѣтитель голосомъ, въ которомъ не было ничего страшнаго, но отъ котораго трусливаго Додю забила лихорадка. — Не безпокойтесь, я къ вамъ по маленькому дѣлу не отъ себя...

— Павлинъ!.. это ты?

— Тссъ! позвольте... Что такое: Павлинъ? никакъ нѣтъ: вы ошибаетесь: я не Павлинъ, я не знаю никакого Павлина; я совсѣмъ другой человѣкъ. Я мѣщанинъ Спиридонъ Андросовъ, простой мѣщанинъ... да-съ, и со мною мой паспортъ есть... хорошій паспортъ, законный: съ печатью и все проименовано. Спиридонъ Андросовъ, мастеровой, хожу для промысла и бумагу свою часто прописываю: куда пріі-

ѣду, сейчасъ же ее прописываю... для осторожности; тоже и здѣсь недѣлю тому назадъ прописалъ...

— Но это ты... ты самъ Павлинъ! развѣ я тебя не знаю?

— Никакъ нѣтъ, я Спиридонъ Андросовъ.

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Мнѣ совершенно ничего: а вамъ я принесъ записочку, вотъ извольте получить.

— Отъ кого это?

— Отъ одной вдовы тутъ... да, молодая вдова... извольте прочесть: сами увидите, что тутъ такое.

Кузенъ мой за минуту предъ симъ былъ увѣренъ, что передъ нимъ стоитъ не кто иной, какъ окосматѣвшій Павлинъ, но, услышавъ соблазнительныя слова о вдовѣ и ея запискѣ, онъ какъ-то все упустилъ изъ виду и торопливо зажегъ свѣчу, чтобы скорѣе прочитать бумажку,—и вдругъ неожиданно уронилъ ее снова: теперь не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что стоявшій передъ нимъ человѣкъ былъ Павлинъ Пѣвуновъ. Онъ только чрезвычайно обросъ сѣдыми волосами вокругъ всей головы и лица, да вырядился въ какой-то полуазіатскій костюмъ, но, тѣмъ не менѣе, всякій, кто его зналъ, не могъ бы не сказать, что это онъ, Павлинъ, самъ собственнѣйшею своею особой. И въ его-то глазахъ ясно видно, что онъ видитъ, что его узнали и понимаетъ, что не узнать его невозможно. Кузенъ мой ото всего этого такъ растерялся, что на сей разъ уже громко закричалъ: — Павлинъ!.. Клянусь честью, это ты, Павлинъ, но...—Но при этихъ словахъ пришлецъ такъ сильно сдавилъ Додю въ косточкахъ руки, что молодой франтъ присѣлъ книзу и пролепеталъ: «что же это такое?» и въ растерянности опять взялъ оброненную имъ бумагу: это была церковная выпись изъ книги объ умершихъ, гдѣ значилось, что около полутора мѣсяца тому назадъ въ такомъ-то городѣ скоропостижно умеръ и погребенъ царскосельскій мѣщанинъ Павлинъ Петровъ Пѣвуновъ, а вдовѣ его, Любови Андреевой Пѣвуновой, выдано въ томъ сіе свидѣтельство съ подписью и печатью.

Такъ вотъ кто эта вдова! Эта вдова была не кто иная, какъ сама влюбленная въ Додю Люба. Дѣло было поставлено круто и узловато—и результатомъ всего этого вышло, что Доличка, не доѣхавъ до мѣста своего назначенія, женился на «швейцаркѣ Любѣ.» Посягнулъ онъ на это, не

оказавъ ни какого сопротивленія, а какъ будто даже и съ удовольствіемъ. Почему это произошелъ въ немъ такой куркенъ-переверкенъ—разсказать не умѣю, но думаю, что тутъ играли роль все большее и большее удаленіе его отъ дома— и по мѣрѣ бо̀льшаго удаленія все болѣе и болѣе чувствуемое сиротство. Они-то, вѣроятно, пробудили въ немъ живыя чувства къ нѣжно любившей его женщинѣ, а тутъ и ея красота, романическое положеніе, а можетъ-быть и угрожающія настоянія Павлина,—однимъ словомъ: все это вмѣстѣ или порознь подвигнуло моего кузена къ тому, что онъ даже съ удовольствіемъ обвѣнчался съ женою Павлина, а мѣщанинъ Спиридонъ Андросовъ былъ при ихъ свадьбѣ и расписался свидѣтелемъ въ обыскной книгѣ.—Надѣюсь, вы меня не станете разспрашивать: какъ же это могло статься, что Павлинъ похоронилъ самого себя и добылъ въ томъ свидѣтельство своей вдовѣ? Эти вещи у насъ не сказка, но побывальщина: умеръ на постояломъ дворѣ прохожій; Павлинъ стакнулся съ кѣмъ надо, сунулъ въ суму покойника свой паспортъ, а его бумагу взялъ себѣ, — вотъ и дѣло сдѣлано. Въ Новороссійскомъ краѣ когда-то это систематически дѣлалось и отъ того такъ люди по паспортамъ до полутораста лѣтъ доживали. Умретъ Иванъ 70-ти лѣтъ, его паспортъ беретъ сорокалѣтній Петръ, и пошло продленіе возраста... Однако, я продолжаю, или, лучше сказать, оканчиваю мною повѣсть.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Молодые, поселясь въ назначенномъ имъ для житья крохотномъ городишкѣ, рѣшительно не знали, чѣмъ занять себя и что̀ дѣлать. Привязанность Любы не могла надолго осчастливить Додю, который, въ качествѣ петербургскаго свѣтскаго юноши, любилъ жизнь общественную и душа котораго жаждала сильныхъ ощущеній. Не имѣя желанія, а можетъ-быть, не находя въ себѣ и силы отстать отъ этого образа времяпрепровожденія, онъ и теперь въ этомъ скверномъ своемъ положеніи отыскалъ, какихъ могъ, подходящихъ ему по вкусамъ людей между разнымъ сбродомъ, пьянствовалъ съ ними простой водкой, игралъ на мелкія деньжонки въ карты, дергалъ и передергивалъ, былъ часто битъ, и наконецъ къ великому своему, но едва ли сознаваемому имъ счастію, совсѣмъ убитъ въ дракѣ, за неправильно взя-

тый съ кону пятіалтынный. Во все время этой жизни, продолжавшейся около двухъ лѣтъ, Люба пила, что называется, горькую чашу жесточайшаго страданія, но въ этой унылой горести своей постоянно была поддерживаема письмами и деньгами Спиридона Андросова, который, какъ видно, не выпускалъ ее ни на минуту изъ вида и былъ на стражѣ ея спокойствія. Онъ опредѣлился гдѣ-то неподалеку на службу— и при отличной честности, умѣренности и аккуратности, не измѣнившихся въ немъ съ перемѣною имени, онъ скоро пріобрѣлъ себѣ уваженіе и деньги, и изъ послѣднихъ почти ничего на себя не тратилъ, а все берёгъ для Любы. Не знаю какъ Люба распоряжалась этими сбереженіями, которыя пересылалъ ей ея отставной мужъ, но вѣрнѣе всего можно полагать, что если не всѣ эти деньги, то по крайней мѣрѣ бо́льшую ихъ часть пропивалъ и проигрывалъ ея мужъ, совершенно распившійся и омужичившійся Додичка. Говорили, что онъ отнималъ у Любы все, иногда самыми грубыми требованіями, а въ другой разъ даже и побоями. Павлинъ все это зналъ, какъ будто онъ тутъ вотъ и жилъ съ ними, но не смутилъ души Любы ни на одно мгновеніе и не воспользовался ея разочарованіемъ въ Додѣ, для того, чтобы разлучить ихъ другъ съ другомъ. Совсѣмъ напротивъ: Павлинъ поддерживалъ Любу большими и прекрасными письмами, которыя по нѣкоторому случаю сдѣлались моимъ достояніемъ—и я храню ихъ, какъ рѣдкій и превосходный образецъ простого, но глубокаго философски-мистическаго умствованія необразованнаго, но умнаго и могучаго волею человѣка. Эти письма, писанныя «отъ грѣшнаго раба» къ состраждущей Любови, имѣютъ немножко характеръ посланій: въ нихъ авторъ говоритъ, какъ бы уже онъ все вынесъ: онъ страдалъ и, бывъ искушенъ, самъ теперь можетъ помогать искушаемымъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, и даже очень во многихъ, Павлинъ ничего не пишетъ женѣ объ интересѣ дня, а даетъ совѣты, убѣждаетъ ее быть терпѣливою, благоразумною, доброю, неизмѣнно-вѣрною и преданною избранному ею мужу. Если читать эти письма въ хронологическомъ порядкѣ и читать по времени ихъ слѣдованія одного за другимъ, то въ нихъ невольно обращаетъ на себя вниманіе постоянно усиливающійся духъ религіознаго мистицизма. Авторъ сначала какъ будто соболѣзнуетъ о долѣ Любы и говоритъ о необходимости терпѣнія, потому

что отъ нетерпѣнія бываетъ еще горше; но потомъ онъ мало-по-малу видоизмѣняетъ этотъ мотивъ и начинаетъ ее убѣждать, что она должна радоваться, если несчастна, и самъ радуется, да радуется такъ, что вначалѣ поневолѣ чувствуется смущеніе: не овладѣло ли душою автора низкое злорадство къ очевиднымъ несчастіямъ измѣнившей ему Любы; но потомъ, ближе вникая въ дальнѣйшія письма, вы видите, что перомъ ихъ сочинителя водитъ иное чувство, чувство какой-то совершенно особенной, прямо, можно сказать, неземной любви—и притомъ любви самой заботливой и самоотреченной, но строгой. Павлинъ все учитъ Любу терпѣть для блага другихъ и для искупленія своихъ заблужденій и, убѣждая въ этомъ доводами довольно старыми, издавна извѣстными изъ книгъ духовнаго содержанія, излагаетъ эти доводы съ такою живостью и непосредственнымъ даромъ убѣдительнаго краснорѣчія, что какъ бы придаетъ имъ новую живую силу. Онъ несомнѣнно заботится объ одномъ: *возродить духомъ* погибающую Любу—и, вѣроятно, видя изъ ея отвѣтныхъ писемъ, что это озабочивающее его возрожденіе возможно, даже въ самомъ обращеніи къ ней употребляетъ слова «дочь моя». Послѣднее письмо съ этимъ воззваніемъ вначалѣ исполнено своеобразнѣйшей и трогательной нѣжности, непоглощаемой покрывающимъ его общимъ локальнымъ суровымъ тономъ: въ этомъ письмѣ Павлинъ, подписывающійся «Спиридономъ Андросовымъ», пишетъ: «не унывай: не намъ, слабымъ, а святому апостолу Павлу ангелъ сатаны былъ данъ въ плоть его, но онъ его побѣдилъ, и ты побѣдишь его силою, ибо уже и недолго остается».

Это «недолго» было пророчествомъ провидца, и Люба его такъ и приняла, когда черезъ нѣсколько дней послѣ полученія этого письма отъ перваго своего умершаго міру мужа, второй ея мужъ былъ избитъ въ дракѣ и умеръ у ея двери, въ которыя не могъ попасть съ-пьяна. Она тотчасъ же извѣстила объ этомъ событіи Павлина—и тотъ немедленно же явился къ ней: они вмѣстѣ похоронили какъ должно Додю и вслѣдъ за тѣмъ немедленно же вмѣстѣ исчезли. Куда? Никто этого не зналъ; но я вамъ разскажу и то, чего никто не знаетъ. За Кіевомъ, надъ Днѣпромъ, въ темномъ дремучемъ бору есть бѣдный женскій монастырекъ. Бѣдность и незначительность этой обители такова, что ее иначе не называютъ какъ *монастырекъ*: тамъ-то была мо-

нахиня, потомъ схимница, Людмила. Она скончалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, далеко еще не въ преклонныхъ годахъ. *ослѣпнувъ отъ слезъ.* Эта милая, чистая сердцемъ старица съ *выплаканными глазами*, въ орбиты которыхъ у нея для благообразія были вставлены кругленькіе перламутровые образки, была настоящій ангелъ кротости и милосердія; о добротѣ ея и всепрощающей христіанской любви и теперь еще съ умиленіемъ и слезами вспоминаютъ не только сестры бѣдной обители и посѣщающіе монастырекъ богомольцы, но даже еврей близко-лежавшаго торговаго мѣстечка. О ней извѣстно, что она вдова человѣка очень хорошей фамиліи и поступила въ монастырь, потерявъ мужа, а привезъ ее сюда на собственной лошади очень издалека какой-то суровый человѣкъ, *молчальникъ*, отъ котораго никто не слыхалъ ни одного слова. На могилѣ ея нѣтъ памятника, объясняющаго ея происхожденіе, а стоитъ простой дубовый крестъ съ надписью: «Схимонахиня Людмила, въ мірѣ грѣшная Любовь». Крестъ этотъ надъ нею поставилъ тоже схимникъ, приходившій въ монастырекъ послѣ смерти сестры Людмилы изъ далекой суровой обители, которой мнѣ вамъ называть не за чѣмъ. Не знаю также, нужно ли вамъ пояснять и то, что эта схимница Людмила, «въ мірѣ грѣшная Любовь», была не кто иная, какъ наша знакомая швейцарка Люба; а схимникъ, который пришелъ поставить на ея могилѣ крестъ, былъ Павлинъ, иноческаго имени котораго я не знаю. Вотъ какія тайны и какіе характеры живутъ иногда въ стѣнахъ монастырей!

Оглавленіе

XXXIV ТОМА.

	стр.
Полунощники. (Пейзажъ и жанръ)	3
Павлинъ. (Разсказъ)	105

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Невскій пр., № 29.

МЕЛОЧИ
АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(КАРТИНКИ СЪ НАТУРЫ.)

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

1. Архіерейскіе объѣзды.
2. Епархіальный судъ.
3. Русское тайнобрачіе.

Предисловіе.

Общеизвѣстные очерки Лѣскова: «Мелочи архіерейской жизни», посвященные изображенію быта нашего духовенства въ первой половинѣ истекшаго столѣтія, т.-е. въ дореформенное время, имѣютъ большое историческое значеніе и преслѣдуютъ одну чрезвычайно важную цѣль: установленіе болѣе безпристрастнаго отношенія русскаго общества къ представителямъ церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устраненіе усиливающагося отчужденія между ними.

Прошло почти два вѣка съ тѣхъ поръ, какъ выдающійся представитель нашей церкви, знаменитый Ѳеофанъ Прокоповичъ, и родоначальникъ нашей свѣтской литературы Кантемиръ дѣйствовали рука объ руку, какъ два вѣрнѣйшихъ союзника.

Съ тѣхъ поръ пути духовной и свѣтской литературы стали расходиться, конечно, ко вреду истиннаго просвѣщенія, въ которомъ такъ сильно нуждается наше отечество. Свѣтская литература игнорировала духовную, а та платила ей тѣмъ же. Какъ мало, въ сущности, въ теченіе всего XVIII-го вѣка и первой половины XIX-го свѣтская литература занималась духовенствомъ, т.-е. представителями церкви, одной изъ главныхъ насадительницъ просвѣщенія въ Россіи! Великая заслуга автора «Соборянъ», «На краю свѣта», «Владычнаго суда» и многихъ другихъ великолѣпныхъ очерковъ изъ жизни нашего духовенства, состоитъ въ томъ, что онъ первый, и притомъ въ такое время, какъ 60-е годы прошлаго вѣка, снова обратилъ вниманіе свѣтской литературы на духовен-

ство и изобразилъ его такъ, что пастыри русской церкви стали людьми, близкими сердцу всякаго русскаго интеллигентнаго человѣка. Незабвенные образы протоіерея Туберозова, архіепископа Нила, митрополита (кіевскаго) Филарета и мн. др. согрѣваютъ нашу душу и наполняютъ ее чувствомъ глубокой благодарности къ этимъ самоотверженнымъ работникамъ въ вертоградѣ Господнемъ.

Къ тому же циклу высоко-даровитыхъ произведеній принадлежатъ и «Мелочи архіерейской жизни», появившіяся въ 1878 г. и живописующія намъ интимную жизнь русскихъ пастырей первой половины прошлаго столѣтія. Многое измѣнилось съ тѣхъ поръ; не мало страницъ этихъ очерковъ имѣютъ теперь уже чисто-историческое значеніе, потому что условія и порядки, встрѣчавшіеся полвѣка и болѣе тому назадъ, составляютъ достояніе прошлаго: архіерейскіе объѣзды, такъ, какъ ихъ описываетъ Лѣсковъ, значительно видоизмѣнились, нынѣшній духовный судъ не могъ не подчиниться духу времени, и факты, сообщаемые тутъ Лѣсковымъ, относятся къ далекому прошлому, тогдашнія злоупотребленія при совершеніи таинства брака (т.-наз. тайнобрачіе) теперь уже немыслимы, развившаяся съ тѣхъ поръ миссіонерская дѣятельность въ значительной степени ослабила отрицательный смыслъ сообщенныхъ Лѣсковымъ фактовъ относительно положенія крещеныхъ язычниковъ (черемисовъ). И, тѣмъ не менѣе, «Мелочи архіерейской жизни» могутъ и теперь быть признаны книгою громаднаго современнаго значенія. Всѣ встрѣчающіеся въ ней отрицательные факты не новы: они рѣзче отмѣчены въ другихъ произведеніяхъ Лѣскова. Но нигдѣ, быть-можетъ, ему не удалось съ такимъ талантомъ и тактомъ ввести предубѣжденнаго русскаго интеллигентнаго читателя въ кругъ тѣхъ понятій и стремленій представителей нашей церкви, которыя одинаково дороги всѣмъ просвѣщеннымъ людямъ, желающимъ потрудиться для ближняго въ духѣ нашего общаго великаго Учителя. Трудно назвать книгу (да ея и нѣтъ), которая болѣе «Мелочей архіерейской жизни» способствовала бы сближенію русской интеллигенціи съ церковью, потому что сквозь всѣ факты, разсказываемые Лѣсковымъ, просвѣчиваютъ всюду и всегда

глубокое сочувствіе и уваженіе къ достойнымъ представителямъ нашей церкви. Вспомнимъ трогательную характеристику кіевскаго митрополита Филарета, невольную симпатію, которую внушаетъ намъ столичный протоіерей въ очеркѣ «Русское тайнобрачіе», вспомнимъ, какъ умно и толково многіе архіереи рѣшаютъ у Лѣскова самые трудные и сложные вопросы, какъ онъ, сообщая даже отрицательные факты изъ архіерейской жизни, подкупаетъ читателей въ пользу тѣхъ пастырей, которые по природѣ добры и благожелательны, но подвергаются вліянію низкопоклонства и пошлости самого общества. Юмористическое освѣщеніе сообщаемыхъ Лѣсковымъ фактовъ, столь свойственное роду его дарованія, оказываетъ здѣсь несомнѣнную услугу дѣлу, потому что предубѣжденный читатель при такомъ освѣщеніи продолжаетъ съ интересомъ слѣдить за изложеніемъ автора, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, основная цѣль послѣдняго достигается вѣрнѣе. А цѣль эта сводится къ тому, чтобы убѣдить читателя, какъ легкомысленно поступаютъ тѣ, кто держится въ сторонѣ отъ церкви и не признаетъ огромнаго ея значенія въ жизни русскаго общества и народа.

«Мелочи архіерейской жизни» вышли вторымъ изданіемъ въ 1880 г. Съ тѣхъ поръ онѣ не перепздавались. Приступая теперь, почти послѣ 25-лѣтняго промежутка времени, къ новому ихъ изданію, мы переставили нѣкоторыя главы и сдѣлали нѣкоторыя, впрочемъ, незначительныя сокращенія, вызываемыя обстоятельствами времени. Побуждаетъ насъ приступить къ новому изданію не только уваженіе къ творчеству выдающагося русскаго писателя, но и убѣжденіе, что книга его сослужитъ немаловажную службу именно теперь, т.-е. въ такой моментъ, когда сближеніе между обществомъ и церковью особенно необходимо.

Р. Сементковскій.

„Нѣтъ ни одного государства, въ которомъ бы не находились превосходные мужи во всякомъ родѣ, но, къ сожалѣнію, каждый человѣкъ собственному своему взору величайшей важности кажется предметомъ.“

(*Народная гордость*. Москва, 1788 г.).

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Съ легкой руки смоленскихъ корреспондентовъ,—въ теченіе 1878 года русскою печатью сообщено очень много интересныхъ и характерныхъ анекдотовъ о нѣкоторыхъ изъ нашихъ архіереевъ.

Правъ ли я или не правъ, но я имѣю основаніе думать, что извѣстное выраженіе Ларошфуко: «всякое правленіе вредно своему народу»,—одинаково можетъ быть прилагаемо къ различнымъ видамъ управленія и, между прочимъ, даже къ нашему «архіерейско-владычнему».

Изъ моего житейскаго опыта я имѣлъ возможность не разъ убѣждаться, что наши владыки и даже самые непосредственнѣйшіе изъ нихъ, по своимъ оригинальностямъ, отнюдь не такъ нечувствительны и недоступны воздѣйствіямъ общества, какъ это представляютъ корреспонденты. Объ этомъ я и хочу разсказать кое-что, въ тѣхъ цѣляхъ, чтобы отнять у нѣкоторыхъ обличеній ихъ очевидную односторонность, сваливающую непосредственно все дѣло на однихъ владыкъ и не обращающихъ ни малѣйшаго вниманія на ихъ положеніе и на отношеніе къ нимъ самого общества. По моему мнѣнію, наше общество должно понести на себѣ самомъ хоть долю укоризнъ, адресуемыхъ архіереямъ, для которыхъ настала пора похлопотать о своего рода эмансипаціи.

Какъ бы это кому ни показалось парадоксальнымъ, однако, прошу вниманія къ тѣмъ примѣрамъ, которые приведу въ доказательство моихъ положеній.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Былъ у насъ генералъ Я—ль. Онъ скончался недавно послѣ окончанія послѣдней турецкой войны, которую тоже дѣлалъ. Это былъ замѣчательный человѣкъ по складу ума, складу привычекъ и складу фигуры; онъ же обладалъ и краснорѣчіемъ, притомъ такимъ, какому въ наше стереотипное время нѣтъ подобнаго. Онъ былъ человѣкъ большой, сутуловатый, нескладный и неопрятный. Лицо имѣлъ самое некрасивое, монгольскаго типа, хотя происходилъ изъ татаръ. По службѣ считался хорошимъ генераломъ и шелъ въ повышенія, но въ отношеніи образованности былъ очень своеобразенъ: литература для него не существовала, свѣтскихъ людей онъ терпѣть не могъ и на этомъ основаніи избѣгалъ даже родственниковъ по женской линіи. Особенно же не любилъ баловъ и собраній, на которыхъ притомъ и не умѣлъ себя вести. Былъ извѣстенъ случай, что однажды, подойдя къ вазамъ съ вареньемъ, онъ преспокойно выбралъ себѣ пальцами самую приглядную ягоду, пальцами же положилъ ее себѣ въ ротъ, и отошелъ отъ стола, не обращая ни на кого вниманія. Быть съ нимъ въ обществѣ одни считали мученіемъ, другіе же хотя и переносили его, но болѣе ради того, чтобы за нимъ подмѣчать его «деликатности». Но въ своемъ, въ военномъ дѣлѣ онъ былъ молодецъ, хотя тоже все съ эпивоками. Подчиненные его ни любили, ни не любили, потому что сближеніе съ нимъ было невозможно, а солдаты его звали «татариномъ». Но мы имѣемъ дѣло только до его краснорѣчія.

Военное краснорѣчіе генерала Я—ля, какъ выше сказано, было оригинально и пользовалось широкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью. Оно и въ самомъ дѣлѣ, какъ сейчасъ убѣдится читатель, имѣло очень рѣдкія достоинства. У меня есть одинъ образецъ рѣчей этого военнаго оратора, — притомъ образецъ наилучшій, ибо то, что я передамъ, было сказано при обстоятельствахъ, особенно возбуждавшихъ духъ и талантъ генерала Я—ля, а онъ хорошо говорилъ только тогда, когда бывалъ потрясенъ или чѣмъ-нибудь взволнованъ.

Генералъ Я—ль занималъ очень видное мѣсто въ арміи. У него было много подчиненныхъ немелкаго чина, и особенно одинъ такой былъ въ числѣ полковыхъ командировъ, нѣкто Т., человѣкъ съ большими свѣтскими связями, что Я—ля къ такимъ людямъ не располагало.

Неизвѣстно, какихъ онъ любилъ, но такихъ положительно не любилъ.

Была весна, — хорошее время года, а тѣмъ больше на югѣ. Генералъ предпринялъ служебное путешествіе, съ цѣлію осмотрѣть свои «части». Онъ ѣхалъ запросто и съ однимъ адъютантомъ.

Пріѣхали въ городъ, гдѣ стоялъ полкъ Т., и въ тотъ же день была назначена «выводка».

Дѣло происходило, разумѣется, на открытомъ мѣстѣ, невдалекѣ за конюшнями. Офицеры стоятъ въ отдаленіи, — на обозрѣвательномъ пунктѣ только трое: генералъ Я—ль, у праваго его плеча—его адъютантъ, а слѣва, рядомъ съ нимъ, полковой командиръ Т.

Выводятъ первый эскадронъ: лошади очень худы.

Я—ль только подвигалъ губами и посмотрѣлъ черезъ плечо на адъютанта.

Тотъ приложилъ почтительно руку къ фуражкѣ и общей миной и легкимъ движеніемъ плечъ отвѣчалъ, что «видитъ и разумѣетъ».

Выводятъ второй эскадронъ—еще хуже.

Генералъ опять полковому командиру—ни слова, но опять оглядывается на адъютанта и на этотъ разъ уже не довольствуется мимикой, а говоритъ:

— Одры!

Адъютантъ приложился въ знакъ согласія.

Полковникъ, разумѣется, какъ на иголкахъ, и когда вывели третій эскадронъ, гдѣ лошади были еще худѣе, онъ не выдержалъ, приложился и говоритъ:

— Это удивительно, ваше сіятельство... никакъ ихъ нельзя здѣсь ввести въ тѣло...

Я—ль молчалъ.

— Я уже,—продолжалъ полковникъ:—пробовалъ ихъ кормить и сѣчкою, и даже... морковь...

При словѣ морковь, въ смыслѣ наилучшаго или цѣлебнаго корма для лошадей, генералу показалось, что это идетъ какъ будто изъ вольнаго экономическаго общества, или другого какого-нибудь подобнаго оскорбительнаго учрежденія, и генералъ долѣе не выдержалъ. Его тяжелый, но своеобразный юморъ и краснорѣчіе начали дѣйствовать,—онъ обернулся снова къ командиру и сказалъ:

— Морковь... это такъ... А я вамъ еще вотъ что, полковникъ, посовѣтую: попробуйте-ка вы ихъ овсомъ покормить.

И съ этимъ онъ повернулся и ушелъ, не желая смотрѣть остальныхъ «одровъ», но на завтра утромъ назначилъ смотрѣть ѣзду. Легъ онъ недовольный и всталъ недовольный, а при ѣздѣ пошли такія же неудовлетворительности. Генералъ и закипѣлъ и пошелъ все перебѣгать съ мѣста на мѣсто,—что у него выражало самую большую гнѣвность, которой надо было вылиться въ какомъ-нибудь соотвѣтственномъ поступкѣ: изругать кого, за пуговицу подергать или же пустить такой цвѣтъ краснорѣчія, который забыть нельзя будетъ.

Дѣла пошли такъ, что командиръ самъ подалъ ему поводъ къ послѣднему, и живой даръ генерала началъ дѣйствовать

Какъ вчера полковникъ пустилъ себѣ на выручку морковь, такъ теперь онъ хотѣлъ найти оправданіе въ молодости эскадронныхъ командировъ. Генералу всякаго повода къ рѣчамъ было довольно, а этого даже съ излишкомъ. Услыхавъ, что вся бѣда въ томъ, что молоды офицеры,—онъ отскочилъ на своей лошади въ сторону, сдѣлалъ свою обыкновенную въ гнѣвномъ времени гримасу и страшнымъ,

громовымъ голосомъ, долетавшимъ при разстановкахъ до послѣдняго фурштата, заоралъ:

— Вздоръ говорить изволите!.. Что это еще за манера другъ на друга ссылаться-я-я!.. Полковой командиръ долженъ быть за все въ отвѣтѣ-ѣ-ѣ! Вы развраты этакіе затѣваете-е-е-е!.. По-о-лковой командиръ на эскадронныхъ!.. А эскадронные станутъ на взводныхъ. А... взво-одные на вахмистровъ, а вахмистры на солдатъ... А солдат-ты на Господа Бога!.. А Господь Богъ скажетъ: «врете вы, мерзавцы,—Я вамъ не конюхъ, чтобы вашихъ лошадей выѣзжать: сами выѣзжайте!»

Это было начало и конецъ краткой, но, какъ мнѣ кажется, очень энергической рѣчи. Генералъ уѣхалъ, а офицеры долго еще были въ недоумѣніи: какъ же это возможно, до чего сталъ доходить въ своемъ гнѣвѣ Я—ль? Особенно этимъ былъ пораженъ одинъ молодой офицеръ изъ нѣмцевъ, у котораго хранились добрые задатки религіозныхъ чувствъ. Ему казалось, что послѣ такой выходки Я—ля, онъ, какъ христіанинъ, не можетъ болѣе оставаться на службѣ подъ его начальствомъ.

Онъ думалъ объ этомъ всю ночь и утромъ, чисто одѣвшись, поѣхалъ потихоньку къ архіерею, чтобы ему, какъ самому просвѣщенному духовному лицу въ городѣ, разсказать все о вчерашней рѣчи и просить его мнѣнія объ этомъ поступкѣ.

Архіерей принялъ и терпѣливо выслушалъ юриста, но съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ воспроизведеніе на память генеральской рѣчи. И, по мѣрѣ того, какъ офицеръ, передавая генеральскія слова, все возвышалъ голосъ и дошелъ до «Господа Бога», то архіерей, быстро вставъ, взялъ офицера за обѣ руки и проговорилъ:

— Видите, какъ прекрасно! И какъ послѣ этого не сожалѣть, что духовное ораторство у насъ не такъ свободно, какъ военное. Почему же мы не можемъ говорить такъ вразумительно? Отчего бы на текстъ «просящему дай» такъ же кратко не сказать слушателямъ: не говори, алчная душа, что «Богъ подастъ». Богъ тебѣ не ключникъ и не ларешникъ, а самъ подавай... Повѣрьте, это многимъ было бы болѣе понятно, чѣмъ риторическое пустословіе, котораго никто и слушать не хочетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

То, что я ниже буду разсказывать, извѣстно мнѣ со словъ моего умершаго друга, художника петербургской академіи художествъ, Ивана Васильевича Гудовскаго, котораго, вѣроятно, еще очень многіе не забыли въ Кіевѣ. Онъ былъ хорошій мастеръ своего дѣла и очень добрый, честный и прямой, правдивый человѣкъ, каждому слову котораго можно было смѣло и несомнѣнно вѣрить.

Пв. В. Гудовскій — сынъ казака изъ г. Ирятина. Онъ еще въ отрочествѣ своемъ былъ привезенъ въ Кіево-Печерскую лавру и, во вниманіе къ замѣченнымъ въ немъ художественнымъ наклонностямъ, отданъ для наученія живописи въ лаврскую иконописную мастерскую. Мастерскою этою (пришедшею при митр. Арсеніи въ совершенный упадокъ) тогда завѣдывалъ іеромонахъ Иринархъ, художественныя способности котораго многихъ не удовлетворяли. Иринарху ставили въ вину, что «кисть его надъ смертными играла»; онъ имѣлъ удивительное несчастіе всѣхъ писать «на одно лицо». И на самомъ дѣлѣ, отецъ Иринархъ былъ не очень большой искусникъ, но человѣкъ очень рачительный и очень полезный. Митрополитъ Филаретъ Амфитеатровъ считалъ іеромонаха Иринарха хорошимъ мастеромъ по иконописанію, и едва ли митрополитъ не былъ правѣе многихъ заѣзжихъ знатоковъ, смущавшихся тѣмъ, что у отца Иринарха «все ило на одно лицо». У него зато не было непріятной *головастости* академика Солнцева и не было сухой *вытянутости* фигуры Нѣшехонова. Вообще онъ писалъ въ иконномъ родѣ довольно пріятно, строгонькимъ, но довольно округлымъ монастырскимъ рисункомъ, въ мягкихъ тонахъ и нѣжными лассировками, что, безспорно, приличествуетъ иконописному роду живописи и очень нравилось митрополиту Филарету *). Но всего болѣе о. Иринархъ былъ отлич-

*) Два современника: Филаретъ московскій (Дроздовъ) и Филаретъ кіевскій (Амфитеатровъ) между множествомъ отличавшихъ ихъ различій, различно относились и къ иконописному искусству. Филаретъ Дроздовъ, по собственному его признанію (см. письма, изд. А. Н. Муравьевымъ), не зналъ толку въ этомъ дѣлѣ и даже, судя по тону письма, относился къ этому какъ будто равнодушно; но Филаретъ кіевскій любилъ иконописное дѣло и считалъ себя въ немъ свѣдущимъ. Онъ смѣло вмѣшивался въ работы по реставраціи стѣнописи кіевскихъ соборовъ, пока (какъ разсказывали за достовѣрное) получилъ чувствительныя для него не-

ный *школьмейстеръ*, что̀ совершенно основательно цѣнилъ въ немъ покойный владыка. Лаврская школа при о. Иринархѣ была, относительно, въ такомъ цвѣтущемъ состояніи, что надо было удивляться мастерству кіево-печерскихъ правителей, которые потомъ умѣли привести ее въ самое жалкое состояніе, въ какомъ я ее въ послѣдній разъ видѣлъ незадолго до кончины митрополита Арсенія, многообразныя услуги коего кіевской паствѣ еще не оцѣнены. При Иринархѣ здѣсь не только «тонко» работали, но и недурно держали учениковъ, такъ что у нихъ былъ свой товарищескій *духъ* и преданія, нѣсколько напоминавшія духъ школъ старинныхъ монастырскихъ маэстро. Нѣкоторые ученики о. Иринарха переходили изъ его школы въ академію и тамъ оказывались хорошо подготовленными по рисунку и отличались добрымъ, чисто художественнымъ настроеніемъ, дѣлавшимъ ихъ хорошими товарищами и пріятными людьми въ дальнѣйшей жизни. Все это творилъ о. Иринархъ,—довольно строгій монахъ, но большой любитель своего рукомесла и заботливый укоренитель его въ тѣхъ, кого судьба давала ему въ ученики.

Художникъ Гудовскій *пришелъ* въ Петербургъ, въ академію, изъ этой же школы о. Иринарха, о которой до своей трагической кончины говорилъ всегда съ одушевленіемъ, какъ «о милыхъ годахъ своей юности»; въ этихъ же разсказахъ онъ не разъ упоминалъ слѣдующій анекдотическій случай, лично касающійся митрополита Филарета Амфитеатрова.

«Разъ,— говорилъ Гудовскій:—мы работали лѣтомъ, внизу, подъ митрополичьими покоями *), и тамъ послѣ обѣда и отдыхали. Отецъ Иринархъ, бывало, пообѣдавши, остается уснуть въ своей кельѣ, а мы, ребятишки, находили, что намъ лучше тутъ, потому что здѣсь было прохладнѣе, да и присмотра за нами не было; а самое главное,—что отсюда

пріятности отъ покойнаго государя Николая Павловича, желавшаго правильной реставраціи Софійскаго собора Ярослава. По правдѣ судя, кажется, добрый старецъ болѣе любилъ искусство, чѣмъ понималъ его, и если тамъ въ фрескахъ что излишне «замалевано»,—то едва ли этого не слѣдуетъ, хотя долею, относить на его милую память.

*) Я уже не помню: была ли тутъ временная мастерская, или работы шли въ нижней домовой церкви митрополичьяго дома, или все это было въ Голосѣевѣ, гдѣ кіевскіе митрополиты проводятъ дачное время.

изъ оконъ можно было лазить въ митрополичій садъ, гдѣ насъ соблазняли большія, сочныя груши, называемыя въ Кіевѣ «принцъ-мадамы», которыя мы имѣли сильное желаніе отрясти.

«Послѣ долгихъ между собою совѣтовъ и обсужденія всѣхъ сторонъ задуманнаго нами предпріятія полакомиться митрополичьими принцъ-мадамами, мы пришли къ убѣжденію, что это сладкое дѣло хотя и трудно, но не невозможно. Надежно огороженный садъ никто не караулилъ, а единственный посѣтитель его былъ самъ митрополитъ, который въ жаркіе часы туда не выходилъ. Стало-быть, надо было только обезпечить себя отъ зоркаго глаза отца Иринарха, чтобы онъ не пришелъ въ ту пору, когда мы спустимся въ садъ красть груши. А потому мы, въ одинъ прекрасный день, размѣтили посты, поставили на нихъ махальныхъ и, затѣмъ, одинъ по одному, всею гурьбою, спустились потихоньку въ угольное окно, выходившее въ темное, тѣнистое мѣсто у стѣны, и, какъ хищные хорьки, поползли за кустами къ самымъ лучшимъ деревьямъ.

«Все шло хорошо; работа кипѣла, и пазухи нашихъ блузъ тяжело нависали. Но вдругъ, на одномъ деревѣ появилось разомъ два трясуна, изъ которыхъ одинъ былъ, вѣроятно, счастливѣе другого, и у нихъ тутъ же, на деревѣ, произошла потасовка, но въ это самое время *кто-то* крикнулъ:

«— Отецъ Иринархъ идетъ!

«Не разбирая, *какой изъ нашихъ махальныхъ* это крикнулъ, мы ударились бѣжать, разсыпая по дорогѣ значительную долю наворованныхъ принцъ-мадамъ. А тѣ двое, которые подрались на деревѣ, съ перепугу оборвались и оба разомъ полетѣли внизъ. И всѣ мы, столпившись кучею у окна, чрезъ которое спускались другъ за другомъ веревочкою, смялись и, плохо соображая, что̀ намъ дѣлать, зашумѣли. Каждому хотѣлось спастись поскорѣе, чтобы не попасться отцу Иринарху, и отъ того мы только мѣшали другъ другу, обрывались и падали. А *гдѣ-то*, сверху надъ нами, *кто-то* весело смѣялся спокойнымъ и добрымъ старческимъ смѣхомъ.

«Это всѣ мы замѣтили, но въ суетахъ не обратили на это вниманія, тѣмъ болѣе, что когда мы успѣли взобраться назадъ въ окно и попрятать принесенные съ собою воро-

банные запасы, то мы обнаружили, что одинъ изъ дравшихся на деревѣ былъ изъ числа нашихъ махальныхъ, которому надлежало стоять на самомъ опасномъ пунктѣ и наблюдать приближеніе отца Иринарха...

«Всѣ часы своей послѣобѣденной работы мы объ этомъ перешептывались за своими мольбертами, а вечернею шабашкою тотчасъ же приступили къ дознанію: какъ это могло случиться, и рѣшили виновника «отдуть». Но чуть только мы хотѣли привести это рѣшеніе въ исполненіе, какъ тотъ струсилъ и, желая спастись отъ наказанія, выдалъ ужасную тайну: онъ сказалъ намъ, что не онъ одинъ, а всѣ три наши махальные не выдержали искушенія, и, покинувъ свои посты, вмѣстѣ съ нами сбѣжали въ садъ за краснобокими принцъ-мадамами».

Ночью, поѣвъ всѣ накраденныя груши, юные артисты рѣшили больше не воровать; но на-завтра забыли это рѣшеніе и снова выступили въ садъ въ томъ же порядкѣ, только съ назначеніемъ новыхъ сторожей, которые, однакоже, за исключеніемъ одного, оказались не исправнѣе прежнихъ. Не успѣли воришки приняться за свое дѣло, какъ и лакомки-сторожа появились между ними.—всѣ, за исключеніемъ одного. Но и этотъ одинъ былъ плохой и злой сторожъ: оставшись при своемъ мѣстѣ, онъ умыслилъ жестокое коварство.

«— Не успѣли мы,— говорилъ Гудовскій:—приняться за работу по деревьямъ, какъ этотъ хитрецъ приложилъ руки трубкою къ губамъ и крикнулъ:

«— Отецъ Иринархъ идетъ!

«Всѣ мы, сколько насъ тамъ было, услыхавъ это, какъ пули попадали сверху на землю и... не поднимались съ нея... Не поднимались потому, что къ одному ужасу прибавился другой, еще бо́льшій: мы опять услыхали голосъ, котораго уже не могли не узнать. Этотъ голосъ былъ тотъ самый, который насъ вчера предупреждалъ насчетъ приближенія Иринарха, но нынче онъ не пугалъ насъ, а успокоивалъ. Слова, имъ произнесенныя, были:

«— Неправда, рвите себѣ, Иринархъ еще не идетъ!»

Это былъ голосъ митрополита Филарета, котораго дѣти узнали и, приподнявъ изъ травы свои испуганныя головенки, оцѣпенѣли... И какъ иначе, — они увидѣли самого

его, владыку кіевскаго и галицкаго, стоявшаго для нихъ на стражѣ у косяка своего окошечка и весело любовавшагося, какъ они обворовываютъ его садъ...

Какъ же приняли эти дурно-воспитанныя дѣти такое странное и, можетъ-быть, съ точки зрѣнія всякаго сухого педагога, конечно, очень неодобрительное отношеніе къ ихъ плохой шалости?

«— Мы, — говорилъ Гудовскій: — потеряли всѣ чувства отъ стыда: мы всѣ какъ бы окаменѣли и не могли двинуться, пока замѣнявшій намъ махальнаго митрополитъ крикнулъ:

«— Ну, теперь бѣгите, дурачки, — теперь Иринархъ идетъ!

«Тутъ мы брызнули: онять по-вчерашнему взобрались на свое мѣсто, но были страшно смущены и болѣе красть митрополичьи груши не ходили.

«Прошелъ день, два, три,—мы все были въ страхѣ: не призоветъ ли митрополитъ о. Иринарха и не откроетъ ли ему, какіе мы негодяи? Но ничего подобнаго не было, хотя «милый дидуся», очевидно, объ насъ думалъ и, догадываясь, что мы безпокоимся, захотѣлъ насъ обрадовать.

«На четвертый день послѣ происшествія, вдругъ намъ принесли цѣлыя почвы разныхъ плодовъ и большую деревянную чашу меду и сказали, что это намъ владыка прислалъ.

«— По какому же это случаю?—допытывались мы, радостно и робко принимая щедрый подарокъ. Но *случая* никакого не было, кромѣ того, о которомъ мы одни знали и крѣпко о немъ помалчивали.

«Посланный сообщилъ только, что владыка просто сказалъ:

«— Снесите живописцамъ-мальчишкамъ медку и всякихъ яблочекъ... Дурачки вѣдь они, имъ хочется... Пусть поточатъ».

«— Мы эти его груши и сливы,—честное слово говорю,— со слезами ѣли и потомъ, какъ онъ первый разъ послѣ этого служилъ, окружили его и не только его руки, а и ряску-то его расцѣловали, пока насъ дьякона по затылкамъ не растолкали».

Такъ онъ ихъ наказалъ и, прибавлю, наказаніе его было столь памятно, что лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ этого,

когда мы съ Гудовскимъ жили въ домѣ, выходившемъ на Софійскую улицу, этотъ, тогда уже пожилой художникъ, бывало, ни разу не пропуститъ мимо митрополичьей кареты, чтобы не крикнуть вслѣдъ съ дѣтскою радостью:

«— Здоровъ будь, милый дидуню!»

И болѣе того: этотъ человѣкъ, здороваго и остраго ума, вращавшійся въ свое время въ различныхъ кружкахъ Петербурга, не сохранилъ всей вѣры, къ которой былъ наставленъ своею церковью. Онъ былъ религіозенъ, но, къ сожалѣнію, долго жилъ съ монахами, хорошо зналъ ихъ и относился недружелюбно и даже враждебно къ духовенству вообще, и къ черному въ особенности; но на предложенный ему однажды вопросъ: гдѣ же, однако, въ какой церкви самое лучшее духовенство? отвѣчалъ:

«— Въ русской, бо изъ него вышиовъ нашъ старый дидуся Филаретъ, дуже добрый».

И Богъ вѣсть, когда пала въ эту художественную душу любовь къ «дуже доброму дидусѣ». — Можетъ-быть, именно тогда, когда превосходный старецъ покрывалъ своею превосходною добротою *ребячье баловство*, которое любой педагогъ и моралистъ не усомнились бы теперь назвать *воровствомъ* и даже, пожалуй, признакомъ соціалистическаго взгляда на собственность, а какой-нибудь либеральный перевертень съ прокурорскаго кресла потребовалъ бы за все это самую строгую кару. Но, къ счастью, не такъ смотритъ на вещи не направленская, а настоящая добродѣтель, однимъ изъ прекрасныхъ представителей которой можетъ быть названъ Филаретъ Амфитеатровъ, о коемъ, право, кажется, можно сказать, какъ о Моисеѣ, что онъ «смиренъ бѣ паче всѣхъ человѣкъ».

Но чтобы сказать все, что мнѣ, случайно конечно, извѣстно объ истинномъ, неподдѣльномъ смиреніи этого истиннаго человѣка, а съ тѣмъ вмѣстѣ, чтобы и не дать пропасть анекдоту, который можетъ пригодиться для характеристики простой, но замѣчательной личности митрополита Филарета, запишу еще слѣдующее событіе, извѣстное мнѣ отъ очевидцевъ, — родного дяди моего, профессора С. П. А—ва, и бывшаго генералъ-штабъ-доктора крымской арміи П. Я. Чернобаева.

Когда юго-западный генералъ-губернаторъ Дмитрій Гаврп-

ловичъ Бибиковъ возвратился въ послѣдній разъ изъ Петербурга, гдѣ онъ былъ назначенъ на должность министра внутреннихъ дѣлъ, то онъ посѣтилъ митрополита Филарета и, разсказывая ему новости, какія считалъ умѣстнымъ сообщить его смиренію, привелъ слова императора Николая Павловича о церковномъ управленіи.

Слова эти, очень вѣрно сохраняемыя моею памятью, были таковы, что, будто покойный государь, разговаривая съ Дмитріемъ Гавриловичемъ о разныхъ предметахъ, сказалъ:

— «О церковномъ управленіи много безпокоиться нечего: пока живы Филаретъ мудрый да Филаретъ благочестивый, все будетъ хорошо».

Услыхавъ это отъ министра, митрополитъ смутился и поникъ на грудь головой, но черезъ секунду оправился, поднялъ лицо и радостно проговорилъ:

— Дай Богъ здоровья государю, что онъ такъ цѣнитъ заслуги митрополита московскаго.

— И ваши, ваше высокопреосвященство, — поправилъ Бибиковъ.

Филаретъ наморщилъ брови.

— Ну, какія мои заслуги?.. ну что... тутъ... Государю наговорили... Все «мудрый» Филаретъ московскій, а я... что,—пустое.

— Извините, владыка: это не вамъ принадлежитъ ваша оцѣнка!

Но митрополитъ замахалъ своею слабою ручкою.

— Нѣтъ... нѣтъ, ужъ позвольте... какая оцѣнка: все принадлежитъ мудрости митрополита московскаго. И это кончено, и я униженно прошу ваше высокопревосходительство мнѣ больше не говорить объ этомъ.

И при этомъ онъ, говорятъ, такъ весь покраснѣлъ и до того сконфузился, что всѣмъ стало жалко «милаго старика» за потрясеніе, произведенное въ немъ неосторожнымъ прикосновеніемъ къ его деликатности.

Такъ дѣтски чистъ и простъ былъ этотъ превосходный человѣкъ, что всякая мелочь изъ воспоминаній о немъ наполняетъ душу пріятнѣйшею теплотою настоящаго добра, которое какъ будто съ нимъ родилось,—жило съ нимъ, и... съ нимъ умерло... По крайней мѣрѣ, для людей, знавшихъ Филарета, долго будетъ казаться, что органически ему при-

сущее добро умерло съ нимъ въ томъ отношеніи, что ихъ глазъ нигдѣ не находитъ другого такого человѣка, который былъ бы такъ подчиненъ кроткому добротолюбію, не по теоріи, не въ силу морали воспитанія и, еще болѣе, не въ силу сухой и нестоящей морали направленія, а именно подчинялся этому требованію самымъ сильнымъ образомъ *органически*. Онъ родился съ своею добротою, какъ фіалка съ своимъ запахомъ, и она была его природою.

Но какъ онъ, съ такимъ характеромъ и въ самыхъ преклонныхъ лѣтахъ, могъ править такою первоклассною епархіею, какъ кіевская? Полагаютъ, что его, вѣроятно, обманывали какіе-нибудь свои «гаврилки» (т. е. родственники) и, пользуясь его добротою, подъ его руку вершили кривду надъ правдою. Но въ томъ-то и дѣло, что онъ не терпѣлъ при себѣ ни одного «гаврилки» и имъ никто не правилъ, кромѣ его собственнаго сердца. Ветхій и немощный Филаретъ имѣлъ прекрасныхъ викаріевъ и замѣчательнаго намѣстника Іоанна, нынѣ епископа полтавскаго, который, можетъ-быть, болѣе сдѣлалъ *для духа* монашества лаврскаго, чѣмъ старательно прославляемый нынѣ намѣстникъ Сергіевской лавры Антоній—*для архитектуры*; но всѣ эти лица сотрудничали м. Филарету, а не верховодили имъ. Во всѣхъ дѣлахъ, требовавшихъ отъ него самостоятельности, онъ дѣйствовалъ самостоятельно и до конца жизни правилъ самъ и вездѣ его доставало (только въ университетъ онъ пересталъ ѣздить, потому что «не хотѣлъ слышать о конкубинахъ») *). Даже гдѣ нужна была строгость и наибольшая

*) Пр. Филаретъ пріѣхалъ на защищеніе диссертаціи, въ которой разбиралась разница права дѣтей, прижитыхъ отъ сожительства connubium и concubinatum. Митрополитъ долго крѣпился и слушалъ, но, наконецъ, не выдержалъ и всталъ. Насилу упросили его «не смущать диспутанта». Онъ это уважилъ, но жаловался.

— Что же, говоритъ, я монахъ, а только и слышу connubium да concubinatum. Не надо было звать меня.

И въ этомъ онъ былъ правъ. По замѣчательно: это такъ осталось у него въ памяти, что онъ, когда рѣчь касалась университетовъ, всегда любилъ за нихъ заступаться, но шутливо прибавлялъ:

— Одно въ нихъ трудно монаху, что все «connubium» да «concubinatum»,—а больше все хорошо.

Впрочемъ, изъ всѣхъ, такъ называемыхъ, «свѣтскихъ» наукъ, мнѣ извѣстно опредѣлительное отношеніе м. Филарета только къ медицинѣ. Тяжко страдая мочевыми припадками, онъ безпрестанно нуждался въ помощи врача З—го и, получивъ облегченіе отъ припадка, говорилъ со вздохомъ:

— Медицина—божественная наука!

энергія, онъ и тутъ не устранялся отъ дѣла, а только всегда боялся быть жестокимъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Одинъ изъ памятныхъ случаевъ въ самостоятельномъ родѣ устроилъ ему бывшій нарядный іеродіаконъ монастыря, о. Ан—ій. Богатырь, красавецъ и жуиръ, діаконъ этотъ пользовался большими льготами въ монастырѣ, гдѣ дорожили его громоподобнымъ голосомъ и спускали ему многое, чего, можетъ-быть, не слѣдовало бы спускать. Все это его до такой степени избаловало, что онъ сталъ не знать мѣры своимъ увлеченіямъ и, придя разъ лѣтнею ночью въ изступленіе ума, вышелъ изъ кельи на житній дворъ, гдѣ на ту пору стояли волы пріѣхавшихъ съ вечера мужиковъ. Изступленному іеродіакону пришла мысль сѣсть на вола верхомъ и начать разъѣзжать на немъ по монастырю.

Онъ такъ и сдѣлалъ: отвязалъ отъ ярма самаго рослаго, половаго вола, замоталъ ему на рога налыгачъ (ремень) и взмостился ему на спину. Непривычный къ верховой ѣздѣ, быкъ поцелъ ревѣть, прыгать и метаться, а богатырь-діаконъ сидитъ на немъ, какъ клещъ на жужелицѣ, и, жаря его каблуками въ ребра, кричитъ: «врешь,—не уйдешь».

И волъ реветъ, и сѣдокъ реветъ; сонъ мирной обители нарушенъ,—она встревожена; спавшіе покатомъ по всему двору странники въ переполохѣ мятутся, думаютъ, что видятъ бѣса,—и впопыхахъ никто не разберетъ, кто кого деретъ. Словомъ, смятеніе произошло ужасное: шумъ, гвалтъ, суматоха и, въ заключеніе, когда дѣло объяснилось,—скандалъ и соблазнъ, утаить который было такъ же трудно, какъ сберечь секретъ Полишинеля. Нынѣшней газетной гласности, питающейся отъ скандаловъ, при тогдашней тѣснотѣ еще не было, но слухъ, которымъ земля полнится, на другой же день распространился изъ монастыря въ монастырь, оттуда по приходскимъ причтамъ и, наконецъ, дошелъ до мірянъ, между коими рѣдко кто не зналъ чудака іеродіакона Ан—ія. Онъ, съ его нелѣпымъ басомъ, гигантскимъ сложеніемъ, завитыми кудрями и щегольскими черными бархатными рясами, то на желтомъ, то на голубомъ атласномъ подбоѣ, слишкомъ билъ въ глаза каждому. Я никогда не слыхалъ, чтобы инокъ Ан—ій былъ особенно прославляемъ за свое благочестіе, какъ аскетъ, но его лю-

били, какъ простяка, за его наивную и безтолковую, а часто даже комическую удаль, съ которою онъ, напримѣръ, самъ разсказывалъ, что онъ «изнываетъ отъ силы», потому что, по ужасно-крѣпкому своему тѣлосложенію, онъ болѣе не монахъ, а *паразитъ*.

Послѣ этого не должно показаться удивительнымъ, что вѣсть о ночномъ путешествіи лаврскаго «паразита» верхомъ на быкѣ казалась занятною, и многихъ интересовало: какія это будетъ имѣть для него послѣдствія? Но дни проходили за днями, а паразитъ оставался на своемъ мѣстѣ, и строгіе люди стали смущаться: что же это митрополитъ: онъ ослабѣлъ, онъ слишкомъ старъ, или, наконецъ, отъ него все это скрыли? Возможно ли, чтобы за все это безчинное волтижерство такого виднаго инока ему совсѣмъ ничего не было?

Но всѣ эти люди смущались напрасно: происшествіе не осталось безызвѣстнымъ владыкѣ, да это было и невозможно, такъ какъ разгоряченный волъ или самъ занесъ наѣзднika къ митрополичьимъ покоямъ, или же паразитъ нарочно его сюда направилъ. Владыка сталъ на высотѣ своего призванія: онъ взыскалъ съ волтижера и взыскалъ по-своему не только справедливо, но даже строго.

— — — —

Управлявшій тогда лаврскою типографіею, очень образованный монахъ, къ которому я часто хаживалъ учиться гальванопластикѣ, разсказывалъ мнѣ по секрету всю сцену разбирательства этого дѣла у Филарета.

Митрополитъ, имѣя, какъ я сказалъ, превосходнаго намѣстника въ лаврѣ, не захотѣлъ даже ему довѣрить разбора этого необычайнаго дѣла, а рѣшилъ самъ его разобрать и наказать виновнаго *примѣрно*.

Какъ инокъ строгой жизни, онъ, разумѣется, былъ сильно возмущенъ и разгнѣванъ произведеннымъ безпорядкомъ и собирался быть такъ строгъ, что даже опасался, какъ бы не дойти до жестокости.

Приступая къ открытію судьбища, онъ все обращался къ кому-то изъ приближенныхъ къ нему монаховъ и говорилъ:

— Боюсь, что буду жестокъ—а?

Тотъ его успокоивалъ, говоря, что виновный стоитъ сильнаго наказанія.

— Да, стóитъ онъ, дуракъ, стóитъ, но я боюсь, что я буду уже очень жестокъ—а?—твердилъ митрополитъ.

— Ничего, ваше высокопреосвященство! Онъ снесетъ.

— Снесетъ-то снесетъ, но вѣдь это не хорошо, что я буду очень жестокъ.

Насталъ часъ суда, — разумѣется — суда *келейнаго*, происходившаго только въ присутствіи двухъ-трехъ почетныхъ старцевъ.

Виновный, думавшій, что имъ очень дорожатъ за голосъ, мало смущаясь, ожидалъ въ передней, а владыка, весьма смущенный, сѣлъ за столъ и еще разъ освѣдомился у одного изъ приближенныхъ, какъ тотъ думаетъ: не будетъ ли онъ очень жестокъ? И хотя тотъ его успокоилъ, но онъ все еще просилъ:

— А на случай, если я стану жестокъ, то вы мнѣ подговорите за него что-нибудь подобрѣе.

Открылся судъ: ввели подсудимаго, который какъ переступилъ порогъ, такъ и сталъ у двери.

«Жестокій» судья для внушенія страха принасупился, завертѣлъ въ рукахъ свои бѣленькія костяныя чотки съ голубою бисерною кисточкою и зашевелилъ беззвучно губами.

Богъ его знаетъ: изливалъ ли онъ въ этомъ беззвучномъ шопотѣ самыя жестокія слова, которыя намѣревался сказать виновному, или... молился о себѣ и, можетъ-быть, о немъ же. Послѣднее вѣрнѣе.. Но вотъ онъ примѣрился говорить вслухъ и произнесъ протяжно:

— Ишь, кавалеристъ!

Дьяконъ упалъ на колѣни.

Филаретъ привсталъ съ мѣста и, строго хлопнувъ рукою по столу, зашибъ палецъ. Это, кажется, имѣло вліяніе на дѣло: владыка долго дулъ, какъ дитя, на свой палецъ и, получивъ облегченіе, продолжалъ живѣе:

— Что, кавалеристъ!

Виновный упалъ ницъ и зарыдалъ.

Митрополитъ изнемогъ отъ своей жестокости: онъ опять подулъ на палецъ, повелъ вокругъ глазами и, опустясь на мѣсто, закончилъ своимъ добрымъ баскомъ:

— Пошелъ вонъ, кавалеристъ!

Судъ былъ конченъ; послѣдствіемъ его было такое незначительное дисциплинарное монастырское взысканіе, что сторонніе люди, какъ я сказалъ, его даже вовсе и не за-

мѣтили; но митрополитъ, говорятъ, еще не разъ возвращался къ обсужденію *своего* поступка. Онъ все находилъ, что онъ «былъ жестокъ», и когда его въ этомъ разувѣряли, то онъ даже тихонько сердился и отвѣчалъ:

— Ну, какъ же я не жестокъ: а отчего же онъ, бѣдный, плакалъ?

Атлетъ-черноризецъ, котораго терпѣлъ и о которомъ такъ соболѣзновалъ «добрый дидуня», однако, погибъ. По его собственнымъ словамъ, онъ «за свои грѣхи пережилъ своего благодѣтеля», но не пережилъ своей слабости.

Много лѣтъ спустя, въ одну изъ своихъ побывокъ въ Кіевѣ, я ѣздилъ съ моими родными и друзьями погулять въ лѣсистую пустынь Китаевъ. Обходя монастырь, со стороны пруда, надъ бѣлильнымъ токомъ, гдѣ выкладываютъ на солнце струганый воскъ съ свѣчного завода, я увидалъ у св. врамы колоссальную фигуру монаха съ совершенно сѣдою головою и въ одномъ подрясникѣ.

Онъ разговаривалъ съ извѣстною всѣмъ китаевцамъ бродяжкою «монашескою дурочкою», а возлѣ него, безцеремонно держа его за рукавъ, стоялъ послушникъ (по-кіевски *слимакъ*) и урезонивалъ его идти домой.

Я всмотрѣлся въ лицо богатыря и узналъ его: это былъ оный давній «паразитъ», давній мнѣ много красокъ для лица, выведеннаго мною въ *Соборянахъ*, діакона Ахиллы.

Я заговорилъ съ нимъ, но онъ меня не узналъ, а когда я ему напомнилъ кое-что прошлое, онъ вспомнилъ, осклабился, но сейчасъ же понесъ какой-то жалкій, нескладный и безстыдный вздоръ.

Это былъ человѣкъ уже совершенно погибшій: въ немъ умерло все человѣческое,—все, кромѣ того, что не умираетъ въ душѣ самаго падшаго русскаго человѣка: онъ сохранилъ рѣдкую способность—*добро помнить*.

При одномъ имени покойнаго Филарета онъ весь съежился, какъ одержимый, и, страшно стукнувъ себя своимъ могучимъ кулачищемъ въ самое темя, закричалъ:

— Подлецъ я, подлецъ!—я огорчалъ его, моего батьку!— и съ этимъ онъ такъ ужасно зарыдалъ, что слимакъ, сочтя это неприличнымъ, повернулъ его за плечи къ брамѣ, пихнулъ въ калитку и сказалъ:

— Уже годи,—идить до дому. Це у въ васъ опьять водка плачетъ.

Паразитъ пошелъ: крѣпость его, видно, уже ослабѣла, и онъ привыкъ повиноваться,—но плакала въ немъ, мнѣ кажется, все-таки *не одна водка*.

Но возможенъ вопросъ: гдѣ же доказательство, что добрякъ Филаретъ не портилъ служебнаго дѣла своею младенческою простотою и правилъ епархіею не хуже самыхъ непростыхъ?

Доказательства есть, хотя ихъ надо взять не изъ сухихъ цифръ официальнаго отчета, а изъ живыхъ сравненій, какъ говорится, «*отъ противнаго*».

Что̀ оставилъ митрополитъ Филаретъ въ наслѣдіе своимъ наступникамъ? Сплошное, одновѣрное населеніе, самымъ трогательнымъ образомъ любившее своего «старесенькаго дидусю», и обители, въ которыхъ набожные люди осязали духъ схимника Паисія,—этого дивнаго человѣка, тихая слава котораго была равна его смиренію, даже превосходившему смиреніе его владыки.

Онъ завѣщалъ церкви «дитя своего сердца» (племянника) преосв. Антонія, почившаго архіепископа казанскаго, у котораго, можетъ-быть, не было недостатка въ сильныхъ недоброжелателяхъ, но который тѣмъ не менѣе, конечно, небезосновательно, пользовался уваженіемъ и любовью очень многихъ людей въ Россіи, ожидавшихъ отъ него большихъ услугъ церкви.

А посему можно думать, что Русь судитъ о церковномъ правительствѣ митрополита Филарета Амфитеатрова правильно: она держится въ этомъ словъ своего Божественнаго Учителя: «*дерево узнается по плодамъ*» (Мо. 12, 33).

Не мнѣ одному, а многимъ, давно кажется удивительнымъ: почему такъ много говорится объ «истинномъ монашествѣ» митрополита Филарета московскаго и, при этомъ, *никогда* не упоминается объ *истиннѣйшемъ* монахѣ Филаретѣ кіевскомъ *). Не держа ни одного слова сказать про-

*) Строки эти были уже набраны, когда на страницахъ журнала «*Русскій Архивъ*» появились безцѣнныя извѣстія, восполняющія нравственный обликъ митр. Филарета Амфитеатрова и характеризующія отношенія къ нему императора Николая Павловича.

тивъ перваго, я все-таки имѣю право сожалѣть, что его монашество какъ-будто совсѣмъ застилаетъ того, кого еще при жизни звали не иначе, какъ «*нашъ ангелъ*». Вся жизнь митрополита Филарета Амфитеатрова можетъ быть поистинѣ названа *самою монашескою* въ самомъ наилучшемъ понятіи этого слова... Но кажется и объ этихъ высокихъ людяхъ надо сказать то, что Сократъ сказалъ о женщинахъ, т. е. что «лучше всѣхъ изъ нихъ та, о которой нечего разсказывать», — или, по крайней мѣрѣ, нечего разсказывать въ апологіяхъ, а достаточно вспомнить ненастнымъ вечеромъ, у домашняго очага, гдѣ тѣло согрѣвается огонькомъ, а душа тихою бесѣдою о *добромъ человѣкѣ*.

Память подобныхъ людей часто не имѣетъ мѣста въ исторіи, но зато она легко переходитъ въ *житія*, — эти священныя саги, которыя благоговѣйно хранитъ и *чтитъ* память народовъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Отъ милостиваго Филарета кіевскаго перейдемъ къ другому, тоже очень доброму старцу, епископу Н—ту. Этотъ былъ въ иномъ — гораздо болѣе веселомъ родѣ, но тоже чрезвычайно простъ, а при всемъ этомъ правилъ епархіею такъ, что оставилъ ее своему наступнику ничуть не хуже иныхъ прочихъ.

Въ отдаленной восточной епархіи, гдѣ недавно «окончилъ жизнь свою смертію» пр. Н—ть, находятся большія имѣнія

Когда возобновляли великую церковь Кіево-Печерской Лавры, мѣстные художники закрыли старинныя фрески новою живописью, масляными красками. Это считалось и тогда преступленіемъ, а потому была назначена комиссія, и синодъ постановилъ митрополиту Филарету сдѣлать выговоръ. Государь написалъ на докладѣ: «Оставить старика въ покоѣ; мы и такъ ему насолили».

Въ первый затѣмъ пріѣздъ государя въ Лавру, митрополитъ Филаретъ, послѣ обычнаго молебствія, указавъ на группу черницовъ, сказалъ:

— «Вотъ, ваше величество, художники, расписывавшіе храмъ».

— «Кто ихъ училъ?»—спросилъ государь.

— «Матерь Божія»,—отвѣчалъ простодушно владыка.

— «А! въ такомъ случаѣ и говорить нечего»,—замѣтилъ императоръ.

Судя по времени, къ которому относится этотъ разсказъ, нельзя сомнѣваться, что въ числѣ художниковъ, получившихъ непосредственные уроки отъ Матери Божіей, былъ представленъ и знаменитый от. Иларіонъ, писавшій святыхъ «на одно лицо».

г-на N., очень богатаго и чрезвычайно набожнаго человѣка, устроившаго себѣ житницу отъ винныхъ операцій *). Набожность г-на N. такъ велика, что близкіе люди этого праведника, не будучи въ состояніи оцѣнить это настроеніе, готовы были принять ее за требующую лѣченія манію.

Иноческое фантазированіе довело этого человѣка до того, что онъ совсѣмъ очудачѣлъ. Онъ не только «цѣлоденно молился», но даже спалъ въ какой-то освященной «срачицѣ», опоясанный пояскомъ съ мощей св. Митрофана, въ рукавичкахъ св. Варвары и въ шапочкѣ Іоанна Многострадальнаго, а проснувшись, занимался химіей: дробилъ «херувимскій ладанъ» изъ пещеры гроба и гомеопатически разсыропливалъ св. елей и воду для раздачи несчастнымъ.

Эти благочестивыя занятія, однако, ему тоже были вмѣнены въ вину и отнесены къ наученію монашескому, хотя можетъ-быть химикъ получилъ пристрастіе къ подобнымъ занятіямъ гораздо ранѣе. Таковъ этотъ замѣчательный человѣкъ и понынѣ: онъ—строитель церквей, постникъ и ненасытный любитель странниковъ, монаховъ, а наипаче чтитель архіереевъ, съ которыми неустанно ищетъ сближенія—желаетъ отъ нихъ *освятиться*. Когда онъ долго не сподобляется архіерейскаго благословенія натурою, онъ испрашиваетъ онаго письменно. Въ обширныхъ помѣстьяхъ N., соединенныхъ въ той же отдаленной глухой мѣстности, до сихъ поръ водятся «пустынники», которыхъ онъ завелъ, и онъ же ихъ кроетъ отъ нескромныхъ очей міра и особенно отъ полицейскихъ властей. Это разведеніе и сбереженіе пустынниковъ стоитъ дорого и, вдобавокъ, N. не мало претерпѣваетъ отъ нихъ и за нихъ, такъ какъ они порою балуются и попадаются въ дѣлахъ непустынническихъ. Въ собственныхъ селахъ N. самыя лучшія церкви, въ которыхъ всегда все въ исправности: чистота, порядокъ, книжный обиходъ, утварь и ризница, — словомъ, все благолѣпіе въ велелѣпіи. А въ селѣ, гдѣ живетъ самъ N., «храмъ сіяетъ», при немъ два штата и ежедневное служеніе, которое изму-

*) Извѣстный авторъ сочиненія о томъ, какимъ святымъ въ какихъ случаяхъ надо молиться, пермскій протоіерей Поповъ напечаталъ, будто весь наступающій разсказъ, конечно очень несправедливый, касается одного *пермскаго* епископа и *пермскаго* же помѣщика г-на П. Д. Д—ва. Пусть это такъ и остается, какъ постарался правдивый протоіерей о. Поповъ.

ченные г-номъ N. священнослужители называютъ «безчеловѣчнымъ», оттого, что при немъ не присутствуетъ *ни одного человѣка*. Таковъ уставъ благочестиваго владѣльца, которому, конечно, не смѣетъ и подумать возражать вполнѣ отъ него зависимый причтъ духовенства.

Къ лицамъ бѣлаго духовенства N. строгъ до немилосердія и докучливъ даже болѣе, чѣмъ покойный Андрей Николаевичъ Муравьевъ, котораго, какъ извѣстно, звали въ шутку то «несостоявшимся оберъ-прокуроромъ», то «генералъ-инспекторомъ паномарства». Впрочемъ, при огромномъ ихъ сходствѣ по ревности къ храму и по лютости къ храмовымъ служителямъ, они совсѣмъ не похожи другъ на друга въ томъ отношеніи, что покойный Андрей Николаевичъ былъ знатокъ церковныхъ уставовъ и порядковъ и могъ въ нихъ наставить иного настоятеля, а у г. N. такого знанія нѣтъ. Кромѣ познаній въ химіи и гомеопатическихъ дѣленіяхъ освященныхъ твердыхъ тѣлъ и жидкостей, онъ во всемъ церковномъ человѣкъ кругомъ темный, и оттого у него нѣтъ той рѣшительности и смѣлости, которыми былъ одержимъ А. И. Муравьевъ, державшій произносить осужденіе не только священникамъ и священноиноками, но даже преосвященнѣйшимъ владыкамъ и всему ихъ святѣйшему собору. N. неповиненъ въ такихъ знаніяхъ, но зато не виноватъ и въ продерзостяхъ, за кои А. И. Муравьевъ, вѣроятно, порядкомъ посудится съ обработанными имъ чернецами *).

*) До чего покойный Андр. Ник. Муравьевъ негодовалъ на высшихъ представителей церкви, могутъ знать только тѣ, кто видалъ его въ послѣдній годъ его жизни, когда онъ контрировалъ, Богъ-вѣсть изъ-за чего, съ митрополитомъ Арсеніемъ. Раздраженіе противъ сего владыки приводило Андрея Николаевича въ состояніе величественнаго пафоса, въ которомъ онъ даже пророчествовалъ, предсказывая, косою смертью будутъ вскорѣ скончаваться самые величественные столпы церкви. Но предусмотрительный митрополитъ Арсеній, до котораго, вѣроятно, доходили отголоски этого пророчества, повелъ дѣло такъ тонко, что пережилъ Андрея Николаевича и успѣлъ ему хоть мертвому сдѣлать самую чувствительную непріятность: онъ затрудилъ его выносъ и погребеніе въ Андреевской церкви и чуть не успѣлъ совсѣмъ лишить его права почивать подъ сводами храма. Остальныя пророчества, которыхъ я былъ слушателемъ, тоже еще не исполнились: всѣ возмущавшіе покой Андрея Николаевича «вредоносцы церкви»—здравы и невредимы. Но если онъ невѣрно пророчествовалъ, то вознаградилъ это удивительною законченностью своего собственнаго жизненнаго пути. Цѣлую жизнь инспектируя священнодѣйствія, онъ умеръ въ этихъ же самыхъ занятіяхъ. Накануѣ смерти онъ пожелалъ особороваться. Таинство это, во главѣ другихъ лицъ,

Г-нъ Н. не таковъ: онъ простецъ и беретъ все отъ одного вдохновенія,—отчего ему угодить трудно и даже невозможно, если блюсти свое правило и хоть немножко хранить свое достоинство, о коемъ позволяетъ заботиться Сирахъ. — Составляя себѣ придворный штатъ духовныхъ, N., обыкновенно, собиралъ кондуитъ человѣка изъ архива всѣхъ четырехъ вѣтровъ и вообще мѣнялъ и перемѣнялъ лицъ до тѣхъ поръ, пока найдется искусникъ ему по обычаю. Тутъ бываетъ отпускъ, пока подъ ловкача не подберется мастеръ еще ловчѣе. Игра идетъ до тѣхъ поръ, пока увидятъ, что сѣвшій на мѣсто новый священнослужитель основательно овладѣлъ своимъ господиномъ. Для этого же нужны: во-первыхъ, чувствительность въ служеніи; во-вторыхъ, любовь къ «таинственнымъ уединеніямъ» въ лѣсахъ или на верхней горницѣ; въ-третьихъ, равнодушіе и сухость къ женѣ, и, въ-четвертыхъ, подъ секретомъ сообщенный тайный обѣтъ монашества. Все это ловкіе люди находятъ возможность продѣлывать вполнѣ удовлетворительно, а когда N. такими ихъ заслугами его вкусу расположится въ ихъ пользу, тогда и ему начинаютъ открываться ихъ заслуги передъ небомъ: онъ сподобляется видѣть сіяніе или около лица самого священника, или вокругъ потира, который тотъ износитъ. Съ этихъ поръ дѣло священнослужителя становится крѣпко, и если бы N. послѣ этого даже самъ увидалъ такового дивотворца въ часы уединенія играющаго въ верхней горницѣ въ карты, или сидящаго зимою, подъ вечерокъ, у печки, обнявшись съ женою, то все это ему не только проститъ,

---

совершалъ Филаретъ (Филаретовъ), бывшій викарій уманскій, нынѣ епархіальный архіерей рижскій. Больной во время соборованія былъ уже такъ слабъ, что не подавалъ голоса. Но когда служба была окончена, и архіерей сталъ разоблачаться, умирающій, ко всеобщему удивленію, совсѣмъ неожиданно произнесъ:

— «Благодарю: таинство совершено по чину».

Таковы были его послѣднія слова на землѣ.

Этою, какъ нельзя болѣе отвѣчающею всегдашнему его настроенію фразою Муравьевъ окончилъ свою генералъ-инспекторскую службу русской церкви и доказалъ, что онъ былъ одинъ изъ рѣдкихъ, типическихъ, послѣдовательныхъ и вполнѣ законченныхъ характеровъ. По крайней мѣрѣ, его не могутъ превзойти ни старый Домби у Чарльза Диккенса, ни та старушка у Тургенева, которая сама хотѣла заплатить рубль за свою отходную. Эта послѣдняя черта, по моему мнѣнію, непремѣнно должна бы украсить біографію «несостоявшагося оберъ-прокурора», которая, вообще, могла бы быть очень интересною.

но даже и не вмѣнитъ въ вину, а отнесетъ къ «искушенію», отъ котораго праведному человѣку трудно укрыться. Для того «преобладающу грѣху и преизбыточествуетъ благодать».

Изъ того, что̀ мною вкратцѣ сказано, знатокамъ церковно-бытовой жизни, конечно, будетъ довольно понятно, коего сорта набожность и благочестіе у самого г. N. и коего духа люди могутъ уживаться съ нимъ и угождать *его благочестію*... Для несвѣдущихъ же пояснять это долго и, можетъ-быть, опасно, — «да не соблазнится ни единъ отъ малыхъ сихъ». Но весь этотъ отмѣнный подборъ отмѣнныхъ духовныхъ не могъ умолить Провидѣніе, чтобы всѣ женатые сыновья и замужнія дочери г. N. овдовѣли и ушли въ монастырь, куда онъ и самъ желалъ бы уйти, чтобы тамъ «помириться съ Богомъ».

Изъ всѣхъ своихъ родныхъ N. сподобился устроить въ монашество только одного, запутавшагося въ дѣлахъ, свояка, но и то неудачно. Тотъ оказался до такой степени легкомысленнымъ, что даже изъ монастыря давалъ поводы къ соблазну младшимъ. Такъ, напр., получивъ, однажды, письмо отъ племянницы, институтки, онъ написалъ ей: «не адресуй мнѣ *его благородію*: я уже монахъ, а монахъ благороднымъ быть не можетъ». И этотъ бѣдный инокъ, хотя и былъ скоро поставленъ въ іеромонахи К—го монастыря, но не выдержалъ, запилъ и умеръ.

Вся семья N., очень многочисленная и очень почтенная, тоже не тяготѣетъ къ иночеству. Молодые люди, осемьянившись, нѣжно любятъ свои семейства и религіозны, въ свою мѣру, по-русски; съѣзжаясь лѣтомъ къ отцу, они даже прекрасно поютъ на клиросѣ сельской церкви, и никакихъ религіозныхъ сомнѣній и споровъ не любятъ. Если же промежду ихъ случайно явится безпокойный совопросникъ, то такового отсылаютъ обыкновенно «переговорить съ батюшкой»; а этого, сколько извѣстно, всякій еретикъ боится хуже огня геенскаго и продолжительнаго разговора о религіи съ нимъ не выдержитъ. Словомъ, всѣ дѣти N. простые, добрые, очень милые люди, безъ всякой *хлыщеской претенціозности*.

Преосвященный Н — ть поступилъ изъ г. В. въ г. П. послѣ архіерея суроваго, большого постника, съ которымъ старый N. былъ въ наилучшихъ отношеніяхъ и желалъ

точно такія же отношенія учредить съ П. Но при первомъ же визитѣ у нихъ дѣло пошло неладно.

N. явился къ новому владыкѣ съ нѣкогда знаменитымъ цензоромъ г. Z., святошество котораго на многихъ дѣйствовало непріятно. Владыка, добрый, весьма почтенный старичокъ, еще не совсѣмъ отдохнулъ и, къ тому же, былъ еще разстроенъ тѣмъ, что доставшійся ему двухъэтажный домъ въ г. П. былъ гораздо хуже одноэтажнаго дома въ г. В., а поправлять его было *не на что*. Да, буквально не на что!... Архіерей былъ *бѣденъ* и хотя у него было триста руб., которые онъ, по его словамъ, «заработалъ честнымъ трудомъ», но онъ поэтому-то и не хотѣлъ отдать ихъ на поправку архіерейскаго дома. Притомъ же ему было досадно, что его *повысили*,— при переводѣ произвели изъ епископовъ въ архіепископы, а болѣе существеннаго ничего не дали. Онъ этимъ обижался, находя, что ему «позолотили пилюлю». Вдобавокъ ко всему, владыка отдыхалъ отъ своего весьма дальняго пути и несовсѣмъ хорошо себя чувствовалъ, а петерпѣливые благочестивцы въ это время на него набѣжали. Усталый архіерей началъ позѣвывать и замѣчать:

— Не къ дождю ли? что-то моритъ...

И, дѣйствительно, пошелъ дождикъ, сначала маленькій, а потомъ и большой.

— Эге, да вамъ надо зонтъ,— сказалъ владыка и велѣлъ подать зонтикъ, съ которымъ онъ имѣлъ привычку гулять по саду.

Оба святоши встали, но вотъ новая бѣда: оба они считали слишкомъ большою для себя честью «идти подъ *владычнымъ* зонтикомъ» и стали перекоряться.

— Нѣтъ, я не могу, я чувствую, что я не достоинъ идти подъ владычнымъ зонтикомъ.

— А нѣтъ, уже идите вы,— я еще менѣе достоинъ держать владычный зонтикъ.

И все это у самаго крыльца, подъ окнами у владыки, а дождь ихъ такъ и поливаетъ.

Въ это время откуда ни возьмись какой-то балда и говоритъ:

— Оба вы не достойны ходить съ владычнымъ зонтикомъ, а потому я его у васъ беру.

И съ этимъ, хвать! да и былъ таковъ, а глядѣвшій на все это владыка, вмѣсто того, чтобы разсердиться и послать погоню, расхохотался и говоритъ:

— А что же такое: это резонитъ! онъ умно разсудилъ! Что за святыня, взаправду, въ моемъ зонтикѣ?

N. и Z. долго ломали головы: какъ могъ такъ опрометчиво сказать владыка и не есть ли это своего рода нигилистическая ересь?

Вскорѣ затѣмъ синклитъ сталъ собираться лѣтомъ сдѣлать объѣздъ части своей обширной епархіи. Узнавъ объ этомъ, N. тотчасъ же просилъ его не лишить своего посѣщенія его «пустынку» и благословить его дѣтей, которыя обыкновенно съѣзжаются къ старику на лѣто изъ Петербурга.

Владыка едва-ли считалъ нужнымъ быть въ «пустынкѣ», гдѣ, какъ онъ достаточно зналъ, благодаря усердію помѣщика, не только все внѣшнимъ образомъ исправно, но даже великолѣпно; однако, по добротѣ своей и по отличавшему его неумѣнію говорить слово «нѣтъ», онъ склонился на просьбу N. и далъ ему обѣщаніе быть у него въ гостяхъ около Петрова дня.

Къ Петрову дню молодые люди, живущіе обыкновенно въ столицѣ, всегда пріѣзжали на отдыхъ къ отцу въ «пустынку», и потому обѣщаніе архіерея было во всѣхъ отношеніяхъ удобно и пріятно для благочестиваго хозяина. Загодя еще объ этомъ было возвѣщено мѣстнымъ причтамъ, которые сейчасъ же и взялись за Божіе дѣло», т.-е. начали тщательно перетирать всѣ вещи въ храмѣ и мыть стекла, а самъ N. въ это время блаженствовалъ за хлопотами по приготовленію помѣщенія для владыки. Ему, разумѣется, устраивали покои въ домѣ, а во флигеляхъ для его свиты, которая у прежнихъ здѣшнихъ архіереевъ всегда была очень обширна. Въ покои владыки наставили иконъ и настлали передъ ними ковровъ, чтобы его преосвященству «не грубо было кланяться», а въ свитскихъ покояхъ, во флигелѣ, учредили «столы», такъ чтобы все, могущее здѣсь произойти, произошло *скромно*. N. былъ увѣренъ, что, когда здѣсь вся челядь будетъ питаться, онъ съ владыкою поведетъ цѣломудренную Никодимову бесѣду и сподобится самъ прочесть его высокопреосвященству полунощницу.

Затѣмъ, оставалось только ждать этой радости и притомъ недолго: около Петрова дня, въ самую веселую сельскую пору уборки покосовъ, въ «пустынку» прискакалъ за десять верстъ выставленный N. нарочный съ извѣстіемъ, что владыка ѣдетъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ

И. тотчасъ же сѣлъ въ экипажъ и поскакалъ навстрѣчу «дорогому гостю».

Помѣщикъ выѣхалъ одинъ, потому что не считалъ удобнымъ представлять владыкѣ дѣтей на дорогѣ и, къ тому же, онъ не зналъ, «какъ его преосвященство съ нимъ обойдется». Послѣ происшествія съ «владычнымъ зонтикомъ» N. нѣсколько сомнѣвался насчетъ владыки, и сомнѣвался даже до такой степени, что не былъ увѣренъ, удостоитъ ли владыка пересадить его къ себѣ въ карету, какъ это дѣлали всѣ его предшественники, или же оставитъ его скакать по-полицмейстерски спереди или сзади. Это, и въ самомъ дѣлѣ, могло серьезно озабочивать N., потому что онъ очень любилъ почетъ, и всѣ прежніе и -скіе владыки обыкновенно сажали его съ собою въ карету. Отчего же было его этимъ не утѣшить, особенно послѣ такой *двусмысленной* исторіи съ «владычнымъ зонтикомъ», которую человѣкъ болѣе рѣшительный назвалъ бы просто «владычнымъ нигилизмомъ»?

И вотъ, съ небольшимъ черезъ полчаса, на пологомъ косогорѣ, далеко видномъ съ верхняго этажа дома, показался быстро несшійся столбъ пыли, а въ немъ архіерейскій поѣздъ, который, однако, оказался очень малымъ. Къ храму подскакали только тряскія дрожки, въ которыхъ сидѣлъ нѣсколько недовольный или смущенный N., а въ каретѣ очень простой старичокъ съ добродушнымъ лицомъ, въ черномъ клобучкѣ, за нимъ же, въ заднемъ кабріолетѣ за каретою, человѣкъ, который одинъ и составлялъ *всю свиту* архіерея. Это, между прочимъ, было одною изъ причинъ замѣтнаго на лицѣ хозяина смущенія. N. не привыкъ къ такой простотѣ и считалъ ее новымъ признакомъ всюду проникающаго нигилизма, который могъ имѣть дурное вліяніе не только на крестьянъ, но и на дѣтей владѣльца и на самое духовенство. Къ тому же, эта, столь желанная и столь благодѣтельная для бѣднаго сельскаго духовенства, простота оставляла безъ употребленія многое изъ приготовленнаго къ угощенію предполагаемой обширной компаніи и портила весь эффектъ встрѣчи. Даже и «исполластидесното» некому было грянуть при входѣ владыки. Какъ хотите судите, а добрый православнистъ не могъ оставаться спокоенъ и доволенъ, видя такое «разореніе отеческаго обычая».

Но. кромѣ того, N. имѣлъ еще сугубое огорченіе въ томъ, что владыка не только не посадилъ его въ карету, а даже «уязвилъ его» за усердіе. А именно, онъ просто раскланялся съ N. въ окно и спросилъ:

— Куда поспѣшаете? вѣрно по дѣлу хозяйственному? Резентъ! Дѣла прежде всего, а я и безъ васъ справлюсь.

— Нѣтъ, какъ можно, владыка! Я нарочно выѣхалъ навстрѣчу вашему преосвященству.

— А для какой причины?

N. смѣшался: онъ не ожидалъ такого страннаго вопроса и отвѣчалъ:

— Такъ.... хотѣлъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Ну, вотъ! эко дѣло какое! Это и дома бы можно.

— Хотѣлъ благословенія, владыко....

— Ага! благословенія; ну, Боже васъ благослови, —отвѣчалъ владыка: — а теперь садитесь же поскорѣй на свое мѣсто да погоняйте. Жарынь, я усталъ, въ холодокъ хочется.

И. усадивъ N. на его прежнее мѣстечко, владыка прикатилъ, какъ доселѣ ѣхалъ, одинъ въ своей каретѣ и затѣмъ непосредственно началъ рядъ крайне смущавшихъ благочестиваго хозяина «странныхъ поступковъ, въ нигилистическомъ штилѣ».

Во-первыхъ, епископъ ходилъ скоро и когда, при вступленіи его въ церковь, дѣти помѣщика (между коими одинъ былъ въ мундирѣ кавалерійскаго офицера) пропѣли «Достойно есть» и «исполатіе», то онъ остановился и слушалъ ихъ съ большимъ вниманіемъ и удовольствіемъ, а потомъ похвалилъ ихъ и, скоро обойдя храмъ, опять принялся хвалить ихъ стройное пѣніе. Узнавъ же отъ молодыхъ людей по выходѣ изъ церкви, что они составляютъ домашній хоръ, которымъ исполняютъ оперное хоровое пѣніе, пожелалъ послушать ихъ *свѣтское пѣніе*. Это старому N. казалось уже совсѣмъ соблазнительно, а молодые съ удовольствіемъ спѣли для епископа нѣсколько мѣстъ изъ «Жизни за Царя» и изъ «Руслана», а также изъ «Фауста» и изъ «Пророка».

Владыка все слушалъ и все одобрялъ. Затѣмъ, усмотрѣвъ, что не далеко передъ домомъ на лужайкѣ убираютъ сѣно, онъ захотѣлъ пройтись на покосъ и былъ такъ простъ, что взялъ изъ рукъ одной дѣвушки грабли и самъ прогребъ

рядъ сухого сѣна. А на обратномъ пути съ сѣнокоса къ дому, повстрѣчавъ возы съ сѣномъ, онъ до того увлекся мірскими воспоминаніями, что проговорилъ изъ козловскаго «Чернеца»:

— Вотъ возъ, укладенный снопами,
И на возу, среди сноповъ,
Сидитъ въ вѣнкѣ изъ васильковъ
Младенецъ съ чудными глазами.

И опять все простое свѣтское, а ничего ни о попахъ, ни о дьяконахъ, и вообще ни о чемъ божественномъ. Къ вечеру же владыка даже пожелалъ половить въ мѣстномъ пруду карасей, смотрѣлъ на эту ловлю съ большимъ удовольствіемъ и не разъ ее похваливалъ, приговаривая:

— Хорошая работка,—апостольская! Надо быть ближе къ природѣ,—она успокоиваетъ. Іисусъ Христосъ все горки любилъ, да при озерцахъ сиживалъ. Хорошо надъ водою думать.

И такъ онъ провелъ весь день, совсѣмъ безъ всякихъ разговоровъ о странникахъ и юродивыхъ, и, покушавъ чаю, отказался отъ ужина и попросилъ себѣ только «Христова кушанья», т.-е. *печеной рыбки*. Затѣмъ онъ ушелъ въ отведенныя ему комнаты, но отъ услугъ N., который его сопровождалъ и просилъ позволенія прочитать ему полунощницу, отказался, сказавши:

— До полунощи еще далеко; я тогда самъ помолюсь, а пока пришлите-ка мнѣ какой-нибудь журнальчикъ.

— Какой прикажете, владыка: «Странникъ» или «Православный Собесѣдникъ»?

— Ну, эти я дома прочту, а теперь нѣтъ ли—гдѣ господинъ Щедринъ пишетъ?

Старый N. этого не понялъ, но молодые поняли и послали владыкѣ «Отечественныя Записки», которыя тотъ и читалъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока ему приспѣлъ часъ становиться на полунощницу. Своего дѣла онъ, несмотря на всю усталость, не опустилъ,- огонь въ его окнахъ свѣтился далеко за полночь, а рано утромъ, на другой день, епископъ уже далъ духовенству аудіенцію, но опять очень странную: онъ переговорилъ съ духовенствомъ *на ходу*,—гуляя по саду, и потомъ немедленно сталъ собираться далѣе въ путь, въ городъ О.

Бенефисъ, который готовилъ себѣ въ архіерейскомъ посѣщеніи N.. совершенно не удался и только «высокое почтеніе къ сану» воздерживало хозяина отъ критики «не по поступкамъ поступающаго» гостя. Зато младшее поколѣніе было въ восторгѣ отъ милой простоты владыки. и владыка, въ свою очередь, повидимому, чувствовалъ искренность сердечно возлюбившей его молодежи.

Это можно было видѣть изъ всего его поведенія и особенно изъ того. что, не соглашаясь оставаться обѣдать по просьбѣ самого N.. онъ не выдержалъ и сдался, когда къ нему приступили съ этою просьбою кавалеристъ, два студента и молодыя дѣвушки и дамы. Онъ ихъ только спросилъ:

— Но для какой же причины я долженъ еще остаться?

— Да намъ, ваше преосвященство, хочется съ вами побыть.

— А по какой причинѣ вамъ такъ хочется?

— Такъ... съ вами очень пріятно.

— Пріятно!

Владыка улыбнулся и отвѣчалъ:

— Ну. если пріятно, такъ резентъ: я остаюсь. — только вы мнѣ за это хорошенько попойте.

И онъ остался, попросивъ хозяина не безпокоиться особенно объ его обѣдѣ, потому что онъ все «предлагаемое» кушаетъ. Просидѣвъ почти все дообѣденное время въ залѣ, владыка опять слушалъ, какъ ему, подъ аккомпаниментъ фортепіано. пропѣли лучшіе нумера изъ «Жизни за Царя», «Руслана» и многихъ другихъ оперъ.

Откушавъ же. онъ тотчасъ сталъ собираться ѣхать, и карета его была подана во время кофе. Онъ какъ пріѣхалъ одинъ съ своимъ слугою «Сэмэномъ», такъ съ нимъ же однимъ хотѣлъ и уѣзжать. но три молодые брата N. явились къ нему съ просьбою позволить имъ проводить его до г. О.

— А по какой причинѣ меня надо провожать? — спросилъ владыка.

— Здѣсь глухая дорога. ваше преосвященство.

— А я не боюсь глухой дороги: у меня денегъ только триста рублей, и тѣ честнымъ трудомъ заработаны.

— Да намъ хочется васъ провожать, владыка.

— А если хочется... это резентъ,—сопровождайте.

И поѣздка состоялась съ провожатыми. Архіерей сѣлъ, какъ пріѣхалъ, въ свою карету, а впереди его курьерами снарядились въ большомъ казанскомъ тарантасѣ три рослые молодца: мировой посредникъ, офицеръ и университетскій студентъ. Самъ хозяинъ, видя, что его владыка не приглашаетъ, остался дома. Онъ удовольствовался только тѣмъ, что проводилъ поѣздъ за рубежъ своихъ владѣній и, принимая здѣсь прощальное благословеніе отъ архіерея, выразилъ ему свою о немъ заботливость.

— Въ О. тамъ ничего нельзя достать, владыка, такъ вы меня не осудите.

— А по какой причинѣ я васъ могу осуждать?

— Я велѣлъ кое-что сунуть вашему слугѣ подъ сидѣнье.

— А что именно вы подъ моего Сэмэна подсунули?

— Немножко закусочекъ и... пипучаго.

— А для чего пипучаго?

— Пусть будетъ.

— Ну, резентъ; пусть будетъ. Сэмэнъ, сохрани, другъ подъ тебя подложенное.

И съ тѣмъ хозяинъ возвратился, а поѣздъ тронулся далѣе.

— — —

Отъ «пустыники» до города О. на хорошихъ разгонныхъ коняхъ ѣздятъ одною большою упряжкою, и владыка, выѣхавшій послѣ ранняго обѣда, долженъ былъ пріѣхать въ городъ къ вечеру. Время стояло погожее, и грунтовыя дороги были въ порядкѣ, а потому никакихъ «непредвидѣнностей» не предвидѣлось, и оба экипажа пронеслись доброе полпути совершенно благополучно и даже весело. Веселости настроенія, конечно, не мало содѣйствовало и то, что путники, скакавшіе впереди въ тарантасѣ, молодые люди, тоже выѣхали не безъ запаса и, притомъ, не закладывали его очень далеко. Но они не совсѣмъ вѣрно разочли и раньше времени замѣтили, что оживлявшая ихъ возбудительная влага исчезла прежде, чѣмъ путь пришелъ къ концу. Достать же восполненіе оскудѣвшаго дорогою негдѣ было... кромѣ какъ у архіерея, которому хлѣбосольный старецъ предупредительно сунулъ что-то подъ его Сэмэна.

И вотъ, расшалившаяся молодежь немножко позабылась и прилла къ дерзкой мысли воспользоваться архіерейскимъ запасомъ. Весь вопросъ былъ только въ томъ: какъ это

сдѣлать? Просто остановиться и попросить у архіерея вина изъ его запаса—казалось неловко, обратиться же за этимъ къ Сэмэну — еще несообразнѣе. А между тѣмъ, вина достать хотѣлось во что бы то ни стало, и желаніе это было исполнено.

Ѣхавшій впереди тарантасъ вдругъ остановился, и три молодые человѣка, въ самыхъ почтительныхъ позахъ, явились у дверецъ архіерейской кареты.

Владыка выглянулъ и, увидавъ стоявшаго передъ нимъ съ рукою у козырька кавалериста, вопросилъ:

— По какой это причинѣ мы стали?

— Здѣсь, ваше преосвященство, въ обычаѣ: на этомъ мѣстѣ всѣ останавливаются.

— А по какой причинѣ такой обычай?

— Тутъ, кто имѣетъ съ собою запасъ, всегда тосты пьютъ.

— Вотъ-те на! А по какой же это причинѣ?

— Съ этого мѣста... были замѣчены первыя мѣсторожденія рудъ, обогатившихъ отечественную промышленность.

— Это резонъ! — отвѣтилъ владыка: — если сіе справедливо, то я такому обычаю не противникъ.

И, открывъ у себя за спиною въ каретѣ форточку, черезъ которую онъ могъ отдавать приказанія помѣщавшемуся въ заднемъ кабріолетѣ Сэмэну, скомандовалъ:

— Сэмэнъ, шипучаго!

Сэмэнъ открылъ свои запасы, пробка хлопнула, и компанія, распивъ бутылку шампанскаго, поѣхала далѣе.

Но проѣхали еще верстъ десять, и опять тарантасъ сталъ, а у окна архіерейской кареты опять три молодца, предводимые офицеромъ съ рукою у козырька.

Владыка снова выглянулъ и спрашиваетъ:

— Теперь по какой причинѣ стали?

— Опять важное мѣсто, ваше преосвященство.

— А по какой причинѣ оно важно?

— Здѣсь Пугачовъ проходилъ, ваше преосвященство, и былъ разбитъ императорскими войсками.

— Резонъ,—и хотя фактъ сомнителенъ, чтобы это было здѣсь, но, тѣмъ не менѣе, Сэмэнъ, шипучаго!

Прокатили еще, и опять тарантасъ стоитъ, а молодые люди снова у окна кареты.

— Еще по какой причинѣ стали?—освѣдомляется владыка.

— Надо тостъ выпить, ваше преосвященство.

— А по какой причинѣ?

— Здѣсь, ваше преосвященство, самая высокая сосна во всемъ уѣздѣ.

— Резонтъ, — и хотя фактъ совершенно недостовѣренъ, но, Сэмэнъ, пипучаго!

Но «Сэмэнъ» не отвѣтилъ, а звавшій его владыка, глянувъ въ форточку, всплеснулъ руками и воскликнулъ:

— Ахъ-ти мнѣ! Мой Сэмэнъ отвалился!

Происшествіе случилось удивительное: за каретою, дѣйствительно, не было не только Сэмэна, но не было и всего задняго кабріолета, въ которомъ помѣщалась эта особа со всѣмъ, что̀ подъ оную было подсунуто.

Молодые люди были просто поражены этимъ происшествіемъ, но владыка, опредѣливъ значеніе факта, самъ ихъ успокоилъ и указалъ имъ, что̀ надо дѣлать.

— Ничего,—сказалъ онъ:—это событіе естественно. Сэмэнъ отвалился по той причинѣ, что карета и вся скоро развалится. Поищите его поскорѣе по дорогѣ, не зашибся ли?

Тарантасъ поскакалъ назадъ искать отвалившагося Сэмэна, котораго и нашли всего версты за двѣ, совершенно цѣлаго, но весь бывшій подъ нимъ запасъ пипучаго исчезъ, потому что бутылки разбились при паденіи кабріолета.

Насилу кое-какъ прицѣпили этотъ кабріолетъ на заднія долгія дроги тарантаса, а Сэмэна усадили на козлы и привезли обратно къ владыкѣ, который тоже не могъ не улыбаться по поводу всей этой исторіи и, тихо снося довольно грубое ворчаніе отвалившагося Сэмэна, уговаривалъ его:

— Ну, по какой причинѣ такъ гнѣваться? Кто виноватъ, что карета *напьянилась*.

По такомъ финалѣ поѣздъ достигъ города, гдѣ сопровождавшіе владыку молодые люди озаботились тщательно укрѣпить кабріолетъ Сэмэна къ каретѣ и здѣсь, прощаясь съ пр. И—мъ, испросили у него прощенія за свою вчерашнюю шалость.

— Богъ проститъ, Богъ проститъ,—отвѣчалъ владыка.— Ребята добрые, я васъ полюбилъ и угощалъ за то, что согласно живете.

— Но, владыка... вы сами такъ снисходительны и добры... Мы васъ никогда не забудемъ.

— Ну, вотъ! нѣтушки хвалятъ кукука за то, что хвалитъ онъ нѣтушекъ. Меня помнить нечего: умру—однимъ монахомъ поменѣетъ, и только. А вы помните Того, Кто велѣлъ, чтобы всѣ мы любили другъ друга.

И съ этимъ молодежь разсталась съ добрымъ старцемъ навсегда.

Кажется, по осени того же года старшій изъ этихъ трехъ братьевъ, необыкновенно хорошо передававшій manière de parler епископа Н—та, войдя съ пріѣзда въ свой кабинетъ, гдѣ были въ сборѣ короткіе люди дома, воскликнулъ:

— Грустная новость, господа!

— Что такое?

— Семенъ больше уже не дастъ нѣтушкамъ пипучаго! — сказалъ онъ, подражая интонаціи преосвященнаго Н—та.

— А по какой причинѣ?—вопросили его въ тотъ же голосъ.

— Милый старичокъ нашъ умеръ,—вотъ нумеръ газеты, читайте.

Въ газетѣ, дѣйствительно, стояло, что пр. Н—тъ скончался, и скончался въ дорогѣ. Вѣроятно, при немъ былъ его «Семенъ», но какъ о малыхъ людяхъ, состоящихъ при такихъ особахъ, не говорится, то о немъ не упоминалось. Впрочемъ, хотя все это было сказано по-казенному, но, однако, не обошлось безъ теплоты. вѣроятно, совѣмъ не зависѣвшей отъ хроникера. Сказано было о какомъ-то сопровождавшемъ владыку протоіереѣ, которому добрый старецъ, умирая, устно завѣщалъ употребить на доброе дѣло все тѣ же пресловутые триста рублей. «нажитые имъ честнымъ трудомъ» и составлявшіе *все* оставленное этимъ архіепископомъ наслѣдство. Деньги эти онъ всегда носилъ при себѣ, и онѣ оказались въ его подрясникѣ.

Какъ онъ ихъ «нажилъ честнымъ трудомъ», это остается не выясненно, но нѣкто, знавшій покойника, полагаетъ, что, вѣроятно, онъ получилъ ихъ за стѣланный имъ когда-то переводъ какой-то учёной греческой книги.

Наступникъ этого ласковаго и снисходительнаго епископа, ѣздившаго въ ветхой каретѣ и читавшаго на сонъ грядущій сатиры Щедрина, кажется, не имѣлъ никакихъ поводовъ жаловаться, что преемѣстникъ его сдалъ ему епархію въ безпорядкѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

У графини В., рожденной Д., изящной и очень бойкой свѣтской дамы, въ одной ея м ской деревнѣ завелся не въ мѣру деньголюбивый попъ. Онъ притѣснялъ крестьянъ графини до того, что тѣ вышли изъ терпѣнія и не разъ уже на него жаловались.

Но вотъ пріѣхала изъ-за границы навѣстить свои маетности графиня, обыкновенно постоянно проживавшая въ Парижѣ. Крестьяне тотчасъ же пали ей въ ноги, умоляя ея сіятельство «стать за отца за матерь: ослобонить ихъ отъ ворога», причемъ, разумѣется, разсказали всѣ или, по крайней мѣрѣ, многія продѣлки «ненасытнаго» пастыря.

Графиня вскипѣла и позвала къ себѣ «ненасытнаго», но тотъ не только не покаялся, а еще оказался искуснымъ отвѣтчикомъ и нагрубилъ барынѣ вволю.

Пылкая и тогда еще очень молодая дама сейчасъ же написала обо всемъ этомъ самое энергическое письмо владыкѣ, и была увѣрена, что его преосвященство непремѣнно обратитъ вниманіе на ея справедливую просьбу.

Но владыка не отвѣчалъ графинѣ: онъ или совсѣмъ не удостоилъ вниманія ея письмо, или же ея хлопоты о какихъ-то притѣсненіяхъ, чинимыхъ попомъ какимъ-то крестьянамъ, казались ему «суетными». А можетъ-быть и самое нетерпѣніе крестьянъ представлялось ему «малодушествомъ», къ которому онъ стоически относилъ всѣ человѣческія скорби и несчастія. Но графиня, привыкшая къ иному съ нею обхожденію, обидѣлась и послала его преосвященству другое письмо, за другимъ третье, четвертое, пятое, десятое... Владыка все не отвѣчалъ ни однимъ словомъ, и ни о какомъ распоряженіи къ удовлетворенію просьбы графини вѣсти не было.

Не оставалось сомнѣнія, что владыка такъ и преодолѣетъ даму, покрывъ пылъ ея свѣтскаго негодованія своимъ молчаливымъ безучастіемъ «истоваго монаха».

Но на этотъ разъ нашла коса на камень. Оскорбленная невниманіемъ владыки, графиня не хотѣла ему «подарить» этого и, какъ только присѣлъ часъ ея сѣѣнить съ милаго сѣвера къ своимъ сезоннымъ удовольствіямъ въ Парижъ, она призвала безутѣшныхъ крестьянъ и дала имъ слово «сама быть у владыки и не уйти отъ него до тѣхъ поръ, пока попъ будетъ смѣщенъ».

Крестьяне откланялись графинѣ на ея ласковомъ словѣ, но едва ли вѣрили въ возможность его исполненія.

Судьба, однако, опредѣлила иначе.

Графиня повела дѣло своихъ крестьянъ съ свойственною ей энергіею и нетерпѣливостью. Она и мысли не допускала, чтобы это смѣло задержать ее въ городѣ болѣе трехъ-четырехъ часовъ, которые она могла пожертвовать крестьянамъ въ ожиданіи поѣзда, приближавшаго ее къ границѣ. Поэтому она тотчасъ же съ дороги переодѣлась въ черное платье и въ ту же минуту полетѣла къ владыкѣ.

Время было неурочное: владыка *никого* не принималъ въ эти часы, но келейникъ, очутясь передъ такою ослѣпительною, въ свою пору, дамою, съ громкимъ титуломъ и дышащимъ негодованіемъ, энергическимъ лицомъ, оплошалъ и отворилъ передъ ней двери.

Ей только и надо было.

Графиня смѣло взошла въ залъ и, сѣвъ у стола, велѣла «*попросить* къ себѣ владыку».

— Попросить!..

Келейникъ только руки развелъ; но гостья стояла на своемъ: «сію же минуту *попросить къ ней* владыку, такъ какъ она пріѣхала къ нему *по дѣлу церкви*».

— По церковному дѣлу пожалуйте завтра,—упрашивалъ ее шопотомъ келейникъ.

— Ни за что на свѣтѣ: я сейчасъ, сію минуту, должна видѣть владыку, потому что мнѣ некогда; я черезъ полтора часа уѣзжаю и могу опоздать на поѣздъ.

Келейникъ увидалъ спасеніе въ томъ, что графиня не можетъ долго ожидать, и съ удовольствіемъ объявилъ, что теперь владыку рѣшительно нельзя видѣть.

Это ложь, онъ меня приметъ. Я требую, чтобы вы сейчасъ обо мнѣ доложили.

— Помилуйте, спросите у кого угодно, принимаетъ ли кого-нибудь владыка въ эти часы? и вы изволите убѣдиться...

— Нѣтъ, это вы изволите убѣдиться, что вы говорите ложь! Сейчасъ прошу обо мнѣ доложить, или вы увидите, какъ я сумѣю васъ заставить дѣлать то, что составляетъ вашу обязанность.

— Воля ваша, но я не могу.

— Не можете?

— Не могу-съ,—не смѣю.

— Хорошо!

Съ этимъ графиня быстро поднялась съ мѣста, сбросила съ плечъ мантилью и, подойдя къ висѣвшему надъ столомъ зеркалу, стала развязывать ленты у своей шляпки.

Келейникъ смѣшался и уже умоляющимъ голосомъ заговорилъ:

— Что это вамъ угодно дѣлать?

— Мнѣ угодно снять мою шляпу, чтобы было спокойнѣе и терпѣливо ожидать, пока вы пригласите ко мнѣ вашего владыку.

— Но я... извините... я не имѣю права васъ здѣсь оставить...

Но на это графиня уже совсѣмъ не отвѣчала: она только обернулась къ келейнику и, смѣривъ его съ головы до ногъ презрительнымъ взглядомъ, повелительно сказала:

— Отправляйтесь на свое мѣсто! Я устала васъ слушать и хочу отдыхать.

— Отдыхать?!

Послушникъ совсѣмъ опѣшилъ: сатаны въ такомъ привлекательномъ и въ то же время въ такомъ страшномъ видѣ онъ еще не видалъ во всю свою аскетическую практику, а графиня, между тѣмъ, достала бывшій у нея въ карманѣ волюмчикъ новаго французскаго романа и сѣла читать.

Что бы рѣшился предпринять еще далѣе противъ этого навожденія неопасливый келейникъ,—это неизвѣстно. Но, къ его счастью, затруднительному его положенію *поспѣшилъ* на помощь самъ дипломатическій владыка.

По разсказу графини, только-что она раскрыла свою книгу, какъ келейникъ стихъ, а въ противоположномъ концѣ зала *что-то завозилось*.

— Я,— говоритъ графиня,—догадалась, что это, можетъ-быть, *самъ онъ* идетъ на расправу съ моимъ сорванствомъ, но притворилась, что не замѣчаю его появленія, и продолжала смотрѣть въ книгу. Это его, конечно, немножко затрудняло, и я этимъ пользовалась. Онъ не дошелъ до меня на кадетскую дистанцію, т.-е. шаговъ на шесть, и остановился. Я все продолжаю сидѣть и глядѣть въ мою книгу, а сама вижу, что онъ все стоитъ и тихо потираетъ свои,

какъ будто, зябнущія руки... Мнѣ стало жалко старика; и я перевернула листокъ и какъ бы невзначай взглянула въ его сторону. Посмотрѣла на него, но не тронулась съ мѣста, дѣлая видъ, какъ будто я не подозрѣваю, что это самъ *онъ*. Это было для меня тѣмъ болѣе удобно, что онъ былъ въ одной легкой рясѣ и какомъ-то колпачкѣ.

— Увидавъ, что я смотрю на него (продолжаю словами графини), онъ пристально вперилъ въ меня свои проницательные сѣрые глазки и проговорилъ мягкимъ, замирающимъ полушопотомъ:

— Чѣмъ могу вамъ служить?

— Мнѣ нужно видѣть владыку, — отвѣчала я, попрежнему не оставляя своего мѣста и своей книги.

— Я тотъ, кого вы желаете видѣть.

— А, въ такомъ случаѣ, я прошу у вашего высокопреосвященства благословенія и извиненія, что я васъ такъ настойчиво безпокою.

И, бросивъ на столъ свой волюмъ, я подошла подъ благословеніе: онъ благословилъ и торопливо спряталъ руку, какъ бы не желая, чтобы я ее поцѣловала; но на мое извиненіе не отвѣтилъ ни слова, а продолжалъ стоять столбунякомъ.

«О, нѣтъ же, подумала я себѣ: — такъ въ свѣтѣ не водится: объясненіе въ подобной позиціи мнѣ неудобно»,—и я, отодвинувъ отъ стола свое кресло, пригласила его преосвященство сѣсть на диванъ.

Онъ моргнулъ раза два глазами и проговорилъ:

— Я васъ слушаю.

— Нѣтъ,—отвѣчала я: вы извините меня, владыка: я не могу такъ съ вами говорить. Это неудобно, чтобы я сидѣла, а вы меня слушали стоя. Усердно васъ прошу присѣсть и сидя меня выслушать.

При этомъ я, какъ бы опасаясь за его слабость, позволила себѣ подвести его за локоть къ дивану.

Онъ не сопротивлялся и сѣлъ на диванъ, а я на кресло.

Мы оба, казалось, были изрядно взволнованы,—я его невниманіемъ, а онъ моимъ нахальствомъ, и оба нѣсколько времени молчали.

Я начала первая, и скоро, овладѣвъ собою, разсказала ему, кажется, о всѣхъ главнѣйшихъ обидахъ, какія терпятъ

отъ его попа мои крестьяне, и просила дать вмѣсто него въ мое село лучшаго человѣка.

Во время всего моего разсказа я наблюдала владыку и видѣла, что онъ рѣшилъ себѣ ни за что не исполнить моей просьбы. И тутъ моя врожденная отцовская вспыльчивость сказалась во мнѣ до того рѣшительно, что я способна была наговорить ему такихъ вещей, о которыхъ, конечно, сама послѣ бы жалѣла. Но я собрала всѣ свои силы и ждала отвѣта, который послѣдовалъ неспѣшно.

Онъ опять началъ потирать свои руки, взмахнувъ вѣками, а потомъ опять ихъ опустилъ и опять взмахнулъ, и тогда только заговорилъ съ медлительными разстановками:

— Я получилъ... ваши письма...

Воспользовавшись первою паузою, я замѣтила, что «сомнѣвалась въ судьбѣ моихъ писемъ и очень рада, что они дошли по назначенію». А въ сущности это меня еще болѣе бѣсило.

— Да, они дошли, — продолжалъ онъ: я опасаюсь, что вы вовлечены въ заблужденіе...

— О, будьте покойны, владыка, я не заблуждаюсь: все что я вамъ писала и что теперь говорю, — это сущая правда.

— На духовенство... часто клевещутъ.

— Очень можетъ быть, но я сама была свидѣтельницею многихъ поступковъ этого нечестнаго человѣка.

При словахъ «нечестный человѣкъ» владыка опять взмахнулъ вѣками и, остановивъ на мнѣ свои сѣрые глаза, укоризненно молчалъ. Но, видя, что я смотрю ему въ упоръ, и, можетъ-быть, замѣтивъ, что во мнѣ хватитъ теріѣнія пересмотрѣть и перемолчать его, онъ произнесъ:

— И при собственномъ видѣніи... все еще возможна... ошибка.

— Нѣтъ, извините, владыка, — я знаю, что въ томъ, о чемъ я вамъ говорю, нѣтъ ошибки.

Онъ опять замолчалъ и потомъ произнесъ:

— Но я долженъ быть... въ этомъ удостовѣренъ.

— Что же вамъ угодно будетъ считать достаточнымъ удостовѣреніемъ?

— Я велю спросить благочиннаго и... тогда распоряжусь.

— Но это будетъ не скоро—и вы простите меня—я не думаю, чтобы благочинный, его родственникъ, былъ болѣе

достовѣрнымъ свидѣтелемъ, чѣмъ я, дочь человѣка, извѣстную правдивость котораго цѣнилъ государь.

— Я чту память вашего родителя, но... дѣла должны идти въ своемъ порядкѣ.

— Такъ дайте хотя средство унять его какъ-нибудь, пока это дѣло будетъ переходить свои несносные — порядки! — сказала я, чувствуя, что болѣе не могу да и не хочу владѣть собою.

— Прикажите сказать ему... моимъ именемъ, что мнѣ... о немъ доложено.

— Для него ничего не значитъ ваше имя.

Владыка остановилъ свои ручки, но горячливо отвѣтилъ:

— Это... не можетъ быть.

— Нѣтъ, извините: я не пріучена лгать, и если я вамъ это говорю, то это, именно, такъ и есть. Я ему давно говорила, что буду вамъ жаловаться, но онъ отвѣчалъ: «Владыка намъ ни пьетъ, ни поретъ, а намъ пить-ѣсть надо».

И только-что я это проговорила, какъ тихій голосъ владыки исчезъ и угасшій взглядъ его загорѣлся: онъ пристально воззрился на меня во всѣ глаза и, точно выростая съ дивана, произнесъ звучнымъ, сильнымъ и полнымъ голосомъ:

— *Онъ вамъ это сказалъ?!*

— Да,— отвѣчала я:—онъ сказалъ: «владыка намъ ни пьетъ, ни поретъ...»

И не успѣла я повторить всей фразы, какъ въ дрожащей рукѣ владыки судорожно зазвенѣлъ серебряный колокольчикъ, и... я черезъ полчаса могла со станціи желѣзной дороги послать въ деревню извѣстіе, что корыстолюбивый попъ отъ насъ уже взятъ.

Этотъ незначительный случай, я думаю, можетъ показать съ одной стороны, что наши владыки очень осторожны въ своихъ расправахъ съ духовенствомъ и склонны къ рѣшительнымъ мѣрамъ только тогда, когда узнаютъ о недостаткѣ субординаціонной почтительности въ іерархіи. Съ другой же стороны, отсюда можно видѣть, что, при всей прозорливости нашихъ епископовъ, каковою, по мнѣнію многихъ, особенно отличался сейчасъ упомянутый святитель, и они все-таки могутъ погрѣшать и быть жертвами своей довѣрчивости. Такъ это и случилось въ разсказанномъ мною случаѣ. Ко-

рыстолюбивый попъ.—виновный во множествѣ дурныхъ поступковъ,—не виноватъ былъ только въ томъ, что ему навязала приведенная въ азартъ графиня: *онъ никогда не говорилъ погубившихъ его словъ, что «владыка ему не пьетъ, не поретъ»*.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Однако, если бы предшествовавшій случай былъ поставленъ въ вину владыкѣ, который такъ незамѣтно попалъ въ женскія сѣти, то не надо забывать, что этихъ опасныхъ сѣтей иногда не избѣгали даже и такіе святые, которые творили чудеса еще за-живо. Но зато у насъ извѣстны и другіе епископы, которыхъ никакія жены не могли уловить въ свои сѣти. Одинъ изъ таковыхъ, напримѣръ, достойный Іоаннъ Смоленскій, о которомъ ходитъ слѣдующій анекдотъ.

Вскорѣ по прибытіи его въ Смоленскъ, даже едва ли не послѣ первой, совершенной имъ тамъ, службы, двѣ мѣстныя «аристократки» пожаловали въ его пріемную и приказали о себѣ доложить.

Архіерей, между тѣмъ, уже успѣлъ снять рясу и сѣлъ съ стаканомъ чая къ своему рабочему столу, на которомъ, вѣроятно, написаны многія изъ его вдохновенныхъ и глубокихъ сочиненій.

Услыхавъ докладъ о посѣтившихъ его дамахъ, Іоаннъ удивился ихъ желанію его видѣть и, не оставляя своего мѣста, приказалъ докладчику спросить ихъ: «что имъ нужно?»

Тотъ вышелъ и черезъ минуту возвратился съ отвѣтомъ, что дамы пришли «за благословеніемъ».

— Скажи имъ, что я сейчасъ всѣхъ благословилъ въ церкви.

Келейникъ пошелъ съ этимъ отвѣтомъ, но опять идетъ и докладываетъ, что—«дамы желаютъ особо благословиться».

— Скажи имъ, что моего одного благословенія на всѣхъ достаточно.

Келейникъ пошелъ разъяснять безпредѣльность расширяемости архіерейскаго благословенія, но снова идетъ назадъ съ неудачею.

— Требуютъ, говоритъ, чтобы ихъ *особенно благословили*.

— Ну, скажи имъ, что я ихъ и особо благословляю и посылаю имъ это мое особое благословеніе чрезъ твое посредство.

Но келейникъ пошелъ и опять возвращается.

— Онѣ,—докладываетъ,—и теперь не уходятъ.

— Чего же имъ еще нужно?

— Говорятъ, что желаютъ поученія.

— Попроси извинить, я усталъ, а поученіе имъ въ церкви скажу.

Но келейникъ опять возвращается.

— Еще что?—спрашиваетъ епископъ.

— Недовольны: говорятъ, «мы для домашней бесѣды пришли».

Преосвященный, продолжая оставаться за рабочимъ столомъ, протянулъ руку къ полкѣ, на которой у него складывались получаемыя имъ газеты, и, взявъ два нумера «*Домашней Бесѣды*» г. Аскоченскаго, сказалъ келейнику:

— Дай имъ поскорѣе «*Домашнюю Бесѣду*» и скажи, что я тебѣ не позволяю мнѣ о нихъ болѣе докладывать.

Дамы удалились и никогда болѣе не возвращались для домашней бесѣды съ епископомъ, который зато съ этой поры сталъ слыть у нѣкоторыхъ смолянъ нелюдимымъ и даже грубымъ, хотя онъ, на самомъ дѣлѣ, таковымъ не былъ. По крайней мѣрѣ, люди, имѣвшіе счастіе знать его ближе, полны наилучшихъ воспоминаній о пріятности его прямого, искренняго обхожденія и поражавшей всѣхъ прелести его смѣлаго и глубокаго ума и истинно-христіанской свободы мнѣній.

Повторяемый же въ разсказахъ о немъ вышеприведенный анекдотъ съ двумя смоленскими дамами, кажется, нѣтъ нужды относить къ *нелюдимству* покойнаго епископа. Его, можетъ-быть, скорѣе надо отнести къ тому чувству, какое должны были возбуждать въ этомъ умномъ человѣкѣ праздныя докуки, такъ-называемыхъ, «архіерейскихъ барынь», которыя, къ сожалѣнію и къ униженію своего пола, еще и до сихъ поръ въ изобиліи водятся повсюду, гдѣ есть владыки, склонные напрасно баловать ихъ своимъ вниманіемъ и тѣмъ поощрять и развивать въ нихъ суетность, нераспознающую благочестія отъ святошества.

Этотъ анекдотъ также долженъ относиться не къ укоризнѣ нашимъ епископамъ, а, напротивъ, къ похвалѣ ихъ проницательности, и онъ, по моему мнѣнію, прекрасно поясняетъ собою анекдотъ о пріемѣ, котораго достигла графиня В... Смоленскія дамы, докучавшія епископу, такъ

сказать, по ханжеской *рутинѣ*, встрѣтили твердый отпоръ и были отосланы къ «*Бесѣдѣ*» г. Аскоченскаго, а графиня В., настойчиво дѣйствовавшая *по вдохновенію*, была принята и удовлетворена, какъ требовало дѣло.

Кто бы что ни говорилъ, но такая способность отстранить, съ твердостію, мертвящую рутину и отдать должное живому вдохновенію, конечно, говоритъ въ пользу, а не во вредъ того высокаго представленія, какое намъ пріятно имѣть о нашихъ іерархахъ, положеніе коихъ часто бываетъ очень трудно и очень непріятно. Въ обществѣ этого и не воображаютъ, потому что въ обществѣ не знаютъ множества тягостныхъ мелочей архіерейскаго обихода.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Дамы, даже очень благочестивыя, не исключая принявшихъ санъ «ангельскій», имѣютъ удивительную способность доводить нашихъ святителей до прегрѣшеній, которыхъ тѣ, по своей извѣстной праведности, конечно, ни за что бы безъ женской докуки не сдѣлали. Такъ, напр., о покойномъ «Русскомъ Златоустѣ» Иннокентіи таврическомъ (Борисовѣ) извѣстно, что онъ былъ человѣкъ не только умный и даровитый, но и до того свободомысленный, что, бывши кіевскимъ ректоромъ, прощалъ и покрывалъ грубыя, кощунственныя выходки В. П. Аскоченскаго, а въ письмахъ своихъ къ Максимовичу, даже прежде Флуранса, вступался за «душу бѣдныхъ животныхъ». Анекдотовъ о его либерализмѣ было много, и они достовѣрны, хотя добрая ихъ половина свидѣтельствуетъ, что этотъ замѣчательный человѣкъ былъ несвободенъ отъ нѣкотораго фатовства. Однако все это можно совмѣстить и помирить съ многосторонностію увлекавшейся художественной натуры Иннокентія. Но вотъ чему совершенно трудно повѣрить, это что высокопреосвященный либералъ Иннокентій могъ хоть разъ въ жизни драться.

И что же: кто довелъ до такого поступка нашего даровитѣйшаго витію Иннокентія? Женщина и, вдобавокъ, инокиня, и даже игуменья.

Одинъ сотрудникъ пр. Иннокентія по переводу богослужебныхъ книгъ на зырянскій языкъ разсказывалъ мнѣ и многимъ другимъ слѣдующую энергическую расправу «русскаго Златоуста». Владыка Иннокентій служилъ какъ-то въ

вологодскомъ или въ Устюжскомъ женскомъ монастырѣ, сестры котораго вмѣстѣ съ своею игуменьею поднесли ему за это довольно цѣнный образъ. Зная скудость средствъ бѣдной обители, Иннокентій не захотѣлъ принять этого цѣннаго и, притомъ, ему совершенно ненужнаго подарка. Онъ усердно поблагодарилъ мать игуменью и сестеръ, но икону просилъ ихъ оставить у себя. Вѣрно онъ думалъ, что онѣ найдутъ какъ-нибудь средство реализировать произведенныя на нее затраты: поступокъ, конечно, благоразумный и вполнѣ достойный памяти Иннокентія. Послушайся благочестивыя сестры обители своего добраго и резоннаго архипастыря,— все бы прекрасно и обошлось. Но имъ это пришлось не по обычаю, и онѣ-таки доставили образъ въ архіерейскій домъ, гдѣ келейникъ взялся тотъ образъ передать владыкѣ и, яко бы, это и исполнилъ. Благочестивыя сестры добились своего и успокоились.

Прошло не мало времени; владыка занимается своими учеными трудами и свѣряетъ съ сотрудникомъ зырянскія книги, какъ вдругъ однажды ему понадобился его келейникъ, который, какъ на грѣхъ, на ту пору отлучился и не явился по владычному зову. Сотрудникъ хотѣлъ пойти и позвать его, но живой Иннокентій предупредилъ и самъ прошелъ въ келейницкую, гдѣ думалъ застать своего служку спящимъ. Но келейника онъ тутъ не нашелъ, а зато нашелъ на его стѣнѣ знакомый образъ сооруженія сестеръ вологодской обители. Владыка вскипѣлъ и, призвавъ келейника, сію же минуту избилъ его и послалъ отнести игуменьѣ образъ, которымъ эта назойливая женщина, по своему непослушанію и упрямству, довела своего владыку до такого гнѣва, что онъ, по словамъ очевидца, «несмотря на свой досадительно-малый ростъ, являлъ энергію и силу Великаго Петра».

Поступокъ, конечно, горячій и не архипастырскій, но не нужно и не должно забывать, что все это происходило въ оныя, относительно недавнія времена, когда считалось неблаговиднымъ, чтобы духовный правитель имѣлъ у себя даже для чистки сапогъ и другихъ домашнихъ услугъ простого наемнаго человѣка, который удобнѣе тѣмъ, что онъ привычнѣе къ лакейскому дѣлу и не пользуется въ глазахъ невѣждъ авторитетомъ лакея монашествующаго. Нѣтъ, архіерей непремѣнно долженъ былъ терпѣть при себѣ если

не ту, такъ другую «несытую скотину», облеченную въ долгую одежду и препоясанную по чресламъ поясомъ усменнымъ. Этого требовалъ закорузлый этикетъ владычныхъ домовъ, объ упраздненіи котораго, впрочемъ, еще и понынѣ скорбятъ иные ханжи и пустосвяты.

Теперь все это уже отошло въ область минувшаго: нынче уже не слыхать, чтобы архіереи дрались; вѣроятно, они не дерутся, да и не будутъ впередъ драться. И въ этомъ опять нельзя не видѣть ихъ важнаго преимущества передъ всѣми обыкновенными смертными: обыкновенные люди, на Руси, по общимъ примѣтамъ, посмирнѣли со времени введенія мировыхъ учрежденій, — говоря простымъ языкомъ, они «испугались мирового», но архіерею мировой не страшенъ. Всеобщій русскій укротитель, нашъ мировой, несомнѣнно, не укрощалъ ни одного архіерея, — архіерей самъ себя укротилъ и засмирѣлъ. Отчего же это? Что такъ благодѣтельно подѣйствовало на архіерейскіе нравы? Нѣкоторые указываютъ, какъ на причинное въ этомъ событіе, на соборную исторію калужскаго епископа Григорія, котораго кинулся бить недовольный имъ дьячокъ. Но это, очевидно, такое же случайное происшествіе, какъ и другая соборная исторія кіевская, когда была провозглашена анаѳема епископу Филарету Филаретову (нынѣшнему рижскому), и третья исторія въ петербургскомъ соборѣ съ викаріемъ Добронравинымъ, въ котораго былъ брошенъ камень. Все это происшествія чисто случайнаго характера, каковыя бывали и прежде, но на архіереевъ не производили вліянія *). А потому въ замѣтномъ нынѣшнемъ самоукрощеніи особъ этого сана, я думаю, нельзя считать виновниками раздражительныхъ маньяковъ, возглашающихъ архіереямъ анаѳемы или мечущихъ въ нихъ камни. Мнѣ кажется, что, можетъ-быть, гораздо основательнѣе видѣть здѣсь вліяніе общаго *духа времени*, кото-

*) Охотники видѣть во всякой такой случайности что-то «систематическое», забываютъ харьковскій случай, когда анаѳему архіерею хватилъ посреди собора въ день православія его же соборный протодіаконъ. Но тутъ систематическаго было только то, что прежде, чѣмъ хватить анаѳему своему архіерею, отецъ протодіаконъ хватилъ дома что-то другое, безъ чего будто бы этимъ особамъ «нельзя выкричать большое служеніе». Епископъ Филаретъ Гумилевскій (историкъ церкви), котораго это всѣхъ ближе касалось, однако, очевидно не считалъ это ни за что систематическое: онъ хотя и наказалъ виновнаго, но не строго и не мстительно.

рый, какъ бы онъ кѣмъ ни понимался и ни истолковывался, но, по прекрасному выраженію И. С. Тургенева, оказываетъ на всѣхъ неодолимое давленіе, побуждая всякое величіе *опрощаться*. Правда, что нѣкоторые изъ особъ гражданскихъ и военныхъ до сихъ поръ еще какъ бы этого не чувствуютъ, и, опять по выраженію того же Тургенева, продолжаютъ въ военномъ генеральствѣ «хринѣть», а въ статскомъ «гундосить»: но архіереевъ и нельзя ставить съ этими на одну доску, такъ какъ между архіереями, несмотря на ихъ владычное своенравіе, всегда были и есть люди, по преимуществу умные, и потому нимало не удивительно, что истина жизни ими почувствована сильнѣе, чѣмъ другими.

Тотъ бы глубоко заблуждался, кто хотѣлъ бы настаивать, будто архіереи измѣнились поневолѣ и съ напуга. У нихъ не можетъ быть никакого напуга. Живой русскій тактъ, присущій этимъ людямъ, выросшимъ на русскихъ поповкахъ и погостахъ, даетъ имъ вѣрную оцѣнку всякихъ событій, въ которыхъ, несмотря на ихъ порою суматошный характеръ, нѣтъ ничего способнаго напугать настоящаго русскаго человѣка, знающаго Русь, какъ она есть. Нѣтъ, архіереи *опростились* просто потому, что все живое и все желающее еще жить теперь опрощается по неодолимому закону событій, которыхъ никакіе тайные гундосы не могутъ ни остановить, ни направить по иному направленію. Такъ-называемый *престижъ* потерялся въ заботахъ тяглой жизни, и его не только не для чего искать, но даже и не у кого болѣе искать. Даже тѣ, которые были окутаны этимъ *престижемъ* съ ногъ до головы, и тѣмъ «сіе оружіе оскудѣша въ концѣ». Остается еще какое-то русско-татарское кочевряженье, но и оно уже никому не внушаетъ ни почтенія, ни страха. «Жизнь, по выраженію поэта (И. С. Никитина), изнываетъ въ заботѣ о хлѣбѣ».

Русь хочетъ *устраиваться*, *а не великатиться*, и измѣнить ея настроеніе въ противоположномъ духѣ *невозможно*. Кто этого не понимаетъ, о томъ можно *только жалѣть*...

Понимать свое время и умѣть дѣйствовать въ немъ сообразно лучшимъ его запросамъ—это не значитъ раболѣпствовать волѣ массъ; нѣтъ, это значитъ только чувствовать потребность «одной съ ними жизнью дышать и внимать ихъ сердецъ трепетанью». И наши лучшіе архіереи этого хотятъ. Откидывая насильственно къ нимъ привитой и никогда имъ

не шедшій византійскій этикетъ, они сами хотятъ *опроститься* по-русски и стать людьми народными, съ которыми, по крайней мѣрѣ, отраднѣе будетъ ждать какихъ-либо *настоящихъ* мѣръ, способныхъ утолить нашу религіозную истому и возвратить изнемогшей вѣрѣ русскихъ людей духъ животворящій.

Затѣмъ, снова продолжаемъ передвигать нашу портретную галлерею, открывая новое ея отдѣленіе лицами иного «благоувѣтливаго» характера.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Самая неукротимая, желчная раздражительность оныхъ «бывыхъ» епископовъ никакъ не можетъ быть строго осуждаема, безъ вниманія къ нѣкоторымъ тяжкимъ условіямъ ихъ, повидимому, счастливаго и даже, будто бы, завиднаго положенія. Теперь, когда, благодаря новому порядку вещей, въ судахъ резонно и основательно ищутъ снисхожденія, а иногда и полнаго оправданія преступныхъ дѣяній, совершенныхъ въ состояніи болѣзненнаго раздраженія, вызваннаго ненормальностью функцій организма, несправедливо и жестоко было бы не примѣнить этого, хотя въ нѣкоторой степени, къ людямъ, осужденнымъ вести жизнь самую вредную для своего здоровья, отъ котораго, по увѣреніямъ ученыхъ врачей, весьма много зависитъ и расположеніе духа, и сила самообладанія.

Я смѣю думать, что такое вниманіе было бы со стороны общества только справедливостью, въ которой оно не должно отказывать никому, въ какомъ бы онъ ни находился званіи. И причину думать такимъ образомъ я имѣю на основаніи словъ одного очень умнаго и прямодушнаго архіерея, о которомъ мы сейчасъ будемъ бесѣдовать.

Но прежде скажу два слова о нелѣпомъ представленіи, существующемъ у многихъ людей, о такъ-называемомъ «архіерейскомъ счастіи» и о «привольностяхъ владычной жизни», которая на самомъ дѣлѣ гораздо тягостнѣе, чѣмъ думаютъ.

Надо признаться, что русскіе міряне, часто ропща и негодуя на своихъ духовныхъ владыкъ, совсѣмъ не умѣютъ себѣ представить многихъ тягостей ихъ житейской обстановки и понять значеніе тѣхъ условій, отъ которыхъ владыки *не могутъ освободиться*, какова бы ни была личная

энергія, ихъ одушевляющая. Такъ-называемые, «свѣтскіе люди» видятъ только одну сторону епископскаго житья,—такъ-сказать, «казовой его конецъ», а никогда не промѣряли всей матеріи. Въ нѣкоторыхъ мірскихъ кружкахъ, гдѣ сужденія особенно неразборчивы, но смѣлы, считаютъ «архіерейское житье» верхомъ счастія и блаженства. Простолюдины, напримѣръ, говорятъ обыкновенно о томъ, «какія важныя рыбы архіереи ѣдятъ, и какъ поѣвши зобовъ не проспиживаютъ». А между тѣмъ, какая мука и досада хоть бы съ этимъ «счастіемъ» «ѣсть» и съѣденнаго «не проспиживать» *).

Одинъ изъ нашихъ молодыхъ епископовъ, извѣстный уже своими литературными трудами, усердно воздѣлывалъ садъ при своемъ архіерейскомъ домѣ. Гостя лѣто въ томъ городѣ и часто посѣщая его преосвященство, я почти всегда заставалъ его или за граблями, или за лопатой и разъ спросилъ: съ какихъ поръ онъ сдѣлался такимъ страстнымъ садоводомъ?

— Ничуть не бывало,—отвѣчалъ онъ: —я вовсе не люблю садоводства.

— А зачѣмъ же вы всегда трудитесь въ саду?

— Это по необходимости.

Я полюбопытствовалъ узнать: по какой необходимости?

— А по такой,—отвѣчалъ онъ:—что съ тѣхъ поръ, какъ, учинившись архіереемъ, я лишенъ *права двигаться*, то на-

*) Впрочемъ, въ самомъ сказаніи объ архіерейскихъ рыбахъ тоже не мало преувеличеннаго и даже баснословнаго. Такъ, напримѣръ, разсказываютъ въ народѣ, будто на «коренную» ярмарку (подъ Курскомъ) съѣзжаются архіерейскіе повара и отбираютъ для своихъ владыкъ «всю головку», т.-е. весь первый сортъ пробовой копченой и вяленой рыбы, преимущественно бѣлужьяго и осетроваго балыка; но, разумѣется, все это вздоръ. Встарь, говорятъ, что-то такое бывало, но уже давно минуло. Встарь, какъ видно и изъ записокъ Гавр. Добрынина, между архіереями, дѣйствительно, бывали не только любители, но и знатоки тонкаго рыбнаго стола: но въ наше время и этотъ слѣдъ иноческаго аристократизма исчезъ. Нынѣшніе епископы плохіе гурмандисты: настоящій архіерейскій вкусъ къ тонкимъ рыбамъ у нихъ утраченъ и, живя по простотѣ, они и кушать стали простую, но болѣе здоровую пищу, какую вкушаютъ всѣ люди здраваго ума и скромнаго достатка. Дорогіе рыбные столы у архіереевъ теперь бываютъ рѣдко и то только для дорогихъ гостей,—сами же они, въ своемъ уединеніи, рыбы себѣ не заготовляютъ, а кушаютъ, большею частію, одно... грибное. Нѣкоторые епископы теперь даже берутъ для себя столъ по-просту изъ кухмистерскихъ, гдѣ питается всякій «разночинецъ».

чалъ страдать невыносимыми головными болями; жирѣю какъ каплунъ и, того и гляжу, что меня кондрашка стукнетъ.

Взаправду: кто изъ всѣхъ смертныхъ, не исключая даже колодниковъ, можетъ считать себя лишеннымъ такого важнаго и необходимаго права, какъ «*право двигаться*»? Кажется никто... кромѣ русскаго архіерея. Это его ужасная привилегія: *ему нельзя выйти* за ворота своего двора, а позволяется только *выѣхать*, и то не на одномъ и даже не на двухъ, а непремѣнно на четырехъ животныхъ, да еще, пожалуй, подъ трезвонъ колоколовъ.

Надо пожить въ такомъ положеніи, чтобы понять, до чего оно тягостно и какъ вредно оно отзывается на всемъ организмѣ. Сколько силъ и способностей, можетъ-быть, погибло жертвою одной этой привилегіи? И какъ тяготятся этою привилегіею многіе изъ тѣхъ, которымъ завидуютъ люди, считающіе блаженствомъ «ѣсть и не просиживать зоба».

Мой ближайшій родственникъ, довольно извѣстный врачъ, *спеціалистъ по женскимъ болѣзнямъ*, живетъ въ г. К., въ собственномъ домѣ, бокъ-о-бокъ съ М. монастыремъ, гдѣ обыкновенно проживаетъ мѣстный викарный епископъ. По своей акушерской практикѣ, родственникъ мой никакихъ сношеній съ своими черными сосѣдями не имѣлъ и не надѣялся практиковать у нихъ, но вотъ, однажды, темною осеннею ночью (лѣтъ пять-шесть тому назадъ), къ нему звонится монахъ и, во что бы то ни стало, проситъ его поспѣшить на помощь къ преосвященному.

Докторъ подумалъ, что монахъ ошибся дверями, и приказалъ слугѣ разъяснить иноку, что онъ врачъ-акушеръ и для епископа не годится. Но слуга, вышедшій къ монаху съ этимъ отвѣтомъ, возвращается назадъ и говоритъ, что монахъ не ошибся, что онъ именно присланъ къ моему родственнику, котораго владыка проситъ придти какъ можно скорѣе, потому что ему очень худо.

— Что же такое съ нимъ?—спрашиваетъ докторъ.

— Очень худо говоритъ: въ животѣ что-то разнесло.

«Ну, — думаетъ акушеръ, — если дѣло въ животѣ, такъ это уже не далеко отъ моей спеціальности», — и пошелъ, какъ всегда ходитъ къ требующимъ его помощи, съ мѣшкомъ своихъ акушерскихъ снастей и снарядовъ. Мы-было отсовѣтовали ему не заносить въ монастырь этого духа, но онъ не послушался:

— Надо взять,—говоритъ:—я безъ нихъ, какъ безъ рукъ.

И онъ отлично сдѣлалъ, что настоялъ на своемъ.

Возвращается онъ назадъ передъ самымъ утромъ, съ ароматною сигарою въ зубахъ, и смѣется.

Разспрашиваемъ его: гдѣ былъ?

— Да, дѣйствительно,—говоритъ:—былъ у архіерея.

— А кому же у него помогалъ?

— Да ему же и помогалъ.

— Неужели,—спрашиваемъ:—и инструменты не даромъ бралъ?

— Да,—говоритъ: —одна инструментина пригодилась,—и разсказываетъ вообще слѣдующее:

— Прихожу,—говоритъ:—въ спальню и вижу—архіерей лежитъ и стонетъ:

— «Охъ, докторъ! какъ вы медлите... мнѣ худо».

— Я ему отвѣчаю: «Извините, владыка, вѣдь я акушеръ и лѣчу спеціально однѣхъ женщинъ». А онъ говоритъ:

— «Ахъ, полноте, пожалуйста: есть ли когда теперь это разбирать,— да у меня, можетъ-быть, и болѣзнь-то женская».

— Что же у васъ такое?

— «Брюхо вспучило—совсѣмъ задыхаюсь».

— И вижу, — говоритъ докторъ: — онъ, дѣйствительно, такъ тяжело дышитъ, что даже весь побагровѣлъ и глазами нехорошо водитъ; а въ брюхѣ, гдѣ ни постучу, все страшно вздуто.

— У васъ, говорю, все это газами полно, — и ничего болѣе.

— «Да я и самъ,— отвѣчаетъ,—думалъ, что въ иномъ-то ни въ чемъ вы меня не обличите, а только помогайте».

— Желудокъ надо скорѣе очистить,— сказалъ докторъ.

— «И не трудитесь, все напрасно: одеревянѣлъ и не чистится».

И архіерей назвалъ самыя сильнѣйшія слабительныя, которыя онъ (самъ изрядный знатокъ медицины) употреблялъ, но все безполезно.

— Худо,—молвилъ акушеръ.

— «Да-съ.—отвѣчалъ епископъ:—совсѣмъ весь свой аппаратъ испортилъ. Хоть ничего не ѣшь и не пей, а все его не убережешь въ этой нечеловѣческой жизни. Но теперь... умоляю... хоть какую-нибудь струменцію, что ли, въ ходъ пустить, только бы полегчало.»

Тутъ-то и пригодилась инструментина изъ акушерскаго ридикюля, а послѣ принесеннаго ею быстраго облегченія насталъ пріятный разговоръ, начавшійся съ того, что врачъ сказалъ облегченному святителю, что онъ ему не будетъ ничего прописывать, потому что болѣзнь его не отъ случайной неумѣренности, а отъ недостатка воздуха и движенія, но что состояніе его, обусловливаемое этими причинами, очень серьезно и угрожаетъ его жизни.

— «Ахъ,—говоритъ архіерей:—я съ вами согласенъ. Но что же вы мнѣ посовѣтуете?»

— Больше ходить по воздуху, преимущественно по горкамъ, которыхъ у насъ такъ много.

— «Какъ же, какъ же... прекрасно; да еще бы, можетъ-быть, часа полтора въ сутки верхомъ на конѣ поѣздить?»

— Это бы очень полезно.

— «Сядьте же, дорогой сосѣдъ, поскорѣе къ моему столу и напишите мнѣ все это, по старой формулѣ «Cum Deo».

— Зачѣмъ же это писать, когда я вамъ это такъ ясно сказалъ.

— «Да мало ли что вы мнѣ сказали! Я и самъ безъ васъ все это знаю. Нѣтъ, а вы мнѣ это напишите, а я попробую въ синодъ просьбу послать и приложу вашъ рецептъ: не разрѣшатъ ли мнѣ, хоть *ради спасенія жизни, часа два въ день по улицѣ пѣшкомъ ходить?* Но нѣтъ, впрочемъ, не хочу васъ напрасно и затруднять, не пишите. И св. синодъ мнѣ такой льготы не разрѣшитъ, да и благочестивые люди мнѣ не дадутъ пѣшкомъ ходить: все подъ благословеніе будутъ становиться. Другое бы дѣло верхомъ ѣздить, я это и люблю, и когда-то много на Востокѣ на конѣ ѣздилъ, и тогда никакихъ этихъ припадковъ не зналъ, но на Востокѣ нашъ братъ счастливѣе,—тамъ при туркахъ проще можно жить и свободнѣе можно двигаться».

— Ну, вы бы, говоритъ докторъ:—какъ-нибудь у себя дома устроили себѣ моціонъ.

— «Лѣтомъ, когда садъ открытъ,—я хожу по саду. Хоть и скучно все по одному мѣсту топотать, но топочу. А вотъ, какъ придетъ осень съ дождями, такъ и сѣлъ. Куда же въ топь-то лѣзть? А на дворѣ на мощеныя дорожки выйти—опять благословляться пристанутъ. И сижу въ комнатѣ. Зима, всѣ дни дома, и весь весенній ранокъ тоже дома. Вотъ вы и посчитайте: много ли архіерею по воздуху-то можно ходить?»

— У васъ по монастырскому двору зимою дорожки есть.

— «Какъ же: есть, — только мнѣ-то по нимъ ходить нельзя».

— Отчего же?

— «Санъ великъ ношу: монахи будутъ стѣсняться со мною гулять, да и мнѣ, скажутъ, непристойно съ ними панибратствовать; а потомъ благочестивцы прознаютъ, что архіерей наружи ходитъ, за благословеніемъ одолѣютъ. Словомъ, безпокойство поднимется: даже мой монастырскій журавль и конюшенный козелъ, которые нынче имѣютъ передо мною привилегію разгуливать по той дорожкѣ, — и они почувствуютъ стѣсненіе отъ моего появленія на воздухъ. Какой же вы мнѣ иной, болѣе подвижной, образъ жизни можете указать?

Врачъ развелъ руками и отвѣчалъ:

— Никакого.

— «А вотъ, то-то и есть, что «никакого». Я давно говорю, что мы, архіереи, самые, можетъ-быть, безномощные и даже совсѣмъ пропащіе люди, если за насъ медицина не заступится.»

— Медицина? — повторилъ врачъ: — ну, ваше преосвященство, врядъ ли вы отъ насъ этого дождетесь.

— «А почему?»

— Да вѣдь мы не набожны... Скорѣе набожные люди пусть за васъ заступятся.

— «Такъ-то и было! Экъ вы куда хватили! Нѣтъ! медицина, государь мой, одна медицина можетъ насъ спасти, и она тутъ не выйдетъ изъ своей роли. Медицина должна нами заняться не для насъ и не для благочестія, а для обогащенія науки.»

— Какую же услугу можетъ оказать медицинѣ занятіе архіереями? Это очень интересно.

— «Очень интересно-съ! Медицина черезъ насъ можетъ обогатить науку открытіями. Я вотъ, за столько лѣтъ моихъ кишечныхъ страданій, очень зорко слѣжу за всѣми новыми медицинскими диссертаціями и все удивляюсь: что они за негодныя и неинтересныя темы берутъ! Тотъ пишетъ о лучистомъ эпителіѣ, другой — о послѣ-родовомъ послѣдѣ, словомъ, все о томъ, что выплевывается да извергается, а нѣтъ того, чтобы кто-нибудь написалъ диссертацію, напримѣръ, «объ архіерейскихъ запорахъ». А это было бы и

ново, и оригинально, и вполнѣ современно, да и для человѣчества полезно, потому что мы, освѣжившись, сдѣлались бы добрѣе... намекнуть бы только объ этомъ надо гдѣ-нибудь въ газетахъ, а то навѣрное найдется умный медикъ, который за это схватится. И ужъ какая бы къ нему отборная, духовная публика на диспутъ съѣхалась и какую бы онъ себѣ выгодную практику приготовилъ, спеціализовавшись по этому предмету. А наше начальство, увидавъ изъ этого разсужденія доказательства, отчего родъ преподобныхъ наиболѣе страждетъ и умаляется, можетъ-быть, смилостивилось бы и позволило бы намъ ходить пѣшкомъ по улицѣ. И, можетъ-быть, тогда и люди-то къ намъ больше привыкать бы стали, и начались бы другія отношенія.—не чета нынѣшнимъ. Право, такъ! Я или другой архіерей, ходя межъ людьми, можетъ-быть, кого-нибудь чему-нибудь доброму бы научилъ, и воздержалъ бы, и посовѣтовалъ. Пожалуйста, докторъ, поверните насъ на пользу науки и пустите объ этомъ, промежду своими, словечко за насъ *).»

И больной съ докторомъ, пошутивъ, весело разстались.

А между тѣмъ, подумайте, читатель: сколько горькаго въ этой шуткѣ, которою отводитъ свою досаду русскій человѣкъ свѣтскаго и духовнаго чина? сколько въ томъ, что онъ осмѣиваетъ, чего-то напраснаго, обременяющаго и осложняющаго жизнь невыносимыми условіями, которыя, чуть не цѣлые вѣка, стоятъ неизмѣнными только потому, что никто не хочетъ понять ихъ тяжесть и снять съ людей «бремена тяжкія и неудоботносимыя»...

Положимъ, что наше духовенство невозможно ставить на одну доску съ протестантскими пасторами, которые ходятъ повсюду, куда можно ходить честному человѣку; но если даже сравнить положеніе нашего епископа съ положеніемъ лица соотвѣтственнаго сана римской церкви, то насколько свободнѣе окажется въ своихъ общественныхъ отношеніяхъ даже римскій епископъ? Этотъ не только можетъ проѣхать

---

*) Лица, имѣющія какія-либо сношенія съ спеціальными медицинскими органами, можетъ-быть, дѣйствительно принесли бы нѣкоторую пользу человѣчеству, если бы не пренебрегли точно мною передаваемымъ мнѣніемъ епископа объ особенномъ характерѣ ихъ, такъ-сказать, сословнаго недуга. Можетъ-быть, гг. медики убѣдили бы общество и начальство, что такъ людямъ жить нельзя.

къ знакомому мірянѝну безъ звона и на простомъ извозчикѣ, но онъ посѣщаетъ безвредно для себя и для церкви музеи, выставки, концерты, самъ покупаетъ для себя книги, а съ однимъ изъ таковыхъ, епископомъ Г—мъ, большимъ любителемъ старинаго искусства, я даже не разъ хаживалъ къ букинистамъ на петербургскій Апраксинъ дворъ, и все это не вредило ни сану епископа, ни его доброй репутаціи, ни римской церкви.

Почему же нашъ епископъ лишенъ этой свободы, и почему лишеніе это идетъ, напримѣръ, такъ далеко, что когда одинъ изъ русскихъ епископовъ, человѣкъ весьма ученый и литературный, пожелалъ заниматься на ряду съ другими людьми въ залахъ публичной библіотеки, то говорили, будто это было найдено нѣкоторыми широко разставленными людьми за непристойность и даже за «фанфаронскую браваду» (два слова, и оба не русскія)... Мы такъ не привыкли, чтобы наши епископы пользовались хотя бы самою позволительною свободою, что приходимъ въ недоумѣніе, если встрѣчаемъ ихъ гдѣ-нибудь запросто. Я помню, какъ однажды, покойный книгопродавецъ Николай Петровичъ Кораблевъ (вмѣсто котораго, по газетнымъ извѣстіямъ, вѣроятно изъ вѣжливости, преждевременно былъ зачисленъ умершимъ его товарищъ Сиряковъ) встрѣтилъ меня въ самомъ возбужденномъ состояніи и съ живостью и смущеніемъ возвѣстилъ, что къ нимъ въ магазинъ *заходилъ епископъ!* Но и то это было еще во время оно; да и епископъ тотъ былъ краса нашей церковной учености, трудолюбивый Макарій литовскій, нынѣшній митрополитъ московскій...

Въ обществѣ о такомъ «укрывательствѣ архіереевъ» думаютъ различно: одни находятъ, что этого, будто, «требуетъ санъ», а другіе утверждаютъ, что санъ этого не требуетъ. Люди сего послѣдняго мнѣнія, ссылаясь на простоту и общедоступность «оныхъ давнихъ архіереевъ», склонны винить въ отчужденіи архіереевъ отъ міра, такъ называемую, «византійскую рутину», или, наконецъ, кичливость самихъ архіереевъ, которымъ, будто бы, особенно нравится сидѣть во свѣтѣ неприступнѣмъ и ѣздить на шести животныхъ.

Можетъ-быть, что все это имѣетъ мѣсто въ своемъ родѣ и склоняетъ дѣло къ одному положенію. Кто хоть разъ бы-

валъ въ архіерейскомъ домѣ, тотъ знаетъ, какъ тамъ все нелюдимо, дико и какъ-то безпріютно, и кто видалъ много владычныхъ домовъ, тотъ знаетъ, что нелюдимость и безпріютность — это неотъемлемое качество сихъ жилищъ; а всякое жилище, говорятъ, будто бы выражаетъ своего хозяина. Еще одно общее архіерейскимъ домамъ отличительное и притомъ удивительное свойство, это необъяснимый запахъ *старыми фортепіанами*, который очень легко чувствовать, но причину его отгадать трудно, ибо фортепіанъ въ архіерейскихъ домахъ не бываетъ, но этотъ *скучный запахъ* тамъ есть точно въ залѣ стараго нежилого помѣщичьяго дома, гдѣ заперты фортепіаны, на которыхъ никто не играетъ. Есть и еще *нѣчто*, какъ мнѣ кажется, еще болѣе дѣйственное. Довольно общее и, притомъ, не безосновательное убѣжденіе таково, что православные любятъ пышное веленіе своихъ духовныхъ владыкъ и едва ли могли бы снести безъ смущенія ихъ «опрощеніе». Объ этомъ даже очень недавно говорилъ «*Голосъ*» по поводу непріятности, случившейся съ епископомъ Гермогеномъ Добронравинымъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Однако, впрочемъ, по игрѣ случая, сказано это было въ томъ же самомъ нумерѣ, гдѣ говорилось, что въ оное время всѣ газеты, будто бы, писали не то, что думали.

Любовь къ пышности, мнѣ кажется, — несомнѣнна, и она не ограничивается требованіемъ пышности только въ служеніи. Есть православные, которымъ, какъ будто, нужно, чтобы ихъ архіереи и внѣ храма вели себя по-важнѣе, — чтобы они ѣздили не иначе, какъ «въ простяжь», по крайней мѣрѣ четверкою, «гласили томно» и «благословляли авантажно», и чтобы при этомъ показывались не часто, и чтобы доступить до нихъ можно было не иначе, какъ «съ подходцемъ». А въ домѣ у нихъ все стояло чинно въ рядъ безъ всякаго удобства,— словомъ, не такъ, какъ у людей. Напрасно было бы оспаривать, что все это дѣйствительно такъ; но едва ли можно было бы доказать, что такое «любленіе» пышности выражаетъ любовь къ лицамъ, отъ которыхъ она требуется, и укрѣпляетъ уваженіе къ ихъ высокому сану. Совсѣмъ нѣтъ; въ этомъ желаніи православныхъ «превозвышать» своихъ архіереевъ есть живое сродство съ извѣстнымъ съ рыцарскихъ временъ «обожаніемъ женщинъ», которое отнюдь не выражало собою ни

любви, ни уваженія рыцарей къ дамамъ: дамы отъ этого «обожанія» только страдали, въ томительной зависимости. Мертвящая пышность нашихъ архіереевъ, съ тѣхъ поръ какъ они стали считать ее принадлежностію своего сана, не создала имъ народнаго почтенія. Народная память хранитъ имена святителей «прѳстыхъ и препростыхъ», а не пышныхъ, и важныхъ или вообще «не простыхъ» нашъ народъ никогда не считаетъ ни праведными, ни благовѣрными. Русскій народъ любитъ глядѣть на пышность, но уважаетъ *простоту*. Пышность скорѣе всего просто слѣдствіе привычки и, можетъ-быть, вкуса, воспитаннаго византизмомъ и давно требующаго перевоспитанія *истиннымъ христіанствомъ*. Тотъ же самый народъ, которому, будто бы, столь нужна пышность, узнавъ о такомъ «простомъ владыкѣ», какъ жившій въ Задонскѣ Тихонъ, еще при жизни этого человѣка оцѣнилъ его духъ и назвалъ его *святымъ*. Этотъ самый народъ жаждалъ слова Тихона и слушался этого слова болѣе, чѣмъ всякихъ иныхъ словесъ владыкъ пышныхъ.

Не безызвѣстенъ и другой подобный же примѣръ и нынче, но только мы не назовемъ этого современнаго намъ епископа, изъ уваженія къ его скромности и тщательному старанію, съ коимъ онъ таится отъ міра и его похвалъ. Стало-быть, не пышность и не велелѣпіе, а еще болѣе не важность и не неприступность служатъ лучшимъ средствомъ добраго вліянія архіереевъ на ихъ паству, а, напротивъ,— качества совсѣмъ иныя,—качества, не только не утверждающіяся на пышности, но даже совсѣмъ съ нею несродныя: нужна *простота*.

Есть, однако, люди, которые утверждаютъ, что плѣнительная простота, отличавшая Тихона, возможна только для епископовъ, отказавшихся отъ дѣлъ управленія. Правящій же епископъ, будто бы, не можетъ вести себя такъ просто,— ибо «нашъ-де народъ еще не достигъ того понятія, чтобы чтить простоту»

Помимо отвратительнаго и горькаго чувства, внушаемаго симъ подобными словами, которыя дышатъ и невѣжествомъ, и предательствомъ, они совершенно несправедливы.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Первый архіерей, котораго я узналъ лично, былъ Сма-

рагдъ Крижановскій, во время его управленія орловскою епархіею.

Это воспоминаніе относится къ самымъ раннимъ годамъ моего отрочества, когда я, обучаясь еще въ орловской гимназіи, постоянно слышалъ разсказы о дѣяніяхъ этого владыки и его секретаря, «ужаснаго Бруевича».

Свѣдѣнія мои объ этихъ лицахъ были довольно разностороннія, потому что, по нѣсколько исключительному моему семейному положенію, я въ то время вращался въ двухъ противоположныхъ кругахъ орловскаго общества. По отцу моему, происходившему изъ духовнаго званія, я бывалъ у нѣкоторыхъ орловскихъ духовныхъ и хаживалъ иногда по праздникамъ въ монастырскую слободку, гдѣ проживали ставленники и томившіеся въ чаяніи «владычнаго суда» подначальные. У родственниковъ же съ материной стороны, принадлежавшихъ къ тогдашнему губернскому «свѣту», я видалъ губернатора, князя Петра Ивановича Трубецкого, который терпѣть не могъ Смарагда и находилъ неутолимое удовольствіе вездѣ его ругать. Князь Трубецкой постоянно называлъ Смарагда не иначе, какъ «козломъ», а Смарагдъ, въ отместку, величалъ князя «пѣтухомъ».

Губернаторъ князь Трубецкой и епископъ Смарагдъ не взлюбили другъ друга съ первой встрѣчи и считали долгомъ враждовать между собою во все время своего совмѣстнаго служенія въ Орлѣ, гдѣ, по этому случаю, насчетъ ихъ ссоръ и пререканій ходило много разсказовъ, по бо́льшей части, однакоже, или совсѣмъ невѣрныхъ, или, по крайней мѣрѣ, сильно преувеличенныхъ. Таковъ, напр., повсемѣстно съ несомнѣнною достовѣрностію разсказываемый анекдотъ о томъ, какъ епископъ Смарагдъ, будто бы, ходилъ съ хоругвями, подъ звонъ колоколовъ, на съѣзжую, посѣщать священника, взятаго, по распоряженію князя Трубецкого, въ часть ночнымъ обходомъ, въ то время, какъ этотъ священникъ шелъ съ дароносицею къ больному.

На самомъ дѣлѣ, такого происшествія въ Орлѣ вовсе не было. Многіе говорятъ, что оно было, будто бы, въ Саратовѣ или въ Рязани, гдѣ тоже епископствовалъ и тоже ссорился преосвященный Смарагдъ, но не мудрено, что и тамъ этого не было. Несомнѣнно одно, что Смарагдъ терпѣть не могъ князя Петра Ивановича Трубецкого и еще болѣе

его супругу, княгиню Трубецкую, рожденную Витгенштейнъ, которую онъ, кажется не безъ основанія, звалъ «буесловною нѣмкою». Этой энергической дамѣ Смарагдъ оказывалъ замѣчательныя грубости и, въ томъ числѣ, разъ при мнѣ сдѣлалъ ей такое рѣзкое и оскорбительное замѣчаніе, что это всѣхъ ужаснуло. Но княгиня отвѣтить Смарагду не нашлась или не посмѣла.

Епископъ Смарагдъ былъ человѣкъ раздражительный и рѣзкій, и если ходящіе о его распряхъ съ губернаторами анекдоты не всегда фактически вѣрны, то всѣ они въ самомъ сочиненіи своемъ вѣрно изображаютъ характеръ ссорившихся сановниковъ и общественное о нихъ представленіе. Князь Петръ Ивановичъ Трубецкой во всѣхъ этихъ анекдотахъ представляется человѣкомъ заносчивымъ, мелочнымъ и безтактнымъ. О немъ говорили, что онъ «пѣтушится»,— топорщитъ перья и брыкаетъ шпорою во что попало, а покойный Смарагдъ «козляковалъ». Онъ дѣйствовалъ съ расчетомъ: онъ, бывало, нѣкое время посматриваетъ на пѣтушка и даже бородой не тряхнетъ, но чуть тотъ не поостережется и выступитъ за ограду, онъ его въ ту же минуту боднетъ и назадъ на его насѣсть перекинетъ.

Въ кружкахъ орловскаго общества, которое не любило ни князя Трубецкого, ни еп. Смарагда,—послѣдній все-таки пользовался хотя нѣкоторымъ вниманіемъ. Въ немъ цѣнили по крайней мѣрѣ его умъ и его «неуемность». О немъ говорили:

— «Сорванецъ и молодецъ, — ни Бога не боится, ни людей не стыдится». Такіе люди въ русскомъ обществѣ пріобрѣтаютъ авторитетъ, законности котораго я и не намѣренъ оспаривать, но я имѣю основаніе думать, что покойный орловскій дерзкій епископъ едва ли на самомъ дѣлѣ «ни Бога не боялся, ни людей не стыдился».

Конечно, если смотрѣть на этого владыку съ общей точки зрѣнія, то, пожалуй, за нимъ, какъ будто, можно признать такой авторитетъ; но если заглянуть на него со стороны нѣкоторыхъ мелочей, весьма часто ускользающихъ отъ общаго вниманія, то выйдетъ, что и онъ не совсѣмъ былъ чуждъ способности стыдиться людей, а, можетъ-быть, даже и бояться Бога.

Вотъ тому примѣры, которые, вѣроятно, однимъ вовсе неизвѣстны, а другими, можетъ-быть, до сихъ поръ позабыты.

Теперь я сначала представлю читателямъ оригинальнаго человѣка изъ орловскихъ старожиловъ, котораго чрезвычайно боялся «неуемный Смарагдъ».

Въ то самое время, когда жили и враждовали въ Орлѣ кн. П. И. Трубецкой и преосвящ. Смарагдъ, тамъ же, въ этомъ «многострадальномъ Орлѣ», въ небольшомъ сѣренькомъ домикѣ на Полѣшской площади, проживалъ не очень давно скончавшійся отставной маіоръ Александръ Христіановичъ Шульцъ. Его всѣ въ Орлѣ знали и всѣ звали его съ титуломъ: «маіоръ Шульцъ», хотя онъ никогда не носилъ военнаго платья и самое его маіорство нѣкоторымъ казалось немножко «апокрифическимъ». Откуда онъ и кто такой,—едва ли кто-нибудь зналъ съ полною достовѣрностію. Шутливые люди рѣшались даже утверждать, что «маіоръ Шульцъ» есть вѣчный жидъ Агасферъ или другое, столь же таинственное, но многозначащее лицо.

Александръ Христіановичъ Шульцъ съ тѣхъ поръ, какъ я его помню, — а я помню его съ моего дѣтства, — былъ старикъ, сухой, немножко сгорбленный, довольно высокаго роста, крѣпкой комплекціи, съ сильною просѣдью въ волосахъ, съ густыми, очень пріятными усами, закрывавшими его совершенно беззубый ротъ, и съ блестящими, искрившимися сѣрыми глазами въ правильныхъ вѣкахъ, опушенныхъ длинными и густыми темными рѣсницами. Люди, видѣвшіе его незадолго до его смерти, говорятъ, что онъ такимъ и умеръ. Онъ былъ человѣкъ очень умный и еще болѣе—очень пріятный, всегда веселый, всегда свободный, искусный разсказчикъ и досужій шутникъ, умѣвшій иногда ловко запутать путаницу и еще ловчѣе ее распутать. По душѣ и по сердцу онъ былъ человѣкъ добрый и дѣлалъ не мало добра. Офиціальное положеніе Шульца въ Орлѣ выражалось тѣмъ, что онъ былъ безсмѣннымъ старшиною дворянскаго клуба. Никакого другого мѣста онъ не занималъ и жилъ неизвѣстно чѣмъ, но жилъ очень хорошо. Небольшая квартира его всегда была меблирована со вкусомъ, на холостую ногу; у него всегда кто-нибудь гостилъ изъ пріѣзжихъ дворянъ; закуска въ его домѣ подавалась всегда обильная, какъ при немъ, такъ и безъ него. Домомъ у него завѣдывалъ очень умный и вѣжливый человѣкъ Василій, питавшій къ своему господину самую вѣрную пре-

данность. Женщинъ въ домѣ не было, хотя покойный Шульцъ былъ большой любитель женскаго пола и, по выраженію Василія, «страшно слѣдилъ по этому предмету».

Жилъ онъ, какъ одни думали, картами, т.-е. велъ постоянную картежную игру въ клубѣ и у себя дома; по другимъ же, онъ жилъ, благодаря нѣжной заботливости своихъ богатыхъ друзей К—скихъ. Послѣднему вѣрить гораздо легче, тѣмъ болѣе, что Александръ Христіановичъ умѣлъ заставить любить себя очень искренно. Шульцъ былъ человѣкъ очень сострадательный и не забывалъ заповѣди «стяжать себѣ друзей отъ мамоны неправды». Такъ, въ то время, когда въ Орлѣ еще не существовало благотворительныхъ обществъ, Шульцъ едва ли былъ не единственнымъ благотворителемъ, который подавалъ больше гроша, какъ это дѣлало и вѣроятно доселѣ дѣлаетъ орловское православное христіанство. Маіора хорошо знали безпомощные бѣдняки Пушкарской и Стрѣлецкой слободъ, куда онъ часто отправлялся въ своемъ куцомъ коричневомъ сюртучкѣ съ запасомъ «штрафныхъ» денегъ, собиравшихся у него отъ позднихъ клубныхъ гостей, и здѣсь раздавалъ ихъ бѣднымъ, иногда довольно щедрою рукою. Случалось, что онъ даже покупалъ и дарилъ рабочихъ лошадей и коровъ и охотно хлопоталъ объ опредѣленіи въ училище дворянскихъ сиротъ, что ему почти всегда удавалось, благодаря его обширнымъ и короткимъ связямъ.

Но, помимо этой пользы обществу, Шульцъ приносилъ ему еще и другую, можетъ быть не менѣе важную услугу: онъ олицетворялъ въ своей особѣ мѣстную гласность и сатиру, которая, благодаря его неутомимому и острому языку, была у него безпощадна и обуздывала много пошлостей дикаго самодурства тогдашняго «добраго времени». Тонкій и язвительный юморъ Шульца преслѣдовалъ, по преимуществу, мѣстныхъ свѣтилъ, но преслѣдованіе это велось у него съ такимъ тактомъ и наивностью, что никто и думать не смѣлъ ему мстить. Напротивъ, многіе изъ преслѣдуемыхъ бичомъ его сатиры нерѣдко сами помирали со смѣху отъ насмѣшекъ маіора, а боялись его *всѣ*, по крайней мѣрѣ, всѣ, имѣвшіе въ городѣ вѣсъ и значеніе и потому, конечно, желавшіе не быть осмѣянными, лебезили передъ неимѣвшимъ никакого офиціальнаго значенія клубнымъ маіоромъ.

Шульцъ, конечно, это зналъ и мастерски пользовался почтительнымъ страхомъ, наведеннымъ имъ на людей, нежелавшихъ почитать ничего болѣе достойнаго почтенія.

Шульцу было извѣстно все, что происходило въ городѣ. Самъ онъ, по преимуществу и даже исключительно, держался компаніи въ «высшемъ кругѣ», гдѣ его и особенно боялись, но онъ не затворялъ своихъ дверей ни передъ кѣмъ, и оттого всѣ сколько-нибудь интересныя или скандальныя вѣсти стекались къ нему всяческими путями. Шульцъ былъ принятъ и у кн. Трубецкого, и у архіерея Смарагда, распрями которыхъ онъ тѣшился и рачительно ими занимался, то собирая, то сочиняя и распуская объ этихъ лицахъ повсюду самыя смѣшныя и въ то же время способныя усиливать ихъ ссору вѣсти. Мало-по-малу, Шульцъ до такой степени увлекся этой травлею, что предался ей съ исключительнымъ жаромъ и, можно сказать, нѣкоторое время, просто, какъ бы ею только и жилъ.

Смарагдъ, по прибытіи въ Орелъ, очень скоро узналъ о Шульцѣ и оцѣнилъ его значеніе. Онъ, разумѣется, не только не пренебрегъ маіоромъ; но отнесся къ нему съ самою лестною внимательностью. Долго онъ все зазывалъ Шульца къ себѣ черезъ К—скихъ и заигрывалъ съ нимъ черезъ другихъ, поручая попенять ему, что онъ не хочетъ «навѣстить бѣднаго монаха». Шульцъ не шелъ, но какъ бы благоволилъ къ архіерею и похваливалъ его насчетъ губернатора. Наконецъ, они встрѣтились съ Смарагдомъ, кажется, на обѣдѣ въ с. Шаховѣ, и маіоръ здѣсь совсѣмъ очаровалъ скучавшаго епископа своими ѣдкими сарказмами надъ Трубецкимъ и докторомъ Л—цемъ, а также и надъ другими видными орловскими гражданами. Знавшій толкъ въ людяхъ, Смарагдъ тутъ же постарался подмѣтить слабость самого маіора: онъ замѣтилъ, что Шульцъ любилъ хорошо покушать и, притомъ, былъ тонкій цѣнитель «добраго винца», въ чемъ довольно свѣдущъ оказывался и покойный епископъ. И онъ пригласилъ зоила къ себѣ въ городъ запросто и угостилъ его, что называется, «по знатоцки».

Съ тѣхъ поръ они стали знакомы и, какъ люди очень умные, не много чинясь другъ съ другомъ, скоро сблизились. Но Смарагду, конечно, не удалось закормить Шульца до того, чтобы онъ совсѣмъ положилъ печать молчанія на свои уста, и хотя многимъ казалось, будто маіоръ какъ бы

щадилъ архіерея и, даже, нападалъ за него на князя, но весьма вѣроятно, что это происходило оттого, что Смарагдъ безъ сравненія превосходилъ губернатора въ умѣ, а Шульцъ былъ любитель ума, въ комъ бы ни встрѣчалъ его. Однако, послабленіе епископу длилось не долго: разъ, когда Шульцу стали замѣчать, что онъ щадитъ архіерея, онъ отвѣтилъ:

— Не могу же я, господа, не дѣлать разницы между Трубецкимъ, у котораго мнѣ подаютъ блюдо его лакеи, и архіереемъ, который всегда самъ меня потчуетъ.

Это было передано Смарагду и послужило началомъ владычнаго неудовольствія, которое вскорѣ затѣмъ усилилось еще однимъ обстоятельствомъ, послѣ котораго между владыкою и Шульцемъ произошелъ разрывъ. Причиною тому былъ пріѣздъ въ Орелъ какого-то важнаго чиновника центральнаго духовнаго учрежденія. Можетъ-быть, это былъ какой-нибудь директоръ канцеляріи, а можетъ быть, что-нибудь даже еще болѣе достопримѣчательное. Смарагдъ чествовалъ заѣзжаго гостя въ своемъ архіерейскомъ домѣ вечернею трапезою, а Шульцъ былъ въ числѣ возлежавшихъ, и, по обыкновенію, одинъ оживлялъ пиръ своимъ веселымъ и злымъ остроуміемъ.

Благодаря ему, зашла бесѣда за ночь и «недоставшу вину» владыка восплескалъ руками, что у него было призывнымъ знакомъ для слугъ; но слуги, не чая поздняго дополненія къ столу, отлучились. Тогда архіерей живо всталъ и, чтобы не распустить компанію, подобравъ свою бархатную рясу, побѣжалъ съ такою рѣзвостію, что, чрезвычайно удивленный этою прыткостію епископа, Шульцъ на другой же день началъ разсказывать, какъ рѣзво умѣютъ наши владыки бѣгать передъ чиновниками.

Смарагду это совсѣмъ не понравилось. Онъ нашелъ, что Шульцъ «не хорошъ въ компаніи», но, однако, его высокопреосвященство никакъ не могъ освободиться отъ довольно тяжкаго нравственнаго вліянія маіора: Шульцъ ни за что не хотѣлъ спускать съ глазъ архіерейскую распрю съ губернаторомъ и умыслилъ весьма хитрую штуку, чтобы обнародовать положеніе ихъ фондовъ во всеобщее свѣдѣніе.

Это имѣетъ особенный интересъ, потому что тутъ мы можемъ получить довольно ясное указаніе: какъ несправедливы нѣкоторыя нареканія на архіереевъ, будто бы нимало не дорожащихъ общественнымъ мнѣніемъ.

Нижеслѣдующій случай покажетъ, что даже и Смарагдъ былъ чутокъ къ совѣту Сираха «пещись объ имени своемъ», которое, по словамъ Ѳеокрита, «каждый себѣ въ сладостный даръ получаетъ».

На свѣтломъ окнѣ сѣраго домика на Полѣшской площади «сожженаго» города Орла, въ одинъ прекрасный день, совершенно для всѣхъ неожиданно, появились два чучела: одно было красный пѣтухъ въ игрушечной каскѣ, съ золочеными игрушечными же шпорами и бакенбардами, а другое—маленькій, опять-таки игрушечный же козелъ, съ бородою, покрытый чернымъ лоскуткомъ, свернутымъ въ видѣ монашескаго клобука. Козелъ и пѣтухъ стояли другъ противъ друга въ боевой позиціи, которая отъ времени до времени измѣнялась. Въ этомъ и заключалась вся штука. Смотря по тому, какъ стояли дѣла князя съ архіереемъ, то-есть: кто кого изъ нихъ одолѣвалъ (о чемъ Шульцъ всегда имѣлъ подробныя свѣдѣнія), такъ и устраивалась группа. То пѣтухъ клевалъ и билъ взмахами крыла козла, который, понуря голову, придерживалъ лапою сдвигавшійся на затылокъ клобукъ; то козелъ давилъ копытами шпоры пѣтуха, поддѣвая его рогами подъ челюсти, отчего у того голова задиралась кверху, каска сваливалась на затылокъ, хвостъ опускался, а жалостно разинутый клювъ какъ бы вопіялъ о защитѣ.

Всѣ знали, что̀ это значитъ, и судили о ходѣ борьбы по тому, «какъ у Шульца на окнѣ архіерей съ княземъ дерутся».

Это былъ первый проблескъ гласности въ Орлѣ и, притомъ, гласности безцензурной.

Не знаю, какъ интересовался этимъ князь Петръ Ивановичъ. Можетъ-быть, что этотъ губернаторъ, по приписываемымъ ему словамъ, «сильно занятый поджогами», за недосугами и не зналъ, что̀ изображали Шульцевы манекены; но преосвященный это зналъ, очень слѣдилъ за этимъ дѣломъ и частенько, говорятъ, посылалъ нѣкоего, понынѣ еще, кажется, здравствующаго въ Орлѣ мужа, «приватно пройтись и посмотрѣть, что̀ представляютъ у Шульца на окнѣ *фигуры*: какая какую боретъ?»

Надѣюсь, что разсказанными мелочами изъ моихъ отроческихъ воспоминаній объ архіереѣ, котораго я зналъ въ

оную безгласную пору на Руси, я въ нѣкоторой степени показалъ примѣромъ, что и самые крутые изъ архіереевъ не остаются безучастными къ общественному мнѣнію, а потому такое нареканіе на нихъ едва ли справедливо. Теперь же я на томъ же самомъ Смарагдѣ представлю другой примѣръ, который можетъ показать, что и обвиненіе архіереевъ въ безучастіи и жестокости тоже можетъ быть не всегда вѣрно.

Но пусть, вмѣсто нашихъ разсужденій, говорятъ сами маленькія «событія».

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

У насъ на орловской монастырской слободкѣ жилъ одинъ мой гимназическій товарищъ, сынъ этапнаго офицера, семья котораго мнѣ въ дѣтствѣ представлялась семьею тѣхъ трехъ праведниковъ, ради которыхъ Господь терпѣлъ на землѣ орловскія «проломленныя головы». Это, въ самомъ дѣлѣ, была очень добрая семья, состоявшая изъ отца, бѣлаго, какъ лунь, коротенькаго старичка, который два раза въ недѣлю съ огромною «валентиновскою» саблею при бедрѣ садился верхомъ на сытую игренюю кобылку и выводилъ за кромскую заставу арестантскіе этапы. Арестанты его любили и, какъ былъ слухъ, не бѣгали изъ-подъ его конвоя только потому, что имъ «было жалко его благородіе». Онъ былъ совсѣмъ старецъ и, давно потерявъ всѣ зубы, кушалъ лишь одну манную кашку. Жена его, золотушная старушка, тоже была въ дѣтскомъ состояніи: она питала безграничную и ничѣмъ не смущаемую довѣрчивость ко всѣмъ людямъ, любила получать въ подарокъ игрушечныя фарфоровыя куколки, которыя она разставляла въ минуты скуки и уныпія, посѣщавшія ее при появившихся подъ старость дѣтскихъ болѣзняхъ. У нея обыкновенно дѣлались то свинка, то корь, то коклюшъ, а незадолго передъ смертью появились какіе-то припадки въ родѣ родимца. Оба этапные супруга были добры до безконечности. Ихъ сынъ, — мой гимназическій товарищъ, постоянно читавшій романы Вальтеръ-Скотта, и дочь, миловидная дѣвушка, занимавшаяся вышиваньемъ гарусомъ, — тоже были олицетвореніемъ простоты и кротости. И вотъ, у этихъ-то добрыхъ людей на дворѣ, по сѣнямъ и закуткамъ, всегда проживали «духовенные», изъ призванныхъ «подъ началъ» или «ожидав-

ихъ резолюціи». Съ нихъ въ этомъ христіанскомъ домѣ ничего не брали, а держали ихъ просто по состраданію, «Христа ради». Изрѣдка развѣ, и то не иначе, какъ «по усердію», кто-нибудь изъ подначальныхъ бѣдняковъ бывало промететъ дворъ или улицы или выполетъ гряды, или сходитъ на Оку за водою, необходимою сколько для хозяйскаго, столько же и для собственнаго употребленія самихъ подначальныхъ.

Въ кромѣшномъ аду, который представляла собою орловская монастырская слободка, уютный домикъ этапнаго офицера и его чистенькій дворикъ представляли самое утѣшительное и даже почти сносное мѣсто. Сострадательные хозяева жалѣли злополучныхъ «подначальниковъ» и облегчали ихъ тяжкую участь безъ разсужденія, которое такъ легко ведетъ къ осужденію. Но, однако, и здѣсь, кромѣ пріюта, «духовеннымъ» ничего не давали, потому что не имѣли, чтò имъ дать. Имъ дозволяли только дергать на огородѣ чрезвычайно разросшійся хрѣнъ, который угрожалъ заглушить всякую иную зелень и не переводился, несмотря на самое усердное истребленіе его «духовенными».

Домомъ этимъ дорожили «духовенные» и, прощаясь съ офицерскимъ семействомъ, всегда молили «паки ихъ не отвергнуть, если впадутъ въ руцѣ Бруевича и паки сюда послѣдуютъ». Дорожилъ этими добрыми людьми и я, не только потому, что мнѣ всегда было пріятно въ этой простой доброй семьѣ, но и потому, что я могъ здѣсь встрѣчать многострадальныхъ «духовенныхъ», съ дѣтства меня необыкновенно интересовавшихъ. Они располагали меня къ себѣ ихъ жалкою приниженностію и сословной оригинальностію, въ которой мнѣ чуялось несравненно болѣе жизни, чѣмъ въ тѣхъ, такъ называемыхъ, «хорошихъ манерахъ», внушеніемъ коихъ томилъ меня претензіонный кругъ моихъ орловскихъ родственниковъ. И за эту привязанность къ орловскимъ духовеннымъ я былъ щедро вознагражденъ: единственно благодаря ей, я съ дѣтства моего не раздѣлялъ презрительныхъ взглядовъ и отношеній «культурныхъ» людей моей родины къ бѣдному сельскому духовенству. Благодаря орловской монастырской слободкѣ, я зналъ, что среди страдающаго и приниженнаго духовенства русской церкви не все одни «грошевики, алтынники и блинохваты», какихъ выводили многіе повѣствователи, и я дерзнулъ написать

«*Соборянъ*». Но въ тѣхъ же хранилищахъ моей памяти, изъ коихъ я черпалъ типичныя черты для изображенія лицъ, выведенныхъ мною въ названной моей хроникѣ, у меня остается еще много клочковъ и обрѣзковъ или, какъ нынче говорятъ по-русски, «купюровъ». И вотъ теперь одинъ изъ этихъ «купюровъ» просится къ настоящему случаю подъ перо. Герой моего наступающаго разсказа—молодой сельскій дьячокъ Лукьянъ, фамиліи котораго я не помню. Это былъ человѣкъ очень длинный и, отъ своей долготы, сгорбленный, худой, смуглый, безбородый, со впалыми щеками, несоразмѣрно маленькою головкою «рѣпкою» и веселыми желтыми глазками. Онъ былъ «безпокойнаго характера», постоянно имѣлъ разнообразныя стычки съ разными лицами, попалъ за одну изъ нихъ подъ начало и сдѣлался мнѣ особенно памятнымъ по своей отважной борьбѣ съ Смарагдомъ, котораго онъ имѣлъ удивительное счастіе и растрогать, и одолѣть, — во всякомъ случаѣ, по собственнымъ его словамъ, онъ «побѣдилъ воеводу непобѣдимаго».

Дьячокъ Лукьянъ появился въ офицерскомъ домѣ на монастырской слободкѣ лѣтомъ, передъ ученическимъ разъѣздомъ на каникулы. Родъ вины его былъ оригинальный: онъ попалъ сюда «*по обвиненію въ кисейныхъ рукавахъ*». Подробнѣе этого о своемъ преступленіи Лукьянъ вначалѣ ничего не сообщалъ, и я такъ и уѣхалъ на каникулы въ деревню съ одними этими поверхностными и скудными свѣдѣніями о его виновности. Извѣстно было только, что преступленіе съ «кисейными рукавами» стряслось на Троицу и что виновный въ немъ былъ взятъ и привезенъ въ Орелъ, по его словамъ, какъ-то «нагло», такъ что онъ даже оказался безъ шапки. Это я очень хорошо помню, потому что бѣднякъ попервоначалу чрезвычайно стѣснялся быть безъ шапки и все хлопоталъ отыскать «оказію», чтобы выписать изъ «своихъ мѣстъ» какую-то, будто бы имѣвшуюся у него, другую шапку. По своему легкомысленному ребячеству, я почему-то все сближалъ Лукьяна съ тогдашнимъ романсомъ:

Ахъ, о чемъ ты проливаешь
Слезы горькія тайкомъ
И украдкой утираешь
Ихъ кисейнымъ рукавомъ.

Я думалъ: не онъ ли сочинилъ этотъ романсъ, или не запѣлъ ли онъ его ошибкою, гдѣ не слѣдуетъ. Но дѣло заключалось совсѣмъ въ иномъ.

По возвращеніи съ каникулъ, я засталъ Лукьяна въ прежней позиціи, т.-е. на этой же монастырской слободкѣ, въ офицерскомъ домѣ, но только уже не простоволосаго, а въ желтомъ кожаномъ картузѣ, съ длиннымъ четырехъугольнымъ козыремъ. Это меня очень обрадовало, и я, при первой же встрѣчѣ, выразилъ ему свое удовольствіе, что онъ нашелъ хорошую оказію вытребовать себѣ шапку. Но Лукьянъ только махнулъ головою и, снявъ съ себя свой оригинальный картузъ, отвѣчалъ, что оказіи онъ еще не нашелъ, а что носимый имъ теперь на головѣ снарядъ добытъ имъ «по случаю». При этомъ, осматривая картузъ съ глубокимъ пренебреженіемъ, какъ вещь несоотвѣтствующую его духовному званію и употребляемую только по крайности, онъ сказалъ:

— Колпачокъ этотъ, чтобы покуда накрываться, мнѣ царскихъ жеребцовъ вертинаръ *) за регистры подарилъ,— и при этомъ Лукьянъ добавилъ, что колпакъ этотъ «дурацкій» и что какъ только онъ въ скорости возвратится домой, то сейчасъ же этотъ «колпачокъ» сдастъ на скворешню и скворца въ него посадитъ, чтобы тотъ научился въ ней по-нѣмецки думать: «кому на Руси жить хорошо».

Однако, ни одинъ скворецъ не дождался этой чести, потому что нѣмецкій колпачокъ успѣлъ разрушиться на головѣ самого Лукьяна, прежде чѣмъ онъ уѣхалъ во-свояси. Онъ гулялъ въ немъ все лѣто, осень и зиму до Алексѣя Божія человѣка, когда въ судьбѣ моего страдальца неожиданно произошла счастливая перемѣна.

За этотъ терминъ страданій я узналъ отъ Лукьяна въ подробности о кисейныхъ рукавахъ и о прочемъ, — о чемъ теперь, вѣроятно, безъ всякихъ для него послѣдствій, могу сказать въ воспоминаніе: какія важныя дѣла иногда судятъ наши владыки.

Лукьянъ былъ человѣкъ холостой и состоялъ дьячкомъ въ очень бѣдномъ приходѣ, въ селѣ, которое, кажется, на-

*) «Царскими жеребцами» въ Орлѣ тогда звали заводскихъ жеребцовъ случной конюшни императорскаго коннозаводства. Она помѣщалась противъ монастырской слободы.

зывалось Цвѣтынь и было гдѣ-то неподалеку отъ извѣстнаго надъ Окою крутого Ботавинскаго спуска. При Лукьянѣ жила мать, которую онъ очень любилъ, но болѣе всего онъ, по своему кавалерскому положенію, любилъ нѣжный полъ и, по этому случаю, часто попадалъ въ «стычки». Въ этихъ случаяхъ Лукьянъ нерѣдко былъ «мятъ», но все это ему, однако, не приносило всей той пользы, какую должно приносить «тѣлесное наученіе». Увлеченіе страсти и слабости сердца заставляли его забывать все былое, и вскорѣ опять гдѣ женщины—тамъ и Лукьянъ, а затѣмъ невдалекѣ его и колотятъ и—что всего удивительнѣе—колотятъ иногда при помощи тѣхъ же самыхъ женщинъ, у которыхъ онъ, благодаря крутымъ завиткамъ на вискахъ и обольстительному духовному краснорѣчію, имѣлъ замѣчательные успѣхи. Но, на его несчастіе, онъ былъ слишкомъ непостоянъ и, притомъ, слишкомъ находчивъ. Въ такомъ родѣ было и его послѣднее преступленіе, за которое онъ теперь томился въ Орлѣ. Удостоенный вниманія пожилой постоялой дворничихи, онъ въ то же самое время воспылалъ страстію къ другой, молодой и болѣе красивой женщинѣ, и тутъ такъ «попутался», что во время одного визита къ дворничихѣ «скрылъ» у нея и «потаенно вынесъ» пышные кисейные рукава, которые немедленно же и презентовалъ соблазнительной красавицѣ. Сердце красавицы онъ этимъ преклонилъ на свою сторону, но самъ за это «двукратно пострадалъ». Во-первыхъ, когда молодая женщина появилась въ «скрытыхъ» Лукьяномъ кисейныхъ рукавахъ на Троицынъ день подъ качелями, то она тѣмъ привела въ неистовство обиженную дворничиху. Послѣдствіемъ этого было, что обѣ бабы произвели сначала взаимную потасовку, а потомъ, увидя желавшаго ихъ разнять Лукьяна, соединили свои силы и *обѣ* принялись за него: его онѣ жестоко растрепали и исцарапали, а еще болѣе «пустили молву», вслѣдствіе чего объ этомъ было «донесено репортомъ», который предсталъ на архіерейскій судъ.

Но судъ былъ еще далекъ: обвиняемый томился, а Смарагду о немъ, вѣроятно, или совсѣмъ не докладывали, или же владыка не считалъ дѣло «о кисейныхъ рукавахъ» подлежащимъ немедленному разбирательству и хотѣлъ нарочно потомить духовнаго волокиту. На огородѣ офицера отцвѣлъ и свернулся наперенный Лукьяномъ «по усердію» горохъ и

посинѣли тучные бобы, въ буйной ботвѣ которыхъ, бывало, спрятавшійся Лукьянъ громко и пріятно наигрывалъ что-то на зеленой ракитовой дудкѣ. Онъ плѣнялъ этою чудесною игрою и насъ съ товарищемъ, слушавшихъ его съ чердака, куда мы забирались читать Веверлея, и многихъ сосѣдокъ офицерскаго домика, старавшихся открыть черезъ частоколъ: гдѣ кроется въ своемъ желтомъ картузѣ пострадавшій за любовь трубадуръ? Все это отошло: огороды опустѣли, Лукьянъ убралъ офицершѣ по усердію и картофель, и рѣпу, и нарубилъ съ батрачкою большіе наполы капусты, а собственное его дѣло о кисейныхъ рукавахъ нимало не подвигалось.

Настала суровая, холодная осень,—онъ все еще сидѣлъ на опустѣломъ огородѣ и спалъ въ нетопленномъ курятникѣ. Питался онъ *хрѣномъ*, самъ готовя себѣ изъ этого фрукта и кушанье, и напитокъ. Кушанье это было — скобленный хрѣнъ съ сальными «шкварками», которыя выбрасывали изъ кухни, а напитокъ дѣлался изъ тертаго хрѣна съ бѣлымъ квасомъ «суровцомъ».

Шутя надъ своею нуждою, Лукьянъ называлъ свое блюдо изъ хрѣна «лимонадъ-буштекцъ», а напитокъ «лимонадъ-бышквитъ».

Кажется, если бы не только самаго узловатаго нѣмца, но даже самаго сильнаго изъ древнихъ русскихъ могучихъ богатырей покормить этимъ «лимонадъ-буштекцомъ» и попоить «лимонадъ-бышквитомъ», то и онъ черезъ недѣлю задралъ бы ноги, но тщедушный Лукьянъ живъ и здравъ бывалъ. Однако, наконецъ, вся эта истома и его пересилила: онъ заскучалъ и сталъ говорить, что «надо къ кому-нибудь подольститься и искать протекціи», чтобы «подвинуть свое дѣло». И онъ въ этихъ цѣляхъ, дѣйствительно, «подольстился» къ кому-то такому, кто попросилъ о немъ жандармскаго вахмистра, который имѣлъ сношенія съ случайными людьми архіерейскаго дома, и тѣ явили Лукьяну благостыню, по началу судя, весьма странную, но по послѣдствіямъ, дѣйствительно, очень полезную.

У полнокровнаго и тучнаго Смарагда бывали тяжелые припадки, — надо полагать, гемороидальнаго свойства. Въ эту пору у него, по разсказамъ, болѣла поясница и напухало между «крылъ». Архіерейское *междукрыліе* находится

на спинѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ у обыкновенныхъ людей движутся лопатки. Поэтому опухоль между крылъ, по-просту говоря, значила, что у епископа напухала спина между лопатками, и отъ этой опухоли, причинявшей больному тяжесть, докторъ (кажется Деппишъ) совѣтовалъ Смарагду полѣчиться активной гимнастикой. Но какія же гимнастическія упражненія удобны и приличны для человѣка такого высокаго и притомъ священнаго сана? Нельзя же архіерею метать шарами или подскакивать на трапеціи. Но Смарагдъ былъ находчивъ и выдумалъ нѣчто болѣе солидное и, притомъ, патріархальное, а вдобавокъ, и полезное: онъ пожелалъ *пилить дрова* съ подначальными, которые въ его бытность постоянно исполняли при архіерейскомъ домѣ черныя дворовыя работы и, между прочимъ, пилили и кололи дрова для архіерея и его домовыхъ монаховъ.

Дьячокъ Лукьянъ былъ при чемъ-то въ сторожахъ и искалъ «протекціи», чтобы попасть въ пильщики, дабы такимъ образомъ имѣть случай не только встрѣтиться со своимъ владыкою, но, такъ-сказать, стать съ нимъ лицомъ къ лицу. Этимъ способомъ онъ надѣялся обратить на себя владычное вниманіе и извлечь изъ того для себя нѣкоторую существенную пользу. Жандармскій вахмистръ, силою своихъ связей съ архіерейскимъ домомъ, все это устроилъ.

Смарагдъ избралъ для своихъ упражненій во врачебной гимнастикѣ послѣобѣденные часы. Прямо изъ-за стола онъ шелъ въ сарай, гдѣ труждались за топорами и пилою подначальные, и съ очередными изъ пильщиковъ перепиливалъ три, четыре, а иногда и пять плахъ. Такъ шло уже нѣсколько времени, и хотя епископъ неопустительно продолжалъ свои занятія, но они, вѣроятно, не оказывали желаемаго воздѣйствія на его владычныя междукрылія: онъ все ходилъ пригорбясь и насупясь и бѣ яко Исавъ «нрава дикаго, угрюмаго, ко гнѣву склоннаго и мстительнаго».

Дьячокъ Лукьянъ, наблюдая все это, приходилъ отъ такого архіерейскаго вида въ неописанный страхъ, который потомъ вдругъ сталъ переходить въ раздраженіе. Всѣ горести Лукьяна разомъ точно поднялись у него изъ сердечной глубины, и онъ сталъ такъ свирѣпо ругаться, что дѣлалось за человѣка страшно. Позже онъ даже началъ угрожать чѣмъ-то нестаточнымъ, и отъ его возбужденности, дѣй-

ствительно, можно было ожидать какого-нибудь очень нехристіанскаго поступка.

— Отекъ очень съ сытости,—говорилъ онъ непочтительно о своемъ владыкѣ:—оттого ничего и не чувствуетъ, а отцы наши все поддѣлываются: самыя тоненькія да сухія плашки ему пилить подкладываютъ. Низкое ихъ обхожденіе такъ научаетъ, но дай срокъ, пусть онъ первый разъ меня за пилою, а не за топоромъ застанетъ, я его такимъ полѣномъ разуважу, что будетъ онъ меня вѣкъ помнить.

Мы съ товарищемъ пожелали узнать, что такое, именно, Лукьянъ придумалъ подстроить своему архіерею, и узнали, что подначальный дьячокъ, полный кипящаго мщенія къ Смарагду, желаетъ подложить ему самыя толстыя коряги, надъ которыми бы его преосвященство «хорошенько проныхтѣлся». Я и мой товарищъ, по своему отроческому легкомыслію, находили эту мысль чрезвычайно счастливою и достойною тѣхъ представленій, какія мы имѣли о Смарагдѣ, но сильно боялись за предпріимчиваго Лукьяна, чтобы это не обошлось ему дороже, чѣмъ онъ разсчитываетъ.

Лукьянъ, однако, былъ на такой возвышенной степени воодушевленія, что не хотѣлъ слушать никакихъ доводовъ.

— Ребра онъ мнѣ, говоритъ, не сокрушитъ, а что ежели онъ меня костылемъ отвозитъ, то я этого только и желаю, потому что онъ опосля битья, говорятъ, иногда сдабривается.

Такъ онъ и пошелъ неуклонно на эту желанную мѣру сближенія съ своимъ архипастыремъ; а мы все не забывали интересоваться ходомъ его исторіи, которая, впрочемъ, не замедлила принять оборотъ самый краткій и самый рѣшительный. Лукьянъ сдѣлалъ, какъ намѣревался, и въ укромномъ мѣстѣ, подъ стѣною, въ пильномъ сараѣ, припасъ для своего владыки десятка полтора самыхъ толстыхъ суковатыхъ плахъ. Онъ тщательно берегъ этотъ отборъ до того случая, когда Смарагдъ застанетъ его за работою и возьмется съ нимъ за другой конецъ пилы, чтобы размять свои междукрылія. Случай этотъ не замедлилъ. Дня черезъ два послѣ того, какъ Лукьянъ сообщилъ намъ о своемъ смѣломъ предпріятіи, онъ явился домой въ невыразимомъ отчаяніи и, бросивъ подъ кухонную лавку свой желтый шлыкъ, объявилъ, что «надѣлалъ себѣ бѣды, какой не ожидалъ».

— Приходитъ, говоритъ, владыка, а я пилю съ кром-

ской округи попомъ старенькимъ: владыка попа прогнали: «пошелъ прочь», говорятъ, потому онъ имъ не по таліи, а мнѣ приказали: «клади плаху». Я-было оробѣлъ и хотѣлъ, подобно какъ и другіе-прочіе, — положить плаху какая собою поделикатнѣе, но раздумался, что этакъ я себя долго ни къ чему счастливому не произведу и, благословясь, выхватилъ изъ своего амбара штуку самую безобразную. Владыка взглянули на меня и ничего не сказали, стали рѣзать, два ряда прошли и ряску сняли, говорятъ: «повѣсь на колокъ». А еще рядъ отпилили и совсѣмъ стали, а я имъ другую еще коряжистѣе на козлы положилъ. Тутъ онъ на меня ужъ такимъ святителемъ взглянулъ, что у меня и въ животѣ захолодѣло. «Ничего, говоритъ, ничего, я и эту перепилю, а ужъ зато ты у меня еще цѣлый годъ въ пильщикахъ останешься». Съ тѣмъ и ушли.

Мы спросили Лукьяна: что же онъ теперь думаетъ дѣлать? А онъ въ отчаяніи отвѣчалъ, что и самъ не знаетъ, но что, кажется, ему лучше всего продолжать свой терминъ держать,—потому что, такъ онъ надѣялся, можетъ-быть ему Богъ поможетъ на семъ тяготѣніи своего владыку раньше года постоянствомъ «преодолѣть и замучить».

И точно, прошло не болѣе недѣли, какъ «державшій свой терминъ» Лукьянъ возвратился съ веселымъ видомъ и объявилъ, что онъ «архіерея замучилъ» и дѣло о кисейныхъ рукавахъ, кажется, поправляется.

— Какъ же это такъ счастливо обернулось? — спрашиваемъ.

— А такъ, отвѣчаетъ, оно обернулось, что я его преосвященство совсѣмъ заморилъ и отъ болѣзни ихъ совершенно вполнѣ этими толстыми полѣньями выпользовалъ.

— А почему, говоримъ, это видно?

— Разсердился, и нынѣ меня, слава Богу, такъ костылемъ отвозилъ, что и сейчасъ загорбокъ больно.

— За что же это?

— Досадно стало, что характеръ имѣю большія плахи класть, и самъ мнѣ наклалъ.

— Что же, говоримъ, тутъ хорошаго?

— Теперь сдобрится.

— А какъ нѣтъ?

— Нѣтъ, сдобрится: всѣ, которые опытные, завидуютъ,

говорятъ: «Экое счастіе тебѣ отъ святителя! теперь, какъ сердце отойдетъ, онъ твое дѣло потребуетъ и рѣшитъ».

Приходитъ Лукьянъ на другой день и еще веселѣе.

— Вчера же, сказываетъ, дѣло къ себѣ потребовали.

А еще черезъ день послѣ этого нашъ Лукьянъ какъ вбѣжалъ на дворъ въ калитку, такъ прямо, ни съ того ни съ сего, и пошелъ на рукахъ колесомъ.

— Отпустилъ, кричитъ, отпустилъ, ко двору благословилъ идти.

— А какое же, спрашиваемъ, было наказаніе?

— Вовсе безъ наказанія,—кромѣ того, какъ третьяго дня костылемъ поблагословлялъ, ничего другого не вмѣнено.

— Да вѣдь костылемъ это было не за кисейные рукава, а за другое.

— Ну, что тамъ разбирать, что за что выпало! Одно слово: иду благополучный, все равно, какъ плетьми да на выпускъ. Чего еще надо?

«Плетьми на выпускъ» въ то время на Руси за большую непріятность не считалось. Нынче русскіе люди на этотъ счетъ немножко избаловались.

Итакъ, не поучаетъ ли насъ сей приснопамятный Лукьянъ, приведеннымъ случаемъ своей судьбы, что никогда не должно отчаиваться въ милосердіи русскихъ владыкъ, ибо хотя иные изъ нихъ и гнѣвны, но и ихъ гнѣвности бываетъ порою ослабленіе. И не достоинъ ли сей, повидимому, какъ будто маловажный случай особеннаго вниманія, именно потому, что онъ былъ не съ какимъ-нибудь слабохарактернымъ лицомъ, а со Смарагдомъ, о которомъ въ Орлѣ говорили, что онъ никого не боится и единственно лишь тѣмъ уступаетъ московскому митрополиту, что тотъ «ѣздитъ на шести животныхъ, съ двумя человѣками на запяткѣ». Другой же, менѣе Смарагда, нравный архіерей, конечно, можетъ оказаться еще податливѣе, если только случай сведетъ его съ человѣкомъ, въ коемъ онъ замѣтитъ настоящее «savoir faire». А безъ сноровки, конечно, ничего не подѣлаешь не только съ архіереями, но даже и съ своими собственными дѣтьми.

Въ подтвержденіе же моихъ словъ о способности архіереевъ переходить отъ гнѣва къ благоувѣтному добродушію, разскажу еще одинъ такой случай о другомъ архіереѣ,

тоже вспыльчивомъ и гнѣвномъ, но укрощавшемся еще легче и проще.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Одна изъ моихъ тетокъ была замужемъ за англичанином Ш.. который управлялъ огромными имѣніями у гр. П., въ восточной полосѣ Россіи. Англичанинъ Ш. былъ человѣкъ очень благородный и добрый, но своеобычный. Онъ любилъ вѣжливость и если встрѣчалъ съ чьей-либо стороны грубость и наглость. то не прощалъ ихъ безъ нотаціи. Еще въ молодости онъ имѣлъ въ орловской губерніи исторію съ однимъ кавалерійскимъ полковникомъ, котораго Ш., просто-на-просто, прибилъ за нахальство. Не измѣнился онъ въ этомъ отношеніи и подъ старость. Когда я жилъ въ п—ской губерніи. онъ тогда, имѣя уже 60 лѣтъ отъ роду, вызывалъ на дуэль губернскаго предводителя дворянства А., съ которымъ не раздѣлался только потому, что умеръ. Теперь они уже оба покойники.

Разъ, лѣтомъ, не помню теперь котораго именно года, дядя Ш., строившій *первую* въ п—ской губерніи паровую мельницу, купилъ для нея въ селѣ К. огромные штучные французскіе жернова, которые были уже скованы крѣпкими шинами и которыхъ намъ очень не хотѣлось разбирать и сковывать за-ново. Мы рѣшили катить ихъ цѣликомъ и послали приготовленную для того снасть, лошадей и людей; но вдругъ получаемъ извѣстіе, что камни наши, едва отъѣхавъ десять верстъ отъ К., *проломили мостъ* и засѣли въ сваяхъ.

Мы съ Ш. сейчасъ же поѣхали на мѣсто крушенія и, пріѣхавъ въ К. довольно поздно вечеромъ, остановились въ домѣ тамошняго священника, тогда еще очень молодого человѣка, который былъ намъ и радъ. и не радъ. По личнымъ добрымъ отношеніямъ къ Ш. онъ встрѣтилъ насъ весьма радушно, но былъ встревоженъ и смущенъ тѣмъ, что преосвященный В.. объѣзжавшій въ ту пору епархію, ночевалъ всего въ десяти верстахъ отъ К. и завтра долженъ былъ нагрянуть со всѣми провожатыми. Священнику, конечно, было о чемъ позаботиться: надо было ихъ и накормить. и размѣстить. Особенно его затрудняло послѣднее, такъ какъ его сельскій домикъ былъ очень не великъ, а поврежденный мостъ съ застрявшими въ сваяхъ камнями не по-

давалъ никакой надежды скоро переправить «объ онъ полъ потока» архипастырскую карету.

Мы были, нѣкоторымъ образомъ, виновниками тягостныхъ для батюшки осложненій и чувствовали это, но помочь ему не могли ничѣмъ, кромѣ того, что, не претендуя на его гостепріимство въ домѣ, приготовленномъ «подъ владыку», легли спать на сѣновалѣ. Мы встали утромъ, чѣмъ свѣтъ, и отправились къ изломанному мосту, о поправкѣ котораго нельзя было и думать прежде, чѣмъ мы найдемъ какое-нибудь средство снять камень, засѣвшій въ проломѣ настилки, между сваями.

Снять камень оказалось, однако, совершенно невозможно, и мы, послѣ многихъ соображеній, рѣшили разсѣчь шины, которыя его связывали въ одно цѣлое, послѣ чего онъ долженъ былъ раздѣлиться на штуки и упасть въ ручей, откуда уже его предстояло послѣ вытащить и перевезти на колесняхъ.

Распорядясь этою работою и оставивъ людей при дѣлѣ, мы около десяти часовъ утра возвратились въ домъ священника, выкупались въ рѣкѣ, съѣли яичницу и усталые кувырнулись на сѣновалъ и заснули. Но только-что мы разоспались, какъ внезапу быстъ шумъ: мы были разбужены разливавшимся надъ поповкою оглушительнымъ трезвономъ колоколовъ и крикомъ: «ѣдетъ! ѣдетъ! архіерей ѣдетъ!»

Было очень любопытно посмотрѣть, какъ *онъ ѣдетъ?*

Съ неубранными спросонья головами, заспанными лицами и въ сыромъ, неотчищенномъ отъ грязи дорожномъ платьѣ, мы вышли къ калиткѣ и увидали, что *онъ ѣхалъ* неважно—на своихъ-на-двоихъ. По-просту говоря, *онъ шелъ пѣшкомъ*, потому что его карета не могла переѣхать черезъ мостъ. Зато шелъ святитель окруженный толпою, состоявшею человѣкъ изъ двадцати духовныхъ и недуховныхъ людей, между которыми особенно замѣчательны были двѣ бабы. Одна изъ этихъ усердныхъ христіанокъ все подстилала передъ святителемъ полотенце, на которое тотъ и наступалъ для ея удовольствія, а другая была еще благочестивѣе и поровила сама лечь передъ нимъ на дорогу,—вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы святитель по самой по ней прошелся, но *онъ* ей этого удовольствія не сдѣлалъ. Самъ онъ представлялъ изъ себя особу съ красноватымъ геморондаль-

нымъ лицомъ, на которомъ свѣтились маленькіе, сердитые сѣрые глазки, раздѣленные толстымъ, дубоватымъ носомъ. Во всей фигурѣ владыки не было не только ничего «святолѣпнаго», но даже просто ничего внушительнаго. Онъ казался только разгнѣваннымъ и «преогорченнымъ». Тревожный взоръ его какъ будто вопрошалъ всѣхъ и каждаго: «Что это такое? Отчего это я могу ходить пѣшкомъ?»

Дядя Ш. былъ человѣкъ религіозный и даже ѣзжалъ въ русскую церковь, къ которой принадлежала его жена и дѣти, но, на несчастіе, онъ о ту пору былъ сердитъ на архіереевъ. Это вышло по одному, незадолго передъ тѣмъ случившемуся, случаю съ дочерью его великобританскаго друга, миссъ Сп—нгъ. Дѣло это состояло въ томъ, что миссъ Сп—нгъ, гостя у своихъ и у нашихъ друзей въ орловской губерніи, заболѣла и, какъ дѣвушка религіозная, позвала къ себѣ единственное духовное лицо въ деревнѣ,—приходскаго священника. А добрый сельскій батюшка не только помазалъ ее муромъ и причастилъ, но и примазалъ ей это въ ея документѣ, т.-е. сейчасъ же «учинилъ о семъ надпись на ея паспортѣ».

Между тѣмъ, умиравшая миссъ Сп—нгъ, послѣ совершеннаго надъ нею таинодѣйствія, не только выздоровѣла, но вскорѣ же была помолвлена за сына извѣстнаго московскаго англійскаго коммерсанта г. Л—ви. И тутъ, когда дѣло дошло до вѣнчанія, московскій англиканскій паспортъ набрелъ на самый неожиданный сюрпризъ: невѣста значилась *«православною»*. Объ англійскія семьи и весь московскій англійскій приходъ, не сумѣвъ достойно оцѣнить это обстоятельство, пришли въ непонятное смятеніе и ужасъ. И вотъ пасторъ съ моимъ дядею отправились къ митрополиту Филарету Дроздову «отпрашивать» присоединенную по невѣдѣнію англичанку, но митрополитъ имъ отказалъ. Тогда дѣло поправили иначе и гораздо легче. Помогъ въ этомъ случаѣ одинъ московскій квартальный, указавшій средство переписать оправославленную невѣсту снова въ ея прежній еретическій англиканизмъ. Секретъ, сколько припоминаю, состоялъ въ томъ, что паспортъ англичанки съ надписью о ея присоединеніи *утратили* и вытребовали ей новый, на которомъ никакой надписи о присоединеніи не было. Такъ ее и перевѣнчали какъ *будто англиканку*. Но все-

таки московскихъ англичанъ Леонтьевскаго переулка всѣ эти хлопоты сердили, и дядя Ш. былъ, по его словамъ, «золъ на архіереевъ» и далъ слово не имѣть съ ними никакихъ дѣлъ. Однако, нижеслѣдующій случай заставилъ его нарушить это слово.

Когда мы вошли въ церковь, недовольный путешествіемъ архіерей шумѣлъ на кого-то въ алтарѣ и, наконецъ, все обозрѣвъ и сдѣлавъ всѣ распорядки въ алтарѣ, вышелъ къ солеѣ, у которой стояли ктиторъ и еще человѣка два-три не изъ духовныхъ. Здѣсь же находилась и «матушка» отца-настоятеля, пришедшая просить его преосвященство на чай.

Преосвященный все супился и, раздавая всѣмъ по рукамъ благословеніе, спрашивалъ каждаго:

— «Чей такой», или «чья ты?»—и, раздавъ эти благословенія, на низкій поклонъ и привѣтъ матушки отвѣтилъ:

— «Ступай, готовься, — приду».—И затѣмъ онъ вдругъ неожиданно обратился къ намъ, смиренно стоявшимъ на лѣвомъ клиросѣ, и громко крикнулъ:

— А вы что? Чьи вы? Чего молчишь, старикъ?

Англичанинъ мой замоталъ головою, что у него обыкновенно бывало признакомъ неудовольствія, и неожиданно для всѣхъ отвѣтилъ:

— А ты чего кричишь, старикъ?

Архіерей даже покачнулся и вскрикнулъ:

— Какъ? что ты такое?

— А ты что такое?

Шумливый епископъ какъ-будто совсѣмъ потерялся и, ткнувъ по направленію къ намъ пальцемъ, крикнулъ священнику:

— Говори: кто этотъ грубецъ? (sic).

— Грубецъ да не глупецъ,—отвѣчалъ Ш., предупредивъ отвѣтъ растерявшагося священника.

Архіерей покраснѣлъ, какъ ракъ, и, защелкавъ по палкѣ ногтями, уже не проговорилъ, а прохрипѣлъ:

— Сейчасъ мнѣ доложить, *что это* такое?

Ему доложили, что *это* А. Я. Ш., главноуправляющій имѣніями графовъ П--скихъ.

Архіерей вопросилъ:

— А для чего онъ въ такомъ уборѣ?—но, не дождавшись на это никакого отвѣта, направился прямо на дядю. Моментъ былъ самый рѣшительный, но окончился тѣмъ, что архіерей протянулъ Ш. руку и сказалъ:

— Я очень уважаю англійскую націю.

— Благодарю.

— Характерная нація.

— Ничего: хороша,—отвѣчалъ Ш.

— А что здѣсь случилось, прошу покорно, пусть остается между насъ.

— Пусть остается.

— Теперь же прошу къ священнику: откушать вмѣстѣ моего дорожнаго чаю.

— Отчего не такъ? —отвѣчалъ дядя:—я люблю чай.

— Значитъ, обрусѣли?

— Нѣтъ,—значитъ—чай люблю.

Преосвященный хлопнулъ дядю по-товарищески по плечу и еще разъ воскликнулъ:

— Ишь, какая характерная нація! Полно злиться!

А затѣмъ онъ оборотился ко всѣмъ предстоявшимъ и добавилъ: а вы ступайте по своимъ мѣстамъ.

И, наговорившіе другъ другу комплиментовъ, англичанинъ и архіерей долгонько кушали чай и закусывали «изъ дорожныхъ запасовъ» владыки, при чемъ его преосвященство въ это время не разъ принимался хлопать Ш. по плечу. Оба они остались другъ другомъ столько довольны, что на прощаньи братски распѣловались, причемъ Ш. такъ сильно сжалъ поданную ему архіереемъ руку, что тотъ сморщился и еще разъ вскрикнулъ:

— Охъ, какая здоровая нація!

Такъ все это мирно и пріятно кончилось въ мимолетномъ свиданіи этого архипастыря съ англичаниномъ, а между тѣмъ этого самаго архіерея иные его современники представляли человѣкомъ и злымъ, и желчнымъ, да и позднѣйшіе некрологисты не могутъ согласиться въ его оцѣнкѣ. Я же болѣе согласенъ съ тѣмъ изъ нихъ, который старается доказать, что преосвященный В. имѣлъ очень доброе сердце. Но крайней мѣрѣ, я не вижу причины, которая не позволяла бы мнѣ заключить, что этотъ человѣкъ владѣлъ золотою способностью дѣлаться очень незлобивымъ, *если* чувствовалъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ, принадлежащимъ

къ «здоровой націи». А въ такомъ случаѣ очень возможно, что тѣ, которымъ онъ казался неукротимымъ, вѣроятно, только не умѣли себя съ нимъ держать. Не надо забывать стараго правила: «кто хочетъ, чтобы съ нимъ уважительно обходились другіе, тотъ прежде всего долженъ уважать себя самъ».

Мнѣ кажется даже, что его преосвященство имѣлъ нѣсколько высокій для русскаго человѣка идеалъ гражданскаго общества и потому-то именно онъ и раздражался презрѣннымъ низкопоклонствомъ и лестью окружающихъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Есть очень распространенное, но совершенно ложное мнѣніе, будто наши архіереи люди крутые и неподатливые, будто они совсѣмъ безжалостны къ скорбямъ и нуждамъ мірскихъ человѣковъ. Такое, давно сложившееся, но, какъ я смѣю думать, неосновательное или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ одностороннее мнѣніе особенно раздражительно выразилось въ послѣднее время (въ концѣ семидесятыхъ годовъ)... Причиною было, такъ-называемое въ газетахъ «фіаско брачнаго вопроса въ св. синодѣ».

Синодальныя сужденія по этому ноющему вопросу русской жизни далеко не вполнѣ извѣстны всему обществу, которое должно было довольствоваться только краткими «резюме», а въ нихъ для него не было ничего утѣшительнаго. Люди, несчастливые въ бракѣ, опять остались въ безотрадномъ и безвыходномъ положеніи—тянуть цѣлую жизнь тяжкое и неудобоносимое бремя несноснаго сожительства при взаимныхъ неладахъ и ненависти. Выходы остались прежніе: или смерть, или клятвопреступническая процедура нынѣшняго развода, или преступленіе въ родѣ того, какое намъ являетъ судебная хроника въ харьковскомъ дѣлѣ объ убійствѣ доктора Ковальчукова. Желать смерти даже ненавистнаго человѣка отвратительно; искать союза съ клятвопреступниками, содѣйствіе которыхъ необходимо при нынѣшнихъ законахъ о разводѣ, не менѣе отвратительно и притомъ стоитъ очень дорого. Это возможно только людямъ богатымъ, а семейное счастіе желательно и потребно каждому, — и бѣдному оно даже нужнѣе, чѣмъ богатому. Третій способъ раздѣлаться съ ненавистнымъ союзомъ есть преступленіе, на которое, къ счастію человѣчества, способны очень немногіе

относительно всего числа несчастливыхъ супруговъ. Далѣе, выходя изъ всякаго терпѣнія, люди, при какой-нибудь долѣ благоразумія, предпочитаютъ то, что, по господствующимъ понятіямъ, хотя и составляетъ позоръ, но при всемъ томъ даетъ людямъ какой-нибудь призракъ семейнаго счастія: у насъ все болѣе и болѣе распространяется безбрачное сожительство по-неволѣ. Люди эти несутъ нѣкоторое тяжкое отчужденіе и, страдая отъ него, конечно, не благословляютъ и никогда не благословятъ тѣхъ, кого они считаютъ виновниками своихъ несчастій, т.-е. защитниковъ тягостнѣйшихъ и невыносимыхъ условій нерастворимаго брака при несходствѣ нравовъ и характеровъ.

Понятно, что когда, при такихъ обстоятельствахъ, обществу стало извѣстно, что брачный вопросъ, поднятый въ синодѣ по почину лица свѣтскаго чина, «потерпѣлъ полнѣйшее фіаско» по неподатливости лицъ чина духовнаго, то это не содѣйствовало притупленію чувства раздраженія, питаемаго многими противъ епископовъ. Послышались рѣчи памятныя и страшныя, которыя можно извинить только тѣмъ состояніемъ ужасной намученности, отъ которой впадали въ отчаяніе люди, потерявшіе въ этомъ «фіаско» всякую надежду поправить свою несчастную жизнь.

И были эти раздраженныя, но неосновательныя слова такъ внятны и такъ жестоки, что они, кажется, должны бы проникнуть и за тѣ высокія стѣны, которыми ограждали себя неподатливые устроители этого фіаско. И было бы непонятно и ужасно, какъ этотъ стонъ не тревожилъ ихъ сна и не вредилъ ихъ аппетиту, если бы... *если бы они могли поступить иначе.* Но дѣло, именно, таково, что, при данномъ ему направленіи, они, *какъ люди духовнаго чина*, не могли поступить иначе: они не могли руководиться ни чувствами, ни логикою явленій, которыя рѣшительно становятъ насъ на сторону лицъ, считающихъ пересмотръ и реформу брачнаго вопроса въ Россіи настоятельно-необходимыми. Ихъ дѣйствіями правила и должна была править логика иныхъ началъ, отъ которыхъ они не могли и не могутъ отступить своею властію. Но общество наше, или вовсе незнающее церковной исторіи, или знающее ее только по учебникамъ, никакихъ подобныхъ вопросовъ не можетъ здраво обсуждать, а умѣетъ только раздражаться. Оно *такъ воспитано.*

Но здѣсь не мѣсто разбирать интереснѣйшій и самый животрепещущій брачный вопросъ, съ непостижимымъ и, можно сказать, предосудительнымъ равнодушіемъ оставляемый нынче безъ вниманія нашей печатью *). Тронувъ его, надо тронуть очень большую и важную матерію, для чего потребовалось бы не только много времени и мѣста, но и много знанія и обстоятельности, а моя задача иная, болѣе легкая и болѣе общая. Я не пишу изслѣдованія причинъ послѣдняго фіаско брачнаго вопроса въ св. синодѣ и не обязанъ представлять критикѣ воззрѣній, руководившихъ устроителями этого фіаско. Я хочу только показать живыми очерками архіерейскихъ отношеній къ людямъ, страдавшимъ отъ пути этого рокового вопроса, что объ архіереяхъ несправедливо заключать по этому «фіаско». Многіе (если не всѣ) епископы въ душѣ совсѣмъ не такъ жестки и безсердечны, какъ это думаютъ озлобленные мученики семейнаго ада, и я приведу тому небезынтересные и характерные примѣры въ наступающихъ разсказахъ. Они, какъ я надѣюсь, могутъ показать, что нашимъ архіереямъ вовсе не чужды

*) Очень замѣчательно, что печать довольно усердно и довольно основательно трогала этотъ вопросъ, когда онъ совсѣмъ не циркулировалъ въ правительственныхъ сферахъ (см. статьи г. Филиппова въ «*Современникѣ*»); но когда вопросъ поступилъ на очередь и подлежалъ рѣшенію, печать не оказала ему сравнительно самой малой доли того вниманія, на которое надлежало бы, кажется, разсчитывать въ интересахъ общества. Потеря отъ этого для общества произошла большая. Конечно, нѣтъ никакого основанія думать, что даже самая энергическая поддержка со стороны печати могла измѣнить сущность рѣшенія, которое можно было предвидѣть и которое не могло быть инымъ при данномъ этому дѣлу направленіи. Но печать, несомнѣнно, могла придать вопросу всю важность его общественнаго значенія и указать другія основанія, на коихъ вопросъ о бракѣ можетъ быть и долженъ быть разсмотрѣнъ въ сферахъ, властныхъ дать ему исходъ болѣе надежный и болѣе удовлетворяющій положенію самому мучительному и невыносимому. Печать, въ этомъ случаѣ, не была связана *ничѣмъ*, кромѣ развѣ изобилія болѣе интересныхъ матеріяловъ, постоянно накопляющихся въ дѣловыхъ портфеляхъ русскихъ редакцій. Мнѣ, однако, достовѣрно извѣстно, что лучшій компромиссъ, при которомъ можно было ожидать самаго удовлетворительнаго рѣшенія нашего брачнаго вопроса, былъ предложенъ не публицистами и не юристами, а однимъ изъ нашихъ современныхъ архіереевъ, неофиціальное заявленіе котораго, къ сожалѣнію, оставлено безъ вниманія. Не мудрено, что когда мучительный вопросъ о брачной реформѣ снова появится на сценѣ, резонное мнѣніе умнаго владыки будетъ уже слишкомъ прочно позабыто, и дѣло опять пойдетъ въ долгій ящикъ.

доходящія до нихъ скорби мірскихъ человѣковъ, нуждающихся въ милосердномъ снисхожденіи къ ихъ брачнымъ затрудненіямъ. Мы увидимъ, что архіереи иногда дѣлаютъ для облегченія этихъ затрудненій не только все, что могутъ, но даже порою идутъ въ своемъ соболѣзнованіи гораздо далѣе.

Первый случай такого рода я знаю въ моемъ собственномъ отдаленномъ свойствѣ.

Нѣкто А. Т., довольно родовитый и крупный помѣщикъ о—ской губерніи, былъ женатъ на своей кузинѣ. Несмотря на ихъ непозволительный по степени родства бракъ, они были обвѣнчаны. И мужъ, и жена были извѣстны за очень хорошихъ людей, каковыми, вѣроятно, считалъ ихъ и мѣстный преосвященный П-—пъ, очень строгій монахъ и чудакъ, но очень добрый человѣкъ, неоднократно посѣщавшій супруговъ Т—выхъ въ ихъ родовомъ селѣ Х—ахъ, на берегу рѣки Оки. У Т—выхъ было уже нѣсколько дѣтей, и вдругъ надъ ними грянулъ громъ и, притомъ, что называется, грянулъ не изъ тучи, а изъ навозной кучи. Божіе благословеніе, благоуспѣшно призванное на это семейство церковью и видимо на немъ опочившее, захотѣлъ снять и снялъ пьяный дьячокъ. Это былъ изрядный забулдыга, который повадился ходить къ А. Т. «кучиться», т.-е. просить у него то дровецъ, то соломы. Онъ страшно надоѣдалъ этимъ попрошайствомъ, которое, вдобавокъ, обратилъ въ промыселъ: что выпрашивалъ, то не довозилъ до дому, а переводилъ въ кабакѣ на вино.

Узнавъ объ этомъ, Т. прекратилъ отпускъ дьячку яровой соломы, и когда тотъ опять сталъ докучать и попалъ подъ руку во время крайней досады, причиненной прорвою мельничной плотины, то Т. прогналъ его не совсѣмъ вѣжливо и, по былой дворянской распущенности, не придалъ этому особеннаго значенія. Велика ли важность велѣть людямъ вытолкать пьянаго дьячка изъ дому? Но дьячокъ былъ на сей разъ съ амбиціею: онъ почелъ причиненную ему обиду за важное и отмстилъ за себя знатно и чисто подьячковски.

Недѣлю или двѣ спустя послѣ этого домашняго событія въ селѣ Х—хъ, Т. получилъ отъ домашняго секретаря

преосв. П—на приглашеніе немедленно пожаловать въ городъ къ владыкѣ по самому важному дѣлу.

Таинственное дѣло это былъ доносъ, присланный обиженнымъ дьячкомъ, на незаконность брака Т—выхъ, повѣнчанныхъ въ недозволенной степени родства.

Епископъ П—пъ вызвалъ Т—ва только для того, чтобы сообщить ему объ этомъ непріятномъ событіи, котораго архіерей никакъ не могъ оставить безъ послѣдствій, и рекомендовалъ Т—ву по дружбѣ спѣшить въ Петербургъ, гдѣ назвалъ дѣльца, способнаго уложить все дѣло о расторженіи брака «подъ сукно, до умертвія».

Т. запасся знатною и, по его соображеніямъ, достаточною для удовлетворенія дѣльца суммою, простился съ дѣтьми и съ опечаленною женою и прикатилъ въ Петербургъ.

Я его постоянно видѣлъ у себя въ эту пору и знаю всѣ перипетіи дѣла до мельчайшихъ подробностей. Оно началось, какъ говорятъ, «съ удавки». Хорошо аттестованный преосвященнымъ П—помъ дѣлецъ, даже и состоятельному Т—ву приходился не подъ силу. Не за то, чтобы опровергнуть доносъ и утвердить бракъ двоюроднаго брата съ сестрою, а только за то, «чтобы уложить дѣло до умертвія», онъ, не обинуясь, запросилъ русскую сказочную цѣну «до полцарства», и ни о чемъ меньшемъ не хотѣлъ и разговаривать. «Полцарства»—это былъ его прификсъ. Что было дѣлать? «Отдать до полцарства», какъ онъ просилъ съ остроумною шутливостію, конечно, было жалко, да и жирно. Это составляло тысячъ около тридцати. Но остановиться на однихъ переговорахъ и не дать этихъ денегъ, значило явно погубить дѣло самымъ рѣшительнымъ и, притомъ, безотлагательнымъ способомъ. Дѣлецъ слылъ за человѣка сколько смѣлаго и ловкаго, столько же корыстолюбиваго, злого и мстительнаго.

Все это Т—въ соображалъ и обсуждалъ, бродя цѣлыхъ три мѣсяца въ Петербургѣ, между тѣмъ какъ въ О. дѣло его было уже рѣшено какъ нельзя для него хуже.

Думалъ, думалъ бѣдный Т—въ и, наконецъ, истерзанный мученіями жены и раздраженный тоскою и огромными упущеніями по хозяйству, рѣшился дать алчному чиновнику «до полцарства». Но какъ такой наличной суммы у помѣщика въ рукахъ не было и реализовать ее тогда было еще труднѣе, чѣмъ нынче, дѣлецъ же былъ, разумѣется, чело-

вѣкъ осторожный и не шелъ ни на какія сдѣлки, а требовалъ наличность, то, въ виду всего этого, Т. послалъ женѣ распоряженіе немедленно запродать все свое имѣніе прицѣнившемуся къ нему богачу М—ву, а деньги доставить какъ можно скорѣе въ Петербургъ для врученія ихъ дорогому благодѣтелю.

Молодая дама, конечно, не прочь была исполнить требованіе мужа, но, по свойственной большинству дамъ бережливости, не могла разстаться съ своимъ добромъ, по крайней мѣрѣ, хоть не оплакавъ его. Ей хотѣлось спасти свой бракъ, но нестерпимо жаль было сразу лишиться «до полуцарства».

И вотъ, по непростительному, но опять весьма свойственному нѣкоторымъ дамамъ радикализму, разстроенной молодой женщинѣ вдругъ стало представляться, что вся эта игра не стоитъ такой дорогой свѣчки.

— «Бросить все, да и конецъ сразу со всѣми дьячками и попами и тѣми, кто еще ихъ повыше»—вотъ что внезапно пришло ей въ ея разсчетливую головку. Она съ большимъ трудомъ удержалась отписать въ этомъ тонѣ мужу и еще съ большимъ усиліемъ заставила себя ѣхать въ г. О. съ тѣмъ, чтобы начать тамъ переговоры о желаніи продать родовое имѣніе, которое злополучные супруги надѣялись передать дѣтямъ.

Въ горѣ, почти близкомъ къ отчаянію, прибыла Т—ва въ О. и послала человѣка за нѣкіимъ «Воробьемъ», мѣщаниномъ, исполнявшимъ тогда въ этомъ городѣ всякія маклерскія комиссіи, но посолъ не засталъ знаменитаго «Воробья» дома; огорченная же дама, чтобы не сидѣть одной вечеръ съ своимъ горемъ, вздумала проѣхать къ кому-нибудь изъ своихъ, посовѣтоваться. Но дѣло было лѣтомъ, когда О., представлявшій тогда, по выраженію близко знавшаго его романиста, «дворянское гнѣздо», былъ пустъ: вся его родовая знать жила въ эту пору въ своихъ маетностяхъ, и совѣтоваться было не съ кѣмъ, съ мѣстными же дѣловиками дама не хотѣла говорить, да и не видѣла въ томъ никакой для себя пользы.

Въ такомъ положеніи, грустная и одинокая, не видя ни въ комъ изъ людей помощи и защиты, она вспомнила о самомъ послѣднемъ помощникѣ, призываемомъ какъ бы

изъ-за штата,—она вспомнила о Богѣ.—Мысль отдать праздный и тяготящій своею пустотою часъ молитвѣ показалась ей такою утѣшительною и счастливою, что она немедленно же привела ее въ исполненіе.

Случай благопріятствовалъ молитвенному настроенію огорченной дамы: въ то самое время, какъ она пожелала обратиться къ «послѣднему защитнику», въ церквахъ ударили ко всенощной, и люди потянулись къ храмамъ. Въ это время въ О. была «болѣзнь на людяхъ», и все населеніе города было настроено построже, почутче и побогобоязненнѣе. Т—ва вспомнила объ уютномъ уголкѣ въ домовой церкви преосв. П—па и немедленно же отправилась туда «выплакаться: не просвѣтитъ ли Богъ, что ей сдѣлать?»

Таковы, по ея собственнымъ словамъ, были ея мысли, которымъ она намѣрена была просить услышанія.

Вздумано и сдѣлано:—Т—ва пріѣхала въ монастырь и застала домовую церковь довольно отдаленнаго архіерейскаго дома почти совсѣмъ пустою. Всенощную служилъ простой іеромонахъ, а архіерея не было видно: какъ послѣ оказалось, онъ стоялъ у себя въ комнатѣ, изъ которой, по довольно общему архіерейскимъ домамъ обычаю, было продѣлано въ церковь окно, занавѣшенное голубою марлею.

Т—ва стала на колѣни въ уголкѣ, за лѣвымъ клиросомъ, и молилась жарко, сама не помня, откуда взявъ для своей молитвы слова:

— «Боже! по суду любящихъ имя Твое спаси насъ!»

Иного она ничего не могла ни собрать въ своемъ умѣ, ни сложить на устахъ, и, какъ ветхозавѣтная Анна, только плакала и шептала:

— «Спаси насъ, по суду любящихъ Твое имя», и въ томъ была услышана.

Выплакавшись вволю, молодая женщина даже не замѣтила, какъ окончилось служеніе и немногіе богомольцы, бывшіе въ церкви, стали выходить. И она встала съ колѣнъ и хотѣла идти вонъ, но вдругъ къ ней подходитъ архіерейскій служка и, отъ имени владыки, проситъ ее завернуть на минутку къ преосвящ. П—пу.

Т—ва почитала преосвящ. П—па и въ другой разъ была бы рада его зову, но теперь она чувствовала себя слишкомъ разстроенною и отказалась.

— Поблагодарите владыку,—сказала она:—я очень бы рада услыхать его слово, но я очень, очень разстроена...

И она пошла далѣе, но не успѣла сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ ее снова остановилъ запыхавшійся келейникъ и говоритъ,—что владыка потому-то и проситъ ее къ себѣ, что онъ видѣлъ въ окно, какъ она разстроена.

— Ихъ преосвященство и сами не совсѣмъ хорошо себя чувствуютъ.—добавилъ келейникъ:—но они непремѣнно хотятъ говорить съ вами.

Дама подумала, что архіерей, можетъ-быть, скажетъ ей что-нибудь полезное по ея дѣлу, и пошла за провожатымъ.

Едва она вошла въ залъ, какъ тотчасъ была встрѣчена самимъ архіереемъ, который ласково протягивалъ ей обѣ руки.

Наблюдая бѣдную женщину въ церкви и замѣтивъ ея сильное разстройство, онъ, очевидно, и самъ растрогался.

— Что за горе печальное съ вами?—заговорилъ преосвященный участливо, переводя даму въ гостиную, гдѣ усадилъ ее на диванъ, и, приказавъ подать чай, попросилъ гостью разсказывать «все по порядку».

Дама разсказала все, что мы уже знаемъ изъ верхнихъ строкъ нашего повѣствованія.

Архіерей закачалъ головою, всталъ и молча началъ ходить.

Пройдясь нѣсколько разъ по комнатѣ, онъ остановился передъ гостьею и произнесъ:

— Дорого.

— Ужасно, владыка.

— Дорого... весьма дорого... очень весьма дорого!

— И посудите, владыка: гдѣ же я могу такъ скоро взять столько денегъ?—продолжала сквозь слезы дама.

— Гдѣ взять столько денегъ? Негдѣ взять столько денегъ! Нѣтъ, это дорого.

— Но что же дѣлать, владыка? Я должна исполнить, что приказываетъ мужъ...

— Должны, должны исполнить:- мужняя воля прежде всего для хорошей жены... Но только очень дорого!

— Но какъ же намъ быть, владыка?

— Какъ быть, какъ быть?—Право, не знаю, какъ вамъ быть, но только это дорого.

— Я уже не знаю, что и предпринять...

— Да и не мудрено... Ишь какъ дорого!

— Не подадите ли вы, владыка, какого-нибудь совѣта?

— Да какіе же мои совѣты? Я вѣдь вотъ указалъ на этого дѣловитаго мужа,—думалъ хорошо выйдетъ, а онъ, видите, какъ дорого. Нѣтъ, вамъ надо съ кѣмъ-нибудь изъ умныхъ людей подумать.

— Но когда думать, владыка, и гдѣ этихъ умныхъ людей теперь искать?

— Да, это правда: умные люди у насъ нонѣ рѣдки,— очень рѣдки, очень рѣдки, и кои есть еще—очень извертѣлись и на добро не сродны. Ишь какъ дорожится... подай ему «до полуцарства». А самому съ чѣмъ оставаться?

— Съ половиною только, владыка.

— Какъ говорите?

— Я говорю: самимъ намъ придется оставаться съ половиною.

— Съ половиною-то это бы еще ничего...

— Какъ ничего?

— Такъ, половины вашей еще бы, пожалуй, достаточно, чтобы поднять дѣтей на ноги, но... Вы, право, лучше бы обо всемъ этомъ съ какимъ-нибудь умнымъ человѣкомъ поговорили: умный человѣкъ могъ бы васъ *однимъ* словомъ на полезное наставить.

— Ахъ, Боже! да гдѣ я его сейчасъ возьму, владыка, такого умнаго человѣка? вы же сами изволите говорить, что они очень рѣдки.

— Правда, правда, умные люди очень рѣдки, но все-таки они есть гдѣ-нибудь въ черномъ углѣ.

— Да Богъ съ ними; въ какой еще уголъ мнѣ метаться?.. Да и въ моемъ теперешнемъ положеніи, я думаю, и никакой умный ничего для меня полезнаго не скажетъ, кромѣ какъ: вынь да положь деньги, сколько требуютъ.

— Охъ, не говорите этого,—это не такъ.

— Право такъ, владыка.

— Нѣтъ, я сомнѣваюсь: умный иначе скажетъ.

Дама посмотрѣла на архіерея и думаетъ:

«Что же это, твое преосвященство хитритъ или помочь мнѣ хочетъ», и спрашиваетъ его:

— А что же, напримѣръ: какое такое «одно слово» могъ бы мнѣ сказать умный человѣкъ?

— Умный человѣкъ умно и скажетъ.

— Да, ваше преосвященство, но что же бы онъ могъ мнѣ сказать? Какое онъ можетъ знать *«одно слово»*?

— Ну, вѣдь это вамъ у него надо спросить.

— Да, но вы предположите, что я его спросила и жду его отвѣта... Что же онъ мнѣ проговоритъ? Вы простите меня, ваше преосвященство,—я такъ растерялась, что совсѣмъ безтолковая сдѣлалась и думаю, что въ помощь мнѣ никакой мудрецъ ничего изречь не можетъ.

— Да, конечно, съ васъ требуютъ очень дорого, но мудрецъ все-таки могъ бы поразсудить...

— Но что же такое, владыка, онъ будетъ разсуждать?

— Что такое? Ну, напримѣръ, будемъ говорить такъ...

— Я васъ слушаю, владыка.

— Если онъ мудръ и, къ тому же, добръ и сострадателенъ...

— Добръ и сострадателенъ, какъ вы, владыка.

— Нѣтъ, не какъ я, гораздо меня болѣе, то... отчего бы ему, напримѣръ, не разсуждать такъ...

— Какъ же, какъ, владыка?—вопросила нетерпѣливая дама.

— Ну, положимъ, хоть вотъ какъ,—продолжалъ съ разстановками архіерей:—положимъ, что онъ, какъ мудрецъ, могъ бы знать, какъ этого петербургскаго жадника безо всего оставить: онъ бы вамъ это такъ ясно довелъ, что вы бы и успокоились.

Т—ва заплакала.

— Ахъ, бѣдное дитя! Но чего же вы плачете?

— Владыка! вы ко мнѣ немилостивы,—это вы дѣлаете, что я плачу.

— Я это дѣлаю, но чѣмъ я это дѣлаю, бѣдняжка?

— Конечно, вы, владыка! Я и такъ изстрадалась, но уже привыкла къ мысли, что намъ нѣтъ спасенія, а вы оживили во мнѣ надежду, а не хотите сказать, что же мнѣ можетъ присовѣтовать очень умный человѣкъ?

— Ну, вотъ! развѣ я это знаю.

— Знаете.

— Да откуда же я знаю?

— Знаете.

Дама улыбнулась, и архіерей тоже.

— Позвольте,—сказалъ онъ:—я уже давно ни съ однимъ умнымъ человѣкомъ не говорилъ, но развѣ для васъ переговорить.

— Ахъ, переговорите, владыка,—воскликнула, всплес-

нувъ руками, дама и хотѣла, кажется, упасть передъ нимъ на колѣна.

Архіерей ее удержалъ, посадилъ опять на кресло и молвилъ:

— Переговорить... да... переговорить... надо бы переговорить, но только...

На этомъ словѣ онъ неожиданно сморщился и сказалъ:

— Ахъ, извините, пожалуйста, я долженъ васъ на минутку оставить...

Съ этимъ онъ повернулся къ гостьѣ спиною и быстрою походкою удалился въ свои внутренніе покои, откуда, черезъ неплотно притворенную дверь, послышалось торопливое щелканье повернувшагося въ пружинномъ замкѣ ключа,— затѣмъ все стихло.

Молодая дама внезапно очутилась въ полномъ недоумѣніи: она рѣшительно не могла понять, что̀ такъ неожиданно отозвало отъ нея добраго и, повидимому, принимавшаго въ ней живое участіе архіерея. Но, къ счастью ея, въ эту минуту появился келейникъ съ подносомъ, на которомъ стояли двѣ чашки чаю, сухари и варенье.

— Куда вышелъ владыка?—спросила тихонько дама; но келейникъ, не смотря на то, что имѣлъ въ ухѣ серебряную сережку, сдѣлалъ видъ, будто не слышитъ.

— Гдѣ теперь владыка?—переспросила гостья.

Келейникъ болѣе не отмалчивался, но, въ тонѣ вопрошавшей, такъ же тихо отвѣтилъ, что онъ этого ей никакъ объяснить не можетъ.

— Но, однако, онъ дома?

— О, совершенно дома-съ. Они скоро выйдутъ.

И, какъ бы для бо̀льшаго успокоенія гостьи, что внезапно покинувшій ее хозяинъ, дѣйствительно, скоро вернется,—служитель его преосвященства поставилъ на столъ большую голубую севрскую фарфоровую чашку, изъ которой архіерей всегда кушалъ, и самъ скрылся.

Дама снова осталась одна, но уже гораздо въ болѣе оживленномъ настроеніи. Ей, во-первыхъ, думалось, что архіерей выйдетъ или не съ пустыми руками, а съ нужными ей тысячами, которыя и предложитъ ей немедленно взаймы, или же онъ принесетъ ей то «одно слово» умнаго человѣка,

которое можетъ обуздать и сдѣлать безвреднымъ петербургскаго жадника.

Конечно, вынести деньги было бы всего лучше, да притомъ, и всего легче, такъ какъ, по мнѣнію нашихъ дамъ, у всѣхъ архіереевъ десятки и даже сотни тысячъ всегда такъ и лежатъ готовыя, на всякій случай, въ шкатулкѣ:—стоитъ только его преосвященству щелкнуть ключомъ, опустить туда руку, вынуть пачки да отсчитать,—вотъ и дѣло въ шляпѣ. Ключомъ, уже она сама слышала, какъ его преосвященство щелкнулъ, а теперь онъ, очевидно, занятъ только отсчитываніемъ,—поэтому келейникъ и не смѣлъ сказать, гдѣ владыка находится и чѣмъ онъ занятъ,—но сейчасъ онъ отложитъ, сколько ей нужно денегъ, и придетъ прежде, чѣмъ остынетъ чай въ его севрской чашкѣ. Конечно, ей будетъ немножко совѣстно брать, но что дѣлать?—если онъ предложитъ ей, она, хоть это и конфузно немножечко, все-таки возьметъ, а потомъ она ему отдастъ. Какая же въ этомъ бѣда?

И вотъ, дамѣ стало все легче и легче смотрѣть на свѣтъ и думать о своемъ дѣлѣ. Легкій, игривый умъ ея теперь ужъ только для забавы занимался разгадкою, какое это могло быть «*одно слово*», которое стоило только сказать—и все дѣло поправится. Разумѣется, архіерей только для политики отсылалъ ее разспрашивать о такомъ словѣ умнаго человѣка, а въ существѣ никакой другой человѣкъ тутъ не нуженъ, потому что владыка самъ и есть человѣкъ умный и нужное гостьѣ магическое слово онъ самъ же и знаетъ. Конечно, можетъ-быть, ему нельзя, неловко выговорить это слово по его монашескимъ обѣтамъ или почему-нибудь другому, но надо его къ этому вынудить: надо вырвать у него это слово или *подловить* его на словѣ, какъ былъ подловленъ извѣстный своею тонкостью министръ, котораго она видѣла въ театрѣ, въ прекрасно исполняемой Самойловымъ пьескѣ «Одно слово министру». Она вспомнила и Самойлова, и то слово, которое онъ такъ художественно ловитъ. Въ пьесѣ это слово было: «*молчать*»,—но какое же должно быть то слово, не въ театральной пьесѣ, а въ русскомъ дѣлѣ «о расторженіи незаконнаго брака и о прекращеніи безнравственнаго сожительства»? Это, конечно, не мѣшаетъ знать.

И только-что отвлеченная всѣмъ этимъ дама немножко поразсѣялась и даже утѣшилась, до слуха ея долетѣла опять звучная пружина замка какой-то отдаленной двери какого-то таинственнаго архіерейскаго покоя, и преосвященный П—пъ, съ нѣсколько измѣнившимся и какъ бы озабоченнымъ лицомъ, появился на порогѣ. Онъ шелъ медленно, и, конечно, не безъ причины, держалъ свою правую руку за пазухою виднѣвшагося изъ-подъ черной рясы шелковаго коричневаго подрясника.

Нечего было и сомнѣваться, что онъ бережетъ тутъ отсчитанныя имъ деньги.

Милой дамѣ, имѣющей *общія* понятія объ архіерейскихъ богатствахъ, конечно, и въ голову не приходило, что преосвящ. П—пъ, какъ о немъ говорили, «былъ не богаче церковной мыши»: этотъ архіерей былъ до такой степени бѣденъ, что самъ занималъ у своихъ подчиненныхъ по «четвертной ассигнаціи».

Но, въ такомъ случаѣ, что же онъ такъ бережно несъ въ рукѣ, спрятанной за пазуху? Неужто «одно слово умнаго человѣка»? Но гдѣ же онъ нашелъ такъ скоро этого умнаго человѣка? Или у него есть свой «черный уголъ», гдѣ такой человѣкъ спрятанъ? Но тогда зачѣмъ же онъ посылалъ ее разыскивать умнаго человѣка, если такой, какъ Святогоровъ конь, у него всегда наготовѣ подъ замкомъ, удила грызетъ и бьетъ отъ нетерпѣнья копытомъ объ мраморный полъ?

Все это было невыразимо любопытно и раздражительно.

Преосвященный молча сѣлъ къ столу, положилъ себѣ въ свою голубую чашку ложечку варенья, и молча же началъ ее долго и терпѣливо размѣшивать.

Вѣжливая гостья не прерывала хозяина,—она только искоса поглядывала на него, стараясь проникнуть, принесъ ли онъ ей нужныя для взятки деньги, или онъ принесъ только одно могучее слово очень умнаго человѣка, съ которымъ, какъ ей казалось, владыка удалялся для совѣщанія.

И ей было крайне досадно на застѣнчивость архіерея, который, очевидно, былъ чѣмъ-то смущенъ и какъ бы не рѣшался возобновлять прерваннаго разговора.

Она допила свою чашку, поставила ее на столъ и сдѣлала рѣшительное движеніе, какъ будто готовясь встать и распроститься.

Архіерей это замѣтилъ и, тронувъ ее слегка за руку, произнесъ:

— Не торопитесь.

Она осталась. Владыка опять мѣшкалъ, работая въ чашкѣ ложечкою, и, наконецъ, отпивъ чайку, началъ, покряхтывая и морщась:

— Все такъ и идетъ, повѣтріями... то такая болѣзнь, то другая... У меня на сихъ дняхъ проѣздомъ изъ Петербурга генералъ былъ... тоже дѣла имѣетъ и тоже досадуетъ и жалуется:—«совсѣмъ, говоритъ, умные люди у насъ переводятся; прежде, будто, были, а потомъ стало все менѣе и менѣе, и теперь совсѣмъ нѣтъ». Какъ бываетъ годами отъ вѣтровъ неурожай на груши или на яблоки, такъ теперь недородъ на умы. Отчего бы это?

— Я не знаю, владыка.

— И я не знаю. Я ему только сказалъ, что неужели уже мы стали такое сплошь дурацкое соборище? Не встрѣчали ли, говорю, хоть проѣздомъ кого потолковѣе? «Да удивительно, говоритъ: ѣдешь по дорогамъ, бесѣдуешь, все будто умные люди,— обо всемъ такъ хорошо судятъ, а дойдутъ до дѣла, ни въ комъ дѣловитости нѣтъ». Вотъ не въ томъ ли, говорю, и есть наше повѣтріе, что дѣловитые-то умы у насъ все по путямъ ходятъ, а при дѣлахъ замѣсто нихъ приставлена безтолочь?

— Къ чему же это мнѣ, владыка?

— А къ тому, что умныхъ людей, дѣйствительно, остается искать только въ глупомъ мѣстѣ, куда мы ихъ забили точно какую непотребность. Вотъ отчего все и трудно, и нудно.

Архіерей опять остановился, а дама обнаружила новое намѣреніе встать, но онъ придержалъ ее.

— Это очень дорого съ васъ хотятъ,—заговорилъ владыка.

— Уже вы въ этомъ, ваше преосвященство, согласились. Но какъ это ни дорого, а все-таки я понимаю такъ, что надо скорѣе давать деньги.

— Изъ чего же это явствуетъ?

— А изъ того, что нѣтъ другого спасенія.

— Да, а въ этомъ-то развѣ есть спасеніе?

— Мм!.. по крайней мѣрѣ, обѣщаютъ, тогда какъ,—добавила она, улыбнувшись:—вы, владыка, даже не хотите мнѣ сказать, что думаетъ о моемъ несчастіи очень умный человѣкъ.

Архіерей поглядѣлъ на нее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и, въ свою очередь, спросилъ:

— Кого вы подъ симъ разумѣете?

Дама пошла на рискъ и отвѣтила напрямикъ, что она говоритъ о томъ, съ кѣмъ владыка выходилъ поговорить, оставляя ее одну въ своей гостиной.

Архіерей посмотрѣлъ на нее еще съ бо̀льшимъ недоумѣніемъ, но потомъ сію же минуту улыбнулся, махнулъ рукою и заговорилъ:

— Ахъ, такъ вы объ этомъ!.. Куда я выходилъ... а что же? Пусть такъ. Ну, извольте: я отъ васъ не скрою, что̀ оный умникъ думалъ. Онъ тѣхъ мыслей, что деньги, разумѣется, пустяки, пометъ въ сравненіи съ семейнымъ счастьемъ, но для иной свиньи и помета жалко. По его мыслямъ, деньги давать не слѣдуетъ, ибо черезъ то ваше семейное спокойствіе не устроится.

— А какъ же оно можетъ устроиться?

— Это другой вопросъ.

— Но умный человѣкъ, можетъ-быть, и объ этомъ вопросѣ имѣетъ мысли?

— Имѣетъ.

— И какъ же онъ разсуждаетъ?

— Сократически.

— Помилуйте, владыка: что же? Я ничего въ этомъ не понимаю. Сократъ былъ философъ, а я простая женщина.

— Это ничего не значитъ. Сократа всѣ понимать могутъ.

— Ну, позвольте,—я попробую.

— Извольте. Въ мысляхъ умнаго человѣка предлагается такое сужденіе, какъ я сказалъ, почти въ сократической формѣ. По какому поводу возникла вся эта исторія, простирающаяся нынѣ до половины вашего царства?

— Она возникла потому, что я и мой мужъ между собою двоюродные братъ и сестра.

— Изрядно сказано: иначе она не могла возникнуть. Но если бы объ этомъ никто не доносилъ, то не могла ли бы эта исторія не подниматься?

- Конечно, она никогда бы не поднялась.

- Да, возможно допустить, что она не поднялась бы, хотя это всегда подвержено случайности.

— Какой, напримѣръ?

— Такой, напримѣръ, что кто-нибудь изъ родственниковъ

вашего мужа послѣ его смерти могъ претендовать на родовое наслѣдство и доказывать незаконность вашего брака.

— Намъ это и въ голову не приходило.

— Вѣрю. Теперь, продолжая держаться того же сократическаго метода, основательному человѣку представляется нужнымъ опредѣлить: не былъ ли причиною всего доносъ?

— Да, разумѣется, доносъ, владыка! Я не знаю даже, зачѣмъ на этомъ такъ долго путаться?

— Позвольте, позвольте! Причиною былъ доносъ, — и кѣмъ же сдѣланъ тотъ доносъ?

— Вы отлично изволите это знать: доносъ сдѣланъ дьячкомъ.

— Дьячкомъ! Дѣйствительно, доносъ сдѣлалъ дьячокъ. Но человѣку разсудительному можетъ придти въ голову: одни ли только дьячки способны дѣлать доносы, или же этимъ могутъ заниматься и другіе?

— Разумѣется, не одни дьячки, ваше преосвященство, могутъ доносить. Вы все это изволите знать.

— Вѣрно, такъ: я это знаю; но дѣло не во мнѣ. Умный человѣкъ, далѣе, судитъ: доносы могутъ дѣлать не одни дьячки; а кто же еще можетъ дѣлать доносы?

— Разные гадкіе люди.

— Гадкіе...—вамъ непремѣнно хочется назвать ихъ «гадкими»... Что же... конечно... разумѣется... но, можетъ-быть... гмъ!.. дѣло ничего не потеряетъ, если мы нравственную оцѣнку доносчиковъ отбросимъ. Для умнаго человѣка достаточно просто установить тотъ фактъ, что доносы могутъ дѣлать *разные люди*. Согласны ли вы съ нимъ на этотъ счетъ?

— Съ кѣмъ, владыка?

— Какъ—съ кѣмъ?.. ну, съ этимъ человѣкомъ, который такъ разсуждаетъ?

— Да, я съ нимъ во всемъ согласна.

— Прекрасно! Теперь, если такъ, — разсмотрите же съ нимъ: не слѣдуетъ ли допустить, что въ числѣ различныхъ людей, способныхъ дѣлать доносы, могутъ быть и нѣкоторые понамари?

— Конечно, допускаю, владыка.

— Прекрасно! Но какъ вы думаете: не могутъ ли дѣлать доносы также и нѣкоторые дьяконы.

— Вѣрно, могутъ и дьяконы.

— Могутъ; но прослѣдимъ далѣе. Если это могутъ дѣлать дьяконы, то увѣрены ли вы, что это совершенно не по силамъ инымъ священникамъ?

— Ахъ, имъ все по силамъ!

— И имъ это по силамъ, — такъ. Ну, теперь, выше восходя: что же вы скажете объ иныхъ отцахъ благочинныхъ? Не благонадежны ли и они въ разсужденіи способностей доносить?

— То же самое скажу и о нихъ, ваше преосвященство.

— Выше отцовъ благочинныхъ намъ подниматься уже не для чего. Уяснивъ себѣ все сказанное, толковый человѣкъ знаетъ, что доносы могутъ поступать не отъ одного дьячка, а еще и отъ дьякона, и отъ попа, и отъ благочиннаго. Теперь обслѣдуемъ другую сторону. По какимъ побужденіямъ сдѣлалъ свой доносъ дьячокъ?

— Ему понадобился возъ соломы: онъ пришелъ не вовремя, ему не дали,—онъ разсердился и донесъ.

— Такъ: а не допускаете ли вы возможности, что понамарю можетъ когда-нибудь понадобиться возъ мякины, дьякону—возъ ухоботья, попу и отцу благочинному—возы овса и сѣна, да еще мѣшокъ крупчатки?

— Это все возможно, владыка.

— Да, свѣдущему человѣку можетъ показаться, что всѣ такія случайности возможны, и онъ смотритъ, какое каждое изъ нихъ можетъ имѣть для васъ послѣдствіе.

— То же самое, къ какому привелъ доносъ дьячка.

— Вы хорошо судите, очень хорошо судите. Слѣдовательно, если дьячокъ достигаетъ «даже до полуцарства», то того же самаго могутъ достигнуть и попъ, и дьяконъ?

— Все равно.

— И всякій такъ долженъ судить, что это все равно; ну, а въ вашемъ царствѣ сколько половинъ?

— Конечно, двѣ только.

— Непремѣнно двѣ. Каждому извѣстно, что во всякомъ цѣломъ бываютъ только двѣ половины. Какъ же тогда быть, если половины всего двѣ, а охотниковъ уничтожить ихъ множество? Не опасно ли, что, такимъ образомъ, изъ всего цѣлаго для себя не останется ни одной половины?

— То-есть, какъ это, владыка?..

— Да такъ: это человѣку дѣловитому очень просто представляется. Если дьячковъ доносъ обойдется до полупар-

ства, и вы не успѣете отдохнуть, какъ на васъ уже понамарь донесетъ,—подавай другую половину. Отдадите, а затѣмъ, когда дьяконъ съябедничаетъ, вамъ уже и давать больше нечего. Такъ или нѣтъ?

— Совершенно такъ, владыка.

— Думается, что такъ, потому что третьей половины уже нѣтъ; и тогда что же? Тогда сукно-то вскроется, и все, подъ него упрятанное, выскочитъ на свѣтъ. И не будетъ тогда у васъ ни всего царства, ни законнобрачія, котораго васъ лишаютъ доносы. А посему благоразумный человѣкъ думаетъ: не лучше ли сберечь себѣ, по крайней мѣрѣ, свое царство и, притомъ, не повреждать съ ожесточеніемъ нравовъ ближнихъ!

— Какихъ же это ближнихъ, владыка?

— А духовенства.

— Да позвольте, что̀ мнѣ до него за дѣло, владыка?

— Какъ что? Развѣ вы не русская?

— Русская я, русская,—я это знаю, но потому-то я и не хочу ни о комъ думать, а только боюсь доносовъ.

— А вы ихъ не бойтесь.

— Да какъ же ихъ не бояться?

— Такъ не бойтесь: развѣ вы не знаете, что кто холеры не боится, того сама холера боится?

— Но, вѣдь, однако, насъ съ мужемъ по доносу развели.

— Ну, и что же: какая отъ сего бѣда?

— Та, что дѣтей нашихъ признали незаконными.

— А хуже этого что?

— Что же еще хуже, владыка! Я ужъ и сама не помню, что̀ тамъ я читала: вы вѣдь сами изволили это утвердить.

— Утвердилъ, согласился,— не могъ не согласиться: рѣшенье по закону правильно.

— Ужасно, ужасно!

— Да то-то: что же такое?

— Тамъ что-то еще «предать покаянію», «возбранить безнравственное сожительство»... Одно слово страшнѣе другого.

— Да, вы правы, страшныя слова, страшныя слова, а вы имъ... не того...

— «Не чего», владыка?

— *Не довѣряйте.*

Дама поняла, что *это* и есть *одно слово умнаго человѣка*, и спросила:

— И это все?

Но архіерей вмѣсто отвѣта опять сморщился, задвигалъ рукою, которая была у него подъ рясою, и проговорилъ:

— Да, ужъ извините... я долженъ уйти... опять повѣтріе.

И съ этимъ онъ быстро убѣжалъ, даже не затворивъ за собою двери. Очевидно, что на этотъ разъ онъ особенно спѣшилъ уединиться съ «умнымъ человѣкомъ».

Вѣрно или нѣтъ поняла молодая дама *одно слово* своего епископа, но только она не возвратилась въ домъ свой, въ деревню, а прикатила прямо въ Петербургъ и потребовала отъ мужа подробнаго объясненія о ходѣ дѣла.

Тотъ ей разсказалъ.

— Ну, такъ это все надо бросить,—рѣшила дама.

— Какъ бросить?—удивился мужъ.

— А такъ, что теперь на насъ донесъ дьячокъ, и за это мы отдадимъ половину состоянія; потомъ на насъ донесетъ дьяконъ, и мы должны будемъ отдать другую половину: а послѣ донесетъ попъ, и намъ уже и давать будетъ нечего. И тогда насъ разведутъ, и дѣти наши будутъ и безъ правъ, и безъ состоянія. А потому надо сберечь имъ что-нибудь одно. Надо дорожить существеннымъ: сбережемъ имъ состояніе.

— А права?

— Они ихъ получатъ по образованію.

— А мы сами?

— Что же о насъ?

— Мы не будемъ болѣе мужемъ и женою.

— Мы будемъ тѣмъ, чѣмъ мы есть другъ для друга и для нашихъ дѣтей, къ которымъ намъ пора возвратиться.

— Но... меня все тревожитъ...

— Что тебя еще тревожитъ?

— Что о насъ будутъ говорить? Тебя будутъ называть не женою моею, а...

Но дама не дала мужчинѣ договорить тяжелаго слова: она закрыла его губы своею ручкою и съ доброю ласкою проговорила:

— Мы будемъ этому *не довѣрять*.

Онъ поцѣловалъ ея руку, и оба они обняли другъ друга и заплакали слезами, въ которыхъ смѣшались и горе, и радость.

Такъ эта Евва безъ большихъ затрудненій склонила своего Адама *«не довѣрять»* тому, что о нихъ писали въ губернскихъ и столичныхъ инстанціяхъ, и оставила петербургскаго жадника безъ куша. Полцарства своего они никому не дали и нынѣ сидятъ на немъ и преблагополучно господствуютъ. Ихъ, разумѣется, развели, и подписку съ нихъ взяли, и покаяніе ихъ, гдѣ надо, значилось. Всѣ мѣры къ прекращенію ихъ безнравственнаго сожительства были приняты, всѣ страшныя слова проговорены и прописаны, но разведенные супруги, держась совѣта, который имъ, можетъ-быть, невѣрно и понятъ, все-таки никакимъ этимъ страстямъ «не довѣряли» и понынѣ не довѣряютъ, и Богъ ихъ на доброй русской землѣ терпитъ. Семья ихъ до сихъ поръ сохраняетъ свой прежній счастливый составъ и мирное благоденствіе, а недовѣріе ихъ имѣетъ столько заразительнаго, что всѣ, ихъ знающіе, продолжаютъ ихъ посѣщать по-старому, и даже сами совершенно не довѣряютъ, что тутъ что-либо кѣмъ-нибудь измѣнено. Словомъ, все, что гдѣ-то когда-то было постановлено объ этихъ супругахъ, общественнымъ довѣріемъ не пользуется. Только дьячка, по доносу котораго возникла эта поучительная исторія, преосв. П—пъ убралъ въ другое мѣсто, прежде чѣмъ самъ скончался отъ того самаго повѣтрія, которое мѣшало его этюдамъ въ сократической формѣ.

Поэтому, читатель, если вы имѣете неосторожность раздѣлять довольно общее мнѣніе, будто наши епископы по собственной охотѣ стремятся отяготить лежащія на насъ бремена тяжкія и неудобоносимыя, то повѣрьте, что это неосновательно. Повѣрьте, что, можетъ-быть, ни въ какой другой русской средѣ, особенно въ средѣ, такъ-называемыхъ, *«особь»*, вы не встрѣтите такого процента людей свѣтлыхъ и вполнѣ доброжелательныхъ, какъ среди епископовъ, которые, къ сожалѣнію, большинству извѣстны только съ сухой, офиціальной ихъ стороны. Человѣкъ же, какъ сказалъ нѣкто, *наилучше познается въ мелочахъ*.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Показавъ отношеніе одного архіерея къ мірянамъ, находившимся въ затрудненіи по случаю расторженія ихъ брака, я теперь покажу другого архіерея и другихъ мірянъ въ еще болѣе трудномъ и строгомъ моментѣ въ брачномъ дѣлѣ.

Въ нѣкоторомъ большомъ городѣ жилъ и теперь живетъ довольно крупный чиновникъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, но съ юношескимъ сердцемъ. Этого человѣка любятъ всѣ, кто его знаетъ, и не любить его очень трудно, такъ какъ онъ чрезвычайно обязательный и милый добрякъ. У него только два порока, или двѣ слабости, изъ коихъ одну можно ему поставить даже и въ добродѣтель: онъ большой *хлопотунъ*. Всю свою жизнь онъ за кого-нибудь просилъ или за кого-нибудь ручался, кого-нибудь вызволялъ изъ разнаго рода напастей, получая за это самъ нерѣдко болѣе или менѣе чувствительныя непріятности. Великое множество разнообразныхъ несчастливцевъ считаетъ его своимъ благодѣтелемъ, а онъ скорбитъ, что не можетъ вызволить всѣхъ, потому что фонды его понизились и курсъ палъ. Его безпрестанныя за всѣхъ просьбы и поруки однимъ наскучили, а у другихъ потеряли вѣсъ и значеніе. Лядащая мораль нашихъ прожженныхъ дней такой сердечной докуки не терпитъ и не переноситъ.

Въ городѣ этого чудака прозвали: «Мать Софья о всѣхъ сохнетъ», а въ семейномъ кружкѣ его зовутъ—«*дядя Никсъ*», и мы удержимъ для него это послѣднее имя въ нашемъ разсказѣ.

Дядя Никсъ былъ женатъ первымъ бракомъ очень рано, на дѣвицѣ очень хорошаго семейства, изъ рода владѣтельныхъ князей К. Онъ былъ какъ нельзя болѣе счастливъ въ этомъ бракѣ,—жена его раздѣляла общую къ нему симпатію и уваженіе и нѣжно его любила, но счастіе ихъ было непродолжительно: молодая женщина умерла родами, оставивъ мужу маленькаго сиротку.

Вдовецъ очутился въ грустномъ и трудномъ положеніи—одинъ съ маленькимъ ребенкомъ, котораго ни за что не хотѣлъ отдать изъ дома. Но Богъ о добрыхъ людяхъ печется: семья покойницы, принимая живое участіе въ осиротѣвшемъ добрякѣ, прислала къ нему пожить и заняться имъ и ребенкомъ младшую сестру умершей,—тоже недавно потерявшую мужа, молодую и очень симпатичную женщину, имѣвшую о ту пору 22 или 23 года и двоихъ своихъ сиротокъ, которыхъ она тоже привезла къ дядѣ Никсу.

Прекрасная вдовица обладала душою самою нѣжною и была религіозна. Она имѣла весьма разностороннее образованіе и довольно замѣчательный музыкальный талантъ, а

дядя Никсъ, вдобавокъ ко всему, о немъ сказанному, былъ «поэтъ въ душѣ» и любилъ музыку.

Вдовцы зажили дружно, душа въ душу: дитя одного нашло въ теткѣ нѣжность утраченной матери, а дѣти другой обрѣли въ попечительности дяди Никса самаго заботливаго отца.

Сводная семья въ самое короткое время совсѣмъ слилась воедино, какъ родная, и глубокій трауръ, который всѣ носили въ этомъ миломъ *живомъ домѣ*, скоро совсѣмъ утратилъ свой суровый характеръ. Его какъ бы забыли замѣчать.

Цѣлую зиму всѣ знакомые люди охотно хаживали посидѣть вечерокъ у дяди Никса и охотно предпочитали его тихіе вечерки всякимъ инымъ болѣе шумнымъ собраніямъ. Но вдругъ, подъ исходъ великаго поста, пріятныя бесѣды разстроились. Причиною тому было, что хозяйка стала часто прихварывать, и хотя болѣзнь никому не казалась опасною, но она какъ-то сверхъ мѣры озабочивала всегда милаго и веселаго дядю Никса.

Грубые мужчины, по своей тяжеломысленности, не знали, какъ объяснить и чему приписать эту непостижимую и грустную перемѣну, но всепроницающія очи и всезнающій умъ женщинъ скоро разгадали тайну и объяснили ее краткимъ опредѣленіемъ: милый дядя Никсъ, по женскимъ примѣтамъ, очень основательно утѣшился.

Утѣшительница была въ положеніи, которое не могло оставаться безъ компрометирующаго ея вдовство результата.

Все это происходило въ то недавнее безалаберное, но живое время, когда мы, по выраженію нынѣшнихъ безнатурныхъ благоразумцевъ, «*захлебывались либерализмомъ*» или, попросту сказать, бурлили, не зная сами «что льзя и то, чего не можно».

Въ томъ изъ «большихъ центровъ», гдѣ невзначай произошелъ такой случай съ утѣшительною дамою, это невѣдѣніе ходило безшабашными волнами и проницало всю глубь нашего мелкаго житейскаго моря, которое не хитро на глазомѣръ взять отъ гребня его валовъ до самаго дна. И на высотѣ, и въ преисподнихъ творились разныя чудеса. О томъ, какъ околесили маленькіе люди, мы болѣе

или менѣе знаемъ, а что въ этомъ же родѣ натворено людьми иныхъ положеній, то только едва-едва еще вылѣзаетъ на свѣтъ. Во главѣ мѣстной администраціи нашего «центра» тогда стояль высокодаровитый генералъ, самой необъятной непосредственности. Его непосредственность была такъ велика, что онъ, напр., могъ судить о книгахъ, не читая ихъ, и, притомъ, судить очень оригинально. Такъ, напр., выдавая себя другомъ литературы, онъ говорилъ, что запретилъ бы только одну вышедшую тогда книгу,—именно, «Исторію конституцій» А. В. Лохвицкаго, но и то запретилъ бы ее потому, что «все это уже старо и узко». Въ государственномъ устройствѣ сановникъ мѣтилъ гораздо дальше, чѣмъ брала эта книга. Въ семьѣ онъ желалъ видѣть, чтобы дѣти росли на свободѣ безъ всякаго «воспитанія», и достигъ этого вполнѣ въ своихъ собственныхъ дѣтяхъ, *таскающихъ* его имя гдѣ попало и съ кѣмъ попало. Между множествомъ анекдотовъ его административной свистопляски были извѣстны его слова, что онъ «не только терпѣть не можетъ низкопоклонниковъ, но даже *любитъ, чтобы ему грубили*».

Находились люди, которые пробовали доставлять ему такое удовольствіе, и, къ чести его сказать, онъ *иногда* сносилъ это довольно терпѣливо. Впрочемъ, послѣ сталъ обижаться. Но еще болѣе, чѣмъ грубіяновъ, онъ любилъ людей *неподзаконныхъ*, т.-е. такихъ совершенныхъ людей, которые любятъ становиться выше закона, будучи сами себѣ законъ. Въ такихъ людяхъ на Руси, какъ извѣстно, недостатка нѣтъ, и самъ высокій сановникъ тоже былъ изъ такихъ совершенныхъ людей; но онъ заблуждался, думая, что таковы и всѣ остальные современные ему правители отдѣльныхъ частей управленія. Особенно же онъ ошибался въ мѣстномъ владыкѣ, котораго всегда очень хвалилъ, говоря:

— C'est un brave homme, у него нѣтъ ni foi, ni loi.

Что касается архіерейской foi, то этого высокаго вопроса мы повѣрять не будемъ, но что до loi, то на этотъ счетъ генералъ ошибался и получилъ за то распеканцію.

Узнавъ какъ-то отъ состоявшихъ при его важной особѣ сплетниковъ по особымъ порученіямъ объ анекдотѣ, случившемся при утѣшеніи дяди Никса его свояченицею, ге-

нералъ сейчасъ же его пожалѣлъ, назвалъ pauvre diable-мъ и возымѣлъ намѣреніе уладить это дѣло.

— Что же такое, что она сестра его жены? — Это не бѣда... Вѣдь та первая ея сестра уже умерла?

— Умерла,—отвѣчаютъ.

— Ну, а умерла, такъ эта и должна занять ея мѣсто. Она кто такая урожденная?

— Такая-то.

— А сестра ея?

— То же самое.

— А онъ какой урожденный?

Ему назвали фамилію.

— Ну вотъ, видите: у нихъ совсѣмъ и фамиліи разныя. Это можно. Что такое за важность!

— Конечно,—говорятъ: — но по-нашему, по-православному...

— Ахъ, полноте, пожалуйста, что это такое за православіе, и въ чемъ оно состоитъ, я не знаю, кромѣ какъ «Господи помилуй», да «Тебѣ Господи съ подай Господомъ». Но я знаю, что это можно, потому, вѣдь, та его жена уже умерла. Такъ или нѣтъ?

— Такъ.

— Ну, и можно. Если бы онѣ обѣ живы были, — ну, тогда, конечно... могли быть соображенія, ну, а теперь... Скажите ему, чтобы онъ мнѣ повинился и попросилъ помочь, — я очень радъ и самъ съѣзжу къ нашему бонзѣ. Старикъ мнѣ не откажетъ,—сейчасъ подмахнетъ разрѣшеніе.

Кто-то выразилъ-было нѣкоторое сомнѣніе насчетъ такой податливости владыки, но правитель совсѣмъ обѣлилъ его преосвященство.

— Полноте, пожалуйста; я,— говоритъ: — вамъ ручаюсь, что онъ ни во что не вѣритъ и не имѣетъ ni foi, ni loi.

Близкія послѣдствія показали, что оба эти мнѣнія о владыкѣ были невѣрны.

— — —

Генералъ взялся за дѣло не только съ ловкостью, но и съ отвагою настоящаго военнаго человѣка.

Горячность его была такова, что онъ, при первомъ же свиданіи съ дядей Никсомъ, самъ разспросилъ его въ шутливомъ тонѣ: «какъ это вышло?» — и, узнавъ о справедливости смущавшаго Никса анекдота, сразу же его ободрилъ.

— Вы не смущайтесь,—сказалъ онъ:—все это въ наше время сущіе пустяки. Теперь, когда, можно сказать, уже никто изъ порядочныхъ людей не живетъ съ своими женами, на эти дѣла смотрятъ иначе. А вы, если хотите еще держаться старины, чтобы надѣвать «узы Гименея», такъ можете свободно жениться вторымъ бракомъ на сестрѣ вашей жены. Зачѣмъ и не побаловать даму: онѣ вѣдь его-зятъ, будто стремятся къ свободѣ, а въ самомъ дѣлѣ — очень любятъ выходить замужъ. Имъ это нравится «законъ принимать», — точно онѣ всѣ кухарки. Ну, да это ваше дѣло. Женитесь, я васъ благословляю, и сегодня же съѣзжу къ нашему бонзѣ и привезу вамъ отъ него разрѣшеніе. Онъ на этотъ счетъ безподобенъ: что̀ вамъ нужно, все разрѣшитъ.

Дядя Никсъ не отказалъ генералу въ правѣ ходатайствовать, и тотъ поскакалъ съ этимъ полномочіемъ къ владыкѣ, но оттуда возвратился чрезвычайно скоро и такой разсерженный, что сразу же началъ передъ дядею Никсомъ бранить «безподобнаго» *толстоносымъ невѣжею, тупымъ бонзою и упрямымъ козломъ.*

— Никогда себѣ этого не прощу, что взялся съ нимъ объ этомъ говорить, — пылилъ генералъ. — Помилуйте, я всегда былъ увѣренъ, что онъ прекрасный старикъ, что у него ni foi, ni loi, а онъ выходитъ прехитрый мужиченко! Онъ все отъ меня выслушалъ и улыбался, а потомъ вдругъ давай ахать: «Ай-ай-ай! говоритъ, какое ужасное дѣло! Беременна родная сестра его жены. Боже, какая безнравственность!»

«Я хотѣлъ въ шутку—говорю:

— «Ну, полноте, ваше преосвященство: что̀ за важность!»

«А онъ скроилъ этакую благочестивую мину и отвѣчаетъ:

— «Какъ: что за важность! Ай-ай-ай! Беременна.... родная сестра его жены.... и онъ хочетъ на ней жениться.... на родной сестрѣ своей жены.... И вы, верховный сановникъ и правитель, изволите сообщать объ этомъ мнѣ, вашему епархіальному архіерею, и требуете, чтобы я, вашъ епархъ, далъ на это разрѣшеніе! Ай-ай-ай! ай-ай-ай! Какъ вы могли за это взяться!

«Я говорю: просятъ меня, ну, и я прошу.

— «Да помилуйте, мало ли о чемъ иногда просятъ! Нѣтъ: это ужасно, ужасно, ужасно! Я, разумѣется, не удивляюсь вашей всѣмъ извѣстной добротѣ, притомъ же, хотя вы и должны знать законы, но вы въ военной службѣ служили и законовъ не изучали.

«Я говорю: — чортъ ихъ знаетъ,—я ихъ, дѣйствительно, не знаю!

— «Ну, онъ говоритъ, это васъ, конечно, и извиняетъ, но тотъ, кто васъ объ этомъ просилъ, неизвинителенъ. Удивляюсь, много удивляюсь, какъ онъ, зная законы, могъ рѣшиться позволить себѣ безпокоить особу столь высокаго, какъ вы, званія такою беззаконною просьбою! Статочно ли это, чтобы вы, въ вашемъ положеніи, просили меня, архіерея, разрѣшить извѣстному человѣку жениться на родной сестрѣ его покойной жены! Ай-ай-ай! Надо его пощунять, да, пощунять его, пощунять. Пожалуйста, ко мнѣ его пришлите,—пришлите: я его у себя самъ погоняю. Ишь, какой дерзкій, какъ онъ смѣлъ васъ такъ подводить подъ такую глупость! Пришлите! Этого безъ штрафа оставить нельзя».

И, передавъ съ точностію рѣчь архіерея, сановникъ отмахнулъ, по-военному, рукою и добавилъ:

— Такъ вотъ, что теперь изволили заварить, то и извольте расхлебывать: отправляйтесь къ нему и извольте объясняться съ нимъ сами, а я болѣе — пасъ. Да-съ, я пасъ, пасъ, хоть бы у васъ не одна свояченица, а полный домъ всѣхъ родныхъ сдѣлались беременными.

Переконфуженный дядя Никсъ попробовалъ-было отговориться, что уже лучше, молъ, все это бросить и не просить и не ѣхать объясняться, но сановникъ былъ не такъ настроенъ.

— А, нѣтъ-съ, покорно васъ благодарю, — отвѣчалъ онъ: — нѣтъ-съ, извините, вѣдь это я тутъ замѣшанъ, а я не хочу, чтобы это на мнѣ и оставалось. Начали, такъ надо додѣлывать. Онъ теперь еще, пожалуй, пойдетъ разсказывать, что я пріѣзжалъ по такому дѣлу... Нѣтъ-съ, вы начали, — вы и кончайте: извольте ѣхать, да-съ, и даже немедленно извольте ѣхать. Завтра, именно, извольте ѣхать и объясняйтесь съ нимъ, какъ знаете, только чтобы я тутъ былъ ни при чемъ. Онъ мнѣ, можетъ-быть, сто разъ повторилъ, чтобы васъ прислать, и я васъ посылаю, да, сейчасъ извольте ѣхать, сейчасъ!

— Завтра,—говоритъ дядя Никсъ.

— Нѣтъ-съ, сейчасъ, сейчасъ, — сію минуту! Я имѣю основаніе не хотѣть, чтобы такое скандальное дѣло за мною числилось, и я васъ прошу, я вамъ, наконецъ, *приказываю* отъ этого скандальнаго дѣла меня очистить.

Дядя Никсъ насилу могъ отпроситься отложить свою явку владыкѣ до завтра. Онъ провелъ самую безпокойную ночь, скрывая отъ семейныхъ причину своей тревоги, но открылъ ее одному изъ близкихъ друзей и все у него допытывался мнѣнія, какъ тотъ думаетъ: «съѣстъ или не съѣсть его завтра разгнѣванный епископъ?»

Но вопрошаемый зналъ объ этомъ столько же, какъ вопрошавшій, и разсуждалъ, что «пожалуй съѣстъ, а пожалуй и не съѣстъ».

Шутя, они даже по пальцамъ гадали, но ничего не угадали: разъ выходитъ, что съѣстъ, а другой—не съѣстъ.

Не добьешься толку: ворожба тайныхъ думъ освященнаго лица не раскрывала. Такъ, ничего не зная, что будетъ, дядя Никсъ на слѣдующій день, въ подходящій часъ, отправился съ стѣсненнымъ сердцемъ къ его высокопреосвященству, отъ котораго ожидалъ услыхать нивѣсть какія непріятныя для себя напряганія и строгости.

Архіерей не забылъ о дядѣ Никсѣ и даже, вѣроятно, ждалъ его. По крайней мѣрѣ, какъ только его ввели въ залъ и доложили о немъ, владыка самъ распахнулъ двери гостиной и привѣтливо заговорилъ:

— Прошу покорно, добро пожаловать, добро пожаловать. Сердечно радъ васъ видѣть.

И, усадивъ дядю Никса на диванъ, онъ продолжалъ въ томъ же мягкомъ и привѣтливомъ тонѣ:

— Давно и очень давно желалъ съ вами познакомиться. Много наслышался о васъ хорошаго. Благо тому, о комъ такъ говорятъ, какъ о васъ, особенно у насъ, гдѣ ни за умъ, ни за доброту хвалить некого.

Дядя Никсъ кланяется, а архіерей продолжаетъ:

— Мало у насъ, очень мало умныхъ, и еще менѣе — добрыхъ и благонамѣренныхъ людей на общественной дѣятельности, а вы не такой, не такой... Да, вы не недотрога.

Дядя Никсъ опять кланяется, а архіерей снова продолжаетъ:

— Я давно интересовался вашими хлопотами о народномъ образованіи. Могу сказать, не для вида одного занимаетесь, а дѣйствительную пользу дѣлаете. За это вамъ за нашъ бѣдный темный народъ поклонъ до земли. Но вы вѣдь, кромѣ того, и еще во многихъ комитетахъ.

— Точно такъ, ваше преосвященство.

— Усердны, очень усердны.

— Что дѣлать: избираютъ.

— Да, да, гдѣ ни прочитаю, все вы сидите. Хвалю, очень хорошо, очень хорошо дѣлаютъ, что такого доступнаго добру человѣка избираютъ. Ну, и что же у васъ, напримѣръ, по такому-то комитету дѣлается?

Дядя Никсъ опять отвѣчаетъ. А владыка далѣе любопытствуетъ: какъ идутъ дѣла въ третьемъ, въ пятомъ и въ десятомъ изъ тѣхъ безчисленныхъ комитетовъ, при посредствѣ которыхъ такимъ живымъ ключомъ кипитъ наша смѣлая и оригинальная административная дѣятельность.

Дядя Никсъ обстоятельно, по всѣмъ пунктамъ, удовлетворилъ любознательность владыки и успѣлъ ему показать въ этомъ разговорѣ свою свѣдущность, искреннее добросердечіе и пріятный умъ. Владыка съ удовольствіемъ его слушалъ и не разъ принимался похвалять словомъ.

— Одобряю васъ, весьма одобряю, — а потомъ и самъ высказалъ нѣсколько замѣчаній, поразившихъ гостя не только своею глубиною и мѣткостью, но и благороднымъ свободомыслiемъ, въ которомъ, впрочемъ, у русскихъ людей не бываетъ недостатка, пока они не видятъ необходимости согласовать свои слова съ дѣломъ.

Дядя Никсъ, конечно, зналъ эту черту нашихъ нравовъ и не обольщался ея проявленіями у владыки.

«Знаю я васъ,—думалъ онъ,—широко ты, братъ, расписываешь въ томъ, что до тебя не касается, а небось, въ чемъ дѣло къ тебѣ клонитъ, такъ ты мнѣ жениться не позволилъ, а про законъ запѣлъ, да вотъ и о сю пору все виляешь, а о моемъ дѣлѣ ни слова не говоришь!»

А владыка какъ бы прочелъ эти мысли на его лицѣ и говоритъ:

— Ну, пріятно, очень мнѣ пріятно было съ вами побесѣдовать, а теперь позвольте же мнѣ, ваше превосходительство, спросить: что такое у васъ дома случилось неловко по женской части?

— Да, владыка... извините, что я осмѣлился...

— Сшалили?

— Виноватъ, владыка.

— Да, вчера князь налетѣлъ съ этимъ на меня, какъ съ ковшомъ на брагу, — говоритъ, что будто вы его просили со мною на этотъ счетъ переговорить. Да вѣдь онъ на гулянкахъ много празднословитъ, — я, признаюсь, ему не повѣрилъ.

— Нѣтъ, это точно такъ, владыка.

— Вы его просили?!

— Просилъ, владыка.

Владыка пожалъ плечами и закачалъ головою.

— Для чего же вы это сдѣлали?

Дядя Никсъ молчалъ.

— Вѣдь вы, кажется, безъ шутокъ... имѣете *серьезное* намѣреніе жениться на сестрѣ вашей покойной первой жены?

— Да, то-есть... я имѣю это желаніе, я имѣю въ этомъ нужду... потому что у меня есть сиротка, который въ этой женщинѣ только могъ бы найти вторую мать, но если это нельзя...

— Позвольте, позвольте, вы совершенно справедливо и совершенно основательно судите: дѣйствительно, кто же сиротѣ по женской линіи ближе тетки; но вѣдь такой бракъ у насъ недозволителенъ.

— Я думалъ, что, какъ у всѣхъ другихъ, напримѣръ у католиковъ и у лютеранъ, это не считается препятствіемъ, такъ, можетъ-быть, теперь уже и у насъ...

— Нѣтъ, опять позвольте... Во-первыхъ: что такое значитъ это ваше «*теперь*»? Въ разсужденіи духа времени — это такъ, но въ разсужденіи правилъ соборныхъ постановленій это «*теперь*» и тогда, и всегда будетъ одно и то же. Указываете, что у инославныхъ это дозволяется, но вѣдь мы съ вами не инославные, а православные, и, родясь въ лонѣ православной церкви, должны знать, что этого нельзя. Зачѣмъ же вы о такой невозможности просите?

— Извините великодушно, владыка: я вижу, что сдѣлалъ непростительную глупость, и умоляю васъ, не гнѣвайтесь и простите.

— Простить — извольте, прощу, потому что просящему прощенія и Богъ прощаетъ, а извинить — не извиняю.

Другому, менѣе васъ умному человѣку, я охотно бы это извинилъ, но вамъ не могу. Какъ, помилуйте, возможно, чтобы по этакому деликатному дѣлу прислать ко мнѣ, монаху, этакого безстыжаго нѣтуха, который и безъ того вездѣ оретъ во все горло, что у меня нѣтъ ни foi, ни poi (sic), и давно на грудь мнѣ наступаетъ, чтобы я закона не почиталъ. Помилуйте вы меня! Да къ чему же мнѣ это и для чего намъ, бѣднымъ людямъ, такая роскошь? Я вѣдь не въ корпусѣ на Садовой улицѣ учился, а Эврипида читалъ:

Nam si violandum est jus, regnandi gratia
Violandum est, aliis rebus pietatem colas.

«Нарушить законъ *для того, чтобы царствовать*», — это и умные люди дѣлали, но нарушать его для того, чтобы одинъ дѣйствительный штатскій шалунъ, съ моего разрѣшенія, на своей свояченицѣ женился, это уже никакого резона нѣтъ».

Владыка всталъ съ мѣста и подалъ руку дядѣ Никсу, но не выпустилъ ее, а тепло придержалъ своею другою рукою и добавилъ:

— Нѣтъ, напрасно вы, напрасно прямо сами ко мнѣ не пожаловали: я бы вамъ разрѣшенія, разумѣется, все равно не далъ, но зато прямо бы вамъ объяснилъ, что вамъ мое разрѣшеніе вовсе и не нужно.

— А безъ разрѣшенія, ничего нельзя сдѣлать, владыка.

— Да, и я бы такъ думалъ, но мнѣ говорили, что, именно, *такъ только и можно*, какъ вы сказали: «безъ разрѣшенія». Для чего же въ эти дѣла епископовъ путать, да еще черезъ важныхъ русскихъ либераловъ это дѣлать? Помилуйте... Сей родъ самый опасный и ничимъ же изымается: съ ними надо очень, очень опасливо: они сами подзадорятъ, да сами же первые и выдадутъ хуже школьниковъ. До свиданія. Поѣду вашему покровителю визитъ отдать.

— Сдѣлайте милость, владыка, посѣтите его: онъ радъ будетъ.

— Знаю... Чудакъ! а то подумаетъ, что я на него сержусь, и «предупреждать» пойдетъ повсюду. Свистунъ, а мужикъ добрый. Будьте покойны, я сейчасъ ему либеральнаго елея на самый главный винтикъ капну и до дна его смаслю. Богъ съ нимъ. Такихъ разболтаевъ тоже надо беречь. Онъ еще, можетъ, пригодится вамъ на всякій слу-

чай. Храни Богъ доноса—тогда умомъ ужъ ничего не возьмешь, а этакой цыцарь какъ разъ «цыцъ» и выхлопочетъ... Прощайте, и желаю вамъ счастливаго успѣха.

Гость тронулся, но хозяинъ его опять придержалъ и добавилъ:

— А говорятъ, если здѣсь неустойка, то къ единовѣрамъ въ Молдавію хорошо съѣздить: тамъ, будто, говорятъ, никакихъ затрудненій не знаютъ: за деньги эти православные молахи и валдахи не только на матери, а даже и на отцѣ родномъ женятъ. Невѣроятно, а впрочемъ, чего на свѣтѣ не бываетъ! Прощайте!

Съ тѣмъ дядя Никсъ и вышелъ отъ владыки, а черезъ недѣлю послѣ этого разговора онъ уже былъ обвѣнчанъ со своею свояченицею.

Читателя можетъ поинтересовать: какъ все это сдѣлалось и какъ это вообще дѣлалось? А потому я въ концѣ моихъ очерковъ разскажу, что мнѣ на этотъ счетъ извѣстно, теперь же еще два послѣдніе портрета.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

За несомнѣнное разсказываютъ слѣдующій характерный случай, имѣвшій мѣсто съ однимъ полицейскимъ генераломъ у покойнаго московскаго митрополита Филарета Дроздова.

Генералъ, обязанный блюсти благочиніе столицы, не всегда хорошо зналъ предѣлы своей власти и, случалось, вмѣшивался куда не слѣдовало. На это иногда жаловались, или пробовали дать ему сдачи собственными средствами, но къ общему огорченію все это выходило малоуспѣшно. Генералъ же, отъ ряда такихъ безпрестанныхъ удачъ, дѣлался смѣлѣе, и безъ оглядки «забывая задняя—на передняя простирался» и въ такомъ неуклонномъ стремленіи наскочилъ на митрополита Филарета.

Случай этотъ возникъ съ слѣдующаго повода. Довелось безпокойному генералу быть на чьихъ-то похоронахъ, или по другому какому случаю заглянуть въ одну изъ приходскихъ церквей столицы, гдѣ его превосходительство не ждали и служили попросту. Служеніе генералу страшно не понравилось.

Генералъ счелъ, что все это надо исправить, и обозначилъ въ самомъ вѣжливомъ письмѣ къ митрополиту Филарету, которое и было послано по адресу безъ лишняго раз-

думья. Отправляя такое посланіе, генералъ, конечно, былъ какъ нельзя болѣе доволенъ собою, потому-что дѣлалъ владыкѣ сообщеніе, которое того не могло не интересовать, такъ какъ касалось самыхъ живыхъ вопросовъ церковнаго благочинія. Генералъ, знавшій, быть-можетъ, очень многое въ петербургскомъ свѣтѣ,—откуда недавно пришелъ,—не зналъ вовсе неприступной щекотливости того лица, къ которому онъ обращался, и за то поплатился очень досадительнымъ урокомъ.

Митрополитъ Филаретъ, получивъ генеральское письмо, возымѣлъ себя совсѣмъ не такъ, какъ предполагалъ и невѣрно разсчитывалъ авторъ. Указаніе на то, что гдѣ-то въ московской церкви неблагочинно служатъ и не хорошо поютъ, обидѣло владыку: онъ усмотрѣлъ въ этомъ дерзость. Такія вещи онъ если и терпѣлъ, скрѣпя сердце, отъ Андрея Николаевича Муравьева, то это была милость безъ образца, и затѣмъ онъ уже никакъ не хотѣлъ этого терпѣть ни отъ кого другого,—тѣмъ болѣе отъ человѣка военнаго и занимающаго полицейскій постъ. Въ его глазахъ это имѣло такой видъ, какъ будто полиція начинаетъ вмѣшиваться въ церковное дѣло, для котораго въ Москвѣ не упразднена еще своя настоящая власть, сосредоточенная въ крѣпко ее державшихъ рукахъ митрополита Филарета.

И вотъ владыка, отложивъ письмо на уголъ стола, переслушалъ всѣ другія поданныя ему въ этотъ день бумаги,—а потомъ, отпуская секретаря, указалъ на генеральское посланіе и сказалъ своимъ безстрастнымъ и беззвучнымъ голосомъ:

— Это положить въ конвертъ... и надписать генералъ-губернатору.

Секретарь спросилъ: какъ отправить,—т. е. при какого содержанія письмѣ или бумагѣ? Но митрополитъ былъ не доволенъ этимъ разспросомъ и отвѣчалъ:

— Безъ всякой бумаги, послать просто.

Такъ и было послано.

Дѣло родилось и назрѣвало втиши, но вдругъ и забурлило.

Генералъ-губернаторъ (который именно, я этого не знаю) *), вскрывъ поданный ему конвертъ и доставъ оттуда

*) Во всякомъ случаѣ это не былъ Закревскій, которому представлялось, что м. Филаретъ сочинилъ и велѣлъ читать въ церквахъ молитву

генеральское письмо къ митрополиту, сталъ искать въ пакетѣ какого-нибудь препроводительнаго писанія отъ самого владыки. По всему, онъ имѣлъ основаніе предполагать, что такое писаніе непремѣнно есть, но его, однако, не было. Тогда родилось другое, тоже весьма естественное въ семъ случаѣ предположеніе, что препроводительное писаніе, по недосмотру или иной какой оплошности секретаря, не положено въ конвертъ и осталось гдѣ-нибудь, въ митрополичьей канцеляріи.

Поэтому генералъ-губернаторъ помѣтилъ на письмѣ карандашомъ: «справиться у секретаря: гдѣ бумага, при которой прислано».

Справка была сдѣлана немедленно и притомъ не письменная, а личная, черезъ посредство одного изъ чиновниковъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Но тотъ, побывавъ съ пакетомъ у митрополичьяго секретаря, привезъ назадъ этотъ пакетъ безъ всякаго восполненія и притомъ съ страннымъ отвѣтомъ, что никакого препроводительнаго письма отъ митрополита не будетъ.

Опять доложили генералъ-губернатору и опять отряженъ старшій по чину и званію посолъ съ посольствомъ, имѣвшимъ прямою цѣлію узнать: «что его высокопреосвященству угодно?» Но это новое посольство было не удачнѣе перваго: не легко секретарь поддался просьбѣ спросить владыку: «что ему угодно?» черезъ посылку упомянутаго письма, да не привело ни къ чему и вопрошаніе.

Филаретъ посмотрѣлъ на секретаря долгимъ, укоризненнымъ взглядомъ и тихо молвилъ:

— Мнѣ ничего не угодно.

Въ гражданской канцеляріи генералъ-губернатора отъ всего этого смущеніе только возрастало. По чиновничьему скудовѣрію, тамъ находили невозможнымъ удовлетвориться такимъ безмятежнымъ отвѣтомъ и считали неотразимо нужнымъ добиться: для чего вседовольный владыка прислалъ это письмо и чего ему хочется? Дѣлая такія и иныя соображенія, нашли наконецъ, что удивительное событіе это

объ избавленіи Москвы отъ лютаго положенія, т.-е. отъ управительства Закревскаго. Объ этомъ было официальное дознаніе, память о которомъ уберетъ будущему историку митрополитъ Исидоръ. См. списокъ рукописей, пожертвованныхъ высокопреосв. Исидоромъ Петербургской Д. Академіи.

всѣхъ болѣе обязанъ разъяснить не кто иной, какъ самъ полицейскій генералъ, который заварилъ всю эту кашу, Богъ знаетъ, зачѣмъ и для чьего удовольствія.

И, какъ это часто водится, прежде чѣмъ хваткій генералъ успѣлъ показаться и дать какія-нибудь разъясненія объ этомъ безпокойномъ обстоятельствѣ, про самое обстоятельство уже меньше говорили, чѣмъ про его вздорливый нравъ и его злость, съ которою онъ безпрестанно надоѣдаетъ то одному, то другому, то пятому и десятому. И всѣмъ уже становилось радостно и мило, что вотъ-таки онъ нарвался. И съ чѣмъ приставалъ? «Не хорошо поютъ!» Да ты, что ли, регентъ,—тебѣ какое дѣло? Не нравится—выйди и не слушай, ступай къ цыганамъ, тамъ хорошо поютъ. А чего лѣзть, зачѣмъ надоѣдать?.. Вѣдь это не какой-нибудь простой митрополитъ, а Филаретъ; онъ тайны знаетъ: его боятся... Его только тронь, такъ и самъ не обрадуешься. Вотъ и наскочилъ.—такъ тебѣ, сорванцу, и надо! Радовались не только люди русскіе, которымъ, по справедливому замѣчанію Пушкина, «злорадство свойственно», но даже нѣкій нѣмецкій чиновникъ, имѣвшій за свою солидность особый вѣсъ у начальства. Онъ вѣдалъ это дѣло и онъ же сказалъ о немъ: «нашла коза на камень», и съ этою, немножко измѣненною русскою пословицею, сдѣлалъ такое обобщеніе, что быть за все въ разлѣлкѣ самому безпокойному полицейскому генералу.

Такъ и сталось.

Во утрій день, едва полицейскій генералъ сталъ въ урочный часъ по обычаю передъ генералъ-губернаторомъ, сей послѣдній сразу сморщился и заговорилъ скороговоркою и въ недовольномъ тонѣ:

— Очень радъ васъ видѣть... Вчера почти только-что вы отъ меня уѣхали, я получилъ конвертъ отъ митрополита. Вотъ онъ: возьмите его, пожалуйста; онъ здѣсь прислалъ ко мнѣ ваше письмо, и кто его знаетъ: зачѣмъ онъ его прислалъ? Я посылалъ узнавать, и ничего не узнали... Столкновеніе съ нимъ, это чрезвычайно непріятно... Кончите это, пожалуйста, какъ-нибудь сами.

Генералъ сконфузился и даже не на шутку, но подбодрился и, чтобы выдержать спокойный тонъ, спрашиваетъ:

— Что же... мнѣ самому прикажете съѣздить?

— Какъ хотите... Да впрочемъ я не знаю, какъ же иначе, лучше съѣздите.

— Хорошо-съ. я сейчасъ съѣзжу и сейчасъ же заѣду вамъ сказать, если угодно.

— Пожалуйста... Какъ-нибудь...

— Да вѣдь это такіе пустяки!

— Ну однако... все-таки... пожалуйста кончите и заѣзжайте.

Генералъ поѣхалъ. но неудачно: вмѣсто того, чтобы получить возможность успокоить начальника. онъ заѣхалъ съ самымъ короткимъ. но непріятнымъ отвѣтомъ. что митрополитъ его *не принялъ*.

— Ну вотъ видите!

— Да онъ, говорятъ. дѣйствительно боленъ.

— Положимъ, а все-таки непріятно. Вы уже сдѣлайте милость... постерегите... когда онъ выздоровѣетъ.

— Непремѣнно-съ. непремѣнно.

— Вы тамъ... келейника..

— Да... я уже все сдѣлалъ и *просилъ*.

(Вотъ онъ уже началъ *просить*!)

— Но и сами... навѣдайтесь когда онъ можетъ.

— Я заѣду, заѣду.

Онъ два раза повторилъ слово «заѣду», а довелось ему заѣхать нѣсколько разъ. потому что владыка все недомогалъ, а генералъ-губернаторъ скучалъ. что это еще не разъяснено и не кончено.

Генералу это такъ надоѣло. что онъ говорилъ. будто уже «готовъ хоть пять молебновъ у Иверской отпѣть, лишь бы отвязаться отъ этого письма и отъ всей этой исторіи». И Богъ, который, по изъясненію Іоанна Златоустаго, «не только дѣянія пріемлетъ, но и намѣренія цѣлуетъ» —внялъ нуждѣ утѣсненнаго этими событіями генерала и воздвигъ владыку съ одра болѣзни. Подъ вечеръ одного дня дали генералу съ подворья вѣсть, что владыкѣ лучше. а на другой день, едва его превосходительство собрался на Самотекъ. какъ черезъ подлежащихъ чиновъ полиціи пришло дополнительное извѣстіе, что Филаретъ нынче утромъ раненько совсѣмъ выѣхалъ на лѣто за городъ къ Сергію и затѣмъ въ Новый Іерусалимъ.

Крѣпкій, непокладистый человѣкъ былъ генералъ. но это уже и его вымотало. Теперь хоть и не говори ни слова,

а отправляйся туда же вслѣдъ за нимъ къ Сергію и въ Новый Іерусалимъ. А приметъ ли еще онъ тамъ?—это опять Богъ вѣсть. Скажутъ: усталъ съ дороги, отдохнуть нужно, безпокоить не смѣемъ; или говѣетъ, къ причастію готовится; съ отцомъ намѣстникомъ заняты — да вообще конца нѣтъ претекстамъ. И это такому-то человѣку, который и самъ кипитъ, и любитъ, чтобы вокругъ него все кипѣло и прыгало!..

Чортъ знаетъ, что за глупое положеніе и все изъ-за чистѣйшихъ пустяковъ.

Генералъ давно уже былъ не радъ, что онъ все это поднялъ: крѣпкій и крупный во всѣхъ своихъ неразборчивыхъ поступкахъ, онъ ослабѣлъ и обмелѣлъ отъ этой святительской гонки, которая такъ—не такъ, еще пока и до объясненья не дошла, уже внушала ему необходимость извѣстной разборчивости. Даже ухарская бодрость его подалась и спесь поспустилась до того, что онъ сталъ панибратственно спрашивать людей малыхъ: какъ они думаютъ, что лучше, немедленно ли ему ѣхать вслѣдъ за владыкой, или подождать,—пусть онъ отдохнетъ, начнетъ служить, и тогда... прямо къ обѣднѣ, да отъ обѣдни подъ благословеніе, — на чашку чаю, и объясниться.

Какъ мышь могла оказать великую услугу льву, такъ и тутъ случилось нѣчто малопозволительное—у мелкаго человѣка нашлось ума и сообразительности больше, чѣмъ у крупнаго.

Малый совѣтникъ сказалъ, что прямо отъ обѣдни генералу къ митрополиту являться не хорошо, разъ—потому, что его высокопреосвященство въ такую пору бываетъ уставши, а во-вторыхъ, что и дѣло-то требуетъ свиданія тихаго и переговора съ глаза на глазъ, «чтобы если и колкость какую выслушать, то по крайней мѣрѣ не при публикѣ».

Это было первое упомянутіе о колкости, но оно было принято безъ удивленія и безъ спора. Очевидно, всѣ иначе и думать не хотѣли, что безъ колкости дѣло обойтись не можетъ. Вопросъ могъ быть только въ томъ: какая?

— У него, вѣдь, это все примѣняется, — говорили совѣтники,—что простецу, что ученому, что духовному, а что военному человѣку... Особенно ученымъ строго; онъ вонъ іерея Беллюстина вызвалъ, посмотрѣлъ на него, да опять пѣшкомъ въ Калязинъ прогналъ.

— Господи!.. это чортъ знаетъ что такое... И что за мысль попа пѣшкомъ гонять!

— А-а, онъ ученый, статьи пишетъ.

— Да хоть бы и какія угодно статьи писалъ,— все же, вѣдь, онъ не скороходъ или не пѣхотинецъ.

— А Голубинскаго еще хуже: прямо по рукѣ ударилъ; онъ къ ученымъ лютъ.

— Ну, а къ военнымъ каковъ, а?

Собесѣдники плечами пожали и говорятъ:

— Про военныхъ не знаемъ, военныхъ, пожалуй, не смѣетъ.

— Вѣдь не можетъ же онъ меня заставить идти отъ Сергія пѣшкомъ за покаяніе—а? что? Я его не послушаю: сяду да и уѣду... что?

— Да, конечно, нѣтъ: не смѣетъ.

— Еще бы!—пускай поповъ гоняетъ, а я не попъ.

На самомъ же дѣлѣ все это приводило генерала въ большую нервность, и онъ, волнуясь, кипятился и поперемѣнно призывалъ то Бога, то чорта, не зная, къ кому плотнѣе пристать.

— Господи, что такое!.. чортъ бы все это дралъ... Съ коронованной особой, кажется, легче бы объясниться!

Но малый совѣтникъ, до бесѣды съ которымъ генералъ не напрасно унизился, вывелъ его на хорошій путь: онъ присовѣтовалъ генералу «сочинить» къ владыкѣ письмо и «по-искательнѣе» просить его высокопреосвященство дозволить представиться по нужному дѣлу, «когда онъ прикажетъ». И при всѣхъ этихъ варварскихъ фразахъ о сочиненіи искательности и приказаніи, особенно настаивалъ, чтобы послѣдняя фраза была употреблена въ точности.

— А то иначе, говоритъ, онъ прошепчетъ секретарю: «напиши, я готовъ выслушать», а когда и гдѣ—опять не доберетесь. Нѣтъ, ужъ лучше пусть «прикажетъ».

Генералъ въ досадѣ, уже ни за что не стоялъ и готовъ былъ испросить себѣ и «приказаніе», но только «сочинять» ему не хотѣлось.

— Сдѣлайте милость, говоритъ, чортъ бы все это побралъ... Господи!—напишите пожалуйста, какъ это по вашему нужно, я все подпишу.

— Нѣтъ, говорятъ, тутъ нельзя «подписать», а надо

своею рукою написать, или переписать, да еще почище,— хорошенько.

— Да у меня, говоритъ, почеркъ скверный.

— Надо постараться.

— Ахъ ты, Господи!.. ну да чортъ съ ними, со всѣми этими дѣлами; сочините мнѣ, пожалуйста, я перепишу.

И онъ сдержалъ свое слово,—переписалъ. Онъ взялъ черновое домой и хотя вначалѣ сильно его критиковалъ и называлъ «хамскимъ», но дома переписалъ его сполна и очень хорошо: буквы были всѣ аккуратно дописаны, строчки прямы,—очевидно, выведены по транспаранту, а внизу подпись со всякимъ почтеніемъ, покорною преданностью, порученіемъ себя отеческому вниманію и архипастырскимъ молитвамъ и просьбою о его владычномъ благословеніи. Словомъ, сдѣлано, какъ подобаетъ.

Письмо, въ видахъ наибольшей аттенціи, а можетъ быть и ради вѣрнѣйшаго полученія скораго отвѣта, послано не по почтѣ, а съ нарочнымъ, изъ сорока тысячъ курьеровъ, готовыхъ скакать во всѣ стороны, по манію каждаго начальника въ Россіи.

Ждутъ отвѣта. Ждетъ самъ генералъ, поминая то Бога, то чорта. Ждутъ и его подчиненные, которымъ казалось, что онъ имъ уже «протопоталъ голову вдоволя».

Здѣсь, среди этихъ форменныхъ людей, въ которыхъ, несмотря на всю строгость ихъ служебнаго уряда, все-таки билось своимъ боемъ настоящее широкое русское сердце, или только тишкомъ смѣтки на свойскомъ жаргонѣ: «какъ тотъ нашего: вздрючитъ, или взъефантулитъ, или пришпандоритъ?»

Слова эти, имѣющія не ясное значеніе для профановъ,— для посвященныхъ людей содержатъ не только опредѣлительную точность и полноту, но и удивительно широкій масштабъ. Самыя разнообразныя начальственныя взысканія, начиная отъ «окрика» и «головомойки» и оканчивая непрактикуемыми нынѣ «изутіемъ сапога» и «выволочки»,— всѣ они, несмотря на безконечную разницу оттѣнковъ и нюансовъ, опытными людьми прямо зачисляются къ соотвѣтственной категоріи, и что̀ составляетъ не болѣе какъ «вздрючку», то уже не занесутъ къ «взъефантулкѣ» или «пришпандоркѣ». Это нигдѣ не писано закономъ, но преданіемъ блюдется до такой степени чинно и безспорно, что

когда, съ упраздненіемъ «выволочки» и «изутія», вышелъ въ обычай болѣе сообразный съ мягкостью вѣка «выгонъ на ять—голубей гонять», то чины не обманулись и это мѣропріятіе ими прямо было отнесено къ самой тяжкой категоріи, т. е. къ «взъефантулкѣ». Владыка, однако, не могъ же имѣть такого вліянія, чтобы «сверзнуть» генерала, или сдѣлать ему другую какую-нибудь непріятность, а онъ просто его не болѣе, какъ «вздрючитъ», но, конечно, въ лучшемъ видѣ.

Посолъ возвратился на другія сутки. Ему довелось переночевать у Сергія, но зато онъ привезъ ясный отвѣтъ на словахъ, что его высокопреосвященство можетъ принять генерала.

— Когда же?

— Когда угодно.

— Я поѣду завтра.

Такъ и рѣшено было ѣхать завтра.

Генерала проводили и когда поѣздъ отъѣхалъ, смѣясь въ кулакъ проговорили:

— Напрасно ты, братъ, перемѣны бѣлья съ собой не захватилъ.

Межъ тѣмъ, ко всеобщему удивленію, генералъ возвратился въ Москву раньше вечера и былъ очень живъ, скоръ и веселъ. Онъ тотчасъ же поспѣшилъ успокоить генералъ-губернатора, что они съ митрополитомъ объяснились, и дѣло это теперь кончено.

— Я доказалъ ему, что я правъ, и онъ согласился, и просилъ вамъ кланяться.

Тотъ былъ доволенъ; но подчиненные, которымъ никакъ не хотѣлось такого окончанія, не вѣрили, чтобы дѣло обошлось безъ вздрючки. Краткое сказаніе: «я доказалъ ему, что я правъ, и онъ согласился», малодушнымъ людямъ казалось какъ-то неподходящимъ. Выходило это какъ-то очень ужъ кратко, и не имѣло на себѣ, такъ сказать, никакого облика живой правды. Какъ онъ это доказывалъ, что попъ дурно служилъ и дьячки нехорошо пѣли? Развѣ попа и дьячковъ туда тоже выписывали? Нѣтъ, этого не было и не могло быть, во-первыхъ, потому, что это дало бы дѣлу такое положеніе, что митрополитъ все-таки придалъ какое-нибудь значеніе письму генерала, а во-вторыхъ, этого

не могло быть просто потому, что владыка не зналъ, когда прискачетъ къ нему генералъ съ своимъ объясненіемъ. Не могъ же онъ содержать при себѣ упомянутаго попа и дьячковъ, про всякій случай, по вся дни. Да и все это было бы совсѣмъ не по-филаретовски. Нѣтъ: молодшіе люди имѣли крѣпкое подозрѣніе, что генералъ митрополиту ничего не доказывалъ, потому что ему еще никто никогда не доказалъ ничего такого, что онъ самъ не хотѣлъ считать доказаннымъ, а просто генералъ вытерпѣлъ у него непріятную минуту, но какъ ею кончается вся эта долгая возня, то онъ и радъ, и опять прыгаетъ и носится. А доказать митрополиту нельзя,—нельзя потому, что онъ такія дарованія и способы имѣетъ—сразу самаго доказательнаго человѣка взять и отсадить отъ его доказательствъ. И отсадить въ самый дальній уголъ, гдѣ тотъ даже и самъ себя не сразу узнаетъ.

И вотъ эти-то пріемы его очень интересны, какъ онъ это выведетъ такъ, что правъ—неправъ, а сказать нечего. И все это непремѣнно было съ генераломъ, но какъ же это было? какъ владыка его вздрючилъ и какъ тотъ извивался? Это положили узнать. А взялся за это нѣкто близкій по своимъ связямъ съ какою-то «профессоріею», а та профессорія знала еще кого-то, черезъ котораго доходили прямо до самаго близкаго человѣка. И когда весь этотъ порядокъ былъ ловко и ухищренно пройденъ, то результатъ превзошелъ всѣ ожиданія.

Вотъ вѣрное сказаніе о томъ, какъ объяснялся генералъ съ митрополитомъ.

Владыка, зазвавъ гостя въ отдаленныя палестины, былъ внимателенъ къ его пріѣзду и не заставилъ его ожидать. Пожаловалъ генералъ, доложили митрополиту, онъ и вышелъ: по обычаю своему не великъ, нарочито худъ, а изъ глазъ, яко мнилося, «семь умовъ свѣтитъ».

Разговоръ у нихъ вышелъ недолгій и все объясненіе, до котораго генералъ достигъ съ такимъ досадительнымъ трудомъ, свертѣлося вкратцѣ.

— Чѣмъ позволите служить? — началъ шопотомъ владыка.

Генералъ отвѣчалъ обстоятельно.

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, я былъ случайно

мѣсяцъ тому назадъ въ такой-то церкви, и слышалъ служеніе... оно шло очень дурно и даже, смѣю сказать, соблазнительно, особенно пѣніе... даже совсѣмъ не православное. Я думалъ сдѣлать вамъ угодное — довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія, и написалъ вамъ письмо.

— Помню.

— Вы изволили отослать это письмо для чего-то къ генералъ-губернатору, но ничего не изволили сказать: что вамъ угодно, и мы въ затрудненіи.

— О чемъ?

— Насчетъ этого письма, оно здѣсь со мною.

Генералъ пустилъ палецъ за бортъ и вынулъ оттуда свое письмо. Митрополитъ посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Позвольте!

Тотъ подалъ.

Филаретъ однимъ глазомъ перечитывалъ письмо, какъ будто онъ забылъ его содержаніе, или только теперь хотѣлъ его усвоить, и наконецъ проговорилъ вслухъ слѣдующія слова изъ этого письма:

— «Пѣніе совершенно не православное».

— Увѣряю васъ, ваше высокопреосвященство.

— А вы знаете православное пѣніе?

— Какъ же, владыка.

— Запойте же мнѣ на восьмой гласъ «Господи, воззвахъ къ Тебѣ».

Генералъ смѣшался.

— То-есть... ваше высокопреосвященство... Это чтобы я запѣлъ?

— Ну, да... на восьмой гласъ.

— Я пѣть не умѣю.

— Не умѣете; да вы, можетъ-быть, еще и гласовъ не знаете?

— Да, я гласовъ не знаю.

Владыка поднялъ голосъ и проговорилъ:

— А тоже мнѣнія свои о православіи подаете! Вотъ вамъ ваше письмо и прошу кланяться отъ меня генералъ-губернатору.

Съ этимъ онъ слегка поклонился и вышелъ, а генералъ, опять спрятавъ свое историческое письмо, поѣхалъ въ Москву и притомъ въ очень хорошемъ расположеніи духа: такъ ли, не такъ ли, противная докука съ этимъ письмомъ

все-таки кончилась, а мысль заставить его, въ его блестящемъ мундирѣ, пѣть въ митрополичьей залѣ на восьмой гласъ «Господи, воззвахъ къ Тебѣ, услыши мя», казалась ему до такой степени оригинальною и смѣшною, что онъ отворачивался къ окну вагона и отъ души смѣялся, представляя себѣ въ умѣ, что бы это было, если бы эту уморительную штуку узнали друзья, знакомые и особенно дамы? Это очень легко могло дойти до Петербурга, а тамъ какой-нибудь анекдотистъ разскажетъ ради чьего-нибудь развлеченья и шутя сдѣлаетъ тебя гороховымъ шутомъ восьмого гласа.

И онъ не разъ говорилъ «спасибо» митрополиту за то, что при этомъ хоть никого не было.

Но, однако, какъ «нѣтъ тайны, которая не сдѣлалась бы явною», то нерушимое слово писанія и здѣсь оправдалось. Вскорѣ же всѣ въ Москвѣ могли видѣть независтную гравюрку, которая изображала слѣдующее: стоитъ хиленькій старичокъ въ колпачкѣ, а передъ нимъ служитъ на заднихъ лапахъ огромнѣйшій пудель и держитъ на себя въ зубахъ хлыстъ. А старецъ ему говоритъ:

— Служи (собачья кличка), но на мой дворъ не смѣй лаять. А то я заставлю тебя визжать на восьмой голосъ».

Такова, или сей подобна была подпись подъ картинкою, которая вначалѣ показалась многимъ совсѣмъ не остроумною и даже безсмысленною; а потомъ, когда развѣдали, въ чемъ тутъ соль, уже немногіе лишь экземпляры картинки остались въ цѣлости.

Когда именно, въ какихъ годахъ и при какихъ правительственныхъ лицахъ имѣло мѣсто это происшествіе,—не знаю. Филаретъ Дроздовъ на московской каѳедрѣ пропустилъ мимо себя не одного генералъ-губернатора, а полицейскихъ генераловъ еще болѣе, но сказаніе это, кажется, надо считать вѣрнымъ, потому что его приходилось слышать отъ нѣсколькихъ основательныхъ людей, да и картинка тоже даромъ появиться не могла.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Къ сказанному не излишнимъ будетъ прибавить о томъ, какъ иные изъ нашихъ владыкъ внимательны къ политикѣ, литературѣ, новымъ открытіямъ и проч. Хорошій матеріалъ

для этого мы имѣемъ въ «Спискѣ рукописей, пожертвованныхъ его высокопреосвященствомъ митрополитомъ Исидоромъ въ библіотеку с.-петербургской духовной академіи». Объ этомъ митрополичьемъ дарѣ было говорено газетами въ свое время, при чемъ было объяснено, что рукописи эти не могутъ быть предметомъ изслѣдованія и критики по жизнь ихъ жертвователя. Но и самое содержаніе рукописей, даже по заглавіямъ, оставалось до сихъ поръ неизвѣстнымъ, хотя это, съ одной стороны, очень интересно, а съ другой — нимало не нарушаетъ условій жертвователя, ибо не можетъ быть почитаемо за разработку. Поэтому, встрѣтивъ рѣдкій списокъ (отлитографированный только въ числѣ 50 экземпляровъ), я не захотѣлъ разстаться съ нимъ, не сдѣлавъ изъ него небольшихъ выписокъ, которыя, мнѣ кажется, должны заинтересовать любителей русской давней и недавней старины. Должны онѣ быть любопытны также и для такихъ людей, которымъ небезынтересно само лицо дарителя.

Вотъ изъ чего, судя по списку, состоитъ, между прочимъ, даръ митрополита Исидора петербургской духовной академіи:

Уроки профессора академіи архим. Иннокентія (архіеп. херсонскаго) по общему богословію — 293 л.

Его же, уроки по догматич. богословію — 188 л.

Его же, уроки по практич. богословію 327 л.

Его же, ученіе о таинствахъ церкви — 139 л. (Это, конечно, тѣ знаменитыя лекціи, которыми когда-то хвалились слушатели Иннокентія. Ихъ ждали видѣть въ собраніи сочиненій этого автора, но этому что-то помѣшало).

Сорокъ шесть писемъ кн. Голицына къ архим. Фотію и 12 писемъ къ графинѣ А. А. Орловой-Чесменской. (Матеріалъ никогда не ослабѣвающаго интереса).

Донесеніе Христофора, высокопреосв. вологодскаго, о необыкновенномъ приключеніи съ крестьянкою-дѣвицею Агафьею,— летаргическомъ снѣ, принятомъ за чудо.

Отвѣтное письмо прот. Іосифа Васильева на вопросы, предложенные ему графомъ Павломъ Дмитріевичемъ Х. по поводу присоединенія аббата Гетте. (Снова интереснѣйшее обстоятельство, въ оцѣнкѣ котораго до сихъ поръ нѣтъ чего-то самаго важнаго).

Разсказъ дѣдушки Алексѣя Васильевича Перваго, почти

современника св. Тихона, о нѣкоторыхъ частныхъ фактахъ изъ жизни св. Тихона.

Оправдательное письмо М. П. Погодина къ министру народнаго просвѣщенія по поводу признанія его статьи во 2 № газеты «Парусъ» неблагонамѣренною и прекращенія изданія.

Свѣдѣнія объ убійствахъ евреями христіанъ для добыванія крови.

Мнѣніе предсѣдателя цензурнаго управленія о распространеніи у насъ брошюры о непорочномъ зачатіи Дѣвы Маріи (1830 года).

Списокъ сочиненіямъ богословскаго и отчасти политическаго содержанія, привезеннымъ изъ Варшавы въ 1833 и 1834 годахъ.

Приказъ новороссійскаго генералъ-губернатора жителямъ, называемымъ духоборцами, о возвращеніи въ лоно православной церкви или о переселеніи въ другія мѣста жительства.

Судебный допросъ нѣкоторыхъ изъ сектантовъ «Общей» секты (изъ молоканъ).

О сектаторѣ Лукьянѣ Петровѣ—писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Донесеніе подполковника Граббе о новопоявившейся сектѣ, отвергающей храмы, посты, праздники, таинства, и не признающей власти. (Это особенно интересно въ томъ отношеніи, что, по мнѣнію людей, знающихъ толкъ въ русскихъ ересяхъ и расколахъ, у насъ нѣтъ ни одной секты, которая бы «не признавала властей», что, впрочемъ, и невозможно для христіанина какого бы то ни было толка).

Мысли о народѣ, называемомъ нигилайцами, которыхъ предки были христіане.

Свѣдѣнія о евангеліяхъ, записанныя (митрополитомъ Исидоромъ) послѣ разговора съ сыномъ владѣтельнаго князя Сванетіи Мих. Дидишкиани.

Высшая администрація русской церкви, сочиненіе архіепископа Агаѳангела—о незаконности и ошибочности принциповъ, положенныхъ въ основаніе церковно-административныхъ учрежденій. (Это тотъ самый архіепископъ, который одинъ рѣшился открыто противодѣйствовать церковно-судебной реформѣ, какъ ее проводилъ оберъ-прокуроръ гр. Д. А. Толстой).

О вліяніи свѣтской власти на дѣла церковныя.

Продолженіе сочиненія архіеп. Агаѳангела: въ чемъ должно состоять высшее управленіе отечественной церкви.

Записка оберъ-прокурора синода графа Д. А. Толстого о подчиненіи церкви контролю въ хозяйственномъ отношеніи. Писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Разсмотрѣніе записки подъ заглавіемъ «Вдовство священниковъ». (Самый больной вопросъ вдовствующихъ клириковъ).

Отношеніе оберъ-прокурора графа Д. А. Толстого къ митрополиту Исидору о назначеніи послѣдняго членомъ комиссіи по вопросу о порядкѣ разрѣшенія жалобъ на рѣшенія св. синода, по дѣламъ, подлежащимъ его вѣдѣнію. (Жалобы на синодъ, единолично приносимыя митрополиту, состоящему членомъ того же самаго синода!.. Невозможно уразумѣть: какой это должно обозначать порядокъ?).

Записка «по вопросу возраженій (!) на предположенное учрежденіе въ Петербургѣ православнаго братства».

Выписка изъ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ о неудобствѣ вышеуказаннаго братства.

Выписка изъ отношенія главнаго начальника III отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи о неудобствѣ того же братства. (Всѣ эти три документа получаютъ особенный интересъ въ виду нынѣшняго протестантскаго настроенія общества, при которомъ союзы православныхъ уже дозволяются, но, быть-можетъ, уже нѣсколько поздно).

Письмо пантскаго епископа Жаконэ къ прот. Іос. Васильеву по вопросу о зависимости русской церкви отъ императора.

О тождествѣ бѣжавшаго въ Нью-Іоркъ іеродіакона Аганія съ авторомъ (какого-то) письма. Подробныя свѣдѣнія объ іеромонахѣ Аганіи.

Секретное донесеніе архіерею рядового С. Кулышева о заказѣ ему типографскаго станка для печатанія противоправительственныхъ сочиненій и о снабженіи его неизвѣстными ему лицами сочиненіями такого же характера: «Что нужно народу» и т. п. (Это дѣло, интересное само по себѣ, не менѣе интересно въ томъ отношеніи: почему солдатъ, которому сдѣлали упомянутый заказъ, обратился съ своимъ доносомъ не къ гражданскимъ властямъ и не къ жандарм-

скому офицеру, а къ мѣстному епископу? Все это возбуждаетъ интересъ къ личному составу властей, которые тогда правили въ Перми).

«Объясненіе съ публикой». Программа дѣйствій революціоннаго кружка.

О вліяніи свѣтской власти на дѣла церковныя.

«Тайна», или секретная апологія архимандрита Фотія императору Александру I-му (рукопись на 158 л.).

Письмо протоіерея М. Ѳ. Раевскаго (изъ Вѣны) къ митрополиту Исидору по поводу замѣченнаго сближенія сербскихъ и болгарскихъ воспитанниковъ въ Кіевѣ съ поляками и о вредныхъ слѣдствіяхъ этого сближенія (М. Ѳ. Раевскій, нашъ вѣнскій священникъ, которому приписываютъ много политическихъ дѣлъ между славянскою молодежью,—лицо, небезынтересное на краткій часъ для историка, а, быть-можетъ, еще болѣе для сатирика. От. Раевскій былъ обильно прославляемъ за тонкость, что̀ до сихъ поръ и составляетъ самую выступающую черту его священства).

Славянофилы на Востокѣ.

Письмо архимандрита Леонида о духовномъ состояніи русскихъ богомольцевъ въ Іерусалимѣ.

Письмо съ препровожденіемъ жесткой статьи одной греческой газеты противъ вселенскаго патріарха.

Донесеніе подробное о болгарскомъ вопросѣ.

Письмо посланника французскаго по поводу брака его слуги.

Письмо Тишендорфа съ препровожденіемъ его труда VII édition de Nouveau Testament.

Письмо е. в. императора русскаго къ султану турецкому о венгерскихъ мятежникахъ, бѣжавшихъ въ Турцію.

Рѣчь государя Николая Павловича къ епископамъ польскимъ и русскимъ, приглашеннымъ изъ Польши въ Петербургъ. Писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Изложеніе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, обнаруживающихъ невыгодное отношеніе закубанцевъ къ русскому правительству. Писано собственноручно митрополитомъ Исидоромъ.

Послѣдствія неблагоразумнаго управленія генерала Пулло и особенно генерала Засса—возстаніе чеченцевъ, черкесовъ, бѣгство многихъ въ горы, даже такихъ, которые болѣе 50 лѣтъ были вѣрны русскому правительству. Писано высокопреосвященнымъ Исидоромъ.

Стихотвореніе Кукольника въ виду крымской войны.

Письмо генерала Муравьева къ генералу Ермолову изъ крѣпости Грозной о положеніи края и мысли о началахъ управленія.

О чрезмѣрной жадности греческаго духовенства и симоніи (1860 г.).

Замѣтка, содержащая недовольство кавказцевъ, особенно войска, на письмо Муравьева къ Ермолову. Писано высокопреосвященнымъ Исидоромъ.

Особенно замѣчательные случаи дѣйствія благодати Божіей чрезъ митрополита московскаго Филарета, бывшіе при его жизни.

Много писемъ митрополита Филарета Дроздова, изъ коихъ нѣкоторыя писаны по общеинтереснымъ вопросамъ, а два приводятъ въ нѣкоторое недоумѣніе. Это, во-1-хъ, не письмо, а «списокъ съ отношенія къ московскому генералъ-губернатору по поводу слуха, что въ церквахъ Москвы читается особая молитва объ избавленіи отъ того положенія, въ которомъ она находится». А второе письмо «о незаконномъ, причиняющемъ соблазнъ, дѣйствованіи духовнаго цензора въ Петербургѣ».

Легко можетъ быть, что не лишены общаго историческаго интереса и другіе нумера этого митрополичьяго дара, которые мы здѣсь не поименовали единственно потому, что заглавія ихъ показались намъ менѣе интересными. Но кромѣ цѣнности, какую имѣетъ весь этотъ даръ самъ въ себѣ, онъ очень дорогъ и для характеристики самого дарителя. Жизнь нашихъ владыкъ течетъ такъ «прикровенно», что едва о нѣкоторыхъ изъ нихъ можно узнать и сберечь для исторіи что-нибудь образное и живое. Въ древности ихъ жизнеописанія были похожи болѣе на житія, а позже стали походить на послужные списки, изъ которыхъ ничего или почти ничего не извлечешь для исторіи. Не больше того усматриваемъ и въ самыхъ позднихъ некрологахъ, гдѣ уже, впрочемъ, стали иногда на что-то намекать. Былъ больше суровъ или меньше суровъ владыка, постился ли онъ и молился больше или меньше,—и въ этомъ почти все. Исключенія очень рѣдки, но и эти исключенія не обильны фактами. Біографіи даже такихъ людей, какъ Платонъ Левшинъ, Евгеній Болховитиновъ и Иннокентій Борисовъ, скудны: нѣтъ въ нихъ именно тѣхъ мелочей жизни, въ которыхъ

человѣкъ наиболѣе познается какъ живой человѣкъ, а не формулярный замѣститель уряда,—чиновникъ, который былъ да и умеръ, а потомъ будетъ другой на его мѣсто—все равно какой. Правильно и основательно говоря, надо сознаться, что русскіе своихъ архіереевъ совсѣмъ не знаютъ: въ городѣ съ владыкой знакомы нѣкоторыя власти, среди коихъ не всегда находятся люди самые теплые къ вѣрѣ, да духовенство, у котораго отношеніе къ архіерею особое. Народъ же совсѣмъ архіерея не знаетъ. Между тѣмъ, въ числѣ нашихъ архіереевъ есть люди замѣчательнаго ума и иногда удивительнаго сердца. (Приномнимъ архіепископа Д. и состоящаго не у дѣлъ епископа О.). Знать о такихъ и имъ подобныхъ людяхъ возбудительнѣе, чѣмъ читать иныя старыя сказанія, реторическая ложь которыхъ давно обличена и не перестаетъ обличать себя во всякомъ словѣ. Чтобы изолгавшіеся христопродавцы не укорили насъ въ легкомысліи и «подрываніи основъ», скажемъ, что это не наша мысль, или если и наша, то не исключительно наша, мы встрѣчаемъ ее, напримѣръ, даже у Эбрарда (Апологетика, переводъ протоіерея Заркевича 1880 г., ст. 598). «Если предложить вопросъ о томъ, что служитъ доказательствомъ (христіанства), то это доказательство можно заимствовать собственно не изъ исторіи христіанскихъ обществъ, а исключительно только изъ жизнеописаній частныхъ лицъ въ христіанствѣ, въ которыхъ евангеліе проявило себя, какъ силу Божію». А гдѣ же кажется и искать бы проявленія этой силы, какъ не между тѣми, которые первенствуютъ въ церкви? И вотъ тутъ-то какъ нарочно и приложена превосходно кѣмъ-то подмѣченная манера «минервированія» святителей, т.-е. манера представлять ихъ получившими всѣ совершенства, не возрастая и не укрѣпляясь,— они будто такъ прямо и являются полными всѣхъ добродѣтелей «отъ сосцу матерне». Нѣкоторые изъ нихъ даже не сосали по средамъ и пятницамъ материнской груди... Результатъ этого передъ нами налицо...

Гдѣ всему легко вѣрятъ, тамъ легко и утрачиваютъ *всякую вѣру*.

Литературный даръ высокопреосвященнаго Исидора до извѣстной степени иллюстрируетъ особу нашего петербургскаго митрополита, котораго вообще считаютъ человѣкомъ опытнымъ въ жизни и благожелательнымъ. Разсматривая

этотъ списокъ, мы проникаемъ такъ-сказать въ пѣкую сокровенную сѣнь и узнаемъ: что̀ наиболѣе интересовало и занимало высокопреосвященнаго Исидора—узнаемъ, что онъ не пренебрегалъ весьма разнообразными свѣдѣніями, и даже очевидно думалъ объ очень многомъ, не составляющемъ его прямыхъ обязанностей. Объ немъ всегда говорили, что онъ неутомимый читатель. Значительное количество времени митрополита беретъ ежедневное чтеніе газетъ, въ которыхъ онъ слѣдитъ за обсужденіемъ разныхъ вопросовъ и между прочимъ церковнаго. Было извѣстно, что онъ не остается равнодушнымъ къ заявленіямъ печати и настолько терпимъ ко мнѣніямъ, что очень въ рѣдкихъ случаяхъ жалуется на печать. Сколько извѣстно въ литературномъ кружкѣ, такой, едва ли не первый и не послѣдній случай, былъ не такъ давно по поводу диссертаціи одного молодого университетскаго профессора, разбиравшаго легенду о св. Георгіи. Диссертація была изъ наилучшихъ и составляетъ дорогой и самостоятельный вкладъ въ нашу литературу, но, разумѣется, взглядъ ученаго, основанный на неопровержимыхъ фактахъ, и взглядъ лица, обязаннаго во что бы ни стало защищать преданія, хотя и освященныя временемъ, но совершенно разсыпавшіяся подъ методическою силою настоящей, научной критики, сойтись не могли, и нашъ митрополитъ протестовалъ, но совершенно безвредно и даже безпослѣдственно. Замѣчательное изслѣдованіе молодого ученаго о легендѣ св. Георгія напечатано въ министерскомъ журналѣ, а въ наукѣ неудовольствіе митрополита не получило значенія. Но во многихъ случаяхъ, когда печать указываетъ что-либо дурное въ церковномъ управленіи, митрополитъ не пренебрегаетъ это поправить, притомъ всегда безъ шума и непремѣнно безъ рѣзкостей, которыхъ не одобряетъ его благожелательное настроеніе. Но изъ того, что высокопреосвященный Исидоръ имѣлъ охоту и удивительное терпѣніе собственноручно списать, можно заключить, что его вниманіе особенно часто было привлекаемо дѣлами политики, прямого касательства къ которой онъ по сану святителя не имѣлъ, и, стало-быть, занимался ею прямо con amore: Нѣкоторые списки, сдѣланные его рукою, заставляютъ еще болѣе удивляться трудолюбію его высокопреосвященства потому, что ихъ оригиналы сохранены намъ печатью. Таковы, напримѣръ, значащіеся подъ № 232 «Выписка изъ

газеты «Kurjer Wilenski» о собраніи раввиновъ во Франкфуртѣ на Майнѣ». № 233, «Замѣтка о числѣ и составѣ европейскаго народонаселенія въ Алжирѣ, изъ Morning Chronicle». «О числѣ жителей по всей землѣ по вѣрамъ, изъ газеты «Золотое Руно». Аббата Лакордера, объ увеличивающемся въ Парижѣ числѣ самоубійствъ, найденышей и умалишенныхъ, изъ газеты «Correspondant». «Россія и Западъ», изъ газеты «Indep. Belge». Есть даже списки статей русскихъ газетъ, напр. статьи «Московскихъ Вѣдомостей», изъ № 11, 1855 года. Владыку, какъ надо судить по выпискамъ, занимали также и другіе вопросы: его занимали труды Несталоцци, Нимейера, Коверау и Дистервега, а также пресловутый въ свое время Шедо-Ферротти, «неправильныя дѣйствія австрійскаго главнокомандующаго Гайнау», и «удивительныя дѣйствія зеренъ бѣлой горчицы», а потомъ вопросъ Кобдена: «Что же далѣе?» Словомъ, необыкновенная пестрота, въ которой своя доля вниманія дана вопросамъ самымъ разностороннимъ...

Говоря объ этомъ спискѣ, который хотя отчасти открываетъ передъ нами кабинетную жизнь перваго духовнаго сановника русской церкви, котораго удается видѣть только въ сакосѣ и митрѣ или въ запряженной цугомъ каретѣ, — мы должны упомянуть и о томъ, что въ большинствѣ случаевъ архіерейскія бумаги обыкновенно тотчасъ послѣ кончины ихъ владѣльца «обезпечиваются», и рука изслѣдователя до нихъ добирается очень не скоро, а до иныхъ даже и вовсе не добирается. А потому, если бумаги, подаренныя митрополитомъ Исидоромъ академіи, составляютъ (какъ надо думать), только часть его архива, то и тогда слѣдуетъ быть ему благодарнымъ, что онъ самъ, по собственному почину, устроилъ такъ, чтобы онѣ стали доступны исторіи и критикѣ безъ напрасной траты многаго времени. Но пока что (дай Богъ еще многихъ лѣтъ жизни митрополиту Исидору), одно поверхностное знакомство съ его литературнымъ даромъ, конечно, многихъ должно удивить: сколько нашъ, нынѣ уже ветхій и достопочтенный старецъ, хранилъ въ себѣ постоянно живой способности интересоваться предметами, которые интересуютъ не всякаго изъ лицъ его положенія. Это во всякомъ случаѣ значитъ жить со своимъ вѣкомъ и аскетическое невѣдѣніе о немъ не считать лучшимъ достоинствомъ церковнаго

правителя. Въ такомъ взглядѣ, кажется, нѣтъ ни малѣйшей ошибки.

Такимъ образомъ, при этихъ слабыхъ данныхъ, мы все-таки находимъ нѣкоторую возможность дать самому отдаленному читателю нѣкоторое свободное очертаніе лица, имѣющаго несомнѣнно историческое значеніе, потому что митр. Исидоръ давно стоитъ во главѣ управленія нашей церкви, и притомъ въ ту пору, когда она и лиходѣямъ, и доброжелателямъ,—стала часто представляться въ состояніи, похожемъ на разложеніе, или, точнѣе сказать, — *въ кризисѣ*, который, впрочемъ, переживаетъ все христіанство.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

АРХІЕРЕЙСКІЕ ОБЪѢЗДЫ.

«Нельзя, не видя океана,
Себѣ представить океанъ».

Напечатанные въ 1878 году очерки «*Мелочи архіерейской жизни*» вызвали въ короткое время нѣсколько замѣтокъ, написанныхъ духовными лицами, между которыми были и два архіерея.

Между письмами почтившихъ меня корреспондентовъ есть нѣсколько выражающихъ мнѣ укоризну за «погоню за простотою». Въ этомъ писавшіе усматриваютъ «вліяніе протестантскаго духа».

Я хотѣлъ бы остановиться на этомъ странномъ и неумѣстномъ замѣчаніи; я хотѣлъ бы сказать, по крайней мѣрѣ, сколько несправедливаго и прискорбнаго заключается въ той неосторожности, съ которою наши охотники до важности и пышности уступаютъ протестантамъ такое прекрасное свойство, какъ *простота*; но пройду это молчаніемъ и коснусь только *одной частности* въ вопросахъ объ упрощеніи отношеній архіереевъ къ подначальному имъ духовенству.

Мнѣ пишутъ: «хорошо ли, если наши архіереи, объѣзжая приходы, будутъ трястись въ тарантасикахъ да кибиточкахъ, въ коихъ ихъ иной приметъ, пожалуй, за странствующихъ купцовъ, тогда какъ католическіе епископы будутъ катать шестернями» и т. п.

Тамъ мѣшалъ протестантизмъ, здѣсь—католичество...

Я ничего не могу отвѣчать на такой трудный церковный вопросъ, но я никакъ не думалъ, чтобы намъ былъ очень важенъ примѣръ католическихъ епископовъ!— Какъ бы они

ни катали, — имъ свой путь, а нашимъ — своя дорога, а, притомъ, никто и не добивается, чтобы русскіе епископы «тряслись» въ тарантасахъ и кибиткахъ. Объ этомъ извѣстенъ какой-то анекдотическій разговоръ митрополита Платона (Левшина) и больше ничего. Дѣло вовсе не въ экипажѣ, а въ томъ, кто въ немъ ѣдетъ. Можно и въ каретѣ ѣхать съ мирною простотою, и въ кибиткѣ приближаться съ большою и обременительною требовательностію. Объ этой-то требовательности и идетъ рѣчь у благонамѣренныхъ людей, желающихъ установленія лучшихъ, болѣе искреннихъ и болѣе полезныхъ для церкви отношеній епархіальныхъ начальниковъ къ сельскому духовенству.

Нѣкто бывшій простымъ священникомъ и потомъ достигшій «степеней» пишетъ: «Ожиданіе епископа очень благопріятно дѣйствовало на духовенство именно тѣмъ, что было событіе важное, котораго ждали и къ которому подготовлялись. Тутъ, бывало, все подберется и подтянется въ струнку. Иной, слабый человѣкъ, годы храмлющій на оба колѣна, заслышавъ объ архіерейскомъ пріѣздѣ, позадумается и исцѣлѣетъ. Другой, безпокойный и сварникъ—сходитъ къ мірянамъ и примирится и, вообще, почистится въ своемъ поведеніи, а иной, давно отупѣвшій и все позабывшій, возьмется за умъ и поучится какъ отвѣчать на вопросы владыки, а отъ того сдѣлается опытнѣе. Наконецъ, самое это ожиданіе бываетъ полно прекрасныхъ минутъ для собравшагося духовенства, которое, совокупясь вмѣстѣ ко встрѣчѣ, ближе ознакомливается другъ съ другомъ и, притомъ, научается полезной солидности, какъ держать себя, сообразно достоинству своего духовнаго сана, серьёзность котораго, порою, въ мелочахъ житейскихъ, позабывается. Вообще, это напоминало что-то въ родѣ сошествія ангела, прилетающаго возмутить и сдѣлать снова цѣлебными застоявшіяся воды сельской купели».

Поистинѣ — прекрасная картина, въ которой, главнымъ образомъ, и пригодится тотъ *прикладъ*, который я имѣю возможность предложить ниже, въ видѣ дополнительной иллюстраціи.

Но прослѣдимъ еще за тѣмъ, что говоритъ опытный корреспондентъ.

Начертавъ приведенныя замѣтки, онъ заключаетъ ихъ словами: «Міряшинъ этого знать не можетъ. Какъ бы искусно

онъ ни наблюдалъ бытъ и нравы духовенства, онъ не можетъ дать оцѣнки тому, что, въ этихъ случаяхъ, творится въ душѣ ожидающихъ. Это невозможно для стороняго наблюдателя, именно потому, что происходитъ *внутри* человѣка. Это знаютъ только тѣ, кто самъ подобное испытывалъ».

Можетъ-быть, все это правда. Вообще, я не стану опровергать моего корреспондента пунктъ за пунктомъ. Хотя, мнѣ кажется, это не особенно трудно было бы сдѣлать, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи нѣкоторыхъ изъ его доводовъ. Такъ, напримѣръ, можно бы попытаться доказать ему, что если бы епископы ѣздили почаще и попроще, — безъ большихъ сборовъ и торжественныхъ оповѣщеній о томъ, что они «скоро будутъ и непремѣнно прибудутъ», то завязывающіяся у духовенства распри съ мірянами не тянулись бы до тѣхъ поръ, пока имъ угрожалъ *ожидаемый* наѣздъ. При опасеніи неожиданности дѣла могли идти иначе, и «отупѣвшихъ» и «храмлющихъ на оба колѣна» тоже могло быть меньше. Но «оставимъ все это астрономамъ доказывать», а обратимся къ одному послѣднему обстоятельству, которое могутъ доказывать не астрономы, а благочестивые отцы наши.

Хотя мой почтенный корреспондентъ, обладая живымъ краснорѣчіемъ, такъ *заговорилъ* дѣло, что мнѣ, не имѣвшему въ указанныхъ обстоятельствахъ личнаго опыта, не оставалось бы ничего иного, какъ повѣрить ему во всемъ на-слово и умолкнуть; но благому случаю и доброй услугѣ нѣкоторыхъ друзей угодно было меня выручить. Ими доставлена мнѣ возможность разсказать нѣчто небезынтересное о серьезныхъ впечатлѣніяхъ, производимыхъ на духовенство въ ожиданіи архіерейской встрѣчи.

Въ моихъ рукахъ находится очень рѣдкая вещь — это выписка изъ дневника, который, въ теченіе довольно многихъ лѣтъ, велъ недавно скончавшійся сельскій священникъ и благочинный. Я называю это вещью *рѣдкою* потому, что до сихъ поръ не встрѣчалъ еще ни одного русскаго сельскаго священника, который бы велъ записки изо-дня-въ-день во всю свою жизнь. То, что издано подъ подобнымъ заглавіемъ гг. Ливановымъ и ки. Владиміромъ Мещерскимъ — есть, кажется, плодъ собственной фантазіи этихъ авторовъ, изъ которыхъ первый, хотя и зналъ бытъ

духовенства, но былъ очень односторонень, а другой нигдѣ не обнаруживалъ ни малѣйшаго знакомства ни съ какимъ бытомъ и, притомъ, страдалъ односторонностью еще больше Иванова.

На самомъ дѣлѣ, наши сельскіе священники совсѣмъ не склонны къ писанію дневника и очень не многіе изъ нихъ способны вести замѣтки съ правдивостью и, въ то же время, съ живымъ юморомъ. Между тѣмъ, всѣмъ этимъ отличается дѣйствительный дневникъ, которымъ я пользуюсь для моихъ иллюстрацій. Тутъ мы безъ всякихъ прикрасъ увидимъ, что иногда происходитъ у собравшихся духовныхъ лицъ во время торжественнаго ожиданія ими своихъ владыкъ.

Во главѣ этого повѣствованія, да позволено будетъ мнѣ сказать два слова о самомъ авторѣ дневника. — Это совершенно необходимо для того, чтобы впередъ опровергнуть всякое подозрѣніе въ вымыслѣ.

Авторъ дневника—о. Фока Струтинскій, священникъ села Гореничи, въ 20 верстахъ отъ г. Кіева. Онъ былъ человѣкъ умный, опытный, наблюдательный и немножко юмористъ, что читатель и не преминетъ увидать изъ слѣдующихъ за симъ отрывковъ его дневника. Журналъ свой ст. Фока велъ во все время своего служенія, сначала простымъ сельскимъ священникомъ, а потомъ благочиннымъ. За это время (съ 1829 по 1854 годъ) онъ исписалъ десять объемистыхъ томовъ, имѣющихъ весьма разнообразный интересъ и немалое значеніе для исторіи сельскаго духовенства въ Россіи. Дневникъ этотъ, можетъ-быть, составилъ бы не менѣе интересное чтеніе, чѣмъ извѣстныя «Записки Добрынина», но, къ сожалѣнію, все содержаніе десяти томовъ покойнаго отца Фоки теперь не можетъ быть предметомъ нашего разсмотрѣнія. Мы возьмемъ изъ него только то, что имъ записано объ архіерейскихъ встрѣчахъ, которыя онъ справлялъ за свою жизнь, пока скончался, 15-го декабря 1854 года. Внѣшнія хлопоты и внутреннія ощущенія ожидателей здѣсь представлены съ достаточною наглядностью человѣкомъ, котораго никакъ нельзя укорить ни въ малосвѣдущности, ни въ тенденціозности.

За симъ начнемъ ab ovo.

«*1841 г., 2-го іюня.* Располагали сегодня ѣхать въ Кіевъ,

но въ 7 часовъ утра — новость! Завтра въ Бѣлогородкѣ ожидаютъ митрополита (Филарета Амфитеатрова). Розалія В., вчера, вечеромъ, послала въ Волышку, а сегодня къ намъ за рыбою. Къ счастію, Косьма обѣщаетъ дать съ полпуда вчера пойманной рыбы; я предполагаю послѣ обѣда поѣхать и узнать, что тамъ дѣлается. Протоіерея засталъ только-что пріѣхавшаго и чрезвычайно хлопочущаго,—особенно, что не дали окончить слѣдственнаго дѣла. Указъ полученъ, что митрополитъ отправится для обозрѣнія уѣздовъ кіевскаго, радомысльскаго, махновскаго, сквирскаго и васильковскаго. По предписанію земскаго исправника Волкова, станція должна заготовить для подъема экипажей девятнадцать лошадей. Завтра и мнѣ должно явиться для встрѣчи его высокопреосвященства».

«*Іюня 3-го, вторникъ*. Очевидно,—чѣмъ слишкомъ занять, то и во снѣ снится. Уже послалъ черезъ дьячка свое облаченіе, вотъ покушаю и ѣду. Прощай, жена! Прощайте, дѣтки! Ѣду въ путь хоть недалекій, но, впрочемъ, нѣсколько опасный».

«Не удивляйтесь, братія мои возлюбленные, что я, отправляясь навстрѣчу владыкѣ, поставилъ въ своемъ журналѣ три звѣзды. Страху я боюся. Я легко могъ воображать, что можетъ-быть случится и долгое отсутствіе мое отъ моего прихода и отъ журнала, но, слава Богу, — возвратился домой вечеромъ—цѣлъ, живъ, здоровъ, невредимъ и даже веселъ» *).

«По предписанію о. протоіерея, насъ собралось подвѣдомственныхъ семь іереевъ и почти-что столько же въ стихаряхъ дьячковъ, для встрѣчи высокопреосвященнаго. Всѣ возлежали на муравкѣ подлѣ церкви. Нѣкоторые, подобно Іонѣ, уже и храпляху... Вдругъ раздается тревога и производится колокольный звонъ, мы стремглавъ летимъ къ облаченіямъ, выстраиваемся въ должномъ порядкѣ и продолжаемъ Андреево стояніе съ добрые полчаса. Наконецъ, узнаемъ, что это передовой отрядъ діаконовъ и пѣвчихъ. Звонъ умолкъ, облаченіе снято, и мы опять принялись за разсказы, которые продолжались часа два. Но въ три часа

*) Достойно замѣчанія, что сердце автора сжималось такимъ страхомъ въ ожиданіи добрѣйшаго изъ людей,— митрополита Филарета Амфитеатрова, простосердечіе и мягкость котораго въ кіевской епархіи были всѣмъ извѣстны.

пополудни, опять суматоха прежняя, — и не по пустому, желанная минута настала: святитель встрѣченъ громогласнымъ «*Достойно есть*» и «*Многія лѣта*». Преподавъ намъ миръ и благословеніе, онъ порознь разспрашивалъ: изъ каковыхъ кто?» (Послѣ нѣкоторыхъ обычныхъ дѣйствій). «Разспрашивалъ объ урожаѣ, говоримъ ли проповѣди? Я отвѣчалъ, что, со времени полученія указа, говорю по одной въ мѣсяцъ. Совѣтовалъ составлять и по четыре. Изъ дома шествовалъ въ сопровожденіи всѣхъ насъ къ мельницамъ; пилъ чай у откупщика Александра Якимовича Барскаго и, преподавъ намъ *въ десятый разъ* свое пастырское благословеніе, уѣхалъ въ Мотыжинъ».

Въ этой первой выпискѣ, кажется, не видимъ ничего, кромѣ «страха» да легкаго подшучиванія исподтишка, — ничего, возвышающаго духъ и сознаніе, нѣтъ.

За этимъ слѣдуетъ другая встрѣча. На сей разъ отецъ Фока встрѣчаетъ опять того же митрополита Филарета, но уже довольно много лѣтъ спустя, именно въ 1845 году,— и отецъ Фока теперь уже не простой молодой священникъ, а *благочинный*.

Въ дневникѣ сначала отмѣчено довольно сложное «движеніе» отца Фоки по случаю проѣзда императора Николая Павловича. Это свое «движеніе» отецъ Фока тоже описываетъ, мѣшая важность и даже нѣкоторую восторженность съ благопристойною шутливостью

«Въ 3¾ часа пополудни, тихо, чинно, стройно перемѣнили лошадей. Экипажъ закрытый, со спящимъ геніемъ Россіи, помчался далѣе. Къ нему навстрѣчу шелъ зарумяненный востокъ, а сзади катился смиренный экипажецъ отца благочиннаго, Струтинскаго, который прибылъ на всходѣ солнечномъ домой и разбудилъ нѣкіихъ, еще спавшихъ».

И тотчасъ послѣ этой отмѣтки идетъ слѣдующая. Благочинный Струтинскій встрѣчаетъ другого гостя.

«*Мая 23-го* (1845). Надобно ожидать другого гостя,— митрополита. Опять хлопоты, суета,—за хозяйство некогда и подумать. Вчера, впрочемъ, посѣяно три мѣры проса и малость лёну, а сегодня роздано жалованье и прихватомъ слѣпилъ проповѣденку на недѣлю св. отецъ, и на случай прибытія владыки, о которомъ неизвѣстно еще, гдѣ предполагаетъ литургисать. Посланъ нарочный увѣдать».

«*24-го мая.* Получивъ обстоятельное описаніе выѣзда нашего пастыря, изъ котораго видно, что онъ будетъ литургисать въ Радомыслѣ, — я побывалъ въ Бѣлогородкѣ для совѣта».

«*25-го мая.* Въ полдень завезъ Анну В. въ Бѣлогородку и узрѣлъ тамъ животрепещущихъ щукъ, заготовляемыхъ на фрыштыкъ для владыки, имѣющаго завтра служить литургію и завтракать».

«*26-го мая.* Еще сунцу ми на одрѣ, утромъ получень съ почты пакетъ, изъ котораго усмотрѣно, что митронолитъ отправится изъ Кіева въ воскресенье. Вотъ и разстройство: священство съѣхавшееся разъѣдется и я тоже».

«*27-го, недѣля и новолуніе.* Въ служеніи изморился и мокрую рубаху перемѣнилъ. Сплю... Гремитъ. — сплю; проливной дождь сплю... Снится встрѣча... сплю... и думаю, что владыка въ такую пору не осмѣлится отправиться. Ergo — еще больше сплю и храплю не хуже Іоны. Наконецъ, въ три часа пробуждаюсь,—солнце на небѣ сіяетъ, а грязь въ моихъ сѣняхъ вонлетъ. Собравшись, прибыли въ Бѣлогородку и застали восемь священниковъ въ облаченіи. Черезъ часъ и владыка со свитою на тридцати лошадяхъ. Ревилы (ревуны,—басы, дьяконы, нѣвчіе), прибывшіе впередъ, испугали мою Липушку, наговоривъ, что Соколовскій (помѣщикъ с. Гореничи) проситъ владыку на почлегъ; но я себѣ думаю: брешете, дорога нисколько въ провалѣ не исправлена, да и его нѣтъ въ домѣ... А тутъ приставъ объявилъ уже мнѣ, что владыка намѣренъ далѣе ѣхать и велѣлъ заготовлять лошадей... Вотъ тутъ я, по правдѣ сказать, окаменѣлъ, не зная самъ, что мнѣ и дѣлать?»

Но обстоятельства, поставившія отца Фоку въ такое положеніе, что онъ «окаменѣлъ», измѣняются, благодаря участію отца ключаря, которому было передано, что у отца Фоки «разстройство»,—послѣ чего ключарь «обѣщалъ все уладить».

«Идя изъ церкви, — вслѣдствіе предложенія отца ключаря, — владыка рѣшился остановиться въ Бѣлогородкѣ на почлегъ, а послѣ изъявилъ согласіе посѣтить гореницкій храмъ... Я бѣгалъ... или, лучше,—я стоялъ... меня *гоняли*,— шептали: «скорѣй, скорѣй, у васъ владыка будетъ пить чай!» Нѣвчіе и дьяконы приставали: «просите, просите владыку, чтобы у васъ остался ночевать на покоѣ». А я себѣ, запыхавшись, думаю: гдѣ тамъ просить ночевать, когда у

меня полны сѣни грязи, и на дворѣ грязь, и въ комнатахъ тѣснота и неисправность? Касательно же пріема: что и было въ запасѣ, то все перевезено на трактъ».

Въ этомъ отчаянномъ положеніи отецъ Фока̊ являетъ новую черту своего характера и своего веселаго юмора. Заручившись обѣщаніемъ ключаря «все уладить», от. Фока суетится, когда его «гоняютъ», и со всѣхъ сторонъ ему «шепчутъ» и тормошатъ его до того, что онъ уже не можетъ разобрать: «бѣгаетъ» онъ или «стоитъ», а все-таки онъ знаетъ ему же вѣруетъ и на кого надѣется. По когда вся эта докука его одолѣваетъ, то онъ уже не въ силахъ ни стоять, ни бѣгать и отвѣчаетъ въ лапидарномъ стилѣ: «Какъ себѣ хотите, такъ и дѣлайте, а мнѣ не мѣшайте, по крайней мѣрѣ, сопты (т.-е. сопѣть), да вытирать потъ съ чела».

И дѣло не обошлось безъ того, что митрополитъ побывалъ у отца Фоки. Къ счастію, его высокопреосвященство всѣмъ остался доволенъ и обласкалъ дочь хозяина, а угощеніе было не нужно. При простотѣ и невзыскательности покойнаго м. Филарета, все сошло съ рукъ хорошо, но, однако, мукъ и тревогъ бѣдному отцу Фокѣ, все-таки, какъ видимъ, было не мало. Затѣмъ гости уѣзжаютъ и благочинный съ сотрудниками могутъ вспомнить и о себѣ.

«По выѣздѣ свиты (продолжаетъ дневникъ) мы принялись доставать бутылку мадеры и чай съ пуншомъ».

Подкрѣпясь, от. Фока пустился вслѣдъ за митрополитомъ въ Мотыжинъ. Пріѣхавъ туда «и зашевеливъ всѣхъ, (онъ) принялся переписывать набѣло свою вчерашнюю проповѣдку, которую и удалось, за благословеніемъ архипастырскимъ, сказать въ мотыжинской церкви».

Какъ онъ могъ во всей этой безтолковой суетѣ обдумывать, сочинять и набѣло переписывать свою «проповѣдку»,— это достойно удивленія. Именно, развѣ Богъ помогалъ. Но не легче ему было придти въ себя и собраться съ духомъ, чтобы произнести эту «проповѣдку» въ присутствіи своего маститаго начальника.

«Встрѣча (въ Мотыжинѣ) была сдѣлана только двумя священниками: отц. Тихономъ и Вознесенскимъ. Первый изъ нихъ тотчасъ началъ литургію. Пѣвчіе пѣли, а я шатался и хлопоталъ о чаѣ и фрыштыкѣ, но успѣлъ неробко произнести слово».

«Сопты и отирать съ чела потъ» болѣе было не нужно. Дневникъ далѣе повѣствуетъ: (владыка) «уѣхалъ съ довольно веселымъ къ намъ благорасположеніемъ. Тутъ-то мы, отощавшіе, принялись въ 12 часовъ въ домѣ отца Іакова подкрѣпляться, гдѣ былъ и священникъ Ч—скій, пріѣхавшій просить духовенства на погребеніе жены священника Г—ва, вчера скончавшейся. Напились до избытка и, дремля, въ 6 час. вечера, уѣхали».

Этимъ заключено описаніе второй архіерейской встрѣчи, которою труждался въ своемъ благочинническомъ житіи отецъ Фока Струтинскій. Впечатлѣніе, производимое его характернымъ очеркомъ, опять очень цѣльно и способно надолго оставить въ памяти всю эту комическую суматоху, гдѣ не отличишь серьезное отъ смѣшного. Я, конечно, не берусь опредѣлять: насколько дѣятели описанной суматошной исторіи повысились или понизились послѣ того, какъ чрезъ ихъ мѣста прослѣдовалъ владыка, и они, тотчасъ же за его отъѣздомъ,—не знаю—съ горя или съ радости,— «напились до избытка»,—при чемъ подъ эту же стать попалъ и скорбный посолъ смерти,—священникъ, пріѣхавшій просить духовенство на погребеніе жены другого священника. «вчера скончавшейся»... Вотъ и все возвращеніе «цѣлебныхъ свойствъ застоявшимся водамъ сельской купели!» Живыми и мертвыми здѣсь обладаетъ какая-то жуть, отъ которой даже бѣдной покойницѣ безпокойно. Будь это все проще и не вызывай такой суеты, разумѣется, было бы лучше; тогда передъ нами, можетъ-быть, прошло бы теченіе болѣе чистое и въ которомъ мы могли бы разглядѣть что-нибудь болѣе достойное вниманія и заботъ благочестиваго человѣка вообще, а христіанина въ особенности.

Но и это не все, что можно сказать. Никакъ не надо забывать, что все открываемое намъ дневникомъ отца Фоки происходило при митрополитѣ Филаретѣ Амфитеатровѣ,—человѣкѣ очень простомъ и добромъ, котораго изъ духовенства мало кто боялся. От. Фока его если и трусилъ немножко, то только вначалѣ, при первой встрѣчѣ, да и то какъ будто «въ нарошну», а потомъ только хотѣлъ «сопты да потъ отирать». Но совсѣмъ не то производилъ владыка, которому предтекала молва, что онъ нетерпѣливъ и взыскателенъ.

Дневникъ отца Фоки Струтинскаго даетъ очень интересный образчикъ и въ этомъ забавномъ родѣ.

Другой архіерей, безпокоившій своими встрѣчами отца Фоку, былъ викарій Филарета Амфитеатрова, епископъ чигиринскій Аполлинарій. Этотъ святитель далеко не слылъ за такого добряка, какъ покойный митрополитъ.

Въ дневникѣ отца Фоки отмѣчены двѣ визитаціи этого владыки (тоже уже скончавшагося),—одна вкратцѣ и вскользь, а другая поспокойнѣе и попросторнѣе.

Тревоги по первому наѣзду начинаются 14-го мая, 1847 г.

«*14-го мая*, суббота. Указъ полученъ, что 16-го преосв. Аполлинарій выѣдетъ изъ Кіева, для обозрѣнія по нашему пути церквей.—Новыя хлопоты!»

«*16-го мая*.—Погода ясная, но вѣтеръ столько холодный, что пришлось ѣхать въ теплой шубѣ. Въ Мотыжинѣ долго скучали ожидая;—онъ прибылъ часу въ 5-мъ или въ 6-мъ. Встрѣтили благополучно, только за записку книгъ, за подчистки и проч. нѣсколько пожурилъ. Впрочемъ, обходился довольно ласково. При встрѣчѣ были священники В—въ, Р—скій и дядя Г—съ съ клирами.»

«Когда его п-ство изъявилъ согласіе пить чай, то я, испросивъ у него благословеніе, пустился во всю прыть къ Фасову, а за мною въ погоню дьяконы и пѣвчіе въ двухъ экипажахъ, за обычнымъ ялмужнымъ (нищенскимъ поборомъ), которое и получили отъ меня».

Какъ шибко ни гналъ от. Фока отъ этихъ обирохъ, но не спасся отъ нихъ даже полученнымъ благословеніемъ. Они нагнали и обработали благочиннаго на той самой дорогѣ, по которой, *всего въ четверти часа* разстоянія, ѣхалъ за ними ихъ епископъ, человѣкъ довольно строгій и взыскательный.

«Черезъ четверть часа (продолжаетъ отецъ Фока) прибылъ и владыка Аполлинарій. Здѣсь при встрѣчѣ были отцы В—скій, С—скій и Г—ловъ, *съ пьяными бездѣльниками клириками...*»

Здѣсь упоминается тотъ самый отецъ Г—ловъ, у котораго скончалась жена во время вышеописанной митрополичьей встрѣчи, когда на погребеніе ея приглашали духовенство, «по трудѣхъ своихъ подкрѣпившееся до зѣла».

«Преосвященный велѣлъ конторщику сдѣлать замѣчанія о томъ, что̀ нашелъ въ книгахъ... что̀ сей и учинилъ: а что̀ изъ того выйдетъ—почуемъ хто живой дижде».

«Преосвященный давно уговаривалъ Г—лова къ себѣ въ

монастырь. У дьякона замѣтилъ полушгофъ на окнѣ съ жидкостью. Съ улыбкой допрашивалъ: что это?

— «Уксусъ, ваше преосвященство.

— «Да ну,—точно ли?

— «Ни... уксусъ, уксусъ... да еще и добрый уксусъ. Ось понюхайте, владыка».

«Чудакъ отецъ Калинникъ—смѣшитъ владыку всякій проѣздъ».

«При захожденіи солнца, — преподавъ намъ изъ кареты благословеніе, а отцу Г—лову подтвержденіе одуматься и явиться въ Михайловскій монастырь, преосвященный отправился въ Рожовъ, а я въ сумерки выѣхалъ изъ Фасовы и ночевалъ у отца Т—на безъ чаю... Такъ-то честь благочинныхъ; а трудись и отвѣчай за грѣшки подвѣдомственныхъ».

«*17-го мая.* Зато утромъ выпилъ три стакана и узналъ, что въ Бѣлогородкѣ еще болѣе гоняли за книги, чѣмъ у насъ. Слѣдовательно, всѣмъ досталось на калачи»

Но эта ревизія пр. Аполлинарія, съ полученіемъ отъ него «на калачи», оставила, повидимому, у сельскаго духовенства довольно сильное впечатлѣніе и значительно усугубила «притрепетность», которую совсѣмъ не имѣлъ таланта возбуждать «старичокъ Божій» Филаретъ Амфитеатровъ. Узнавъ, что викарій значительно строже епарха, сельскіе отцы, при слѣдующемъ, новомъ его объѣздѣ, подтянулись, и зато описаніе второго ожиданія преосв. Аполлинарія въ дневникѣ отца Фоки вышло всѣхъ живѣе и интереснѣе.

«*6-го сентября* (1849 г.). Вечеромъ, ѣхавшій съ Кіева отецъ В-скій потревожилъ насъ нѣсколько *увѣдомленіемъ, полученнымъ въ буловской корчмѣ*, будто бы владыку ожидаютъ на ночь въ Ясногородку».

«*9-го сентября.* Протоіерей выѣхалъ изъ дому *высматривать преосвященнаго*, а я окрестилъ младенца его прихода. Мужики пьянствуютъ и до крови дерутся между собою,— какая несносная картина! Жиды не въ правѣ ли упрекать христіанъ? Увы! увы! увы!»

«*11-го сентября, недѣля на поволуніе.* Послѣ отдыха, вечеромъ, навѣщалъ бѣлогородскихъ, и узналъ, что о. протоіерей ѣздилъ въ Бышевъ и въ Ясногородку, но ничего не слышно тамъ о приближеніи епископа,—и Богъ вѣдаетъ,

когда онъ будетъ въ нашемъ вѣдомствѣ и когда мы сдѣлаемъ ему встрѣчу? Чаяніе нашихъ духовныхъ ослабѣло, хотя я и предписывалъ являться».

«*12-го сентября.* Однакоже и 12-го еще никто не явился. Ночи холодноваты и морозцы проявляются, а тутъ-то гречиха еще у меня не скошена. Черезъ разныя хлопоты, не знаешь за что и приняться. Во время праздника издохла сивая корова, купленная въ Княжичахъ, а прежде двое телятъ».

«*14-го сентября, среда.* Поклонниковъ было до полсотни, и мы послѣ литургіи отправились въ Крюковщину, гдѣ застали духовенства довольно, — кажется, съ восемь священниковъ. Обѣдали, самоварствовали и, наконецъ, по причинѣ мрачной ночи и росившаго дождика, остались ночевать».

«*15-го сентября.* Въ часу первомъ послѣ обѣда уѣхали и достигли благополучно дома. Опять застали издохлую телушку. И у крестьянъ тоже гибнетъ скотъ. Бѣда!»

Но зато при этой бѣдѣ сейчасъ же слѣдуетъ долгожданное событіе, заставляющее отца Фоку забыть бѣду скотопаденія и полагающее конецъ его долгимъ странствіямъ съ цѣлію «высматривать преосвященнаго».

«Въ сумерки летитъ ко мнѣ изъ Бѣлогородки записка, писанная рукою плисецкаго священника, отца Іоанна Колтоновскаго, который увѣдомляетъ, что преосвященный уже къ Плисецкому приближается... Я узналъ, что о. протоіерей противъ ночи (т.-е. на ночь) отправился въ Ясногородку, а я, устроивъ тогда же порядокъ въ своей церкви и *умоливъ* Косьму Иващенка, чтобы до свѣта ѣхалъ въ Кіевъ за покупками для принятія гостей, спокойно проспалъ до разсвѣта».

Это былъ послѣдній спокойный сонъ благочиннаго въ его собственномъ домѣ. Съ этихъ поръ начинается все бо́льшая и бо́льшая суета, а за нею и «притрепетность», постоянно возрастающая отъ приходящихъ грозныхъ извѣстій.

«*16-о сентября.* Рано пустился въ легонькой повозочкѣ, при кучерствѣ Кобченка, въ Княжичи и часу въ восьмомъ достигохъ іерейской квартиры. Только хотя о. Александръ и оспаривалъ, что о епископѣ нѣтъ никакихъ слуховъ, однакоже я понудилъ его идти въ церковь и, пока что,

приводить въ порядокъ. Самъ же остался въ домѣ и подготовлялъ кое-какія приказанія и распоряженія, вслѣдствіе чего и посланъ сидящій на костыляхъ В—скій, въ повозочкѣ, въ Новоселки, съ требованіемъ тамошняго причета и для развѣдыванія».

«Во время дѣланнаго распоряженія, мать отца Александра, прибывшая къ сыночку изъ бердичевскаго и сквирскаго уѣздовъ, пересказывала чудеса о весьма и весьма строгомъ обращеніи епископа и, можно сказать, умлѣвала (sic)— дай только, чтобы и мы не испытали жезла строгости... Умилительно просила меня,—какъ можно, и себя поберечь и ея сынуня. Что тутъ дѣлать? Поневолѣ струсишь. Хотѣлъ бы я уже, наслушавшись краснорѣчивыхъ: «*Ох, таточку жъ мій рідненькій! Да отецъ же благочинный!..*» и проч. сладкоглаголевыхъ словъ,—восхотѣлъ бы и азъ уѣхать за тридевять земель, въ тридесятое царство; но увы, — Кобченокъ уже кони позаводывъ въ конюшню, а самъ потаицился вышивать канунаго княжицкаго меду. Ный, ный, сыну, пòки сòлодко, але якъ буде гирко,—отъ тоди що будемо робыты?...»

«Та вже жъ чы то сякъ, чы то такъ.—пиду, лышень, и я до храму Божого и побачу порядкивъ»...

Лишь отецъ Фока переступаетъ за порогъ «Храму Божого», какъ видитъ такіе «порядки», что весь страхъ у него пропадаетъ, и благочиннымъ овладѣваетъ его веселый юморъ, предавшись которому онъ продолжаетъ писать по-малороссійски.

«Колы-жъ я туды війду (т.-е. въ храмъ)... Гòсподы мылостывый!.. Жинòкъ (бабъ) трòха не зъ десять стоятъ рàкомъ, понидтыкованныхъ и мыютъ въ церкви пидлогу (полы), а чоловиковъ (мужчинъ) мабуть зъ чотыри,—хто зъ винòкомъ, а кто зъ крыломъ птычымъ, ходятъ межъ жинками, да все штурхаютъ, да обмитаютъ, то порохъ (пыль), то паутыну... Побачивши таке безладье, я подумавъ собѝ гришный: ну що якъ владыка до насъ румъ (сейчасъ нагрянетъ) и застане въ церкви насъ съ пидтыкаными жинками?.. Ото-то реготу (хохоту) богацько буде!»...

«Тымъ часомъ все сдѣялось до ладу и мы, взгромоздывши на колокольню старого, слипого сторожа, щобъ на окуляры дывывсь (въ очки смотрѣлъ) на дви дорози: Ясногородску и

Музыцку. Хто буде дуже шпарко котиться по дорози. Але жъ то, отцове, якъ бувъ тоди вельми великій и холодный витеръ, то разъ сторожъ збунтовавъ насъ, що катиться брыль по дорози, зирванный зъ головы Пылипона Крупчатника... Другій разъ насъ сполошывъ, якъ побачивъ, що пидъ корчмою на самисинькой дорози покатывься соцькій, якъ іого спереципивъ москаль по потылицы (солдатъ съѣздилъ по затылку). Третій разъ усе-таки нашъ слиный сторожъ крычавъ на дзвоницы якъ дурный, побачивши що гончаръ перекунывсь йдучи (ѣдучи) зъ Ясногородки и горшки зъ воза (телѣги) покотылись... А въ четвертый разъ... да вже сесимъ не до ладу, та що же маете робыты... оглашенный дидъ крычытъ, що *копыця осечка!* Тпфу ты пропасть! Ходымъ до хаты, да винъ, старый дурень, ще не такъ буде насъ дурыть».

«Ото мы пошли въ комнату вдовой госпожи, не успѣли тамъ натощакъ выпить по стакану канунаго меду, какъ увидѣли запыхавшись бѣгущихъ мужичковъ и увѣряющихъ, что два экипажа отъ Ясногородки уже приближаются къ селу».

«Тутъ можно было и въ самомъ дѣлѣ ошибиться, ибо два экипажа, коляски, впряженныя по четыре хорошихъ лошади съ фурманами и лiокаями, — алежъ то ѣхали подлѣ церкви паны якись-то и покатылись по гребли».

«Мы опять возвратились въ комнату госпожы, колы и глядь, ажъ нашъ сторожъ полизъ уже въ свій погребыкъ и каже:

— «Я по-снидаю, та надивши кожухъ вылизу на дзвоныцю, то певне вже якъ засну, то мени во сни що нибудь прывидится».

— «Ей гляды жъ, иду, гляды, а мы пойдемъ снидати, або вжей обидати до прыкащика, г. Сотничевскаго,—Амфилохія Петровича».

«Это было уже въ часу второмъ пополудни, и то дай Богъ здоровье и его женѣ (т.-е. Сотничевскаго, Амфилохія Петровича), подкрѣпились снерва водочкой и маринованной рыбкою, а потомъ чаемъ и рябиновымъ пунишкомъ, къ которому пріѣхалъ и отецъ Стефанъ съ нетрезвымъ Н—мъ. Испивъ въ заключеніе кружку очень пріятнаго хлѣбнаго квасу, мы, въ часу пятомъ, опять пошли къ госпожѣ М—ой. Тутъ является нашъ хромоногій курьеръ изъ Ясногородки

и увѣряетъ, что сейчасъ только возвратился посланникъ изъ Плисецкаго въ Ясногородку съ извѣстіемъ, что должно всенепремѣнно владыку ожидать на слѣдующихъ за симъ двухъ дняхъ, и что онъ уже неотмѣнно будетъ.

«Итакъ, слыша увѣренія хромоногаго гонца и видя приближающееся къ закату солнце, мы уже рѣшились идти на подкрѣпленіе и почлегъ къ отцу Александру; но вдругъ бѣгущіе даютъ знать намъ, что епископъ ѣдетъ по плотинѣ, и мы едва-едва успѣли выдти къ нему навстрѣчу. Я подошелъ къ самой каретѣ и первое слово его было: «давно ли я пріѣхалъ съ Княжичи!»

«Когда вошли съ нимъ, при пѣніи заныхавшагося и слабаго клира, въ алтарь, тогда только загорѣлся сѣрничекъ въ рукахъ ктитора и начали зажигаться свѣчи».

Столько отецъ Фока употребилъ предусмотрительности и самыхъ опытныхъ предосторожностей, чтобы владыка былъ «высмотрѣнъ», но вотъ какъ оно вышло мизерно и жалостно: хоръ поетъ запыхавшись, архіерей проходитъ въ алтарь впотьмахъ и тогда только еле-еле «загорается сѣрничекъ въ рукахъ ктитора».

Такъ эти злополучные встрѣчальщики съ ихъ хромыми курьерами, слѣпыми махальными и «ракомъ» ползающими по церкви и «пидтыкованными жинками», выбились изъ силъ и сбились съ толку гораздо ранѣе, чѣмъ ихъ толкъ и сила потребовались на настоящее, полезное служеніе отечественной церкви.

Осмотрѣвъ антиминсъ и св. дары, архіерей пошелъ посмотрѣть—какъ живетъ священникъ.

«Тамъ (пишетъ отецъ Фока) я засталъ преосвященнаго, пересказывающаго, что въ иныхъ мѣстахъ (конечно, кіевской же епархіи) священство не въ примѣръ хуже имѣетъ квартиры, и повѣствовалъ намъ о почлегѣ своемъ у одного пастыря, какъ тамъ дули въ окна вѣтры, а подъ окнами хрюкали цѣлую ночь свиньи».

Засимъ приходитъ какой-то «пьяный панъ К—скій».— это епископу не нравится, и онъ уѣзжаетъ скорѣе, чѣмъ ожидали.

Проѣзжая черезъ село Гороничи, гдѣ настоятельствовалъ самъ авторъ дневника, преосвященный былъ ласковъ: разговаривалъ съ женою отца Фоки и его дочерями; хвалилъ

вышитую икону, выпилъ стаканъ чаю, «покупалъ ушички и свѣжайшаго ляща и проч. и запилъ мадерою».

«По моей просьбѣ,—продолжаетъ о. Фока,—обѣщалъ зайти въ храмъ Господень, который весь тотчасъ же *превратился въ иллюминацію*».

У отца Фоки эта часть, какъ видно, была въ такомъ порядкѣ, что онъ могъ ее смѣло репрезентовать своему епископу. Но архіерей былъ, очевидно, утомленъ обиліемъ почетныхъ церемоній и «просилъ, чтобы не дѣлать никакой встрѣчи и пѣнія».

«Войдя въ церковь не прямыми дверями, а пройдя инуде черезъ понамарню», его преосвященство «нѣсколько сконфузился», замѣтивъ въ храмѣ десятка три прихожанъ, и приложился къ иконѣ Божіей Матери».

Дневникъ не объясняетъ: чего именно «сконфузился» владыка, «замѣтивъ десятка три прихожанъ», — показалось ли ему, что три десятка людей мало для его пріѣзда и «иллюминаціи», въ которую «превратился» по этому случаю храмъ; или ему уже до такой степени надоѣли сбѣгавшіеся ему навстрѣчу люди, что одинъ ихъ видъ приводилъ его въ смущеніе? Дневникъ также ничего не сообщаетъ,—сказалъ ли что-нибудь архипастырь этому «малому стаду» вѣрныхъ? Видно только, что онъ «приложился» къ иконѣ и осмотрѣлъ «превратившійся въ иллюминацію» храмъ. А это очень жалко, потому что, какъ справедливо кѣмъ-то замѣчено, наши простолюдины особенно любятъ «вѣроучительное слово», просто и прямо обращенное къ нимъ отъ высшихъ лицъ церковной іерархіи, и нѣкоторые изъ нынѣшнихъ архіереевъ, нраву которыхъ не претитъ это простосердечное желаніе, стараются не отказывать въ этомъ (таковъ, напр., преосв. Модестъ, стяжавшій себѣ въ эти самые дни aura popularis на Подлясьѣ). Но любители пышности смотрѣли на эти вещи иначе, и потому сношенія архипастыря съ «малымъ стадомъ» въ Гореничахъ, можетъ-быть, были безсловесныя. Иначе аккуратный записчикъ всего происходящаго, отецъ Фока не преминулъ бы отмѣтить это въ своихъ записяхъ. Но онъ заключаетъ сказаніе о сей встрѣчѣ кратко словами: «простился, благословилъ и уѣхалъ». А затѣмъ слѣдуетъ неинтересная роспись «фургоновъ», на которыхъ повезли конторщика, дьяконовъ и иподіаконовъ, въ числѣ коихъ поименованъ отецъ Адій, съ пояснительною атте-

стаціею: «всѣми презираемый». Маленькихъ пѣвчихъ отецъ Фока пожалѣлъ, оставилъ у себя ночевать и уложилъ «всѣхъ покотомъ», а утромъ супруга отца Фоки накормила этихъ утомленныхъ мальчиковъ «горячими пирогами съ говядиной», за что они, оправясь отъ усталости, въ благодарность хозяйкѣ, «запѣли нѣсколько кантиковъ», а она имъ дала на орѣхи по «злотому» (т.-е. по 15 коп.).

Потомъ и этихъ ребятъ запаковали въ фургоны и отправили.

«Пѣвчіе остались нашимъ угощеніемъ довольны, какъ замѣтно было», отвѣчаетъ практическій отецъ Фока, не пренебрегавшій, повидимому, и единымъ отъ малыхъ сихъ, часто видящихъ лицо его преосвященства. И эта заботливость о ребяткахъ, по правдѣ сказать, представляетъ самое теплое мѣсто въ интересномъ дневникѣ отца Фоки.

Затѣмъ финалъ, по обычаю: «Выпроводивши ихъ, мы порядочно принялись отдыхать и проспали до того времени, какъ пріѣхала къ намъ Анна Ѳедоровна на поклоненіе».

Все кончилось «простенько, но мило», — только много было хлопотъ и шуму, и притомъ чуть-чуть не изъ-за пустяковъ.

Но бывали хлопоты и совсѣмъ изъ-за пустяковъ.

Всѣмъ изобильный дневникъ отца Фоки сообщаетъ небольшую исторійку и въ этомъ родѣ.

Выписываемъ еще одно послѣднее сказаніе изъ лѣтописи отца Фоки, и очеркъ нашъ конченъ.

«*13-го августа* (*1851 г.*). Засталъ дома указы о проѣздѣ епископа по епархіи съ 16-го августа. Труды и заботы, писанія. Хлопоты и ни откуда пособія. Всего уродило 28 копъ».

«*15-го, среда.* Послѣ обѣда, по моему приказанію прибираютъ въ храмѣ, ибо владыка будетъ ѣхать,—чтобы не заѣхалъ въ Гореничи... А у меня дѣлъ по хозяйству пропасть, но о нихъ некогда и подумать».

«*16-го.* Посланецъ донесъ, что владыка Аполлинарій уже въ Рубежевкѣ, и мы вечеромъ въ Копыловѣ».

«Духовенство стало на-чеку, и даже прозвонили (на колокольнѣ) какой-то каретѣ, въ которой (какъ послѣ оказалось) ѣхалъ не архіерей, а сидѣла помѣщица, генеральша Дани-

левская... Въ сумерки еще, сидя за самоваромъ, прислушивались пріѣзда, а послѣ ужина я преспокойно уснулъ».

«*17-го.* До двѣнадцати часовъ постничали, а послѣ прекрасно покупали свѣжей рыбы и пироговъ, и прекрасно заснули, по обычаю предковъ. По захожденіи солнца настояли нарядить гонца для рекогносцировки (высматривать архіерея), но послѣ ужина довольно поздно положились отдыхать съ о. Василіемъ и Стефаномъ... Долго я не могъ уснуть, ожидая вѣстника: наконецъ, едва только вздремнулъ, какъ послышалось громогласное пѣніе: «*Слава въ вышнихъ Богу*», раздающееся на подворьѣ. Мнѣ вообразилось, что это архіерейскіе пѣвчіе, и я вышелъ, но къ немалому моему удовольствію узналъ, что это хоръ отца протоіерея съ провожатыми».

Архіерей, за различными путевыми неурядицами, заставлявшими его «сердиться и кричать», проѣхалъ мимо. По этому случаю и была пропѣта на дворѣ ангельская пѣснь: «*Слава въ вышнихъ Богу*». А если бы владыка пріѣхалъ, то, конечно, отцы воспѣли бы: «*Днесь благодать Святаго Духа насъ собра...*» Вообще, довольно трудно разобрать: что они искреннѣе поютъ или воютъ, взываютъ или глаголятъ? И винить ихъ строго нельзя, они такъ спозаранокъ натасканы.

Одна московская газета («Соврем. Извѣстія»), разсуждая о явленіяхъ, которыя составляютъ «потрясающую сатиру на растлѣніе нашего общества», весьма справедливо говоритъ: «то, чему мы теперь осуждены быть печальными свидѣтелями, есть прямой плодъ разлада словъ, мыслей и дѣла: лицемѣріе благочестія обращается въ лицемѣріе атеизма». Это вѣрно, и слѣды этого ясны во всемъ, къ чему бы мы ни обратились ab imo pectore. Надо имѣть все безстыдство людей, для коихъ служитъ поводомъ поговорка: «aprez nous le déluge», чтобы еще и теперь стоять за какое бы то ни было укоренившееся лицемѣріе, въ какой бы то ни было формѣ. Во всякой формѣ оно ведетъ къ одному: *къ деморализаціи...*

Corruptio optimi pessima.

ЕПАРХІАЛЬНЫЙ СУДЪ.

«Отъ Меня произойдетъ законъ и правду Мою я выставлю свѣтомъ для народовъ». Исаія 51, 4.

Въ обширной и многосторонней полемикѣ, возбужденной недавно выходомъ въ отставку бывшаго министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора святѣйшаго синода, графа Толстого, далеко не послѣднее мѣсто занимаетъ споръ о заслугахъ этого сановника по духовному вѣдомству. Одна изъ петербургскихъ газетъ,—именно «Новое Время»,—дѣлая общую оцѣнку заслугамъ графа, пришла къ тѣмъ заключеніямъ, что по духовному вѣдомству его распоряженія были во многихъ отношеніяхъ лучше и цѣлесообразнѣе его распоряженій по министерству народнаго просвѣщенія. Это подало поводъ къ замѣчательному спору, который, по моему мнѣнію, до сихъ поръ не выясненъ и не оконченъ. Между тѣмъ, это очень интересно не для того только, чтобы сойтись на одномъ мнѣніи о графѣ Толстомъ; нѣтъ, тутъ есть дѣло гораздо болѣе важное.

Я не имѣю никакой нужды входить въ оцѣнку справедливости высказаннаго мнѣнія, но долженъ замѣтить, что оно довольно распространено и было поддержано въ Петербургѣ «Церковно-Общественнымъ Вѣстникомъ», газетою очень здравомыслящею и въ церковныхъ вопросахъ свѣдущею. Зато въ Москвѣ это мнѣніе показалось очень обиднымъ и несправедливымъ, и одна изъ тамошнихъ газетъ, «Современныя Извѣстія», выступила съ рѣзкими замѣчаніями противъ такой оцѣнки заслугъ гр. Д. А. Толстого по св. синоду. Московская газета вспомянула объ оскудѣніи плодовъ вѣры

и, какъ на особенную вредность для церкви,— указала на неудачную попытку графа Толстого ввести, вмѣсто нынѣшняго безконтрольнаго консисторско-архіерейскаго суда,— судъ въ другой формѣ, — болѣе правильной и болѣе защищающей личность отъ произвола.

На этомъ разыгралось дѣло, доведенное только до того, что поспорившія стороны высказались и замолчали: московская газета осталась при своемъ мнѣніи, а петербургскія— при своемъ; дѣло же не подвинулось ни на волосъ, да даже едва ли и уяснилось для публики, которой, однако, необходимо имѣть о немъ вѣрное понятіе. Правда, «Церк.-Общ. Вѣстникъ», возражая «Современнымъ Извѣстіямъ», далъ хорошій отвѣтъ на нападки московской газеты и указалъ, что нынѣшній закрытый консисторско-архіерейскій судъ не только во всѣхъ отношеніяхъ неудовлетворителенъ, но и не согласенъ съ древнею церковною практикою; но всѣ эти доказательства, — убѣдительныя и вѣскія для людей свѣдущихъ, — большинству публики почти совсѣмъ недоступны. Кто у насъ знаетъ законы? кто знакомъ съ старою церковною практикою? Такихъ людей очень немного въ духовенствѣ и почти совсѣмъ нѣтъ въ публикѣ. А между тѣмъ, то, что мы, по обыкновенію, называемъ публикою, есть, въ извѣстномъ смыслѣ, та же *церковь*, т.-е. собраніе людей, связанныхъ единствомъ духовныхъ интересовъ, и ради этихъ-то интересовъ, *всѣмъ намъ* пристойно знать объ этомъ дѣлѣ и имѣть свое мнѣніе о значеніи нынѣшняго нашего духовнаго суда, такъ какъ отъ него зависитъ клиръ, а отъ хорошаго или дурного клира зависитъ развитіе духовной жизни народа, до сихъ поръ еще весьма мало и весьма неудовлетворительно наставленнаго въ христіанскомъ ученіи. Поэтому, мнѣ кажется, не напрасно будетъ предложить общественному вниманію вопросъ о духовномъ судѣ еще въ одной простѣйшей и понятнѣйшей формѣ, въ которой всякому, и незнакомому съ канонами, человѣку станутъ понятны недостатки нынѣшняго консисторско-епископскаго суда. Тогда и враги реформъ въ этомъ вопросѣ, и враги всего вообще новаго судопроизводства въ состояніи будутъ сравнить то, за что они стоятъ, съ тѣмъ, что они гонятъ,— и, можетъ-быть, совѣсть и здравый смыслъ и имъ вложатъ что-нибудь другое въ сердце. Къ счастію, и, благодаря небольшой дозѣ вниманія, какое мнѣ всегда внушало мое не-

равнодушіе къ церковнымъ дѣламъ, я имѣю возможность предложить объ этомъ не большую, но документальную бесѣду; а непререкаемымъ документомъ, на который я буду ссылаться, мнѣ будутъ служить вѣдомости одной епархіи, издающіяся не совсѣмъ такъ, какъ издаются вѣдомости прочихъ епархій. Я говорю о «Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», въ которыхъ принято не дѣлать секрета изъ судебныхъ рѣшеній, постановляемыхъ епархіальною властью о преступленіяхъ и проступкахъ мѣстнаго духовенства.

Находя эти краткія отмѣтки самымъ живымъ и интереснымъ матеріаломъ для сужденій о достоинствахъ духовнаго суда, я имѣлъ терпѣніе четыре года къ-ряду слѣдить за этимъ судомъ въ Великомъ-Новгородѣ и дождался, что теперь мои замѣтки могутъ пригодиться въ дѣло.

Пропуская безконечныя штрафовки духовныхъ за пьянство, беремъ только тѣ случаи, которые намъ кажутся болѣе замѣчательными и характерными, какъ по роду вины, такъ и по формѣ наказаній.

Рясофорная послушница Горицкаго женскаго монастыря Августа, за неодобрительное поведеніе, уволена изъ обители и обращена въ первобытное званіе. Діаконъ дворецкой церкви Крутяковъ запрещенъ за нетрезвость. Боровичскаго уѣзда священникъ Василій Знаменскій запрещенъ за нетрезвость, неисправность и неблагочиніе.

Такимъ образомъ, простая нетрезвость и нетрезвость, соединенная съ неисправностью и неблагочиніемъ, при всей совокупности преступленій, наказываются *одинаково*. Почему это такъ—объясненій, конечно, нѣтъ. *Благочинный*, старорусскій протоіерей Ѳедоръ Барсовъ, по дѣлу о недоставленіи имъ 21 проц. сбора, въ размѣрѣ 809 р., удаленъ отъ благочинническої должности. Здѣсь уже надо замѣтить, что преступленіемъ является *растрата*, за что удаленіе отъ должности не есть надлежащее наказаніе по русскимъ законамъ.

Понамарь черновскаго собора, Вознесенскій, отрѣшенъ за крайнюю нетрезвость. Благочинный устюженскаго уѣзда, священникъ Алексѣй Владимірскій, за нетрезвость и оскорбленіе помѣщика, отрѣшенъ отъ должности благочиннаго и посланъ въ Моденскій монастырь, а потомъ опять на прежнее мѣсто. Счелъ ли обиженный помѣщикъ это достаточ-

нымъ возмездіемъ за свою обиду—не видно. Но, во всякомъ случаѣ, ясно, что монастырь здѣсь замѣняетъ тюрьму,—что совсѣмъ съ учрежденіемъ монастырей несогласно, да и никакъ не отвѣчаетъ ихъ назначенію.

Однако, впереди мы съ этимъ фактомъ будемъ встрѣчаться очень часто.

Священникъ В. Быстровъ, за служеніе молебновъ иногда въ нетрезвомъ видѣ, за отказы въ требоисправленіяхъ и нетрезвость, въ Клопскій монастырь, а потомъ опять на мѣсто. Дьячокъ Конст. Богословскій, за самовольное израсходованіе братскихъ доходовъ, нетрезвость, упущенія по службѣ и разгульную жизнь въ сообществѣ крестьянъ и женщинъ неодобрительнаго поведенія, назначенъ къ отрѣшенію. Священникъ Александроневскій, за нетрезвость въ Кирилловъ монастырь, а потомъ обратно на мѣсто. Дьячокъ И. Косинскій за то, что, несмотря на присужденное наказаніе и сдѣланную милость (отсрочку наказанія), вновь предался нетрезвости и *учинилъ въ церкви во время богослуженія безчиніе*, — въ монастырь, а потомъ — на прежнее мѣсто. Если бы «учинилъ въ церкви безчиніе» мірянинъ, то онъ едва ли не былъ бы лишенъ правъ состоянія и сосланъ; но духовному лицу—наказаніе меньше. Церковникъ, который долженъ подавать мірянину примѣръ благочестія, за буянство въ церкви наказывается только однимъ пребываніемъ въ монастырѣ... Этого уже никакъ понять нельзя, и обыкновеннымъ разсужденіемъ невозможно признать ни за справедливое, ни за цѣлесообразное. Но есть впереди нѣчто еще болѣе невѣроятное: этотъ же церковный дебоширъ, послѣ пребыванія въ монастырѣ, *возвращается «на прежнее мѣсто»*... Хотѣлось бы спросить, можетъ ли все это не служить къ соблазну бѣдныхъ прихожанъ, безобразному пьянству которыхъ часто дивуются, забывая, что ихъ первые въ томъ учители—*духовенство*.

Дьячокъ Усердовъ, за нетрезвость, многократныя оскорбленія священника, сопровождавшіяся *грубою бранью*—въ монастырь и на прежнее мѣсто—конечно, опять при томъ же самомъ священникѣ. Иначе, конечно, нельзя думать, такъ какъ смѣстить священника было бы еще высшею несообразностію. Но не угодно ли кому-нибудь представить себѣ, каково было потомъ положеніе этого оскорбленнаго священника, котораго опять свели вмѣстѣ съ его обидчикомъ-дьяч-

комъ... Кому, для чего и въ какихъ цѣляхъ это могло казаться необходимымъ и наилучшимъ?

Но продолжаемъ наши сухія выписки: іеродіаконъ Кирилловскаго монастыря Савватій, за нетрезвость и *безчинство, произведенное въ церкви во время богослуженія*—запрещенъ до раскаянія и посланъ въ другой монастырь. Дьячокъ Литовскій, за нетрезвость, въ каковой иногда присутвовалъ при богослуженіи—въ монастырь и на прежнее мѣсто. Псаломщикъ Бальзаминовъ, за крайнюю нетрезвость и *неприличное веденіе себя въ храмѣ, «сопровождавшееся прекращеніемъ богослуженія»*, въ монастырь и на другое мѣсто (1876 г.).

Вотъ случай изъ новгородскихъ епархіальныхъ хроникъ 1879 года.

Понамарь Волковъ, за бродяжничество, грубости и неисправность отрѣшенъ, съ правомъ искать другого мѣста. Бродяга «съ правомъ» искать мѣста церковника,—это уже что-то феноменальное и едва ли сообразное съ какимъ бы то ни было понятіемъ о правахъ, достоинствахъ, законѣ и чести.

Діаконъ Викторъ Орловъ, за нарушеніе долга подчиненности, порядка и благочинія «пинародно» въ храмѣ, во время литургіи, и за насильственное держаніе у себя церковныхъ документовъ—въ причетники, впредь до раскаянія. Понамарь Свѣтловъ, за распространеніе ложныхъ слуховъ, обманъ и по подозрѣнію въ похищеніи документовъ—въ монастырь съ переходомъ на другое мѣсто.

Наказаніе *«по подозрѣнію»*—въ новѣйшее время—вещь невѣроятная. Средневѣковая инквизиція и наша жестокая юрисдикція XVIII вѣка—и тѣ добивались доказательствъ или сознанія, хотя бы *вымученнаго*. Оставляемыхъ же въ подозрѣніи по XV т. св. зак. *не наказывали*.

Священникъ Быстровъ (о которомъ выше, въ хроникахъ 1876 года, сказано, что онъ служилъ молебны въ нетрезвомъ видѣ и отказывалъ въ исполненіи требъ, за что и былъ въ монастырѣ), послѣ исправленія его въ монастырѣ, вновь священнодѣйствуетъ и вновь судится «за пролитіе св. даровъ, сопровождавшееся, притомъ, явнымъ невниманіемъ къ величайшей святынѣ». Какое же наказаніе положено этому рецидивисту храмовыхъ безчинствъ? Онъ «удаленъ отъ мѣста

въ Блазнихѣ съ предоставленіемъ права искать себѣ другого священническаго мѣста»...

Испр. должность псаломщика Земляницынъ, за нетрезвость, неисправность, неприличное поведеніе себя въ храмѣ, «какъ и прежде сего неоднократно судимый за предосудительные поступки», отрѣшенъ отъ мѣста съ предоставленіемъ права пріискивать себѣ другое (!). Св. Любаньской церкви, священникъ о. Травлинскій, за повѣнчаніе князя Дондукова-Корсакова съ Ильиною безъ соблюденія предбрачныхъ предосторожностей, за допущеніе неправильностей при другихъ бракахъ и «оскорбленіе благочиннаго при исполненіи *имъ* обязанности своей въ *нетрезвомъ видѣ*».—на полтора мѣсяца въ монастырь. Просвирня Екатерина Пальмова за небрежное печеніе просфоръ, неумѣренное расходованіе церковной муки на нихъ, непокорность и неучтительность къ священнику, уволена и вакансія ея закрыта, съ возложеніемъ обязанности заготовленія просфоръ на мѣстнаго священника. Свящ. Любомудровъ, за служеніе молебна въ нетрезвомъ состояніи—на 2 недѣли въ монастырь. Свящ. гор. Новгорода, Александръ Троицкій, за жестокое обращеніе съ женою, сопровождавшееся то непристойною бранью, то нанесеніемъ побоевъ и *за разбитіе иконъ*—на два года въ причетники.

За что и съ какою цѣлью о. Троицкій разбивалъ св. иконы, въ краткой хроникѣ «Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» не объяснено, но очевидно, что о. Троицкій не принадлежалъ ни къ штундѣ, ни къ иконоборству и ни къ какой иной предосудительной ереси, а содержалъ чистое православіе. Можетъ-быть, онъ просто имѣлъ какое-нибудь личное неудовольствіе на св. иконы, которое и вымещалъ на нихъ «разбитіемъ». Это въ православномъ мірѣ неоднократно случалось. Еретики, въ родѣ штундистовъ, отвергающіе поклоненіе иконамъ, обыкновенно выносятъ ихъ изъ домовъ, въ церкви или «пускаютъ на воду», по текучимъ рѣкамъ, но повреждать ихъ избѣгаютъ. Православныхъ же мірянъ, которымъ приходитъ такая фантазія, за это лишаютъ правъ состоянія и ссылаютъ; но священникъ, который подаетъ такой примѣръ, какъ видимъ, оставляется при храмѣ церковникомъ и потомъ можетъ опять священнодѣйствовать. (Во II томѣ сборника г. Любавскаго, есть интересное въ этомъ родѣ дѣло о рядовомъ Карпѣ Ор-

ловѣ, который тоже, возымѣвъ личность къ иконамъ и взойдя въ церковь села Перелетъ, началъ стрѣлять по иконостасу изъ казеннаго ружья. Онъ пришелъ для этого съ большимъ запасомъ патроновъ въ сумкѣ. Происшествіе это, какъ видно изъ книги г. Любаьскаго, считалось дѣломъ особой важности. Кишиневскій епископъ писалъ объ этомъ свѣтскимъ властямъ и началось «секретное» дѣло, которое окончилось тѣмъ, что рядовой Орловъ оказался сумасшедшимъ и посаженъ въ домъ умалишенныхъ).

Дьяч. Вл. Сперанскій, за отмѣтку въ исповѣдныхъ росписяхъ такого лица, которое не исповѣдывалось и не причащалось, за упрекъ священника въ присвоеніи 25 р. и «за чтеніе однажды апостола довольно безобразно»—на 1 мѣсяцъ въ монастырь. Въ чемъ заключается безобразіе не объяснено, но отмѣтка по росписямъ того, чего не было, есть *подлогъ по службѣ*, а за подлогъ ни ка какомъ судѣ нельзя отдѣлаться мѣсяцемъ пребыванія въ монастырѣ. Случай этотъ имѣетъ такой видъ, какъ будто одному духовенству принадлежитъ какое-то исключительное право дѣлать подлоги почти безотвѣтственно.

Дьяч. Ловцовъ за «названіе понамаря неприличными словами *пренародно*», въ бытность за вечерней въ не совсѣмъ трезвомъ видѣ и, вообще, за употребленіе спиртныхъ напитковъ—на 1 мѣсяцъ въ монастырь.

Замѣчательно, что за подлогъ и за простую пьяную перебранку въ этихъ двухъ, рядомъ стоящихъ случаяхъ, назначено одинаковое наказаніе!..

Дьяч. Вихровъ, «за оскорбленіе священника *грубобранными* словами въ нетрезвомъ видѣ»—въ монастырь на 1 мѣсяцъ. Понамарь Цвѣтковъ за крайнюю нетрезвость, утайку братскихъ и церковныхъ денегъ, «проматываніе собственныхъ вещей» (такого преступленія, какъ «проматываніе *собственныхъ* вещей», нѣтъ въ уголовномъ кодексѣ; вѣроятно, это отнесено къ *расточительству*) и какъ не подающій надежды на исправленіе, отрѣшенъ навсегда. Дьяч. Ставровскій, неоднократно подвергавшійся суду и вновь уличенный въ тѣхъ же поступкахъ, «какъ рекомендуемый, поведенія *только хорошаго*» (надо имѣть отмѣтку «*похвальнаго*» или *постоянно тщательнаго*) — отставкѣ въ запятать. Но при этомъ достойно вниманія, что и товарищъ дьячка Ставровскаго, аттестовавшагося въ поведеніи до-

вольно хорошемъ, дьячокъ Фортунатовъ, былъ тоже отмѣнный молодецъ и одновременно посланъ на полтора мѣсяца въ монастырь «за личныя оскорбленія священника...» Можно себѣ представить положеніе священника, который одинъ въ селѣ долженъ былъ служить съ этакими двумя хватами «довольно одобрительнаго поведенія»!..

Лѣтопись 1878 года начинается съ лица женскаго пола. Монахиня Хіонія, за подачу безымяннаго доноса, заключающаго въ себѣ оскорбительныя выраженія для чести вновь избранной игумены, запрещено (временно) ношеніе мантіи и клобука. Іеромонахъ Св. Духова монастыря Варлаамъ, за нетрезвость, сопровождавшуюся *соблазномъ для монастырской братіи и для жителей города*, запрещенъ на 1 м. и перемѣщенъ въ Перекомскій монастырь. Причетникъ Тихоміровъ, по поводу *тяжкаго оскорбленія* священника въ храмѣ и притомъ *въ церковномъ облаченіи* — устраненъ отъ исполненія обязанностей, «въ виду *неудовольствій* со священникомъ, которыя зашли слишкомъ далеко, и въ предотвращеніе на будущее время *скандаловъ въ церкви*». Каждый знаетъ, какое тяжкое наказаніе ожидало бы того міранина, который поднялъ бы руку въ церкви на священника въ облаченіи, но дьячку и такая расправа по епархіальному суду стоитъ не тяжеле «устраненія, въ предотвращеніе скандаловъ».

Этимъ можно не возмущаться только съ нашею русскою привычкою ничѣмъ не возмущаться, но стоять за таковыя рѣшенія, кажется, рѣшительно невозможно. Испр. должность псаломщика Лебедевъ, за похищеніе денегъ, собранныхъ въ пользу герцеговинцевъ — въ монастырь на 1½ мѣсяца. Такому же самому наказанію подвергнуть дьяконъ Локотскій — «за наклонность къ винопитію», а понамарь Виноградовъ — «за недоставленіе на проскомидію просфоръ, за употребленіе хмѣльныхъ напитковъ, за дозволеніе себѣ бушевать въ своемъ домѣ и за произнесеніе сквернословныхъ словъ».

Всѣ эти очень разнохарактерныя провинности, какъ будто, одинаково вѣсятъ на вѣсахъ духовнаго правосудія: воровство, мошенничество и винопійство! Іеродіаконъ нилосорской пустыни, какъ неблагонадежный для монастырской жизни по своему поведенію, — исключается. Священникъ Моревъ, за ссору въ церкви, *недопущеніе одного крестья-*

пина приложиться ко кресту и за употребленіе грубыхъ, ругательныхъ словъ—на 1 мѣсяцъ въ монастырь. Священникъ Тюльпановъ за служеніе молебновъ и хожденіе съ иконами въ нетрезвомъ видѣ, а также (тутъ только и начинается) за допущеніе въ служеніи *неприличій* (?!) и за то, что «потерялъ мурницу» и «совершилъ крещеніе двухъ младенцевъ въ нетрезвомъ видѣ и, притомъ, безъ муропомазанія и съ опущеніемъ нѣкоторыхъ обрядовъ», — въ монастырь на 3 мѣсяца. Весьма интересный представляется отсюда вопросъ: поправлено ли, и какимъ именно образомъ, священное тайнодѣйствіе, совершенное этимъ пьянымъ таинстроителемъ?—Это не объяснено. А между тѣмъ возможно, что несчастный христіанинъ, у купели котораго іерей Тюльпановъ произвелъ описанныя упущенія и безчинства, придя въ возрастъ, услышитъ на это насмѣшки и попреки и позоветъ къ суду *кого-то*, не озаботившагося своевременно исправить его крещеную репутацію. Это уже было въ церковной практикѣ и еще *можетъ повториться* (напоминаю исторію о *некрещеномъ попѣ*).

Исправляющій должность дьячка Лавровъ, за нанесеніе побоевъ одному лицу, стрѣляніе изъ ружья, прибытіе въ храмъ въ *одной рубашкѣ*, и проч., и проч. — уволенъ отъ должности, и только!.. Знаменитому протопопу Аввакуму подобный фарсъ обошелся гораздо дороже.

Исправляющій должность псаломщика Добряковъ, «за неблагоповеденіе», отрѣшенъ отъ мѣста. Такимъ образомъ, простое «неблагоповеденіе» и «стрѣляніе» пошли по одной категоріи?*). Священникъ, за повѣнчаніе вторымъ бракомъ прежде расторженія перваго—въ монастырь на 3 мѣсяца, а съ іеромонаха Іоасафа, за пьянство, снята на время монашеская одежда.

Столько интересныхъ для судебныхъ соображеній случаевъ, сколько мы выписали, даетъ всего за четыре года только *одна* епархія, и притомъ не самая многолюдная. Всѣ болѣе мелкіе случаи, подъ рядъ состоящіе въ одномъ пьянствѣ и «неблагоповеденіи», — я не выписываю и не считаю: нѣтъ въ моемъ счетѣ и проступковъ, въ родѣ кражи коровъ и мошенничествъ, учиненныхъ духовными лицами,

*) Мнѣ кажется, что 1878 годъ, можетъ-быть, начинается съ этого мѣста. Въ моихъ выпискахъ это неоднократно отмѣчено: годы 1877 и 1878 немножко смѣшаны, но факты, разумѣется, вѣрны.

но подпавшими за эти дѣла свѣтскому суду, причемъ судъ духовнаго вѣдомства обыкновенно только спѣшитъ сбыть съ рукъ виноватаго посредствомъ исключенія его изъ духовнаго званія. Объ этихъ двухъ категоріяхъ скажемъ лишь вообще, что случаевъ соблазнительнаго пьянства чрезвычайно много, а подсудимость у свѣтскихъ судовъ—довольно рѣдка. Кажется, она имѣетъ мѣсто только, какъ явленіе исключительное, при такихъ случаяхъ, когда, напримѣръ, духовное лицо прямо изловлено мірскою властью на воровствѣ коровы. Если же что-нибудь подобное попадетъ на судъ духовный, то, несмотря на уголовный характеръ, едва ли не кончится монастыремъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ явствуетъ, что множество случаевъ съ подлогами въ документахъ, святотатствомъ, буйствомъ, нарушеніемъ благочинія и порядка въ храмахъ, а также съ нанесеніемъ побоевъ равнымъ и старшимъ и убытковъ кому попало — въ противность русскимъ законамъ, обязательнымъ для всѣхъ русскихъ подданныхъ, для дебошировъ, пьяницъ и мошенниковъ духовнаго званія обходятся болѣе или менѣе продолжительными молитвами и благоугодными трудами въ мирныхъ обителяхъ. Давнишнія просьбы и воздыханія многихъ настоятелей о томъ, чтобы перестали считать ихъ монастыри исправительными заведеніями острожнаго характера, ни къ чему не повели и не ведутъ.

«Не слышатъ,—видятъ и не знаютъ!»

А если все это такъ идетъ по одной новгородской епархіи,—по епархіи самой близкой къ столицѣ и имѣющей съ нею неразрывную связь въ лицѣ главнаго епархіальнаго начальника, то, кажется, вполнѣ позволительно предположить, что и во всѣхъ другихъ епархіяхъ на всѣ подобныя дѣла едва ли существуетъ лучшій взглядъ и болѣе совершенные порядки. Если же допустить то, что и слѣдуетъ допустить, т.-е. что новгородская епархія, подвѣдомая с.-петербургскому митрополиту, не хуже всѣхъ прочихъ епархій въ Россіи и что обнаруженный здѣсь порядокъ имѣетъ свое мѣсто повсюду, то мы получимъ возможность судить о разсмотрѣнныхъ нами случаяхъ *какъ объ образцѣ явленій, общихъ всей современной Россіи.* И тогда станетъ ясно, что порядокъ этотъ нельзя признать удовлетворительнымъ, а затѣмъ, что нельзя не сожалѣть и о томъ, что въ недавней порѣ вопросъ о церковно-судебной реформѣ у насъ

былъ такъ торопливо стертъ съ очереди, какъ нѣчто несвоевременное и для насъ совершенно излишнее.

Тутъ и выдвигается на видъ только-что сошедшая съ перваго плана личность графа Д. А. Толстого и становится необходимымъ сдѣлать нѣкоторую характеристику общихъ отношеній къ дѣлу духовнаго суда, недостатки коего бывшій оберъ-прокуроръ, конечно, понималъ, настойчиво желая учредить иной судъ.

Съ самаго перваго движенія графа Толстого къ пересмотру духовнаго вопроса, онъ не встрѣтилъ ни сочувствія, ни поддержки; *всѣ* имъ были недовольны: одни за то, что графъ «подбирается подъ епископовъ»,—другіе за то, что *онъ* взялся за это дѣло. Въ томъ, что за дѣло это взялся «*онъ*», а не кто иной, видѣли вѣрное ручательство, что оно «провалится».

Такъ, разумѣется, и вышло, и этому безразсудно радовались,—только уже не всѣ: были люди, которые понимали дѣло серьезнѣе и начинали сожалѣть, что личныя чувства къ графу Толстому получили слишкомъ большое значеніе.

Лучшіе люди въ нашемъ духовенствѣ, не стоя на сторонѣ графа Д. А. Толстого,— который сдѣлалъ, кажется, все, отъ него зависѣвшее, чтобы его не укоряли въ исканіи людского расположенія, — въ этомъ дѣлѣ глубоко сожалѣли о томъ, какъ далеко зашла враждебность, какую возбудилъ противъ себя этотъ сановникъ, говоря о которомъ можно припоминать пословицу: «гнулъ, не парилъ, — сломалъ, не тужилъ». Въ духовенствѣ пророчили и не ошибались, что вопросъ о судебной реформѣ погибнетъ, именно потому, что его проводитъ нелюбимый гр. Дмитрій Андреевичъ Толстой. Но всѣ знали, что правда была на его сторонѣ, что нынѣшній духовный судъ не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворять требованій справедливости. Въ знаменитыхъ, въ свое время, возраженіяхъ волынскаго архіепископа Агаѳангела, въ которыхъ свѣтскіе клерикалы усматривали манну небесную, — духовные видѣли болѣе непосредственности, чѣмъ полноты, разносторонности и безпристрастія. Правда, отвѣты арх. Агаѳангела одобряли и въ духовенствѣ, но не изъ сочувствія мыслямъ пр. Агаѳангела, а изъ радости, что нашелся хоть одинъ человѣкъ, который противорѣчитъ графу Толстому, смиряя тѣмъ всѣмъ надокучившее его «колкое самовластіе». И, такимъ образомъ,

въ этомъ неосмотрительномъ злорадствѣ люди, вовсе несочувствовавшіе неподвижности духовнаго суда, дали своимъ злоželаніемъ перевѣсъ идеямъ этой неподвижности: реформа настоятельной надобности была отвергнута, и это было большою радостію для людей, у которыхъ любовь къ родинѣ и ея вѣрѣ и церкви не могла возобладать надъ ихъ личными чувствами къ гр. Толстому.

Нѣтъ спора, что въ постановкѣ дѣла, какъ за него взялся графъ Д. А. Толстой, кажется, было не безъ ошибокъ, и даже весьма большихъ; но всѣ онѣ могли быть поправлены, а, вмѣсто того, все дѣло было отвергнуто.

Это было конечно хуже, чѣмъ всѣ ошибки графа въ его предположеніяхъ о реформѣ. Теперь объ этомъ вспомнили при отставкѣ графа Толстого; но вспомнятъ и еще не одинъ разъ.

Такъ-называемый консерватизмъ, чаще всего у насъ сходящійся съ полною косностію, недавно дошелъ было до того, что наши пустосвяты были склонны видѣть зло въ самомъ возрастающемъ вниманіи мірянъ къ дѣламъ церкви. Людямъ этого образа мыслей и о сю пору болѣе нравится то время, когда въ свѣтскомъ обществѣ ни о чемъ церковномъ не разсуждали и исторіи церковной не знали, — архіереевъ угощали ананаснымъ вареньемъ, архимандритовъ—вишневымъ, а попевъ поили чаемъ въ конторѣ или даже въ передней. Но всѣ эти сѣтованія напрасны; пробудившееся вниманіе къ церковнымъ дѣламъ уже не можетъ быть остановлено, да и не добромъ помянетъ христіанскій міръ усилія тѣхъ, которые считаютъ полезнымъ остановить это вниманіе. Оно достойно поддержки, а не противодѣйствія, потому что оно истекаетъ изъ самаго чистаго источника,—изъ любви къ родинѣ и ея вѣрѣ. Вѣра же наша, несомнѣнно, страдаетъ и подвергается самымъ ужаснымъ, почти неслыханнымъ въ христіанствѣ, порицаніямъ не по вліянію «заносныхъ ученій», на которыя мы охочи все сваливать, а по причинамъ, зависящимъ отъ устройства нашей церкви. При чемъ не малаго удивленія достойно, что порицанія эти приходится не только выслушивать отъ жителей странъ образованныхъ, которые могутъ показать нѣчто благоуспѣшно-развиваемое и совершенствуемое въ ихъ церковной жизни, но и отъ простодушныхъ невѣждъ, усматривающихъ, конечно по нашей винѣ, нѣкоторый, весьма

для нихъ осязательный вредъ въ христіанствѣ, *какъ въ культѣ*. Примѣровъ тому бездна, и я не стану приводить ихъ въ томъ изобиліи, въ какомъ они очень легко могутъ быть собраны изъ самыхъ достобѣрныхъ хроникъ, но укажу на послѣдній, недавно обнаруженный случай,—по моему мнѣнію, чрезвычайно тяжелый и мучительный для сознанія христіанина. Императорское русское географическое общество недавно издало изслѣдованіе одного своего члена-сотрудника, г. Кузнецова, о черемисахъ. Мы читаемъ въ этой книжечкѣ, что наши давно окрещенные черемисы и въ 1878 году были такіе же язычники, какими были до крещенія... Имъ было какъ-то проповѣдано евангеліе; у нихъ настроены церкви, въ которыхъ есть штаты духовенства; это духовенство совершаетъ крещеніе младенцевъ и ведетъ, конечно, исповѣдныя росписи, въ которыя надо вписаться, чтобы не подпасть отвѣтственности,—а христіанства все нѣтъ какъ нѣтъ... И это еще не самая большая бѣда, что крещеные черемисы до сихъ поръ не сдѣлались христіанами: это у насъ случалось и съ татарами, и съ мордвой, у которой до сихъ поръ во весь развалъ идетъ эпоха двоевѣрія, но вотъ въ чемъ бѣда, что окрещенные черемисы *стали нравственно хуже, чѣмъ были;* что всякій, вынужденный имѣть съ ними дѣло—старается отыскать стараго, не крещенаго черемиса (изъ тѣхъ, кои отбѣжали крещенія), потому что, по общему наблюденію, у некрещеныхъ больше совѣстливости... Этого оскорбленія святѣйшей религіи Христа не можетъ не поставить намъ въ вину вселенское христіанство! О своемъ же, крещеномъ поколѣніи черемисы самаго невыгоднаго мнѣнія; да иначе не можетъ и быть. Это окрещенное, но ничему въ христіанствѣ не наставленное поколѣніе, какъ свидѣтельствуетъ та же книга, изданная императорскимъ русскимъ географическимъ обществомъ (стр. 6), «относительно христіанства столь же невѣжественно, какъ ихъ отцы и дѣды, а къ язычеству оно успѣло охладѣть, потому что представители его рѣдѣютъ. Теперь можно изъ подросшаго поколѣнія встрѣтить такихъ, которые *не придерживаются никакой религіи*»... Вотъ положеніе, которое едва ли нельзя назвать *возворсіемъ религіознаго нигилизма посредствомъ крещенія*. А это заявлено твердо и никѣмъ не опровергнуто, и, хотя или не-хотя, ему, очевидно, приходится вѣрить и съ нимъ соображаться. Принимая же въ

расчетъ, что такое явленіе далеко не единично, его надо считать важнымъ и требующимъ самыхъ скорыхъ и самыхъ энергическихъ мѣръ къ всестороннему исправленію церковнаго дѣла. И *скораго* непремѣнно потому, что церковная бѣда не ждетъ. Мнѣніе это есть едва ли не общее мнѣніе всей церкви,—кромѣ тѣхъ, которые свои вкусы предпочитаютъ истинамъ Евангелія. Литература, во всѣхъ ея органахъ, которыхъ нельзя считать противународными и противувѣрными, неустанно твердитъ объ этомъ почти въ одно слово. Недавно еще всѣ мы читали рядъ правдивыхъ и талантливыхъ статей г. Евгенія Маркова о нашемъ «крещеномъ язычествѣ»,—а теперь, когда уже дописывается эта статья, получаемъ іюньскую книгу журнала «Русская Рѣчь», гдѣ съ религіозными вопросами обращаются почтительно и бережно. И здѣсь, въ интересномъ этюдѣ о духовенствѣ, снова читаемъ, что вопросъ о немъ «нельзя откладывать, такъ какъ отъ этого зависитъ подъемъ того жалкаго состоянія, въ какомъ находится большинство нашего духовенства. Вопросъ о свободѣ совѣсти тоже не ждетъ. и горе, если онъ рѣшится ранѣе преобразованія духовенства».

Какія же мѣры въ этомъ положеніи могутъ казаться самыми надежными и дѣйствительными? Ихъ, кажется, двѣ: 1) лучшее обезпеченіе православнаго духовенства, при которомъ оно не было бы вынуждено прибѣгать къ унизительнымъ поборамъ, роняющимъ его во мнѣніи прихожанъ, и 2) болѣе совершенный судъ, при коемъ правый человѣкъ могъ бы безтрепетно доказать свою правоту, а виновный принять наказаніе, сообразное дѣйствительной мѣрѣ его вины, какъ слѣдуетъ по закону, а не по произволу.

Улучшеніе быта, конечно, требуетъ очень большихъ средствъ, въ изысканіи которыхъ *на дѣло* мы бываемъ особенно несчастливы. Духовное вѣдомство очень богато, — но оно скопидомно и любитъ неприкосновенность своихъ капиталовъ. А потому вопросъ объ обезпеченіи служащаго духовенства есть вопросъ очень сложный и очень трудный для удовлетворенія. Ему, вѣроятно, еще долго будетъ мѣшать наша бѣдность, почти неизбѣжная при нашей системѣ государственнаго хозяйства, въ которомъ господствуетъ сильное смѣшеніе въ понятіяхъ о нужномъ и ненужномъ. Но судебная реформа гораздо удобоисполнимѣе, такъ какъ ее

можно произвести при несравненно меньшихъ капитальныхъ затратахъ,—для этого нужны только здравый умъ и добрая воля вывести дѣло изъ нынѣшняго вполнѣ непригоднаго положенія. А между тѣмъ, одна ужъ эта реформа, произведенная удовлетворительно, помогла бы духовенству стать независимѣе отъ принижающаго его произвола... Судебная реформа помогла бы духовенству очистить свою среду отъ тѣхъ людей, которые своимъ поведеніемъ не только роняютъ все духовное званіе, но даже унижаютъ имя человѣка, и, несмотря на все это, терпимы въ духовенствѣ къ соблазну всѣхъ прихожанъ, стремящихся бѣжать отъ такихъ пастырей въ какое попало разновѣріе. А въ то же время сознаніе свободы отъ нынѣшняго произвола привлекло бы къ служенію церкви многихъ благороднѣйшихъ молодыхъ людей духовнаго званія, которые нынче до такой степени шибко бѣгутъ отъ своей среды, что потребовались особыя и, очевидно, совершенно безполезныя мѣры къ удержанію ихъ въ духовномъ званіи.

Къ чему приведетъ подобная мѣра, — понять не трудно: вакантныя мѣста будутъ замѣщены, но кѣмъ, какими людьми?

Указанія на эти вещи наглые люди нынче приравниваютъ къ нигилизму и даже къ «бунтарству». Пусть такъ, пусть ханжеское лицемѣріе или глупость говорятъ, что позволяетъ имъ ихъ бѣдный смыслъ и прожженная совѣсть; но имъ никогда не удастся убѣдить разсудительныхъ людей, что сословность, въ которой наше духовенство утрачиваетъ свои достоинства, есть наилучшая форма, навсегда необходимая для нашей церкви. Пусть они считаютъ русскую церковь обреченною окаменѣть, на чемъ она разъ стала, но мы имѣемъ право считать ее еще живою и способною возродиться и исполнять свое духовное служеніе русскому народу, а потому и говоримъ о ея нуждахъ, съ кѣмъ бы насъ за это ни сравнивали изолгавшіеся христопродавцы. Здѣсь нами приведены не разсужденія, а *факты*, и эти факты говорятъ, что духовный судъ судитъ неудовлетворительно,—что онъ гораздо погрѣшимѣе суда свѣтскаго. Пусть друзья этого суда приведутъ, въ соотвѣтственномъ количествѣ, факты иного значенія и восторжествуютъ.

Оглавленіе

XXXV ТОМА.

стр.

Мелочи архіерейской жизни. (Картинки съ натуры). 3

Приложенія:

Архіерейскіе объѣзды 141

Епархіальный судъ 159

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1903.

Артистическое заведеніе А. Ф. МАРКСА, Невскій пр., № 29.

МЕЛОЧИ АРХІЕРЕЙСКОЙ ЖИЗНИ.

(Картинки съ натуры).

ПРИЛОЖЕНІЯ:
РУССКОЕ ТАЙНОБРАЧІЕ.

Тайнобрачіе въ Россіи, несомнѣнно, существуетъ и, притомъ, въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Едва ли въ какомъ-либо общественномъ кружкѣ неизвѣстно хотя одно супружество, сочетаніе котораго не вполнѣ законно или, даже, совсѣмъ противозаконно. А между тѣмъ, всѣ эти браки кѣмъ-то повѣнчаны и гдѣ-то записаны и терпятся «ради слабости человѣческой» и ради страха суровой строгости неподатливаго закона. Наше положеніе таково, что мы какъ бы не можемъ обходиться, не обходя закона. Оттого, кажется, у насъ такъ и велика народная терпимость. Но, тѣмъ не менѣе, наше тайнобрачіе не представляетъ собою чего-нибудь совершенно безшабашнаго и безнравственнаго. Напротивъ, въ немъ замѣтно даже уваженіе русскаго человѣка къ границамъ свободы въ предѣлахъ нравственности и эстетики. Это всего удобнѣе можно наблюдать въ интересной практикѣ, которую выработало русское тайнобрачіе, до сихъ поръ удивительнымъ образомъ пренебрегаемое изслѣдователями нашего народнаго духа въ самыхъ глубокихъ и смѣлыхъ его проявленіяхъ.

За «обиліемъ матеріаловъ», упорно скопляющихся въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ, изслѣдованіямъ такого рода нѣтъ еще мѣста, и потому приходится касаться ихъ только слегка и издали и, притомъ, по какому попало случаю и въ какой попало формѣ.

Я разскажу, что мнѣ извѣстно объ этомъ интересномъ предметѣ, именно, по поводу свадьбы дяди Никса, которая, въ связи съ другимъ случаемъ тайнобрачія въ нашемъ литературномъ кружкѣ, дала мнѣ возможность ознакомиться съ удивительнымъ механизмомъ этого своеобразнаго тайностроительства.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ мнѣ довелось быть въ одномъ гостепріимномъ домѣ, гдѣ собралось много разнаго званія людей.

Это относилось уже къ послѣднему времени, которое нѣкто удачно называетъ временемъ «реставраціи упадка правовъ». Охота ко всякаго рода трактаментамъ и преніямъ тогда уже прошла, и такъ-называемые образованные люди не находили болѣе удовольствія въ обмѣнѣ мыслей. Мысли были изгнаны изъ обращенія, и всѣ, отъ прыткаго поручика до авантажнаго тайнаго совѣтника, обратились къ универсальному русскому средству «убивать время»,— *сѣли за карты.* Литераторы и ученые не отставали отъ явныхъ поручиковъ и тайныхъ совѣтниковъ: и они садились за ломберные столы безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и рѣзались съ тѣми самыми чиновниками, на которыхъ недавно еще изливали жгучій ядъ своихъ обличительныхъ сарказмовъ.

Объ эту пору литературный старовѣръ, не приручившій себя къ картамъ, уже составлялъ для хозяевъ извѣстное бремя. Онъ это чувствовалъ и, сознавая свою отсталость отъ современнаго общественнаго прогресса, прятался куда-нибудь «къ чудакамъ». Если же случай застигалъ его врасплохъ среди «новѣйшихъ» людей, онъ спѣшилъ сокращаться и исчезать, не нарушая господствующаго строя занятій.

Въ такомъ положеніи очутился и я на томъ вечерѣ, съ котораго начинаю мое повѣствованіе.

Драгоцѣнными свѣдѣніями въ области этихъ, не имѣющихъ письменной исторіи, событій, я обязанъ духовнику моего гостепріимнаго хозяина, столичному протоіерею, внушительную фигуру котораго описать дано не моему перу.

Онъ появился на ширшествѣ какъ разъ въ то время, когда я собирался оттуда удалиться во-свояси, и былъ виновникомъ, что мнѣ это не удалось,—о чемъ я, однако, не жалѣю. Такъ какъ всѣ столики уже были заняты и для преподобнаго отца не находилось пристойной партіи, то хозяева

были въ затрудненіи: къ чему имъ пристроить своего почтеннаго духовника. и рѣшили принести ему въ жертву мое безприкаянное недостоинство.

Съ этою цѣлью меня немилосердно придержали и представили протоіерею съ рекламирующею аттестаціею, какъ автора «дьякона Ахилки».

Но преподобный отецъ сначала былъ неутѣшенъ: подавъ мнѣ руку, онъ поправилъ у себя на груди важныя кавалеріи и обратился къ хозяевамъ съ словами горькаго упрека:

— Ахилку мы читали, и кто онаго авторъ — знаемъ, а чтобы своего духовнаго и вѣнчальнаго отца безъ пульки оставить, такъ это можно сдѣлать только совсѣмъ забывши законъ.

Но однако потомъ дѣло обошлось и, притомъ, къ неописанному моему удовольствію, потому что я встрѣтилъ въ отцѣ протоіереѣ человѣка чрезвычайно пріятнаго: умнаго, добраго и большого практика.

Какъ только хозяева устроили его за однимъ столомъ «въ мотью», онъ пересталъ негодовать и, усѣвшись въ мягкомъ креслѣ, позволилъ мнѣ заговорить съ нимъ объ одномъ, нѣкогда сильно меня интересовавшемъ, церковномъ дѣлѣ.

Поводомъ къ развившейся у насъ интересной бесѣдѣ послужило одно чрезвычайно казусное событіе, о которомъ въ свое время много говорили въ русской печати, но никогда не коснулись того, что въ этомъ было самаго возмутительнаго и самаго интереснаго и прямо било въ глаза.

Одинъ довольно извѣстный въ свое время литераторъ принималъ къ себѣ въ домъ тоже довольно извѣстнаго педагога. Они были друзья, но потомъ поссорились, и педагогъ поступилъ непедагогично: онъ сдѣлалъ на своего гостепріимнаго товарища доносъ съ цѣлью доказать, что особа, почитаемая за жену этого писателя, совсѣмъ ему не жена, и дѣти ихъ не могутъ считаться дѣтьми признающаго ихъ отца.

Ежедневныя газеты занимались этимъ дѣломъ съ одной общедоступной стороны,—именно, со стороны «скандала въ благородномъ семействѣ», и притомъ въ такомъ семействѣ, глава котораго принадлежалъ не къ фаворитному изъ тогдашнихъ направленій. Болѣе достойнаго вниманія въ этомъ

дѣлѣ печать ничего не усмотрѣла, но я позволю себѣ теперь, въ запоздалый слѣдъ, указать то, что тутъ составляло самый важный интересъ и было пропущено.

Супружество, о которомъ сдѣлалъ доносъ педагогъ, дѣйствительно было не изъ законныхъ, но оно, во всякомъ дѣлѣ, было супружество вѣнчанное или, какъ говорятъ иные, «въ церкви пѣтое». А между тѣмъ, когда, вслѣдствіе доноса, представилась надобность доказать вѣнчаніе, то объ этомъ нигдѣ не оказалось никакихъ записей и никакого слѣда.

Стояла на землѣ церковь, въ которой все сіе «пѣта бяху», жилъ и наслаждался полнымъ благоденствіемъ батюшка, который призывалъ на брачившихся Божіе благословеніе, даже и дьячокъ игралъ на гитарѣ точно въ тотъ день, когда новобрачный записывалъ у него въ церковной квартирѣ свой «обыскъ», но теперь выходило, что всего этого никогда не было, что ни батюшка, ни дьячокъ этихъ супруговъ никогда не вѣнчали и,—что всего важнѣе,—въ обыскной книгѣ, дѣйствительно, *ничего не записано.*

Приняты были самыя энергическія и настойчивыя попытки разоблачить эту таинственнѣйшую продѣлку и доказать фактъ вѣнчанія, но все оказалось безуспѣшно. Между тѣмъ, бракъ, дѣйствительно, былъ вѣнчанъ,—въ этомъ со всею искренностью ручались оба супруга и очень престарѣлая мать одного изъ нихъ, *лично слышавшая* во время совершенія брачнаго обряда въ церкви. Но куда же это исчезло изъ обыскныхъ книгъ церкви и гдѣ брачное свидѣтельство, которое должно быть у каждой обвѣнчанной пары?

Его не было.

Почему?

Жена въ этомъ случаѣ ссылалась на мужа, а мужъ на свою оплошность.

Все это было какъ-то темно и маловѣроятно.

Въ родствѣ у супруговъ оказался очень проницательный и ловкій адвокатъ московской заправки, котораго такъ и звали «московскій пекарь». Пекаря выписали и пустили въ ходъ, но онъ мѣсилъ, мѣсилъ въ этой дежѣ и ничего не вымѣсилъ... Концы были такъ похоронены, что ни одного изъ нихъ нельзя было отыскать.

Долго адвокатъ рылся въ архивахъ, много рыскалъ по

разнымъ мѣстамъ, отыскивая свидѣтелей, которые подписывали поручительныя записи въ обыскной книгѣ, но ни одного изъ нихъ нигдѣ не отыскалъ. Обращались, помнится, къ содѣйствію особыхъ властей, но и тѣ ничего не помогли, что, впрочемъ, было и неудивительно, потому что ни мужъ, ни жена не знали свидѣтелей, подписавшихъ ихъ обыскную книгу. Супруги увѣряли только, что свидѣтели были и подписывались, но что они были поставлены самимъ батюшкою, который взялся за ихъ дѣло *аккордомъ*, т. е. что и свидѣтели, и пѣвцы,—все будетъ *отъ него*.

— Мы,—говорили супруги: —считали это за самое удобное, а оно вышло вотъ какъ... неудобно.

Добиться подтвержденія отъ батюшки—нечего было и думать: онъ разъ навсегда наотрѣзъ отрѣзалъ, что онъ «лично таковыхъ супруговъ не помнитъ», а потомъ особымъ властямъ довелъ, что онъ и не можетъ помнить всѣхъ, кого онъ вѣнчалъ, тѣмъ болѣе, что, по словамъ самихъ этихъ людей,—если они не лгутъ,—ихъ вѣнчаніе происходило десять лѣтъ назадъ, а въ десять лѣтъ воды утечетъ много.

— «Если я ихъ вѣнчалъ,—отвѣчалъ батюшка:—то бракъ ихъ долженъ быть записанъ въ обыскную книгу, и у нихъ должно быть свидѣтельство. Это порядокъ всѣмъ извѣстный, даже не исключая и такихъ безбожниковъ, какъ писатели. А если въ обыскныхъ книгахъ записей нѣтъ и свидѣтельства нѣтъ, такъ, значитъ, вѣнчалъ ихъ не попъ вокругъ аналоя, а заяцъ вокругъ ракитоваго куста. Опять и это тоже по-литературному, но только пусть они теперь туда и идутъ справки брать. А я, говоритъ, если мнѣ съ этимъ докучать еще будутъ,—за шиворотъ ихъ да къ прокурору стащу, за оклеветаніе».

Ясно было, что батюшка крѣпко кованъ и ничего не боится.

Но что выходило всего хуже, такъ это то, что ветхая старушка, мать одного изъ супруговъ, во всей этой сумятицѣ совсѣмъ сбилась съ толку и стала говорить самый безсвязный вздоръ. Московскій софистъ до того изнурилъ ее, заставляя подробно припоминать всѣ детали событія, что она совсѣмъ все позабыла.

Старушка увѣряла, будто хорошо помнитъ, что, ѣдучи въ церковь, она чуть не выпала изъ саней и такъ прозябла, что сидѣла въ церкви, не снимая шубы, тогда какъ, по показанію супруговъ, выходило, что бракъ ихъ происходилъ

въ іюнѣ. Потомъ супруги говорили, что они перевѣнчались за нѣсколько дней до рожденія ихъ старшаго сына, который появился на свѣтъ 2-го іюля, а матушка ихъ помнила, что она тогда, будто, очень спѣшила къ внучку.

Словомъ, выходила путаница, которая только прибавляла досаду къ досадѣ.

Старушка, которую всѣмъ этимъ мучили, думала, думала: какъ ей согласить свою шубу и сани съ іюльской жарой и ея поспѣшливость къ внуку прежде его рожденія, и, наконецъ, объявила, что ей забило памороки.

— Теперь,—божилась она: — хоть къ присягѣ идти,—ничего не понимаю, что въ самомъ дѣлѣ было и что мнѣ только кажется. Можетъ-быть,— говоритъ,—я въ саняхъ-то точно ѣхала, а про свадьбу вашу мнѣ только такъ кажется. А можетъ-быть я никуда и не ѣздила. Гдѣ это помнить!

Твердыми въ своемъ оставались одни супруги, которыхъ всѣ, ихъ знающіе, считали за людей очень правдивыхъ и честныхъ. Но ихъ показаніе въ своемъ собственномъ дѣлѣ не представляло никакого юридическаго доказательства, да, притомъ, и оно, въ виду всѣхъ другихъ несообразностей, начало казаться страннымъ. Даже московскій адвокатъ, по близкому родству съ супругами, первый готовъ былъ заподозрить основательность ихъ свидѣтельства, а его примѣру послѣдовали другіе. И пока газеты потѣшались насчетъ злополучныхъ супруговъ съ безтактною злобою, которой тѣ нимало не заслуживали, судьба супруговъ и ихъ дѣтей была рѣшена: дѣло было проиграно не только въ надлежащихъ инстанціяхъ, но и въ общественномъ мнѣніи людей, имѣющихъ несчастіе подчиняться давленію всякой печатной строчки.

Правда, что добрые знакомые супруговъ послѣ всей этой передряги отъ нихъ не отшатнулись, а напротивъ, даже еще болѣе о нихъ соболѣзновали; но что касается недоказаннаго вѣнчанія, то ему уже положительно болѣе не вѣрили и даже ставили въ упрекъ: зачѣмъ они такъ упорно стоятъ на своей неискусной выдумкѣ?

Но могли ли такъ нагло и такъ упорно лгать эти люди, безусловно честные и безусловно правдивые, какими я ихъ считалъ и имѣю всѣ основанія таковыми же считать ихъ и понынѣ.

Это меня не переставало занимать и дало мнѣ поводъ вызвать скучающаго отца протоіерея на разъясненіе: можетъ ли случиться, чтобы бракъ, обвѣнчанный въ церкви и записанный въ книги, исчезъ безслѣдно, или же все это невозможная ложь?

Батюшка, дай Богъ ему здоровья, все это мнѣ и разъяснилъ и, притомъ, такъ обстоятельно, какъ можетъ разъяснить человѣкъ, стоящій на высотѣ своего пастырскаго призванія и имѣющій умъ тонкій и проницательный, а знаніе сердца человѣческаго самосовершеннѣйшее.

На мой вопросъ: возможно ли, чтобы безслѣдно исчезъ бракъ, «пѣтый въ церкви», мой собесѣдникъ отвѣчалъ:

— Нынче все возможно.

— Отчего же это только *нынче* стало возможно? Можетъ-быть, и прежде такъ бывало.

— Нѣтъ, прежде такихъ мошенниковъ не было, какъ нынѣшніе. Прежде были разбойники, грабители да воры,— люди все отчаянные да крупные, а теперь всякая Голь, Шмоль, Ноль и компанія аккордомъ плутуетъ. Да вы это, впрочемъ, по какому случаю меня разспрашиваете?

Я назвалъ случай, т.-е. пересказалъ вкратцѣ исторію непостижимаго вѣнчанія литератора Z., который никакъ не могъ доказать, что онъ былъ обвѣнчанъ.

— Слыхалъ,—проговорилъ отецъ протопопъ:—слыхалъ про эту исторію, хотя и не помню гдѣ.

— Не въ газетахъ ли читали?

— Вотъ именно дѣти въ газетахъ гдѣ-то читали, а мнѣ разсказывали.

— Не правда ли, удивительное и непонятное дѣло?

— Отчего же непонятное? И удивительнаго мало, а непонятнаго еще менѣе.

— Однако, что же вы подумали: какъ это могло сдѣлаться?

— Я подумалъ только: должно быть отецъ N. вѣнчалъ.

Это дѣйствительно было такъ, какъ отгадывалъ мой собесѣдникъ, и потому я позволилъ себѣ предложить ему особый вопросъ объ отцѣ N., вѣнчанія котораго отличаются такою характеристическою непрочностью.

— Почему вы узнали, что это вѣнчаніе трудовъ отца N.?

— Вотъ странный вопросъ: а почему вы узнаете работу одного мастера отъ работы другого?

— По красотѣ исполненія, по прочности, иногда по фасону. Но вѣдь это совсѣмъ иное.

— То же самое. Отецъ Х. это тоже сихъ дѣлъ портной безъ узелка...

— Извините,— говорю,— я этого не понимаю.

— Чего же вы не понимаете? Что значитъ «портной безъ узелка»? Значитъ, что у него нитка въ швѣ не остается, а все насквозь проходитъ.

— И значитъ—шва совсѣмъ нѣтъ?

— Нѣтъ, или есть—это уже какъ хотите, но только его шовъ не держится.

— Но какая же ему выгода такъ шить?

— Есть выгода.

— Но онъ рискуетъ, съ этакою манерою шва, остаться со временемъ безъ работы?

— Очень можетъ быть, только это будетъ еще не скоро,— не ранѣе, какъ иже по просвѣщеніи.

— То-есть, когда это «по просвѣщеніи»?

А когда въ обществѣ распространятся настоящія понятія о *тайнѣ брачія* и люди не будутъ вертѣть этого дѣла какъ попало и съ кѣмъ попало, лишь бы скорѣе да подешевле.

— Да неужто вы полагаете, что тутъ дѣло въ цѣнѣ?

— А разумѣется; по платѣ и шитво: дешевая цѣна,— такая и работа. Нынче, знаете, время такое базарное, ну и предложеніе по запросу: теперь человѣкъ и любитъ какъ-нибудь, и вѣнчается какъ-нибудь; беретъ для этого попишку какого-нибудь, а тотъ его свяжетъ тоже какъ-нибудь. А тамъ, гляди, оно и развязалось.

— Вы, замѣчаю, батюшка, кажется расположены въ пользу старины.

— Нѣтъ-съ, не особенно.—а впрочемъ—какъ въ чемъ и насчетъ чего. Если насчетъ того, будто бы древле было все лучше и дешевле, такъ я не старовѣръ. А что насчетъ любви и склонности, а также серьезности брачныхъ отношеній, такъ тутъ я дѣйствительно люблю старинныхъ людей. Они, конечно, кое-чего такого, что мы знаемъ, не знали, а ужъ что касается любить, то это они посерьезнѣе насъ умѣли.

— Такъ ли? говорю.

— Да ужъ такъ-съ. Вы вѣдь,—я знаю,—сейчасъ готовы, небось, заговорить про рыцарей. А что за кушанье рыцари?—Это чушь. Нѣтъ, а вы въ глубь вѣковъ погрузитесь, отколѣ ключъ жизни идетъ: тамъ настоящую прелесть любви и найдете.

— Гдѣ же это?

— Въ Библіи. Страстная книга: оттого ею многіе иноки соблазняются. У меня ее разъ инспекторъ изъ рукъ вырвалъ: «начитаешься, говоритъ, жениться захочешь». А онъ хлопоталъ, чтобы я въ монахи пошелъ. Вотъ тамъ любовь такъ любовь. Дочери-то человѣческія каково описаны: голенькія, безъ всякихъ нарядовъ, исполиновъ плѣняли.

— Это, говорю, все до-историческое.

— А въ историческомъ-то еще лучше: начнемъ хоть съ отца нашего Іакова. Посмотрите, пожалуйста, что это за молодчина былъ по сердечной части! Вотъ настоящій месопотамскій рыцарь влюбился въ Рахиль и шесть лѣтъ за нее, сердяга, прослужилъ ея отцу,—да вѣдь какъ отслужилъ: не въ прохладномъ магазинѣ за прилавкомъ, а на полѣ подъ палящимъ солнцемъ. И что же? Его надули, и надули самымъ подлымъ образомъ: ему дурнолицынькую Лію подложили, а онъ впотьмахъ всѣ кошки сѣрыя. Но вѣдь онъ не унялся:—не потянулъ тестя въ судъ, а еще шесть лѣтъ себя забатрачилъ, чтобы добыть-таки свою зазнобу, и добылъ. Такъ вѣдь это-съ человѣкъ—во всемъ значеніи слова, значитъ *любилъ*. И женщинѣ-то, какъ ей этакого чудеснаго мужчину не полюбить,—потому что хоть пастушокъ, да рыцарь, кавалеръ во весь ростъ и во всю силу. Ну, а нынче что же?.. Все прохвосты,—все приданаго ищутъ, либо завертятъ дѣвчонку и уговорятъ, будто ей стыдно, если мужъ на нее работать станетъ. «Сама, говоритъ, матушка, рукъ не покладай-работай». Это женское равноправіе, видите, называется; хитрость все.—чтобы самому легче было. Снизойдетъ къ ней когда-нибудь вечеркомъ, какъ Юпитеръ на ложе, и то если дѣться некуда,—осчастливитъ ее, когда той, бѣднягѣ, уже съ усталости и не до утѣхъ любовныхъ вовсе, а потомъ, на утро, встряхнулся, да и пошелъ опять свои рацеи разводить. А она опять работай, да еще глядишь,—съ шарманочкой. Вотъ ей

и равноправіе. А другой если увозитъ дѣвушку,—будто ее крадетъ, однимъ словомъ—«тайно вѣнчается», а самъ чортъ его не разберетъ, что такое онъ этимъ фортелемъ устраиваетъ; даже, право, не разберешь, для чего это они дѣлаютъ: по любви, или по глупости, или еще того хуже—по подлости, тайнобрачіе ломаютъ.

— Но по какой же подлости-то можетъ быть нужно ломать тайнобрачіе?

— По какой подлости?.. Эхъ, государь мой, еще какіе, когда въ вы знали, нынче являются на этотъ фасонъ выжиги и какія отхватываютъ колѣнца.—такъ иной разъ просто либо только съ диву дашься и расхохочешься, или прямо вонъ подлеца выгонишь.

— Скажите хоть одинъ примѣръ.

— А вотъ, напримѣръ: подло или не подло сбить съ толку дурочку, которую родные берегутъ и не даютъ обобрать? Ко мнѣ явился разъ съ такою просьбою опекунъ и въ большомъ чинѣ... ухъ, выжига.

— Вы ихъ обвѣнчали?

— Нѣтъ, я-то не обвѣнчалъ. Я ему сказалъ: «Вы вельможа большая, да я не плутъ большой», а отецъ N и ихъ обвѣнчалъ.

— Но, однако, какъ же онъ: неужели всѣхъ, кого попало, вѣнчаетъ?

— Рѣшительно кого попало, но это у него жадность, по привычкѣ отъ отца, потому что его покойникъ отчаянный мастеръ на эти дѣла былъ: только я ихъ не сравню: тотъ былъ благороденъ—дорого бралъ, но и зналъ, съ кѣмъ подѣлиться. А этотъ какъ гізна: все ничкомъ, самъ съ собою,—одинъ только все новыя штуки подлыя выдумываетъ.

— Значитъ, и тутъ, въ тайнобрачіи, замѣчается пониженіе тона и измельчаніе типа?..

— Да вѣдь какъ иначе. Все «идетъ со временемъ»,—какъ говоритъ блаженный Августинъ,—«все, освѣщаемое солнцемъ, раздѣляетъ его движимость, все изнемогаетъ подъ тяжестью вѣковъ». А ужъ нашего брата, попа, тяжести вѣковъ-то давили, давили, да еще и сейчасъ не даютъ ослабы... Въ старину, напримѣръ, тайнобрачіе часто по страху дѣлалось. Мнѣ мой дѣдъ разсказывалъ, какъ онъ въ царствованіе Екатерины одного помѣщика съ насильно увезенной

боярышней вѣнчалъ. Взяли дѣдушку обманомъ, изъ дому вызвали, да первое дѣло, благослови Господи, веревочную петлю ему на шею накинули и повели въ церковь. Дѣдушка думалъ:—разбойники,—грабить храмъ хотятъ, и ключи имъ выставляетъ: «Берите, дескать, все, что хотите,—послѣднюю ризу съ Царицы небесной снимайте, только мою грѣшную душу пощадите». Но видитъ: помѣщикъ и его люди стоятъ въ церкви и пучки розогъ держатъ. «Вѣнчай, говорятъ, сію минуту, а то запоремъ или на колокольнѣ повѣсимъ».

Дѣдушка былъ уже очень старый старичокъ и до безпамятства перепугался, но одно только вспомнилъ — про архіерея.

— Смилуйтесь, говоритъ, нашъ архіерей безжалостный,— онъ узнаетъ, тогда меня разстрижетъ, и моя старуха-попадья безъ хлѣба околѣетъ.

А помѣщикъ отвѣчаетъ:

— Не блекочи, старый баранъ, о пустякахъ: кому онъ архіерей, а кому все равно что ничего. Сейчасъ надѣвай ризу да ной покороче, за нами погоня скачетъ. Успѣешь обвѣнчать,—я тебѣ за это выгонъ цѣлины дамъ и до смерти вашей съ попадьею мѣсячину давать буду, а не сдѣлаешь по-моему, сейчасъ повѣшу.

Дѣдушка поклонился и сталъ облачаться, только просилъ, чтобы съ него петли уже и не снимали, на тотъ конецъ, чтобы все-таки оправданіе было.

— Такъ онъ и вѣнчалъ ихъ въ петлѣ?

— Такъ и вѣнчалъ: впереди вокругъ налою гайдукъ идетъ и дѣда ведетъ на обрывкѣ, а онъ молодыхъ ведетъ за руки.

— Что же, говорю, сказать?.. Дѣдъ вашъ сдѣлалъ дѣло невеликодушное.

— Чѣмъ-съ?

— Способствовалъ насилію:—вы же сами говорите, что невѣста была взята насильно.

— Да разумѣется, только вѣдь это дѣло-то, государь мой, все подъ петлей шло. Ишь вы захотѣли еще при нашихъ порядкахъ геройства! Героевъ, сударь, вообще на свѣтъ родится немного, да много-то ихъ и не нужно, а особенно на Руси ихъ не требуется. У насъ вѣдь ихъ не жалуютъ. И знаете черезъ что?.. Хлопотно съ ними. Право. Вотъ, посмотри, напримѣръ, на насъ теперь откуда-нибудь честные люди,—могутъ сказать, зачѣмъ это здѣсь всѣ въ карты

играютъ, а не занимаются чѣмъ-нибудь серьезнымъ; а займись-ка серьезностью. — скажутъ: что это они засерьезничали: о чемъ закручинились? Или всѣ говорятъ: мало правды на свѣтѣ. И оно точно: ея мало. А начни-ка иному правдолюбцу всю правду-то сказывать, такъ онъ и слушать не станетъ, да еще «безпокойнымъ» прозоветъ. Оттого и нѣтъ правды... А что до духовенства, то попишки наши, конечно, худы, но, повѣрьте, они по нашему времени такіе и надобны. И это не отъ крови, а отъ тьмы вѣка сего, — отъ духовъ злобы поднебесной. Были бы у насъ и не такіе попы, да... говорить только не хочется. А то я, не выходя вотъ изъ этой же самой семейной моей, такъ сказать, хроники, имѣю тому доказательство, что попики съ огонькомъ у насъ бывали и есть, но только они намъ не годятся и ждетъ ихъ конецъ часто бѣдственный.

Это касается родного брата моего отца и моего дяди, тоже сельскаго священника той же губерніи, откуда всѣ мы родомъ, а начало тому дѣлу восходитъ къ двѣнадцатому году.

Дядюшка, отецъ Алексѣй, былъ старше моего отца и поступилъ на мѣсто того самаго дѣда, который съ веревкою на шеѣ помѣщика-то вѣнчалъ. А былъ онъ человѣкъ, по тогдашнему времени, новаго поповскаго закала, что называлось «платоновскаго»,—разумѣется, не по Платону-философу, а по митрополиту Платону Левшину, которымъ тогда по семинаріямъ восторгалось не мало пылкихъ и благородныхъ юношей и пламенно старались ему подражать въ высотѣ мысли, въ стойкости нрава, въ достоинствѣ поведенія и въ благородствѣ чувствъ.

Вотъ такой былъ и дядя, отъ котораго произошелъ на свѣтъ мой двоюродный братъ.

Священствовать дядя о. Алексѣй началъ незадолго передъ отечественною войною, а въ ту пору въ одно село, его прихода, отъ французовъ прибѣжало изъ Москвы нѣкое семейство чиновничье. Люди были бѣдные, безпристальные и безкровные, мужъ да жена съ однимъ грудянымъ сынишкой. Помѣщикъ, сынъ того же самаго пасильника Катерининыхъ временъ, почему-то зналъ немножко этихъ можайскихъ спротъ и теперь, въ ихъ тяжкой бѣдѣ, принялъ, но не на радость, а на новое горе. У чиновника жена была

раскрасавица-красавица, изъ московскаго купеческаго рода. Помѣщикъ чиновнику мѣсто гдѣ-то по карантинамъ досталъ, а жену у себя во флигеляхъ помѣстилъ, да и воспользовался ея одиночествомъ. Не знаю уже: сталось это волею, или неволею, или своею охотою, а говорили только, будто она сдѣлалась его добычею, хотя при этомъ всегда мужа любила.

Долго ея грѣхъ, разумѣется, не утаился, потому что у помѣщика прежде этого свой крѣпостной гаремъ былъ, и отставныя наложницы все скоро развѣдали и заныли. Особенно одна, какъ сейчасъ помню,—старухою ее мнѣ еще показывали,—она въ такое пришла неистовство, что, вѣроятно изъ мести, стала выкликать объ этомъ въ церкви за обѣднею. Какъ херувимскую пѣснь запоютъ на клиросѣ, она ладанъ почуетъ и сейчасъ съ ногъ хлопъ на полъ въ растяжку и пойдетъ причитать обличенія. Всю эту публицистику она вела отъ лица помѣщеннаго, будто, въ нее бѣса... «Снижу, выкликаетъ, у Афимьи въ утробѣ, подъ горячимъ сердцемъ,—тоской ее мучу ревнивою, а самъ все вижу. Вижу, какъ Самоха съ Давыда примѣръ взялъ: Урію на войну услалъ, а къ его Вирсавѣ со грѣхомъ ходитъ. Я то все знаю, и тѣмъ Химкино сердце сушу». Кричитъ, кричитъ этакъ, а потомъ взвоетъ: «Ахъ, куда дѣться, куда дѣваться». Жуткость даже этими криками на весь приходъ навела, тѣмъ болѣе, что за нею, по ея примѣру, и другія закликали, и все про ту же бѣдную барыньку, которая, можетъ-быть, и сама не рада была, что такого прелестника у подобныхъ соперницъ отбила.

Шла эта безцензурная гласность до тѣхъ поръ, пока узналъ про нее «самъ Самоха» и расправился съ обличительницами по силѣ своей божественной власти,—то-есть, одинѣхъ отечески перепоролъ, а самую главную зачинщицу замуровалъ въ какой-то чуланъ и держалъ тамъ чуть не цѣлыхъ десять лѣтъ. А въ это время, разумѣется, невольный грѣхъ барыньки все продолжался, или по крайности такъ о немъ всѣ полагали.

Дядя же, отецъ Алексѣй, больше всѣхъ зналъ, потому что и чиновникъ, и жена его, да и «самъ Самоха» у него исповѣдывались и, какъ люди вѣрующіе, сами ему все на духу сказывали. А чиновникъ-то даже и не на духу, а такъ, прямо, по пріязни, не разъ ему свое горе открывалъ и

искалъ у него духовнаго утѣшенія. Въ селахъ, вѣдь, попамъ сердечное горе и до сихъ поръ сказываютъ,—особенно если попикъ не жаденъ да простъ.

Дядя же былъ человѣчекъ добрый и, въ свою мѣру, благочестивый: его всѣ любили. Онъ и чиновника этого въ его огорченіи добрымъ словомъ пользовалъ: когда бывало ему что-нибудь изъ Евстафія Плакиды приведетъ, или изъ другой трогательной книжечки прочитаетъ, а другой разъ, вечеркомъ, съ нимъ домашнихъ наливочекъ попьетъ, или въ мушку отъ скуки поиграетъ, и такими разнообразными пріемами добраго участія очень успѣлъ его успокоить и примирить съ его положеніемъ. Такъ жили они всѣ лѣтъ пятнадцать, и всякій день, какъ нынѣ въ удивленіе пишутъ, «втроемъ по утрамъ чай пили». Мужъ считался управителемъ и помѣщался на особой половинѣ, а помѣщикъ вблизи къ его супругѣ, утромъ же опять къ чаю трое садятся. Ревности мужъ по привычкѣ уже никакой не чувствовалъ, но только сталъ, горькій, запивать жестоко запоемъ и тогда опять, взволновавшись, плакался. Однако и это горе минуло; но настало новое, еще худшее, да и поучительное, поучительное въ томъ смыслѣ, что можетъ показать вамъ, какъ иногда священникъ-то бываетъ высокъ и совѣстливъ, да, къ тому же, и свѣдущъ въ дѣлахъ, ускользающихъ всякаго контроля не только высшей духовной власти, но и самаго закона, который вотще все предузрѣть тщится.

У чиновницы съ тѣхъ поръ, какъ она стала по утрамъ втроемъ чай пить, народилось много дѣтей, и въ числѣ оныхъ была одна дочка, красавица-раскрасавица, не хуже матери. Помѣщикъ, лихо его ѣшь, глядѣлъ, глядѣлъ на нее, выбиралъ, выбиралъ ей женіховъ, да вдругъ, въ одинъ прекрасный день, *самъ* вздумалъ на ней жениться. Законные всѣ претексты были къ тому, что ихъ можно было обвѣнчать, а только дядя, отецъ Алексѣй, больше всѣхъ законовѣдовъ зналъ: онъ, какъ духовникъ, зналъ грѣхи родительскіе. Да-съ; онъ зналъ, что тутъ незаконнаго:—дѣвочка приходилась дочь жениху, -и какъ дѣло дошло до отца Алексѣя, онъ и уперся.

— Нѣтъ, говоритъ, не только не могу васъ вѣнчать, но обличаю васъ. Бога убойтесь, сами вѣдь во грѣхѣ каялись, и мать ея каялась: эта дѣвица ваша дочь есть.

Помѣщикъ разсвирѣпѣлъ и покатилъ къ архіерею, а архіерей о ту пору былъ Г—ійлъ. Умный былъ человѣкъ, но любилъ пожить, а жить было не на что, и потому онъ не всегда себѣ господиномъ выходилъ. Тутъ архіерей видитъ, что дѣло кормное, и сейчасъ вытребовалъ къ себѣ въ О. дядю, отца Алексѣя, и спрашиваетъ:

— Почему ты такого-то помѣщика на такой-то дѣвицѣ не вѣнчаешь? Какія къ тому препятствія?

А отецъ Алексѣй отвѣчаетъ:

— Такъ и такъ, ваше преосвященство, вотъ что мнѣ, какъ духовному отцу, извѣстно, и вотъ мои причины и основанія не вѣнчать.

Архіерей задумался, покряхтѣлъ и говоритъ:

— Ишь ты, какъ ты очень много знаешь!—и отослалъ дядю домой, а однако и помѣщику, должно-быть, разрѣшенія не далъ, потому что тотъ въ сосѣдней епархіи вѣнчался.

— Что же, говорю, вашъ дядюшка, дѣйствительно, показалъ своего рода героизмъ.

— То-то, героизмъ, зато оно ему худо и вышло. Героизма-то, повторяю, у насъ не жалуютъ. Такъ это, прочитать гдѣ-нибудь о героѣ, который дѣйствовалъ при царѣ Горохѣ, или хоть и недавно, да только не на нашей землѣ,— это мы любимъ; а если у себя на дворѣ что-нибудь хоть мало-мальски съ характеромъ заведется, такъ и согнемъ его сами въ три погибели. То было и съ дядею: вмѣсто того, чтобы его взять да перевести на другое мѣсто отъ разлютовавшагося помѣщика,—его взяли да нарочно тамъ и оставили. И что онъ только, бѣдный, вытерпѣлъ въ этомъ загонѣ: на дворъ его помѣщичій не пускали, собаками псари не разъ травили, и, наконецъ, до того довели, что онъ съ ума сошелъ и точно, какъ та баба Химка, все бывало сидитъ, какъ подстрѣленный голубь, и стонетъ:

— Куда дѣться? Куда дѣваться?

Ужасное это было зрѣлище. Помню его: бывало, дни и ночи все сидитъ въ батрацкой избѣ на холодной печкѣ и все одно жалобно стонетъ:

— Куда дѣться, куда дѣваться

Въ одну сторону метнется, голоситъ: «Куда дѣться?» и сейчасъ въ другую повернетъ: «Куда дѣваться?» Наслу

Господь его вспомнилъ: дочернину свадьбу за дьячка справляли послѣ Крещенія, да за суетами про него позабыли,— онъ и замерзъ въ холодной избѣ на нетопленной печкѣ. Утромъ послѣ свадьбы пришли къ нему, а онъ лежитъ мертвый, скорчившись, и ручку крестомъ сложилъ: вѣрно въ послѣднюю минуту въ себя пришелъ и Богу помолился о себѣ и о своихъ мучителяхъ. Вотъ вамъ и примѣръ нравственнаго, какъ вы говорите, героизма, и того, чѣмъ онъ для насъ на Руси увѣнчивается. Жестко, сударь, жестко на Руси геройствовать...

Разсказчикъ вздохнулъ и добавилъ: Такъ вотъ съ дѣтства-то видѣвъ это направленіе и эту практику, молодое-то поколѣніе наше и росло до того возраста, до котораго нынче выросло, и выработало себѣ, что необходимѣе, именно: не героизмъ, а практицизмъ.

— Въ какомъ же родѣ?

— Да въ родѣ нѣкотораго, такъ сказать, самоуправленія, или, пожалуй, если хотите, самоуправства, но только это, во-первыхъ, вызвано необходимостію, а во-вторыхъ, и не совсѣмъ безосновательно и не совсѣмъ безчинно. Даже къ чести духовенства сказать,—оно во многихъ случаяхъ дѣйствовало весьма человѣколюбиво, а главное—практику выработало, которая хорошо рекомендуетъ духовныхъ и даетъ полную возможность полагаться на ихъ умъ и нравственное чувство.

— Но вотъ этого-то, говорю, я и не понимаю: въ чемъ эта практика и ручательство?

— А въ томъ, что кого не слѣдуетъ вѣнчать, такъ будьте увѣрены—у насъ не перевѣнчаютъ.

— Не ошибаетесь ли вы, батюшка?

— Нѣтъ-съ, я не ошибаюсь.

— Воздержусь отъ противорѣчія вамъ, а только въ обществѣ объ этомъ думаютъ иначе.

— «Въ обществѣ»! Нашли на кого ссылаться! Что оно знаетъ и чего не болтаетъ это такъ-называемое наше общество!

— Ну какъ, говорю, такъ... о всемъ обществѣ...

— А то какъ еще говорить о людяхъ, которые судятъ и рядятъ о томъ, о чемъ и понятія не имѣютъ? Или доказательствъ еще требуете, — такъ они у васъ налицо. Разберите-ка, вѣнчанъ или не вѣнчанъ этотъ писатель Z.,

съ котораго нашъ разговоръ пошелъ, — вотъ и не разберете. Да они даже и сами не разберутъ, потому что въ церковь не ходятъ, служенія никогда не видятъ и не знаютъ, что̀ надъ ними дѣлаютъ: крестятъ ихъ, вѣнчаютъ, или хоронятъ. Ей право,—одичали хуже дикихъ!

И мой собесѣдникъ весело разсмѣялся.

— Но позвольте, — возразилъ я, слегка уязвленный его насмѣшкою, которая мнѣ все-таки не открывала интересовавшихъ меня практическихъ пріемовъ тайнобрачія.—Надѣюсь, вы, однако, допустите, что если общество неправильно судитъ о духовенствѣ, то, напримѣръ, архіереи ваши имѣютъ же о васъ настоящія понятія.

— Ну, что же такое? къ чему этотъ вопросъ?

— Да такъ. Вы скажите: имѣютъ они или не имѣютъ?

— Можетъ-быть нѣкоторые и имѣютъ.

— «Нѣкоторые» только?

— Да, нѣкоторые.

— Да и то «можетъ-быть». Но пусть такъ, — пусть будетъ по-вашему, а вотъ я знаю одинъ случай.

И я назвалъ дядю Никса.

Но едва я произнесъ это имя, какъ мой собесѣдникъ снова покатился со смѣху.

— Право, говорю, не могу понять, почему все это васъ такъ смѣшитъ.

— Да какъ же не смѣшить-съ! Такъ вотъ это вы этакую-то младенческую свадьбу считаете отчаянною смѣлостію? Ну, поздравляю васъ съ знаніемъ русской жизни. Вотъ оттого-то у васъ, господа, по большей части и въ романахъ-то въ вашихъ отвлеченнѣе, чѣмъ въ Аристофановой комедіи,—все «на облакахъ» происходитъ.

— Романы, говорю, отодвиньте въ сторону, — нынче на нихъ и спроса нѣтъ, а вы разубѣдите меня, что свадьба съ родною сестрою первой жены не есть свадьба незаконная и рискованная.

— Что она незаконная, противъ этого я спорить не стану, а рискованнаго въ ней нимало нѣтъ, да и вѣнчалъ ее основательный священникъ, котораго я какъ самъ себя знаю. Онъ никогда и ни за какія благополучія рискованнаго дѣла дѣлать не станетъ.

— По вамъ, я думаю, надо бы подробнѣе знать эту пару, о которой мы говоримъ.

— Нечего мнѣ о ней узнавать, когда я о ней все существенное знаю.

— Когда же вы это узнавали?

— Тогда, когда того надобность требовала. Не хотите ли позаменовать: я все отлично помню, со всѣми, можно сказать, деталями. Тутъ еще было нагажено тѣмъ, что разныя большія лица были впутаны. Не правда ли?

— Да.

— И къ тому же они владыку просили?

— Да, да, да.

— Помню. Братъ у невѣсты былъ, длинный-предлинный офицеръ съ ученымъ значкомъ.

— Былъ.

— Имени не помню, а по батюшкѣ, кажется, Данилычъ.

— Вы отлично помните.

— Вотъ онъ и приходилъ. Чудесный парень, все разсказалъ, по-военному: благородно и откровенно, и о своихъ неудачахъ у владыки открылъ.

— И это не испугало священника?

— Нимало. Штрафъ, разумѣется, на нихъ маленькій накинулъ въ цѣнѣ, чтобы старшихъ не безпокоили, и все тутъ.

— Однако, я помню, говорю, что этотъ Данилычъ не сразу какъ-то сговорился со священникомъ, а было два-три дня томительныхъ.

— Неправда: всего на-все одинъ день только ихъ просили подождать, и то это совсѣмъ не для притѣсненія, а уже это всегда такъ, нарочно, «заминка» дѣлается.

— Для чего?

— Чтобы давальцевъ не отпугнуть, а въ то же время справки навести.

— Какія же справки?

— Есть или нѣтъ у брачущихся недвижимое имущество или значительное наслѣдство.

— Но зачѣмъ это священнику?

— А это въ тайныхъ бракахъ и есть самое нужнѣйшее.

— Будто это такъ важно?

— Это только и важно. Если есть родовое имѣніе, которое могутъ наслѣдовать родственники, или если дѣти могутъ быть претендентами на какое-либо родовое наслѣдство,

тогда, будьте увѣрены, никакой священникъ такого брака вѣнчать не станетъ.

— А какъ можно это знать?

— Въ тонкости узнаютъ.

— И скоро?

— Да смотря по людямъ и дѣлу: иногда сразу же, а иногда подольше.

— Съ недѣльку, или съ мѣсяцъ?

— О, что вы! Нѣтъ,—сутки, много двое.

— Какимъ же образомъ можно собрать такъ скоро такія щекотливыя справки, о которыхъ люди могутъ все утаить и налгать?

— Надо имѣть способнаго справщика и содержать его, иногда даже и терпѣть отъ него кое-что, какъ вотъ, напримѣръ, нѣкоему ближнему доводилось терпѣть отъ этого молодца, который о дядюшкѣ Никсѣ обыскъ дѣлалъ.

— Какой же у этого дѣльца церковный чинъ?

— Чинъ у него — церковный сторожъ, а ходитъ онъ за причетника.

— И по особымъ порученіямъ?

— Да, преимущественно-то по особымъ порученіямъ. Сдѣлаешь маленькую заминку, а онъ тѣмъ временемъ все и обслѣдуетъ.

— По какимъ образомъ?

— А ужъ это по его усмотрѣнію.

— А онъ не вретъ?

— Нѣтъ, для чего же? да онъ всегда вѣдь и весь процессъ и источники укажетъ, такъ что можете обсудить основательность и достовѣрность и того, и другого, и третьяго.

— Ну, такъ вотъ, позвольте же, говорю, васъ разочаровать.

— Сдѣлайте милость—если удастся.

— При вѣнчаніи дяди Никса рѣшительно ни отъ кого ни изъ ихъ родныхъ, ни изъ знакомыхъ, никто такихъ справокъ не забиралъ.

— Вѣрно. Нашъ дока свое имя не даромъ носитъ: онъ не такъ глупъ, чтобы съ родными жениха сталъ разговаривать. Онъ понимаетъ, что это дѣло сердечное, и дѣйствуетъ тонко, — собираетъ источники чистые и достовѣрные. Ему было сказано, что вотъ такъ-то и такъ-то, — вотъ этакій крупный человѣкъ желаетъ жениться на се-

стрѣ своей покойной жены. — я на день заминку сдѣлаю, а ты поди и удостовѣрь дѣло какъ нужно. А онъ отвѣчаетъ: «это можно кратко дослѣдить — потому что у нихъ старшій дворникъ Терешка мой пріятель». Если вы все вѣдаете, то вы должны знать: былъ у нихъ дворникъ Терешка или нѣтъ?

Знаю: дѣйствительно былъ дворникъ Терешка.

— Ну вотъ видите. Справщикъ взялъ на три бутылки пива, посидѣлъ съ этимъ Терешкой въ низкѣ и вернулся, говоритъ:

Терешка сказалъ: можно вѣнчать.

— Но вѣроятно же при этомъ и какія-нибудь подробности дознанія были представлены?

— Какъ же, — разумѣется, были: подробности необходимы, потому что по нимъ видишь и судишь: вѣрно ли и благонадежно ли все дѣло?

— Ну, а въ отношеніи дяди Никса, напримѣръ, въ чемъ же заключались эти подробности?

— Помнится, онъ разсказалъ такъ: пришелъ, говоритъ, къ воротамъ. Терешку вызвалъ, — пошли въ низокъ, двѣ пары пива выпили, и Терешка сказываетъ: ничего, — дѣло плевое, — можно вѣнчать, господа согласные. Она, говоритъ, барыня къ нему ласковая и теперь тяжела, а всѣ ейные братья и сестры желаютъ, чтобы она съ нимъ подзаконилась. А насчетъ состоянія не сумлѣвайтесь: имѣніевъ у нихъ нѣтъ и что имъ по зимѣ мороженыхъ индюшекъ присылали, такъ это изъ чужой деревни. Онъ съ жалованья живетъ, а она совсѣмъ безпомѣстная. Скажи батюшкѣ, что совѣтую, чтобы крутилъ съ Богомъ.

— И это все?

— А вамъ что же еще надо?

— И вотъ *это*-то, вотъ эту болтовню съ дворникомъ вы называете справкою или свѣдѣніемъ!

— А какъ же это по-вашему надо назвать?

— Да такъ и назвать, пустяками, вздоромъ. Да вы, извините меня, я думаю, что вы шутите.

— Нѣтъ, не шучу.

— Не могу вѣрить!

— Почему же?

— Да потому, что вы не можете не знать, что на слова

такихъ людей, какъ мужикъ-дворникъ, твердо полагаться нельзя.

— Нѣтъ, я этого не знаю, и совсѣмъ другое думаю.

— Что же вы думаете?

— Я думаю: какіе вы все жалкіе, поврежденные люди, и какъ вы безнадежно повреждены, въ самомъ своемъ корнѣ: въ вѣрѣ въ умъ и въ доблесть русскаго человѣка. Кто, какой злой духъ, или какой лихой опытъ далъ вамъ право такъ низко судить о нашемъ умномъ и добромъ народѣ? И сторожъ-то васъ обманетъ, и дворникъ обманетъ, и, наконецъ, уже и я, попъ, васъ обманываю,— шучу, видите, а не правду вамъ сказываю...

Батюшка закачалъ укоризненно головою и добавилъ снисходительно:

— Ахъ вы, господа, господа теоретики. Постыдились бы вы этого своего невѣрія въ русскаго человѣка, да не давали бы другимъ повадки утверждать, что мы сами собою ничего путнаго учредить не можемъ. Тьфу, что за гадость, что за недовѣріе къ русскому человѣку, даже въ томъ случаѣ, если онъ дворникъ, которому сама полиція вѣритъ больше, чѣмъ любому ученому и литератору.

Сказавъ это, батюшка опять плюнулъ и плюнулъ такъ рѣшительно, какъ могъ плевать только извѣстный Костанжогло, и затѣмъ тихо проворчалъ:

— Недовѣріе, вездѣ недовѣріе, на всякое время и на всякъ часъ это проклятое недовѣріе. Оттого и заводятся всякіе портные, что безъ узла шьютъ.

— То-есть вотъ этого-то я и не понимаю: отчего же они заводятся?

— Да отъ боязни живыхъ сношеній съ людьми и отъ возни съ одною бумажною хитростію. И какъ все это сложно и непрочно, и какою хитрою механикой пахнетъ— вообразить гадко. Я увѣренъ, что если я вамъ сейчасъ это разъясню, то вы увидите, какія преимущества имѣетъ простота вездѣ, не исключая и тайнобрачія, гдѣ она должна быть хвалима передъ всѣми иными хитростями, въ которыя теперь жалостно уловляется не мало людей, имущихъ только образъ вѣнчанія, но силы онаго лишенныхъ.

Я весь обратился во вниманіе.

— О тайномъ вѣнчаніи такихъ людей прежде и помина

не было. Вѣнчались тайно, бывало, помѣщики или гусары, или вообще люди значительные, о которыхъ всегда можно что̀ надо разузнать въ разсужденіи родства и наслѣдства; но потомъ, какъ все это съ отъемомъ крестьянъ перепуталось, — тутъ разночинецъ сталъ входить въ силу и тоже полѣзъ тайнобрачиться. Разумѣется, всему этому женщины виною: сейчасъ сороки этакія изъ верхнихъ слоевъ всякую моду перенимаютъ. Иная прежде уже лѣтъ нѣсколько въ простотѣ съ человѣкомъ безъ вѣнца тихо обращалась и нимало не смущалась,—а тутъ прослышала, что въ большихъ кружкахъ всѣ вѣнчаются, и сама стала приставать, чтобы и ей подзаконниться. Ну, разумѣется, чего баба захочетъ, того достигнетъ: человѣкъ терпитъ, терпитъ и, наконецъ, плюнетъ: «будь ты совсѣмъ не ладна!» Пойдетъ и проситъ батюшку: «Такъ-молъ и такъ, — не могу бабу усмирить: повѣнчайте!» Иной по нынѣшнему времени и таковыхъ вѣнчаетъ, и уже, разумѣется, не по старинному, за помѣщичью или за гусарскую цѣну, а такъ «что положатъ». И за двѣ десятныхъ пѣвали, и даже менѣе, и, разумѣется, уже въ разсужденіи справокъ стали обращаться съ небрежью, потому что и хлопотать-то было не за что, а къ тому же и трудно. Русскій мужикъ дворникъ — ужасный, вѣдь, аристократъ въ душѣ, особенно если брюхо себѣ наѣстъ: онъ такимъ мелкимъ народомъ, какъ разночинцы, не любитъ заниматься. Вотъ о жильцѣ начиная съ чина статскаго совѣтника—онъ любопытствуетъ, изъ какихъ дошелъ и какого роду и состоянія, и изъ чьего имѣнія ему мороженыхъ индюшекъ присылаютъ, ну, а мелкотою онъ интересоваться не любитъ. Это уже его натура такая, — даже полиція его къ этому пріучить не можетъ. Приставъ нашъ мнѣ не разъ жаловался, говоритъ: хоть не спрашивай ихъ, дураковъ, про подозрительныхъ людей,—заведетъ такую катавасію:

— «Мы, молъ, ваше-скородіе, понимаемъ, что какъ эти люди малозначительные, такъ ими не антересуемся, а вотъ генералъ у насъ живутъ—это точно, и съ своей экономкой они обращаются, изъ нѣмокъ, а у той братъ есть при чужомъ границѣ секлетаремъ служитъ».—И пойдетъ, говоритъ, дуракъ вверхъ все въ аристократію лѣзть.—И это справедливо: съ этой стороны они намъ неудобны, и это-то собственно и есть для браковъ небольшихъ людей большое препятствіе. А между тѣмъ, какъ вамъ докладываю, и эти

въ послѣднее время, по бабьему настоянію, все туда же лѣзли, чтобы секретно вѣнчаться, да еще и задешево, потому что и платить-то какъ слѣдуетъ они не могутъ. Тогда этотъ самый отецъ «вѣнчальный батюшка» и выдумалъ фортелé, и такое фортелé, что долго его никакъ нельзя было понять, въ чемъ оно заключается. Слышимъ только между собою, что онъ вѣнчаетъ и направо, и налѣво, и уже никакихъ справокъ не собираетъ. Да-съ, и задешево: всѣ прификсы сбилъ, а крутитъ за предложенную цѣну. Понять невозможно было, въ чью это голову онъ содитъ и за что рискуетъ, какъ вдругъ оказывается, что онъ, плутяга, ничѣмъ и не рискуетъ. И вышло это дѣло самымъ неожиданнымъ манеромъ, къ которому я какъ разъ могу подвести дѣло вашего тайнобрачнаго знакомца.

Въ лѣтнее время семья моя на дачѣ была, а я наѣзжалъ сюда чередное служеніе отбывать. На всю недѣлю для обѣденъ я «ранняго батюшку» за себя нанималъ, а въ субботу самъ пріѣзжалъ: служилъ всенощное и въ воскресенье — позднюю. Только-что выхожу я послѣ всенощной,— пройтись по набережной хотѣлъ, — а ко мнѣ подходитъ какой-то господинъ съ дамочкой и объясняютъ, что они женихъ съ невѣстою и хотятъ повѣнчаться. Я отвѣчаю: доброе дѣло, доброе дѣло; а самъ на него смотрю инквизитерски, потому-что онъ мнѣ что-то фертоватъ показался.

— А документы, говорю, въ порядкѣ?

— Да, документы, отвѣчаютъ, есть.

— Разсмотрѣть, говорю, надо. — Благоволите оставить. Завтра отвѣтъ дамъ.

Онъ утромъ занесъ всю свою геральдію въ одномъ пакетикѣ. Поглядѣлъ я, — все въ порядкѣ, а только легковѣсность какая-то: у него указишко объ отставкѣ и чинишко шаршавенькій,—губернскій секретарь, а она—вдова учителя. Кто ихъ тутъ разберетъ, въ какой они другъ къ другу позиціи?

Я велѣлъ своему докѣ-сторожу адресъ ихъ замѣтить и справиться, — справка вышла пустая. Приходитъ мой вѣстовщикъ и говоритъ:

— Такъ и такъ, говоритъ, живутъ они вмѣстѣ третій годъ на одной квартирѣ, и дѣвочка маленькая у нихъ есть, а прислугу одну держатъ и въ мелочной берутъ на

книжку, а мясникъ не даетъ въ долгъ. Впрочемъ, говоритъ, пить не пьютъ, но знакомцевъ окромя писателевъ никого изъ достойныхъ лицъ у нихъ не бываетъ и ничего про нихъ знать нельзя. Мое, говоритъ, такое мнѣніе, что не надо ихъ вѣнчать, — что-то опасно. Пусть къ своему приходскому батюшкѣ идутъ.

А я ему въ тонкихъ дѣлахъ вѣрилъ, да и мнѣ самому показалось, что это опасно. У насъ, знаете, ужъ свой нюхъ на это есть. Дѣла по дѣламъ будто ничего, а своимъ верхнимъ чутьемъ поведешь—и другое слышишь. Такъ и тутъ: бумаженки тощія и людцы маленькіе, и что-то не порядкомъ отдаетъ, да опять, самое главное, и дворникъ не ручается.

Подумалъ я, подумалъ: есть что-то сомнительное, и отказалъ. Свернулъ бумажки въ его же конвертъ, подлѣпилъ клейкомъ и отдалъ сторожу.

— Какъ придетъ, говорю, этотъ господинъ,—скажи ему, что, молъ, батюшка уѣхали, и бумаги отдай. А впередъ, молъ, просили не приходить.

Такъ и сдѣлалось, тотъ его отправилъ. Я рукою махнулъ и позабылъ. Но господинъ этотъ женихъ былъ мстивъ и, встрѣтивши разъ гдѣ-то моего сторожа, какъ бы въ веселіи объявляетъ: — «Вотъ твой батюшка не хотѣлъ меня перевѣнчать, а отецъ такой-то (называетъ вѣнчальнаго батюшку) насъ, говоритъ, перевѣнчалъ». Тотъ мнѣ это передаетъ, а черезъ малое время говоритъ, что онъ и самъ желаетъ перейти къ тому вѣнчальному батюшкѣ, на «соотвѣтственную должность».

— На какую это?—спрашиваю.

— Въ пѣвцы.

— Да ты пѣть не умѣешь.

— Что жъ такое, говоритъ,—и не умѣвши поютъ.

— Но у тебя и голоса нѣтъ.

— Въ церкви, отвѣчаетъ, можно пѣть и безъ голоса.

— Нѣтъ, ты, говорю, откройся: чѣмъ мальчикъ Гришка мачихою недоволенъ?

— Да что, говоритъ, батюшка: откровенно сказать, вы еще по старинѣ: все справляетесь. Теперь это надо оставить.—Тамъ смѣлѣе крутятъ, и черезъ то служить авантажнѣе.

— Ну, смотри, молъ, не попадись, съ большимъ авантажемъ-то.

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, тамъ придумана механика умная.

Я и полюбопытствовалъ, что̀ это за механика и какъ онъ про нее провѣдалъ.

— А я, говоритъ, отъ этого же барина все провѣдалъ.

— Да у тебя, молъ, какія же съ нимъ сношенія?

— За совѣтами онъ ко мнѣ приходилъ.

— А ты что̀ за юристъ-консультъ такой, что къ тебѣ за совѣтами ходятъ?

— Нѣтъ, я, отвѣчаетъ, не консулъ, а когда человѣка хорошенько нажгутъ, такъ онъ ко всякому лѣзетъ.

— Да, молъ, если глупъ, такъ лѣзетъ.

— Однако, отвѣчаетъ, и у васъ, какъ въ прошломъ году зубы хорошенько разболѣлись, такъ вы вотъ и не глупы, а тоже на Моховую къ цырюльнику заговаривать пошли.

— Да, говорю, это правда,—ходилъ.

— А вотъ то-то, говоритъ, и есть. А вѣдь онъ, этотъ цырюльникъ, ничего не знаетъ: молитовку какую-то пошепчетъ, да обрывокъ человѣку, какъ теленку, нацѣпитъ и велитъ не скидывать. И вамъ, небось, то самое вѣшалъ?

— Вѣшалъ.

— И вы, пожалуй, такъ и служили въ обрывкѣ?

— Служилъ.

Ну, такъ это и я бы вамъ могъ нацѣпить, да стыдъ только не позволялъ. А баринокъ этотъ ко мнѣ первый разъ съ весельемъ заговорилъ, чтобы черезъ меня васъ подзадорить, а потомъ, вчера—гляжу, нарочно идетъ, и лица на немъ нѣтъ.

— Что, говорю, вамъ такое?

— Ужасная, говоритъ, непріятность: мнѣ надо еще разъ перевѣнчаться.

Я гляжу на него и думаю: не помѣшался ли онъ?

— Да вѣдь вы же, говорю, сказывали мнѣ, что васъ обвѣнчали.

— Да, отвѣчаетъ: обвѣнчать-то обвѣнчали, да очень легко сдѣлали: надо еще разъ гдѣ-нибудь обвѣнчаться основательнѣе.

— Что же это за дѣло такое? Вы, говорю, если хотите отъ меня помощи, такъ въ подробности объясните, потому что безъ этого и лѣкарь не лѣчитъ.

Онъ и сталъ объяснять.

— Батюшка, говоритъ, насъ обвѣнчалъ, велѣлъ поцѣловаться и отпустилъ, а потомъ я пошелъ за свидѣтельствомъ,— дома его не засталъ. И еще черезъ день пошелъ, и опять не засталъ, и опять черезъ недѣлю пошелъ и тоже не сподобился видѣть.

И такъ ходилъ, ходилъ, и счетъ ходинкамъ потерялъ, а тѣмъ временемъ жена родила и надо крестить; брачное свидѣтельство уже необходимо. — Тутъ этотъ супругъ уже не съ короткимъ полѣзъ звониться, и дозвонился, хоть не до самого батюшки, такъ до его причетника, и сообщилъ ему свою нужду и неудовольствіе. А причетникъ проговорилъ:

— Что, господинъ, напрасно ходите, и себя, и насъ напрасно затрудняете: никакого вамъ свидѣтельства не будетъ.

Баринокъ вскипятился: какъ не будетъ?

— Что, грозитъ, вы думаете—я церковныхъ порядковъ, что ли, не знаю! я юристъ—у насъ на лекціяхъ все это преподавали; я сейчасъ къ благочинному, да въ консисторію, или къ самому владыкѣ!

А дьячокъ-то у нихъ очень умный.—Все чернило и марки у него на рукахъ *). Онъ этому барину и отвѣчаетъ:

— Не пужайте, господинъ; что вы такъ страшно пужаете? Идите не только къ владыкѣ, а хоть къ самому Господу Богу, такъ мы стоимъ во всѣхъ дѣлахъ чисты,— и никого не боимся.

— Да, вѣдь, я же, говоритъ, вѣнчался.

— Спору нѣтъ, что вѣнчались, — отвѣчаетъ дьячокъ: — мало ли кто вѣнчался, но не всякій же беретъ свидѣтельство. Вотъ наши мужички православные и знать этихъ пустяковъ никогда не знаютъ. А намъ совсѣмъ неизвѣстно: кому нужно такое свидѣтельство, а кому оно не нужно. Если

*) Содержать чернило на рукахъ»—значитъ вести письменную часть, а марками называются жестянки, выдаваемыя священниками исповѣдникамъ, съ каковыми послѣдніе подходятъ къ записчикамъ, вносящимъ имена въ исповѣдныя росписи. Марки эти должны служить доказательствами, что исповѣдникъ дѣйствительно былъ у священника на духу и получилъ разрѣшеніе въ своихъ согрѣшеніяхъ, а не записывается въ книги безъ исповѣди. Впрочемъ, эти марки или бляшки теперь уже почти повсемѣстно выводятся изъ употребленія, какъ не достигающія цѣли.

вы вѣнчались для уваженія таинства, то и будетъ съ васъ, и оставайтесь тѣмъ довольны.

Баринъ вскипѣлъ:—Что вы разбойники, что ли, говоритъ, на что мнѣ таинство!

А дьячокъ свой шагъ спокойно держитъ.

— Нѣтъ, говоритъ, мы не разбойники, а вы, господинъ, про таинство потише, да и не ругайтесь, а то я сейчасъ и дверь захлопну, чтобы такихъ словъ не слыхать, за кои къ отвѣту потянуть могутъ. А вы тогда оставайтесь на улицѣ и идите куда вамъ угодно жаловаться.

Тутъ баринокъ видитъ, что имѣетъ дѣло съ человѣкомъ крѣпкимъ: пересталъ пылить и говоритъ:

— Да нѣтъ, вы, милый другъ, сами посудите... я этого себѣ даже уяснить не могу: въ какомъ же я теперь положеніи?—Да при этомъ рублевый билетикъ ему въ руку и сунулъ.

Тогда, разумѣется, и дьячокъ къ нему перемѣнился.

— Давно бы, говоритъ, господинъ, вы этакъ... честью всегда все скорѣе узнаете. Вы къ батюшкѣ на домъ больше не докучайте, потому что они дома никакихъ объясненій по непріятнымъ дѣламъ не даютъ, а пожалуйте завтра, въ воскресенье, за литургію,—тамъ и объяснитесь.

Тотъ такъ и учинилъ: пошелъ къ обѣднѣ съ пыломъ въ сердцѣ, за обѣднею постоялъ, немножко поуморился и отмякъ, а, дождавшись времени, подходитъ къ батюшкѣ:

— Такъ и такъ, до васъ, батюшка, дѣло имѣю.

— Какое?

— Свидѣтельство мнѣ позвольте.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что я вами обвѣнчанъ съ моею женою.

— А какъ ваша фамилія?

— Такъ-то.

— Не помню. А когда я васъ вѣнчалъ?

— Да вотъ, мѣсяца два тому назадъ.

— Мѣсяца два назадъ... не помню. Но что же вы такъ долго не брали свидѣтельство?

— Я, говоритъ, нѣсколько разъ приходилъ, да все дома васъ не могъ застать.

— Ничего не слыхалъ, а дома меня точно трудно застать. Впрочемъ, я сейчасъ здѣсь справлюсь.

Оборачивается къ дьячку и говоритъ:

— Покажи мнѣ, какъ ихъ обыскъ записанъ.

Долго, долго онъ гдѣ-то съ этою справкою возился и, наконецъ, идетъ съ обыскною книгою въ рукахъ и кладетъ ее передъ батюшкой.

— Что же?—спрашиваетъ тотъ: — на которой страницѣ?

— Ни на которой нѣтъ.—отвѣчаетъ дьячокъ.

— Какъ такъ нѣтъ?

Дьячокъ молчитъ.

— Должно быть, если вѣнчали?

— Не знаю, — отвѣчаетъ дьячокъ, а самъ налѣво кругомъ за двери.

А батюшка вручаетъ книгу супругу и говоритъ:

— Вотъ вамъ, милостивый государь, самому книги въ руки, отыщите вашу запись.

Супругъ ищетъ, ищетъ и, разумѣется, ничего не находитъ.

— Нѣтъ, здѣсь, говоритъ, не записано.

— Вотъ тебѣ и разъ, — отвѣчаетъ батюшка и началъ самъ листки перекидывать.

— Что-же это можетъ значить?

— Значитъ: нѣтъ.

— Но вѣдь, помилуйте, говоритъ: я самъ расписывался въ такой книгѣ.

— Но гдѣ же эта ваша роспись?

— Да нѣтъ ея здѣсь.

— А нѣтъ, такъ и суда нѣтъ.

Да съ этимъ хлопъ, — книгу закрылъ и въ шкапикъ заперъ.

Супругъ взвылъ не своимъ голосомъ.

— Что же это такое? У васъ вѣрно другая похожая книга есть?

А батюшка говоритъ:

— Т-съ, милостивый государь, —потише. Здѣсь церковь, а не окружный судъ, что вы кричите. Не угодно ли попросить васъ о выходѣ, а то вѣдь вы помните,—здѣсь за всякое неумѣстное слово отвѣтственность по закону усугубляется.

Господинъ и спекся.—милосердія запросилъ.

— Батюшка, говоритъ, помилуйте, вѣдь это же не можетъ быть; вѣдь вы же, конечно, помните, что я къ вамъ при-

ходилъ и вы меня вѣнчали, и я вамъ, что было условлено, впередъ заплатилъ.

— Еще бы, говоритъ, это уже такое правило. — впередъ отдавать.

— Ну, такъ что же, говоритъ, за что же вы меня такъ обижаете?

— Чѣмъ-съ?

— Да какъ же, помилуйте, я вѣдь это все не для себя, а для жены, да для дѣтей только и дѣлалъ, а теперь не могу даже разобрать: въ какихъ мы всѣ отношеніяхъ? Это хуже, чѣмъ было.

— Напрасно вы такъ говорите, отвѣчаетъ батюшка, чѣмъ же *хуже?* Ничего вы хуже не надѣлали. Во всякомъ случаѣ, если вы взяли благословеніе въ церкви, это безвредно и для супруги вашей хорошо—женщина должна быть религіозна. А въ разсужденіи прислуги отъ этого въ домѣ гораздо спокойнѣе.—прислуги законъ брачный уважаютъ и вѣнчанную барыню лучше слушаютъ. Что же тутъ худо?

— Но мнѣ не это нужно... мнѣ свидѣтельство нужно!

— Свидѣтельство-о-о?

— Да?

— А я вамъ развѣ его обѣщалъ?

— М... н... то-есть.... мы объ этомъ не говорили.

— Надѣюсь, что не говорили. Вы пришли ко мнѣ и просили васъ повѣнчать и представили документики какіе-то ледащенькіе, темные, и говорите, что другихъ достать не можете, и къ тому же, вы человѣкъ не богатый и заплатить много не въ состояніи. Такъ это или нѣтъ?

— Такъ-съ.

— Ну, что же, развѣ я васъ обидѣлъ или притѣснилъ? Ничуть не бывало: я вамъ, напротивъ, во-первыхъ, добрый совѣтъ далъ, я вамъ сказалъ: если вы человѣкъ незначительный, такъ для чего вамъ обо всемъ хлопотать! Вы не графъ, ни князь, ни полковникъ, — и живите себѣ, какъ жили. Но вы на своемъ стояли, что вамъ это нужно,—что *она* «пристаетъ», что «надо отъ этого отвязаться». Что же— я и тутъ васъ не огорчилъ:—васъ никто бы не сталъ вѣнчать, а я васъ пожалѣлъ. Я знаю, что барыни охочи вѣнчаться, и вамъ на ваше слово повѣрилъ и обвѣнчалъ васъ для ея утѣшенія, и всего тридцать рублей за это взялъ, ничего болѣе съ васъ не вымогалъ. А если бы вы мнѣ

тогда сказали, что вамъ не только вѣнчаніе, а и свидѣтельство нужно, такъ я бы понялъ, что это уже не для женской потѣхи, а для чего-то иного прочаго, и за это бы съ васъ трехсотъ рублей не взялъ. Да-съ, не взялъ бы, и не возьму, потому что у меня и своя жена, и свои дѣти есть. Прощайте.

— Но... позвольте... какъ же... гдѣ же я и жена, въ какую книгу мы себя записали?

— А это, я вамъ скажу,—не ваше дѣло.

— Нѣтъ, это мое дѣло: вѣрно у васъ другая книга есть.

— Да, для такихъ супруговъ, какъ вы, есть другая книга.

— Но это не можетъ быть.

— Вотъ тебѣ разъ,—почему это не можетъ?

— Консисторія не выдаетъ двухъ книгъ.

— А вы посмотрѣли въ ту книгу: откуда она была выдана!

— М... н... нѣтъ.

— А то-то и есть, что нѣтъ. Плохо видно васъ на вашихъ лекціяхъ учили, если пишете не взглянувъ: на чемъ пишете.

— Такъ вѣдь это все подлогъ, фальшь...

— Нимало не фальшь, — а просто предварительная чернетка, которая по минованіи надобности посѣкается и въ огонь вметается.

— Такъ я же найду, кто были свидѣтели...

— Поищите, такъ они вамъ и объявятся.

— Ага! такъ вотъ зачѣмъ вы и сказали, что вамъ не надо моихъ свидѣтелей, а какую-то свою сволочь поставили.

— Да уже конечно такъ: только все же моя сволочь лучше вашей: они хоть сволочь, да я-то ихъ знаю, а вы бы мнѣ такихъ своихъ энгелистовъ привели, что каждый вмѣсто крестнаго имени чужою чортовой кличкой назовется, а потомъ ни знать, гдѣ его и искать, — въ какомъ болотѣ. Нѣтъ, государь мой, мы, въ наше умное время, отъ вашего брата тоже учены.

— Тьфу!

— Здѣсь не плюйте, а то подтереть заставлю.

— Но что же мнѣ дѣлать: вы меня сгубили, такъ дайте хоть мнѣ совѣтъ.

— Совѣтъ извольте: достаньте себѣ съ супругою хорошіе

документы и ступайте, ничего не говоря, къ приходскому священнику, — онъ васъ обвѣнчаетъ и дастъ вамъ свидѣтельство. А со мною всѣ ваши объясненія кончены.

— И ничего болѣе?

— Да, ни одного слова болѣе.

Какъ мнѣ разсказалъ все это мой сторожъ, продолжалъ собесѣдникъ, я и руки растопырилъ.

Вотъ это, думаю, артистъ, такъ артистъ. Что за работа, что за милая работа! И просто все, и вѣрно, и безопасно, и даже по-своему *юридически честно:* за что взялся, — то и сдѣлалъ, а неуговорнаго съ него и не спрашивай. За что человѣкъ не брался, за то и не отвѣчаетъ.

— Чудесно, говорю: спасибо тебѣ, братъ, безголосый пѣвецъ, что ты мнѣ, глупому человѣку, такія умныя дѣла открылъ. Хотя я самъ ихъ дѣлать и не стану, но все-таки просвѣщеннѣе буду. И отпустилъ его отъ себя къ тому батюшкѣ съ миромъ и даже съ наградою, на тотъ конецъ, чтобы не забывалъ ко мнѣ заходить и порою просвѣщать мое робкое невѣжество тѣмъ, что они, совокупивъ свою опытность, дѣлать будутъ.

— И что же, спросилъ я: онъ къ вамъ заходилъ?

— И сейчасъ иногда заходитъ.

— И интересныя дѣла сказываетъ?

— Охъ, сказываетъ, разбойникъ, сказываетъ.

— Удивляюсь, какъ теперь это стало откровенно.

— Дѣйствительно, откровенно; да вѣдь что еще и сокровенничать-то, когда - какъ мои дѣти на фортепіано куплетъ поютъ:

«Расплясалась вся Россія
«Въ ахенбаховщинѣ мерзкой,
«Лишь одинъ Іеремія
«Намъ остался,—князь Мещерскій!»

А главное, замѣтьте, любо-дорого то, что все это хорошо практикуется. Откровенно, а комаръ носу ни подо что не подточитъ.

— Батюшка! говорю: будьте благодѣтель, познакомьте меня съ этимъ интереснымъ человѣкомъ.

— Съ пѣвцомъ-то съ безголосымъ?

— Да.

— Извольте. Давайте вашу карточку.

Я подалъ, а батюшка начерталъ на ней рекомендацію и

наименовалъ меня «дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ», что мнѣ показалось неудобнымъ.

— Извините, говорю: это не годится,— у меня такого чина нѣтъ.

— Ну, вотъ важность! нынче никого меньше не называютъ, а къ тому же онъ сталъ горонистъ, и если узнаетъ, что вы писатель, а не генералъ, такъ, пожалуй, знакомиться не захочетъ.

— Да, а я, говорю, все-таки, стѣсняюсь...

— Есть чѣмъ стѣсняться? суньте два пальца вмѣсто руки, — вотъ и сановникъ. Неужели у васъ на это образованія не достанетъ?..

Однако я не былъ у безголосаго пѣвца, потому что это представляло слишкомъ большія трудности: выходило, что для собесѣдованія съ этимъ интереснымъ лицомъ мнѣ не только надлежало выдать себя за дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и тыкать два пальца человѣку, который подаетъ мнѣ цѣлую руку, но надлежало еще изобразить собою предъ пѣвцомъ жениха или, по крайней-мѣрѣ, тайнобрачнаго переговорщика. Я опасался, что не выдержу этихъ замысловатыхъ ролей передъ такимъ проницательнымъ человѣкомъ, а къ тому же думалось мнѣ, что самъ отецъ протоіерей открылъ мнѣ довольно, чтобы не гнаться за большимъ. Кромѣ того, пѣвецъ могъ сообщить мнѣ только факты, разнообразіе которыхъ зависитъ отъ случайностей, а ихъ природа почти неизслѣдима, между тѣмъ какъ настоящій мой собесѣдникъ могъ ввести меня въ самую философію вопроса, въ самую суть нравственныхъ побужденій, руководящихъ духовенствомъ въ дѣлахъ тайнобрачія. Это мнѣ казалось интереснѣе, потому что нѣкоторое знаніе нравовъ нашего духовенства внушало мнѣ твердую надежду, что и здѣсь, въ этомъ путанномъ дѣлѣ долженъ дышать тотъ духъ простоты и практическаго добротолюбія, который присущъ русскому человѣку на всѣхъ ступеняхъ его развитія и дѣятельности.

И я не ошибся. Роковые случаи, представляющіеся на практикѣ при вѣнчаніяхъ паръ, которыя не могутъ быть повѣнчаны съ разрѣшенія начальства, почти всѣ совершенно невозмутительны, а нѣкоторые изъ нихъ такъ трогательны, что надо имѣть мертвое, «почившее на законѣ», сердце,

чтобы не оцѣнить благодати, движущей сердцами живыми, которыя ласково усыпляютъ законъ, вмѣсто того, чтобы самимъ азартно уснуть на немъ.

Такой случай мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ, даже не отдѣливъ отъ него немножечко и самого себя.

Я продолжаю и доканчиваю его бесѣду, а съ нею и мои очерки.

— Ко всему нынѣшнему тайнобрачію, — изрекъ онъ: — какъ къ каждому историческому явленію, надо относиться беззлобно и съ разсмотрѣніемъ. И когда такъ станете смотрѣть, то и увидите, что оно потребно и отвѣчаетъ времени. А по сему времени даже и самые залихватскіе «вѣнчальные батюшки» тоже, въ своемъ родѣ, нужны и годны. Право, право, годны: въ большомъ хозяйствѣ все сдается. И хотя я ихъ методы, безъ узловъ шить, въ принципѣ и не одобряю, но знаю, что и это у насъ инымъ въ прокъ пошло.

Я было обнаружилъ попытку выразить нѣкоторое сомнѣніе, но батюшка, замѣтивъ это, придержалъ меня за руку и сказалъ:

— Не спѣшите поспѣшать. Я живой случай знаю, гдѣ если бы не эта благодать, такъ нельзя было бы оказать помощи очень жалкимъ людямъ, которые однажды пришли ко мнѣ съ преудивительною исторіею.

Лѣтъ восемь назадъ ко мнѣ въ домъ хаживала дочернина подруга. Славная дѣвица Нюточка,—все онѣ съ моей дочерью въ четыре руки играли. Но потомъ она вдругъ какъ-то сникла. Перестала ходить, — я этого не замѣтилъ, а потомъ, когда дочь скоро замужъ вышла, то я и совсѣмъ про эту чужую дѣвочку забылъ. Проходитъ такъ годъ, два и три,—и пять лѣтъ, но вдругъ тоже вотъ такъ, въ лѣтнее время (у меня замѣчательно, что большая часть казусовъ со мною все лѣтомъ случается, когда я въ одиночествѣ дома бываю), приходитъ ко мнѣ нѣкая молодая особа женскаго пола, съ виду мнѣ незнакомая, собою, однако, довольно благопріличная, но смутная и чѣмъ-то, какъ бы, сильно подавленная. Я думалъ, что потеряла себя и вѣрно хочетъ исповѣдываться, но вышло другое. Называетъ себя по имени и говоритъ, что была она подругою моей дочери по гимназіи, а потомъ пошла достигать высшаго знанія, но не сподобилась онаго, потому что попала въ нѣкоторыя «трудныя

комбинаціи». Словомъ сказать, дойдя, вмѣсто научнаго совершенства, до нищеты и убожества, вспомнила о своей подругѣ, а о моей дочери, и прислала просить ее, не можетъ ли она достать ей гдѣ-нибудь переводовъ.

Ужаснуло меня это младенчество просьбы и младенчество страннаго ея вида.

— Извините, говорю, дочери моей здѣсь нѣтъ: она уже давно замужъ вышла и живетъ въ другомъ городѣ, да и переводами не занимается, а напаче занята домашнимъ хозяйствомъ и чадорожденіемъ. Поэтому, если бы вы и писать ей захотѣли, то это будетъ для васъ безполезно. А васъ я теперь дѣйствительно немножечко припоминаю: васъ, говорю, кажется, звали Нюточкою?

— Да, отвѣчаетъ, меня такъ прежде называли.

— Очень радъ, говорю, васъ видѣть, но что же довело васъ до такихъ комбинацій?

Она хлынь-хлынь глазенками. Да и заплакала.

— У васъ есть родные?

— Да, говоритъ, у меня есть братъ, и называетъ фамилію одного довольно извѣстнаго адвоката.

— Вы, говорю, вѣрно у него живете?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ.

— А почему же такъ?

— Онъ женатъ.

— Такъ что же такое, развѣ при женѣ для сестры и за ширмою мѣста нѣтъ.

— Нѣтъ, мы съ его женою не ладили, я одна съ дѣтьми живу.

— Такъ вы вдова?

— Нѣтъ, не вдова.

— Тогда гдѣ же вашъ мужъ—вѣрно сосланъ?

— Нѣтъ, говоритъ, не сосланъ, а его нѣтъ со мною.

— Отчего?

— Онъ въ очень затруднительномъ положеніи.

— Въ какомъ затруднительномъ положеніи, чтобы своихъ дѣтей бросить?

— Его обманули, когда онъ женился.

Тутъ уже я глазами захлопалъ.

— Милая барынька, говорю: да вы что же это такое, шутите, что ли? Что вы мнѣ разсказываете: какъ же онъ

могъ отъ живой жены во второй разъ жениться? развѣ вы разведены?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, мы жили въ гражданскомъ бракѣ, а одна моя подруга хотѣла въ акушерки, и ей понадобилось выйти въ фиктивный бракъ, она меня попросила, чтобы я позволила....

— Ну-съ?

— А она устроила комбинацію....

— Какую, милостивая государыня?

— Она, вмѣсто того, все обратила въ серьезъ и заставляетъ его, чтобы онъ ей деньги давалъ, и теперь онъ что получаетъ—ей носитъ, а мнѣ помогать не можетъ.

— Что же, онъ и съ нею не живетъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ, онъ съ нею вмѣстѣ не живетъ: она одного полицейскаго любитъ, а этого только заставляетъ, чтобы онъ часть жалованья ей приносилъ.

— И онъ носитъ?

— Да что же дѣлать, а то она жаловаться пойдетъ.

— Да кто же онъ такой, вашъ общій мужъ-то?

— Ветеринаръ.

— Гм! думаю себѣ: однако она должно быть очень ловкая, эта акушерка, если на самомъ ветеринарѣ ѣздитъ.

— Да, она, говоритъ, очень развита.

— Развита? А извините, говорю, за вопросъ: онъ не дурачокъ, этотъ господинъ ветеринаръ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ: какъ дурачокъ? — онъ тоже очень развитъ.

— Какъ же, говорю, развитъ, а отъ акушерки отбиться не можетъ?

— Да онъ отбился и живетъ у товарищей, а больше нельзя, потому что у нея по полиціи всѣ ей полезныя связи.

— Ага, говорю: это дѣйствительно «комбинація». Ну, а гдѣ же ваши дѣтки?

— Недалеко, говоритъ, тутъ за вокзаломъ на третьей верстѣ по желѣзной дорогѣ у сторожихи живутъ, — я ихъ тамъ оставила, а сама пришла переводовъ искать.

— Стало-быть, вы теперь всѣ врозь?

— Да.

— Ветеринаръ съ товарищемъ, вы съ своими котятками, а та съ полицейскими?

— Да.

— А въ городѣ-то, говорю, у васъ есть пріютъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ — нѣту, да это ничего не значитъ: теперь тепло,—я ночь по бульвару прохожу.

— Какъ проходите?

И не дождавшись, что она мнѣ отвѣтитъ, скорѣе взялъ ее обѣими руками за голову, поцѣловалъ въ темя и говорю:

— Ничего я, бѣдное дитя, не понимаю, что вы мнѣ такое разсказываете. Вы ко мнѣ съ своими «комбинаціями» точно пришелица изъ другого свѣта упали. Но я, во всякомъ случаѣ, не ксендзъ, чтобы васъ укорять, и не протестантскій пасторъ, чтобы отъ вашихъ откровеній придти въ ужасъ или въ отчаяніе, а какъ простой попъ я только васъ на бульваръ ночевать не пущу. Вотъ у меня вся пустая квартира къ вашимъ услугамъ, а на кухнѣ есть баба-старуха смотрѣлка. Я ее сейчасъ къ вамъ призову. Разуйте поскорѣй свои бѣдныя ноженьки, напейтесь чаю, да ложитесь на диванъ въ гостиной спать. А впрочемъ, я старикъ—со мною и съ однимъ неопасно оставаться.

Она согласилась. И все это какъ-то тупо: и одно предполагаетъ, и сейчасъ другое располагаетъ, на все согласна— и все какъ не живая. Видно уже, что весь человѣкъ въ ней до-мертва въ порошокъ растолченъ.

Ужасно мнѣ ее стало жалко. Въ голову впало: какъ такой горемыкѣ на свѣтѣ жить? Свои дѣти у меня хорошо устроены, благодаря Бога и добрымъ людямъ, потому что заботился о нихъ, да къ тому же они дѣти іерейскія, — въ свѣтѣ могли ходъ имѣть, а эта тля безпомощная: кѣмъ она покрыта? Можетъ быть, съ дѣтства на произволъ пущена. А все же вонъ въ ней еще какое-то добро ерошится: и за наукою она стремилась, и мужа своего гражданскаго отдала на подержаніе, а теперь, какъ кошка мечется и своихъ котятъ по сторожкамъ носитъ... И все это во имя чего-то возвышеннаго. Право, точно пришлецы изъ другого міра, а между тѣмъ страдаютъ какъ люди. Оставилъ я ее и пошелъ на вечеръ къ коллегѣ, у котораго жена зимою не позволяетъ въ карты играть, такъ онъ лѣтомъ, пріѣзжая съ дачи на служеніе, и собираетъ кружочекъ.

Засталъ тамъ ближнихъ и искреннихъ и «вѣнчальнаго батюшку». Провинтилъ въ винтъ рублей за сорокъ и, по

склонности человѣческой, сваливаю всю вину этого проигрыша на кого-нибудь другого.

— Это, говорю, ребята, я такъ провинтился отъ разстройства: одна дѣвчонка меня нынче очень размазала. И разсказалъ имъ о своей гостьѣ.

Всѣ выслушали и особеннаго вниманія не обратили, но мой вѣнчальникъ, идучи вмѣстѣ со мною домой, вѣрно нѣчто почувствовалъ, сдобрился и уронилъ мнѣ «крылатое слово»:

— Еще такъ ли это, какъ они сказываютъ. Можетъ быть, имъ еще можно пособить. Вы у нихъ свидѣтельство спросите.

— Да какъ имъ пособить, если они обвѣнчаны? Вѣдь у нихъ грошей на разводъ нѣтъ.

— Да я, отвѣчаетъ, о разводѣ и не думаю, а можетъ быть это дѣло совсѣмъ не порчено, — и развода никакого не надо.

— Все равно, если и свидѣтельства нѣтъ, а вѣнчаны, такъ уже пропадай они совсѣмъ,— второй разъ перевѣнчивать зазорно.

— Я, говоритъ, думаю, что ихъ не вѣнчали. Небось пропѣли что-нибудь, да и конецъ.

— Ну, можетъ ли это быть?

— А отчего нѣтъ? Они вѣдь энгелисты,—въ церковь не ходятъ, службы не знаютъ, не все ли имъ равно, что имъ споютъ: молебенъ, или вѣнчанье. Нѣтъ, вы спросите-ка свидѣтельство.

Думаю: и вправду, дай-ка спрошу! Онъ это даромъ на вѣтеръ не бросилъ.

Отслуживъ на утро обѣдню, напился съ своей гостьей чаю и говорю:

— Я вамъ переводишко устроилъ, и вотъ вамъ пока изъ редакціи три рубля впередъ, а передъ вечеромъ пожалуйте,— тогда и переводъ получите. Да не можете ли пригласить ко мнѣ вашего ветеринара, — я и ему кое-что хочу предоставить.

Такъ, разумѣется, вздоръ вралъ, но въ случаѣ если бы она стала разспрашивать, сказалъ бы, что хочу его отрекомендовать въ Москву бѣснаго слона лѣчить. Но только она не спросила, а прямо его обѣщала привести.

А я тѣмъ временемъ сиосылалъ за безголосымъ пѣвцомъ

и спрашиваю: есть ли у нихъ *для себя* какія-нибудь памятки, кто у нихъ легко вѣнчанъ?

Отвѣчаетъ: есть.

— Нельзя ли, говорю, мнѣ справиться про такого-то студента?

Онъ это минутою сдѣйствовалъ и воротился,—говоритъ:

— Очень легко сдѣлано.

— Такъ что можно ему еще разъ жениться?

— Сколько угодно. Имъ просто молебенъ спѣтъ.

— Нишь, говорю, что вы, разбойники, строите.

— А что же, отвѣчаетъ, да они безбожники больше и не стоятъ. До какихъ лѣтъ доживутъ, въ церковь грошa не попадутъ, и не слышали о томъ, какая служба есть. Имъ и молебна-то жаль, — не токма что Исаію для нихъ безпокоить.

— Такъ, значитъ, они съ акушеркой не вѣнчаны?

— Не вѣнчаны.

Я это принялъ къ свѣдѣнію, пообѣдалъ и только маленько соснулъ, какъ смотрѣлка меня будитъ:

— Утрешняя мадамка, говоритъ, вдвоемъ пришла.

— Съ кѣмъ?

— Женихъ, говоритъ, ейный, что ли, не знаю.

Я велѣлъ подождать, обтерся со сна полотенцемъ и выхожу.

Они кланяются.

Не знаю, что она въ немъ и полюбила, — смотрѣть совсѣмъ не на-что.

Я его туда, сюда повернулъ и въ первыхъ же разспросахъ вижу, что дѣтина самая банальная: откровенно глупъ и откровенно хитеръ. Такъ сказать — фруктъ нашего урожайнаго года.

— Я, говоритъ, обманутъ низостью, какой не ожидалъ. Жена моя, говоритъ, казалась развитою женщиною, — увѣряла, будто ей нужно выйти замужъ только для того, чтобы отъ родительской власти освободиться, а потомъ стала требовать, чтобы я Анюту бросилъ, а съ нею на одной квартирѣ жилъ, или чтобы я ей на содержаніе давалъ. А послѣ къ ней полицейскіе стали ходить и она меня начала пугать.

— Чѣмъ?

Молчитъ.

— Доносъ какой-нибудь хотѣла сдѣлать?

Пожимаетъ плечами и отвѣчаетъ:

— Вѣроятно.

— Да вы развѣ въ чемъ-нибудь замѣшаны?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, я не замѣшанъ, но мы еще со студенческаго времени всѣ безъ замѣшательства, такъ, просто боимся, а она теперь и сама въ полицію акушеркой поступила.

— Ахъ ты, думаю, дурачокъ горькій. И спрашиваю:

— Она въ полиціи, а вы-то гдѣ служите и подъ чьимъ начальствомъ?

Называетъ мѣсто и начальника -лицо мнѣ, по старымъ памятямъ, весьма знакомое: еще съ табелькой съ нимъ игрывали.

— Да у тебя, голубчикъ, въ формулярѣ-то записано ли, что ты женатъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ, не записано.

— А вѣнчальное свидѣтельство есть?

— Тоже нѣтъ.

— Почему?

— Не дали.

— Хорошо, что не дали. А теперь отвѣчай мнѣ: радъ бы ты имѣть женою, вмѣсто твоей акушерки, Нюточку?

Молчитъ.

— Что же ты молчишь?

— Я, говоритъ, вѣдь совсѣмъ противъ брака.

— Ага, молъ, ишь ты какой: норовишь лизнуть да и сплюнуть. А по доброму порядку, говорю, когда человѣкъ съ женщиною дѣтей прижилъ, такъ ему ужъ эти рацеи надо въ сторону. Женись-ка, братъ, на ней да и баста.

— Да, вѣдь, это невозможно.

— А если бы возможно было?

Опять молчитъ.

— Ну, стало быть, говорю, ты, братъ, лукавишь. Отвѣчайте-ка вы, Нюточка: вы желали бы быть его женою?

Та, молодцомъ, сразу прямо отвѣтила, что желала бы. Видно уже игра-то сія ей надоѣла.—Но онъ молчитъ.

— Что же ты, говорю, сталъ? Поверни тебя, батюшка Спиридонъ-поворотъ.

— Я, говоритъ, больше уже не попадусь.

— Кому это?—женщинѣ, которая вашихъ дѣтей таскаетъ и васъ любитъ?

— Все равно, говоритъ, я могу жить гражданскн.

— Нѣтъ, думаю, если ты по-гражданскн, такъ я же съ тобой съ разбойникомъ сдѣлаюсь по-военному.

Язычокъ-то себѣ прикусилъ и о родѣ его вѣнчанія съ акушеркой ничего ему не сказалъ,—чтобы онъ не считалъ себя свободнымъ, а озаботился имъ иначе.

Какъ онъ ушелъ, я положилъ передъ его супругой листъ бумаги и говорю:

— Пишите-ка, какой я вамъ переводъ продиктую.

И задиктовалъ, указывая, гдѣ что ставить: «Его превосходительству, господину такому-то, отъ такой-то докладная записка. А затѣмъ продолженіе въ такомъ смыслѣ, что «я, просительница, приживъ внѣ-брачно съ такимъ-то, служащимъ подъ вѣдѣніемъ вашего превосходительства, двухъ дѣтей, въ чемъ онъ чистосердечно признался при священникѣ такомъ-то, и не получая отъ него ничего на содержаніе сихъ невинныхъ малютокъ, коимъ сама не въ состояніи снискать пропитанія, а потому всепочтительнѣйше прошу побудить его на мнѣ жениться, или по крайности оныхъ моихъ малютокъ обезпечить должнымъ, по средствамъ его, содержаніемъ, вычетомъ части изъ его жалованья».

Она это все написала, а потомъ спрашиваетъ:

— Къ чему это писано?

— А къ сему, говорю, подпишись.

— Но, вѣдь, это доносъ.

— Нѣтъ: это докладная записка.

— Въ такомъ случаѣ, отвѣчаетъ, я подпишу. И подписала.

Я взялъ этотъ манускриптъ въ карманъ, надѣлъ новую ряску и пошелъ къ генералу, котораго, какъ вамъ говорю, еще въ малыхъ чинахъ коротко по картамъ зналъ. Отлично шельмецъ съ табелькой игралъ и, вообще, былъ чудесный парень,—любилъ выпить и закусить, и отношенія наши, по полковому, были на «ты».

Конечно, honores mutant mores.—можетъ быть, онъ и перемѣнился, но я какъ-то этого не надѣялся и рѣшилъ держаться съ нимъ на прежней ногѣ.

Велѣлъ о себѣ доложить, а самъ сталъ передъ зеркаломъ, чтобы орденки поправить. Но въ это же зеркало и вижу: онъ въ ту же минуту выходитъ, прямо ко мнѣ, крадется и—цапъ сзади ладонями глаза мнѣ и закрылъ.

— Жоздра! говорю,—радость моя,—это ты.

— А ты,—восклицаетъ,—почему узналъ?

— Мудрено ли узнать: кто, кромѣ тебя, можетъ мою священную особу за лицо брать, а къ тому же я и въ зеркало тебя видѣлъ. Давай, поцѣлуемся.—Я, говорю, къ тебѣ по дѣлу, Жоздра.

Его Егоромъ величали, но мы его Жоздрою звали, потому что такъ ему одна нѣкогда влюбленная въ него простонародная дѣвица бѣлошвейка писала.

— Есть у тебя такой-то подчиненникъ?

— Есть.

— Повели ему, мой ангелъ, на одной мамзелькѣ жениться.

Онъ расхохотался.

— Что ты это, попъ-чудила,—говоритъ,—выдумалъ. Въ моей власти конскія свадьбы, но человѣческіе браки не по моему вѣдомству.

— Нѣтъ, говорю, Жоздра, жизненокъ мой, маточка,—не говори глупостей: у русскаго генерала все во власти! Я иначе не вѣрую. Не огорчай меня, не отказывайся отъ христіанскаго дѣла, повели дураку жениться на дурѣ, чтобы вышла цѣлая фигура, а то мнѣ ихъ и ребятъ очень жалко.

Онъ было опять смѣяться, но я говорю:

— Нѣтъ, ты ангелъ мой, не смѣйся,—это дѣло серьёзное. И разсказалъ ему все дѣло.

— Понимаешь ли, говорю, что этого ни въ какой конклавъ нельзя пустить, чтобы кто-нибудь не пострадалъ, а зачѣмъ страдать, когда ты по-генеральски, одинъ все дѣло поправить можешь.

— Какимъ манеромъ?

— Просто—повели, да и баста, на то ты начальникъ.

— Я выгнать его, говоритъ, могу, но принудить его жениться не имѣю права.

— Тпру, тпру, тпру, отвѣчаю,—остепенись. Что ты это такое выдумалъ? Какъ можно человѣка выгнать, да еще особенно этакого глупаго. Куда онъ безъ казенной службы годится? Нѣтъ, ты не ожесточай несчастнаго сердца, а просто потребуй его передъ себя и накричи.

— Что же я буду кричать?

— Да что хочешь, только посердитѣе: это все равно. Но если замѣтишь, что отвѣчать хочетъ, этого не допускай,—топни и скажи: молчать.

— И съ тебя этого будетъ довольно?

— Совершенно, мамочка, довольно. Только, пожалуйста, посердитѣе и чтобы не смѣлъ отвѣчать.

— Извольте, говоритъ, уважу, и съ этимъ позвонилъ, а мнѣ добавляетъ: войди тамъ, за ширмой, посиди, покури и послушай, что выйдетъ. Я ни за что не ручаюсь.

— Да тебя, говорю, никто и не проситъ ручаться, только сдѣлай свое начальническое дѣло добросовѣстно,—накричи.

Ну, онъ и дѣйствительно сдѣлалъ все это очень хорошо: какъ тотъ вошелъ, онъ сразу его афишировалъ. Всѣ нынѣшнія жестокія хитрости сентиментальныя обхожденія откинувъ, прямо ему сочиненную мною докладную записку мимо носа на землю швырнулъ.

— Знаете ли вы, спрашиваетъ, какая женщина это пишетъ?

И чуть тотъ было только ротъ разинулъ, чтобъ сказать: «знаю»,—онъ какъ крикнетъ:

— Молчать! Почему вы на ней не женитесь?

Но прежде, чѣмъ тотъ отвѣтилъ, я ему черезъ ширму пальцами махнулъ, онъ—опять крикнулъ:

— Молчать! Я знать ничего не хочу! Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Завтра мнѣ чтобы брачное свидѣтельство было. Слышите?

— Слу-слу-слу-ш-ш-шаю.

— Вонъ! и до тѣхъ поръ на глаза мнѣ не смѣть показываться. Слышите?

— Слу-слу-слу-шаю.

— Деньги на свадьбу есть?

— Нѣтъ.

— Вспомоществованіе дамъ, а пока... Батюшка!—зоветъ меня:—пожалуйте сюда.

Я вышелъ.

— Извольте взять, говоритъ, этого соблазнителя: онъ дѣвицу соблазнилъ и долженъ немедленно быть съ нею обвѣнчанъ. Прошу васъ исполнить это и завтра же прислать мнѣ его брачное свидѣтельство.

— Слушаю-съ, отвѣчаю. Извольте, молодой человѣкъ, идти и приготовьте разрѣшеніе начальства. Я за нимъ зайду.

Тотъ вышелъ, а генералъ спрашиваетъ меня:

— А что, я каково кричу?

Я его въ обѣ щеки чмокнулъ и говорю:

— Дивно, дивно! но теперь довершп свою работу: сплавь ихъ отсюда.

— Куда?

— Назначь его куда-нибудь въ провинцію отдѣльную должность занимать.

— Это для чего?

— Да онъ тамъ успокоится и съ простыми людьми въ разумъ придетъ.

И въ этомъ успѣлъ. Такъ я ихъ въ одинъ день развелъ, а на другой день обвѣнчалъ, съ малымъ упущеніемъ по числу оглашеній, и свидѣтельство выдалъ, а черезъ недѣлю и на службу ихъ выпроводилъ. Онъ ничего и понять не могъ. Однако пробовалъ меня пугать.

— Вы отвѣчать, говоритъ, будете.

— Ну это, молъ, не твое дѣло: мнѣ начальство приказало вѣнчать, а я власти покоренъ.

Такъ онъ и сейчасъ настоящимъ образомъ всего не понимаетъ, а живутъ, судьбою довольны и назадъ не просятся,—думаютъ, небось, что они въ самомъ дѣлѣ законопреступно обвѣнчаны, да, чай, и акушерки боятся.

— А что же, акушерка не приходила?

— Къ кому?

— Къ вамъ.

— Какъ же,—приходила. Я ее къ нѣвѣ отправилъ.

— И послѣ не видали?

— Нѣтъ, видѣлъ одинъ разъ у пристава на крестинахъ.

— Что же она: сердилась?

— Н-и-нѣтъ. Поискала вчерашняго дня и увидала, что она дура.

— «Отличную, говоритъ, батюшка, ваши духовные со мною штуку сыграли».

— А что такое?

— «Да то, что я по ихъ милости все равно, какъ будто вмѣсто кадрили вальсъ протанцовала».

— Ну, что дѣлать, когда-нибудь утѣшитесь, вмѣсто вальса кадриль протанцуете. На кого же ей сердиться?

— Просто невѣроятно!

— Вотъ то-то и есть. А поведите-ка все это черезъ настоящія власти,—какая бы кутерьма поднялась, а путнаго

ничего бы не вышло, потому что законъ и высокое начальство, стоя превыше людскихъ слабостей, къ глупости человѣческой снисхожденія не могутъ оказывать, а мы, малые люди, можемъ, да и должны. Дурачки, да наши. Что жъ ихъ хитрецамъ въ обиду давать? Надо ихъ пожалѣть. Поживутъ съ наше —и они обумнѣютъ, -тоже людей жалѣть будутъ. Но довольно мнѣ вамъ эти сказки сказывать. Я ужъ очень разболтался, пойду—посмотрю, что мнѣ въ мотьѣ написали.

— Да, говорю, это и впрямь все отдаетъ сказками.

— Сказки, сударь, и есть, сказки. Живи да посвистывай... «Патока съ инбиремъ, ничего не разберемъ, а ты дядя Еремѣй, какъ гораздъ, такъ разумѣй».

Собесѣдникъ мой подалъ мнѣ руку, которую я придержалъ и спросилъ:

— Но неужто же у насъ никто не можетъ помочь вмѣсто всей этой городьбы прямую улицу сдѣлать?

— А объ этомъ намъ еще ничего неизвѣстно. Впрочемъ, никогда, ни въ чемъ не должно отчаиваться: одна набожная старушка въ дѣтствѣ меня такъ утѣшала: все, говорила, можетъ, поправиться, ибо «рече Господь: аще могу— помогу». Гдѣ она это вычитала,—я тоже не знаю, но только она до ста лѣтъ благополучно дожила съ этимъ упованіемъ, чего я и вамъ отъ души желаю.

ИМПРОВИЗАТОРЫ.

(КАРТИНКА СЪ НАТУРЫ.)

— ——

Приходи, моя милая крошка.
Приходи посидѣть вечеркомъ.
А. Фетъ.

«Одни представляли ее себѣ въ видѣ женщины, отравляющей воду, другіе—въ видѣ запятой. Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».
С. Смирнова («Нов. Вр.» 18 ноября 1892).

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Остроумная писательница, изъ послѣдняго литературнаго этюда которой я выписалъ этотъ эпиграфъ, обрисовываетъ дѣло чрезвычайно вѣрно. Когда лѣтомъ 1892 г., въ самомъ концѣ девятнадцатаго вѣка, появилась въ нашей странѣ холера, немедленно же появилось и разномыслiе, что̀ надо дѣлать. «Врачи говорили, что надо убить запятую, а народъ думалъ, что надо убить врачей».

Слѣдуетъ добавить, что народъ не только такъ «думалъ», но онъ пробовалъ и приводить это въ дѣйствiе. Нѣсколько врачей, старавшихся убить запятую для лучшей пользы дѣлу, были сами убиты.

Это случилось, говорятъ, оттого, что простымъ людямъ всего своевременно и терпѣливо не объяснили и, главное, не показали имъ нигдѣ эту самую «запятую», чтобы они видѣли, какъ она имъ вредитъ. Это, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ хорошо было бы показать, но только сдѣлать

это было очень трудно: запятая видима только подъ микроскопомъ, а въ слободахъ и селеніяхъ, гдѣ живетъ «народъ по преимуществу», микроскоповъ (или «мелкоскоповъ») нѣтъ. Поэтому нельзя удивляться, что народу, который впервые услыхалъ про «запятую», вѣсти о ней показались сомнительными. Народъ довольно пріученъ не вѣрить ученымъ, и онъ смекнулъ, кому эта выдумка о «запятой» могла быть выгодна, и порѣшилъ наказать лѣкарей за ихъ выдумку.

Въ столицахъ, гдѣ образованность несравненно выше, наукѣ оказано совсѣмъ иное довѣріе: здѣсь запятую видѣли увеличенную подъ микроскопомъ, засушенную и выставленную на окнѣ «въ квартирѣ извѣстнаго журналиста, живущаго на окраинѣ города». Объ этомъ было напечатано въ петербургской газетѣ, особенно слѣдящей за разнообразными явленіями столичной жизни.

«Журналистъ, проживающій на окраинѣ», демонстрировалъ «запятую» множеству людей, между которыми были особы достопримѣчательнаго положенія. Видъ козявки всѣхъ удивилъ; большинство людей отбѣгали отъ нея въ страхѣ, и лишь немногіе поддавались успокоительнымъ увѣреніямъ журналиста, что «запятая обезврежена», и тогда брали ее въ руки.

Такъ образованнымъ жителямъ столицы не было никакого труда увѣровать въ «запятую»; но слободскимъ и деревенскимъ мужикамъ никто этого не показалъ, и они въ запятую не повѣрили и до сихъ поръ еще не вѣрятъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Разсказанный случай съ «увеличенной запятою» газета объясняла такъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, «купилъ шутки ради курьезную японскую козявку», а когда одинъ генералъ спросилъ его: что это такое?—онъ, по вдохновенію, сказалъ, что это «увеличенная и засушенная запятая». Генералъ этому повѣрилъ, а журналистъ сталъ пробовать: неужто и другіе образованные люди могутъ вѣрить такой очевидной нелѣпости. И оказалось, что *всѣ этому вѣрили!*

Если сопоставить то, что замѣчено г-жею Смирновою насчетъ несоотвѣтствія народныхъ взглядовъ на «запятую», съ тѣмъ, что журналистъ, живущій на окраинѣ, обнару-

жилъ въ людяхъ высшаго порядка, то выйдетъ, что степень легковѣрія и безразсудства на томъ и на другомъ концѣ общественной лѣстницы получается какъ бы одинаковая; но вверху дѣйствуетъ козявка засушенная, а по низамъ ползетъ что-то живое, и не заморское, а простое доморощенное.

Что же такое замѣняло и замѣняетъ засушенную «запятую» въ народѣ? Я попробую показать эту штуку такъ, какъ я ее видѣлъ.

Тургеневъ изобразилъ, какъ говоритъ съ простолюдиномъ интеллигентъ и раскольничій начетчикъ. У перваго все умно направлено къ дѣлу, а второй вертитъ «яко» да «аще», и смотришь — этого слушаютъ, а того нѣтъ. Малороссу, чтобы его растрогать, надо, чтобы ему свой братъ сказалъ: «граю и воропаю». Я самъ помню, какъ въ давнія времена въ Кіевѣ польскій актеръ Рекановскій игралъ роль въ какой-то малороссійской пьесѣ, гдѣ послѣ происшедшаго въ семьѣ горя жена начинаетъ выть, а мужъ бросаетъ ее за руку на полъ и говоритъ: «Мовчи, бо скорбь велыка!» И послѣ этихъ словъ настала пауза, и театръ замеръ, а потомъ изъ райка кто-то рыдающимъ голосомъ крикнулъ: «Эге! це не вашъ Шекспиръ!» И мнѣніе о Шекспирѣ было понижено до безконечности.

Надо сочинять что-то такое «дуже прòстое», чтобы было въ ихъ вкусѣ—съ дымкомъ и съ грязью, даже, пожалуй, съ дуринкой.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лѣтомъ 1892 года я жилъ на морскомъ берегу въ Шмецкѣ. Тяжко больной, я былъ далекъ отъ личнаго участія въ дѣлахъ, и даже равнодушно читалъ въ газетахъ энергическіе приказы генерала Баранова, но потомъ мнѣ стало интересно сравнивать ихъ съ приказами другихъ администраторовъ, которые ему подражали и блистали только отраженнымъ или заимствованнымъ свѣтомъ. Изъ этой литературы я узналъ, что появились люди, которые распускаютъ вредные слухи о болѣзни, и что нижегородскій генералъ такихъ людей сѣчетъ розгами и можетъ когда угодно повѣсить.

Мѣры генерала Баранова «въ наказаніи разговоровъ» производили въ большой публикѣ впечатлѣніе не особенно

сильное и неясное; многіе не могли взять въ толкъ: отчего одного разговорщика довольно только высѣчь, а другого надо еще отдать въ санитары, а третьяго—«повѣсить» или, по простонародному выраженію, «удавить». Какое тутъ «распредѣленіе всеобщей провинности»? Многіе думали, что все это послѣдовательно будетъ сдѣлано надъ каждымъ охотникомъ разговаривать, т.-е. что разговорщика сначала высѣкутъ, потомъ опредѣлятъ «горшокъ выносить», а потомъ уже, когда онъ станетъ ни къ чему неспособенъ, тогда дадутъ ему глухую исповѣдь и удавятъ на площади. О самомъ повѣшеніи тоже разнорѣчили: одни были увѣрены, что «вѣшать будутъ только для испуга публики», а потомъ «курьера выпустятъ съ прощадою», а другіе увѣряли, что «это не для шутки, и никакой прощады не будетъ, а удавятъ какъ слѣдуетъ», отмѣна же противъ обыкновенія будетъ только въ томъ, что, «по удавленіи разговорщика, отдадутъ онаго родственникамъ для его погребенія». Возникалъ тоже вопросъ о женщинахъ: «какъ таковую сѣчь, если разговариваетъ, а сама беременна?» По множеству всѣхъ этихъ сомнѣній мы съ толку сбились и спрашивали разъясненій у четырехъ отставныхъ губернаторовъ, которые въ это лѣто ходили у насъ по плацу, но они были заняты своимъ положеніемъ и говорили, что ничего не понимаютъ.

Видаясь со своими сосѣдями — кузнецомъ, лавочникомъ, лѣсникомъ — и съ своими домохозяевами, я замѣтилъ, что они недоумѣваютъ: «Какія же это *вредныя слова* бываютъ?» Этого имъ никто объяснить не могъ, а имъ это было очень нужно знать.

— Вѣдь вотъ,— говорили они: — можетъ случиться что-нибудь такое умственное услышишь и не поймешь въ необъясненіи случая, и скассируютъ на-смерть! Мы не можемъ узнать агитатора!

Это такъ говорилъ лавочникъ, образованный и краснорѣчивый человѣкъ, съ ораторскими дарованіями котораго мы ниже еще познакомимся.

То, что предвидѣлъ лавочникъ, то и на самомъ дѣлѣ отчасти случилось.

Разъ, когда я шелъ домой лѣскомъ изъ Мерекюля, нагоняетъ меня няня изъ одного моего знакомаго семейства и говоритъ, что «въ Петербургѣ уже народъ отравляютъ».

Я ее отговариваю, чтобы она этому не вѣрила, и напе-

минаю ей про опасность отъ генерала Баранова; но она не обращаетъ на мои предостереженія никакого вниманія и говоритъ, что то, что̀ она знаетъ, это тоже произошло отъ генерала.

— Ну, говорю я: — если отъ генерала, то въ такомъ случаѣ разсказывайте, что̀ вамъ извѣстно... Но только, смотрите, увѣрены ли вы, что это точно отъ генерала?

— Отъ генерала.

И она разсказала исторію, которую я здѣсь передамъ съ возможною точностью.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Живетъ у рынка отставной генералъ. Отъ команды отставленъ, но военныхъ правъ не лишенъ и ходитъ въ военномъ образцѣ съ поперечиной. На дачу онъ не любитъ ѣздить, а остается въ Петербургѣ, потому что веселаго характера и любитъ разъѣзжать по знакомымъ, а вечеромъ на закатъ солнца смотритъ и слушаетъ, какъ поютъ француженки. Онъ пожилой, но очень веселый, и все бы ему съ дамами да съ красотками; а жена у него старушка, съ нимъ не живетъ. Прислуги у него три человѣка, мужчины: камердинеръ, поваръ и буфетчикъ, и всѣ ему вѣрные, потому что имъ жить у него прекрасно: гости часто въ карты играютъ и приходимыя красотки жалуютъ, и тогда уже ни въ чемъ нѣтъ сожалѣнія. И теперь же, на этихъ дняхъ, поѣхалъ этотъ генералъ въ «Аркадію» или «Ливадію» и пробылъ тамъ до послѣдняго времени, а потомъ поѣхалъ домой въ простомъ намѣреніи раздѣться, Божинькѣ помолиться и бай-бай заснуть; но только-что онъ хотѣлъ въ дверь свой ключъ вставлять, какъ вдругъ запятая! Сама дверь распахнулась, и на него вылетаетъ оттуда его буфетчикъ, блѣдный какъ шутъ Пьеро, и лопочетъ незнамо что̀.

Генералъ подумалъ, что вѣрно онъ немножко выпилъ, или тоже приходимую крошку ожидаетъ, а тотъ ему отвѣчаетъ: «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство; а у насъ огромное несчастіе: вашего камердинера умирать увезли». Генералъ разсердился. «Какъ, безъ меня? Какъ смѣли?.. Говори скорѣй, какъ это сдѣлалось?»

Буфетчикъ дрожитъ и путается языкомъ, но разсказалъ, что камердинеръ, проводивши генерала, совсѣмъ былъ здо-

ровъ и ходилъ на рыбный садокъ, себѣ рыбу купилъ, а потомъ пошелъ къ графу Шереметеву къ второму регента помощнику снѣвку слушать, а оттуда на возвратѣ встрѣтилъ приходимую бѣдную крошку и принялъ ее и съ нею при открытомъ окнѣ чай пилъ, а когда пошелъ ее провожать, то вдругъ сталъ себя руками за животъ брать, а дворники его тутъ же подхватили подъ руки, а городовой засвиристѣлъ—и увезли. Онъ не хотѣлъ ѣхать и не давался,—кричалъ:

— Прощайте, други!.. Ваше превосходительство, заступитесь! Но они его усадили и неизвѣстно куда увезли.

— Ахъ, несчастный!—сказалъ генералъ и, растроганный до слезъ, сейчасъ же поѣхалъ къ оберъ-полицеймейстеру. Но его тамъ не приняли; говорятъ: «Есть пріемные часы—тогда можете!» Онъ—къ приставу, и пристава нѣтъ. «Гдѣ же онъ?»—«Помилуйте,—говорятъ,—по участку ходитъ!»—«Кого же я могу видѣть?»—«А вотъ дежурный за стѣнкой». Выходитъ изъ-за стѣнки дежурный офицеръ, застегиваетъ на себѣ мундирный сюртукъ и спрашиваетъ: «Что угодно?»

Генералъ ему все и передаетъ: «Такъ и такъ, мой камердинеръ, на рукахъ котораго вещи, серебро и весь домъ, а его въ мое отсутствіе взяли и увезли безъ извѣщенія меня, какъ будто какого-нибудь учебнаго разсуждателя. Прошу мнѣ его сейчасъ возвратить».

А полицейскій говоритъ: «Я этого не могу, потому что его у насъ нѣтъ: мы его еще въ двѣнадцатомъ часу въ больницу отправили».

Генералъ обругалъ его какъ не надо хуже и вскочилъ опять на извозчика и велѣлъ извозчику послѣ этого велѣть скорѣе подгонять.

А извозчикъ догадался, для чего онъ ѣздитъ, и говоритъ:

— А осмѣлюсь спросить: котораго часа вашего человѣка взято?

Генералъ говоритъ:—О полуночи.

— Ну, такъ теперь,—говоритъ.—ему уже аминь.

— Что ты вздоръ говоришь!

— Помилуйте, какой же вздоръ! — Теперь они ему уже струменію запустили.

— Ты глупости говоришь.

А извозчикъ полуоборотился и крестится рукой. а самъ шепчетъ:

— Ей-Богу. ей-Богу,—говоритъ:—вѣдь они теперь всѣхъ струменціей пробуютъ. Сначала начнутъ человѣка въ ванной шпарить и кожу долой стирать и притомъ въ ротъ лѣкарства льютъ; а которые очень крѣпкаго сложенія и отъ лѣкарства не могутъ умереть, тѣмъ послѣднюю струменцію впустятъ—и этого ужъ никто не выдержитъ.

Генералъ же думаетъ: вретъ извозчикъ, — бросилъ ему деньги, а самъ вбѣжалъ въ больницу и вскричалъ:

— Попросить ко мнѣ старшаго доктора! Кто здѣсь старшій докторъ?

Старшій докторъ выходитъ—этакій въ заспанномъ видѣ и никакого особливаго вниманія не обращаетъ, а спрахвола спрашиваетъ:

— Что вамъ угодно?

Генералъ ему отвѣчаетъ живо и бойко и рукой простираетъ. что вотъ такъ и такъ: «Я, говоритъ, въ нынѣшнемъ лѣтѣ на дачу не переѣзжалъ и остался въ городѣ».. А лѣкарь его перебиваетъ: «Вы. говоритъ, пожалуйста. покороче, а то мнѣ изъ отдаленныхъ началъ слушать некогда»...

Генералъ немножко разсердился и говоритъ: «Я вамъ начинаю такъ, чтобы было понятно. Я вечеромъ человѣка въ цвѣточный магазинъ посылалъ за букетомъ и оставилъ его въ цвѣтущемъ видѣ, и онъ еще послѣ меня пошелъ на садокъ и спѣвку слушалъ».

Но лѣкарь опять перебиваетъ: «Ваше превосходительство. мнѣ, говоритъ, некогда! Нельзя ли. въ чемъ дѣло?»

— Дѣло въ томъ,—говоритъ генералъ:—что этого человѣка взяли и увезли, и онъ у васъ. а я желаю его къ себѣ взять.

Старшій докторъ обернулся къ фельдшеру и говоритъ:

— Справься!—А тотъ справился и сразу отвѣчаетъ:

— Есть!

— Что же онъ?

— Умеръ.

Докторъ говоритъ:—Вотъ и можете получить.

Генералъ и осомлѣлъ.

— Что это такое?—говоритъ.—Я не вѣрю... Всего нѣсколько часовъ тому назадъ человѣкъ былъ полный жизни...

А докторъ говоритъ: — Это и очень часто такъ бываетъ. А впрочемъ, пожалуйте, служитель васъ проведетъ и его покажетъ!—и велѣлъ служителю:—Проводи генерала!

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Служитель привелъ генерала въ мертвецкій покой; но тутъ покойниковъ нѣсколько и еще на нихъ только нумерки лежатъ, а нѣтъ никакого воззванія, и по лицамъ отличить нельзя, потому что всѣ лица почернѣвшія, и руки отъ судорогъ въ перстахъ сдерганы такъ, что не то благословеніе дѣлаютъ, не то растопыркою кызю представляютъ.

Генералъ и говоритъ: — Я такъ не могу своего человѣка узнать! Мнѣ пусть покажутъ!

Служитель побѣжалъ въ контору, спросить, подъ какимъ оный нумеромъ, а генералъ остался и замѣчаетъ, что сзади его кто-то вздохнулъ. Видитъ, это читальщикъ, человѣкъ степенный, въ очкахъ, въ углу стоитъ, но не читаетъ, а на него сверхъ очковъ смотритъ и, какъ генералу показалось, съ сожалѣніемъ.

Генералъ его и спросилъ:

— Что, старина, съ сожалѣніемъ смотришь?

— Да, — говоритъ, — ваше превосходительство.

— Жутко, я думаю, и тебѣ въ этакомъ адскомъ мѣстѣ?

— Да, — говоритъ, — но главное дѣло, что мнѣ утромъ всегда пить очень хочется, а тутъ нигдѣ лавчонки нѣтъ. Въ другихъ больницахъ, которыя строены въ порядкѣ домовъ, это хорошо: тамъ сейчасъ, какъ дождешь утра, такъ и выбѣжишь: квасу или огуречнаго разсолу выпьешь, и оживетъ душа; а тутъ эта больница на площади... ни одной лавки вблизи нѣтъ... Просто, ей-Богу, даже ротъ трубкой сталъ.

Генералъ вынулъ два пятналтынныхъ и говоритъ:

— Сходи, за моего усопшаго чайку въ трактирѣ напейся.

Читальщикъ, разумѣется, доволенъ и благодаритъ.

— Видно, говоритъ, — вамъ дорогой человѣкъ былъ?

— Да, братецъ! Я бы ста рублей не пожалѣлъ, чтобы его поставить.

А читальщикъ ему и шепчетъ:

— Какъ же ихъ поставить! У нихъ ужъ всѣ чувства убиты и пульсы заморены, потому что, вѣдь, струменціо-то

ставятъ подъ самую мышку, а въ пяткахъ подъ щиколоткой еще и послѣ смерти пульсы бьются.

Читальщикъ это сказалъ и ушелъ, а генералъ свонный намекъ, на что онъ намекалъ,—понялъ, и какъ служитель вернулся и сказалъ, подъ которымъ нумеромъ камердинеръ лежитъ,—тотъ ему говоритъ:

— Хорошо, братецъ, я надъ нимъ здѣсь останусь, а ты поди и сейчасъ мнѣ батюшку попроси, — я хочу панихиду отпѣть.

Служитель опять побѣжалъ, а генералъ зажегъ читальщикову свѣчечку да прямо покойника огнемъ подъ пятку... Тотъ вразъ и вскочилъ, а генералъ его сейчасъ на извозчика да домой, а потомъ въ баню, а другого человѣка, буфетчика, къ этимъ же докторамъ съ письмами послалъ— къ старшему и къ двумъ его главнымъ помощникамъ,— чтобы пришли къ нему его самого лѣчить.

Тѣ и рады: думаютъ, генералъ съ состояніемъ, тутъ ужъ мы хорошо попользуемся! И притомъ же они были напугавшись, куда отъ нихъ изъ мертвецкой мертвый дѣлся; весь лишній форсъ съ себя сбросили и пришли.

А генералъ велѣлъ, чтобы какъ они придутъ и сядутъ, такъ чтобы сейчасъ открыть изъ другой комнаты дверь и чтобы камердинеръ, во фракѣ, съ большимъ подносомъ чаю въ рукахъ входилъ.

Доктора, какъ это увидали, такъ всѣ трое съ креселъ на полъ и упали. А генералъ выхватилъ пистолетъ и одному и другому помощникамъ груди прострѣлилъ, а старшаго доктора выступкой подкинулъ и началъ трепать его со щеки на щеку, а послѣ, какъ уморился, говоритъ: «Иди теперь, жалуйся».

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

И когда няня докончила мнѣ этотъ разсказъ, она добавила съ радостью: «вотъ какъ!»—и я удивился. Она была женщина опытная, понятливая и осторожная, такъ что во всякомъ дѣлѣ обмануть ее было не легко. и неужели же этой нелѣпости она вѣрила?

Да, она вѣрила, или, если и не вѣрила, то *хотѣла, чтобы это было такъ*, потому что это ей было *со вкусъ*.

Я съ нею вступилъ въ пререканіе, приводилъ ей самыя простыя соображенія и доказательства того, что такое

происшествіе совершенно невозможно. Она все слушала и со мною соглашалась, но вслѣдъ за тѣмъ съ усиленнымъ самодовольствомъ добавляла:

— Ну, однако, генералъ докторовъ все-таки угостилъ, какъ заслужили! И вотъ такъ бы и всѣхъ ихъ стоило.

— Да за что же? Какая имъ выгода морить людей?

— Вотъ, вотъ, вотъ!.. Вотъ это-то отъ нихъ и надо узнать! И узнаютъ...

Мнѣ чувствуется, что эта женщина — заодно съ тѣми, которые думаютъ, что надо убить не «запятую», а докторовъ. Но, можетъ-быть, я ошибаюсь. Любопытствую у ея госпожи, у которой она служитъ двадцать лѣтъ и воспитала ей «гвардейцевъ». Спрашиваю: не слыхали ли, какіе няня пустяки разсказываетъ о генералѣ?

— О, — отвѣчаетъ мнѣ дама: — это она уже давно говоритъ... А впрочемъ, вѣдь это и всѣ разсказываютъ.

— Какъ всѣ?

— Да вотъ и у X. и у Y. и у Z дѣвушки говорили мнѣ то же самое, да и ваша Саша.

— Что такое — моя Саша?

— Она тоже говоритъ то же самое.

А «моя Саша» — молодая дѣвушка, восемнадцати лѣтъ, которая «тиха не по лѣтамъ» и которую всѣ зовутъ «мокрою курицей». Что же она можетъ говорить?

Но оказывается, что и она дѣйствительно знаетъ о генералѣ и его камердинерѣ, и о приходимой красоткѣ, — и сама, хоть она «мокрая курица», но очень весело сочувствуетъ тому, что «лѣкарей надо бить».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Захожу на другой день къ лавочнику посидѣть у его лавки. Лавочникъ, — человѣкъ молодой, очень пріятный и обладаетъ совершенно непосредственнымъ краснорѣчіемъ. Онъ «изъ поваровъ», кроткъ, благовоспитанъ и благоувѣтливъ: имѣетъ нѣжное сердце, за которое и претерпѣваетъ. Онъ «прибылъ къ здѣшней предмѣстности» тоже при генералѣ, у котораго ему было «хорошо наживать», но влюбился въ «этой предмѣстности» въ красивую эстонскую дѣвушку, и они «подзаконились». Отсюда начался «переломъ его жизни»: у нихъ вдвоемъ было пятьдесятъ рублей капитала, и на этотъ капиталъ они повели разностороннюю

дѣятельность: онъ снялъ сельскую лавчонку, а она стала заниматься стиркою бѣлья. Съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько лѣтъ, и они во все это время неутомимо старались устроиться, и кое-чего достигли: у нихъ уже трое дѣтей и всѣ прехорошенькія, но весь основной капиталъ ушелъ въ предпріятія. Теперь они живутъ только однимъ оборотомъ и, кажется, сами удивляются: какъ до сихъ поръ ихъ отсюда не выгнали, или они не умерли съ голоду? Но ихъ любовь и нѣжное и страстное «другъ ко другу стремленіе» не охладѣваютъ, и потому лица ихъ, равно какъ и личики ихъ дѣтей, всегда веселы и пріятны. Видѣть эти счастливыя лица—удовольствіе.

Спрашиваю я этого коммерсанта: не слыхалъ ли онъ исторіи о воскресномъ генеральскомъ камердинерѣ, о которомъ будто бы всѣ говорятъ? Лавочникъ подумалъ и отвѣчаетъ:

— Кажется, будто что-то слышалъ.

— Да вѣдь это же,—говорю,—нисколько не похоже на правду.

— Не знаю, какъ вамъ изъяснить въ опредѣленіи факта; но мнѣ, впрочемъ, это и ни къ чему... Ну ихъ!

А во мнѣ уже разыгрывается подозрительность, что и этотъ мой собесѣдникъ тоже не чистосердеченъ и что онъ тоже не за докторовъ, а за запятую; но поговорили мы дальше, и на душѣ становится яснѣе: лавочникъ оказывается человѣкомъ совершенно объективнымъ, и даже самъ называетъ уже «исторію» *глупостью* и припоминаетъ, что «эта глупость пошла словно съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ходить *порціонный мужикъ*».

Слово это касается въ первый разъ моего слуха, и я спрашиваю: что это такое—порціонный мужикъ?

— А это,—отвѣчаетъ,—я такъ его прозвалъ.

— За что же?

— Да ужъ малъ онъ очень, совершенно цыпленокъ или порціонная стерлядка, которую дѣлить нельзя, а надо всю сразу съѣсть... Амкнулъ—и нѣтъ его... Да неужели вы его не видали?

— Не видалъ.

— Да вонъ онъ!

И тутъ я его увидѣлъ въ первый разъ, и вѣроятно съ тѣмъ, чтобы никогда его не забыть; но такъ какъ это ви-

дѣніе стóить того, чтобы передать его въ точности, то я долженъ обрисовать и рамку, въ которой оно мнѣ показалось.

Имецкъ—это длинная береговая линія домиковъ, соединяющая Усть-Нарову, или Гунгербургъ, съ мерекюльскимъ лѣсомъ, за которымъ непосредственно начинается и самъ знаменитый нѣкогда Мерекюль,—нынѣ довольно демократизованный или «опрощенный».

Мѣстоположеніе такое: море, за нимъ полоса плотно уложеннаго песку (plage), за плажемъ береговая опушка изъ кустовъ и деревьевъ, и тутъ построены дачи или домики, а мимо нихъ пролегаетъ шоссированная дорога и за нею лѣсъ, довольно сырой и довольно грязный.

Лавочники, такъ же какъ и домики, построены лицомъ къ дорогѣ, за которою начинается лѣсъ. А потому, когда лавочникъ, разсказывавшій мнѣ о «порціонномъ мужикѣ», заключилъ свои слова указаніемъ: «вонъ онъ!»—я прежде всего взглянулъ прямо передъ собою на лѣсъ, и первое, что мнѣ представилось, навело меня не на ближайшую дѣйствительность, а на отдаленное воспоминаніе о годахъ, когда я жилъ также противъ лѣса и, бывало, смотрю на этотъ лѣсъ долго и все вижу одни деревья, и вдругъ сидитъ заяцъ, подгорюнился и ушки ставитъ, а у меня сейчасъ, бывало, является охотницкая забота: чѣмъ бы его убить? И въ это время что-то около себя хватаешь, а опять взглянулъ—зайца ужъ и нѣтъ!

Теперешнее видѣніе было совершенно въ этомъ родѣ: на сѣро-зеленомъ, туманномъ фонѣ стояло что-то маленькое и грязно-розовое; но прежде, чѣмъ я могъ хорошо разсмотрѣть, что̀ это такое, оно уже и сникло.

— Боится,—проговорилъ лавочникъ.

— Чего же онъ боится?

— Запуганъ, знаете... бѣдность... Смотрите, смотрите! Вонъ онъ гдѣ, ниже на дорожку выходитъ.

И съ этимъ лавочникъ заложилъ себѣ за губу два пальца и пронзительно свистнулъ.

Порціонный мужикъ вздрогнулъ и оглянулся.

— Иди-ка сюда, Лишенный!—позвалъ его лавочникъ.

«Лишенный» къ порціонному мужику прилагалось въ родѣ обозначенія званія: такъ теперь зовутъ административно «высланныхъ» или «лишенныхъ столицы».

Мужиченко молча вернулся и пошелъ, и по мѣрѣ того,

какъ онъ ближе къ намъ подходилъ, я могъ яснѣе его разсматривать. Лѣтъ его нельзя было опредѣлить съ точностью: у него такое лицо, что ему можетъ быть между 20 и 50. Ростъ крошечный, какъ ростъ пятнадцатилѣтняго мальчика; худъ точно скелетъ, но обтянутый не кожею, а выпинявшею и вывѣтренной набойкой; губъ нѣтъ вовсе,— открыты два ряда превосходныхъ бѣлыхъ зубовъ; носъ тоненькій и свернувшійся какъ корешокъ у сухой фиги; два глаза небольшіе, круглые, какъ у птицы, и оба разнаго цвѣта, какъ у знаменитаго Анастасія Дирахита: въ одномъ глазѣ зрачокъ чистый, голубой, а въ другомъ весь испещренъ темными штрихами и крапинами, и оттого кажется коричневымъ; бороденка и волосы на головѣ—это все какіе-то клочья. На головѣ шапки нѣтъ, босъ и почти-что нагъ, потому что весь уборъ его состоитъ изъ портокъ и рубашки: портки изъ набойки, изношенныя до лепестковъ; они спускаются только немножечко ниже колѣнъ и оканчиваются «бахмарою». Рубашка была когда-то изъ розовой нестряди, но теперь это одна розовая грязь.

Гейне видѣлъ въ Пиренеяхъ надъ бездною нищаго-испанца, который былъ покрытъ лохмотьями, и «у него глядѣлась бѣдность въ каждую прорѣху; изъ очей глядѣла бѣдность», но «исхудалыми перстами онъ щипалъ свою гитару» *). И описаніе этой бѣдности разрывало душу людей чувствительныхъ и добрыхъ, а испанецъ все-таки былъ «въ лохмотьяхъ» въ тепломъ климатѣ, и у него была еще «своя гитара»...

Западные писатели совсѣмъ не знаютъ самыхъ совершенныхъ людей въ этомъ родѣ. Порціонный мужикъ былъ бы моделью получше испанца съ гитарой. Это былъ не человѣкъ, а какое-то движущееся ничто. Это сухой листъ, который оторванъ гдѣ-то отъ какого-то ледащаго дерева, и его теперь гонитъ и кружитъ по вѣтру, и мочитъ его, и сушитъ, и все это опять для того, чтобы гнать и метать куда-то далѣе...

И видишь его, и не разумѣешь: въ чемъ же есть смыслъ этого существованія?

«Господи! что сей самъ или родители его согрѣшили, и какъ проявятся въ немъ дѣла Божіи?!» Неужели, если бы

*) «Атта-Тролль».

птицы исклевали его въ зернѣ, или если бы камень жерновый утопилъ его въ дѣтствѣ — ему тогда было бы хуже?

Конечно, «вѣсть Господь, чего ради изнеможденъ плоть сыновъ человѣческихъ», но человѣку все-таки будетъ «страшно за человѣка»!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Онъ подошелъ и сталъ, и никому не сказалъ ни слова... Босыя ноги его всѣ въ болотинѣ, волоса шевелятся... Я близорукъ, но я вижу, что тамъ дѣлается. Руки его висятъ вдоль реберъ, и онъ большими перстами зацепилъ ихъ за веревочку, которою подпоясанъ. Какія бѣдныя, несчастныя руки! Онѣ не могли бы щипать гитару... Нѣтъ, это какія-то увядшія плети тыквы, которую никто не поливалъ въ засуху. Глаза круглые, унылые и разнаго цвѣта — они не глядятъ ни на что въ особенности, а замѣтно, что они все видятъ, но ему ничто не интересно. За щеками во рту онъ что-то двигаетъ; это ходитъ у него за скулою какъ орѣхъ у бѣлки.

Съ этого и началась бесѣда.

Лавочникъ спросилъ у него:

— Что ты, Лишенный, во рту сосешь?

Онъ плюнулъ на ладонь и молча показалъ мѣдный грошъ, и сейчасъ же опять взялъ его въ ротъ вмѣстѣ съ слюнями.

— Хлѣба купить желаешь?

Порціонный отрицательно покачалъ головою.

Лавочникъ въ его же присутствіи наскоро изъяснилъ о немъ, что онъ «изъ-за Москвы», — «оголѣлъ съ голоду»: чей-то скотъ пригналъ въ Петербургъ и хотѣлъ тамъ остаться дрова катать, чтобы домой денегъ послать, но у него въ ночлежномъ пріютѣ какой-то странникъ укралъ пятнадцать рублей и скрылся, а онъ съ горя ходилъ безъ ума и взятъ и высланъ «съ лишеньемъ столицы», но не вытерпѣлъ и опять назадъ прибѣжалъ, чтобы свои пятнадцать рублей отыскивать.

И когда разсказъ дошелъ до этого, порціонный отозвался; онъ опять выплюнулъ на руку грошъ и сказалъ:

— Теперь уже не надо.

Голосъ у него тоненькій и жалостный, какъ у больныхъ дѣвочекъ, когда онѣ обмогаются.

— Отчего же не надо?

— Дѣтки померли...

— Развѣ ты письмо получилъ?

— Нѣтъ; журавли летѣли да пѣли.

— А гдѣ же твоя жена?

— Къ слѣпымъ пошла. Слѣпымъ-то вѣдь хорошо жить: имъ подаютъ... имъ надо стряпать...

Мы всѣ замолчали,—кажется, мы всѣ страдали, а *онъ*, безъ сомнѣнія, всѣхъ больше; но лицо его не выражало *ничего!*

— Убитый человѣкъ!—прошепталъ нищій-лавочникъ:— въ разсудкѣ рѣшается,—и подалъ ему булку.

Тотъ ее взялъ, не поблагодаривъ, сунулъ за локоть, и опять опустилъ руки вдоль реберъ.

— Съѣшь!—сказалъ лавочникъ.

Мужикъ не отвѣчалъ, но взялъ булку въ руку, подержалъ и даже что-то съ нея хотѣлъ счистить и опять туда же сунулъ, за локоть.

— Не хочешь ѣсть?

— Не хочу... дѣтямъ снесу.

— Да дѣти вѣдь померли!

— Ну, такъ что-жъ... Имъ тамъ дадутъ, въ раю, по яблочку.

— Ну, да: а ты булку самъ съѣшь.

Мужикъ опять взялъ булку въ руки, опять снялъ съ нея то, что непадлежало явиться, и затѣмъ вздохнулъ и тихо сказалъ:

— Нѣтъ: все-таки пущай лучше дѣтямъ.

Лавочникъ посмотрѣлъ на него,—вздвинулъ плечами и прошепталъ:

— Господи! тоже и родитель еще называется!

Мужикъ это услыхалъ и повторилъ:

— Родители.

— И всѣ чувства къ семьѣ имѣешь?

— А то какъ же!

— А какое твое впередъ стремленіе?

— Не знаю.

— Разскажи барину, какъ генералъ докторовъ билъ. Баринъ тебѣ тоже на хлѣбъ дастъ: можетъ-быть, въ Нарву съѣздишь, а тамъ какую-нибудь работу найдешь.

И порціонный сейчасъ же началъ сразу ровнымъ, тихимъ голосомъ всю ту исторію, которую я передалъ уже со

словъ своей знакомой няни, но только поршіонъ ее излагалъ въ самомъ сильномъ конкретѣ: «Жилъ возлѣ рынка генералъ... имѣлъ вѣрнаго слугу-камердинера. Отлучился въ кіятеръ, а вѣрный камердинеръ къ себѣ приходимую крали принялъ чай пить... какъ вдругъ ему рѣзь живота... Взяли его и стали надъ нимъ опыть струментой пробовать, всѣ чувствія угасили, но въ подшиколкѣ еще пульсъ билъ. Генералъ его восхитилъ—и въ баню; потомъ позвалъ докторовъ въ гости, а камердинеру велѣлъ войти и чай подать... Тѣ и попадали... А генералъ двухъ разстрѣлялъ, а третьяго въ морду набилъ и сказалъ: «ступай, жалуйся!»

Этимъ все и кончилось.

Я далъ мужику два двугривенныхъ и хотѣлъ ему собрать завтра между знакомыми всѣ пятнадцать рублей, которые у него странникъ укралъ. Онъ мои двугривенные кинулъ себѣ въ ротъ (кармановъ у него, какъ у настоящаго праведника, не было). И затѣмъ онъ ушелъ и болѣе уже въ нашихъ мѣстахъ не показывался. Я ужъ думалъ, не повлекъ ли его рокъ въ Нижній за краткой развязкою?..

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

А тѣмъ временемъ пріѣзжаетъ съ кѣмъ-то извозчикъ изъ Нарвы и говоритъ, что къ нимъ ждутъ генерала Баранова и полкъ артиллеріи.

— Для чего же?

— Да на фабрикахъ,—говоритъ,—очень живой разговоръ пошелъ.

— О чемъ?

— Все объ струментѣ.

А дальше разсказываетъ, что у нихъ дѣло будто уже и разыгралось такимъ образомъ: пошелъ будто у нихъ какой-то докторъ на Нарову купаться, раздѣлся и сталъ при всѣхъ глупость дѣлать: спустилъ на шнуркѣ съ мостка въ воду трубку и болтаетъ ее и взадъ, и впередъ водитъ. Пополоскаетъ-пополоскаетъ и опять вытянетъ, поглядитъ и опять запуститъ... Люди увидали это и нѣсколько человѣкъ остановились, а потомъ закричали ему: «Докторъ, молъ, докторъ! Слышь-ко, оставь, молъ, лучше эту... струментацыю-то! Полно тебѣ ее полоскать!.. Оставь же, молъ; а то нехорошо будетъ!» А онъ не послушался и еще разъ закинулъ. Ну, тутъ его одинъ по голой плоти хворостиной

и дернулъ. И стали приставать. «Подай инструментъ, мы его отнесемъ узнать: что тамъ насажено». А онъ первой же хворостины испугался и бѣжать, и инструментъ съ собой... Ну, тогда, разумѣется, за нимъ ужъ и многіе рушили, и кои догоняли, тѣ били его; но, слава Богу, что онъ рѣзво бѣжалъ, а если бы онъ на грѣхъ споткнулся, либо упалъ— такъ на-смерть бы убить могли. Докторъ успѣлъ вспрыгнуть на извозчика и въ полицію голый такъ и вскочилъ... Тутъ послѣ и пошли по всѣмъ сходнымъ мѣстамъ и трактирамъ сходиться всѣ фабричные и ихъ эти тоже приходимыя красотки и пошли говорить по-русски и по-эстонски, для чего же полиція могла скрыть такого человѣка, который не постыдился при всѣхъ въ водѣ черезъ инструментъ микробу впускать... И теперь безпокойства, и ждутъ, что съ одной стороны выѣдетъ губернаторъ изъ Ревеля, а съ другой вступитъ графъ Барановъ — и начнетъ всѣмъ публиковать свои правила.

«Инструментъ» и «приходимыя красотки» — это прямо отдавало тѣмъ самымъ источникомъ, изъ котораго были почерпнуты первые матеріалы для легенды, получившей свое развитіе у насъ на plage. Вѣтеръ или вода, значитъ, занесли «занятую» прежде всего туда, въ наше фешенебельное мѣсто; но тамъ, на plage, «занятой» «среда не благопріятствовала», и занятая не принялась, или, культивируясь, вырождалась во что-то мало схожее и постороннее: а вотъ тутъ, когда она попала въ среду ей вполнѣ благопріятную, она «развила свои разведенія».

А что это была именно она, та самая «занятая», которую мы видѣли и не узнали, а еще сунули ей въ зубы хлѣбъ и два двугривенныхъ, то это вдругъ сообразили и я, и лавочникъ. И лавочникъ къ тому имѣлъ еще и «подтвержденіе на фактѣ», такъ какъ онъ самъ ѣздилъ на лошади въ Нарву за товаромъ, и когда назадъ возвращался, то порціонный мужикъ самъ явился ему за городомъ: онъ совершенно неожиданно поднялся къ нему изъ мокрой канавки и закричалъ: «Журавли летятъ! Журавли! Аллилуія!» Но только лавочникъ на этотъ разъ былъ уже умнѣе: онъ теперь зналъ, что порціонный мужикъ—человѣкъ опасный: лавочникъ поскорѣе хлеснулъ лошадь и хлѣба ему не кинулъ, а кнутомъ ему погрозилъ да прикрикнулъ:

— Вонъ графъ Абрамовъ наступаетъ съ публикаціей — онъ тебя удовольствуетъ!

А на «порціонѣ» какъ разъ, кстати, теперь уже и рваныхъ портъ совсѣмъ не было, такъ что и легко было его «удовольствовать»... Но сумасшедшій домъ, однако, могъ бы безъ грѣха укрыть его отъ этого «удовольствія».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Вотъ и весь сказъ о запятой. Тутъ налицо все: какая у нея видимость и умственность, что̀ у нея за характеръ и какова она въ словахъ и въ разсужденіи своего вліянія на мозгъ человѣческій. Кажется, ничто особенно хитро не задумано и не слажено: что̀ есть, то̀ все взято безъ всякой пропорціи, не на вѣсъ, а на глазомѣръ или, еще проще,— сколько влѣзло. Во всякомъ случаѣ, всего менѣе попало сюда злого намѣренія и расчета. Этого снадобья тутъ не болѣе, чѣмъ поэзіи Фета, которая участвуетъ въ составѣ преступленія «запятой» только однимъ стихомъ: «Приходи, моя милая крошка». Такимъ образомъ муза поэта, ненавидѣвшаго народныя несуразности, изловлена гдѣ-то въ то время, какъ она гуляла въ ароматномъ цвѣтникѣ или неслась надъ деревнею по воздуху, слетѣвъ съ устъ пѣвицы, «запузырившей» за фортепіаномъ въ дворянскомъ домѣ. Ао. Ао. Фетъ вѣрно былъ бы недоволенъ тѣмъ, что сѣрый народъ безъ толку тормошитъ его «милую крошку». но вины Фета въ томъ нѣтъ. Столько же виновата и вся дѣйствительность. Вѣтеръ листъ сухой гоняетъ и треплетъ, и онъ то летитъ, то катится, то гніетъ въ грязи и потомъ опять сохнетъ, и опять изъ темныхъ мѣстъ поднимается. Вотъ это самое дѣйствительное и несомнѣнное: все остальное—зыбь поднебесная, марево, буддійская карма, которая всѣмъ точно снится... Никакого перваго заводчика пѣсни и сочинителя легенды нѣтъ! Порціонный мужикъ, конечно, не сочинялъ «бѣдную крошку». Гдѣ ему! Онъ получилъ ее уже готовую и за горемъ своимъ онъ развивалъ ее гораздо слабѣе, чѣмъ всѣ другіе импровизаторы... За что же его такъ участь жестока?

О, Господи! сжалься надъ нимъ да сошли и намъ просвѣщающую вѣру вмѣсто суевѣрія!

Изъ всѣхъ «запятыхъ» самыя ужасныя тѣ, которыя скрываются во тьмѣ суевѣрій.

РАСТОЧИТЕЛЬ.

ДРАМА ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Посв. артисту Н. Зубову).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Иванъ Максимовичъ Молчановъ, молодой купецъ, 30 лѣтъ. Одѣвается по-современному; держится ловко; носитъ бороду.

Марья Парменовна, жена его, 28 лѣтъ.

Парменъ Сѣменовичъ Мякишевъ, тесть Молчанова, купецъ рослый, тяжелый, съ большою просѣдью; одѣвается по-старинѣ.

Анна Семеновна, жена его, купчиха лѣтъ за 40.

Фирсъ Григорьевичъ Князевъ, купецъ лѣтъ 60, бодрый, сдержанный и энергическій. Сѣдые волосы на его головѣ острижены низко и причесаны по-кадетски; борода довольно длинная, но узкая и тоже сѣдая; одѣтъ въ длинный сюртукъ, сдѣланный щеголевато. Вообще фигура очень опрятная. На носу золотые очки. — Первый человѣкъ въ городѣ.

Иванъ Николаевичъ Колокольцовъ, товарищъ Молчанова, 30 лѣтъ, городской голова.

Вонифатій Викентьевичъ Минутка, думскій секретарь, изъ поляковъ.

Калина Дмитріевичъ Дробадоновъ, дядя Молчанова по женской линіи, купецъ очень крупнаго тѣлосложенія, лѣтъ 42; одѣтъ неряшливо.

Иванъ Петровичъ Канунниковъ
Матвѣй Ивановъ Варенцовъ
Илья Сергѣевъ Гвоздевъ
} пожилые купцы и члены Думы.

Марина Николаевна Гуслярова, молодая женщина лѣтъ 27, дочь пріятеля Ивана Молчанова, воспитанная въ дѣтствѣ въ Молчановскомъ домѣ.

Старуха, мать Марины, слѣпая.

Алеша Босый, помѣшанный, слыветъ юродивымъ; онъ не носитъ никакой обуви и зиму и лѣтомъ ходитъ босой въ одной длинной рубашкѣ.

Спиридонъ Обрѣзовъ, старый ткачъ.

Павлушка Челночекъ, мастеровой.

Служанка въ домѣ Мякишевыхъ.

Алена } слободскія дѣвушки.
Саша }
Пріѣзжій парень.
Двое дѣтей Молчанова.
Фабричные, купцы и мѣщане, полицейскіе солдаты и квартальный.
Дѣйствіе происходитъ въ 1867 году, въ большомъ торговомъ городѣ:
1-е—въ садовой бесѣдкѣ у Князева.
2-е—въ городскомъ домѣ Молчанова.
3-е—въ домѣ Мякишевыхъ.
4-е—въ паркѣ при Молчановскихъ фабрикахъ.
5-е—въ домѣ Дробадонова.
Между 1-мъ, 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ дѣйствіями проходитъ нѣсколько дней, а между 4-мъ и 5-мъ—три мѣсяца.

— —

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Просторная садовая бесѣдка, обращенная въ лѣтнее жилище Князева и убранная, какъ кабинетъ достаточнаго человѣка, но нѣсколько въ старинномъ вкусѣ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Князевъ *(при поднятіи занавѣса сидитъ за стариннымъ бюро корельской березы и читаетъ письмо).* «А къ сему еще и то тебѣ, любезный Фирсъ Григорьевичъ, прибавлю, что у насъ въ столицѣ нынѣ нѣчто совсѣмъ отъ прежняго отмѣнилось, и хоша то и справедливо, что на всякую болѣзнь свое зелье растетъ, только нынѣ аптекъ тѣхъ уже нѣту, гдѣ зелье противу нашихъ немочей приготовлялось. Судъ старый рухнулъ, и при новыхъ судебныхъ выдумкахъ я въ дѣлѣ, о коемъ ты пишешь, пособникомъ быть считаю не безопаснымъ. Одно, что могу тебѣ присовѣтовать, то признайся ты питомцу своему Молчанову, въ чемъ грѣшенъ, и ненадлежаще отъ него присвоенное возврати. Иной же поправки сему дѣлу въ нынѣшнія тяжкія времена не ожидай». *(Нетерпѣливо дернулъ письмо, продолжаетъ скороговоркою):* «Молчановъ пылокъ и добръ, и если ты передъ нимъ, какъ прочіе купцы дѣлаютъ, хорошенько расплачешься, то онъ, пожалуй, и разжалобится...» *(Комкаетъ письмо).* Дуракъ, а не стряпчій! Чортъ его знаетъ, что онъ мнѣ за отвѣтъ написалъ! Я его спрашивалъ: какъ мнѣ быть, чтобы не уронить себя, чтобы оправиться въ Молчановскомъ опекунскомъ дѣлѣ и сдать отчеты безъ приплаты, а онъ мнѣ что отвѣчаетъ: «отдать!» Отдать!... Да нечего отдать,

глупецъ!... Расплакаться!... Кто это видѣлъ, какъ Фирсъ Князевъ плачетъ! и передъ кѣмъ? И отъ чего заплакать?.. Вашъ новый судъ! Что жъ это—люди, что ль, перемѣнились? Вздоръ! Не можетъ быть, чтобъ человѣкъ съ умомъ не сдѣлалъ въ Россіи того, что хочетъ... Все это выдумка! Да наконецъ и графъ Александръ Андреичъ этого не можетъ допустить. На него на полмилліона векселей при такомъ судѣ представятъ, а онъ платить долговъ не поваженъ. Пустое, вздоръ, мечтанье, форма.... Нѣтъ, меня не запугаете, и пока этотъ лобъ наружу, на Фирса Князева узды вамъ не накинуть. *(Слышенъ стукъ въ двери.)* Кто тамъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Минутка *(входя)*. Не безпокойтесь: это я.

Князевъ. Что ты тамъ пропадалъ столько времени? Велики, знать, очень секретарскіе разносолы.

Минутка *(усаживаясь)*. Нѣтъ, какіе тамъ наши разносолы, а все же старуху восемь дней не видалъ.... да ей и нездоровится.

Князевъ. Ну, что тамъ нездоровится... псовая болѣзнь до поля, бабья до постели: выспится и здорова будетъ.

Минутка *(подобострастно улыбаясь)*. Это такъ, такъ... онѣ, какъ кошки: переволоки на другое мѣсто и опять живутъ... Ну ахъ, чтобъ вы знали только зато, какъ я разбѣлся... Кажется, заничто на свѣтѣ теперь бы съ постели не всталъ. Вѣдь шутка ли, въ самомъ дѣлѣ, въ восемь дней въ Петербургъ и назадъ. Хороша дорога, слова нѣтъ, особенно отъ Питера до Владиміра по чугункѣ, какъ въ комнатѣ сидишь; но ужъ отъ Владиміра...

Князевъ *(перебивая)*. Да, отъ Владиміра многимъ не нравится... Ну, да къ чорту это! Разскажи ты мнѣ теперь, братецъ, что же ты сдѣлалъ въ Петербургѣ по моему приказанію? Письмо ты мнѣ отъ стряпчаго привезъ столь глупое, что я этого человѣка послѣ этого сумасшедшимъ считаю.

Минутка *(осклабляясь)*. Нѣтъ, большого ума, большого ума человѣкъ, Фирсъ Григорьевичъ! Не дѣти, а мужи, самые настоящіе мужи, дѣльцы и тѣ пріуныли. Одно слово, какъ стряпчій сказалъ, нечего и рецептовъ писать, когда наши аптеки всѣ закрыты. *(Разводитъ руками)*.

Князевъ. Какъ же это,—стало-быть, и ты уже безъ взятокъ жить собираешься?

Минутка. А что жъ подѣлаешь!

Князевъ *(встаетъ и начинаетъ ходить).* А вытерпѣть надѣешься?

Минутка. Представьте, Фирсъ Григорьичъ... чтобъ вы знали, ни денегъ дать, ни упросить его, ни подкупить... какъ вамъ это нравится?

Князевъ. А обмануть?

Минутка *(смотритъ на Князева съ изумленіемъ и растерянно повторяетъ).* Обмануть...

Князевъ. Да... обмануть?

Минутка. И обмануть... Ну, чтобъ вы знали, и обмануть я, Фирсъ Григорьичъ, не въ надеждѣ.

Князевъ. Ну обойти, коли не обмануть?

(Минутка молча разводитъ у себя подъ носомъ руками).

Князевъ *(про себя).* Однако, и у піявки брюшко залубенѣло. *(Громко.)* Нѣтъ, панъ Вонифатій, вижу я, что двадцать лѣтъ назадъ, когда тебя только-что прислали изъ Польши на смиреніе, ты смѣлѣй былъ. Помню я, какъ ты, первый разъ, какъ я тебя у полицеймейстера за завтракомъ увидѣлъ, разсуждалъ, что «въ Россіи невозможности нѣтъ». За одно это умное слово я тебя, сосланца, возлюбилъ и на службу принялъ и секретаремъ въ Думѣ сдѣлалъ, и двадцать лѣтъ намъ съ тобой и взаправду невозможности не было.

Минутка. То двадцать лѣтъ назадъ вѣдь говорилъ я, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ. Да; въ эти двадцать лѣтъ ты понажился, а я... а я прожился.

Минутка. Кто жъ этому причиной, Фирсъ Григорьичъ? Не я тому причиной: я жилъ по средствамъ, вы же...

Князевъ *(перебивая).* Молчи, сморчокъ!... Въ тебѣ сидитъ одинъ польскій чортъ, а во мнѣ семь русскихъ чертей съ дьяволомъ, такъ не тебѣ про то судить, кто виноватъ. Когда бъ не эти черти, я и теперь бы дома не сидѣлъ и не послалъ бы тебя въ Питеръ. *(Успокоиваясь.)* Говори, велико ли время еще дадутъ мнѣ на передышку?

Минутка *(пожавъ плечами).* Сказали такъ, что дѣло объ отчетѣ два мѣсяца не болѣе могутъ продержать, и тогда потребуютъ остатки.

Князевъ. Сколько?

Минутка. Начету будетъ тысячъ двѣсти.

Князевъ. Двѣсти тысячъ!.. Ты врешь!

Минутка. Помилуйте, на что мнѣ врать.

Князевъ. На что?.. А ты соври себѣ, чтобъ легче было отвѣчать.

Минутка *(вскакивая и дрожа).* Да я-то что же здѣсь? Я здѣсь при чемъ же, Фирсъ Григорьичъ?

Князевъ. Агу, дружочекъ! Ты здѣсь при чемъ? А не знаешь ли ты того подьячаго, что намъ съ Мякишевымъ двадцать лѣтъ отчеты по Молчановской опекѣ выводилъ? Что, голубь! Я вѣдь бумажки прячу.

Минутка *(потерявшись, не знаетъ, что сказать).*

Князевъ. А! Ишь, какъ дрожитъ! Вотъ тѣмъ-то вы, ляшки, и скверны. На каверзу вотъ тутъ васъ взять, а если гдѣ придется стать лицомъ къ лицу съ бѣдою, такъ тутъ вы ужъ и жидки на расправу. *(Грозя пальцемъ.)* Эй, панъ, со мною не финти! *(Смѣло.)* Я крѣпко кованъ! Я знаю, куда ступаю. Я сѣлъ опекуномъ, такъ изъ всѣхъ должностей высѣлъ, а тебя, дурака, въ Думу посадилъ, и... придетъ къ тому, такъ... я же тебя и въ тюрьму посажу. Чего дрожишь! Чего? не бойся. Вѣдь новый судъ надъ нами еще не начался, а до тѣхъ поръ держись... вотъ тутъ вотъ... за полу мою держись, покуда... *(съ омерзѣніемъ)* покуда въ носъ сапогомъ не тресну.

Минутка. Да что вы, Фирсъ Григорьичъ! Я, что ль, за новый судъ! Да заничто на свѣтѣ! Тифу! вотъ ему что̀ отъ меня, новому суду. Я, чтобъ вы знали, я всѣмъ чѣмъ угодно готовъ служить вамъ, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ. Ну, всѣмъ — гдѣ тебѣ всѣмъ служить? Я тебя посылаю каверзить — слышишь, каверзить. Больше вы, паны, ни на что не способны.

Минутка. Да ну-те бо, Богъ зъ вами, какой я панъ, я такой же, какъ и вы, русскій человѣкъ.

Князевъ *(презрительно).* Ну, врешь—такой же! — что у тебя на русской службѣ польская кость собачьимъ мясомъ обросла, такъ ужъ ты отъ этого и русскимъ сдѣлался! Впрочемъ, не русись: ты мнѣ такой и нуженъ, какой ты есть! Гдѣ ума потребуется, тамъ мы своего поищемъ; а ты ступай повсюду... бунтуй народъ, мѣщанъ, особенно фабричныхъ... Заслать людей, чтобы и малому и старому твердили.

что Фирсъ Григорьичъ ихъ отецъ, что онъ застоя ихъ; онъ благодѣтель ихъ и покровитель... Понимаешь? Сказать, что помните, молъ, въ прошломъ году совсѣмъ - было быть набору... а какъ министерскій чиновникъ черезъ нашъ городъ проѣхалъ да съ Князевымъ повидался, — и набору, молъ, конецъ. Ты все это долженъ помнить: самъ, вѣдь, распускалъ. Теперь опять все это имъ напѣть, да растолковать имъ, каналіямъ, что я все могу сдѣлать.

Минутка. Это... это, что и толковать! Этому, чтобъ вы знали, они и такъ всѣ вѣрятъ.

Князевъ. Знаю! И то... да! скажи, что опять въ Петербургѣ про наборъ слышалъ... Это старо, да еще не изъѣздилось... Скажи и поприбавь, что я, освободившись теперь отъ Молчановской опеки, не откажусь быть головою и... «его, молъ, выберутъ». Это ничего, что не ты, а они выбирать будутъ—ты прямо говори, что выберутъ.

Минутка *(смѣясь).* Быдло!.. Скотъ, скотъ... бараны... я про народъ-то говорю: бараны!

Князевъ. Да; ступай и дѣйствуй смѣло, а я здѣсь кое-о-чемъ подумаю.

Минутка. Одно только, какъ бы это такъ получше, Фирсъ Григорьичъ, пустить, чтобы оно всюду прокатило?

Князевъ. Ну, объ этомъ ты не заботься: у насъ правда молчкомъ лежитъ, а брехню пусти съ уха на ухо, она пролетитъ съ угла на уголъ. Ступай.

Минутка *(порываясь къ двери).* Прощайте, до свиданья.

Князевъ. Да то еще... Да! если что-нибудь тебѣ случится разузнать, что Ванюшка Молчановъ не спокоенъ, что что-нибудь затѣваетъ...

Минутка. То дать вамъ знать?

Князевъ. Да, ту жъ минуту; ту жъ секунду... Слышишь: ту жъ секунду. Бѣги сюда хоть ночь, хоть за-полночь... да не ломись дворомъ, гдѣ люди видятъ, а оттуда, знаешь, съ выгона подергай за веревку. Я самъ тебя впущу въ садовую калитку.

Минутка. Не учите... знаю.

Князевъ. Не дай зѣвка.—Мнѣ кажется, что онъ не даромъ что-то очень тихъ. *(Про себя.)* Чортъ знаетъ... я бойкихъ людей не люблю и очень тихихъ не люблю тоже. Не вѣрю я тихимъ. *(Минуткѣ.)* Не вѣрю я тихимъ!

Минутка. Фирсъ Григорьичъ, не безпокойтесь! Кто тихо ходитъ, того чохъ выдастъ... чохъ выдастъ... хе-хе-хе, чохъ...

Князевъ. Ступай.

(Минутка уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Князевъ *(одинъ медленно и съ усталостію).* Проклятая самая вещь чужіе милліоны въ рукахъ держать: ладони сами словно клеемъ приклеиваются—все такъ и пристаетъ къ нимъ, такъ и пристаетъ; а потомъ вотъ какъ понапинетъ—и трудно приходится разсчитываться. Двѣ недѣли! Что тутъ можно сдѣлать изъ ничего въ двѣ недѣли? А не сдѣлай.—бубновый тузъ тебѣ на спину и въ каторгу. Гм! Но и еще и не въ томъ дѣло, что въ двѣ недѣли, и не въ томъ, что изъ «ничего»; а когда это? въ какое время? когда я уязвленъ, когда я умомъ помраченъ и только мечтаю о сластн, когда все наконецъ ужъ такъ доведено, что Маринѣ шагу ступить безъ меня невозможно... Сегодня ей ужъ послѣдній ударъ нанесенъ: я вчера велѣлъ Дросидѣ, чтобъ нынче выгнать ихъ — и ее и мать — если Маринка еще ломаться будетъ. Теперь ей одинъ выборъ — идти съ слѣпою матерью питаться желудьми или... придти ко мнѣ. *(Глядя на часы.)* Теперь девятый часъ въ исходѣ... Непремѣнно должна бы сейчасъ быть... Небось, закутается... идетъ, словно земля подъ ней проваливается, и все плачетъ. Гм! *(Подумавъ.)* А я очень люблю иногда плачущихъ женщинъ... *(Страстно.)* У нихъ въ это время, когда онѣ плачутъ, губы такія... жаркія, и все какъ бабочка на булавкѣ трепещутся... Давно ужъ, давно я не цѣловалъ этакой! *(Задумывается.)* Изучились всѣ, всѣ ужъ и здѣшнія-то пріучились, какъ рыбы холодныя на блесточку ходятъ, только блесточекъ заготавливай... Ахъ, эти блесточки, блесточки!... Вотъ, чортъ возьми, вертись, какъ жидъ передъ жолнеромъ: то баба, то свое спасенье. *(Садится къ столу, на которомъ стоятъ книги законовъ.)* Неужто же въ самомъ дѣлѣ ни умъ, ни законъ, ничто не поможетъ? Нѣтъ! чтобъ выгонять вонъ изъ головы эту проклятую бабу, давай лучше законы читать стану. Теперь мода на законы пошла. Прежде была мода на возможность, а нынѣ на законъ *(Раскрываетъ одну за другою нѣсколько книгъ.)* Что жъ!.. Говорятъ, подьячій отъ закона питается: не утѣшитъ ли онъ и насъ чѣмъ? *(Читаетъ.)*

«О фальшивыхъ монетчикахъ».—Вотъ эта статья интересная. Только велика трупна требуется. *(Ищетъ далѣе.)* «О нарушеніи союза брачнаго». *(Останавливается и нѣсколько секундъ читаетъ.)* Мужъ можетъ потребовать жену къ совмѣстному сожительству... а чтобы онъ не потребовалъ... *(Съ досадой.)* Но это опять все про нее! про нее!.. *(Оглядывается на дверь.)* Однако, что-то вотъ ея и нѣтъ. *(Глядя въ книгу.)* «О расточительствѣ». Вотъ этимъ закономъ меня хорошо было съ дѣтства отчитывать. *(Вздыхаетъ и бросаетъ книгу.)* Все вздоръ! Есть только то, чего не надо; а за что зацѣпиться? на чемъ выскочить?.. На что стать да насмѣяться этимъ и новымъ судамъ, и новымъ людямъ —того и нѣтъ! *(Слышится стукъ въ двери).* Ага, вотъ и она! *(Откидываетъ крючокъ.)* Одна?

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и **Дросида** *(входя)*. Одна, родимый. Да и съ кѣмъ же быть-то? Не съ кѣмъ.

Князевъ. Какъ не съ кѣмъ! Что такое?

Дросида. Да вѣдь ушла она, Марина-то, еще вчера ушла. Я думала, что ты ужъ знаешь, потому весь городъ знаетъ. Я про то и идти и глазъ тебѣ показать боялась, что ты, молъ, этакой человѣкъ... гнѣвенъ теперь...

Князевъ. Ты толкомъ мнѣ говори. Я твоей этой болтовни ничего не понимаю. Я дома сидѣлъ: ничего не слышалъ, а докладывать—кто мнѣ смѣетъ про эти глупости докладывать?

Дросида. А коли не знаешь, изволь, родимый, все разскажу. Я все ей баяла. Я говорю, ты вспомяни, Маринушка, что кто вѣдь былъ твоей застоей? Подумай, молъ, что ты вѣдь мужняя жена, а мужъ твой есть убивецъ. Кто за тебя вступился? Фирсъ Григорьичъ. Кто мужа твоего по чести спровадилъ въ Питеръ да еще и денегъ на разживу далъ.— кто? все же Фирсъ Григорьичъ. Кто этотъ домикъ-то, не домикъ, а хоромы добрыя тебѣ удержалъ, не далъ твоему мужу прогусарить?—опять же Фирсъ Григорьичъ!

Князевъ. Ну!

Дросида. Да какъ же тебѣ, говорю, того не чувствовать? Ну, а она свое: я бы, говоритъ, отъ мужа и сама убѣгла, потому что онъ, всѣмъ извѣстно, разбойникъ: а что хоромы, такъ это, говоритъ, вѣдь наши притоманныя, свои хоромы: ихъ Фирсъ Григорьевичъ обманствомъ выманилъ: говорилъ,

чтобъ только переписать за него, чтобы мужъ меня подъ домъ денегъ занимать не заставлялъ; а нынче видно шутку эту въ правду ужъ повернулъ. Такъ мнѣ плевать, говоритъ, на эти и хоромы Я, говоритъ, пужды не боюся, а ужъ тѣла своего не продаю. Дура ты, говорю ей, такъ же вѣдь съ своимъ съ разбойникомъ-то жила и тѣло ему предавала. Ну, то, говоритъ, законъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, и бабы про законъ запѣли!

Дросида. Да, говоритъ, законъ. Да что, молъ, намъ, нищимъ, законъ! Хорошо въ законѣ ходить, кому Богъ обужку далъ, а у насъ рѣдкая-рѣдкая, которая отъ Фирса Григорьича чѣмъ не пользовалась... Моя, говорю, дочь не хуже тебя была...

Князевъ. Ну, это ты прежде мимо съ своей дочерью.

Дросида. Не хуже тебя, говорю. Алена-то моя была, да за счастье даже это почитала. А она съ этимъ харкъ мнѣ въ глаза, да говоритъ: змѣя ты, да еще змѣи хуже, потому и змѣя своихъ чорёвъ не ѣстъ, а ты къ чему дочь устроила. Я ужъ тутъ-то не стерпѣла, да и говорю: ну, коли ты говоришь, что я свое дитя съѣла, то ты хуже меня будешь и свою мать съѣшь. Мнѣ, говорю, отъ Фирса Григорьича такой приказъ данъ теперь, что если ты ногѣ своихъ капризовъ не переломишь да не пойдешь къ нему, такъ замѣсть того, чтобы онъ домъ на тебя записалъ, вотъ тебѣ Богъ да порогъ: выходи вонъ отсюдова съ своею матерью.

Князевъ. Ну, и что жъ она?

Дросида. Что жъ ей, безчувственной, Фирсъ Григорьичъ! Она тому и рада словно. Прегордо плюнула еще, да и была такова. «Собирайся, маменька: нашъ домъ-то не нашъ, говоритъ, вышелъ». Повязала узлы, да и слѣдъ ихъ таковъ.

Князевъ. Скажите, пожалуйста, какой, однако, въ этой бабенкѣ гоноръ сидитъ. *(Отходя.)* Вѣдь это... вѣдь это я вамъ говорю *(итыдетъ пальцы)*... вѣдь это сюпер-фейнъ! Эта... разомнетъ кости, пока ее къ знаменателю приведешь. Я и этотъ родъ знаю. Знаю, знаю! Сей родъ ничѣмъ же изымается, но хорошъ, хорошъ, заманчивъ. Дуру, какъ галку, сейчасъ подманишь, и сама и на плечо садится; а этакую... какъ сокола ее надо вынашивать... Маять ее, чтобы одурь ее взяла... чтобъ отдыху ей не было, чтобъ изъ силъ выбилась, съ тѣла спала... Въ нихъ вѣдь это не то... не мя-

коть, не тѣло дорого... а въ нихъ... Да дьяволъ ихъ знаетъ, что въ нихъ такое! *(Дросидѣ).* Ну, и куда же она пошла?

Дросида. Да ужъ прежде, видно, Фирсъ Григорьичъ, у нихъ мѣсто-то готовлено. Она такъ прямо, плюнувши, и говоритъ: страшать было вамъ, говоритъ, меня допрежъ сего, да и тогда-то бы я не больно испужалась, а нонѣ мнѣ спасибо вамъ, что выгнали. Взяла слѣпую мать и повела къ Молчанову на дачу.

Князевъ *(вскакивая).* Къ Молчанову? Ты врешь!

Дросида. Мнѣ ли лгать тебѣ, родимый Фирсъ Григорьичъ. Сама я видѣла, какъ взяли за уголъ и полемъ поплелись вдвоемъ къ Молчановской слободкѣ.

Князевъ *(проворно вскочивъ и распахивая. Про себя).* А, братъ Иванъ Максимычъ, ты что-то частенько сталъ мнѣ поперекъ дороги шнырить. За тебя терплю, да и отъ тебя терпѣть — это ужъ не много ли будетъ по двѣ собаки на день! *(Слышенъ стукъ въ двери.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Минутка.

Минутка *(блѣдный и взволнованный вбѣгаетъ и, обращаясь къ Дросидѣ).* Ступай отсюдова, ступай! Прикажите ей, Фирсъ Григорьичъ, поскорѣе вонъ выйти.

Князевъ *(Дросидѣ).* Поди тамъ подожди въ саду.

(Дросида уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же безъ Дросиды.

Князевъ. Чего ты мечешься, какъ угорѣлый?

Минутка. Да, угорѣлъ... прекрасно вы всѣхъ насъ учадили: на цѣлый вѣкъ этого угару хватитъ.

Князевъ. Не ври: всякій угаръ пройдетъ, какъ свиньи спать лягутъ. Ты говори, въ чемъ дѣло?

Минутка. Помилуйте, да вамъ вѣдь лучше знать, въ чемъ дѣло. Скажите-ка вы, гдѣ у васъ черновые счеты, которыми вы меня пугали?

Князевъ. Въ коробьѣ спрятаны.

Минутка *(плачевно.)* Да что вы шутите! намъ не до шутокъ. Нѣтъ, онѣ точно въ коробьѣ, да не въ вашей... Ихъ нѣтъ у васъ: вы обронили ихъ хмельной у Марины Никол[illegible] вы, да и не хватитесь. Стыдно вамъ, Фирсъ Григорьичъ!

Князевъ *(въ ужасѣ)*. Она могла Молчанову отдать ихъ!

Минутка *(нервно)*. Да что угадывать, когда ужъ отдала. *(Плачетъ)*. Вотъ то-то вотъ... вишло да бабочки... библейскаго Самсона и того остригли, и васъ остригутъ! Повѣрьте, остригутъ. *(Къ публикѣ.)* Лѣзетъ къ женщинѣ: та его терпѣть не можетъ, говоритъ такъ съ нимъ, съ омерзѣніемъ съ такимъ, что смотрѣть совѣстно, а онъ все къ ней... Съ ума сошелъ дряхлецъ... Гдѣ гордъ, а тутъ ужъ и гордости нѣтъ.

Князевъ *(не слушая)*. Теперь не остается много думать... Ступай сейчасъ къ Молчанову... не дожидайся утра, а сейчасъ ступай... скажи ему, что я кланяюсь ему...

Минутка *(перебивая)*. Да; теперь мириться съ нимъ, прощенья у него просить готовы.

Князевъ *(кусая губы)*. Да, прощенья.

Минутка *(смѣло)*. Чего просить? чего просить? Напрасно, чтобы вы знали! Я ужъ просилъ —сейчасъ оттудова. Я какъ узналъ, что всѣ наши счеты и фактуры у него въ рукахъ, такъ первымъ же дѣломъ прямо бросился къ нему... да не въ дворъ, а въ огородъ... подъ окна...

Князевъ *(схватывая Минутку за руку)*. Гм!.. да, да, чтобы украсть? Ну, ну! ну, молодецъ, умно.

Минутка. Чтобы посмотрѣть, что можно сдѣлать...

Князевъ. Ну!

Минутка. Ну! *(Нагло.)* Ну и ну! поднялся на карнизецъ да гляжу въ окошко: вижу, свѣчи горятъ, а никого нѣтъ, какъ вдругъ въ это время кто-то хвать меня прямо за... ухо.

Князевъ. Тебя?

Минутка. Да, разумѣется, меня! вѣдь васъ тамъ не было. Оказывается, что это самъ господинъ Молчановъ. Держитъ за ухо и говоритъ: «а, Князевскій шпіонъ, мое почтенье»... и хотѣлъ-было людей звать. — Иванъ Максимычъ, что вы! говорю, да Богъ-бо съ вами! какой я шпіонъ? Я, говорю, я, чтобъ вы знали, къ вамъ отъ Фирса Григорьича съ тѣмъ и присланъ, чтобы миръ сдѣлать; Фирсъ Григорьичъ, говорю, сами быть у васъ желаютъ... А онъ...

Князевъ *(нетерпѣливо)*. Ну да: а онъ? Что жъ онъ?

Минутка *(вздохнувъ)*. А онъ... Пословъ, говоритъ, ни худыхъ, ни хорошихъ, не бьютъ, не бранятъ, а жалуютъ. И въ этомъ видѣ, такъ и поведь.

Князевъ. Гм! все за ухо?

Минутка. Да я жъ вамъ говорю, что за ухо! *(Вздохнувъ.)* Повелъ въ кабинетъ. Провелъ, да и далъ мнѣ прочитать бумагу... Останетесь довольны, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ *(нетерпѣливо)*. Что это за бумага?

Минутка *(тихо)*. Въ Петербургъ.

Князевъ. О чемъ?

Минутка *(еще тише и спокойнѣе)*. О томъ, что начетъ на васъ онъ даритъ на дѣтскіе пріюты.

Князевъ. Всѣ двѣсти тысячъ?

Минутка. Съ процентами... Что-съ, Фирсъ Григорьичъ? Просить было, пока время было. Теперь вѣдь не съ Молчалинымъ—тѣ не простятъ.

Князевъ *(хватая Минутку за бортъ)*. Укралъ эту бумагу съ почты.

Минутка *(спокойно)*. Не рвите платья понапрасну. Бумаги пѣтъ: она ужъ третій день тому назадъ пошла съ нарочнымъ. Я видѣлъ копію.

Князевъ *(бросаетъ Минутку)*. Что жъ это вы меня живьемъ, что ли, хотите въ руки выдать! *(Снова хватая бѣшено Минутку.)* Ты говоришь, что поздно красть! — *(съ азартомъ)* такъ я же буду рѣзать! жечь!.. душить!.. *(Бѣжитъ къ двери.)*

Минутка. Что вы? что вы? Вы... вспомните вы, что вы говорите?

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и **Дробадоновъ** *(показывается въ это время съ дверяхъ и преграждаетъ Князеву дорогу.)* Что, еще охота все душить, да рѣзать? Довольно, кажется, въ свой вѣкъ ты ужъ и крадъ, и рѣзалъ.

Князевъ *(гнѣвно)*. Что это? какъ ты смѣлъ сюда взойти? Пошелъ отсюда вонъ!

Дробадоновъ. Не прогоняй—и самъ не засижусь. *(Беретъ молча Минутку за плечи, выставляетъ его за порогъ и запираетъ за нимъ дверь.)* Не по своимъ дѣламъ къ тебѣ я, а отъ людей посланъ. Куда ты вышвырнулъ Марину Гуслярову съ слѣпою матерью изъ дому?

Князевъ. На просторъ.

Дробадоновъ. Да какъ же такъ?

Князевъ. Такъ: очень просто—домъ мой и власть моя.

Дробадоновъ. Домъ твой и власть твоя, да и твое жъ вѣдь и безчестье. Ты домъ купилъ у нихъ за безцѣнокъ; сказалъ, что это только для того, чтобъ мужъ Марину не неволилъ занимать подъ домъ да отдавать ему на пьянство, а что они до вѣку будутъ въ этомъ домѣ жить.

Князевъ. Да вѣдь то-то вотъ видишь — я своему слову господинъ: хочу держу, хочу въ карманъ прячу. Ступай проси на меня, если хочешь.

Дробадоновъ. Что просить? А ты грѣха побойся, Фирсъ Григорьичъ. Извѣстно намъ, чего ты хочешь отъ Марины Николавны. Она не говорлива, да у людей-то вѣдь глаза— не бѣльма. Грѣшилъ ты много, Фирсъ Григорьичъ; но нонѣ, кажется, не тѣ бы ужъ твои года... Ужъ я старикъ почти, а ты вѣдь мнѣ въ отцы годишься. Тебѣ бъ теперь пора молиться Богу, да просить себѣ деревяннаго тулупа.

Князевъ *(раздражительно).* Да ты кашу, что ли, ѣлъ на моихъ крестинахъ, или воду выливалъ?

Дробадоновъ. Да Богъ съ тобой, съ твоими лѣтами. Я въ томъ пришелъ тебя просить: не доводи, пожалуйста, семью племянника Молчанова до безконечнаго раздора. Ты выгналъ изъ дому Марину; имъ съ матерью некуда дѣться было. Въ городѣ, тебя боясь, никто ихъ не приметъ. Я бы радъ ихъ душой принять, да самъ съ сестрой и съ матерью едва мѣщусь:—ну, онѣ, разумѣется, къ Молчанову пошли; а вѣдь тебѣ и безъ того извѣстно, что весь народъ въ одно про нихъ твердитъ и путаетъ Марину съ Ваней. Теперь онъ ихъ вчера пріютилъ, а это до семейныхъ уже дошло, и въ домѣ адъ насталъ.

Князевъ. Ага! и адъ уже насталъ? Чего жъ бы кажется? То ѣздила туда кататься, теперь живетъ: не велико различье.

Дробадоновъ. Будь миротворецъ — вороти ты этотъ домъ старухѣ.

Князевъ *(сойдя глядя въ глаза Дробадонову).* Калина Дмитричъ! Что ты—дуракъ или родомъ такъ?

Дробадоновъ. Послушай, Фирсъ Григорьичъ! Ругательствомъ твоимъ не обижаюсь. Я не дуракъ и совѣсть у меня чиста, и такимъ меня міръ знаетъ. Я бѣденъ, да въ свою мѣру уважаютъ меня люди. Ты меня не обидишь, да ты мнѣ и не страшенъ: я не боюсь тебя. А я тебя по-христіански прошу и совѣтую тебѣ: опомнись, Фирсъ Григорьичъ,

сдѣлай хоть что-нибудь доброе: пусть не все же боятся — пусть хоть кто-нибудь тебя и любить станетъ.

Князевъ. А мнѣ, любезный, это все равно: люби, не люби, да почаще взглядывай.

Дробадоновъ. Положимъ, что и тутъ ты правъ; но ты подумай, что говорятъ-то о тебѣ.

Князевъ. Плюю!

Дробадоновъ. Ну отчего бъ тебѣ тѣ злыя рѣчи не закрыть добрымъ дѣломъ, чтобы сказали, что и у Князева душа есть?

Князевъ. Плюю на то, что говорили; плюю и на то, что скажутъ.

Дробадоновъ. А ты не плюй.

Князевъ. Что-о-о?

Дробадоновъ. Не плюй — вотъ что. Погода поднимается: неравно назадъ откинетъ, въ свою рожу плюнешь. *(Подходитъ съ значительной миной.)* Говорятъ, будто ты утопилъ Максима Молчанова.

Князевъ *(съ притворнымъ удивленіемъ).* Неужто?

Дробадоновъ. Говорятъ, что когда Максимъ Петровичъ написалъ духовную, гдѣ, обойдя всю женину родню, завѣщалъ сына въ опеку тебѣ съ Мякишевымъ, ты никакъ дождаться не могъ, когда пріѣдутъ къ тебѣ въ руки милліоны.

Князевъ. Ишь, какой шельма народъ пронзительный: ничего отъ него не утаишь.

Дробадоновъ *(подходя еще ближе).* Говорятъ, что разъ, когда вы купались втроемъ — ты, онъ, да Алеша Брылкинъ — ты взялъ и началъ окунать Максима Петровича Молчанова, да и заокуналъ шутя; а какъ его заокуналъ, тогда бросился за Брылкинымъ Алешей, чтобы и свидѣтеля не было. Тотъ уходилъ, молился, плакалъ; но ты и съ нимъ покончилъ. Максимъ Молчановъ потонулъ, и не нашли его. А Алешу жъ Брылкина хоша и вынули и откачали, да что по немъ! Ужъ онъ тебѣ не страшенъ: онъ съ ума сошелъ и поднесь остался сумасшедшимъ и бродитъ въ рубищѣ; *(махнувъ рукой)* да въ томъ, можетъ-быть, его и счастье, что онъ въ разсудкѣ помѣшался, а то ты бы и его спровадилъ.

Князевъ. Скажи, пожалуйста... совсѣмъ бы уголовщина, кабы доказательства не Окой снесло.

Дробадоновъ. Что по Окѣ несетъ, то въ Волгу попадаетъ

и Волгою всю Русь проходитъ и широкому Каспію жалуется. Не кичись, что доказательствъ нѣтъ: былинка, травка шепчутъ ихъ и Господу, и людямъ. Припомни: Валаамъ ослицею былъ обличенъ!

Князевъ. Да ты это что пришелъ мнѣ здѣсь читать! Я, братъ, къ нему хожу.

Дробадоновъ. Я тебѣ сказываю, что народъ говоритъ.

Князевъ. А я тебѣ говорю, что я на это плюю.

Дробадоновъ. Плюй, плюй, да ужъ къ сему покрайности не согрѣшай. Нашъ день сѣлъ въ беззаконіяхъ за горы, и нонѣ судъ не прежній. Гляди, не ровенъ часъ, всплывутъ и старые грѣхи.

Князевъ *(взволнованно).* И ты про новый судъ! Холера это, что ли, этотъ судъ, что всѣ вы такъ про него заговорили?

Дробадоновъ. Для иныхъ холера.

Князевъ. А ты не знаешь, что кто холеры не боится, того сама холера боится. Знать не хочу я этого суда!.. Я не пойду на этотъ судъ, гдѣ... тебя и всякаго другого такого скота посадятъ судить меня. *(Въ раскрытомъ окнѣ появляется смотрящій изъ куты сирени темнаго сада Алеша Босый.)* Я никого не боюсь: я ничего не боюсь; я холеры не боюсь, чумы не боюсь, тебя не боюсь, суда не боюсь и сатаны со всей преисподней.

Алеша *(унисономъ протяжно).* Утону!.. Ка-ли-п-на Дмп-тричъ! Во-озьми меня отсю-ю-да. Здѣсь... страшно... Утону...

Князевъ *(вздрогнувъ).* Что это! Вы меня пугать задумали! *(Алешѣ.)* Прочь, чучело!

(Алеша, вскрикнувъ, убѣгаетъ.)

Дробадоновъ. Ахъ ты ругатель! Гордыня-то тебя куда уноситъ. Сейчасъ ты ничего на свѣтѣ не боялся, а вотъ безумный старичокъ забрелъ — и ты вздрогнулъ. Чего ты на меня остребенился? вѣдь я видѣлъ, какъ ты задрожалъ... Не я его подвелъ сюда, а можетъ это Богъ его послалъ, чтобы напомнить грѣхъ твой. Не пожалѣлъ отца ты, Фирсъ Григорьичъ, — пожалѣй хоть сына. Боясь тебя, никто на дворъ Гусляровыхъ не пускаетъ жить: у меня вся хата съ орѣхъ, да мать съ сестрами и тѣмъ мѣста нѣтъ, — имъ некуда дѣться, кромѣ Молчанова. Не доводи до этого. Не дѣлай ты худой огласки. Оттого, что Марину взялъ Молча-

новъ, великая бѣда можетъ родиться. Верни имъ домикъ, гдѣ онѣ жили, а если честью воротить не хочешь, такъ вотъ тебѣ Молчановъ шлетъ три тысячи рублей за этотъ домикъ. *(Вынимаетъ пачку ассигнацій и кладетъ ихъ на столъ.)* Возьми и выдай купчую, чтобъ жили тамъ гдѣ жили.

Князевъ. Тьфу пропасть! Да что жъ это такое: вездѣ на всякій часъ, во всякій слѣдъ Молчановъ! Ему о нихъ что за забота?

Дробадоновъ. Что жъ, старуха мамкою его была, а молодайка въ ихъ домѣ выросла, они дѣтьми играли вмѣстѣ... онъ человѣкъ богатый, не мотъ, не пьяница, не расточитель... куда жъ ему дѣвать?

Князевъ *(подпрыгнувъ).* Что ты сказалъ? что ты сказалъ? какое слово?

Дробадоновъ. Я говорю, что его достатки милліоны, а онъ не пьяница, не расточитель.

Князевъ *(про себя).* Расточитель! *(Распрямляясь.)* Фу-у! батюшки! Орлу обновилася юность! *(Громко Дробадонову.)* Постой, постой!.. Да, хорошо... я домъ продамъ—на что жъ онъ мнѣ? онъ мнѣ не нуженъ. продамъ и завтра выдамъ крѣпость... Но постой же, братецъ, вѣдь это такъ нельзя. Живой человѣкъ живое и думаетъ, и тамъ кто его знаетъ... Нѣтъ, я деньги съ глазу на глазъ брать не стану. *(Беретъ со стола ассигнаціи и суетъ ихъ въ руки Дробадоносу.)* Возьми-ка, возьми пока, возьми. *(Растворяетъ дверь.)* Эй! Вонифатій Викентьичъ!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Минутка.

Князевъ. Вотъ я здѣсь домикъ свой, что на провальѣ. продалъ Ивану Максимовичу. и то есть не Ивану Максимовичу, а Гусляровымъ, Маринѣ Гусляровой, только на Ивана Максимовича деньги. такъ сядь-ка напиши какую слѣдуетъ росписку, что деньги. молъ. три тысячи рублей за сей проданный домъ я отъ Молчанова получилъ и обязываюсь въ мѣсячный срокъ совершить на оный купчую крѣпость на имя Марины Гусляровой, а росписку сію положили до совершенія крѣпости дать за руки секретарю Минуткѣ. *(Самая его за бочо.)* Пиши такъ, какъ сказано. *(Про себя съ самодовольною улыбкою.)* Очень бы хотѣлось мнѣ видѣть теперь какого-нибудь петербургскаго мудреца,

чтобы онъ, глядючи на меня теперь, сказалъ, что это по его разуму я дѣлаю? Нечего больше и сказать, что Князевъ домъ продаетъ... А Князеву душу человѣческую и всю совѣсть мірскую подъ ногами затоптать собирается...

Минутка. Готово.

Князевъ *(скоро подписывается. Минуткѣ).* Подпишись свидѣтелемъ. *(Дробадонову.)* Теперь пожалуй деньги. *(Дробадоновъ подаетъ.)* И ты также подпишись. *(Смотритъ черезъ плечо, пока тотъ пишетъ, и потомъ, взявъ въ руки бумагу, читаетъ):* Кипецъ Калина... Какъ ты это, братецъ, скверно пишешь: не кипецъ надо писать, а купецъ. *(Свертываетъ листъ.)* Минутка, спрячь.

Дробадоновъ. Прощай покуда, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ *(быстро).* А?.. Да! Прощай, прощай покудова. *(Дробадоновъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же, безъ Дробадонова.

Князевъ *(посмотрѣвъ въ слѣдъ Дробадонову).* Ну что жъ, братъ Вонифатій, понялъ?

Минутка. Домъ продали, я больше ничего не понялъ.

Князевъ. Ничего?

Минутка *(пожимая плечами).* Н... ничего. *(Спохватясь.)* Росписку уничтожить?..

Князевъ *(злобно смѣется).* Ха-ха-ха! *(Дѣлаетъ притворно свирѣпое лицо и наступая на Минутку).* Подай ее! подай сюда росписку!

Минутка *(испуганный, защищаясь и убѣгая).* Фирсъ Григорьичъ, Фирсъ Григорьичъ, я не могу... что жъ вы это въ самомъ дѣлѣ... Фирсъ Григорьичъ? Вы деньги взяли, а я долженъ даромъ...

Князевъ. Давай, давай! я подѣлюсь съ тобой.

Минутка. А сколько же мнѣ? *(Опять убѣгая).* Позвольте прежде: сколько же мнѣ?

Князевъ *(глядя на Минутку).* Ну какъ же васъ, такихъ-то поопытней, не запугать судами да законами? Свѣтъ умудряется: вездѣ, на всякій часъ искусства новыя; а вы все только хапъ да цапъ. Это время прошло теперь, чтобъ по-нижегородски соль красть. Нѣтъ, я, братъ, не въ васъ! Это ты вотъ давеча съ перепугу бормоталъ здѣсь, что ужъ тебѣ теперь и прикоснуться къ взяткамъ страшно; а только по-

сулили — ты ужъ опять и лапу сосешь. *(Смѣясь.)* Ахъ ты безстрашный этакой! Въ такія времена, при такомъ судѣ брать взятки! Нѣтъ, я не беззаконникъ! Теперь кто глупъ, такъ тотъ пускай законы нарушаетъ, я чту законъ. Самъ на себя я, видишь, выдаю росписки. Какъ око береги ее! Домъ проданъ, только въ немъ не жить тому, кому его купили: на это есть законъ.

Минутка. Такого нѣтъ закона.

Князевъ *(нервно).* Неправда, есть! *(Бросаетъ на полъ къ ногамъ Минутки лежавшую на столѣ пачку ассигнацій.)* Бери! Три тысячи здѣсь: одну изъ нихъ возьми себѣ; остальныя же двѣ представить въ Думу и объявить народу, что Богъ послалъ мнѣ великую удачу въ дѣлѣ трудномъ, и что за это я отъ своихъ щедротъ плачу за бѣдныхъ города всю податную недоимку. *(Подумавъ).* А на тотъ годъ царю на подать *(съ удареніемъ)* десять... нѣтъ! двадцать... тридцать тысячъ!

Минутка. Что вы? что... вы? Откуда это будетъ?

Князевъ. Откуда?... Отгадай!

Минутка. Нѣтъ, извините, не могу.

Князевъ *(надѣвая перчатку).* Я кладъ нашелъ.

Минутка *(поникаетъ головой и выражаетъ недоумѣніе).* Ряхнулся!

Князевъ. Аптеку,—понимаешь, аптеку выискалъ.

Минутка *(не понимая).* Какая аптека? Что это вы, Фирсъ Григорьичъ!

Князевъ. А что стряпчій-то писалъ: «нѣтъ — говоритъ — аптеки»! Вздоръ! есть аптека! И не на сей день, а на два вѣка та аптека.

Минутка *(оглядываясь по сторонамъ въ недоумѣніи).* Гдѣ вы это видите? Вы нездоровы! Гдѣ аптека?

Князевъ. Она вотъ въ головахъ въ такихъ премудрыхъ, какъ твоя, да промежъ зубовъ, которымъ чавкать нечего. Подай мнѣ трость и шляпу... Нѣтъ, врете всѣ: Фирсъ Князевъ не пропалъ! Пусть черви грома прячутся, а стрепету за тучами еще простора вволю.

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и двѣ слободскія дѣвушки *(проскользаютъ въ дверь. Одна, постарше, очень смыла, другая, молоденькая, робко жмется).*

Князевъ *(встрѣчая ихъ, обнимаетъ старшую, которая вскрикиваетъ; потомъ трется около младшей и, когда эта закрываетъ рукою глаза, сажаетъ ее на свою постель).* Побудьте здѣсь, Аленушка и Саша. Погрѣйте старичку мѣстечко. А тамъ вонъ въ поставцѣ винцо, наливка и мятные грудочки. Покушайте покуда. Я вразъ сейчасъ вернусь.

Алена *(развязно указывая на Сашу).* Она робѣетъ, Фирсъ Григорычъ, съ непривычки.

Князевъ *(гладя Сашу по головѣ).* Робѣетъ. Ничего. Ты не робѣй: мы добрый. *(Минуткѣ.)* Ступай домой теперь *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же, безъ Князева.

Минутка *(выпустивъ Князева, беретъ свою фуражку. Про себя).* Домой? Нѣтъ, я ужъ лучше за тобою издали пройдусь, поприсмотрю, что это ты затѣялъ ночью. *(Уходитъ.)* *(Занавѣсъ падаетъ).*

— —

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Кабинетъ Молчанова, убранный въ современномъ вкусѣ. Утро.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Молчановъ *(одѣтъ въ хорошій, лѣтній, утренній пиджакъ. Выпроваживая изъ своей комнаты своихъ дѣтей).* Ступайте съ Богомъ, рѣзвитесь и играйте, только пожалуйста не ссорьтесь. *(Выпускаетъ ихъ за дверь и говоритъ съ порога.)* Прошу васъ, няня, не давайте вы имъ этихъ кошекъ мучить, да собачекъ! Усердно васъ прошу объ этомъ. *(Затворяетъ дверь и идетъ къ письменному столу, который стоитъ вправо отъ зрителей.)* Эхъ, не приведи Господи воспитывать дѣтей безъ матери, а еще хуже съ плохою матерью. *(Садится.)* Не женитесь, добрые люди, на дѣньгахъ... Если и за свою полу недобрая женщина схватится, рѣжьте лучше полу прочь да уленетывайте. Что это вотъ за жизнь моя! Какъ вспомню я, бывало, какъ я жилъ въ Германіи: до вечера на фабрикѣ работаешь, все учишься; домой придешь — святая тишина въ бѣленькой комнаткѣ.

Тишь, тишь, тишь: про философію даже разсужденія. Но надокучитъ эта тишь чужая—бѣжишь на родину... бѣжишь... и здѣсь встрѣчаешь свару. Не по какимъ-нибудь такимъ причинамъ, которыхъ отвратить нельзя, все отравляется, а богъ, словно въ фантастическомъ разсказѣ: Богъ вѣсть откудова, что сыплется: летитъ нежданное и засыпаетъ человѣка.

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Молчановъ и **Минутка** *(который вскакиваетъ черезъ окно).*

Молчановъ *(увидѣвъ въ окнѣ Минутку, дѣлаетъ въ изумленіи одинъ шагъ назадъ).* Это что за явленіе? *(Смѣясь.)* Вѣрно, гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно.

Минутка *(оправляясь).* Пусть это васъ не удивляетъ, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ *(улыбаясь).* Однако довольно трудно и не удивляться. Ко мнѣ этой дорогой никто не ходитъ.

Минутка. Въ наше время не всегда можно прямой дорогой ходить. Прикажете присѣсть или убираться?

Молчановъ *(улыбаясь).* Это я предоставляю на вашъ выборъ.

Минутка. Я выбираю сѣсть. *(Садится въ конецъ письменнаго стола.)* Вамъ угрожаютъ большія непріятности, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ *(весело).* Скажите, вы что жъ, сегодня за кого?

Минутка *(кланяясь).* За васъ!

Молчановъ *(строго).* Благодарю покорно; но эта шутка мнѣ не понутру.

Минутка. Фирсъ Князевъ вамъ приготовилъ западню.

Молчановъ. Какую западню?

Минутка. Не знаю.

Молчановъ *(сильно).* Вонифатій Викентьичъ! совѣтую вамъ съ вашими домашними въ дурачки играть, а не со мною.

Минутка. Я не знаю, не знаю, я не знаю. Понимаете: *я*, я, я хочу знать это—и не знаю; но ждите бѣдъ. По радости, которой онъ полонъ, онъ сдѣлаетъ столь страшное, столь скверное...

Молчановъ. Что на него самого будетъ похоже.

Минутка. Вы не шутите. Я знаю его: онъ никогда такой не былъ. Это уже совсѣмъ сатана во всей славѣ своей. Вы

присылали къ нему вчера Дробадонова? Онъ далъ росписку Князеву, что вы купили домъ Гусляровой.

Молчановъ. Я присылалъ, покупаю. Что же далѣе?

Минутка. Росписку эту я могу... сберечь у себя и могу и возвратить вамъ; а на ней что-то строится. Вы, кажется, мнѣ не вѣрите? Вспомните, что я вѣдь съ васъ ничего не требую за услугу.

Молчановъ. Теперь я вамъ тѣмъ болѣе не вѣрю. Съ какой стати въ васъ явилось вдругъ такое безкорыстное дружество ко мнѣ, когда вы вѣчно служили врагу моему Князеву?

Минутка. Какъ умному человѣку, вамъ бы не грѣхъ знать, что служатъ чаще всего не тому, кого любятъ.

Молчановъ. А кому выгодно служить, — я это знаю. Но отчего же меня-то вы безвозмездно защищаете?

Минутка. Ну, на это у меня есть свои виды.

Молчановъ *(вглядываясь въ Минутку).* Нѣтъ; вѣрно не плохо ли Фирсу, или вамъ не плохо ли отъ Фирса?

Минутка. Можетъ-быть и плохо Фирсу, и мнѣ отъ Фирса плохо, можетъ-быть плохо, но, во всякомъ случаѣ, чтобъ вы знали, и вамъ плохо.

Молчановъ. Онъ надоѣлъ вамъ?

Минутка. Да, немножко. Я порѣшилъ съ нимъ кончить, тѣмъ болѣе, что теперь къ тому и время приспѣло. Ему спасенья больше нѣтъ.

Молчановъ. Какъ нѣтъ спасенья? А въ чемъ опасность заключается?

Минутка. У него нечѣмъ заплатить денегъ, подаренныхъ вами дѣтскимъ пріютамъ.

Молчановъ *(удивляясь).* Фирсу Григорьичу нечѣмъ платить? Я думаю, онъ *не хочетъ* платить?

Минутка. Онъ *не можетъ* платить. *(Оглядываясь.)* Мы съ вами совершенно одни?

Молчановъ. Въ этомъ, кажется, нѣтъ сомнѣнія.

Минутка. Полагаю также, что нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что все, о чемъ я буду говорить съ вами, останется навсегда между нами?

Молчановъ. Я не выдавалъ никого.

Минутка. Потрудитесь не искать съ Князева вашихъ денегъ. Ихъ негдѣ уже искать. Позвольте мнѣ лучше его въ Сибирь отправить. Я вамъ это очень совѣтую.

Молчановъ *(встаетъ)*. Г. Минутка, что это за тонъ? Что бы это могло значить!

Минутка. Стою за свою шкуру, Иванъ Максимычъ. Виноватъ передъ вами во всемъ главнымъ образомъ одинъ Фирсъ. Воротить всего заграбленнаго у васъ въ теченіе двадцати лѣтъ невозможно. И я, и голова, и тесть вашъ—всѣ пойдемъ подъ судъ и пропадемъ безъ всякой пользы для васъ. А вотъ я вамъ представлю бумажечки, по которымъ Фирсъ Григорьичъ одинъ отлично прогуляется... *(Отдаетъ бумаги.)*

Молчановъ *(пересматривая)*. Счетъ, росписка въ полученіи денегъ за кладовую и накладная на какую-то мочалу... Я ничего не понимаю.

Минутка. Полтора года тому назадъ, ровно за три мѣсяца до вашего возвращенія изъ-за границы, у васъ сгорѣли амбары, а въ нихъ двѣ тысячи пудовъ хлопка. Товаръ этотъ не былъ застрахованъ; а не былъ онъ застрахованъ *(помолчавъ)* потому, что его совсѣмъ не было.

Молчановъ *(пожимая плечами въ недоумѣніи)*. Шарада за шарадой.

Минутка. А очень просто: привезли мочалу, да сожгли ее за хлопокъ.

Молчановъ *(помолчавъ и вздохнувъ)*. Ловко, другъ мой Фирсъ Григорьичъ!

Минутка *(вставая)*. Иванъ Максимычъ! Я много виноватъ передъ вами! Надѣяться на какое-нибудь примиреніе съ вами—это, разумѣется, было бы довольно смѣшно и глупо; но я хочу вотъ чего: хочу одолѣть свою гадость душевную и сказать вамъ: простите меня, Бога ради!

Молчановъ *(грустно)*. Богъ васъ проститъ! *(Подаетъ руку, которую Минутка схватываетъ и мгновенно цѣлуетъ. Молчановъ переконфуженный.)* Что вы, что вы! Вонифатій Викентьичъ... Богъ съ вами! *(Удерживаетъ его за руки и ласково сажаетъ назадъ въ кресло.)* Успокойтесь!

Минутка *(горячо)*. А я за это весь вашъ, весь, весь! и ужъ у меня Фирсъ желѣзныхъ браслетокъ не минуетъ.

Молчановъ. Вонифатій Викентьичъ, я вижу, вы меня не понимаете. Слушая васъ, поневолѣ вспомнишь, что «самая высшая хитрость на свѣтѣ состоитъ въ томъ, чтобы никогда ни съ кѣмъ не хитрить». Будучи честнымъ человѣкомъ, какимъ я хоть не вездѣ, но по нѣкоторымъ статьямъ имѣю

право себя считать, я ни въ какихъ обстоятельствахъ не допущу васъ сожалѣть о вашей сегодняшней откровенности. Сказанное здѣсь — здѣсь умерло...

Минутка *(кланяясь)*. Я въ этомъ былъ увѣренъ. Я всегда уважалъ васъ за благороднаго человѣка.

Молчановъ. Но вы напрасно думаете, что я желаю мстить Князеву. Взысканіе съ него я уступилъ пріютамъ, чтобы меня не могли долго упрашивать эти деньги ему уступить или отсрочивать ихъ. Онъ не стоитъ этого. Но мстить... я не ищу этого. Съ Фирсомъ Григорьичемъ мои счеты такъ велики и длинны, что ихъ лучше не пробовать сводить. Они начались у моей колыбели и кончатся, можетъ-быть, въ день смерти моей. Этотъ человѣкъ сходствомъ взошелъ въ дружбу къ моему отцу; онъ оттеръ отъ него мать мою; онъ уговорилъ отца написать завѣщаніе, по которому состояніе могло перейти ко мнѣ только въ такомъ случаѣ, если я, достигнувъ возраста, женюсь на Мякишевой. Иначе, за руками у Мякишева, было другое завѣщаніе, по которому, въ наказаніе мнѣ, цѣлая половина этого состоянія должна была поступить въ пользу богадѣленъ. По милости Князева, я въ наше просвѣщенное время въ шесть лѣтъ сдѣлался женихомъ четырехлѣтней дѣвочки... Кромѣ того... кромѣ того, общая молва говоритъ, что по его же милости я менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ этого завѣщанія сдѣлался сиротою. Не знаю, сколько въ этомъ правды; но...

Минутка. Но правда въ этомъ есть! есть, непремѣнно есть.

Молчановъ. Да, если вѣрить голосу народа — это правда; народъ весь въ одно слово говоритъ это.

Минутка. Шепчетъ. Не говоритъ, а шепчетъ.

Молчановъ. Если вѣрить чувству крови — это правда: она кипитъ во мнѣ, когда я его вижу. Какъ бы я ни былъ спокоенъ, стоитъ произнести при мнѣ его имя—и я не свой. Я не могу, не могу быть своимъ, потому что одинъ видъ его меня въ бѣшенство приводитъ. Я не могу вспомнить, глядя на этого человѣка, какъ онъ въ восемь лѣтъ выучилъ меня пить сладкую водку, въ десять горькую, а въ пятнадцать ромъ и шампанское; какъ самъ онъ у себя на квартирѣ сажалъ мнѣ на колѣни француженокъ да танцовщицъ; какъ я въ его же глазахъ двѣнадцатилѣтнимъ мальчикомъ рѣзалъ штоссы, и онъ за меня расплачивался... Ѵѣзжалъ онъ — я уже самъ по его стопамъ ходилъ въ праздники къ

этимъ танцовщицамъ и француженкамъ, проигрывалъ имъ; поилъ ихъ: векселя имъ давалъ... Меня пороть надо было, а воспитателя повѣсить, а его всѣ нахвалиться не могли. Хвалили! За что жъ хвалили? Что съ голоду не морилъ да въ нанку не одѣвалъ? а онъ душу мою одѣвалъ въ лохмотья. *(Помолчавъ.)* Остальное все идетъ сплошная мерзость: въ двадцать лѣтъ боязнь потерять право на имѣніе ведетъ меня къ женитьбѣ на дѣвушкѣ, къ которой не чувствовалъ никакой привязанности; потомъ три года плаванья съ своею тоской за границею; и когда бъ не открылъ мнѣ глазъ Дробадоновъ, когда бъ онъ не поставилъ меня на нынѣшній путь, я былъ бы вѣрно и теперь прежнимъ поганцемъ и до сихъ поръ довелъ бы ужъ мои дѣла до состоянія, котораго нельзя бъ было поправить. Такъ видите ли, какъ счеты-то мои съ Фирсомъ длинны, и какъ я хорошо ихъ знаю.

Минутка. О состояніи, Иванъ Максимовичъ, еще не безпокойтесь. Конечно, безъ состоянія человѣкъ все равно, что не человѣкъ; но вы... ваше состояніе еще дай Богъ всякому. Вы все-таки самый богатый фабрикантъ въ цѣломъ краѣ.

Молчановъ. Охъ. Боже мой! вы все о состояніи! Помилосердуйте! На что мнѣ жаловаться! У насъ, на Руси, есть люди, которымъ тузами, капиталистами бы быть, а они у своихъ благодѣтелей приказчиками, или кучерами служатъ, либо еще хуже того: папиросы въ веселыхъ домахъ гостямъ подаютъ, да не жалуются. Намъ это въ глупость нашу ставятъ: думаютъ, что мы ужъ и обиды чувствовать не способны!... Нѣтъ!... *(ударяя себя въ грудь)* чувствуемъ мы се... чувствуемъ... такъ чувствуемъ, что можетъ быть, если бы объ этомъ, о чемъ мы говоримъ съ вами, на народѣ вслухъ заговорить, такъ тысячи сердецъ объ самыя ребра въ грудяхъ стукнулись бы... да не звѣри мы, чтобы месть любить, и не шуты, чтобы на вѣтеръ жаловаться... *(тише)* потому что и своей вины каждый изъ насъ тоже въ этомъ долю видитъ! Что Фирсъ! Фирсъ прахъ, ходящій на двухъ лапкахъ; а вотъ то, среди чего этотъ Фирсъ выросъ,—это ничтожество, это холопство... это равнодушіе... съ которымъ приходится сживаться, которое приходится терпѣть.—вотъ что, вотъ что не переносно! Нѣтъ... я не могу говорить объ этомъ...

Минутка. Вы успокойтесь, Иванъ Максимычъ! Я только вѣдь хотѣлъ васъ предупредить... хотѣлъ сказать вамъ, чтобы вы... были осторожнѣе...

Молчановъ. Благодарю васъ. *(Даетъ руку.)* Не думайте обо мнѣ: я не боюсь враговъ; я себя одного боюсь.

Минутка. Прощайте же, Иванъ Максимычъ.

Молчановъ. До свиданья. *(Минутка идетъ къ окну.)* *(Улыбаясь).* Неужто вы опять черезъ окно?

Минутка. А что жъ вы думаете?... Э! чтобъ вы знали, право такъ лучше.

Молчановъ. Да что вы, Богъ съ вами! Что за охота! Будто я чужой какой! будто вы не могли зайти ко мнѣ просто по какому-нибудь своему дѣлу!

Минутка. Охъ, Иванъ Максимычъ! охъ, Иванъ Максимычъ! Какъ вы плохо еще его знаете! Фирсъ не то, что на землѣ есть, а что подъ землею-то, и то онъ на семь аршинъ вглубь видитъ.

Молчановъ. О, да Богъ съ вами! Стоитъ ли онъ того, чтобы о немъ постоянно думать! Но если вы ужъ непремѣнно желаете дѣлать секретъ изъ вашего визита, то я сейчасъ принесу ключъ отъ садовой калитки и черезъ садъ васъ выпущу.

Минутка *(останавливая его).* Онъ нынче ночью ходилъ на телеграфъ и отправилъ въ Петербургъ депешу своему повѣренному и другую... *(на ухо)* Ефиму Гуслярову... мужу Марины Николавны.

Молчановъ *(вздрогнувъ и сжимая руку Минуткѣ).* Т-ссс.

Минутка *(тревожно).* Развѣ насъ кто слышитъ?

Молчановъ. Нѣтъ... не то... *(Живо.)* О чемъ депеша Гуслярову?

Минутка *(пожимая плечами).* Не знаю. *(Молчановъ дѣлаетъ нетерпѣливое движеніе.)* Не знаю, Иванъ Максимычъ, не знаю и узнавать не хочу, потому что изъ его депеши ничего не узнаешь. Онъ пошлетъ депешу, что овса или гречи больше не требуется, а читать это слѣдуетъ: «потребуй къ себѣ свою жену». *(Молчановъ вздрагиваетъ. Минутка, сжимая его руку, говоритъ внушительно.)* Хорошаго ждать нечего: онъ золъ на васъ и на Марину Николавну. Надо быть готовымъ на всякое время и на всякій часъ все встрѣтить... и *(рѣшительно)* отпарировать.

Молчановъ. Какъ отпарировать?

Минутка. Какъ? *(Живо).* Сегодня ѣхать въ Петербургъ съ Маріной Николавной вмѣстѣ: къ отчету Фирса и въ тюрьму! Да, вмѣстѣ уѣзжайте, слышите! Если любите Маріну Николавну, не оставляйте здѣсь ее: надъ ней бѣда виситъ не легче вашей.

Молчановъ. Все это вѣдь пока одни лишь подозрѣнія?

Минутка *(смотритъ Молчанову въ глаза и вздохнувъ).* Да, подозрѣнія; а вы когда хотите защищаться?

Молчановъ. Когда на меня нападутъ, когда...

Минутка *(перебивая).* Когда... *(спохватясь)* да, да, когда... когда увидимъ, что онъ противъ васъ задумалъ. Да, да... Ну, я буду за нимъ смотрѣть во всѣ глаза. А теперь, Иванъ Максимычъ, проводите меня покудова. Не равенъ часъ, чтобъ кто-нибудь къ вамъ не зашелъ.

Молчановъ. Сейчасъ. *(Уходитъ въ дверь налѣво.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Минутка *(одинъ).* И этимъ не задѣлъ! Хе-хе-хе-хе! Подозрѣнія! Нѣтъ, ты перекреститься, милый, не успѣешь, какъ Фирсъ клюнетъ тебя въ самую маковку... *(Оборачиваясь къ комнатѣ, куда вышелъ Молчановъ).* А ты, барашекъ, приготовляйся, другъ, на заколенье! Не хочешь волкомъ быть, не хочешь зубъ имѣть, что жъ: самого съѣдятъ въ бараньей шкурѣ. А я... Нѣтъ, мнѣ ты насолилъ ужъ, Фирсъ Григорьичъ! Я двадцать лѣтъ терпѣлъ твою кацапью спесь; а нынче не изъ-за чего: сосать-то больше некого. А на отчаянность... нѣтъ, братъ, при нынѣшнихъ судахъ, на эту штуку не пойду. Я ужъ себѣ собралъ съ ребятками на молочишко и другую дорожку понащупалъ... Одно до дьявола какъ глупо, что я вотъ этому кое про что понамекнулъ... Боюсь теперь, чтобъ ранѣе чѣмъ слѣдуетъ Фирсъ не прозналъ, что я съ нимъ въ союзѣ по-австрійски. Да нѣтъ! Молчановъ честный человѣкъ, а честный человѣкъ въ Россіи мастеръ молчать, гдѣ ему молчать не слѣдуетъ. Нѣтъ: ничего! *(За сценою слышенъ веселый голосъ Колокольцова.)*

Колокольцовъ *(за сценою).* Сейчасъ, кума, сейчасъ. Я только изъ купальни. Вода какъ молоко парное! Просто божественно искупался.

Минутка. Голова Колокольцовъ! Вотъ чортъ возьми, еще этого осла тутъ нужно встрѣтить. *(Бѣжитъ къ окну).* Нѣтъ,

съ симъ писавый кланяюсь! *(Прыгаетъ въ окно, роняя на полъ перчатку.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Молчановъ *(входя)*. Вотъ и ключъ. *(Оглядывается.)* Вонифатій Викентьичъ! Гдѣ же это онъ? Неужто же опять въ окно стрекнулъ? *(Смотритъ въ окно.)* А!.. такъ и есть... Ишь, словно заяцъ чешетъ... *(Закрывая окно)*. Ну, добрый путь тебѣ до лясу. *(Садится)*. Самое скверное изо всего, о чемъ тутъ говорилось, это то, что̀ касается Марины. Я долженъ непремѣнно о ней хорошенько позаботиться и не откладывать болѣе этого: ея доля ужасна. Матушка моя ее мнѣ въ дѣтствѣ въ невѣсты прочила, а я изъ нея чортъ знаетъ что̀ сдѣлалъ... То-есть чортъ знаетъ, что̀ мы такое за люди! Чего? зачѣмъ я ее замужъ выдалъ?... Поблагодѣтельствовалъ... Не казалась вотъ ничѣмъ, пока дѣвчонкой была, а какъ чужою женою стала—женою разбойника—и разсмотрѣлъ ее тогда, и полюбилась; а нынѣ она все мое счастье. *(Задумывается)*. Эхъ, помню я, какъ бывало въ Петербургѣ, бѣлыми ночами слоняясь по островамъ, какіе споры въ юные годы вели мы про русскую женщину, *(декламируя)* «съ которой никто не придетъ зубоскалить, которая въ бѣдѣ не сробѣетъ, спасетъ, коня на скаку остановитъ, въ горящую избу взойдетъ», и думалось: о, если бы я эту женщину встрѣтилъ! *(Въ это время тихо входитъ голова, въ бѣломъ, лѣтнемъ пиджакѣ и съ веселой улыбкой крадется къ Молчанову)*. А встрѣтимъ живую такую женщину — не замѣтимъ ее; либо мимо ея — проста она намъ кажется, не философствуетъ, однообразіемъ утомляетъ — и сами съ рукъ ее сбывать хлопочемъ, и послѣ вспомнимъ про нее... смѣшно сказать, когда — развѣ когда некому тебѣ въ дорогѣ пуговицы къ рубашкѣ пришить, или когда спохватишься, что глазъ теплой рукой завести будетъ некому.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Колокольцовъ.

Колокольцовъ *(стоя сзади Молчанова, закрываетъ ему своими руками глаза и держитъ.)*

Молчановъ. Иванъ Николаевичъ! полно пожалуйста буфонничать. *(Отнимаетъ его руки.)*

Колокольцовъ *(весело)*. Чего ты: — замечтался? Здравствуй, мой милый! А отчего ты отгадалъ, что это я?

Молчановъ. Очень трудно отгадать! Одинъ у насъ буфонъ—голова городская. Садись-ка, закуривай сигару.

Колокольцовъ *(садясь)*. А я, братъ, зачѣмъ къ тебѣ пришелъ? Я нынче чортъ знаетъ какъ разстроенъ.

Молчановъ. Это отчего?

Колокольцовъ. Жена у меня очень скверна.

Молчановъ. Что, хуже ей?

Колокольцовъ. Совсѣмъ скверна. Прескверное лицо — и ослабѣла. Такая злость, ей-Богу! Посмотришь, въ прежнее то время какія были женщины, вонъ матушка моя сестру Наташу на сорокъ восьмомъ году родила. Даже стыдно, говоритъ, было ходить беременной; медики говорили: невозможно это; а она взяла да и сотворила «возможно» — вотъ ты и толкуй съ ней: — и ничего съ нею не подѣлалось. А нынѣшнія, какъ выйдутъ замужъ, такъ никакого удовольствія отъ нихъ нѣтъ... *(сдѣлавъ гримасу)* какое-то трень-брень съ горошкомъ.

Молчановъ. Какъ фарфоръ бренны.

Колокольцовъ. Ни къ чорту, душка, не годятся! Говорятъ: отчего мужъ дома не сидитъ; да какъ, скажи, пожалуйста, сидѣть, когда все пискотня да стоны! Я, знаешь... я сравниваю нашъ вѣкъ съ римскимъ, когда всѣ римляне сидѣли у гетеръ. Что хочешь говори, а это мнѣ понятно. Когда жена все эти мины корчитъ, а тамъ, представь себѣ, роскошная этакая краса, этакая веселость, блескъ, рѣчь понятная, и весь ты нараспашку распахнешься... Ахъ. Питеръ, милый Питеръ! Ахъ ты Мабиль въ Парижѣ! Какія пипиньки... Этотъ компресикъ-то свой съ ленточками на головенку какъ приколетъ.. Какое остроуміе-то! Ей-Богу, день бы цѣлый все сидѣлъ да пульсикъ щупалъ бы у этакой Аспазіи. *(Грозя шутливо пальцемъ.)* Но ты, я знаю, ты русской почвы держишься—Марины Николавны.

Молчановъ. Боюсь, что всѣ вы скоро посѣдѣете: ничто отъ васъ не скрыто.

Колокольцовъ. Да и не скроется! Представь себѣ: зачѣмъ я къ тебѣ зашелъ? Я вѣдь сейчасъ — всего за полчаса — полицеймейстершу голую видѣлъ въ купальнѣ. Я очень давно ее посмотрѣть собирался и двадцать разъ говорилъ купальщику Титу: проверни ты мнѣ, Титъ милосердный,

для меня шелочку въ тотъ нумеръ. Онъ дуракъ, все начальства боялся; но я полицейскому солдату, что у будки на часахъ стоитъ, это поручилъ, онъ и провернулъ, и прекрасно, каналья, провернулъ: сдѣлалъ, знаешь, этакую шелочку и вставной сучокъ... Нѣмецъ бы этого ни за что не сдѣлалъ.

Молчановъ. Гдѣ нѣмцу!

Колокольцовъ. Да ты, я знаю, ты западникъ и этому не сочувствуешь! *(Хватаясь за карманъ.)* Ахъ, Господи ты мой! тверзу: западникъ, западникъ, а самъ и позабылъ сказать тебѣ, зачѣмъ я къ тебѣ пришелъ... Какую мнѣ, братъ, Фирсъ Григорьичъ новость сообщилъ про нашихъ славянскихъ братьевъ! Я тебѣ скажу, я чувствую, что я съ большимъ бы удовольствіемъ катнулъ посмотрѣть на нашихъ славянскихъ братьевъ.

Молчановъ. Ты, гляди, ты это не на компресики ли съ ленточками посмотрѣть въ Петербургѣ хочешь.

Колокольцовъ. Н-нѣтъ! Какъ можно! Нѣтъ, я вѣдь въ прошломъ году не могъ собраться посмотрѣть своихъ заатлантическихъ братьевъ: денегъ не было. Неужто жъ я и этихъ не увижу? Я еще никогда не видалъ славянскихъ братьевъ! Канунниковъ видѣлъ ихъ, да ничего разсказать не умѣетъ: какъ греки—говоритъ—на грековъ похожи... *(Замѣчая у окна оброненную Минуткою перчатку, бросается и поднимаетъ ее).* А это кто у тебя, милый, рукавчики-то теряетъ? Кто это, милый, былъ у тебя?

Молчановъ *(всматриваясь).* Это Минутка у меня былъ: за лѣчебникомъ заходилъ.

Колокольцовъ. Минутка заходилъ на минутку, ха-ха-ха!— я давно сдѣлалъ этотъ каламбуръ. «Минутка, пожалуйте на минутку». Онъ за это не сердится. Онъ преуморительный ляшокъ. Я, впрочемъ, не знаю, какого ты теперь мнѣнія о полякахъ?

Молчановъ. Да никакого больше.

Колокольцовъ. А нѣтъ, ты не шутя скажи, что они такое по-твоему?

Молчановъ *(шутя).* Чортъ ихъ знаетъ: помѣсь жида съ французомъ.

Колокольцовъ. О, о, о, о! Нѣтъ, это, милый, не годится. Жидъ, чистый и мѣшаный, все держится одной политики:

Мнѣ въ глаза напьютъ,
По лицу отдуй.
По щекамъ трезвонь.
Лишь карманъ не тронь:
Въ немъ чувствительность,
Раздражительность.

А у поляковъ... у нихъ есть что-то такое этакое... рыцарское... это... это, какъ тебѣ сказать, этакое все... у нихъ вмѣстѣ... дерзость и мерзость.

Молчановъ. Похвалилъ!

Колокольцовъ. Да: но я говорю, что они все-таки амюзантная нація. Я не люблю, когда противъ нихъ возбуждается эта ненависть. Это не въ нашемъ характерѣ. Разумѣется, я говорю это не какъ голова; какъ голова, я, конечно, гдѣ слѣдуетъ, иначе скажу,—но я это какъ русскій человѣкъ говорю, какъ я чувствую. Я ничего не имѣю противъ поляковъ. Ты помнишь въ Вѣнѣ, что сдѣлалъ одинъ полякъ съ нашимъ русскимъ?—далъ ему одну брошюрку прочитать противъ австрійскаго правительства, а того бацъ ночью и обыскали. Съ тѣмъ лихорадка сдѣлалась, чуть съ ума не сошелъ отъ страху, что сошлютъ. Но этотъ полякъ пришелъ и говоритъ: не бойтесь, говоритъ, это я, говоритъ, на васъ наслалъ, потому что намъ нужно было отвлечь вниманіе полиціи отъ одного своего дѣла: я, говоритъ, и написалъ анонимное письмо, что у васъ есть подозрительныя бумаги... Вѣдь этакая вертлявая каналья!

Молчановъ. Да, ужъ чего еще не каналья!

Колокольцовъ. Но какъ ловко-то и въ то же время вѣдь и совершенно безвредно! Ахъ, другъ мой, я того убѣжденія, что вѣдь они не мы. Ихъ положеніе другое. Мы вѣдь гиганты... наше имя исполинъ, а исполины всегда снисходительны. Ты вотъ, я знаю, ты не любишь Фирса Григорьича: а я его за что люблю? Я знаю, что онъ entre nous soit dit мерзавецъ cum euximia laude, но я его люблю за его прекрасную натуру — за его русскую натуру. Онъ русскій человѣкъ, и зато посмотри, какъ онъ снисходительно относится къ полякамъ. Онъ говоритъ: что поляки? Это вздоръ, говоритъ, поляки... Такъ-таки и говоритъ: «это вздоръ», ихъ нѣтъ.—и я въ этомъ съ нимъ совершенно согласенъ, потому что гдѣ же нынче Польша? Тюти, душка: мышки ее съѣли.

Молчановъ. Да, чортъ бы ихъ побралъ: теперь, какъ клопы ползутъ сюда, чтобъ кровь сосать тихонько изъ Россіи. Здѣсь подлецовъ и дураковъ еще найдется, чтобъ съ ними заодно якшаться.

Колокольцовъ. Догадываюсь! Богъ знаетъ чѣмъ отвѣчаю, что, сказавши «подлецовъ», ты это на Фирса намекаешь: ты Фирса очень не любишь. И я это понимаю. Я какъ-то очень долго размышлялъ, за что ты его такъ не любишь, и нарочно сегодня зашелъ къ тебѣ сказать, что я открылъ причину вашей ненависти: вы оба очень самолюбивы. Ты самолюбивъ и онъ самолюбивъ. О, онъ чертовски самолюбивъ; онъ въ этомъ случаѣ... онъ даже до поэзіи возвышается... Онъ во многомъ возвышается до поэзіи; но въ самолюбіи онъ даже во вредъ себѣ возвышается до поэзіи. Я этому вчера колоссальный примѣръ видѣлъ; грандіозный примѣръ. Я нарочно пришелъ сегодня разсказать тебѣ объ этомъ. Вчера у меня генералъ Ковалевъ сказалъ о Штукаревѣ... Кто-то сказалъ, что Штукаревъ разоренъ: а Канунниковъ, что ли, или не помню кто говоритъ: Э, говоритъ, это путный человѣкъ пропадетъ, а ихъ брата, откупную піявку, чортъ не возьметъ. А генералъ Ковалевъ говоритъ: да, говоритъ, Штукаревъ нашъ настоящій русскій человѣкъ: я, говоритъ, совершенно въ томъ увѣренъ, что «пока онъ живъ, никто въ его дѣлахъ ничего не разберетъ». Что жъ ты думаешь, Фирсъ вынесъ это? Какъ бы не такъ! «Эхъ, ваше превосходительство, говоритъ, да я, говоритъ, и умру, такъ послѣ меня никто ничего не разберетъ». Можешь ты себѣ это представить - и здѣсь не упустилъ!

Молчановъ *(смѣясь).* Вотъ! какъ грачъ по пашнѣ прыгалъ съ одного на другое: про все переговорилъ—и опять за Фирса! Когда бъ ты зналъ, какъ мнѣ это надоѣло два часа къ ряду день-изо-дня все слышать: Фирсъ Григорьичъ да Фирсъ Григорьичъ, - точно онъ здѣсь какой король. Да чортъ его дери! Онъ мнѣ вовсе не интересенъ.

Колокольцовъ *(таинственно).* А скажи, правда это, что ты на него искъ дѣтскимъ пріютамъ уступилъ?

Молчановъ *(снова разгнѣвавшись).* Опять грачомъ запрыгалъ! *(Серьезно.)* А что такое?

Колокольцовъ *(шутливо и робко).* Ничего, душа моя, ничего... Но это, я думаю, ему... не по носу табакъ.

Молчановъ. Я и не желаю его носа тѣшить.

Колокольцовъ. Да, да, именно носа не тѣшить. Есть на этотъ счетъ французская пословица, только не къ носу, а къ другому, къ плѣши: *il ne faut jamais teше de чужіе ле плеше...* А? понялъ?... По-русски это просто значитъ: не тѣшь чужую плѣшь. *(Наклонясь къ Молчанову.)* А знаешь ты, я, наблюдая твой характеръ, всегда сравниваю тебя съ Сарданапаломъ? именно съ Сарданапаломъ. Ты очень тихъ, и вдругъ ты такъ именно являешься Сарданапаломъ, котораго весь вѣкъ считали бабою, а онъ вдругъ взялъ и сжегъ себя.

Молчановъ *(громко расхохотавшись).* Ха-ха-ха! Охъ! ты меня уморишь, Иванъ Николаичъ!... Ха-ха-ха!

Колокольцовъ. Чего ты? чего ты? Ей-Богу, Сарданапалъ!

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Мякишевъ.

Мякишевъ *(входитъ).* Здорово зять!

Молчановъ *(встаетъ, кланяется и снова садится).* Здравствуйте, Парменъ Семенычъ!

Мякишевъ. Чего же это ты хохочешь? Фирсъ Григорьичъ такое подъ тебя подвелъ... статью такую вывелъ, а ты здѣсь шутки шутишь!

Молчановъ *(желчно).* Что такое? Какую онъ статью подвелъ? Какое мнѣ дѣло до его статей?

Мякишевъ. Дѣло!.. Да мнѣ-то дѣло: вѣдь за тобой дочь моя.

Молчановъ. Чортъ знаетъ, что это такое говорится! статью подвелъ, дочь за мной... Въ чемъ дѣло—разскажите?..

Колокольцовъ *(шутя и запрывая).* Да я и забылъ, мой милый... Я вѣдь за этимъ и пришелъ къ тебѣ. Ты тамъ своимъ рабочимъ долю назначаешь... Конечно, отъ насъ, какъ говорится, хоть тридцать лѣтъ скачи, ни до какого государства не доѣдешь; но все же вѣдь... Это соціализмъ. Конечно, всѣ могутъ съ тобой согласиться, что это полезно; но это...

Молчановъ *(перебивая).* Это если, Иванъ Николаичъ, и шутка, такъ это очень глупая шутка. О какомъ соціализмѣ тутъ можетъ быть рѣчь, гдѣ всѣ за каждый грошъ брата засудятъ?

Колокольцовъ. Да вѣдь, однакоже, справедливо, что ты фабричнымъ долю обѣщалъ?

Молчановъ. Нѣтъ; это несправедливо. Это было бы слишкомъ справедливо для моей несправедливости. Я хотѣлъ прибавить имъ жалованья, потому что нынче неурожай, хлѣбъ дорогъ. Вы возстали противъ этого, просили меня не дѣлать надбавки, чтобы и вашимъ того же не потребовали...

Колокольцовъ. Этого, душа моя, нельзя! Какія же наши-то прибыли! Помилуй, я... я правду тебѣ скажу. Я за тѣмъ къ тебѣ сегодня и зашелъ, чтобы у тебя тысченку наличности перехватить, чтобы съѣздить славянскихъ братьевъ посмотрѣть. Когда тутъ намъ въ эти годы съ рабочими сентиментальничать! Вѣдь это въ литературѣ очень хорошо сочувствовать стачкѣ рабочихъ... Ты знаешь, что я и самъ этому сочувствую, и самъ въ Лондонѣ на митинги хаживалъ... Тамъ я этому всему сочувствовалъ, хотя, я тебѣ скажу, что жъ такое Англія? Я вовсе не уважаю Англіи... Гм! стачки позволены—и о-бокъ съ ними лорды и крупное землевладѣніе... Но когда это на самомъ дѣлѣ, когда... когда я самъ сдѣлался фабрикантомъ—это другое дѣло, душа моя! Это стачки, это... это чортъ знаетъ что такое для нашего брата! Да и наконецъ, какъ голова, я долженъ тебѣ сказать, что это вѣдь и закономъ запрещено.

Молчановъ *(сопьльчиво).* Убирался бы ты отсюда, Иванъ Николаичъ, поскорѣе къ своимъ славянскимъ братьямъ и не мѣшалъ бы намъ *свои* русскіе лапти на оборы поднимать. Что это такое? Про что вы встолковались? *Я такъ хочу!* Понимаете, *я такъ хочу!* Я нахожу, что наши рабочіе получаютъ мало. Я хотѣлъ прибавить имъ — вы воспротивились. Изъ этого простого желанія вы сочинили и распустили слухъ, что я у васъ хочу лучшихъ работниковъ хитростью отбить, а потомъ опять сбавлю цѣну ниже нынѣшней. Мастеровые вамъ повѣрили... Что жъ, на вашей улицѣ праздникъ. Побѣдители не судимы.

Колокольцовъ. То-то, я говорю, другъ мой, надо знать нашего человѣка.

Молчановъ. Чортъ его бери, нашего, не нашего: мнѣ всѣ ровны люди. Я знаю, что они голодны, и ихъ голодъ мнѣ мѣшаетъ обѣдать спокойно. Я имъ сказалъ одно, чтобы они составили артель, чтобъ сами поручились мнѣ за цѣлость матеріала, а я отпущу смотрителей и раздамъ смотрительское жалованье рабочимъ. Кажется, я въ правѣ это сдѣлать.

Колокольцовъ. Нѣтъ, не въ правѣ.

Молчановъ. Отчего?

Колокольцовъ *(не знаетъ, что сказать)*. Мм... м...

Мякишевъ. Да ты общественный человѣкъ, или тебя подъ кранивой индюшка высидѣла?

Колокольцовъ. Да, да! ты вѣдь не Фридрихъ Великій, чтобъ каждому жареную курицу могъ къ обѣду доставить. Да и тотъ не доставилъ.

Молчановъ. Извольте разбирать пожалуйста: то соціалистъ, то Фридрихъ Великій.

Мякишевъ. А больше всего скажу я тебѣ, зять: ты шутъ.

Молчановъ. Какъ это шутъ?

Мякишевъ. А такъ шутъ, коли ты на общую долю даешь, что еще самому годящее. Можно пожертвовать, кто говоритъ, мало ли куицы на что жертвуютъ, да только вѣдь жертвуютъ, такъ съ умомъ жертвуютъ, съ выгодой: или для ордена, либо что совсѣмъ нестоющее. А ты, накося, отъ себя рвешь, да на міръ заплаты пишешь.

Колокольцовъ. Да; вѣдь именно прежде всего всѣ мы, другъ мой, мы общественные люди... Мы этимъ должны гордиться. Но мы не свободны — это самое первое... мы должны другихъ слушаться... это наше коренное, наше русское... славянское...

Молчановъ. Отстань ты отъ меня, пожалуйста, съ твоимъ и съ русскимъ, и съ славянскимъ! Говори, въ чемъ дѣло?

Мякишевъ. А въ томъ дѣло, что какъ ты по-своему, по-ученому полагаешь: можетъ ли тебѣ общество затрещину дать?

Молчановъ. Какъ это затрещину дать?

Мякишевъ. Такъ, взять да и вышвырнуть. Не надо, молъ, намъ, дуракамъ, такого умника. Не знаешь, какъ изъ общества исключаютъ? Приговоръ напишутъ, да и выключатъ.

Колокольцовъ. Общественный, душа моя, судъ. Общество въ этомъ неограниченно. Я за тѣмъ къ тебѣ и пришелъ сегодня.

Молчановъ. Ты пришелъ за тѣмъ, чтобы сказать, что полицеймейстершу голую видѣлъ.

Колокольцовъ *(недовольно)*. Совсѣмъ не то! Это... мм-м... это другое... Я пришелъ потому, что сегодня утромъ всѣ наши первые фабриканты—Иванъ Петровичъ Канунниковъ, Матвѣй Ивановичъ Варенцовъ и Илья Сергѣичъ Гвоздевъ—

подали мнѣ бумагу, что ты своими распоряженіями злонамѣренно дѣйствуешь въ подрывъ нашей фабричной промышленности, и просятъ тебя ограничить. Я вотъ зачѣмъ пришелъ.

Молчановъ. Ты, Иванъ Николаичъ, въ эту минуту мнѣ напоминаешь того анекдотическаго бурмистра, который начиналъ свое письмо барину съ извѣщенія, что въ его имѣніи все, слава Богу, благополучно, а подъ конецъ прибавлялъ, что только хлѣбъ градомъ выбило, скотъ подохъ да деревня сгорѣла. Что жъ ты мнѣ здѣсь торочишь про полицей-мейстершу, про атлантическихъ братій, про славянскихъ братій, а не скажешь, что противъ меня затѣваютъ мои русскіе братія?

Колокольцовъ. Да вѣдь я къ этому жъ и велъ, душа моя, когда говорилъ съ тобой про Фирса. Я говорилъ, что онъ *удивителенъ*... я не могу сказать: оригиналенъ, а именно удивителенъ. Какъ бы о немъ что ни говорили, но я долженъ отдать ему справедливость, что онъ владѣетъ удивительной силой убѣжденія. Какъ онъ ловко основалъ все это! Вотъ какъ это у него написано *(вынимаетъ бумажку и читаетъ)*. Мм... м... м... да вотъ! «Такія несоразмѣрныя надбавки задѣльной платы въ подрывъ другимъ фабрикантамъ невозможны со стороны человѣка, радѣющаго о своихъ пользахъ и выгодахъ, а свойственны лишь расточителю, стремящемуся предать свое наслѣдственное имущество чрезъ свою расточительность послѣднему разоренію и окончить банкротствомъ, которую цѣль общество обязано предупредить и отвратить, сколь въ видахъ сохраненія общественнаго кредита, столь же и для того, дабы семейство сего расточителя, доведенное имъ до нищенства, не осталось на рукахъ и на попеченіи общества. А что Иванъ Молчановъ есть расточитель, то сему кромѣ сказаннаго доказательства слѣдующія: онъ окромя прибавки платы рабочимъ, забывъ родныхъ дѣтей, намѣревался пожертвовать двѣсти тысячъ въ пользу дѣтскихъ пріютовъ и преподносить покупаемый имъ на свои деньги особый домъ со строеніемъ мѣщанской женкѣ Маринѣ Гусляровой».

Макишевъ. Не хорошо зятекъ, не хорошо.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же, Анна Семеновна и Марья Парменовна.

Марья Парменовна *(быстро входя и всходя за руки двоихъ*

дѣтей. Къ мужу). Что жъ ты это и послѣ этого еще мужъ, а не разбойникъ? Есть же еще гдѣ Пилатъ хуже тебя!

Мякишевъ. Марья! Марья! Марья! не хорошо, не хорошо такъ съ мужемъ.

Марья Парменовна. Что вы, папенька, вмѣшиваетесь? Это не ваше дѣло совсѣмъ въ это мѣшаться. Между мужемъ и женою никто мѣшаться не долженъ; а я именно, какъ дяденька Фирсъ Григорьевичъ совѣтуетъ, я судъ соберу, и пусть насъ разсудятъ, потому что онъ воръ.

Анна Семеновна. Да и хуже вора гораздо.

Молчановъ. Что это такое? Какъ вы смѣете приходить ко мнѣ и говорить такія вещи?

Анна Семеновна. Да отчего жъ правды не говорить? Мнѣ десятскій на ротъ бандероли не накладывалъ?

Марья Парменовна. Гдѣ жъ тебѣ съ воромъ равняться? Воръ что ворусетъ, все себѣ тащитъ; а ты все изъ дому.

Анна Семеновна. Да, разумѣется! что ты съ воромъ-то равняешься? Воръ вонъ намедни у насъ козу укралъ, такъ онъ ее не чужимъ же потащилъ, а къ дѣтямъ къ своимъ отвелъ ее, чтобъ пропитаніе имѣли. Это стало отецъ. Онъ и побои за нее принялъ, хоть и не въ дурномъ мѣстѣ и укралъ-то ее, а что крадена, говоритъ, молока больше дастъ. Такъ это рачитель. А ты, паво-ся, по двѣсти тысячъ на незаконныхъ дѣтей жертвуешь! Ты бы хоть своихъ-то дѣтей постыдился.

Марья Парменовна. Да ему что свои дѣти! Онъ имъ хлѣба — и того жалѣетъ. На что, говоритъ, вы ихъ по десяти разъ въ день кормите? — они опухли отъ жратвы. Животы попаходили у нихъ какіе-то: какъ барабаны, говоритъ, у барабанщиковъ.

Анна Семеновна. Ахъ ты, безбожникъ ты этакой! Развѣ можно этакъ про херувимовъ говорить: барабанщики? Вѣдь они безплотные или нѣтъ: какъ же ты имъ ѣсть-то отказываешь?

Марья Парменовна. Англицкую болѣзнь отыскалъ въ нихъ.

Мякишевъ. Это не дѣло ты говоришь. Какая у купеческихъ дѣтей англицкая болѣзнь можетъ взяться? Такъ съ сытости куницы пухнутъ.

Марья Парменовна. Опять же это вы такъ, тятенька, имѣвши разумъ, понимаете; а онъ этого, вѣдь, ничего понимать не можетъ. *(Выставляя отцу на видъ и оглаживая*

ихъ.) Онъ даже и того не скрываетъ, что стыдится своихъ дѣтей.

Анна Семеновна. Это законныхъ-то дѣтей стыдится?

Марья Парменовна. Уроды, говоритъ. Людямъ ему ихъ, видите ли, показать будто стыдно!

Анна Семеновна. Да что ихъ кому показывать-то? Чтобъ сще сглазили! Тифу! *(Забираетъ къ себѣ дѣтей.)* Они, слава Богу, не дворянскія дѣти, а христіанскія, не на показъ растутъ.

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ *(входя)*. А все же, сватья, дворянскія дѣти нашихъ умнѣе. Дворянинъ съ четверть роста всего, а спроси его, что, молъ, такое грамматика? говоритъ: «два солдатика»; а нашъ этого объ эту пору не знаетъ.

Молчановъ *(вспыхнувъ)*. Фирсъ Григорьичъ! Какое право вы имѣете сюда войти? Прошу васъ вонъ! Сію же минуту вонъ выйдите.

Князевъ *(садясь)*. Не слушаю.

Молчановъ *(зоветъ прислугу)*. Люди! люди!

Марья Парменовна. Что! ты звать людей? *(Бросается къ двери.)*

Анна Семеновна. Выскочи, выскочи, Маша, на улицу, да заори хорошенько.

Марья Парменовна. Что, хорошо тебѣ будетъ, какъ народъ-то соберется?

Молчановъ. Что ты!.. безумная! *(Схватываетъ ее за руку и возвращаетъ на мѣсто.)*

Анна Семеновна. Что тутъ безумнаго? Да на разбойника мужа только и справы, что на весь народъ крикнуть. *(Молчановъ садится, махнувъ рукой.)*

Марья Парменовна. Я вѣдь тебѣ десять разъ говорила, что я скандаловъ не боюсь; а ты, когда боишься ихъ, такъ такъ и веди себя, не затѣвай свары и покорийся мнѣ.

Князевъ *(Колокольцову)*. Прошу васъ, господинъ голова, его поурезонить.

Колокольцовъ. Постой, Иванъ Максимычъ: мы къ тебѣ собрались по дѣлу.

Молчановъ. Какъ, по дѣлу собрастесь? По какому дѣлу?

Князевъ. Сейчасъ узнаешь.

Молчановъ. Что жъ это... засѣданье, что ли, иль заговоръ?

Князевъ. Да, заговоръ. Не знать только, что заговаривать: не то одни зубы, не то всю гадину. Нѣтъ, братъ, мы не заговорщики, а общественные люди. Заговорщиковъ вѣшаютъ, а намъ и Богъ, и Царь, и совѣсть указали сообща вести мірской корабль и защищать вдовицъ и сиротъ.

Молчановъ. Но здѣсь нѣтъ ни вдовицъ, ни сироть, и некому искать у васъ защиты.

Марья Парменовна. Я, я прошу защиты...

Князевъ. Вотъ, видишь, вразъ вдовица-то и объявилась, а сироты, по маломыслію, молчатъ, такъ міръ за нихъ и самъ заговоритъ. *(Строго и важно, стукнувъ въ полъ палкой.)* Ты состояніе родовое сотнями тысячъ транжирилъ; работникамъ счеты свои фабричные открывать собираешься; имѣніе продавать надумалъ: да на всемъ честномъ народѣ отъ живой жены любовницу замужнюю къ себѣ въ загородный домъ взялъ... Нѣтъ, братъ *(ударяя себя въ грудь)*, мы не допустимъ этого! Мы, общество, боясь Бога и совѣсть почитая, не допустимъ твоей семьѣ погибнуть. *(Къ присутствующимъ.)* Господа! вы, голова, и ты, Парменъ Семенычъ, и ты, вдова при мужѣ, и всѣ вы, кто меня слышите! объявляю вамъ, что находившійся въ моей опекѣ купецъ Иванъ Молчановъ стремится къ расточенію своего имущества. Вотъ вамъ доказательства, что онъ позавчера купилъ для одной безпутной женщины домъ *(вынимаетъ изъ кармана бумагу и передаетъ ее головѣ)*, а вотъ другое, что онъ позавчера же подарилъ двѣсти тысячъ... *двести тысячъ*, господа, подарилъ, и этотъ подарокъ едва могъ быть остановленъ...

Молчановъ *(быстро)*. Кто смѣлъ его остановить?

Князевъ *(спокойно)*. Я.

Молчановъ. Это ложь! Вы не могли остановить этого.

Князевъ *(еще спокойнѣе)*. Отчего бы это не могъ? Мы не въ Сибири живемъ, да и тамъ нынѣ телеграфы есть, а отъ сумасшедшихъ и отъ расточителей нигдѣ подарковъ принимать не позволяется. *(Присутствующимъ.)* Съ своей стороны, я одинъ своими средствами все, что могъ, сдѣлалъ. Теперь ужъ вы за все въ отвѣтѣ.

Мякишевъ. Что жъ, надо его ограничить.

Князевъ *(подавая бумагу Марьѣ Парменовнѣ)*. Жена его проситъ васъ, господинъ голова, не медливши ни часу, пока

послѣдуетъ какой судъ и приговоръ, устранить его отъ распоряженія имѣніемъ.

(Марья Парменовна подаетъ головѣ бумагу, которую тотъ сердито въ рукахъ, недоумѣвая, что ему съ нею дѣлать.)

Молчановъ *(вставая)*. Такъ это не во снѣ?

Князевъ *(обтираясь платкомъ)*. Нѣтъ, сударь, въявь.

Молчановъ. Такъ это вы вправду собрались... меня связать судомъ, какимъ еще ни одинъ человѣкъ на Руси не былъ связанъ?

Князевъ. Были, врешь ты, были.

Молчановъ *(горячо и рѣшительно)*. Ну, были ли, не были ли, мнѣ все равно. Но если вы нашли право такъ поступить со мною, и если точно есть у васъ такое право, такъ... такъ знайте жъ и вы, и дѣти, и жена моя доносчица: — я господинъ своимъ имѣньямъ! Пока вы свой холопій судъ нарядите, я продамъ все... подарю, если купца не будетъ... подарю, первому нищему отдамъ, но этой гадинѣ холодной *(указывая на жену)*, которая передъ Богомъ обѣщалась беречь меня и передъ людьми меня выдала на поруганье... нѣтъ ничего, ничего! Своихъ враговъ награждать никто человѣка обязать не можетъ.

Князевъ *(подкрадываясь тихо, распахиваетъ двери со внутреннія покои, въ которыхъ на самомъ порогѣ стоятъ Минутка, Гвоздевъ, Канунниковъ и Варенцовъ)*. Прошу войти васъ, господа! Вы слышали?

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и **Минутка**, **Гвоздевъ**, **Канунниковъ** и **Варенцовъ**.

Всѣ *(входя вмѣстѣ)*. Слышали, Фирсъ Григорьевичъ, слышали.

Князевъ. Теперь извольте сами разсуждать по тому, что видите?

Гвоздевъ. Что жъ, нашъ совѣтъ такой, какъ и твой же, Фирсъ Григорьевичъ: собрать все общество и ограничить.

Всѣ *(разомъ)*. Ограничить, ограничить.

Молчановъ. Да это что жъ такое? Въ домъ шпіоновъ ставить? Вѣдь не было же еще покудова суда, и *я* покуда здѣсь хозяинъ.

Князевъ. Врешь: ты *былъ* хозяинъ, но съ сей поры... ты *расточитель! (Пауза. Картина.)* А вотъ мы сейчасъ еще лучше увидимъ, кто хозяинъ. Хозяинъ дому не кинетъ,

хоть варомъ вари его, а прусакъ отъ слова вонъ побѣжитъ, кто на него слово знаетъ. *(Присутствующимъ.)* Я, господа, за разъ, чтобъ положить конецъ всему этому безобразію, покончилъ и съ его помощницей. *(Вынимая изъ кармана небольшую бумагу и раскрывая ее передъ всѣми.)* Вотъ вамъ депеша изъ Питера отъ Гуслярова: онъ просьбу пишетъ, чтобы жена его Марина Николаевна, которую и теперь скрываетъ у себя на дачѣ Иванъ Молчановъ, была бы немедленно же выслана къ нему къ совмѣстному сожительству; а до поры ее теперь, я думаю, уже арестовали.

Молчановъ *(отчаянно)*. Га!.. *(Отометью бросается въ двери и убѣгаетъ.)*

Князевъ *(Марьѣ Парменовнѣ)*. Смотри, племянницу, онъ брильянты схватитъ!

Анна Семеновна *(бѣжитъ)*. Охъ, матушки! ухватитъ.

Марья Парменовна *(бѣжитъ)*. Маменька, маменька, тамъ еще шуба бархатная, что онъ дарилъ. *(Дѣти уходятъ съ ревомъ.)*

Князевъ *(присутствующимъ)*. Смотрите, онъ ушибетъ вѣдь бабъ-то!

(Весь кромѣ Минутки бросаются за женщинами.)

Князевъ *(посмотрѣвъ пристальнымъ взглядомъ на Минутку)*. Что?.. какъ ты думаешь объ этомъ, Вонифатій? *(Сжимая руку Минутки.)* Вотъ то-то... Вы всю жизнь на этомъ ремеслѣ стоите, и крестятъ васъ въ такой купели въ Нолинѣ, чтобъ каверзу строить, а все... безъ заговоровъ ничего не сдѣлаете. У насъ проще эта политика! Видишь, ты одинъ дѣла верти... да такъ, чтобъ хвостъ не зналъ, что затѣваетъ голова. *(Указывая пальцемъ на дверь, куда вышелъ Колокольцовъ.)* Не эта голова, что вышла, а вотъ эта *(показывая на себя)*, что дѣло додѣлывать будетъ. *(Сухо.)* Садись къ столу и актъ напиши о всемъ, что было, и принеси туда для подписи. *(Минутка садится къ письменному столу Молчанова.)*

Князевъ *(выходя на авансцену)*. Ну, кашу заварилъ. *(Тихо смѣется.)* Хе-хе-хе-хе... въ колокола про судъ ударили и звонятъ, и звонятъ... ха-ха-ха! Да что тутъ хитраго въ колокола звонить! Вотъ вы пожалуйте прислушать, какъ я вамъ въ ленты звякну. *(Уходитъ.)*

Минутка. Да, ты правъ, панъ Фирсъ, ты правъ. *(Беретъ себя за ухо и подражаетъ Фирсу.)* «Дѣлай такъ, чтобъ

хвостъ не зналъ, что̀ затѣвастъ голова. Не эта голова, что вышла, а вотъ эта *(показывая на свой лобъ)*, что̀ будетъ дѣло додѣлывать».

(Занавѣсъ падаетъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Большая зала въ домѣ купца Мякишева. Мебель старинная, обитая чернымъ; по обимъ сторонамъ два одинаковые дивана; передъ ними столы; бюро; часы съ кукушкой; въ углу колонка краснаго дерева съ букетомъ восковыхъ цвѣтовъ подъ стекляннымъ колпакомъ. При поднятіи занавѣса черезъ открытыя окна комнатъ слышенъ со двора шумъ многочисленной толпы народа. Шумъ начинается со поднятія занавѣса.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Мякишевъ *(сидитъ за столомъ на диванѣ)*; **Князевъ** *(помѣщается за тѣмъ же столомъ на креслѣ)*; **Минутка** *(пишетъ)*.

Князевъ. Экъ, какъ галдятъ!

Минутка. Съ утра стоятъ здѣсь на дворѣ; некота, жарко; оголодали, Фирсъ Григорьичъ, а судъ еще, гляди, вѣдь не сейчасъ начнется. *(Оставляя перо.)* Иванъ Максимовичъ, говорятъ, только-что сейчасъ пріѣхалъ съ дачи въ городъ и запелъ къ головѣ, но голова его не приняла.

Князевъ. Да; не приняла. Ну, что намъ до того,—приняла или не приняла. *(Смотритъ въ окно.)* Скажи, пожалуйста, чего это они всѣ въ одно мѣсто вверхъ смотрятъ?

Минутка *(тоже выглядывая въ окно)*. Галка вонъ на карнизѣ сидитъ. Галку смотрятъ.

Князевъ. Что-жъ она чудного дѣлаетъ, что они въ нее воззрились?

Минутка. Ничего—хвостомъ трясетъ, а они смотрятъ.

Князевъ *(смѣясь)*. Эко дурачищи!

(Народъ подъ окномъ за сценой: Ха-ха-ха! ¿У-у! у! у! уре! Полетѣла! полетѣла!)

Князевъ. Ха-ха! Что̀ за скоты такіе. *(Минутк.)* Подика ты сюда. *(Отводитъ его въ сторону.)* Тамъ спосылай кого-нибудь скорѣе въ мой шинокъ, что на углѣ здѣсь ближе, и прикажи сидѣльцу, чтобъ всѣмъ имъ въ долгъ далъ,

кто сколько вылопаетъ. Понимаешь ли: не давать даромъ, чтобъ не сказали, что я подкапывать хотѣлъ всю эту сволочь. Въ долгъ пусть лопаютъ. Отдастъ ли, не отдастъ ли который, но только въ долгъ давать... Бѣги.

Минутка. Въ минуту. Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ *(Мякишеву).* А ты, отецъ, чего-то нюни распустилъ?

Мякишевъ *(покачавъ головой, тихо).* Жалко мнѣ его. И его люблю.

Князевъ. Чурилка ты, какъ посмотрю я на тебя, а не купецъ! Что, будемъ такъ къ примѣру разсуждать, — что если я напьюся до-пьяна, да въ твоихъ глазахъ полѣзу въ рѣку—пустишь ты меня? Топись молъ, Фирсъ Григорьичъ, я съ тебя твоей воли не снимаю? или попридержать бездѣлицу? Что тебѣ долгъ-то твой христіанской повелѣваетъ?

Мякишевъ. Да христіанскій долгъ, конечно...

Князевъ. Ну, то-то и оно «*конечно*». Не то, что просто придержишь, а если буянить стану, такъ и свяжешь да положишь, пока умирать охота пройдетъ. Не что иное и съ нимъ дѣлаютъ: онъ топиться хочетъ, а мы его удерживаемъ; онъ буянитъ что дѣлать—мы его свяжемъ.

Мякишевъ *(тыкая въ столъ пальцемъ).* Вотъ это-то вотъ, *свяжемъ*-то... слово сіе жестоко есть.

Князевъ. А если Марьюшка къ тебѣ назадъ придетъ на хлѣбы, да не одна еще теперь, а съ внучками, которые все ѣсть-то просятъ, сіе не жестоко будетъ?

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна *(сходя съ сердитой миной. Къ мужу).* Да ты чего съ нимъ, Фирсъ Григорьичъ, говоришь-то? О чемъ? Онъ вѣдь, небось, не понимаетъ.

Мякишевъ. Небось, понимаю.

Анна Семеновна *(мужу).* Ну, какъ же! Не мало ты когда что-нибудь понималъ. Видишь, осовѣлъ совсѣмъ; все спитъ. Теперь вонъ май мѣсяцъ—народъ въ рѣкѣ купается, а онъ, точно котъ, все на лежанкѣ трется. *(Князеву.)* Не слушай ты его, сватъ, ни въ чемъ. Нечего его слушать. Дѣлай, какъ ты самъ знаешь. Вѣдь ты у насъ, всѣ знаютъ, какой ты умный; тебя умнѣй никого въ городѣ нѣтъ

Князевъ. Да, дуракомъ не ставили.

Анна Семеновна. Да и Марьюшка вчера у меня вечеромъ также была, такъ то-жъ говоритъ: какъ, говоритъ, дяденькѣ Фирсу Григорьичу, говоритъ, угодно, а надо, говоритъ, его ограничить. Не такъ, чтобы вполнѣ, говоритъ, ограничить, а чтобы онъ только, говоритъ, ни до чего бы не доходилъ; а я бы, говоритъ, всѣмъ распоряжался.

Князевъ. Ну, разумѣется, она.

Анна Семеновна. Потому что иначе она его никакъ съ собой къ любви не приведетъ. Видишь, вонъ онъ какъ позавчера безъ всякаго стыда махнулъ къ Маринкѣ, такъ и теперь до сихъ поръ тамъ... и не бываль къ женѣ. Легко это ей, Машѣ-то? Да и скажи-жъ, сватъ, сдѣлай милость, — скоро ее, Марину-то, выпилютъ? Вѣдь непріятно это намъ, что она тутъ живетъ.

Князевъ. Ну, погоди, выпилютъ. Надо, чтобы добро-то прежде было въ вашихъ рукахъ, а тогда въ вашихъ рукахъ и правда будетъ.

Анна Семеновна. Разумѣется такъ! *(Мужу.)* А этотъ еще упирается.

Мякишевъ. Мнѣ суда страшно.

Анна Семеновна. Какого это суда?

Мякишевъ. Страшнаго суда Господня.

Анна Семеновна. Такъ, стало-быть, судъ-то этотъ надъ тобою надъ однимъ, что ли, будетъ? Надъ всѣми вѣдь этотъ судъ будетъ. Такъ вѣдь на то же человѣку положена молитва — отмолить можно. Да тебѣ и отмаливать-то нечего: ты молчи, да и только. Я, молъ, что всѣ, то и я; я ничего не знаю. Такъ тутъ и грѣха нѣтъ.

Князевъ. Вотъ, видишь, жена-то у тебя какая мозговитая.

(Мякишевъ машетъ рукою и уходитъ.)

Князевъ *(по уходѣ Мякишева, фамильярно и съ своеобычнымъ куртизанствомъ, къ Аннѣ Семеновнѣ).* Ахъ ты, коньe мурзомецкое! Гляди, какъ она командуетъ.

Анна Семеновна *(улыбаясь изъ-подъ брови).* У тебя научилась.

Князевъ *(оставая и потирая поясницу).* Э, дѣвка, ужъ я и самъ-то все позабылъ: старо становится и ветхо.

Анна Семеновна. Нѣтъ, видно, ты старъ-то никогда не будешь. У тебя, у стараго-то, все слышно идетъ не по-старому, а по-молодому.

Князевъ. Толкуй. Нѣтъ, дѣвушка, того ужъ нѣтъ, что тебѣ, можетъ, помнится. Третьяго дня, вечеромъ, вздумалъ-было на кладбище прогуляться. Пріѣхалъ, анъ ужъ ворота заперты и сторожей нѣтъ. Ахъ вы, волкъ васъ съѣшь совсѣмъ! Черезъ ограду вздумалъ перескочить... Что-жъ ты думаешь, вѣдь насилу перелѣзъ. *(Бьетъ себя по колѣнямъ.)* Тутъ-то вотъ... въ хрящахъ-то жестоко стало... не то, что бывало... Помнишь, Нюра! гдѣ намъ съ тобой большой дороги не было? А-а! Помнишь, что ль?

Анна Семеновна *(потупляя глаза и разбирая бахрому у платка).* Чай вѣдь не вовсе безпамятная.

Князевъ. Ахъ, ты, безпардонная! Ужъ я тамъ по кладбищу-то ходючи тебя вспоминалъ, вспоминалъ, да и счетъ съ памятью забылъ. И тутъ-то Нюша; и вотъ здѣсь-то она; и вотъ тутъ не безъ нея... Тфу ты, грѣхи наши тяжкіе!

Анна Семеновна. Не со мной ты съ одной тамъ прогуливался: у тебя стать вѣшать до Москвы на столбахъ по одной—не перевѣшаешь.

Князевъ *(перебивая).* Да не про то, глупая! Я говорю, что, тебя вспоминаючи, вспомнишь, какой народъ-то былъ. И промежъ ванней сестрой, промежъ бабами тогдашними, и то люди были. И строгость была, и мужья, и свекровы, а у насъ все, бывало, свое идетъ: о полвечерни рѣжешь себѣ прямо на могилки; а Нюша ужъ тамъ... *(Запрыгаетъ съ ней.)* Сидитъ, разбойница, на камушкѣ въ клеточкахъ... дожидается... А-а? Ни за что не обманетъ... А? Помнишь что ль? *(Хохочетъ се и смѣется.)* Хе-хе-хе-хе! Эхъ ты, звѣзда восточная!

Анна Семеновна *(съ притворнымъ неудовольствіемъ).* Да ну тебя совсѣмъ! Нашелъ про что и вспоминать? Знать видно молодыя-то ужъ поиче прочь гонятъ, такъ хоть про старое поговорить.

Князевъ. Опять же не про то! Что молодыя! Тпфу!.. Козлихи онѣ все поиче, и совки, да неловки. Ихъ самихъ-то надо еще по всякій часъ учить... *(Поглаживая ее по плечамъ.)* Не то, что вотъ эта мать-лебедушка: босой ножкой, бывало, выйдетъ, встрѣтитъ и проведетъ и выведетъ... *(Беретъ ее за руку.)* Ишь, окаянная, и теперь еще пульсы бьются!

Анна Семеновна *(не совладѣвая съ довольной улыбкой, отталкиваетъ Князева).* Но-оди про-очь!

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Тѣ же *и возвратившійся* **Мякишевъ** *(входитъ и заводитъ у двери часы).*

Князевъ *(отходя на авансцену).* Глупа какъ ступа конюшняя эта женщина, а съ большимъ огнемъ была. Чуть-чуть, бывало, ей кивни, она ужъ тутъ — и время выищетъ и случай и, какъ звѣзда, куда положено и катитъ. Смерть люблю такихъ женщинъ за обычай! *(Секундная пауза.)* Вотъ у Марины обычай совсѣмъ другой: это ренесъ колючій... *(Опять короткая пауза.)* Ну, да я и этакихъ тоже люблю. *(Смѣясь.)* Хуже себѣ ничего не могу представить, какъ то, что послѣ моей смерти на землѣ вино, деньги и красивыя бабы останутся!.. *(Къ публикѣ.)* Вотъ такъ-то разсуждайте, кто какъ любитъ! Говорятъ: «я тебя всѣмъ сердцемъ люблю». По-моему, это ничего не значитъ. А я вотъ *(потирая большими пальцами концы другихъ пальцевъ)*... я все чувствую... какъ только вспомню про Марину... такъ физическіе нервы мои болятъ. Особенно вотъ тутъ, вотъ въ самыхъ въ пальчикахъ ноетъ... Весь болѣнъ даже стану; а мнѣ свое здоровье мило... Да, ужъ по этому по одному мнѣ нельзя пожалѣть Молчанова... нельзя, никакъ нельзя... я болѣнъ!.. Я не виноватъ, что это у меня такъ не проходитъ!

Мякишевъ *(подходя).* Знаете, я что? *(Махнувъ рукой.)* Я молчать буду.

Анна Семеновна. Давно бъ вотъ такъ-то лучше.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ *(входя, про себя).* Съ лучкомъ.

Мякишевъ. А, братъ, Калина Дмитричъ, здравствуй! Какъ? все ли въ своемъ?

Дробадоновъ. Живу. Благодарю покорно. *(Садится.)*

Князевъ *(про себя).* Глядите, пожалуйста, этого только и боялся: и этотъ жукъ-отшельникъ выползъ. Въ два года разъ на сходку ходитъ, а нынче явился... Противный человѣкъ. Всѣ его любятъ, а я вѣкъ цѣлый его терпѣть не могу. Но нынче ему подстроено,—спотыкнется.

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же, Гвоздевъ и Минутка.

Гвоздевъ. Хозяевамъ и Фирсъ Григорьичу.

Князевъ. Здравствуй и ты, Илья Сергѣичъ! А что, какъ твоя супружница?

Гвоздевъ. Благодарю покорно — опасности нѣтъ — свинка у нея сдѣлалась.

Минутка. Въ самой вещи свинка?

Князевъ. Ну... ты опять съ своей самой вещью! У русскихъ свинки въ горлѣ бываютъ. *(Гвоздеву.)* Фіалковаго меду надо давать.

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Варенцовъ.

Варенцовъ *(Князеву)*. Здоровья всякаго.

Князевъ. Спасибо, братъ, спасибо. Что это у тебя заборъ, что ль, новый нынче будутъ ставить?

Варенцовъ. Нѣтъ, старенькій пересыпаю, Фирсъ Григорьичъ. Что! ужъ съ этими заборами у насъ одна бѣда: безъ забора скотина все повытравитъ, а поставь заборъ — сейчасъ его народъ на тонку растащитъ.

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и **Канунниковъ** *(которому* **Князевъ** *подастъ руку и удержитъ ее въ своей руки)*.

Князевъ *(Гвоздеву)*. А ты взакрой вели заборъ-то забирать, не на шипы чтобы сажали доску, а взакрой: доска взакрой сидитъ плотнѣе; а сверху скобочку пускай прибьютъ: такъ вотъ оно живетъ и плотно. А что воришки, такъ мы съ головою на воришекъ открыли средство: на той недѣлѣ голова предложитъ приговоръ, чтобъ ихъ при первомъ же наборѣ всѣхъ безъ очереди сдать. Въ газетахъ помѣстимъ, чтобъ всякій зналъ и, ужъ попавшись бы, на общество не плакался. *(Канунникову.)* А ты, нашъ Баянъ Петровичъ, будто нездоровъ?

Канунниковъ *(весело)*. Какъ быть здоровымъ, Фирсъ Григорьичъ, когда всю ночь не спалъ.

Князевъ. Банчишку что ли съ головой метали?

Канунниковъ *(также весело)*. Да нѣтъ! Какое тамъ банчишка! Собаки все проклятыя. Вотъ надоѣли! То мечутся, то рвутъ, то воютъ... тифу ты совсѣмъ, ровно въ самомъ

дѣлѣ передъ пропастью какою. Заснулъ-было — плавило. Дай, думаю себѣ, спрошу, какъ старые люди учатъ: къ добру или къ худу? Спросилъ — говоритъ: «къ худу». Ну гдѣ-жъ тутъ спать? А проснулся—опять псы воютъ.

Князевъ. А ты бъ подъ собой подушку перевернулъ: они бы и выть перестали. Это у тебя жаръ въ головѣ, съ жару не спится.

Дробадоновъ *(про себя).* И тутъ знаетъ, что̀ посовѣтовать.

Канунниковъ *(смѣясь).* Какое съ жару: со страху. На дачѣ былъ вчера да запоздалъ: жутко одному; ночь темная, лошадь черная: не знай, на чемъ и ѣдешь.

Князевъ. А ты бъ пощупывалъ.

Канунниковъ. Да еще лошадь-то изъ рабочихъ лѣнивая, ободрать ее, попалась, что не дошлешься ея.

Князевъ. Драться надо было съ ней хорошенько, когда лѣнивая.

Дробадоновъ *(очень громко).* Ха-ха-ха-ха!

Князевъ. Чего такъ расхватило?

Дробадоновъ. Съ радости, что и съ лошадьми ужъ учинъ драться.

(Входятъ еще нѣсколько купцовъ разомъ и раскланиваются.)

Князевъ. А вотъ и міръ весь въ сборѣ.

Дробадоновъ. Теперь можно и батьку убить.

Минутка *(взглянувъ въ окно).* Иванъ Максимычъ идетъ.

Всѣ. Тссс! *(Кромѣ Дробадонова всѣ спохватятся, очищая дорогу отъ двери.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Молчановъ *(грустный, но спокойный, подходитъ къ столу, за которымъ сидитъ* **Дробадоновъ**. *Молча жметъ ему руку и отходитъ къ окну и становится спиною къ тестю и ко всѣмъ фабрикантамъ. Пауза).*

Канунниковъ *(шопотомъ).* Тихій ангелъ летаетъ.

Князевъ *(громко).* Нѣтъ, не узналъ. Поиѣ говорятъ: это мировой судья родится.

Канунниковъ *(смѣясь).* А воровъ страхъ беретъ. *(Дробадоновъ неожиданно чихаетъ такъ громко, что всѣ вздрагиваютъ и раздаются восклицанія.)*

Князевъ *(испуганно).* Тифу! слонъ египетскій, какъ испугалъ. *(Минуткѣ.)* Ступай, проси сюда скорѣй голову!

Минутка *(взглянувъ въ окно).* Они идутъ-съ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и **Колокольцовъ** *съ портфелемъ. Съ нимъ подъ руку* **Марья Парменовна.** *Всѣ поднимаются.*

Колокольцовъ. Мое почтеніе, господа! Марья Парменовна, прошу васъ. *(Указываетъ ей на мѣсто за столомъ. Садится рядомъ съ нею и вынимаетъ изъ портфеля бумаги.)* Всѣ здѣсь?

Дробадоновъ *(вздохнувъ).* Которыхъ надо—всѣ.

Колокольцовъ. А, и вы, Калина Дмитричъ, нынче съ нами. Простите, не замѣтилъ.

Князевъ. Махонькій — не вотъ-те-на его разсмотришь. *(Общій смѣхъ.)* Чихнулъ, такъ дома чуть-чуть не опрокинулъ. Вотъ то-то значитъ, что безгрѣшный человѣкъ: надъ нимъ хоть крыша упади, такъ онъ не побоится смерти.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ!

Молчановъ *(молча отходитъ отъ окна и становится къ столу, за которымъ сидитъ Дробадоновъ, спиною къ нему, лицомъ къ голосу и къ усѣвшимся фабрикантамъ).*

Колокольцовъ *(Молчанову).* Прежде чѣмъ я черезъ минуту, какъ должностное лицо, открою собраніе по вашему дѣлу, я, какъ частный человѣкъ, прошу у васъ извиненія, что полчаса тому назадъ не могъ принять васъ. *(Молчановъ кланяется.)* Я васъ не могъ принять какъ потому, что я вчера уже разсматривалъ съ бывшими вашими опекунами ваши бумаги и составилъ себѣ о вашемъ дѣлѣ опредѣленное мнѣніе, такъ потому, что въ то время, когда вы ко мнѣ заѣхали, у меня была ваша супруга, и мы съ нею разсуждали о васъ. Я нарочно за тѣмъ пришелъ... Тифу!.. Простите: я за тѣмъ къ вамъ обращаюсь, чтобы оправдаться передъ вами.

Молчановъ. Я не знаю, въ чемъ вы такъ много извиняетесь: и оскорбленіе не велико, и всякій воленъ кого хочетъ принять или не принять въ своемъ домѣ.

Дробадоновъ. На то ворота вѣшаютъ.

Анна Семеновна. Нѣтъ, квартальнаго, хоть и вороты есть, а не смѣешь не пустить: въ Москвѣ кунчиху за это новымъ судомъ судили.

Князевъ *(про себя).* Дробадонъ что-то дробадонитъ... Надо бы ему больничку въ губу вдернуть.

Колокольцовъ *(ко всѣмъ).* Прошу занять мѣсто и объявляю

вамъ, что засѣданіе открыто. *(Усаживаются въ полукругъ. Дробадоновъ и Молчановъ остаются на прежнемъ мѣстѣ.)* Мы взяли эту комнату для засѣданія потому, что присутственная камера думы тѣсна для такого большого собранія, въ какомъ, по справедливости, слѣдуетъ судить дѣло Ивана Максимовича. Впрочемъ, дума здѣсь же, за этою стѣною, въ домѣ Пармена Семеныча, и, я надѣюсь, никто ничего не будетъ имѣть противъ того, что мы собрались по сю сторону стѣны, а не по ту сторону?

Молчановъ. Не въ этомъ дѣло.

Князевъ. Да, онъ умнѣе всѣхъ сказалъ: не въ этомъ дѣло. Пускай дѣло начинается.

Колокольцовъ. Господа! вниманіе. *(Минуткѣ.)* Читайте.

Минутка *(беретъ бумагу и читаетъ).* «Душеприказчики покойнаго коммерціи совѣтника, потомственнаго почетнаго гражданина и первой гильдіи купца, Максима Петровича Молчанова, а впослѣдствіи опекуны и попечители единственнаго его сына и наслѣдника, Ивана Максимова Молчанова, купцы Фирсъ Григорьевъ Князевъ и Парменъ Семеновъ Мякишевъ, довели до свѣдѣнія общества и городского головы, что сказанный купецъ Иванъ Максимовъ Молчановъ, съ дѣтства своего постоянно отличаясь страстію къ расточительству, во время бытности своей въ опекѣ, а потомъ до двадцати одного года, согласно желанію покойнаго отца его, подъ попечительствомъ, былъ отъ сей вредной склонности постоянно воздерживаемъ».

Молчановъ *(перебивая).* Позвольте:

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть слово.

Минутка *(продолжаетъ).* «Но достиженіи же законнаго совершеннолѣтія, онъ, Молчановъ, чувствуя самъ сію слабость и влеченіе къ разсѣянной и безпутной жизни, самъ уполномочилъ бывшихъ опекуновъ своихъ Князева и Мякишева довѣренностію на управленіе своимъ имѣніемъ, а самъ провелъ три года за границею, для изученія будто бы торговаго дѣла, но сего не исполнилъ».

Молчановъ *(перебивая).* Чего не исполнилъ? чего я не исполнилъ?

Колокольцовъ. Иванъ Максимовичъ, вы будете имѣть въ свое время слово.

Молчановъ. Да это и есть мое время говорить, когда на меня клевещутъ. Я изучалъ фабричное дѣло и его знаю.

Князевъ. Читай, Минутка.

Минутка *(продолжаетъ)*. «Прибывъ же два года тому назадъ на родину и вступивъ въ управленіе своимъ имѣніемъ, въ самое кратчайшее время привелъ всѣ свои дѣла и счеты въ безпорядокъ; расходы по фабрикаціи непомѣрно увеличилъ: доходы же привелъ къ существующему ничтожеству и кромѣ того обнаружилъ во всей своей силѣ свои прежнія склонности къ мотовству и расточительству, какъ-то: занималъ у разныхъ лицъ деньги и выдавалъ на себя векселя; векселей этихъ своевременно не оплачивалъ, а переписывалъ, увеличивая сумму; затѣмъ имѣющіяся полученія расходовалъ заранѣе самымъ безразсуднымъ образомъ и претензію въ двѣсти тысячъ рублей уступилъ въ пользу пріютовъ, вмѣсто того чтобы сею суммою расплатиться съ долгами. И наконецъ, онъ сдѣлалъ безвкладными пайщиками въ операціяхъ фабричныхъ ремесленниковъ, дабы вредить прочимъ фабрикантамъ; купилъ домъ для посторонней женщины въ ущербъ благосостоянія своей семьи и, наконецъ, при многихъ свидѣтеляхъ, подписавшихъ актъ, выразилъ непремѣнное свое желаніе расточить все свое имѣніе, лишь бы ничего не досталось его женѣ и дѣтямъ. Такой образъ дѣйствія Ивана Молчанова, несомнѣнно клонящійся къ прямому его разоренію, вынудилъ душеприказчиковъ отца его обратить на сіе вниманіе общества и просить объ огражденіи его наслѣдственнаго имущества, составляющаго обезпеченіе семейства, отъ разоренія. Одновременно съ симъ подано прошеніе и женою Молчанова, Марьею Парменовою Молчановою, которая, подтверждая общее мнѣніе, что мужъ ея есть расточитель, проситъ, въ огражденіе ея семейства отъ неминуемо-угрожающей нищеты, взять мужа ея за расточительство въ опеку».

Молчановъ *(глядя на жену)*. Въ опеку! *(Качая головою.)* Такъ вотъ кто первый выговорилъ это слово!

Князевъ. Кого это ближе всѣхъ касается, тотъ и выговорилъ это слово!

Варенцовъ *(вздыхая)*. Намъ изъ-чужи жаль; а она мать.

Марья Парменовна *(плача)*. Я мать; я должна дѣтей обезпечивать.

Князевъ *(Минуткѣ)*. Дочитывай.

Минутка. «Городской голова, члены сиротскаго суда и думы, разсмотрѣвъ все это дѣло, нашли представленіе купцовъ

Князева и Мякишева, а равно и прошеніе жены Молчанова заслуживающими вниманія и постановили передать это дѣло на общее обсужденіе всего общества и о томъ, что оно постановитъ, написать приговоръ». *(Кладетъ бумагу на столъ.)*

Колокольцовъ. Вотъ, милостивые государи, предметъ нашего сегодняшняго собранія. Иванъ Максимовичъ и его супруга, голосъ которой имѣетъ первое мѣсто, оба здѣсь. *(Со двора слышатся нетерпѣливые гулы толпы.)* Купечество въ полномъ сборѣ, мѣщане на дворѣ во всемъ своемъ составѣ *(шутливо)* и, какъ слышите, напоминаютъ намъ о себѣ этими воплями.

Дробадэновъ. Какъ вороны крови ждутъ. *(Молчанову сдержанно.)*

Князевъ *(тихо)*. Сейчасъ имъ стерву выкинутъ.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ! вамъ что-то угодно было сказать? Можетъ-быть, вы противъ кого-нибудь что-нибудь имѣете?

Молчановъ. Я противъ всѣхъ имѣю.

Князевъ. Никого, спасибо, не обидѣлъ.

Молчановъ. Здѣсь всѣмъ выгодно, чтобы сдѣлать мнѣ какую-нибудь гадость; но я васъ спрошу: по какому праву вы вздумали устроить этотъ судъ? Пять дней тому назадъ меня никто не признавалъ ни расточителемъ, ни мотомъ, вы сами, господинъ голова, искали у меня перехватить тысячу рублей, для того чтобы истратить эти деньги на какую-то поѣздку. Я совсѣмъ человѣкъ былъ еще, такой же гражданинъ, какъ всѣ здѣсь присутствующіе, какъ Петръ, Иванъ, Сергѣй: у меня можно было денегъ просить, и я могъ дать ихъ или не дать, считая вашу нужду не нуждою, а прихотью. И вы и каждый признавали меня въ такомъ правѣ — и вдругъ вы, тѣ же самые, говорите, что я расточитель, и собираетесь отнять у меня вашимъ мѣщанскимъ судомъ человѣческія права, права, которыя дали мнѣ Богъ, природа. Гдѣ взяли вы такое право?

Князевъ. Минутка, прочитай ему законъ.

Молчановъ. Законъ! Не нужно мнѣ читать закона. Здѣсь дѣло не въ законѣ. Ваши заботы не о томъ, чтобы обстоять законъ, чтобы его исполнить, а о томъ, чтобъ беззаконье сдѣлать на законномъ основаніи. Такихъ расточителей, какъ я, полна Россія. Всѣ люди расточители и всѣ... быть-

можетъ болѣе, чѣмъ я. Гусаръ, который безъ гроша вѣрнаго дохода землянику ѣстъ зимой, по полтиннику за ягодку, — его въ опеку; ремесленникъ, который въ одинъ часъ пропиваетъ недѣльный заработокъ, — его въ опеку; чиновникъ, который сто рублей въ годъ жалованья получаетъ, а въ сто рублей женѣ одно платье шьетъ, — тожъ въ опеку его...

Дробадоновъ. Этого хоть и въ острогъ, такъ у мѣста былъ бы.

Молчановъ. Берите всѣхъ, всѣхъ въ опеку... да и себя ужъ заравно въ опеку сдайте. Такъ пусть и будетъ въ круговую... даже въ ландкартахъ географическихъ, вмѣсто *Россія*, пусть пишутъ *Опека*. Подводя меня подъ это, вы всѣхъ подъ то ведете и сами подъ то же лѣзете.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ, это все умно сказано и прекрасно, да къ дѣлу не идетъ.

Гвоздевъ. Ты дѣло говори.

Мякишевъ *(подходя, тихо)*. А ты оправдывайся, Ваня.

Молчановъ. Да не знаю я, въ чемъ мнѣ оправдываться! Во всемъ этомъ дѣлѣ я дѣла никакого не вижу. Я вижу только одно беззаконіе, взмащивающееся на законъ; одну придирку и ничего болѣе. Я не хвалю себя! я молодъ былъ, кутилъ, любилъ веселую компанію. Что жъ дѣлать! знаю самъ, что, можетъ-быть, полсотни тысячъ промоталъ...

Князевъ *(Минуткѣ)*. Запиши.

Молчановъ. Но это было, да прошло.

Князевъ *(сладостно)*. А на полсотни тысячъ что вѣдь могло быть сдѣлано-то? Вѣдь это пяти... да что я говорю: пяти! — десяти, пятнадцати семействамъ до вѣку кусокъ хлѣба дать бы можно.

Гвоздевъ. Но три тысячи... Это бѣдной семьѣ довѣчный капиталъ.

Молчановъ. Правда, правда. Прокутить полсотни тысячъ— это большая низость; но удивляюсь сердоболью вашему о бѣдныхъ. Всѣ вы такіе, какъ и я. Вотъ здѣсь недалеко ходя сидятъ... ну три, четыре человѣка, которымъ случай кинулъ по милліону: кто же изъ васъ рвался, чтобы свою гортань иль чрево жадное унять и вспомнить неимущихъ?

Колокольцовъ. Тутъ дѣло не о ближнихъ, а о семьѣ, Иванъ Максимычъ.

Князевъ. Да, о семьѣ.

Гвоздевъ. За семью твою боятся: вѣдь вонъ жена что̀ пишетъ: *расточитель.*

Молчановъ. Да позвольте мнѣ спросить васъ: вы отдаете отчетъ своимъ женамъ?

Нѣсколько голосовъ. Да наши жены что жъ понимаютъ?

Канунниковъ. Нашихъ бабъ съ постелей вставать, и то пѣтухи учатъ.

Гвоздевъ. Ребятъ рожать имъ да рядиться — вотъ ихъ рукомесло.

Молчановъ. Такъ что жъ моя-то жена? Особенное она что-нибудь, что ли? Воспитали ее, что ли, какъ-нибудь особенно, что при ней мужъ ничего не долженъ значить? Учили ее, что ли, чему-нибудь полезному?

Анна Семеновна. Да чему полезному учить-то? Нѣшто въ ученьи польза-то бываетъ? У ученыхъ денегъ-то меньше нашего.

Дробадоновъ. У насъ то полезно, что̀ въ ротъ полѣзло.

Канунниковъ *(смѣясь).* Чего ихъ учить-то, когда съ ними и съ неучеными не справишься! Хвосты въ семь аршинъ пораспущаютъ и ходятъ какъ спофиды.

Колокольцовъ. Что жъ, это только значитъ, что наша женщина въ постоянномъ угнетеніи.

Молчановъ. Въ угнетеніи! Гм! и вотъ она, угнетенная, пришла сюда судить предъ всѣми мужа! Она сидитъ здѣсь, съ судьями моими, а я, которому она у алтаря Господняго клялась быть мнѣ подругою... нѣтъ... болѣе того: господиномъ, строителемъ семьи признавать меня... она мой обвинитель здѣсь; она сидитъ въ почетномъ мѣстѣ за то, что посмѣялась надъ клятвой... Она, которой я перстомъ не тронулъ, которой сроду словомъ не обидѣлъ, сидитъ здѣсь съ вами и судитъ мужа такимъ судомъ, какимъ еще Шемяка не судилъ, какимъ не дай Богъ Каину судиться; а я одинъ стою, мнѣ даже мѣста нѣтъ; скамейки у коровницы не заняли, чтобъ посадить меня по крайней мѣрѣ!

Мякишевъ *(встаетъ и торопливо приноситъ Молчанову стулъ).* Сядь, Ваня, сядь, безчастный!

Марья Парменовна. Ну, вотъ тебѣ и стулъ—садись.

Молчановъ *(цѣлуя тестя).* Благодарю. Не надо.

Марья Парменовна. Вотъ ты вѣдь и всегда такой. Вѣдь вотъ при всѣхъ теперь оно и видно: какой ты? То жаловался, мѣста ему нѣтъ, а подали стулъ—и не надо. *(Какъ*

бы тронутая.) Ну, вотъ сюда иди, когда не хочешь тамъ садиться. *(Поднимаясь и освобождая мѣсто).* Иди же что ль? *(Переминяя тонъ.)* Вѣдь кланяться не буду.

Молчановъ *(горько).* Намъ съ вами вмѣстѣ больше не жить и не сидѣть.

Князевъ. Кто нынче съ женами изъ образованныхъ людей живетъ!

Марья Парменовна. Такъ что жъ тебѣ съ чужою. сталобыть, показано теперь ужъ жить? Стало чужая лучше?

Князевъ. А какъ же не лучше? въ чужую жену чортъ меду ложку кладетъ.

Марья Парменовна. Нѣтъ, ты когда женился, такъ живи. А не хочешь, такъ заставятъ.

Анна Семеновна. Есть же правило, чтобъ женъ къ мужьямъ отправлять, если требуютъ, — такъ теперь новый судъ, не безпокойся, и на мужей законъ выдастъ. И васъ приводить будутъ.

Князевъ *(съ сдержанной улыбкой).* Будутъ, сватья, будутъ. *(Молчанову.)* А ты, не такъ ты на это дѣло, другъ Иванъ Максимычъ, смотришь. Я, долго твои умныя рѣчи слушавши, вотъ что тебѣ скажу: строитель-то семьи ты строитель, а тебѣ жены чуждаться нечего, да и по нашему, по русскому закону невозможно. Ты самъ вѣдь вспомянулъ сегодня, что вы съ нею въ церкви вѣнчаны; а мы не нѣмцы: у насъ разводовъ нѣтъ. Она здѣсь просить на тебя! Да что жъ такое? Мало ль женъ, которыя просили на мужей, не только что въ обществѣ, а и у квартальныхъ на мужей жаловались, да вѣдь не разстаются же съ ними со всѣми мужья— живутъ.

Канунниковъ *(смѣясь).* А у мѣщанъ и у мужиковъ такъ еще и розгами мужа на сходкѣ по жениной жалобѣ отпарятъ, а все опять живутъ. Домой придутъ, онъ ее пощелкаетъ... *(Махнувъ рукою.)* У насъ на этотъ счетъ просто.

Гвоздевъ. Куда подѣнешься! законъ свой надо соблюдать.

Варенцовъ. И воютъ, да живутъ.

Молчановъ *(къ голосу).* Иванъ Николаичъ, позвольте васъ спросить, для чего я позванъ сюда передъ обществомъ? За расточительность какую-то вы собрались судить меня, такъ прикажите про расточительность и говорить, а не про то... что здѣсь говорится.

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ, вѣдь мы еще не парламентъ, намъ парламентскія формы чужды. Мы народъ.

Князевъ. Мы простецы, такъ попростому и разсуждаемъ, а по-ученому, по-заграничному не умѣемъ и не поймемъ пожалуй.

Колокольцовъ. Быть-можетъ, въ этомъ есть связь во всемъ...

Анна Семеновна. Да какъ же не связно! Теперь ужъ заодно въ одно время его судить и за расточительность, и за нелюбовь.

Колокольцовъ. За нелюбовь, Анна Семеновна, нельзя судить.

Анна Семеновна. А отчего жъ нельзя?

Колокольцовъ. Нѣтъ основаній нравственныхъ; закона нѣтъ.

Анна Семеновна. А развѣ все по закону судятъ? Нѣтъ закона—по писанію судить можно.

Князевъ *(улыбаясь).* Ну, полно, сватья, врать. *(Молчанову.)* А я опять тебѣ, Иванъ Максимычъ, рѣшаюсь доложить. Можетъ ты и вправду честный человѣкъ...

Колокольцовъ *(перебивая).* Да въ этомъ, я думаю, и сомнѣваться невозможно.

Князевъ. Ну да. Честный человѣкъ у насъ, говорятъ, одну жену обманываетъ: такъ ужъ, стало-быть, и потому ты честный. А вотъ ты говоришь, что такое въ твоей женѣ особеннаго. Я тебѣ разскажу это. Ты вспомянулъ, что тамъ вамъ было въ церкви нѣто, а нѣсни-то эти, должно, не всегда памятовалъ. Пять лѣтъ ты, женатымъ бывши, по Вѣнамъ да по Парижамъ разъѣзжалъ—много ты о ней тамъ вспомнилъ? А вѣдь она здѣсь, какъ птичка, взаперти сидѣла; дѣтей твоихъ глядѣла, а суперантовъ, какъ другія прочія, не заводила. *(Съ удареніемъ.)* Имени-то твоего, безпутная ты голова, она вѣдь не замарала, хоша... стоилъ бы ты, можетъ, того, и очень бы стоилъ.

Молчановъ. Вы за собой бы лучше посмотрѣли, Фирсъ Григорьичъ.

Князевъ *(пьяно).* Я не бросалъ жены; домовъ любовницамъ не покупалъ.

Молчановъ. А съ задняго крыльца черезъ садовую калитку всю слободу къ себѣ переводили.

Колокольцовъ. Тсс! Господа! господа!.. Иванъ Максимычъ, вѣдь мы не на площади.

Молчановъ *(горячо).* Не позволяйте оскорблять меня. Противъ жару и камень треснетъ.

Колокольцовъ. Во всякомъ случаѣ, Иванъ Максимычъ, на оскорбленья можно жаловаться послѣ; а домашними дѣлами считаться здѣсь не мѣсто.

Варенцовъ *(смирно).* Особенно этакими пустяками: ими какъ и считаться?

Гвоздевъ *(вздохнувъ).* Такое дѣло Богъ одинъ разсудитъ; а ты, милуша, прошлымъ человѣка не кори.

Дробадоновъ. И посейчасъ оно есть.

Колокольцовъ *(улыбаясь).* Калина Дмитричъ... слово здѣсь отвѣтственно.

Молчановъ *(всплеснувъ руками).* О, Господи! И это міръ, и это судьи! *(Бѣшено къ Колокольцову.)* Рѣшайте что-нибудь со мной скорѣй: я не могу здѣсь съ вами оставаться! Это не судъ, а разговоры возмутительные. Я не хочу этихъ разговоровъ слушать: у меня дѣло есть; меня люди дома ждутъ.

Князевъ. Не торопись, не всюду разомъ поспѣшай. Кто ждетъ, такъ подождетъ, а то другая рѣчь — была бъ постелюшка, а милый найдется.

Молчановъ *(быстро скомкиваетъ въ рукахъ шляпу, но, овладѣвъ собою, говоритъ спокойно).* Я просто думаю, что вы издѣваетесь; это болтовня какая-то.

Дробадоновъ. А домъ, что куплень Гусляровой,—такъ это я совралъ: домъ этотъ *я* купилъ. *(Общее движеніе.)*

Князевъ *(смѣясь).* Ха-ха-ха, проворовался грѣшникъ...

Молчановъ *(перебивая).* Не надо лгать, Калина Дмитричъ: я купилъ. До этого никому дѣла нѣтъ: я свое дарю.

Князевъ. Врешь, не свое, а дѣтское.

Молчановъ. Вы врете! Я своимъ дѣтямъ отецъ, а не холопъ кабальный, чтобы при нихъ уже ничѣмъ не смѣлъ распорядиться. Я долгъ, обязанность имѣю помочь Гусляровымъ.

Анна Семеновна. Гдѣ жъ это такая обязанность, въ какомъ законѣ показана?

Марья Парменовна. А ты еще знаешь ли то, что отъ любви-то дѣти бываютъ?

Молчановъ *(презрительно жметъ).* Знаю! Я и то знаю, что они, къ стыду человѣческому, у низкихъ людей, каковы мы съ вами, и безъ любви рождаются.

Канунниковъ *(весело).* Ребята, что мокрицы, они вездѣ водятся.

Марья Парменовна. Ну, такъ что жъ ты? Такъ ты и долженъ помнить, что вѣдь и другихъ дѣтей надо будетъ награждать.

Князевъ. Ну, гдѣ тамъ нонче дѣти родятся, гдѣ ихъ не хочутъ!

Молчановъ *(бѣшено).* Господинъ голова! велите имъ молчать!... Что это въ самомъ дѣлѣ такое? До чего это дойдетъ? Я протестуюсь и выйду вонъ отсюда.

Колокольцовъ *(глупясь съ бумаги).* А для чего вы вздумали продать свое имѣнье, Иванъ Максимычъ, когда это тревожитъ вашу супругу?

Молчановъ *(вертя свою шляпу).* Для чего?

Князевъ. Да, для чего? Ты не верти шляпы-то, а то голова болѣть будетъ.

Молчановъ *(быстро скомкиваетъ шляпу и въ бѣшенствѣ бросаетъ ее въ Князева. Всѣ вскакиваютъ).* Вотъ для чего, чтобъ этотъ гадъ изъ терпѣнія бы меня не выводилъ. *(Смятенье. Всѣ встаютъ.)*

Колокольцовъ. Иванъ Максимычъ! Вы не въ своемъ умѣ!

Князевъ. Я дураку прощаю.

Колокольцовъ. Но мы простить не можемъ: мы всѣ оскорблены.

Молчановъ *(совершенно забываясь).* Вы!... Вы?... Да что такое вы? *(Указывая на Князева.)* Когда онъ, воръ, убійца, развратитель... когда *онъ* не боится васъ, такъ что жъ такое вы? *(Въ азартѣ.)* Я говорю вамъ: онъ убійца! Пишите протоколъ!! Онъ утопилъ въ рѣкѣ моего отца. Весь городъ это говоритъ! *(Князевъ вздрагиваетъ.)* Что вы меня терзаете допросами, тогда какъ у меня отцовская кровь изъ сердца выступаетъ!.. Вы злить меня вытребовали... Я понимаю васъ... вы всѣ здѣсь Князевская шайка!.. Кто не дуракъ, тотъ плутъ; а кто не плутъ, такъ грошъ ему цѣна. *(Князевъ встаетъ и тихо машетъ рукою по направленію къ двери, давая знакъ всѣмъ выходить. Ближайшіе къ дверямъ купцы тотчасъ же одинъ за другимъ выходятъ. Прочіе, не сводя съ Молчанова глазъ, тоже подвигаются къ двери. Молчановъ же, не замѣчая этого движенія, продолжаетъ.)* Вы понагнали во дворъ сюда мѣщанишекъ, изъ которыхъ Князевъ давно весь мозгъ повытрясъ. Онъ ихъ угощалъ черезъ своихъ сидѣльцевъ. Онъ ихъ стращалъ, что фабрики черезъ меня позакрываются и черезъ меня ни у

кого у нихъ работы не будетъ. Вы научили доброму мою жену просить на мужа... Зачѣмъ еще дѣтей моихъ сюда не привели?..

Марья Парменовна *(проходя во внутреннія комнаты).* Нечего тебѣ здѣсь дѣтей вспоминать.

Молчановъ *(Колокольцову).* А вы! вы... голова, товарищъ мой, вы съ учеными, съ поэтами водили дружбу. Соціалистъ вы были, народникъ... славянинъ вы... *вы* изъ-за чего подличаете? Изъ-за того, что Фирсовымъ радѣтельствомъ попали въ головы... Простите вы меня, вы... вы не голова... а чортъ васъ знаетъ, что вы... *(забываясь)* вы мерзавецъ!

Колокольцовъ *(быстро нагибается подъ столъ и шаритъ тамъ рукою).*

Князевъ *(Колокольцову).* Чего вы ищете?

Колокольцовъ. Бумага, кажется, одна упала; да это ничего... *(Не разгибаясь выбѣгаетъ на дворъ. За головою одинъ за другимъ выходятъ остальные купцы.)*

Молчановъ. *Вы* расточители!.. Вы расточили и свою совѣсть, и у людей расточили всякую вѣру въ правду, и вотъ за это расточительство васъ всѣ свои и всѣ чужіе люди честные—потомство, Богъ, исторія осудятъ... *(Князевъ уходитъ въ среднюю дверь и запираетъ ее за собой.)*

Молчановъ. Не расточителемъ, а стяжателемъ великимъ буду... если Богъ поможетъ мнѣ хоть все, хоть до послѣдняго алтына все отдать тому, кто бы сумѣлъ вдохнуть живую душу въ грудь моимъ открытымъ всякому пороку дѣтямъ!...

Анна Семеновна *(проходя во внутреннія комнаты).* А для чего же сказано: остави останки младенцамъ своимъ? *(Уходитъ.)*

Молчановъ. Они богаче будутъ, оставшись нищими, да не съ такой волей слабой и не съ такимъ ничтожнымъ сердцемъ, какое тутъ *(бьетъ себя въ грудь)*—какое тутъ у нихъ несчастнаго отца! *(Вльдываетъ и падаетъ безъ чувствъ въ кресло).*

Дробадоновъ *(сидѣвшій до сихъ поръ съ опущенною головою во все время монолога Молчанова, быстро вскакиваетъ).* Что это? *(Испугавшись).* Всѣ ушли! *(Вскакиваетъ и сильно хватаетъ Молчанова.)* Иванъ Максимычъ! Не время спать! *(Въ ужасѣ.)* Онъ сомлѣлъ... Что дѣлать, Господи! *(Бросается къ двери.)* Га! заперта! *(Толкаетъ дверь, но она не по-*

дается.) Мы здѣсь въ ловушкѣ! *(Кидается къ Молчанову, схватываетъ его безчувственнаго и тащитъ передъ собой къ окну.)* Приди, приди въ себя! Черезъ минуту кончатъ судъ, и нѣтъ спасенья!

Молчановъ *(растрепанный).* А!.. что такое?.. лѣсъ...

Дробадоновъ *(открываетъ окно, черезъ которое тотчасъ же врывается гулъ большой толпы; онъ держитъ Молчанова подъ плечи передъ окномъ и кричитъ громко).* Народъ! міръ! люди, на комъ есть крестъ! кто въ Бога вѣруетъ! глядите: это человѣкъ... *(Замѣчая, что его не слышатъ, бросаетъ Молчанова въ кресло).* Не слышатъ! *(Бѣжитъ съ размаха въ запертыя двери и растворяетъ ихъ. Пауза.)*

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Молчановъ *(одинъ, приходя въ себя).* Что?.. Гдѣ Калина Дмитричъ? Всѣ ушли... *(Схватываетъ себя съ отчаяніемъ за голову.)* Что это было? *(Съ увеличивающимся ужасомъ.)* Я ихъ бранилъ, я велъ себя, какъ мальчикъ... *(За сценой слышенъ голосъ Дробадонова:* «Спросите совѣсть: что̀ кому онъ злое сдѣлалъ».) Пойду имъ въ ноги кинусь... вѣдь осудятъ... *(Прислушивается.)* Калина Дмитричъ говоритъ! *(Падаетъ на колѣни.)* Великій Господи! когда судили Гуса, соловей запѣлъ, и чье-то сердце дрогнуло отъ этой пѣсни,— неужто-же ихъ и человѣческое слово не тронетъ! *(Слышенъ вдругъ громкій шумъ снаружи и голоса:* «Врешь! знаемъ мы! Ты не учитель намъ: насъ Фирсъ Григорьичъ не обманетъ». *Смѣхъ, гамъ и озлобленные крики:* «Вонъ мускательщика! Вонъ Дробадонова!» *Нѣсколько рукъ вталкиваютъ сильно растрепаннаго и помятаго Дробадонова въ двери.)*

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же и **Дробадоновъ**.

Дробадоновъ *(въ совершенно разорванномъ сюртукѣ влетаетъ на сцену отъ сильнаго толчка сзади).* Ухъ! *(Отряхается).*

Молчановъ *(быстро вставая и схватывая Дробадонова за руку).* Что?

Дробадоновъ. Опека.

Молчановъ *(падаетъ въ обморокъ).*

Дробадоновъ *(поднимаетъ Молчанова, разстегиваетъ его жилетъ и даетъ ему со стола стаканъ воды).*

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и Служанка.

Служанка *(сбѣгая на стукъ отъ паденія Молчанова)* Что это здѣсь упало, Калина Дмитричъ?

Дробадоновъ. Что упало, то подняли.

Служанка. Что жъ тутъ случилось?

Дробадоновъ. Деревня мужика переѣхала. Пошла, принеси мнѣ иглу съ ниткою, да поздоровѣе.

(Служанка уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Князевъ.

Князевъ *(входитъ съ палочкою, и всѣ, которые выходили съ нимъ на судъ, кромѣ женщинъ).*

Князевъ *(тихо Колокольцову).* Обирайте руки-то, не расходившись.

Колокольцовъ. Не расходитесь, господа! Прошу сейчасъ же подписывать приговоръ! *(Минутка кладетъ бумагу на столъ, и начинается подписываніе. Подписавшіеся отходятъ и садятся. Молчановъ въ это время поднимается, открываетъ глаза и сидитъ въ остолбенѣніи).*

Князевъ *(на авансценѣ).* Про что вѣдь говорилъ?.. Молчановъ-то, я говорю, про что говорилъ? Смѣхъ! Ха-ха-ха! Только задѣнь ихъ, сейчасъ дурь замелютъ. Даже про исторію... Ну скажите вы пожалуйста, кто же этой парши у насъ бояться станетъ?.. Самъ себя осудилъ! *(Вынимаетъ изъ кармана маленькую бомбоньерку, достаетъ изъ нея пастилку и сосетъ.)* А Дробадоновъ-то какъ-было вырвался... Хи-хи-хи... Нѣтъ, это, братъ, не то! Тебя за добродѣтели твои, за справедливости могутъ чтить, кто хочетъ... а тутъ на голодномъ брюхѣ музыка построена, а не на справедливости... Хе-хе... Я слово чуть одно сказалъ, а подголоски подхватили, что ты корысть имѣешь въ томъ, чтобъ стали фабрики, ну и... на кулачьяхъ вынесли... Но онъ ужъ началъ не жалѣть и самого себя: такіе люди въ обществѣ не годны. *(Сердито оборачивается и громко.)* Купецъ Калина Дробадоновъ!

Дробадоновъ *(подписываясь).* Пишетъ.

Князевъ *(съ иронією).* Что? отъ міра видно не прочь.

Дробадоновъ *(кладя перо).* На міръ не челобитчикъ.

Князевъ. А? *(Подходитъ и смотритъ въ бумагу.)* Опять «*кипсцъ*». *(Минуткѣ).* Читай!

Минутка *(беретъ бумагу).* «1867 года, мая»...

Князевъ. Не все, а суть одну читай.

(Входитъ служанка и подаетъ Дробадонову иголку съ длинной былой нитью. Дробадоновъ садится на видномъ мѣстѣ и начинаетъ зашивать свой разорванный народомъ сюртукъ).

Минутка. Мм...м...м. «А посему приговорили: признать его, Ивана Молчанова, на основаніи всего вышеизложеннаго, злостнымъ расточителемъ *(Молчановъ быстро приподнимается)* и, въ огражденіе разрушаемаго имъ благосостоянія жены своей и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, устранить его отъ права распоряженія своимъ имуществомъ и сдать оное въ опеку благонадежнымъ людямъ»...

Молчановъ *(перебивая).* Что? что такое?

Князевъ. Въ опеку. Въ опеку тебя приговорили.

Молчановъ. Нѣтъ! Этого не можетъ быть!

Князевъ *(сося пастилку).* Ну да, не можетъ.

Молчановъ. Да гдѣ жъ былъ этотъ судъ?

Князевъ. Вотъ, видишь, за ругаемъ-то ты не видѣлъ, какъ и овинъ сгорѣлъ.

Молчановъ. Тутъ разговоры одни шли.

Князевъ. А развѣ въ чемъ же судъ, какъ не въ разговорѣ? Ты все парламентовъ смотришь; а у насъ это просто.

Молчановъ *(перебивая).* За что же, господа!.. За что въ опеку? Помилуйте! мнѣ тридцать лѣтъ...

Князевъ *(ворочая во рту пастилку).* Хотя бъ и триста; а міръ тебя ребенкомъ призналъ.

Молчановъ. Господа! *(Всѣ тупятся и смотрятъ на Князева.)* Фирсъ Григорьичъ! За что ты цѣлый вѣкъ меня преслѣдуешь? Пусти меня на волю—я уйду! Или ты, можетъ быть, униженья моего хотѣлъ?.. *(Падаетъ передъ нимъ на колѣни.)* Смотри, я здѣсь при всѣхъ передъ тобою на колѣняхъ... прости меня... прости меня... въ моей передъ тобою невинности! прости! *(Кланяется въ землю.)*

Князевъ *(проглатывая конфетку).* Вотъ такъ-то бы давно, сынокъ! Не гордыбаченьемъ у старыхъ людей берутъ, а почтеніемъ. А вы всѣ молодость цѣны себѣ нынче не сложите. Мы, дескать, честь свою и гордость выше всего ставимъ; а все это вздоръ ваши и честь, и гордость! Пока

лафа вамъ—ходите, какъ павы, хвостъ раскинувши, а сунетъ васъ клюкою хорошій старичокъ—и поползете жабами. Не хорошо такъ, другъ!.. Вѣдь вотъ теперь смирился пылкій Шлиппенбахъ—стоишь передо мною на колѣняхъ, и въ этомъ умный человѣкъ тебя не покоритъ. Ты знаешь передъ кѣмъ стоишь: не иню почтенье отдалъ. *(Кладя ему на голову руки.)* Ну, Богъ тебя проститъ. Теперь вотъ попроси людей, чтобы тебя простили за грубости.

Молчановъ. Простите. Я себя не помнилъ!

Всѣ *(разомъ).* Богъ проститъ.

Князевъ. Нельзя такъ, другъ, не помнить. Ну, да ужъ это прощено. *(Минуткѣ).* Читай, Минутка!

Минутка. «И опекунами къ имѣнію Молчанова назначить жену его Марью Парменовну и съ нею вмѣстѣ соопекуномъ отца ея, купца Пармена Мякишева: а какъ сей Мякишевъ на сходѣ отъ такой обязанности отказался, то вмѣсто его *(откашлявшись)* поручить сію должность съ полною за цѣлость имущества отвѣтственностію *(Молчановъ встаетъ съ колѣнъ и остро смотритъ на Князева)* купцу Фирсу Григорьевичу Князеву». Иванъ Максимычъ, подпишитесь, что̀ вамъ объявили. *(Подаетъ Молчанову перо).*

Молчановъ *(не принимаетъ пера и совсѣ не замѣчаетъ Минутки).* Ты! ты!.. ты мой опекунъ! *(Бросается съ азартомъ на Князева. Общее движеніе въ защиту Князева.)*

Князевъ *(поднимая палочку противъ лица Молчанова и позируя).* Иванъ Максимычъ, не шали!.. У насъ, дружокъ, для этакихъ хватовъ есть упокойчекъ темненькій, въ смирительномъ. *(Къ обществу рѣшительно.)* Съ согласія моей соопекунши, сегодня объявляю всѣмъ словесно, а завтра пошлемъ въ газетахъ напечатать, чтобы Молчанову ни отъ кого никакого довѣрія не было и никакихъ его долговъ, ни векселей и ни росписокъ мы принимать не будемъ.

ЯВЛЕНІЕ 14-е.

Тѣ же и Анна Семеновна.

Анна Семеновна. Господа, прошу покорно закусить! *(Всѣ кланяются.)*

Князевъ *(спокойно).* Адмиральскій, господа, ударилъ. Пора и закусить. *(Уходитъ. За нимъ уходятъ всѣ, оставляя въ комнатѣ Дроб донова и Молчанова.)*

Молчановъ. Калина Дмитричъ! что жъ это!

Дробадоновъ. А ты бъ поболѣе бѣсился.

Молчановъ. Неужто жь это не во снѣ, а вправду?

Дробадоновъ *(окончивъ пришиваніе, закалываетъ въ спинку кресла иголку).* Да, Фирсъ Григорьичъ молодецъ! И не одинъ я его похвалю, а и чортъ, и тотъ его похвалитъ. *(Идетъ къ дверямъ, куда сей вышли во внутреннія покои.)* Пойду смотрѣть, какъ занимаетъ міръ, поѣвши человѣчины.

Молчановъ *(останавливая его восклицаніемъ).* Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ *(оборотясь).* Что?

Молчановъ. И ты... и ты... ты, честный человѣкъ... одинъ, которому я съ дѣтства вѣрилъ... и ты своей рукой подписалъ!

Дробадоновъ. Иванъ Максимычъ, ты вправду, знать, не знаешь, что такое міръ? Спроси о немъ мои бока. Рѣдко я на него хожу, а все жъ это имъ не первый снѣгъ на голову... Одинъ на міръ не челобитчикъ. Трезвъ ты или пьянъ, всѣ говорятъ, что пьянъ: ступай и спать ложись, а то силкомъ уложатъ.

Молчановъ. Ты подписалъ! *ты подписалъ!*

Дробадоновъ *(возвращаясь къ Молчанову на авансцену и показывая обѣими руками на свою фигуру).* Великъ и силенъ кажется тебѣ купецъ Калина Дробадоновъ?.. а міръ ядунъ: сожретъ и этого съ кишками. *(Быстро поворачивается и уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 15-е.

Молчановъ и Марина.

Марина *(которая входитъ со двора, тщательно закутавшись большимъ платкомъ, осматривается и, сбросивъ однимъ движеніемъ платокъ, быстро подбѣгаетъ къ Молчанову).* Иванъ Максимычъ!

Молчановъ *(оборотясь).* Марина! Богъ съ тобой! Зачѣмъ ты здѣсь? *(Стараясь выпроводить ее.)* Бѣги отсюдова! бѣги скорѣй! бѣги!

Марина. Не бойся. Я видѣла въ окно: всѣ за столомъ сидятъ. Я за тобой пришла, чтобы ты не оставался здѣсь.

Молчановъ *(тревожно и какъ бы не сознавая, что говоритъ).* Нѣтъ... мнѣ отсюдова нельзя... Я Фирса жду...

Марина *(рѣшительно).* Вздоръ говоришь! Иди! Тебѣ не нужно больше видѣть Фирса!.. Идемъ!.. идемъ!..

ЯВЛЕНІЕ 16-е.

Тѣ же и Марья Парменовна.

Марья Парменовна *(очень раскрасневшаяся, съ алыми губами, выходитъ изъ внутреннихъ покоевъ; она полупьяна. Увидевъ Марину, она тихо крадется къ ней и становится сбоку Гуляровой, не замѣченная ни ею, ни мужемъ).*

Марина *(Молчанову).* Не будь ребенкомъ. Не злобься и не ползай... Скорѣй, одной минуты не теряя, въ Петербургъ, въ суда... Въ судахъ, въ сенатахъ не найдешь защиты,— къ Царю иди... падни къ его ногамъ, скажи ему: *(Молчановъ, слушая ее, поднимается со стула)* Надежда, защити! я умаленъ до возраста младенца! будь Богъ земной—создай меня во человѣка... Идемъ! Я буду стоять передъ тобой и молиться, чтобы Господь управилъ сердце Государя. Идемъ, идемъ! что бы ни встрѣтилось, живые въ руки не дадимся!

Молчановъ *(дрожа, повторяетъ).* Я умаленъ до возраста младенца... Будь Богъ земной—создай меня во человѣка!.. *(Бьютъ).*

Марья Парменовна *(хватаясь за платье мужа).* Куда? куда?.. Я, вѣдь, все слышала... Нѣтъ, я его не отпускаю!

Марина *(быстро выпроваживаетъ Молчанова однимъ движеніемъ за дверь, а сама схватываетъ Марью Парменовну сзади за локти и, перекруживъ ее три раза около себя, сажаетъ на полъ и убѣгаетъ).*

ЯВЛЕНІЕ 17-е.

Марья Парменовна и **Анна Семеновна** *(входитъ совсѣмъ пьяная и красная, какъ піонъ).*

Марья Парменовна *(сидя на полу, съ улыбкою).* У-у-ухъ, какъ вся земля закружилась!

Анна Семеновна *(покачнувшись).* Это тебѣ съ хересу... У меня и у самой кружится...

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Паркъ при загородномъ домѣ Молчанова. Между множествомъ деревьевъ, вправо въ одной куртинѣ замѣтно старое, толстое дерево, въ которомъ сбоку виденъ лазъ въ большое дупло. Вечеретъ.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Марина и **Дробадоновъ** *(сидятъ на деревянной скамьѣ подъ старою липою).*

Марина. А ты думаешь, я сама спокойна? Знаетъ про то только грудь моя да подоплека, какъ я вѣрю въ хорошее.

Дробадоновъ. А я опять скажу, не про что много и безпокоиться. Я для того и приговоръ подписалъ, чтобы и спора изъ пустого, не заводить. Сегодня вы съ Иваномъ Максимычемъ выѣдете; черезъ четыре дня въ Питерѣ, и дѣло это намъ только за смѣхъ вспоминаться станетъ.

Марина. Все не про то ты говоришь. Опеку снимутъ, разумѣется. Ну, а дальше что-жъ?

Дробадоновъ. Да дальше то жъ, что было...

Марина. Славное житье!.. А все я виновата: сколько любила, вдвое того погубила.

Дробадоновъ. Не было въ его жизни и до тебя много путнаго: души онъ честнѣйшей, да не строитель, по правдѣ сказать. Такъ бы, прямою дорогой, да съ прямыми людьми, онъ бы еще жилъ ничего; а тутъ, чтобы у насъ, промежъ нашимъ народомъ жить, надо, чтобъ шкура-то у тебя слоновая стала. Тогда развѣ вынесешь. А ему гдѣ это вынесть: съ него со всего кожа-то совсѣмъ словно содрана; къ нему еще руку протягиваютъ, а ужъ ему больно—кричитъ. Нашъ народъ деликатности не разбираетъ, и этакъ въ немъ жить невозможно.

Марина. А главнѣй всего, что все спуталось да перепуталось. Чтобъ въ немъ душу поднять, я его тѣшила тѣмъ, потому что имя Государя въ такую минуту много значитъ. А просить — какъ просить? *(Конфузясь.)* Это хорошо съ чистой совѣстью и къ Царю, и къ Богу, а мы... Какъ онъ противъ своего закона, какъ и я... *(Махнувъ рукой.)* Гдѣ еще тутъ и ротъ разѣвать!

Дробадоновъ *(вздохнувъ).* То-то пузо-то у насъ все въ жемчугѣ, а сзади-то и у тѣхъ, которые чище-то, и то на аршинъ грязи налипло... О-ихъ-хе-хе-хе-хе... Ну, да нечего и безпокоить Государя: уповаю несомнѣнно, что все это и такъ, по закону сдѣлается.

Марина *(задумчиво).* Надо ужъ было ему одному-одинёшеньку жить; не путаться, не запутываться, чтобы не за что брать его было.

Дробадоновъ. Разумѣется, такъ бы лучше было; да вѣдь и одному съ горемъ тожъ не радостно.

Марина *(живо).* А ты думаешь, что когда бъ не горе его, такъ промежъ насъ что-нибудь сталось бы? Ни въ жизнь жизненскую! Горе это его меня ко всему къ этому и вывело. Все было слыну, такой онъ, сякой, негодяющій. Жена сама корить: ужъ что жъ тутъ—стало-быть либо жена непутящая, либо это все правда? Вотъ и пойдетъ вспоминаться, какъ мы дѣтьми, бывало, играемъ... Въ мужа съ женой, бывало, все играли *(сквозь горькую улыбку)*... не знали, что не мужъ съ женой изъ насъ будетъ, а чортово радовище... *(Утираетъ выкю слезу.)* Ахъ, какое чудное было дитя! Я такой доброты, такой нѣжности съ той поры ни въ одномъ ребенкѣ не видѣла.

Дробадоновъ. А вотъ эта нѣжность-то на нашемъ народѣ, видишь, чѣмъ сказывается. Самъ нѣженъ, да и отъ другихъ все нѣжности ждетъ. А нѣту ея — онъ сейчасъ на дыбы.

Марина. Онъ простодушный!

Дробадоновъ. Простодушный!.. А это тоже не вездѣ кстати. Насъ вѣдь этимъ не удивишь. У насъ будь простъ, рубашку скинь, скажутъ можетъ еще крестъ серебряный есть на шеѣ — его подай. У насъ требуется, чтобы человѣкъ былъ во всеоружіи своемъ, а не простоквашею да петерпячкою. Это все ему еще бѣлою соской рыгается.

Марина. А все, будь у него въ семьѣ все какъ слѣдуетъ... Не такихъ, да и то берегутъ, ни до срама, ни до позора ни до какого не допускаютъ.

Дробадоновъ. Разумѣется. Если бы ты бы жена-то его была, ну ты бы его сберегла и понѣжила и не допустила до этой несносливости. Такъ что жъ, и тутъ вѣдь онять, и въ этомъ дѣлѣ ему его бѣлая соска мѣшала. На тебѣ надо было жениться, надо было половину гамзы потерять. Онъ женился на той, которая у него все взять норовитъ.

Марина *(не слушая).* Чудное было дитя!.. Я, какъ оса, такъ и росла такая ехидная. Безстыжая была я дѣвчонка, заведу его, бывало, куда-нибудь въ ровъ, или въ садъ далеко и прибью. *(Утираетъ глаза.)* Ежели есть что у него— стиму—онъ все-было терпитъ... А разъ покойница мать увидѣла, какъ я его толкла на грядахъ, да ѣсть не дала мнѣ за это, и онъ ѣсть не сталъ... ну, скажи мнѣ пожа-

луйста!.. *(Плачетъ.)* Взрыдался, всплакался: «мою Маринушку! мою Маринушку! не обижайте мою Маринушку!»... Ахъ, чудное было дитя! ахъ, дитя было чудное!.. Ахъ! *(ударяя себя въ грудь)* ахъ! когда бъ знали... вы, какъ я его любила!.. Мнѣ десятый годочекъ пошелъ, когда его въ Петербургъ увозили... я себя не помнила, что со мной было. Фирсъ съ нимъ въ каретѣ сидѣлъ; а я все догнать ихъ хотѣла... бѣжала, бѣжала, пока ямщикъ кнутомъ чуть глаза всѣ не выстегалъ... ножонки подкосились, какъ цыпленокъ въ пыль и упала.

Дробадоновъ. То-то, дитя, не слѣдъ видно намъ, пѣшеходамъ, гоняться за тѣми, что ѣздятъ въ каретахъ.

Марина. Милый! хорошій мой! смыслъ-то во мнѣ какой въ ту пору былъ? Я и черезъ шесть-то лѣтъ, когда ихъ вѣнчали съ Марьей Парменовной, не умнѣе была: сквозь народъ въ церковь пролѣзла, да о бокъ съ нимъ становлюсь, чтобы будто мнѣ съ нимъ это вѣнчаніе пѣто... Да и кромѣ того я скажу тебѣ, я вѣдь какая-то порченая, что ли: ни жизни, ни смерти мнѣ нѣтъ, пока не добьюсь того, что въ голову вступитъ. Изъ чужихъ краевъ когда онъ вернулся, я вѣдь уже тогда три года замужемъ была... Въ эту пору мы мельницу въ Балкахъ держали... Услыхала я, что онъ вернулся, что его здѣсь все злосудятъ опять—вотъ, словно могилу мою разрывать начали: такъ встосковалася. О полуднѣ, какъ жаръ, бывало, нахлынетъ, разморитъ всѣхъ, спятъ, а я уйду тихонько подъ скрынь, гдѣ вода бьетъ съ колесъ, — и вѣришь ли — кто-то со мною тамъ все говорилъ... и я не боялася этого говора... я сама говорила о чемъ-то... Чародѣйкою стала... въ грозу съ серебра умывалась, чтобы ему полюбиться... въ страшную бурю бѣгала въ степь его по-вѣтру кликать... *(въ экстазѣ)* и одинъ разъ... Это ночью случилось подъ Ивана Купала... мужа не было дома... о полуночи буря такая поднялась, что деревья съ кореньями на землю клала... Темень и грохотъ этотъ душили меня. Я горькими слезами плакала, о чемъ—и сама я не знала... и тутъ въ лицо мнѣ все что-то изъ-за плечъ, то съ одной, то съ другой стороны, взглянетъ... Я сорвалась съ постели. Не помню, куда бѣжала, а только его все звала и... *(вздохнувъ)* и тутъ онъ пришелъ... На охоту ходилъ; сбился съ дороги... *(Поникая головою.)* Ни жизни, ни смерти себѣ не чаяла, пока съ нимъ, какъ хотѣла, не

свидѣлась... Сознавался сладко, а теперь тяжело разставаться... *(Восклонясь.)* Калина Дмитричъ! скажи мнѣ: намъ надо разстаться?.. Скажи?.. Вѣдь это, вѣдь все черезъ меня поднимается вьюга? Ему было бы легче, когда бъ я, лиходѣйка, на шею ему не повисла... Не вкусивши любви, не такъ къ ней манится... Онъ бы къ дѣтямъ ютился.—Правда? Калина Дмитричъ!.. Калина Дмитричъ!.. да что жъ ты молчишь!

Дробадоновъ. Что, дитя, говорить противъ правды?

Марина. Ты посовѣтуй, какъ быть мнѣ?

Дробадоновъ. Совѣтовать надо, когда человѣкъ въ заблужденьи; а тебя Господь самъ ведетъ къ чему-то чудному, такъ ужъ не человѣку тутъ учить, когда Онъ самъ твоей души огненнымъ перстомъ своимъ касается.

Марина *(строго).* Слушай! Пока его судили,—я надъ собою судъ сотворила. Господь вправду былъ въ душѣ моей... Нашъ путь, которымъ мы идемъ, кривой; а по кривой дорогѣ впередъ ничего не видно. Все это я рѣшила кончить. Я съ нимъ, какъ сказано, поѣду въ Петербургъ... поѣду для того, чтобъ поддержать его теперь... а тамъ, какъ онъ съ дѣлами справится, я скроюсь... пропаду... со слуху сгину... Онъ попечалится; тоска въ дѣлахъ пройдетъ... а мнѣ...

Дробадоновъ *(перебивая).* Постой, постой, не части такъ часто. Помыселъ твой—помыселъ великій! Отъ Бога къ намъ, не отъ сластей земныхъ такіе помыслы нисходятъ; а съ даромъ Божьимъ бережливо обращайся. Ты говоришь: «что мнѣ!» то-есть тебѣ-то что? Ты сама о себѣ не думаешь; а въ волѣ Божьей, чтобъ всѣмъ было добро и никому зло. Ты пропадешь, и слуху о тебѣ не будетъ. Вѣдь это ты ему по всякій часъ упрекъ создашь! Гдѣ ты? что сдѣлалось съ тобою? Быть-можетъ, въ воду бросилась изъза него, или бродягою непомнящей пошла въ Сибирь по пересылкѣ?.. А можетъ и того еще хуже... вступитъ, пожалуй, въ сердце, что, можетъ, ты и любви-то его не стоила... Этого съ душой человѣку перенести невозможно. Нѣтъ, другъ, не пропадай, живи ему въ подкрѣпленье! Не бѣгай отъ любви. На что? Въ любви Господь намъ указалъ спасать другъ друга! *(схватывая ее за руку)* но сотвори свою любовь во благо... Ты за его дѣтей теперь въ отвѣтѣ! Его жена безумная законовъ ищетъ... да что законъ въ семей-

помъ дѣлѣ можетъ помогать! Она о деньгахъ упадаетъ... да что жъ въ тѣхъ деньгахъ дѣтямъ, когда нѣтъ сѣятеля съ ними, который сѣялъ бы живое слово въ ихъ малыя души? Ты только уразумѣй, что значитъ отецъ? Про птичье молоко хоть въ сказкахъ говорится, а отцовскаго слова довѣчнаго дитя и въ сказкѣ не услышитъ.

Марина *(падая на грудь Дробадонова).* Дѣтки, дѣтки! Ахъ, какъ мнѣ жалко ихъ!

Дробадоновъ. Усугуби жъ для нихъ свою любовь къ отцу. Любовь не разлучитъ отца съ дѣтьми: то грѣхъ, то сласть земная разлучаетъ. Воздвигни свою любовь превыше этой сласти; его своимъ примѣромъ склони къ тому же. Разстаньтеся, но пусть онъ знаетъ, что ты жива, что съ тобою ничего худого не сталося и—главное—что ты любишь его. Это большая сила несчастливому человѣку. Не отрекайся отъ своей любви, зане я знаю, что любовь твоя, слезой твоей омытая теперь, будетъ безгрѣшна. *(Пауза.)* Встань, голубица, встань! черезъ часъ надо вамъ ѣхать. Онъ тамъ бумаги ужъ всѣ приготовилъ. Теперь время удобно: поди къ нему съ ласковымъ словомъ, съ открытымъ лицомъ. Если и тяжко на сердцѣ, какъ я и ожидаю того,—терпи... виду не дай, что страдаешь... Будь весела, если можешь, о чемъ попало говори, будто какъ это даже и въ раздумье тебя не вводитъ. Слышишь, моя дѣтка?

Марина *(восклоняясь и отирая слезы).* Нѣтъ, нѣтъ! не бойся: я сердца не выдамъ. *(Закрываетъ глаза платкомъ.)*

Дробадоновъ. Иди жъ! Слезы твои будутъ въ радость тебѣ... Дѣтей его мать съ бабкою учатъ тебя проклинать, а ты научи ихъ благословлять тебя. Ихъ дѣтское сердце и теперь ужъ, можетъ, слышитъ, какъ твое сердце для нихъ разрывается; а вырастутъ они, ихъ почтенію къ тебѣ мѣры не будетъ. Ты счастливица въ женахъ: твой рай сегодня начнется, какъ только ты вымолвишь слово...

Марина *(сквозь рыданія.)* Дѣти, дѣти! я отдаю вамъ вашего отца! *(Быстро убѣгаетъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Дробадоновъ *(одинъ).* О лебядь бѣлая!.. о лебядь чистая!.. о лебядь прохладная!.. *(Задумывается.)* Нѣтъ! Не въ любви людская погибель, а въ томъ, что мала людская любовь на землѣ, что не выросла она еще на вершокъ выше звѣри-

пой. *(Задумывается и садится.) Въ это время за сценою слышна приближающаяся пѣсня.* Ужъ пошабашили фабричные. Пора! *(Встаетъ.)* Надо имъ до свѣту добраться до станціи, чтобъ взять почтовыхъ: а ночь-то вся нынче съ воробьиный носъ. Богъ знаетъ, все чего-то сердце замираетъ. Спаси ихъ Господи: они теперь на Твой правдивый путь готовы! *(Идетъ и встрѣчается съ фабричными.)*

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Мастеровой *Павлушка Челночекъ:* старый ткачъ *Спиридонъ Обрѣзовъ; пріѣзжій парень* и *фабричные (выходятъ не спѣшными шагами).*

Челночекъ *(играетъ на гармоніи и поетъ).*

Ахъ, когда бы эту кралію,
Подержать бы мнѣ за таліо.

(Встрѣчаясь съ Дробадоновымъ, снимаетъ шапку и кланяясь.)

Здравствуйте, Калина Дмитричъ.

Фабричные *(всѣ кланяются и нѣсколько голосовъ).* Наше почтенье, Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ. Спасибо вамъ. Здравствуйте, ребятки! *(Уходитъ.)*

Всѣ подходятъ къ скамейкѣ, съ которой всталъ Дробадоновъ, и располагаются на ней, кто сидя, кто полулежа.

Челночекъ *(поетъ).*

Ой, что же вы, ребята, пріуныли?
Иль у васъ, ребята, денегъ нѣту?

Обрѣзовъ *(Челночку).* Или еще, пустая голова, не всѣ нѣсни перезвѣвалъ!

Пріѣзжій парень. А кто это у васъ такой, что съ нами сейчасъ сустрѣтился?

Обрѣзовъ. Пріятель хозяйскій, купецъ Дробадоновъ. По душѣ и по совѣсти первый человѣкъ у насъ въ обществѣ.

Пріѣзжій. А собою на видъ сколь ужасенъ.

Челночекъ. Канидонъ; это онъ тотъ самый и есть Дробадонъ Дробадонычъ Дробадоновъ, что, сказывали, что съ одной стороны на медвѣдя похожъ.

Пріѣзжій. Скажи, антиресный какой! А должно еще того антиреснѣй, что за супруга подъ пару ему пришлася?

Челночекъ. А онъ у насъ буки еръ—кавалеръ, еще женишокъ по сію пору.

Пріѣзжій. Неужто не женать? Это ужъ по-купечеству не годится безъ хозяйки.

Челночекъ. А нѣтъ ихъ мало у насъ по городу, хозяекъ-то? У насъ изъ эстаго просто.

Обрѣзовъ. Что ты это все врешь-то? Кто это про Калину Дмитрича сказать можетъ?

Челночекъ. Я совѣмъ и не про него, а такъ говорю, что у насъ насчетъ женскаго пола все по-душевному, по простотѣ. Надо-ть было обществу по-настоящему воспитательный домъ, какъ въ Петербургѣ, построить; ну, да у насъ про то покудова въ слободѣ сталовѣры: что угодно дѣтей берутъ, только сдавать поспѣвай.

1-й фабричный. А то тоже въ колодецъ—такъ и тамъ они каши не просятъ.

Челночекъ. Ну, это только Князеву такую механику подстроили, потому по-настоящему изъ-за чего у насъ ихъ губить, когда сталовѣры сколько хочешь берутъ и въ свою вѣру крестятъ; а ужъ это въ колодецъ это не иначе, какъ на злость сдѣлано, и я вотъ, рука отсохни, знаю, что больше никто другой это сдѣлать, кромѣ какъ бабушки Дросиды Аленка.

1-й фабричный. И по-дѣломъ ему, Князеву-то.

2-й фабричный. Хоть бы и вдвое онъ поплатился, не жаль бы его.

Челночекъ. Да онъ, небось, и не поплатится. Что-жъ ему такое, что въ его колодцѣ ребенка нашли? Колодецъ на улицѣ—не мало кто мимо его ходитъ. Самого бъ его если бъ туда головою...

Пріѣзжій. У васъ, я вижу, этого Князева теритъ не могутъ.

Челночекъ. Не могу-уть! Съ чего такъ, милый человѣкъ, не могутъ? Нѣтъ, братъ, у насъ міръ-то того добраго короля стоитъ, что всѣмъ восхотѣлъ въ своемъ королевствѣ угожденіе сдѣлать. Докладаютъ ему: пусть, говорятъ, пресвѣтлый король, въ нашемъ королевствѣ хоть разбойникамъ худо будетъ. Нѣтъ, на что же, говоритъ, ихъ обижать: кто жъ, говоритъ, у насъ после того безъ нихъ людей будетъ рѣзать? *(Хохотъ).*

Обрѣзовъ. Шутъ его знаетъ, что онъ только мелетъ, пустомеля!

Челночекъ. Я, братцы, въ Питерѣ жимши, разъ въ Ле-

ксандринскомъ театрѣ видѣлъ, какъ критику одну на куцовъ представляли. Выставленъ бѣдовый купецъ; ну, а все ему противъ нашего Фирса Григорьича далеко. Тотъ все съ бабами больше баталь велъ; а гусаръ его на паромѣ обругалъ, онъ такъ и голосу противъ него не выискалъ. Ну, а нашъ вѣдь одно слово во всей формѣ контель. Я въ прошломъ году, какъ у головы пріѣзжій чиновникъ обѣдалъ, за столомъ прислуживалъ, такъ подаю кофей, а они меня не видятъ, потому что разговоръ у нихъ непріятный. Чиновникъ говоритъ Фирсу: «Я, говоритъ, ясно удостовѣрился, что вы, Фирсъ Григорьичъ, здѣсь точно помѣщикъ на помѣстьѣ сидите; все здѣсь по вашей дудкѣ пляшетъ: всѣ торги или выборы, какіе бываютъ, то это только проформа одна... все вы кому хотите сдаете, кого вамъ нужно на общественныя мѣста сажаете...» А онъ сейчасъ этакъ спокойно взялъ его, этого чиновника, вотъ этакъ за пуговку, крутитъ ее, эту пуговицу, промежъ пальцевъ, да и говоритъ: «Охота вамъ, говоритъ, ваше превосходительство, этакому вздору вѣрить; вотъ мнѣ, говоритъ, ваше превосходительство, одинъ человѣкъ тоже за вѣрное сказывалъ, что вы изволите взятки брать, такъ развѣ я этому вѣрю?..» Чиновникъ такъ и сѣлъ. *(Хохотъ.)* Одно слово, кабы этому нашему Фирсу Григорьичу да хвостъ приладить, такъ и собаки не требовается. *(Хохотъ.)*

Обрѣзовъ *(вздохнувъ)*. Одно слово, за наши грѣхи у насъ Терехи дьяки.

(Въ это время по сцепѣ проходитъ тихо Алеша Босой и скрывается въ своемъ дупли.)

Пріѣзжій. Это что за человѣкъ?

1-й фабричный. Купецъ былъ, да, тонувши, тронулся въ умѣ.

Пріѣзжій. Скажите, страсть какая!

1-й фабричный. Онъ смиренъ: никого не трогаетъ. Облюбовалъ вотъ садъ хозяйскій, вонъ тамъ въ дуплищѣ и почуетъ. Не любитъ только, если къ нему подойти туда изъ изнавѣсти, и то не сердится, а съ перепугу обхватитъ и держится, что никакъ не оторвать его. Все думаетъ, что тонетъ.

Челночекъ. А я опять, ребята, къ Фирсу! Что я на него, братцы мои, только, въ Питеръ ѣздивши съ нимъ, насмотрѣлся! Молодчина! Поѣдемъ, бывало, на балъ куда или въ

маскарадъ: я сижу съ шубой на лѣстницѣ,—смотрю, что ни лучшую какую барыню, француженку тамъ, или англичанку, мой Фирсъ Григорьичъ и тащитъ; а какую пониже сортомъ—Иванъ Максимычъ. Привезутъ ихъ домой, и ужъ тутъ такое колыванье пойдетъ, что ажъ чертямъ ужасно — ничего не пожалѣетъ для женщины. «Что», говоритъ, «вы вулеву? Потому вулеву, вы», говоритъ, «такъ вулеву; а не вулеву, такъ и какъ хотите». — По болоту, говоритъ, охотиться хочу, амазонкой. «Дѣлай, говоритъ, намъ, Пашка, болото». Ну, и лей на полъ шампанское по самыя щиколотки. Будь, говоритъ, лягашомъ, запей, — я лягу и локчу, а она смѣется. Скусное вино — прелестное. *(Облизываетъ губы.)* А на-утро, глядишь, Иванушко хоть молодешенекъ, да головы не подниметъ, а этотъ соколомъ встрепенется, подкрасится, подфабрится, вздѣнетъ фракъ и пошелъ къ министрамъ тамъ да къ сенаторамъ дѣла обдѣлывать. Устали ему никогда нѣтъ.

1-й фабричный. Да и посейчасъ онъ такой!

Челночекъ. Ему, братъ, такъ кукушка накуковала: ему, пока подъ святые положатъ, перемѣны не будетъ.

1-й фабричный. Онъ и помретъ-то, такъ его не сразу похоронишь.

2-й фабричный. Да одно слово анаѳема.

3-й фабричный. Разбойникъ.

4-й фабричный. Блудникъ и душегубецъ.

Челночекъ. А что про блудъ, такъ вы это и оставьте! Это вотъ этотъ змѣй, что въ сказкѣ сказывается, что изъ озера выходилъ, да что ни есть всѣхъ первыхъ красавицъ то себѣ забиралъ,—это вотъ онъ самый и есть.

Обрѣзовъ *(тихо)*. А не къ лицу бъ ужъ бабушкѣ дѣвичьи пляски.

Челночекъ. Ну, это ты напрасно его, дядя, бабушкой-то зовешь! Онъ еще какъ ястребъ: зацѣлуетъ курочку до послѣдняго перушка. *(Понизивъ тонъ.)* Онъ, вотъ видите, ноньѣ все бросилъ и за Мариной Николавной поперъ... ужъ это онъ отъ нея теперь ни въ жизнь свою не отстанетъ.

Обрѣзовъ. Врешь ты, дуракъ, не такая Марина Николавна.

Челночекъ. Да ужъ какая она ни будь, отъ него не отвертится. Ни одной вѣдь такой еще не было. Онъ ужъ, я знаю, онъ чего захотѣлъ, такъ онъ вѣдь не ѣстъ, не

пьетъ, глазъ не сведетъ, а все думаетъ. и ужъ тутъ вотъ скажи ты ему, что его смерть за это ожидаетъ, пусть вотъ море цѣлое передъ нимъ разольется. онъ такъ и въ море полѣзетъ. А опять же и то сказать, что вѣдь и Господь бабу изъ кривого ребра создалъ: никто вѣдь и за нее впередъ отвѣчать не можетъ.

Голоса фабричныхъ. Не такая Марина Николавна.

Челночекъ. Опять же-таки я вѣдь ничего въ ея обиду не сказалъ. Я такъ говорю, что кто знаетъ, что̀ бабѣ на умъ придетъ. Вонъ мнѣ въ Петербургѣ сказывали, что тамъ одна барышня арапа родила. *(Хохотъ.)* Черницій-пречерный, говорятъ, родился, и какъ только родился, сейчасъ какъ гаркнетъ по-черкесски: я, говоритъ, въ васъ нынякалъ пущу! Окрестили въ нашу вѣру—пересталъ.

2-й фабричный. Да за женщину какъ поручиться!

Челночекъ. То-то и дѣло. Кто ее знаетъ, что̀ и отъ нея отродится. Вѣдь вотъ съ хозяиномъ проклажается же. *(Насмѣшливо.)* Можетъ развѣ, что у нихъ промежъ себя ничего опричь такой любви и нѣтути.

2-й фабричный. Это никакъ невозможно.

Челночекъ. Ну, это тоже опять нельзя сказать, что невозможно. У господъ есть такая ухватка, чтобы вдвоемъ чорта дразнить. Сядутъ, обоймутся, да: «ахъ, какъ я васъ!»... а та: «ахъ, сколь я симъ счастлива!»... *(Хохотъ.)*

1-й фабричный. Вотъ и у хохловъ безмозглыхъ тоже такая мода.

Челночекъ. Да, да, да. Жилъ я у князя Рѣшина, въ полтавской губерніи. въ имѣніи, тоже видалъ это: сядутъ хохолъ съ хохлушкой, гдѣ-нибудь надъ овражкомъ или надъ рѣкой, да и заведутъ *(пародируетъ)*: «Не помогутъ слезы счастью»... а естественнаго ничего.

1-й фабричный. У насъ этого нѣтъ.

Челночекъ. Какъ можно! *(Смѣется.)* У насъ изъ эстаго просто.

Обрѣзовъ. Что̀ вы все про какой вздоръ мелете! Вотъ ужъ сколько разъ я замѣтилъ, что гдѣ только этотъ Пашка замѣшался, тамъ ужъ добрыхъ рѣчей не дожидайся. Давайте лучше про дѣло-то потолкуемъ. Иванъ Максимычъ вѣдь сейчасъ придетъ и спроситъ, что же мы артель, что ли, составимъ? Надо это порѣшить. Онъ такъ хочетъ, чтобы всѣхъ приставниковъ, что за матеріалами смотрятъ, прочь.

Сами, говоритъ, устройте, чтобъ нечего за вами смотрѣть было, и какъ воровства не будетъ, я вамъ процентъ дамъ.

1-й фабричный. Какой такой процентъ?

2-й фабричный. Это не слыхано.

Обрѣзовъ. Да вѣдь вамъ въ толкъ объ этомъ Иванъ Максимычъ разсказывалъ.

1-й фабричный. Поняли мы! да вѣдь кто его знаетъ

2-й фабричный. Опять какъ же ты за другихъ поручишься, что онъ не украдетъ?

Голоса. Это никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Да съ чего кто красть-то станетъ, если другъ за друга поручимся?

1-й фабричный. Съ чего? Мало ли съ чего кто крадетъ!

Пріѣзжій. Иной привычку такую имѣетъ, что къ этому приверженъ.

2-й фабричный. А есть такіе, что просто со скуки крадутъ.

Челночекъ. Да это что про то толковать! Безъ этого никакъ невозможно.

Обрѣзовъ. Что ты это врешь-то? Почему это невозможно.

Челночекъ. Потому, что мы въ этомъ дѣлѣ въ родѣ какъ порченые: даже кому и не нужно, не своей охотой крадетъ.

Обрѣзовъ. Э-ка дура, что городитъ! Да ты самъ-то русскій или турка?

Челночекъ *(вздохнувъ).* Я не русскій и не турка, а изъ Питера фигурка.

Обрѣзовъ. Да турецкое у тебя и разсужденіе.

Челночекъ. Нѣтъ, дядя, я знаю, что это тоже не спроста, а по благословенью дѣлается.

Обрѣзовъ. Отъ кого жъ это могло быть такое благословеніе, чтобы красть?

Челночекъ. Отъ странника. Ходилъ такой странникъ по свѣту и былъ уловленъ отъ двенадесяти языкъ и пропятъ на древѣ, и никто за него не заступится. Вотъ какъ онъ на древѣ началъ томиться, и начали люди приходить къ нему съ жалостію, чтобы спасать его. Сунулись первые нѣмцы, потому безъ нихъ и вода не освятится, ихъ вездѣ спрашиваютъ. «Господине честной, говоритъ, хочешь ли, мы тебя отторгуемъ?» Онъ покивалъ на нихъ головою и говоритъ: «Ступайте, торгуйтесь-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они по этому слову его завернулись и пошли, и все тор-

гуютъ, и до вѣка всѣмъ торговать будутъ. Тутъ сейчасъ французы, народъ этакой верткій. «Господине честной, давай, говорятъ, мы тебя отвоюемъ». — «Ступайте, — говоритъ, воюйте-себѣ цѣлую жизнь». Такъ они все и будутъ цѣлый вѣкъ воевать, и все безъ толку. Тогда ужъ наши русаки,—какъ они противъ нѣмцевъ и французовъ, разумѣется, обстоятельнѣй, то видятъ, что не хочетъ онъ ни торговлею, ни отъемомъ спасаться. «Господине честной, давай, говорятъ, мы тебя уворуемъ». А онъ намъ и брякни: «ступайте, говоритъ, воруйте-себѣ цѣлую жизнь». Вотъ намъ этого никакъ переступить и невозможно: мы и воруемъ.

Обрѣзовъ. О, брехунъ, брехунъ! Такъ стало ужъ по-твоему до вѣку намъ со всѣми этими художествами и не разстаться?

Челночекъ. Какъ можно до вѣку художеству быть. Это все до тѣхъ поръ художество, пока у петербургскихъ свинтусовъ въ грудяхъ живое сердце забьется. Мнѣ одинъ человѣкъ на Невѣ на перевозѣ сказывалъ: «видишь, говоритъ, молодецъ, передъ художествъ академіей двѣ каменныхъ собаки въ колпакахъ лежатъ? Это, говоритъ, не собаки, а свинтусы. Изъ города Фивъ, изъ Египта, ихъ привезли; съ тѣмъ, говоритъ, ихъ и привезли, что пока въ этихъ свинтусахъ живое сердце не затрепещется, до тѣхъ поръ, чтобъ ш-ша! чтобъ ничему значить настоящему не быть, а будетъ все только какъ для виду. Такъ и Иванъ Максимычъ, хоша онъ и желаетъ это сдѣлать, но только все это для виду будетъ. Да и то сказать, самъ-то онъ еще противъ Фирса уцѣлѣетъ ли? Не довелось бы еще скоро ему самому изъ-подъ печи поросятъ мануть.

Обрѣзовъ. А типунъ бы тебѣ на языкъ за это.

Челночекъ *(сухо)*. Да вѣдь это вчернѣ сказано: коли не нравится, и похѣрить можно.

Пріѣзжій. Нонѣ судъ не такой, чтобъ такія беззаконія съ рукъ сходили.

Челночекъ *(вздохнувъ)*. Что судъ! Что такое, милый человѣкъ, судъ! У насъ до суда заворотятъ тебя туда и сюда хуже мороженаго. Неужли жъ ты такъ думаешь, что если этотъ судъ точно правый, такъ противъ его упираться будетъ некому? Нашъ братъ въ самый послѣдній секундъ—и тогда еще норовитъ штуку выкинуть, чтобъ отъ чего слѣдуетъ уворачиваться. Я вотъ вамъ къ примѣру скажу, я въ Вильнѣ видѣлъ, какъ поляковъ вѣшали. Идутъ, бывало,

который еще съ фантазіей, а который плачетъ. Ну, ужъ какъ увернуться, и думки въ нихъ не видно. А нашъ и тутъ свой терминъ держитъ: все норовитъ на выдумки. Въ Крыму я, въ ратникахъ бывши, видѣлъ, какъ двухъ мѣщанишекъ вѣшали, что провіянтъ непріятелю продавали. Такъ и не очень, чтобъ авантажно ихъ и вѣшали-то—въ простой деревушкѣ—ну только всѣхъ насъ эти висѣльники посмѣшили. Спрашиваетъ одного командиръ: не имѣетъ ли, говоритъ, какой просьбы?—«Имѣю», говоритъ. Что такое? «А чтобъ меня за шею, говоритъ, ваше благородье, не вѣшать, потому я, говоритъ, щекотки боюсь»... Нѣтъ, братъ, хоть ежели чему и неминучее быть, такъ все это хоть на минутую чѣмъ-нибудь за уголъ заводить станутъ.

Пріѣзжій. А вонъ это, гляди, вашъ хозяинъ съ компаніей идетъ.

Челночекъ *(заглядываетъ).* Онъ и есть. Иванъ Максимычъ, Дробадоновъ и Марина Николавна. Вотъ ты теперь посмотри ее: одно слово, хрящикъ.

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

(Показываются вдали **Марина Николавна,** *которая ведетъ за одну руку* **Дробадонова,** *за другую* **Молчанова.** *Фабричные встаютъ и отходятъ въ сторону.)*

Пріѣзжій. Можетъ-быть, уйти намъ отсюда.

Челночекъ. Нѣтъ. У насъ изъ эстаго просто—никому гулять не заказано.

Молчановъ *(въ пальто, съ дорожною сумкою черезъ плечо).* Здравствуйте, ребята!

Голоса. Здравствуйте, Иванъ Максимычъ! *(Молчановъ и Дробадоновъ садятся на скамейку.)*

Марина. Ребятки! слетайте кто-нибудь въ домъ, принесите оттуда сюда столикъ, и самоваръ пусть сюда вынесутъ. Только живо, ребятки!

Челночекъ *(выдвинувшись впереди всѣхъ).* Сейчасъ, Марина Николавна.

Марина. Да Дѣнчу вели, чтобы бутыль вина прислалъ. Хозяинъ васъ желаетъ попотчивать.

Челночекъ *(живо).* Сейчасъ. *(Къ фабричному.)* Андрюшка, дуемъ вмѣстѣ. *(Убѣгаютъ. Прочіе фабричные отходятъ далѣе. Молчановъ снимаетъ съ плеча сумку и кладетъ ее.)*

Марина. Вотъ видишь, Ваня, какъ хорошо и какъ легко

теперь на свѣтъ смотрѣть. И выйдетъ все наше горе не къ горю, а къ радости. Не грянулъ бы громъ, мы бы не перекрестились! *(Живо).* Спасибо тебѣ, Калина Дмитричъ! Десять разъ я тебя уже благодарила, а еще и въ одиннадцатый не погнушайся. *(Подаетъ ему руку).* Дай я тебя, Калина Дмитричъ, поцѣлую! *(Встаетъ и быстро его цѣлуетъ.)* Спасибо, другъ нашъ истинный! Ты намъ голову поставилъ на плечи.

Дробадоновъ. Ну, легко ли — есть за что благодарить! Слово сказать всякій скажетъ, не всякая только душа принять его можетъ.

Молчановъ. Нѣтъ, братъ Калина Дмитричъ, твоей услуги я повѣкъ не забуду. Спасибо тебѣ, спасибо. *(Жметъ ему руку.)*

Дробадоновъ. Теперь справляй дѣла, да не сердись: помни, что на Руси у насъ на сердитыхъ воду возятъ.

Молчановъ. Дѣла! *(Вздохнувъ.)* Да, буду дѣлать дѣла и вернусь... и все здѣсь застану... *(беретъ за руку Марину и съ чувствомъ)* все постылое будетъ, одного милаго не встрѣчу.

Дробадоновъ. А ты не сживай со свѣта постылую, чтобы сохранилъ Богъ милую.

Марина *(помолчавъ).* Послушай, Ваня! такого уговора не было, чтобы скучать. Вотъ видишь, какой ты не крѣпкій.

Молчановъ *(долго на нее смотритъ).* Марина, за что ты меня любила? Ничего, таки ровно ничего я не далъ тебѣ, кромѣ слезъ вмѣстѣ и слезъ въ разлукѣ.

Марина. Не урекай себя. Не ты въ томъ виноватъ. Кто любилъ, тотъ и плакалъ. Она любовь, какъ въ пѣснѣ спѣто про нее: «горюча любовь, слезами полита,— такова любовь на свѣтѣ создана».

Дробадоновъ. Слезы тѣ минули. Теперь другое будетъ... Будетъ наша Маринушка жить тихонько, за Невой широкою; будемъ мы наѣзжать къ ней въ Питеръ въ гости; встрѣтимся—поцѣлуемся, разойдемся—другъ о другѣ помолимся... доживемъ тихой старости, станемъ съ клюкою подъ ручки другъ съ дружкой въ церковь ходить да на твоихъ дѣтей радоваться... *(Ударивъ Молчанова по плечу.)* Полно задумываться!

Марина. Ваня! не вѣсь головы.

Дробадоновъ. Не вѣшай головы, тебѣ говорятъ. Примѣта скверная, если конь передъ битвой голову вѣсить.

Молчановъ *(пріободряясь).* Нѣтъ, я ничего.

Дробадоновъ *(Молчанову).* Ну, я пойду, скажу, чтобъ запрягали. Пора вамъ: ужъ совсѣмъ стемнѣло.

Марина. Иди, вели закладывать.

(Дробадоновъ уходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Тѣ же и Челночекъ *(съ самоваромъ въ рукахъ. За нимъ другой парень съ чайнымъ приборомъ. Всходитъ луна).*

Марина *(Челночку, ухаживаясь за самоваромъ).* Вотъ Паша молодецъ! А я тебя еще впервой и вижу, какъ ты вернулся. Ты вѣдь теперь совсѣмъ заграничный сдѣлался. Ну, что жъ ты дѣлалъ тамъ, за границей?

Челночекъ. Трактиръ Корещенкову въ Парижѣ, Марина Николавна, становили.

Марина. Понравилось тебѣ въ Парижѣ?

Челночекъ. Н-ничего городишко.

Марина. Лучше нашего?

Челночекъ. Совсѣмъ не сравнивать, Марина Николавна. Гораздо нашего превосходнѣйше.

Марина. Скажи пожалуйста! Что жъ ты тамъ что замѣтилъ такое?

Челночекъ. Какъ же. Марина Николавна, не замѣтить! много есть прикраснаго. Какъ только сейчасъ первый шагъ, какъ изъ самаго агона выйдешь, сейчасъ надписи всякія: тутъ «нуръ для дамъ», тутъ «нуръ для мужчинъ». Прикрасно все.

Молчановъ *(смѣясь).* Ишь, надъ чѣмъ остановился!

Челночекъ. И обращеніе, Иванъ Максимычъ, совсѣмъ другое. Запрещеніевъ тоже меньше. *(Записывающимъ голосомъ и глядя на Молчанова.)* У нихъ, что господа, что такіе, идутъ по улицѣ да все «*тру-ля-ля—тру-ля-ля*»,—а у насъ теперь Фирсъ Григорьичъ Князевъ даже такой строкулярь издалъ, чтобъ даже по городу голосу никто взвѣсть не смѣлъ, а тамъ всѣ горланятъ.

Марина. А ему что, Фирсу, ваши пѣсни помѣшали.

Челночекъ. Да такъ это, Марина Николавна, значитъ для политики, чтобъ запретъ отъ него исходилъ.

Марина Эхъ, ребята, смотрю я на васъ, стыдно васъ и

ребятами-то звать. Залучили бъ вы его въ темномъ мѣстѣ, да такую бъ политику ему шпандаремъ задали... Это одному страшно, а вѣдь васъ сколько на фабрикахъ! на всѣхъ вѣдь не разыщется и со всѣхъ не взыщется. А хотя бъ и взыскалось! Рыло въ крови, да наше взяло — вотъ молодцовская ухватка!

Челночекъ. Да развѣ, Марина Николавна, въ томъ? Разумѣется, если-бъ онъ сюда, то бъ... Тутъ ба его по кусочку не достало!

Голоса фабричныхъ. Э, если бъ онъ здѣсь-то показался! — Тутъ-ба его и рѣшеніе!

Марина. Ну, это я шутила. *(Подавая Молчанову чай.)* А ты опять заневѣстился, голову нуришь! Ваня! Ваня! *(Челночекъ отходитъ.)* Ванюша! Ваня! Ваня! *(Поднимаетъ его голову.)* Ахъ, какой характеръ! Тебя въ руки берешь, а ты разсыпаешься. *(Горячо.)* Не вѣсь головы! Уѣдемъ такъ, чтобъ наше горе смѣялось. *(Фабричнымъ, которые пьютъ водку.)* Ребята! повеселите-ка хозяина: онъ что-то скученъ! Пѣсню! пѣсню, ребята! пѣсню! такую, чтобъ горе смѣялось.

Фабричные. Сейчасъ, Марина Николавна! *(Скучиваются. Одинъ достаетъ изъ-подъ полы кларнетъ и даетъ тонъ).*

Хоръ.

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Во лузяхъ, во зеленыхъ лузяхъ. (bis)
Выросла, выросла,
Выростала трава шелковая. (bis)
Врознь пошли, врознь пошли,
Врознь пошли духи малиновые (bis).

Марина. Живо, ребята, живо! *(Становится передъ Молчановымъ и подпѣваетъ.)*

Хоръ *(чаще).*

Ужъ я той, ужъ я той,
Ужъ я той травой выкормлю коня. (bis)

Марина. Чаще!

Хоръ.

Выкормлю, выкормлю,
Ужъ я выкормлю, вывожу его. (bis)
Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ. (bis)

Марина *(кокетливо трогаетъ плечами и бровью и топаетъ въ тактъ ножкой).*

Хоръ.

Государь, государь,
Государь ты мой батюшка. (bis)

(Марина вынимаетъ бѣлый платокъ и пляшетъ.)

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Въ это время изъ глубины сцены, изъ-за кустовъ выходятъ никѣмъ не замѣчаемые **Князевъ, Анна Семеновна, Мякишевъ, Марья Парменовяа, Минутка, Колокольцовъ и купцы.** *Князевъ даетъ своей компаніи знакъ остановиться и одинъ, попрежнему никѣмъ не замѣчаемый, тихо подходитъ къ пѣсенникамъ.*

Хоръ *(продолжаетъ).*

Ты прими, ты прими,
Ты прими мово ворона коня. (bis).

Марина *(останавливается и, положа Молчанову руки на плечи, смотритъ ему въ глаза).*

Хоръ *(протяжпе).*

Ты услышь, ты услышь,
Ты услышь слово ласковое,
Ты прими слово привѣтливое.

Марина *(всплескивая руками).* Да услышь же, Ваня, слово ласковое и прими слово привѣтливое!

Молчановъ *(съ чувствомъ).* Жизнь моя! что я съ тобою теряю!

(Оба бросаются другъ къ другу и плачутъ.)

Князевъ. Люблю дѣвку за издѣвку!..

(Всѣ оборачиваются на его голосъ. Общее смятеніе. Молчановъ почти падаетъ на скамью. Марина смѣло выступаетъ и загораживаетъ его собою. Фабричные тихо жмутся и прячутся другъ за друга.)

Князевъ *(язвительно вздохнувъ).* Это хоть бы и на театрѣ представить не стыдно! *(Подходитъ съ палочкой къ фабричнымъ и всматривается въ ихъ лица.)*

Молчановъ *(отодвигая Марину).* Это что еще за штука новая!

Марина *(удерживая его).* Ванюша! Ваня, не горячись!

Молчановъ. Постой,—я даже вовсе не сержусь. Я только смотрѣть хочу, что это? Вломились въ домъ!

Князевъ *(фабричнымъ).* Что же, голосистые соловушки?

Или пѣсня кончена? *(Всматривается пристально въ каждое лицо.)*

Челночекъ *(про себя)*. Ухъ, глазищи! *(Юркаетъ въ задніе ряды.)* Въ молоко взглянетъ, молоко скиснется.

Князевъ *(водя палочкой надъ головами толпы и ударяя по маковкѣ спрятавшагося Челночка)*. Ты, какъ тебя? Павлушка, кажется?

Челночекъ *(робко)*. Я, Фирсъ Григорьичъ, здѣсь машіонально... *(Оправляясь.)* Я чай подалъ по Марины Николаевнину приказанію.

Князевъ. А она здѣсь у васъ приказываетъ. *(Фабричнымъ, поднявъ палку по направленію къ дому.)* Вонъ! *(Всѣ уходятъ, перегоняя другъ друга; послѣдній плетется Обрѣзовъ. Челночекъ впереди всѣхъ.)*

Марья Парменовна. Ну, это жъ не разбойникъ ты? Есть же еще, думаешь, послѣ этого хуже тебя человѣкъ на свѣтѣ. *(Къ Маринѣ.)* А ты что здѣсь прохлаждаешься? *(Хватая ее за рукавъ.)* Я вѣдь тебя здѣсь не боюсь.

Марина *(топнувъ ногою, отрываетъ руку)*. Прочь!

Марья Парменовна *(въ испугѣ отскакиваетъ)*. Ишь ты какая!

Анна Семеновна. Отойди отъ нея, Маша, отойди.

Марья Парменовна *(отходя и косясь на Марину)*. И-ишь!.. А ты не очень-то!

Марина *(Марьѣ Парменовнѣ)*. Мужеѣдка!

Молчановъ *(вскакивая)*. Кто имъ ворота отперъ?

Князевъ. А кто бы смѣлъ опекунамъ не отпереть воротъ? Я здѣсь хозяинъ нынче, а не ты, безпутникъ! Его сегодня только-что немножечко остепенить хотѣли, а онъ, изволишь видѣть, какъ остепеняется: вино, фабричные, да вотъ распутная бабенка, сбѣжавшая отъ мужа... продажная красавица

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Тѣ же и **Челночекъ** *(крадучись возвращается и прячется за деревомъ вблизи Молчанова)*.

Марина *(удерживая Молчанова)*. Молчи, молчи, Иванъ Максимычъ!

Князевъ *(не обращая вниманія на ея слова)*. Прошу полюбоваться, господа! Хорошъ, хорошъ купецъ, супругъ женѣ своей, отецъ дѣтямъ и доброму отцовскому хозяинъ Иванъ

Максимычъ! А эта скромница *(на Марину)*... на всѣхъ глядитъ, не знаетъ, кого выбрать, чтобъ подъ полу кинуться.

Марина *(схватывая Молчанова за руки)*. Оставь, оставь: онъ насъ нарочно дразнитъ!

Князевъ. Вотъ, говорятъ что почему намъ поучаться у молодыхъ! Какъ почему? Грѣшили, можетъ, люди и въ наши дни, да все это бывало со стыдомъ, отъ глазъ человѣческихъ прятались, а нынче, видите. *(Указывая обѣими руками.)* Жена вотъ она, вотъ теща-матушка и тесть, а вотъ супругъ съ любовницей обнявшись стоятъ, и словно быть всему тому такъ слѣдуетъ. Дай протереть глаза. *(Протираетъ платкомъ глаза.)* Стоятъ, дѣйствительно стоятъ! *(Строго.)* Ну, будетъ этого! *(Вскинувъ головой)*. Я васъ прошу, господинъ голова, сейчасъ потребовать у него всѣ счеты и фактуры, которые у меня украдены и ему переданы. Они мнѣ нужны, чтобъ принять дѣла. *(Бросается къ Молчанову.)* А ты ступай къ женѣ!

Молчановъ *(устраняя Князева)*. Вы хоть опомнитесь! Мнѣ кажется, вы ужъ съ ума свихнули съ тѣхъ поръ, какъ глупая толпа дала вамъ въ руки власть. Прошу васъ дальше. Не вводите въ грѣхъ: я самъ дамъ сдачи.

Князевъ *(въ азартѣ)*. Ты сдачи дашь? ты? Вяжи его, ребята! Я объявляю вамъ, онъ воръ. Онъ утаилъ билетъ въ двѣ тысячи. *(Грозно.)* Обыскивай его. *(Всѣ порываются и не могутъ рѣшиться. Челночекъ высовываетъ голову.)*

Князевъ *(Челночку)*. Ну! *(Челночекъ схватываетъ Молчанова сзади за локти. Вслѣдъ за нимъ ухмыляются Канунниковъ и Гвоздевъ. Князевъ схватываетъ Марину и жметъ ее съ скрытымъ сладострастьемъ. Молчановъ борется.)* Держи его! *(Получая отъ Марины толчокъ, быстро отлетаетъ и чуть не падаетъ.)*

Марина *(бросается къ Молчанову, разстегиваетъ пуговицу у его сюртука и кричитъ)*. Бѣги, и съ Богомъ!

Молчановъ *(вырывается, оставляя въ рукахъ державшихъ его одинъ сюртукъ, и убѣгаетъ въ глубь парка)*.

Князевъ *(Марьѣ Парменовнѣ)*. Машута! другъ, бѣжи за нимъ! Чего жъ ты смотришь, глупая! Бѣжи скорѣй, останови. Вѣдь онъ твой мужъ... еще пожалуй въ озеро прыгнетъ. *(Марья Парменовна и мать ея убѣгаютъ за Молчановымъ.)* Господа! а вы-то что жъ? вѣдь всѣ въ отвѣтѣ бу-

дете! Ловите! *(Всѣ убѣгаютъ въ пашъ. Остаются на сценѣ Марина и Князевъ.)*

Князевъ *(бросается на лежащій сюртукъ Молчанова).* Топись теперь, дуракъ! Мнѣ этого и надо. *(Вынимаетъ изъ кармана Молчановскаго сюртука бумажникъ.)*

Марина *(глядѣвшая до сихъ поръ вслѣдъ бѣгущимъ, быстро про себя).* Боже, что я надѣлала? *(Князеву.)* Подай! подай назадъ. *(Ловитъ его за руки.)* Подай! разбойникъ!

Князевъ *(скоро прячетъ бумажникъ въ карманъ).* Ага! пеструшечка, ты вотъ она. *(Обнимаетъ ее и цѣлуетъ. Борются.)*

Князевъ *(борясь).* Послушай! Не дурачься, не дурачься...

Марина *(отчаянно).* Подай! подай бумаги!

Князевъ. Ты одурѣла!

Марина. Эй, люди!.. люди!.. люди!..

Князевъ. Кличь вѣтра въ полѣ!..

Марина. Я съ тобой и безъ людей одна справлюсь. *(Отбрасываетъ Князева.)*

Князевъ *(отлетая).* Га! Безъ людей справишься!.. Ну, такъ при людяхъ же не справишься! Эй, люди! люди! люди! Свести ее въ полицію, чтобъ къ мужу выслали.

Марина *(ломая руки).* Что дѣлать? Боже мой, что дѣлать?

Князевъ *(схватывая Марину за руку).* Дѣлать!.. Не гребуй мною! Я немногаго хочу!

Марина. Я не люблю жъ тебя!

Князевъ. И не надо! Ты этимъ докажи ему, что ты его-то любишь... Да, да, любя-то ни за что вѣдь хорошія женщины не стоятъ... Онъ вѣдь про то и знать не будетъ... опъ вздивится, съ чего это все перевернется... *(Обнимаетъ ее.)* Лапка, лапка! все въ твоихъ рукахъ!

Марина *(съ омерзѣніемъ устраняясь отъ объятій).* Эхъ!.. Вѣдь, знаю, ты обманешь...

Князевъ *(еще сильнѣе обнимая).* Нѣтъ! нѣтъ... какіе тутъ обманы! *(Впивается въ нее и цѣлуетъ, держа руками ея лицо.)*

Марина *(съ отвращеніемъ).* Н-н-ну!.. Ахъ, пусти!.. Пусти же на минуту! *(Про себя.)* О Боже, умудри меня, какъ мнѣ отнять? *(Князеву.)* Такъ ты не лжешь?.. Такъ ты его отпустишь?..

Князевъ. Ты отпусти его... Пеструшечка! Змѣенышъ, заслужи... пущу...

Марина *(про себя, глядя на дупло, гдѣ спитъ Босой).* А если, какъ на грѣхъ, его здѣсь нѣтъ сегодня? *(Князеву, грозя пальцемъ.)* Гляди жъ, не обмани!

Князевъ. Толкуй себѣ про глупости!

Марина. Ну, такъ и быть, идемъ... Пойдемъ отсюдова: здѣсь не годится вмѣстѣ быть... Здѣсь люди ходятъ... Здѣсь мы сейчасъ съ нимъ вмѣстѣ сидѣли... не хорошо...

Князевъ *(задыхаясь).* Ничего это мнѣ, ничего!.. я тѣмъ не гребую.

Марина. Нѣтъ! Ты обѣщалъ, что побережешь мой стыдъ... Пойдемъ. Я знаю, куда тебя сведу. *(Бьютъ оба, взявшись за руки. Князевъ съ той стороны, въ которой приходится дупло Босого.)*

Марина *(поровнявшись съ дуплом, быстро толкаетъ въ него Князева, держитъ его и отчаянно вскрикиваетъ).* Душа святая, заступись!

Босой *(хватая Князева).* Тону! тону! *(Держитъ Князева.)*

Князевъ *(въ ужасѣ).* Максимъ! Максимъ! Пусти, я буду каяться! *(Вздымаетъ въ страхѣ руки. Марина быстро выхватываетъ у него изъ кармана бумаги.)*

Марина. Ха-ха-ха! *(Истерически хохочетъ и, оставляя Князева въ рукахъ Босого, бѣжитъ. На половинѣ сцены она сстрѣчается съ поспѣшающимъ къ ней Дробадоновымъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Марина *(падая въ изнеможеніи на грудь Дробадонова).* Ахъ, гдѣ ты былъ, Калина Дмитричъ? Я силъ моихъ лишилась! *(Теряетъ чувства.)*

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же *и показываются* **Колокольцовъ, Маръя Парменовна, Минутка** *и прочіе бывшіе здѣсь купцы.*

Дробадоновъ *(насмѣшливо купцамъ).* Скорѣй, друзья: хорекъ въ силки попался.

Колокольцовъ *(увидя Князева).* Что это значитъ, Дробадоновъ?

Дробадоновъ *(поднимая на руки Марину).* Должно-быть значитъ то, что гдѣ лукавыя уста молчатъ, тамъ безумныя руки за работу берутся. *(Уноситъ Марину.)*

Минутка *(про себя).* Опять потянуло пчеляку на красный

медокъ. Прихватилъ! *(Купцы освобождаютъ Князева изъ рукъ Босого.)*

Князевъ *(охрипшимъ голосомъ)*. Молчановъ гдѣ?

Колокольцовъ *(къ Князеву)*. Это нельзя! Онъ прямо плюнулъ на меня тутъ... на жилетъ... въ лицо, и тутъ вотъ... въ это мѣсто... по плечу... немного выше... по галстуку...

Князевъ. Оставь про вздоръ молоть!

Колокольцовъ. Да, это вздоръ; но я терпѣть не могу такой фамильярности, чтобъ по лицу меня...

Князевъ. Оставь! Всѣ знаютъ, что онъ дрянь, а ты хорошій человѣкъ.

Колокольцовъ. Хорошій? Такъ развѣ всѣхъ хорошихъ такъ ужъ и бить по щекамъ? Вамъ ничего, а онъ вѣдь два раза меня ударилъ. Я хочу знать по крайней мѣрѣ, за что?

Князевъ. Онъ сумасшедшій. *(Приложивъ палецъ къ устамъ, про себя.)* Онъ сумасшедшій!

Челночекъ *(выбѣгая изъ-за кулисъ)*. Хозяина поймали, Фирсъ Григорьичъ, и ведутъ. *(Подобострастно.)* Я первый, Фирсъ Григорьичъ, ухватилъ... подставилъ ножку: онъ и чебурахнулъ!

Князевъ *(про себя)*. Га! Ну, храбрый витязь, сражались мы съ тобой до этихъ поръ тупыми концами, теперь давай переверемъ копья да острыми ударимся. *(Вслухъ.)* Въ мою коляску и везите въ городъ! Вы видѣли его сегодня всѣ: онъ сумасшедшій.

Колокольцовъ. Да, да. Онъ плюнулъ мнѣ въ лицо и три плюхи мнѣ далъ. Онъ сумасшедшій!

Всѣ *(качая головами)*. Онъ сумасшедшій, сумасшедшій.

(Занавѣсъ падаетъ).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Большая, каменная кладовая, такъ-называемая «полатка». Дверь посрединѣ изъ толстыхъ досокъ, сколоченныхъ массивными гвоздями на тяжелыхъ петляхъ. По сторонамъ этой двери два продолговатыя окна, прорѣзанныя почти подъ потолкомъ. Задымленный очажокъ, служащій для варки клею и красокъ. Тюки, кули, кади съ красками, пуки травъ и разбросанный хламъ. Влѣво на авансценѣ большой, окованный желѣзомъ сундукъ, передъ нимъ столъ, на

столъ глиняный кувшинъ съ водою и стаканъ, въ которомъ горитъ конопляное масло. Столъ и сундукъ загорожены отъ входа грубыми крашенинными ширмами.

ЯВЛЕНІЕ 1-е.

Марѣна *(въ темномъ шерстяномъ платьѣ съ накинутою на плечи бѣличьей шубкою, крытою алымъ или чернымъ бархатомъ. По открытіи занавѣса сидитъ на сундукѣ. Нѣсколько секундъ молчанія. Она съ утомленіемъ смотритъ въ огонь ночника)*... «Прошло лѣто, прошла осень, прошла теплая весна; наступаетъ злое время — то холодная зима». Славная пѣсенка; да некому ее спѣть... *(Задумывается.)* Да, ужъ и лѣто, и осень почти минула съ тѣхъ поръ, какъ Ивана Максимыча въ сумасшедшій посадили; а на бумагу, которую Калина Дмитричъ отъ него послалъ, до сихъ поръ ни отвѣта, ни привѣта нѣтъ. Сорокоустъ успѣютъ отчитать, пока этой защиты дождешься... И я здѣсь сижу въ этой кладовой у Дробадонова совершенно напрасно... Отъ матери, и отъ той скрыто, гдѣ я: а Фирсъ Князевъ все поиски правитъ: его не обманешь. Вчера опять, Калина Дмитричъ говоритъ, посулы дѣлалъ, что дастъ сто рублей тому, кто его на мой слѣдъ наведетъ; а кормовыя на пересылку давно представлены... За сто ли рублей у насъ не найдется охотника человѣка продать, лишь бы пронюхали. *(Пауза.)* Да мнѣ ужъ и самой наскучило!.. Три мѣсяца изо дня въ день одна-одинёшенька въ этой норѣ съ крысами высидѣла... Не умѣла я въ тѣ поры рѣшаться, когда слѣдовало. Не въ Петербургъ мнѣ надо было съ Ванею собираться да не надѣяться, какъ Калина Дмитричъ увѣрилъ, старости доживать другъ друга жалѣючи; а надо было прямо *его* пожалѣть: разогнаться самой да въ воду. Вотъ бы и конецъ былъ... Пагуба я, какъ есть для всѣхъ пагуба... Теперь еще, если здѣсь найдутъ, и онъ и Калина наотвѣчаются... А онъ еще-было задумалъ гдѣ-то мнѣ фальшивую бумагу хлопотать... Легко ли дѣло: очень нужно людей губить! Уйти я и безъ всякихъ бумагъ уйду; а что со мной будетъ — это мнѣ все равно... Бродяга, такъ и бродяга: развѣ не все равно. Это чѣмъ не острогъ!.. Охъ-охъ-охъ! *(Задумывается и заводитъ вполголоса.)*

Ужъ ты молодость, моя молодость!
Красота ль моя, краса дѣвичья!..

(Плачетъ.) Нѣтъ, не поются съ горя и горькія пѣсни! *(Утираетъ слезы.)* Какія все были рѣшенія, какія большія, да какія хорошія—и ничего изъ нихъ не повыходило... Ты себѣ умудряешься, а врагъ себѣ умудряется: вотъ и поручись за то, что ты сдѣлаешь... Особенно вотъ теперь, какъ въ одиночествѣ одурь взяла и сто дней изо дня въ день не знаешь, чего дожидаешься, кто его знаетъ, на что бъ кинулся, только-бъ истомѣ этой конецъ положить. *(Осматривается.)* Есть тутъ мышьякъ; есть веревки... Прости Господи душу грѣшную... что за дурь въ голову лѣзетъ... А особенно нынче... Нынче ужъ день какой-то... словно ему такъ не минуть безъ чего страшнаго. *(Слышенъ вой бури.)* Ишь, воетъ!.. Неспокойна я всегда въ это время... Что это и Калина Дмитричъ нынче что-то запоздалъ... Не могу сидѣть одна... дверь нарочно отперла... Все вотъ будто смерть мнѣ въ глаза засматриваетъ: нѣтъ, нѣтъ да и вздрогну. *(Кладетъ руки на столъ и опускаетъ на нихъ голову.)*

ЯВЛЕНІЕ 2-е.

Марина и ея **мать** *(слѣпая).*

Мать *(входя ощупью съ клюкою).* Куда жъ я это, дура, забрела? Хотѣла черезъ дворъ пройти на кухню корочекъ поискать, размочить. Провести-то некому — и забрела не знаю куда. *(Громко.)* Эй! есть тутъ живъ человѣкъ, гдѣ это я?

Марина *(вздрогнувъ и вскакивая).* Родимая! родимая! *(Бросается къ матери.)* Ты ль это, матушка?

Мать *(роняя клюку).* Марина! дочка! *(Ощупываетъ руками ея лицо.)*

Марина. Я, матушка! я, я! Иди сюда, садися; дай мнѣ хоть насмотрѣться на тебя. *(Ведетъ мать къ сундуку.)*

Мать. Такъ ты не умерла? А мнѣ все шутятъ, говорятъ на улицѣ: «твою Марину-то, говорятъ, распотрошили».

Марина. Распотрошили, матушка, распотрошили. Я ужъ три мѣсяца здѣсь прячуся отъ нашихъ лиходѣевъ.

Мать. Смотри пожалуйста! А я вѣдь вѣрила, что нѣтъ тебя. Я такъ и говорю, когда меня чѣмъ попрекаютъ здѣсь: я говорю, все это оттого, что нѣтъ моей дочки Маринушки: ужъ она бы, говорю, хоть при какомъ великомъ горѣ, меня въ обиду не дала бы. А ты, голубушка, жива! *(Лаская ее.)* Лебедушка моя! голубка!

Марина. Ахъ, родная моя!.. Жива; да что по мнѣ... куда мнѣ выступить?

Мать. Такъ вмѣстѣ будемъ жить... я при тебѣ останусь... а то меня все... гонятъ вонъ... Калина Дмитричъ выйдетъ со двора, а мать его съ сестрой и гонятъ... «Вонъ, говорятъ, ступай, толпѣга старая»... По всякій часъ ему не жалуюсь... терплю...

Марина. Ахъ, матушка, не говори! У тебя нѣтъ дочки; я не могу тебя взять: я сама въ амбарѣ скрываюсь...

Мать. Въ анбарѣ! Зачѣмъ въ анбарѣ?

Марина. Къ мужу выслать хотятъ.

Мать. На что ты ему? Онъ пьяница, онъ все пропилъ, писали.

Марина. Такъ что жъ? На зло это дѣлаютъ.

Мать. Все на зло, дитя, дѣлаютъ. Какъ я плакала, какъ сказали, что ты пропала, просила, чтобы меня съ Молчановской дачи не выгоняли... *(понижая голосъ)* нѣтъ... не послушали, на зло выгнали. Фирсъ Григорьичъ сказалъ: «Здѣсь, говоритъ, не богадѣльня, а опека теперь... Ступай, говоритъ, свою дочь разыщи, тогда и упокой тебѣ будетъ». А я баю, гдѣ баю мнѣ, родной, искать ее? меня, говорю, слѣпую, собаки съѣдятъ... «А ты, говоритъ, съ палочкой». Все, дѣточка, у насъ наше добро отобрали: два твои материнья платья взяли. Ты ихъ сама выработала на кружевахъ; а они говорятъ, это, говорятъ, Молчановъ дарилъ...

Марина. Богъ съ ними, матушка! Какія тамъ платья считать: мы сами пропали.

Мать. Да, да, да, дѣтка! Я ужъ такъ себѣ и думала, какъ меня вчера обидѣли: не найду, говорю, если ее еще три дня, Маринушки, и жизни себя рѣшу; да вотъ и нашла. А то онѣ, мать-то съ сестрой Калины Дмитрича, безъ него все вонъ меня гонятъ. Калина Дмитричъ говоритъ: «иди, старушка, со мной щи ѣсть»; а когда его нѣтъ, онѣ и хлѣбъ отъ меня запираютъ. Не какъ мы съ тобой дуры, когда было что, всѣмъ были щедрыя да раздачливыя. «Иди, говорятъ, по міру—ты убога: тебѣ всякій подастъ». Онамедни послушала ихъ: пошла у сосѣдей попросить, а ребятишки собаками травить стали балуючись — песъ злой такой кинулся, тутъ за самую грудь и прокусилъ, а мнѣ отбиться не видно его... Смѣются: это за то, говорятъ, эту грудь прокусилъ, что дочку гордячку выкормила... Я ужъ нонеч

вечеромъ на кухню хожу: тюрьку себѣ изъ корочекъ мочу.

Марина. Мамушка, да ты-бъ самому-то объ этомъ сказала!

Мать. На что, дѣтушка, ссорить ихъ! Онъ говоритъ: «Ѣшь со мной щи, старушка». Я съ нимъ и ѣмъ, когда дома онъ. Это онѣ, пересмѣшницы. Онѣ говорятъ: о чемъ, старая, плачешь? Я въ уголкѣ о тебѣ плачу, а имъ говорю: про домикъ свой плачу. Но холоду-то теперь, дѣвушка, похожу, все въ домикъ и манется. Тепленькій, говорю, у насъ свой домикъ былъ: печечка въ углѣ была... старыя косточки плачутъ по печечкѣ... А онѣ на свою печь не пущаютъ... нѣ-тъ, не пущаютъ.—сами спятъ. При немъ погрѣюсь, а безъ него... «не рожать было, говорятъ, дочки гордячки». И Фирсъ Григорьичъ намедни за обѣдней конечку подалъ мнѣ и тоже говоритъ: «надо бы, говоритъ, тебя дочкѣ-то твоей пожалѣть. Вишь, говоритъ, ты какое мірское челобитье, въ лубочкѣ связанное»... Пожалѣй меня, дочушка!

Марина. Мамушка! сердце мое разорвалося тебя слушаючи; да что жъ я подѣлаю?

Мать. Домикъ, говоритъ, вашъ отдамъ, говоритъ Фирсъ-то Григорьевичъ.

Марина. Матушка! да неужели-жъ ты не знаешь, чего онъ отъ меня хочетъ-то?

Мать. Ничего про то не сказалъ. Такъ вѣрно, чтобъ ты покорилась хочетъ.

Марина. Такъ! такъ!.. Мамушка, кто нынче что-нибудь такъ дѣлаетъ? О, Боже мой! Да скорѣе солнце на востокъ съ запада пойдетъ, чѣмъ мужчина что-нибудь женщинѣ такъ, даромъ сдѣлаетъ!

Мать. «Не хорошо, говоритъ, что даетъ собакамъ грудь-то твою кусать, откуда молоко сосала. Это, говоритъ, была ея житница». Я, говорю, не ропщу на Господа: у меня добрая, честная дочь, а люди смѣются: «Что, баютъ, честь, когда нечего ѣсть». Вотъ, говорятъ, у бабушки Дросиды Аленка може не совсѣмъ очень честная, да у ней, у безчестной дочери, мать и сыта, и одѣта, и въ храмъ Божій выйти ей есть въ чемъ, за дочернинъ грѣхъ помолиться, и ты-бъ, говорятъ, такъ-то молилась. А я того ничего не знаю: мнѣ только въ домикъ нашъ съ тобой хочется.

Марина *(ломая руки).* Охъ, Боже мой! Боже мой! вправду посылай лучше тяжелое свое горе одному несть!

Мать *(лаская Марину)*. Ты не сердися, доня: можетъ, я что глупое говорю.

Марина. Мамушка! дѣлала ты для меня когда грѣхъ какой? что-нибудь такое, въ чемъ каяться надо, сдѣлала такое?

Мать. Не знаю, дитя, какъ тебѣ сказать про это: какъ въ оспѣ ты лежала маленькая, тогда мы тоже были при бѣдности—Молчанова не было—ну, я горохъ для тебя крала и вишеньи, чтобъ тебѣ ротокъ освѣжить.

Марина. А больше?

Мать. Курочку тоже одинъ разъ у дьяконицы словила, изжарила, какъ тебя лихоманка томила. Отецъ дьяконъ-то свелъ меня тогда въ полицію: «Вотъ, говоритъ, воровку поймалъ,—по законамъ ее надо судить», да покойникъ квартальный, Никаноръ Никанорычъ, дай ему Богъ царство небесное, «ничего, говоритъ, это». Два раза меня прутомъ ударилъ, да и говоритъ: «отпустите, говоритъ, ее, отецъ дьякъ, съѣдомое, говоритъ, это не грѣхъ». Я тебѣ ее и зажарила и лапшицы съ нею сварила.

Марина. Больше что, матушка? больше?

Мать *(подумавъ)*. Фирсъ Григорьичъ, какъ Молчанова утопилъ... я это видѣла съ берега, съ тобой — ты у груди была—я съ тобой сидѣла и видѣла... а онъ говоритъ: молчи, я тебя сотенной одарю—я и молчала.

Марина *(въ ужасѣ)*. Мамушка! неужто-жъ ты видѣла это?

Мать. Видѣла, дѣтка. Ты про это молчи. Онъ мнѣ все заплатилъ: я тебѣ тутъ-то все покупила... Онъ послѣ сказалъ: молчи, а то отвѣчать будешь вмѣстѣ со мною. Я тутъ-то и молчала...

Марина. Матушка! ты жъ богобойная.

Мать. Что, дитя, дѣлать-то было. Богъ-то не люди: Онъ, милосердный, помилуетъ. Не моими руками то сдѣлано. Онъ говоритъ вчера: «домика жалко, старуха?» Какъ, говорю, не жалѣть. «А Марина твоя-бъ, говоритъ, ко мнѣ пришла покориться, я-бъ ей отдалъ его». Я, молъ, не знаю. «Такъ, говоритъ, съ постельнаго крыльца пускай стукнетъ, я самъ отопру».

Марина *(закрывая лицо матери)*. Матушка! Матушка, что ты это сказала! Ты помрачилась. Лучше, хочешь, давай умремъ вмѣстѣ!

Мать. Я ужъ тебѣ про смерть говорила. *(Плача.)* Только домика, дѣточка, жалко... Тамъ теперь... Дросида съ Алек-

кой живутъ; имъ тамъ тепленько въ нашемъ домикѣ... Тамъ бы, ребенокъ, и умерли... *(Въ трубѣ къ камину раздается довольно громкій гулъ сверху внизъ и падаетъ одинъ кирпичъ.)*

Марина *(въ испугѣ).* Что это! *(Торопливо.)* Иди! иди, матушка, а то тебя хватятся.

Мать *(вставая).* Ты меня гонишь, дочушка!

Марина. Нельзя, нельзя! Обѣ задаромъ пропадемъ.

Мать *(идучи).* А ты жъ теперь завтра меня приди навѣстить.

Марина. Хорошо, хорошо! *(Ведетъ мать къ двери.)* Я буду думать... Спи ты сегодня весело... я буду думать... Я все... все, что въ свѣтѣ есть возможнаго, все тебѣ сдѣлаю. *(У самой двери.)* Но какъ ты дойдешь? *(Выглянувъ за дверь.)* Боже мой! ночь какъ тюрьма,—ты расшибешься вся.

ЯВЛЕНІЕ 3-е.

Въ сводахъ камина показывается спустившійся изъ трубы **Челночекъ.** *Онъ зорко слѣдитъ за Мариной.*

Марина *(матери).* Постой, моя мамушка. Что тамъ ни будетъ, я тебя провожу до крыльца. Темно: авось никто не увидитъ. *(Накидываетъ шубейку на плечи и уходитъ, уводя подъ руку мать.)*

ЯВЛЕНІЕ 4-е.

Челночекъ *(одинъ, вылѣзаетъ изъ камина и отряхивается).* Вотъ какъ! По вѣдьмински лазимъ. Большою дорогой въ трубу. *(Осматриваясь.)* Тутъ она, голубушка, тутъ. Не даромъ Фирсовъ глазочекъ отсюда дымокъ-то примѣтилъ. *(Возвращается къ камину и дергаетъ за веревку, конецъ которой спустилъ съ собою.)* Андрюша! *(Въ трубу.)* Андрюша!.. есть! *(Закидываетъ веревку въ глубь каминнаго свода и самъ быстро прячется за кули, или за кадь.)*

Челночекъ *(усаживаясь).* Теперь, Фирсъ Григорьичъ, сотенную, братъ, присылай. *(Садится такъ, что его не видно.)*

ЯВЛЕНІЕ 5-е.

Челночекъ и **Марина.**

Марина *(вбѣгаетъ, сильно взволнованная, едва переводя духъ, падаетъ на сундукъ).* Охъ!.. охъ!.. Они меня видѣли! Теперь все пропало... Удержаться нельзя было. Я ее довела до крыльца и хотѣла вернуться... Она тамъ въ сѣняхъ по-

скользнулась впотьмахъ... я думала, что она расшиблась... вскочила за нею... а они дверь отворили съ огнемъ... *(Челночекъ то высовывается изъ-за кади, то снова прячется.)* Нѣтъ, теперь все равно пропадать... По крайней мѣрѣ пропадать не безъ пользы... Она мнѣ разорвала своими рѣчами всю душу мою, и теперь я своими глазами смотрѣла, въ окно, какъ они надъ нею смѣялись... Вздоръ! вздоръ! Надъ чѣмъ тутъ задумываться! Развѣ она задумывалась, когда для меня крала? Развѣ она задумывалась, когда Фирсовъ страшный грѣхъ брала себѣ на душу? Развѣ ей не больно и не страшно было губить душу свою? А у меня совѣсть! А у меня совѣсть! Совѣсть! совѣсть! Когда мать для насъ и стыдъ, и совѣсть забываетъ, мы не совѣстимся, мы беремъ это; а намъ имъ долгъ отдать совѣсть зазритъ?.. *(Схватывая себя за горло.)* Да развѣ смѣешь ты про совѣсть свою думать, когда у твоей матери псы грудь рвутъ; когда у твоей матери люди ложку изъ рукъ отнимаютъ; когда у твоей матери угла нѣтъ?.. Нѣтъ; въ такой совѣсти нѣтъ совѣсти! нѣтъ! Все, мамушка, все: стыдъ, совѣсть, жизнь... любовь мою и мой позоръ... все, все возьми, родная, за твою прокушенную грудь! *(Накрываясь торопливо платкомъ.)* Теперь, Фирсъ, ты досталъ меня! Звѣзды небесныя! закройте ваши свѣтлые глазки, пока пробѣгу я! *(Бѣжитъ и у двери останавливается и возвращается.)* А для чего жъ, одну любовь блюдя, губить другую? Себя не пожалѣть, такъ можно никого не обидѣть! Себя не пожалѣвши, можно все сдѣлать! *(Кидается къ одному изъ ящиковъ, беретъ изъ него горсть порошка и, всыпавъ его въ кусокъ синей бумаги, быстро сворачиваетъ.)* Это мышьякъ! *(Челночекъ безпрестанно высовывается и слѣдитъ за Мариной.)* Да, я обману его! Я скажу ему, чтобы онъ домъ за мать закрѣпилъ, а потомъ... онъ ничего отъ меня не дождется. *(Строго.)* Что я это путаю? Вѣдь это отъ позора неотвратимаго можно, а отъ горя развѣ это простится... если на жизнь покушаться... Прочь! *(Бросаетъ свертокъ подъ столъ и толкетъ его ногою.)* Я приду; я дамъ обѣщанье; пусть онъ запретъ меня у себя на вышкѣ, пока сдѣлаетъ матери крѣпость; послѣ... подушкой голову оберну и брошусь въ окно, и уйду... иль расшибусь. *(Бѣжитъ къ двери и сталкивается съ Дробадоновымъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 6-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ *входитъ въ большой лисьей шубѣ, съ запутымъ за уши воротникомъ. Подъ полою у него зажженный фонарь, который онъ вынимаетъ въ ту самую минуту, когда бывшая въ дверь Марина почти-что съ нимъ сталкивается. Человѣкъ, поднявшійся бѣжать вслѣдъ за Мариной, при видѣ Дробадонова снова прячется.*

Марина *(увидѣвъ свѣтъ, въ ужасѣ вскрикиваетъ и прижимается спиною къ кади).* Ай! ай! Кто это? кто? кто ты?

Дробадоновъ. Чего ты? Богъ съ тобой! чего?

Марина. Кто это съ свѣтомъ? *(Всматривается и узнаетъ.)* А, это ты, Калина Дмитричъ!

Дробадоновъ. Да что ты? Кому же больше здѣсь и быть?

Марина *(хрустя пальцами).* Да Богъ знаетъ... все какъ-то жутко такъ... *(Оглядывается.)* Будто кто здѣсь не свой есть?

Дробадоновъ. Куда жъ это ты шла?

Марина *(съ замѣшательствомъ).* Я это такъ... Такъ здѣсь хожу покрывшись, чтобъ веселѣй.

Дробадоновъ *(дѣлаетъ добродушную ироническую гримасу, обнимаетъ фамильярно Марину за плечи, ведетъ къ столу и сажаетъ).* Садись-ка и сиди! *(Ставитъ на столъ фонарь. Полуосвѣщенная до сихъ поръ кладовая освѣщается сполна.)*

Дробадоновъ *(усѣвшись и сбросивъ шубу).* Сказать тебѣ по правдѣ, я, братъ, и самъ сегодня трусу чуть не спраздновалъ.

Марина. Что такъ? *(Слышна буря).*

Дробадоновъ. Да вотъ все буря эта. Скажи на-милость, что вѣдь захватитъ цѣлое облако песку, пыли мерзлой, и такъ вотъ и гонитъ, словно какъ сила нечистая передъ мечомъ архангельскимъ мчится. Небо-то все *(дѣлаетъ рукою)* тэкъ-тэкъ-тэкъ... Такъ и трясется, такъ ходоромъ и ходитъ. Дѣвича — по всему городу прошелъ, встрѣтилъ только одного Дѣвича: «иду, говоритъ, Фирсъ Григорьичъ къ головѣ посылаютъ дожидаться его; онъ утромъ денешъ прислалъ, что непремѣнно нынче къ вечеру изъ Питера воротится»; а то кромѣ Дѣвича ни одной Божьей души на улицѣ, и вѣтеръ, знаешь это, вдоль улицы-то такъ и ревётъ медвѣдемъ.

Марина *(Буря).* И здѣсь слышно.

Дробадоновъ. Что здѣсь! Нѣтъ, вотъ тамъ на площади ты побыла бъ. Съ собора сорвало крестъ и на цѣпяхъ вертитъ его по крышѣ: грохотъ, звонъ, словно кто съ неба на заупокойную обѣдню звонитъ.

Марина. Что это за страсти, въ самомъ дѣлѣ, въ городѣ пошли!

Дробадоновъ. Ужъ и не говори! Съ весны еще начали люди примѣчать, то куры пѣтухами пѣли; то каша изъ печей уходила. Про псовъ и говорить ужъ нечего, что побѣсилися; а сегодня, скажи ты, иду я сейчасъ отъ Ратищей берегомъ, уронилъ палочку, сталъ поднимать и рукой рака схватилъ. Ну, скажи пожалуйста, въ это время ракъ-то да на сухомъ берегу?

Марина *(живо)*. Ты былъ на Ратищахъ?

Дробадоновъ. Сейчасъ оттудова.

Марина *(живо)*. Изъ сумасшедшаго дома! Ну что, здоровъ опъ? живъ Иванъ Максимычъ?

Дробадоновъ. Да! Я сегодня лавку заперъ рано: все равно, торговли не было, да думаю: вотъ въ этакой день ужъ и Фирсъ не поѣдетъ, да и махнулъ. Насилу допустили. Теперь еще строжѣе—приставникъ такъ и не отходитъ, и всѣ подкуплены отъ Фирса, чтобъ никого не допускать. Мы, говоритъ, ему въ томъ присягали. Насилу за двѣ четвертныя уломалъ.

Марина *(спокойнѣе)*. Ну, и что жъ?

Дробадоновъ *(поглядѣвъ на нее)*. Онъ сумасшедшій, люба!

(Пауза. Марина смотритъ на свои пальцы.)

Дробадоновъ. Пространства никакого нѣтъ тамъ, тѣснота одна и очень ужъ зловонно. Такъ стойлицо, а по серединѣ каровать,, и онъ лежитъ, подъ мышки и въ колѣняхъ перевязанъ.

Марина *(равнодушно)*. Это на что онъ связанъ?

Дробадоновъ. Нельзя, говорятъ, не вязать: встоскуется, начнетъ метаться, плакать, о стѣны биться, а ночью намедни голову, говоритъ, въ рѣшетку въ окнѣ завязилъ. *(Пауза.)* Истомили они его тѣмъ, что отпуску ему никуда нѣтъ: совсѣмъ узнать его нельзя. Другіе прочіе хоть въ коридоръ выпускаются, а онъ никуда... Маринушка, что жъ ты молчишь?

Марина *(сдвигая брови)*. А? *(Вздыхаетъ.)*

Дробадоновъ *(тихо)*. Я далъ еще десятку, чтобъ его пу-

стили погулять по коридору. Обѣщали. Нонче Фирса не будетъ: погода. и онъ головы изъ Петербурга дожидается; они и пустятъ. *(Смотритъ на свои карманные часы.)* Э, да ужъ онъ теперь разминается, гуляетъ... Марія Николавна! скажи жъ покрайности спасибо! *(Трогаетъ ее за руку.)*

Марина *(раздумчиво)*. Скажи пожалуйста... не знаешь ты, что это такое значитъ: что ты мнѣ говоришь о немъ, а мнѣ его... совсѣмъ не жаль?.. Мнѣ словно никогда его и не было.

Дробадоновъ. Что ты это говоришь-то это? Кого ты обманываешь?

Марина *(пожавъ плечами)*. Нѣтъ, право!

Дробадоновъ. Да это что жъ такое?.. Послушай! Милушка! Марина Николавна!.. Да что же ты молчишь?.. *(Трясетъ ее за плечо, она сидитъ въ томъ же положеніи.)* Ты вотъ послушай-ка, что люди-то говорятъ: это хорошо, говорятъ, что онъ въ сумасшедшемъ отсидится, а то бы, говорятъ, его за голову въ каторгу сослали. И Минутка, какъ уѣзжалъ, это же самое говорилъ... *(Опять трогаетъ ее.)* Да что же ты пугаешь меня, что ли, Марина Николавна? *(Трясетъ ее за плечо.)* Ну, а если пугаешь, такъ я тебѣ и не скажу... *(Пауза. Др. смотритъ на Марину.)* Такъ и уѣду въ Питеръ... Да; вотъ черезъ два часа и уѣду, потому мнѣ жаль его... я на него сегодня смотрѣть не могъ... а ты каменная... сердце-то у тебя изъ стали, изъ стали сдѣлано... Я бы, можетъ быть, могъ бы и тебя свести теперь показать его... да что жъ брать безчувственную... *(Въ отчаяніи со всей силы качаетъ ее взадъ и впередъ за плечи.)* Да что же ты — окаменѣла, что ли!

Марина *(не слышно)*. Чего тебѣ?

Дробадоновъ. Да ты скажи, молъ, отвяжись ты, что ли, прочь!

Марина *(задумчиво)*. Мнѣ не нужно его видѣть... Ты не слыхалъ, какъ женщины, которыя отъ родовъ умираютъ, дѣтей своихъ видѣть не хотятъ,—такъ и онъ мнѣ... *(махнувъ рукой)* не нужно! Я имъ измучилась... Я изслабѣла, все это въ себѣ всю жизнь носивши... Теперь мнѣ и его не жалко.

Дробадоновъ. Что ты это, дѣвушка! Богъ съ тобой. Сто дней бодрилась—и вдругъ на сто первомъ...

Марина. На сто первомъ кнутѣ, Калина Дмитричъ, люди умирали.

Дробадоновъ. Перестань! стыдись! У Бога много дней.

Марина. Въ лютой норѣ всѣ дни бываютъ люты. *(Вскинувъ головою.)* Что мать моя у тебя какъ живетъ? Успокой ты ее.

Дробадоновъ. Сударушка ты моя! Будь только ты-то въ своемъ видѣ; а я не хваталъ тебѣ: я ей ужъ келійку ставлю противъ бани на огородѣ и дѣвчонку въ няньки приставлю къ ней.

Марина. Сбереги ее.

Дробадоновъ. Какъ мать родную сберегу. *(За сценою слышны шумъ и легкій трескъ, какъ бы пошатнулся заборъ. Челночекъ, при первомъ звукѣ этого шума, кидается къ двери, откидываетъ крючокъ и тѣми же стопами крадучись опять скрывается.)*

Марина *(протягивая Дробадонову руку).* Накажешь вѣрить этому?

Дробадоновъ *(сжимая ея руку).* Какъ счастья тебѣ желаю, какъ люблю тебя.

Марина *(удерживая въ своей рукѣ его руку и глядя въ лицо ему).* Спасибо тебѣ за твою дружбу: два спасиба за твою любовь. *(Дробадоновъ конфузится.)* Чего ты застыдился? Мнѣ кажется, что я ужъ вся истлѣла, что все равно, что нѣтъ меня... что стыдиться, что любилъ? Я это знала.

Дробадоновъ *(утираетъ слезу).* Да что жъ съ тобою?

Марина. Спроси жъ вотъ! Изслабѣла.

(Повторяется сильный шумъ.)

Дробадоновъ *(въ испугѣ).* Что это значитъ?

Марина *(спокойно).* Пойди, взгляни. *(Дробадоновъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ 7-е.

Марина одна и **Челночекъ** *(спрятанный, но безпрестанно выставляющійся).*

Марина. Одна! одна, цѣлый вѣкъ одна, а горя столько, что не знаешь, къ которому лицомъ оборачиваться... *(Пауза).* Калина Дмитричъ поѣдетъ въ Петербургъ, а я за нимъ вслѣдъ ночью уйду, куда глаза глядятъ, и будь ужъ то, что въ судьбѣ моей написано!

ЯВЛЕНІЕ 8-е.

Тѣ же и Дробадоновъ.

Дробадоновъ *(входитъ встревоженный и смущенный, но старается скрыть это)*. Скажи пожалуйста, ты не помнишь, у насъ, какъ мы здѣсь сидѣли, дверь заперта была?

Марина. Разумѣется, была заперта.

Дробадоновъ. Гм... странно! *(Опять шумъ, уже несравненно большій и постоянно увеличивающійся до слѣдующего явленія.)*

Дробадоновъ. Шумитъ это вѣтеръ; а все дѣло скверно. Ты не сказала мнѣ, что тебя видѣли. *(Челночекъ крадется и снова откидываетъ крючокъ и опять прячется.)* Тамъ мать твоя съ моею матушкой поссорились и... я не знаю... Мой совѣтъ... про всякій случай куда-нибудь тебѣ отсюдова пока уйти... Куда? *(Думаетъ. Въ это время шумъ скорѣй увеличивается, дверь растворяется и на порогѣ появляется Князевъ, а за нимъ еще видно нѣсколько головъ. Дробадоновъ бросается на встрѣчу съ неистовымъ крикомъ, отбрасываетъ его за порогъ и схватывается за дверь.)* Га! такъ это вотъ кто вмѣстѣ съ бурею ходитъ! Марина Николавна, заступи ты мнѣ! ломъ подай! [illegible]! *(Держась за дверную скобу, борется съ усиліями тѣхъ, которые рвутъ дверь снаружи. Челночекъ ползетъ на четверенькахъ, чтобы схватить Дробадонова за ноги. Дверь что отворится усиліями внѣшней партіи, то усиліями Дробадонова снова захлопывается. За сценою голосъ Князева).* Ломай въ мою голову!

Марина *(съ возвратившеюся мгновенно энергіей)*. Вотъ онъ, судебъ рѣшитель! *(Беретъ изъ-подъ стола свертокъ съ мышьякомъ, порывисто бросаетъ въ ротъ щепоть яду и, захлебнувъ изъ кувшина, идетъ смѣлою, рѣшительной походкой къ Дробадонову. Въ это мгновеніе Челночекъ уже успѣлъ схватить ноги Дробадонова, но Марина даетъ ему презрительно толчокъ въ лицо тыловою частью своей ступни. Челночекъ откатывается, держась за щеку. Марина беретъ за обѣ руки Дробадонова.)*

Марина. Пусти! *(Отрываетъ его руки.)* Меня никто отсюда не возьметъ.

ЯВЛЕНІЕ 9-е.

Тѣ же и Фирсъ Князевъ. *съ сопровожденіи многихъ мѣщанъ, квартальнаго и полицейскихъ.*

Князевъ *(входя).* Здорово, добрый другъ Калина Дмитричъ! *(Ядовито Маринѣ.)* Болтаютъ люди, что будто здѣсь кто-то чужихъ женъ скрываетъ. Должно быть врутъ

Марина. А ты еще не радуйся. Что не въ рукахъ, тѣмъ не играй покудова.

Князевъ *(полицейскимъ).* Берите ее!

Челночекъ *(прежде всѣхъ сваливаетъ Марину сзади за локти).*

Марина *(презрительно на него съ удивленіемъ и не сопротивляется).*

Челночекъ *(Матвѣю).* Не своей волей. Марина Николаевна: начальство приказываетъ. *(Глядя на Князева.)* Должны мы, его подначальные, слушаться. *(Киваетъ полицейскимъ.)* Подай веревочку!

Князевъ *(полицейскимъ).* Ну, что жъ вы стали! двое берите! *(Два полицейскихъ солдата съ выраженіемъ крайняго равнодушія и трое мѣщанъ, потупивъ глаза, берутся за Марину и завязываютъ ей руки за спиною.)*

Марина. Ха-ха-ха-ха! всѣмъ міромъ ухватились! *(Нервно.)* Холопы Князева! *(Вдругъ блѣднѣетъ. Лицо ея искажается муками. Исступленно).* Прочь! прочь! Прочь, я больна... Вамъ говорю я... дайте сѣсть мнѣ... законъ больныхъ щадитъ.

Дробадоновъ *(съ поднятымъ надъ головою тяжелымъ желѣзнымъ заступомъ, громовымъ голосомъ).* Прочь! разпластаю! *(Полицейскіе и мѣщане, держащіе Марину, бросаютъ ее и быстро отскакиваютъ въ стороны.)*

Марина *(Дробадонову тихо и сквозь сжатые зубы.)* Калина Дмитричъ, развяжи!

Квартальный *(солдатамъ).* Освободи ее.

Дробадоновъ *(срывая веревку съ рукъ Марины).* Уже освободили.

Марина *шатается, схватывается за край одной кади и, поддерживаемая Дробадоновымъ, тихо опускается на полъ. Черты лица ея страшно искажены внутренней болью.* Воды мнѣ!.. снѣгу!.. льду!.. Я умираю!..

Дробадоновъ *(кидается къ кади, чтобы взять ки-*

нишь съ водою, и, увидавъ мышьякъ, беретъ его и въ ужасѣ роняетъ). Все кончено: она себя отравила! *(Подаетъ Марину кувшинъ съ водою; всѣ разсматриваютъ подъ.)*

Марина *(отпивъ изъ кувшина, глядитъ на окна, въ которыхъ въ это время во всю ширь показывается яркое зарево).* Вездѣ... вездѣ огонь... *(Мышаясь.)* Огонь и тутъ *(указывая на свою грудь)* и тамъ *(указывая на окно)*, вездѣ огонь... *(Падаетъ.)*

Мѣщане. Пожаръ! Городъ горитъ! *(Раздается набатъ.)*

Голоса за сценой. Молчановская фабрика горитъ!

ЯВЛЕНІЕ 10-е.

Тѣ же и Спиридонъ Обрѣзовъ.

Обрѣзовъ *(вбѣгая опрометью).* Фирсъ Григорьичъ! батюшка! несчастье! Въ одну секунду все огнемъ обняло — хлопочка не спасли!

Князевъ *(про себя).* Зато и счеты, и концы сгорѣли.

Обрѣзовъ. Онъ самъ почти весь до костей обжегся.

Марина *(приподнимаясь).* Ванюша? милый? онъ?

Обрѣзовъ *(Мариѣ).* Онъ, матушка Марья Николавна. *(Князеву.)* Его схватили тамъ, за хлопчатыми анбарами. Изъ сумасшедшаго онъ вырвался и какъ архангелъ-мститель все сжегъ свое и со своимъ чужое.

ЯВЛЕНІЕ 11-е.

Тѣ же и 1-й мѣщанинъ.

1-й мѣщанинъ *(вбѣгая).* Поджигателя сюда ведутъ.

Князевъ. Зачѣмъ его сюда?

Челночекъ *(Князеву).* Должно быть къ вашей милости.

ЯВЛЕНІЕ 12-е.

Тѣ же и толпа народа *тащитъ подъ руки Молчанова. Сзади головы Молчанова поддерживаетъ* **Алеша Босой.** **Молчановъ** *въ нестромъ, пиковомъ большичномъ халатѣ и кожаныхъ туфляхъ на босыя ноги. Онъ обросъ бородой, блѣденъ, съ помутившимися красными глазами.*

Князевъ. Въ острогъ его!

Одинъ изъ приведшихъ. Нельзя, не доведешь... Ужъ опъ конаетъ, Фирсъ Григорьичъ, весь въ болдырякъ

(Молчанова опускаютъ на полъ. Онъ стоитъ одну минуту и падаетъ навзничь, ногами къ зрителямъ.)

Босой *(опускается на колѣни къ головамъ Молчанова, беретъ его голову въ руки, смотритъ ему въ лицо черезъ лобъ и беззвучно шевелитъ губами).*

1-й мѣщанинъ. Т-сс! отходитъ.

Марина *(поднимавшаяся съ усиліемъ и ползшая на колѣняхъ къ Молчанову, падаетъ ему на грудь, съ воплемъ)* Ваня! Ваня!

2-й мѣщанинъ. Скончался.

Босой *(запѣваетъ унисономъ).* «Со избранными избранъ будеши»...

Князевъ *(бьетъ Босого палочкой).* Молчи, юродивый!

ЯВЛЕНІЕ 13-е.

Тѣ же и Колокольцовъ *(въ сотовой шубѣ, подпоясанный хорошимъ ремнемъ, съ большимъ кожанымъ, дорожнымъ портсигаръ черезъ плечо на шнурѣ).* Нигдѣ нельзя проѣхать... Въ огнѣ весь городъ... Что это у насъ дѣлается!

Дробадоновъ. Одна вѣдь намъ работа: изъ ничего дѣла творить: а что воистину у людей слываетъ дѣлами *(разводя руками)*, то въ смѣхъ, да въ дымъ, да въ пепелъ обращать.

Колокольцовъ *(улыбаясь).* Да, да... въ губерніи завтра судъ открывается... и насъ съ вами, Фирсъ Григорьичъ, первыхъ предаютъ суду.

Князевъ. Что врешь? за что? съ какого повода?

Колокольцовъ. Доносъ Минутка сдѣлалъ.

Князевъ. Доносъ! Минутка! Гдѣ онъ?

Колокольцовъ. Онъ тамъ остался въ Петербургѣ. Онъ домъ себѣ купилъ въ Подьяческой и кассу ссудъ открылъ съ крещеными поляками.

Князевъ *(закусываетъ молча губу).*

Дробадоновъ. Вотъ насъ какими новый судъ засталъ.

Князевъ *(съ яростью).* Что судъ! Пусть судятъ: міръ это дѣлалъ, а не я.

Колокольцовъ *(обрадованный).* Да; міръ вѣдь цѣлый не осудятъ: его нельзя сослать.

Князевъ. Міръ не судимъ.

Дробадоновъ *(улыбаясь какъ головою).* Міръ не судимъ и Фирсъ не судимъ. Они другъ друга создали и другъ другу работаютъ. *(Князеву.)* Вамъ нѣтъ еще суда, ума и совѣсти народной расточителямъ.

Марина *(въ предсмертныхъ мученіяхъ, поднимается на*

ложить. Дробадоновъ не шевелится). Тссс!.. Пчела жужжитъ... Господня вѣстница смерти... *(Строго.)* Молчите всѣ!.. Она меня зоветъ... домой... къ Судьѣ небесному... отъ васъ, судьи ничтожныхъ. *(Умираетъ.)*

Дробадоновъ. Умерла! *(Набатъ.)*

Голосъ за сценой. Никитья церковь занялася.

Квартальный *(солдатамъ).* Къ церкви! *(Убѣгаетъ со всѣми солдатами.)*

Другой голосъ за сценой. Домъ Фирса Князева горитъ!

Князевъ *(вскрикнувъ, мѣщанамъ).* Ко мнѣ на дворъ!

Одинъ изъ мѣщанъ *(указывая на Молчанова и на Машу).* А ихъ теперь, Фирсъ Григорьичъ, какъ?

Князевъ *(убѣгая).* Покинь!

(Голоса, и весь мѣщанскій сходъ убѣгаетъ.)

Дробадоновъ *(вслѣдъ Князеву).* Покинь! *(Вздохнувъ.)* Не боялся Фирсъ Князевъ мертвечины.

(Занавѣсъ падаетъ.)

Оглавленіе

XXXVI ТОМА

[illegible]
[illegible] 47
[illegible]

Общее оглавленіе

всѣхъ 36-ти томовъ сочиненій Н. С. Лѣскова.

стр.

Томъ I.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ. Критико-біографическій очеркъ Р. И. Сементковскаго 5
Соборяне. (Хроника). Часть I 67

Томъ II.

Соборяне. (Хроника). Части II—V. 3

Томъ III.

Запечатлѣнный Ангелъ 5
Праведники:
Предисловіе 75
Однодумъ 76
Пигмей 108
Кадетскій монастырь. 122
Прибавленіе къ разсказу о кадетскомъ монастырѣ. 151
Русскій демократъ въ Польшѣ. 158

Томъ IV.

Праведники:
Несмертельный Голованъ 5
Инженеры-безсребренники 51
Львица 109
Человѣкъ на часахъ 142

Томъ V.

Очарованный странникъ 3
Шерамуръ 136

Томъ VI.

Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Части I и II. 5

стр.

Томъ VII.

Обойденные. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Часть III 3
На краю свѣта 103

Томъ VIII.

Некуда. Романъ въ 3-хъ книгахъ. Книга первая, гл. I—XXIV. 5

Томъ IX.

Некуда. Книга первая, гл. XXV и книга вторая, гл. I—VII. 5

Томъ X.

Некуда. Книга вторая, гл. VIII—XXX 5

Томъ XI.

Некуда. Книга третья 5

Томъ XII.

Островитяне. Повѣсть 5

Томъ XIII.

Вонтельница. Очеркъ. 3
Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда. Очеркъ 83
Грабежъ 131
Антукà. Разсказъ 173

Томъ XIV.

Овцебыкъ. Разсказъ 3
Колыванскій мужъ. (Изъ остзейскихъ наблюденій) 70
Ракушанскій меламедъ. Разсказъ на бивуакѣ. 130
Бѣлый орелъ. Фантастическій разсказъ 166
Чертогонъ. 187

Томъ XV.

Смѣхъ и горе 5

Томъ XVI.

Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ:
Очеркъ первый. Боярынь Никита Юрьевичъ. 3
Очеркъ второй. Боярыня Марѳа Андревна 30
Очеркъ третій. Плодомасовскіе карлики 61
Когинь домецъ и Платонида. 86
Тупейный художникъ. Разсказъ на могилѣ. 126
Томленіе духа. Изъ отроческихъ воспоминаній 148
Пламенная патріотка. 157
Безстыдникъ. 166

Томъ XVII.

Захудалый родъ. Семейная хроника князей Протозановыхъ.
Въ двухъ частяхъ.

Стр.
Часть первая.—Старая княгиня и ея дворъ 5
Часть вторая.—Старое старится—молодое растетъ . . . 117

Томъ XVIII.

Святочные разсказы:
Предисловіе 5
Жемчужное ожерелье. 6
Неразмѣнный рубль 22
Звѣрь 31
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ. (Изъ кадетскихъ воспоминаній). 51
Отборное зерно. (Краткая трилогія въ просонкѣ). 65
Обманъ 91
Штопальщикъ 124
Жидовская кувырколлегія 140
Духъ госпожи Жанлисъ. (Спиритическій случай). 169

Томъ XIX.

Святочные разсказы:
Старый геній. 3
Путешествіе съ нигилистомъ 12
Маленькая ошибка. Секретъ одной московской фамиліи 20
Пугало 28
Фигура 79
Разсказы кстати:
Совмѣстители. 105
Старинные психопаты 138

Томъ XX.

Разсказы кстати:
Интересные мужчины. 3
Таинственныя предвѣстія 61
Александритъ. 91
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ. 105
Умершее сословіе 119
Загонъ 132
По поводу Крейцеровой сонаты 165

Томъ XXI.

Разсказы кстати:
Дама и фефёла. 3
Голосъ природы 47
Сибирскія картинки XVIII вѣка. (Изъ дѣлъ сибирской старины) 56
Вдохновенные бредни. (Удалецкій сказъ . . . 111
Сошествіе во адъ. (Апокрифическое сказаніе). . 146

Томъ XXII.

Некрещеный попъ. Невѣроятное событіе 3
Владычный судъ. Быль. (Изъ недавнихъ воспоминаній) . . . 55

стр.
Язвительный. Изъ Гостомельскихъ воспоминаній. 111
Продуктъ природы. 134
Домашняя челядь. Историческія справки по современному вопросу 150

Томъ XXIII.

На ножахъ. Романъ въ 6 частяхъ. Часть I и часть II. гл. I—VI. 5

Томъ XXIV.

На ножахъ. Часть II. гл. VII—XV. и часть III. гл. I—VI. . 5

Томъ XXV.

На ножахъ. Часть III. гл. VII—XIX, и часть IV. 5

Томъ XXVI.

На ножахъ. Часть V 5

Томъ XXVII.

На ножахъ. Часть VI. Эпилогъ. 5

Томъ XXVIII.

Загадочный человѣкъ. Истинное событіе. (Съ письмомъ П. С. Лѣскова къ Ивану Сергѣевичу Тургеневу) 3
Зимній день. (Пейзажъ и жанръ) 112

Томъ XXIX.

Гора. Египетская повѣсть. (По древнимъ преданіямъ). . . . 3
Повѣсть о богоугодномъ дровоколѣ. 91
Прекрасная Аза 96
Скоморохъ Памфалонъ 108
Часъ воли Божіей. Сказка. 166

Томъ XXX.

Легенда о совѣстномъ Данилѣ 3
Левъ старика Герасима. (Восточная легенда). 21
Аскалонскій злодѣй. (Происшествіе въ Іродовой землѣ). . . 29
Сказаніе о Оедорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ. 88
Невинный Пруденій. (Легенда). 112
Брамадата и Радованъ. (Индійское сказаніе). 179

Томъ XXXI.

Печерскіе антики. (Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній) . 3
Чортовы куклы. (Главы изъ неоконченнаго романа). 90

Томъ XXXII.

Блуждающіе огоньки. (Автобіографія Праотцева) 3

Томъ XXXIII.

Юдоль. (Рапсодія). 3
О квакереяхъ. (Post-scriptum къ «Юдоли»). 97

стр.
Пустоплясы. (Святочный разсказъ) 106
Дурачокъ. (Разсказъ) 118
Легендарные характеры. (Опытъ систематическаго обозрѣнія) . 126
Маланья—голова баранья. (Сказка). 196

Томъ XXXIV.

Полунощники. (Пейзажъ и жанръ). 3
Павлинъ. (Разсказъ) 105

Томъ XXXV.

Мелочи архіерейской жизни. (Картинки съ натуры) 3
Приложенія:
Архіерейскіе объѣзды 139
Епархіальный судъ 157

Томъ XXXVI.

Мелочи архіерейской жизни. Русское тайнобрачіе 3
Импровизаторы. (Картинка съ натуры) 47
Расточитель. (Драма въ 5 дѣйствіяхъ) 65

Алфавитный указатель

сочиненій Н. С. Лѣскова.

	томъ	стр.
Александритъ .	XX	91
Антука	XIII	173
Аскалонскій злодѣй	XXX	29
Безстыдникъ . .	XVI	166
Блуждающіе огоньки . .	XXXII	3
Брамадата и Радованъ . . .	XXX	179
Бѣлый орелъ . .	XIV	166
Вдохновенные бродяги . . .	XXI	111
Владычный судъ.	XXII	55
Воительница . .	XIII	3
Голосъ природы.	XXI	47
Гора	XXIX	3
Грабежъ. . . .	XIII	131
Дама и фефёла.	XXI	3
Домашняя чепядь	XXII	150
Дурачокъ . . .	XXXIII	118
Духъ госпожи Жанлисъ. . .	XVIII	169
Жемчужное ожерелье. . . .	XVIII	6
Жидовская кувырколлегія .	XVIII	140
Загадочное происшествіе въ сумасшедшемъ домѣ	XX	105
Загадочный человѣкъ	XXVIII	3
Загонъ	XX	132
Запечатлѣнный Ангелъ . . .	III	5
Захудалый родъ.	XVII	5
Звѣрь	XVIII	31
Зимній день . .	XXVIII	112
Импровизаторы .	XXXVI	47
Инженеры - безсребренники .	IV	51
Интересные мужчины	XX	3
Кадетскій монастырь	III	122
Колыванскій мужъ	XIV	70
Котинъ доиленъ и Платонида .	XVI	86
Левъ старца Герасима . . .	XXX	21
Легенда о совѣстномъ Данилѣ.	XXX	3
Легендарные характеры . .	XXXIII	126
Леди Макбетъ Мценскаго уѣзда	XIII	83
Лѣвша	IV	109
Маланья - голова баранья . . .	XXXIII	196
Маленькая ошибка	XIX	20
Мелочи архіерейской жизни. . . .	XXXV—XXXVI	

	томъ	стр.
На краю свѣта	VII	103
На ножахъ	XXIII	XXVII
Невинный Пруденцій	XXX	112
Некрещеный попъ	XXII	3
Некуда	VIII—XI	
Неразмѣнный рубль	XVIII	22
Несмертельный Голованъ	IV	5
Обманъ	XVIII	91
Обойденные	VI—VII	
Овцебыкъ	XIV	3
Однодумъ	III	76
О квакерехъ	XXXIII	97
Островитяне	XII	5
Отборное зерно	XVIII	65
Очарованный странникъ	V	3
Павлинъ	XXXIV	[illegible]
Печерскіе антики	XXXI	3
Пигмей	III	108
Пламенная патріотка	XVI	157
Повѣсть о богоугодномъ дровоколѣ	XXIX	91
Полунощники	XXXIV	3
По поводу Крейцеровой сонаты	XX	165
Праведники	III—IV	
Прекрасная Аза	XXIX	95
Привидѣніе въ Инженерномъ замкѣ	XVIII	51
Продуктъ природы	XXII	131
Пугало	XIX	28
Пустоплясы	XXXIII	105
Путешествіе съ нигилистомъ	XIX	12
Разсказы кстати	XIX — XXI	
Ракушанскій меламедъ	XIV	139
Расточитель	XXXVI	65
Русскій демократъ въ Польшѣ	III	158
Святочные разсказы	XVIII—XIX	
Сибирскія картинки XVIII вѣка	XXI	56
Сказаніе о Өеодорѣ-христіанинѣ и о другѣ его Абрамѣ-жидовинѣ	XXX	88
Скоморохъ Памфалонъ	XXIX	108
Смѣхъ и горе	XV	5
Соборяне. (Хроника)	I—II	
Совмѣстители	XIX	105
Сошествіе во адъ	XXI	116
Старинные психопаты	XIX	138
Старые годы въ селѣ Плодомасовѣ	XVI	3
Старый геній	XIX	3
Таинственныя предвѣстія	XX	61
Томленіе духа	XVI	148
Тупейный художникъ	XVI	126
Умершее сословіе	XX	119
Фигура	XIX	[illegible]
Часъ воли Божіей	XXIX	166
Человѣкъ на часахъ	IV	112
Чертогонъ	XIV	[illegible]
Чортовы куклы	XXXI	[illegible]
Шерамуръ	V	[illegible]
Штопальщикъ	XVIII	121
Юдоль	XXXIII	3
Язвительный	XXII	[illegible]

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED

Рисунокъ утвержд. Правительствомъ.

Переплетная „НИВЫ", СПБ.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 23 05 12 011 0